



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.  
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



170 [1]

1884 Mar.

Pe. 27897 d 72







25928 №

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ

1884

М А Р Т Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПШУНДИЗМЪ. Очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи. А. Д. Воронова.
- II. БЛУДНЫЙ БРАТЪ. Повѣсть. Гл. XIII—XVIII. К. Орловскаго.
- III. ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО. (Путевой дневникъ.) Гл. III. В. В. Крестовскаго.
- IV. ФЛОРЕНТИНСКАЯ ОБЩИНА МИЛОСЕРДІА. \*\*\*.
- V. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Часть вторая. Гл. I—V. Н. А. Крыжановскаго.
- VI. ПОЛЯКИ, ИХЪ МНѢНІЯ И ТОЛКИ. Р.
- VII. КОРОНА ПАТРИАРХА НИКОНА. Стихотвореніе. К. К. Случевскаго.
- VIII. ВЪ ТРЯСИНѢ БОЛОТНОЙ. Современный жанръ. П. П. Гнѣдича.
- IX. ВОСПОМИНАНІЯ О СКОБЕЛЕВѢ И ЗАНЯТІИ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ. Гл. IV—V. В. В. Яшерава.
- X. САФО. Парижскіе нравы. Гл. I—V. Alphonse Daudet.
- XI. СТИХОТВОРЕНІЯ: \* \* „Люблю торжественность осеннихъ вечеровъ“; „Дарвинизмъ“; М. „Музыка“. Ф. В. Перфильева.
- XII. БИБЛИОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. *Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завету*, составленный членомъ Археографической комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Петромъ Гильдебрандтомъ.
- XIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Дѣло Зографа.—Судебное самообличеніе.—Умственное и нравственное развитіе общества какъ новая функція городскихъ думъ.—Попытка на привозный каменный уголь.—Священное право убійца.—Галицкая Русь.—Австро-венгерскіе политики предостерегающіе Россію отъ сближенія съ Австріей, а Австрію отъ сближенія Россіи съ Германіей.





# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ



# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

**М. КАТКОВИЧЪ**



ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ



**МОСКВА**

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1884





# ШТУНДИЗМЪ

ОЧЕРКЪ РЕЛИГИОЗНО - БЫТОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ

Кто не знаетъ историческихъ заслугъ Малороссіи для дѣла вѣры и церкви православной? Когда-то двухвѣковой кровавою борьбой отстояла она святыню православія отъ латинства и уни; когда-то ея ученые впервые выяснили и любодносно возвысили православіе надъ католичествомъ и протестантствомъ. Имѣя въ Киевѣ духовно-нравственный оплотъ своего православія, а въ святыняхъ кievскихъ драгоценный ковчегъ святой вѣры предковъ, Малороссія всегда отличалась преданностію церкви православной и отсутствіемъ всякихъ сектъ и расколовъ. Нынѣ этотъ свѣтлый горизонтъ юга Россіи покрылся туманомъ; на благодатной духовно-нравственной почвѣ Малороссіи поросли дикіе, страшные лжеведы. Протестантскій штундизмъ, въдобавокъ съ характеромъ анабаптизма, представляетъ по истинѣ изумительное, невѣроятное явленіе: такъ мало соответствуетъ онъ всему чѣмъ доселѣ духовно жилъ Русскій народъ и особенно въ Малороссіи. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣщенное ученіе объ оправданіи одною вѣрой, одною мыслию о Христѣ и воздыханіями о грѣхѣ, безо всякихъ подвиговъ и средствъ нравственнаго самоусовершенія, гордое превозношеніе личности мечтающей о спасеніи при непосредственномъ отношеніи ко

Христу и благодати, при руководствѣ однимъ Св. Писаніемъ, объясняемымъ по личному смыслу безъ руководства церкви и преданія, отрицаніе всѣхъ предлагаемыхъ церковію средствъ и пособій спасенія, іерархіи, таинствъ и обрядовъ, почитанія св. иконъ и даже св. креста, отрицаніе средства и Святыхъ,—что это если не безусловное отреченіе ото всѣхъ основъ духовно-религіозной жизни русской, воспитанной на православіи, вѣрѣ смиренія, подвига, церковно-вселенскаго преданія и церковнаго авторитета? Можно было бы объяснять штундизмъ какъ явленіе случайное, завосное, неимѣющее почвы, подобно нѣкоторымъ другимъ рационалистскимъ сектамъ давно возникшимъ, но значительнаго распространенія доселѣ не имѣвшимъ. Къ сожалѣнію, подобное мнѣніе было бы большою ошибкой, и слѣдуетъ только радоваться тому что и въ обществѣ, и въ литературѣ трактуютъ о штундизмѣ не такъ легкомысленно и видятъ въ немъ явленіе опасное, достойное полнаго вниманія и серьезнаго изслѣдованія. При всей своей странности и несоотвѣтствіи историческимъ началамъ русской народной жизни, штундизмъ очевидно имѣетъ широкую и удобную почву для своего распространенія, и замѣтно, а главнымъ образомъ не замѣтно и скрытно, нравственною тлею болѣе и болѣе точить корни древа церкви православной.

Не только точной, но и приблизительно вѣрной статистики штундизма и его географическаго распространенія не существуетъ, частью по нежеланію духовенства представлять точныя цифры сектантовъ, частью потому что въ штундистскомъ движеніи кромѣ явно отпавшихъ отъ церкви есть еще массы штундистовъ тайныхъ, не разорвавшихъ формальнаго общенія съ церковію, но зараженныхъ сектантскими заблужденіями. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о штундизмѣ въ Херсонской, Волынской и Подольской губерніяхъ, но знаемъ что и тамъ секта не ослабѣваетъ, а распространяется; знаемъ что она проникла уже въ Могилевскую и въ Черниговскую губерніи; въ Киевской же губерніи, свивъ себѣ прочное гнѣздо въ Таращанскомъ уѣздѣ (особенно въ селахъ Чаллиникѣ, Косаковѣ и Паской), секта изъ этого центра губерніи распространилась уже болѣе или менѣе по всѣмъ уѣздамъ, за исключеніемъ самаго сѣвернаго, Радомысельскаго, и въ началѣ 1882 года, къ удивленію, неожиданно обнаружилась въ самомъ сердцѣ южно-русскаго православія, въ нашемъ священ-

номъ Кіевѣ, гдѣ и доселѣ, несмотря на всѣ мѣры и духовнаго и свѣтскаго начальства, имѣетъ въ предмѣстьѣ Деміевкѣ небольшую общину (душъ 10—15), которая свободно отправляетъ свои богослужебныя собранія, привлекающія много любопытныхъ. Въ послѣдніе два-три года „апостольская“ миссіонерская дѣятельность штундистовъ особенно оживилась. Не ограничиваясь мѣстностями ближайшими къ зараженнымъ центрамъ, руководители движенія посылаютъ миссіонеровъ въ мѣстности отдаленныя, гдѣ о штундизмѣ и слуховъ не было и, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Кіевской губерніи, намѣрены организовать миссію даже въ Восточную Сибирь. Правда, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ мѣстахъ первоначальнаго распространения секта, захвативъ уже всѣ пригодные себѣ элементы, не только не усиливается, но даже сокращается, уступая дѣятельности духовенства и православнаго общества; правда и то что сравнительно съ массой православнаго народонаселенія число сектантовъ незначительно, въ большинствѣ мѣстностей ничтожно (даже въ главныхъ пунктахъ штундизма, Чаллинкѣ и Костовкѣ, число сектантовъ не превышаетъ одной четверти православнаго народонаселенія);—но насколько успокоителенъ этотъ фактъ, настолько же важно то неоспоримое обстоятельство что *пространственно* штундизмъ постоянно и прогрессивно распространяется, и не замѣтно географическихъ предѣловъ его захватамъ. Ясно что въ народной жизни, въ ея духовно-нравственной атмосферѣ, есть условія благоприятствующія развитію заразы. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на внутренній характеръ секты и ея развитіе въ этомъ отношеніи. Штундизмъ не столько религіозная секта съ опредѣленными догматами и практикой сколько *направленіе*. Есть у штундистовъ извѣстный, сходный съ анабаптистскимъ катихизисъ, есть и кое-какая церковно-общественная практика; но положительная сторона вѣроученія и извѣстная практика у нихъ, какъ и вообще впрочемъ въ протестантствѣ и рационалистскихъ сектахъ, не опредѣляетъ и не составляетъ всей сущности религіознаго вопроса. Главное и существенное въ направленіи—мистически-рационалистскомъ, съ одной, и отрицательномъ въ отношеніи къ православію, съ другой стороны. Если первая сторона (оправданіе вѣрой, непосредственное отношеніе ко Христу и благодати, руководство однимъ Св. Писаніемъ) располагаетъ къ штундизму людей ищущихъ какого-либо

религіознаго удовлетворенія въ сектѣ, то послѣдняя открываетъ широкія двери въ секту всѣмъ такъ-называемымъ и въ штундизмъ „пустовѣрамъ“, для которыхъ вся сущность штундизма заключается въ освобожденіи отъ принадлежности къ православной церкви, а мотивами къ соvrащенію служатъ низшія матеріальныя побужденія. Штундизмъ уже распался, какъ извѣстно, на два толка, болѣе умѣренный и строгій, Костовскій, и болѣе радикальный и индифферентный въ религіозномъ отношеніи, Чаллинскій. Распаденіе это не только не можетъ считаться признакомъ внутренняго разложенія и слабости секты, но еще содѣйствовало къ успѣху штундизма: наиболѣе распространяется именно толкъ Чаллинскій, какъ болѣе индифферентный въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. Какъ видно, и нравственная почва распространенія штундизма очень широка и разнообразна.

Среди какихъ же условій живетъ и распространяется у насъ штундизмъ и какіе элементы произвели и поддерживаютъ это повидимому странное на нашей почвѣ явленіе? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не иначе какъ самымъ внимательнымъ изученіемъ духовной жизни нашего народа въ послѣднее время и его духовныхъ потребностей. Съ выясненіемъ условій распространенія опасной для православія секты опредѣлятся и тѣ задачи которыя должно исполнить въ отношеніи къ народу православное духовенство, выяснится вопросъ о мѣрахъ къ противодѣйствію штундизму, также весьма важный, глубоко затрагивающій настоящее положеніе православной церкви.

Не новый въ нашей литературѣ вопросъ о штундизмѣ разсматривается большею частью въ тенденціозно-либеральномъ смыслѣ и почти всегда поверхностно, на основаніи случайныхъ, бѣглыхъ и далеко неполныхъ наблюденій. Настоящій очеркъ представляется какъ результатъ многолѣтнихъ наблюденій надъ распространеніемъ штундизма въ Киевской губерніи, и хотя районъ непосредственныхъ наблюденій нашихъ ограничивается собственно Таращанскимъ уѣздомъ, но условія распространенія секты существенно сходны на всемъ югѣ и юго-западѣ Россіи.

Въ печати высказывались воззрѣнія на штундизмъ какъ на секту не безопасную не только въ религіозномъ, но и въ социальномъ и политическомъ отношеніи, и указывалась



возможность возникновенія въ ней тѣхъ же противообщественныхъ и противогосударственныхъ явленій какими ознаменовалъ себя сходный съ ней анабалтизмъ въ XVI вѣкѣ. Указывалось и на то что свѣатели смуты находятъ въ нашихъ рационалистскихъ сектахъ вообще и въ штундизмѣ въ частности очень удобную почву для своей разрушительной дѣятельности, по крайней мѣрѣ интересуются сектантскимъ движеніемъ и пробуютъ его почву, что подтверждено и фактами. Не будемъ со своей стороны ни отрицать, ни подтверждать этого воззрѣнія. Несомнѣнно то что если штундисты и раздѣляютъ какія-либо социалистскія ученія, то они благоразумно умаличиваютъ о нихъ и въ своемъ вѣроученіи, и въ своихъ бесѣдахъ съ наблюдателями ихъ жизни. Но и трактуя штундизмъ какъ секту въ настоящее время чисто-религіозную, нельзя однакоже отрицать тѣсной связи штундистскаго движенія съ общимъ строемъ воззрѣній, со всемъ складомъ духовной жизни, образовавшимся у значительной части нашего простаго народа въ послѣднее время.

Въ мѣстности послужившей очагомъ штундизма, въ Киевской губерніи, селахъ Косяковѣ, Чалликовѣ и Плоскомѣ, особенно много шляхты, и первыми основателями и проповѣдниками здѣсь штундизма были шляхтичи (Цыбульскій, Болабашъ, Тышкевичъ, Флоринскій, Лясоцкій и др.). Въ послѣдствіи же стали переходить въ штундизмъ и крестьяне, составляющіе теперь большинство отпавшихъ. Но и въ крестьянствѣ не все одинаково относится къ штундизму: десятилѣтній опытъ показалъ что эта неодинаковая предрасположенность находится въ очень замѣтной связи съ развитіемъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ развитіемъ ихъ національной и нравственной устойчивости.

Въ большинствѣ здѣшніе крестьяне живутъ пока еще съ матеріальнымъ достаткомъ. Эта значительная часть крестьянъ владѣетъ полевымъ надѣломъ отъ одной до трехъ, рѣже до десяти десятинъ земли. Не велики эти надѣлы сами по себѣ, но въ настоящую пору, при плодородіи здѣшняго края, они вполнѣ достаточны для обезпеченія годичнаго содержанія семьи. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, напримѣръ хорошемъ урожаѣ, существованіи выгона для скота и при нѣкоторой бережливости и умеренности возможны и сбереженія, употребляемыя на расширеніе и

улучшеніе хозяйства, устройство вѣтряныхъ мельницъ и т. п. Богачи среди здѣшнихъ крестьянъ большая рѣдкость. Хозяева промышленныя чумацкими промыслами, посылавшіе ежегодно 10, 20 и болѣе паръ воловъ за солью въ Крымъ и рыбой на Домъ, поставщики нѣкогда владѣвшіе цѣлымъ сотнями пней (ульевъ), хуторяне въ урожайные годы фурами возившіе на ярмарки фрукты, всѣ эти крупные представители народнаго богатства переходятъ или уже перешли въ область преданій нашего крестьянства. Съ опредѣленнымъ, часто очень урѣзаннымъ надѣломъ земли, послѣ освобожденія у крестьянъ не стало того приволья въ пользованіи землей, пастбищами и лѣсами какое было прежде. Большая часть поля и всѣ лѣса отошли къ пану, въ его владѣніе перешли хутора и пастѣка, не стало пастбищъ, дорого стало строиться, нечѣмъ даже отапливаться. Все чѣмъ крестьянинъ прежде свободно пользовался изъ владѣній помѣщика стало запретнымъ. Оставшись съ однимъ полевымъ надѣломъ крестьянинъ волей-неволей долженъ сосредоточивать свою хозяйственную производительность на небольшомъ полевомъ участкѣ и оставаться въ предѣлахъ обычнаго средняго достатка. Нужно однакоже замѣтить что съ размноженіемъ народонаселенія и этому, относительно болѣе счастливому, большинству крестьянъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Не говоримъ уже о томъ что случайныя несчастія, пожары, падежи скота, неурожаи, подрываютъ нынѣ среднее хозяйство крестьянъ гораздо болѣе чѣмъ это было прежде.

Другая, относительно меньшая часть здѣшняго крестьянства, это — разнаго рода безземельные. Сюда входятъ крестьяне оставшіеся безъ земли или съ 1861 года, или по какимъ-нибудь случайнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, затѣмъ шляхта, мѣщане и др., болѣею частью живущіе на чужбѣномъ положеніи и промышленныя разными сторонними промыслами, службой у помѣщиковъ на заводахъ и пр., наконецъ солдаты, болѣею частью не могущіе добиться участія въ отцовскихъ надѣлахъ наравнѣ съ прочими братьями. Все это народъ лишенный прочнаго обезпеченія, предоставленный жить на счастье, на „авось“ да „какъ-нибудь“. Не обезпеченный, какъ другіе его собратія, безземельный, кто бы онъ ни былъ, крестьянинъ, шляхтичъ или солдатъ, въ рѣдкихъ случаяхъ безропотно спосать горемычную судьбу свою: „гирко, тяжко жыть на свити отакъ, якъ

мы, безъ земли, съ одною хатой тилько, тай годы...“ говоритъ безземельный крестьянинъ; солдатъ болѣе проповѣдуетъ на тему о томъ что онъ служилъ царю-государю въроу и правдоу и столько-то лѣтъ, воротилса со службы, а земли у него нѣтъ; шляхтичъ тоже плачется на свое шатаице по службамъ, на непрочность своего положенія на чиншевой землѣ... Въ результатѣ броженіе умовъ, склонность къ порицанію на-стоящаго и притомъ не въ одномъ только экономическомъ отношеніи. Если мы прибавимъ къ этому наклонность и большую возможность сближенія этой части народа съ ино-вѣрными и иноплеменными, Поляками, Нѣмцами и Евреями, въ рукахъ коихъ находится крупная промышленность и землевладѣніе, то мы легко поймемъ почему положеніе этого народа незавидно не только съ матеріальной стороны, но и со стороны національной и религіозно-нравственной. Недовольство матеріальнымъ бытомъ, въ связи съ безпре-станнымъ мыканьемъ по заработкамъ, естественно соединяет-ся у этой части народа съ нѣкоторымъ ослабленіемъ націо-нальнаго чувства и религіозно-нравственнаго содержанія. Тѣс-ная связь матеріальнаго обвѣдвнїа съ обвѣдвнїемъ духовнымъ весьма рѣзко обнаруживается въ нашемъ народѣ при срав-неніи національной и религіозно-нравственной устойчивости крестьянъ - собственниковъ и разнаго рода безземельныхъ. Первые, вообще говоря, гораздо опредѣленнѣе въ своей нрав-ственной физиономіи и крѣпче въ религіозно-нравственномъ складѣ.

Крестьянинъ надѣленный землей еще во многомъ сохранилъ въ себѣ лучшія симпатическія черты своего народнаго тила: въ немъ болѣе здравомыслія и спокойной разсудительности, остро-рожнаго и вѣрнаго пониманія жизни, больше остроты ума и сильнаго и глубокаго чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрѣплен-ный къ родной почвѣ, онъ болѣе обнаруживаетъ въ себѣ вѣрности преданіямъ и завѣтамъ исторіи, больше литаеть при-вязанности ко своимъ роднымъ обычаямъ. Уроковъ исторіи онъ не забылъ еще, или, лучше сказать, эти уроки не прошли для него напрасно. Хотя рѣдко уже приходится у насъ слышать въ народѣ скорбныя повѣсти объ уни, о польской „добррой“ справѣ во время Рѣчи Посполитой и крѣпостнаго права, однакоже и теперь еще среди этой лучшей половины нашего простаго народа хорошо понимаютъ кто намъ другъ и кто.

недругъ. Крестьянину-собственнику до крайности антипатиченъ Еврей „невира и Иуда-Хриstopродатель“, все еще подозрительнъ „Ляхъ“, нелюба ему и „Нимота“. Въ дѣлахъ общественныхъ и приходскихъ онъ болѣе способенъ стоять за общіе интересы громады и церкви. Вся обрядовая сторона жизни, какъ бытовой такъ и церковной, для него имѣетъ значеніе не просто только по своей занимательности, а главнымъ образомъ потому что въ ней онъ видитъ что-то родственное себѣ, что-то завѣтное, говорящее отраднo его уму и сердцу и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то священное, заловѣдное; онъ не хочетъ и даже боится измѣнить ей, ибо она завѣщена ему какъ дорогое наследіе его отцами, дѣдами и прадѣдами. И въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, здѣсь вы встрѣтите болѣе всего добраго, разумнаго, здраваго, похвальнаго. Сколько въ немъ добросердечія, искренности, щедрости и особенно сильной, глубокой и святой вѣры! Нельзя впрочемъ наряду съ этими добрыми сторонами нашего народа не упомянуть объ одномъ пороцкѣ много вредящемъ ему и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ. Это пьянство, которое можно назвать въ полномъ смыслѣ матерью всѣхъ пороковъ нашего простонародья. Оно точитъ матеріальное благосостояніе нашихъ крестьянъ, губитъ ихъ силы и физическія и духовныя. Важнѣйшіе церковные обряды и церемоніи, полныя глубокаго священнаго смысла и значенія (погребеніе, поминовеніе усопшихъ, закладка дома, свадьба, крещеніе), а также праздники, особенно храмовые, сопровождаются какъ бы по нѣкому законному обыкновенію обильнѣйшими возліаніями Бакусу, сборищами и гульбищами у корчмы со всѣми безобразіями, ссорами, драками и дразгами, которыя, надобно сказать, не ограничиваются сферой корчмы и улицы, а переходятъ въ дома и здѣсь являются причинами безконечныхъ непріятностей, отравляющихъ всю жизнь членовъ семейства. Нужно ли удивляться если иногда и лучшіе изъ народа нашего подъ впечатлѣніемъ зрѣюща всевозможныхъ безобразій приходятъ въ настоящее время къ сознанію какой-то пустоты вокругъ себя, недовольства своимъ настоящимъ и обнаруживаютъ порывы къ чему-то иному, стороннему?

Переходимъ къ другой, меньшей половинѣ нашего народа, безземельнымъ, особенно тѣмъ изъ нихъ которые для добычя себѣ средствъ къ жизни принуждены лускаться въ отхожіе

промыслы или служить по найму на экономіяхъ, въ посесіяхъ, на заводахъ, занимаются извозомъ, скудными промыслами, барышничествомъ. Здѣсь вы уже не встрѣтите тѣхъ симпатичныхъ и почтенныхъ чертъ бытовой, нравственной и религіозной жизни. Въ личномъ характерѣ нашего безземельнаго обнаруживается больше безпокойства, порывистости, неровности. Въ отношеніи къ народнымъ преданіямъ и обычнымъ житейскимъ правиламъ видно больше критицизма нежели преданности, покорности. Меньше въ этихъ людяхъ и сознанія своей національной самобытности. Нашъ безземельный болѣе космополитъ въ отношеніи къ бытовой и религіозной жизни: бываютъ между безземельными даже такіе котормъ положительно все одно: свой ли братъ или иноплеменникъ (Жидъ, Полякъ или Нѣмецъ), православный ли или иновѣрный (Еврей, католикъ или протестантъ), что въ простомъ народѣ особенно странно встрѣчать. И не подумайте что эта часть народа, отдѣляющаяся отъ своихъ собратій и „моднымъ“ костюмомъ, и quasi-цивилизованными приемами, болѣе русская чѣмъ первая. Совершенно напротивъ. И въ нравственномъ отношеніи они далеко ниже первыхъ: въ нихъ чаще встрѣтите хитрость, лгуноватость, нечестность въ словѣ и дѣлѣ, своекорыстіе. Низкорыстная точка зрѣнія обнаруживается у нихъ и въ отношеніи къ дѣламъ вѣры. Они не только индифферентны къ этимъ дѣламъ, потому что таинства, молитвы, богослужебные обряды ничего матеріальнаго имъ не даютъ, но и склонны къ отчужденію ото всего этого, потому что удовлетвореніе религіозныхъ потребностей соединено съ извѣстными расходами. Православная обрядность имъ кажется лишнею обузой; въ дѣлахъ благочестія они не видятъ и не ощущаютъ духовной стороны, обращая вниманіе лишь на матеріальную сторону религіозно-обрядовой жизни. Относительно шляхты нужно еще замѣтить что она издавна отличается большею вольностью поведенія чѣмъ крестьяне, и доселѣ причислая себя къ дворянству (разумѣется старинному), преданіями своими какъ-то болѣе тяготеетъ къ Житомиру и Варшавѣ нежели къ стариннымъ центрамъ русской государственной и религіозной жизни.

Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика кореннаго здѣшняго населенія изъ низшаго класса. Какимъ оно является нынѣ, такимъ же несомнѣнно было и аѣтъ десять слѣшкомъ

назадъ, до появленія въ нашихъ мѣстахъ штундизма. Въ послѣдніе годы черты эти стали только опредѣленнѣе и рѣшительнѣе высказывались. Большинство и лучшая часть народа не могли на первыхъ порахъ оказать сочувствія штундизму, этому исчадію протестантства, чуждому намъ и по происхожденію своему, и по своему внутреннему характеру. Штундизмъ и его алостолы вездѣ на первыхъ порахъ встрѣчались и встрѣчаются насмѣшками, отрицаніемъ, часто раздраженіемъ, переходящимъ иногда и въ жестокую расправу съ проповѣдниками-ереси. Съ теченіемъ времени обстоятельство однакоже измѣняются: несочувствіе больше и больше ослабѣваетъ, возрождается интересъ къ пропагандѣ, начинается броженіе умовъ и зараженіе штундою болѣе пригодныхъ для нея элементовъ прихода. Объясняется это, какъ увидимъ подробнѣе ниже, большою разницей въ положеніи православія и штундистской пропаганды. Первое при встрѣчѣ со второю оказываетъ, вообще говоря, лишь пассивное сопротивленіе, почти только своею косностью; если бываетъ противодѣйствіе активное, то только со стороны духовенства, да и оно дѣйствуетъ какъ-то нерѣшительно и притомъ врознь. Вторая, напротивъ, дѣйствуетъ непрерывно, притомъ по всемъ правиламъ пропагандистской тактики, причемъ очевидно что движеніемъ заправляетъ опытная рука. Капля, говорятъ, долбитъ камень. Такъ и фанатическая пропаганда въ нашемъ край мало-по-малу разбиваетъ твердую вѣру здѣшняго простонародья, противостоящую стремительному потоку пропаганды лишь своею косностью, и лжеученіе больше и больше распространяется среди народа. Все это подробнѣе будетъ раскрыто въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь переходимъ къ изслѣдованію вопроса: что же это за пропаганда? кто ея дѣятели у насъ? какія условія содѣйствуютъ ея успѣху?

Изъ предшедшаго уже видно кто именно изъ среды нашего народа долженъ былъ выступить въ качествѣ первыхъ застрѣльчиковъ этого движенія. Это—та, другая, сравнительно очень малая часть нашего простонародья которая, будучи поставлена разнаго рода историческими обстоятельствами внѣ общихъ условій народной жизни, значительно обособилась отъ большинства, такъ-сказать вышла изъ колеи народной жизни, и если еще придерживалась этой колеи, то лишь до времени, пока не встрѣтилась съ постороннимъ сильнымъ

вліяніемъ, которому и отдалась всецѣло, со всѣмъ фанатическимъ пыломъ и страстью. Таими именно и были первые агитаторы въ нашемъ краѣ, Тышкевичъ, Цыбульскій и К<sup>о</sup>; таковы же большею частью и позднѣйшіе агитаторы-неофиты. Известна цсторія совращенія Тышкевича. Живя долго въ Херсонской губерніи, Тышкевичъ совсѣмъ овѣмечился, женился тамъ на протестанткѣ, поддалъ вліянію пасторовъ, бросилъ православіе и еще тамъ практиковался въ пропагандѣ. Возвращенный на родину (въ с. Плоскую Тарацанскаго уѣзда) для водворенія, онъ сначала совращаетъ свою братію шляхтичей, по положенію въ обществѣ и духовному складу такихъ же какъ и онъ.

Но прежде чѣмъ говорить о самомъ распространеніи заразы, остановимъ вниманіе на той мѣстности гдѣ началась эта зараза и откуда и теперь еще къ намъ приносится, именно на херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Херсонская губернія имѣетъ важное значеніе для нашего края какъ мѣсто куда отправляется нашъ бѣдный людъ на заработки. По разказамъ крестьянъ возвращающихся оттуда, немногіе изъ нихъ получаютъ работу у другихъ колонистовъ, большею же частью нанимаются они у Нѣмцевъ, которые въ большинствѣ протестанты (лютеране, реформаты, анабаптисты). Эти колонисты, вызванные нашимъ правительствомъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, собственно въ видахъ благотворнаго воздѣйствія ихъ на наше сельское хозяйство, водворенные у насъ съ такими большими издержками для нашей казны, получившіе притомъ самый прочный залогъ своего благосостоянія въ такихъ жирныхъ надѣлахъ полевой земли (60 дес. на семью) которые нашему русскому мужику и присниться не могутъ, до сихъ поръ еще не обнаружили никакого благотворнаго воздѣйствія на сельскохозяйственную культуру нашего края. За то они въ настоящее время щедро дарятъ насъ много рода культурой, состоящею въ вытравливаніи изъ нашего простонародья всего что въ немъ есть лучшаго, его простой вѣры, его благоговѣйнаго отношенія къ святынямъ, его преданности благочестивымъ упражненіямъ, посту, молитвѣ, праздникамъ, уваженія къ авторитету церкви и ея богоучрежденной іерархіи, т. е. культурой состоящею въ отрѣшеніи народа отъ православія и затѣмъ отъ своей народности. И все это дѣлается подъ видомъ желанія добра Русскому народу,

которому предстоитъ де великая будущность, но который будто бы не знаетъ Христа, коснѣеть въ грубомъ идолопоклонствѣ и пребываетъ во тьмѣ разнаго рода предрасудковъ и суевѣрій... Имѣются въ виду при этомъ будто бы и наши успѣхи въ наукахъ и промышленности, ибо, по мнѣнію пастора Боннекемпфера,—надо полагать, перваго и главнаго насадителя у насъ штурдизма,—Русскіе потому и не двигаются впередъ въ научномъ и промышленномъ отношеніяхъ что они православные. Итакъ, нужно было искоренить у Русскихъ православіе. Къ этой цѣли издавна и стремятся наши херсонскіе культуртрегеры. Что въ херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ ведется съ начала шестидесятыхъ еще годовъ систематическая пропаганда, это не подлежитъ сомнѣнію. Но кромѣ систематической пропаганды существуетъ здѣсь и пропаганда частная. Я разумю то непрестанное вліяніе которое оказываютъ здѣшніе колонисты-богачи на своихъ батраковъ, нашихъ бѣдныхъ, захудалыхъ крестьянъ. Попробуйте спросить кого угодно изъ бывшихъ тамъ на службѣ нашихъ крестьянъ какъ ему жилось тамъ у Нѣмца-коловиста, и вамъ попятно станетъ какъ русскій работникъ научается „уму-разуму“ относительно своей вѣры у Нѣмца. Рѣдкій изъ крестьянъ не станетъ вамъ разказывать какъ приходилось ему либо въ споры вступать съ хозяиномъ-Нѣмцемъ, либо сужденія его слушать о нашей православной вѣрѣ. Да къ этому и случаевъ бываетъ весьма много: праздники, посты, крестное знаменіе при молитвѣ предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, молитва вечерняя, утренняя, крестъ на груди, иконы въ домѣ,—все это и тому подобное служить обыкновенно точкой отправления въ разговорахъ о нашей православной вѣрѣ между крестьяниномъ и Нѣмцемъ. „Нанялись мы до Нимца, разказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—тѣмъ не зная потимъ якъ выбратца одѣ ёго. Въ среду и пятницу обидѣ скоромный: все зъ молокомъ, та мясомъ; въ Петровку тожь скоромно. Сталы казать щобѣ намъ лисный варилы, такъ де тоби! не хоче Нимецъ: каже, косыть не будешь за ти грошы цо даю. Та ще таке тоби верзе (вретъ) про посты, цо луче вушы заткны. Цылыхъ 2—3 мѣсяца праздника не знаешь, все на работи, въ церкви не буваешь; руськи слободы не близько, а стань просытца въ недѣлю у хозяина до церкви, то винъ зѣразъ тоби каже: иды въ нашу кирку, та все смѣтца зѣ насъ. Терпили мы терпили, та якъ дждамы сроку, перехрыстывамъ,



та драма звитий (оттоль)... Потімъ уже николаи не стану у Нямца“ (на работу). Не всякій конечно относится къ чужимъ рѣчамъ съ такимъ благоразуміемъ и стойкостью. Бываютъ между крестьянами и такіе что ведутъ себя у подобныхъ хозяевъ съ истинно холопскою угодливостью и подобострастіемъ. Наслушавшись всевозможныхъ циническихъ отзывовъ своего хозяина-Нямца, они естественно послѣ этого циничными глазами начинаютъ смотрѣть на обряды православія и возвращаются домой уже значительно охладѣвшими къ вѣрѣ, если не совсѣмъ совращенными. А совращать тамъ очень охочи: только пожелаи слушать да учиться грамотѣ, сейчасъ тебѣ и Евангеліе дадутъ и наставлять стануть.

Нынѣ штундизмъ въ Тарацанскомъ уѣздѣ настолько уже акклиматизовался что можетъ распространяться своими собственными средствами. Можетъ-быть, хотя не могу утверждать положительно, и теперь исходить изъ Херсонской губерніи главное направление; штундисты Киевской губерніи безспорно имѣютъ частыя сношенія съ херсонскими; тамъ же и доселѣ заражаются многіе изъ отправляющихся туда на заработки. Но мѣстное распространеніе штундизма въ настоящее время ведется уже нашими собственными агентами и идетъ чисто географическимъ путемъ, концентрическими кругами распространяясь отъ главныхъ гнѣздъ штундизма по сосѣднимъ мѣстамъ. Распространителями служатъ обыкновенно тѣ изъ штундистовъ которые по какимъ-нибудь дѣламъ бываютъ въ этихъ сосѣднихъ мѣстахъ.

Какъ же они дѣйствуютъ для того чтобы добиться успѣха? Извѣстно какъ дѣйствовали первые насадители у насъ штундизма: Тышкевичъ, Цыбульскій и К<sup>о</sup>. Обманъ и лицемеріе были главными пружинами ихъ дѣятельности. Начали они агитировать изподтишка. Прежде всего они старались приобрести себѣ довѣріе и уваженіе крестьянъ: прикидывались праведниками, читали имъ книги, толковали ихъ, а для скрѣпленія союза поили ихъ водкой. Заручившись расположеніемъ извѣстнаго кружка людей, они старались уже окончательнo отторгнуть этихъ своихъ единолаемениковъ отъ церкви. Но какъ отторгнуть? Нельзя было укрыться отъ священника. Онъ видимый представитель церкви: онъ строитель таинъ Божиихъ, судья совѣсти каждаго, облеченный притомъ властію вязать и рѣшить, онъ духовный наставникъ,

учитель и воспитатель приходской общины. Нужно было уни-  
зить его предъ народомъ если хотѣли отдѣлится отъ церкви  
подготовленныхъ имъ. И вотъ, особенно на первыхъ порахъ,  
агитаторы не скупились ни на какую грязь чтобъ очернить па-  
стырей духовныхъ. Священники де не учатъ народъ, священ-  
ники сами ничего не знаютъ, или хоть и знаютъ да не такъ  
толкують, священники „ловыдумовалы“ ка зна що, тай манять  
насъ“ и т. д. и т. д. Понятно что при этомъ не забыли и  
нравственной стороны духовенства, и тутъ уже на предъ  
чѣмъ не останавливались, ничего не пропускали, да еще при  
всякомъ случаѣ и преувеличивали вдесятеро. Выходило что  
священники и пьяницы, и прелюбодѣи, и развратители, и гра-  
бители народа. Вездѣ гдѣ только появлялся штундизмъ, свя-  
щенникъ приходскій, каковъ бы онъ ни былъ, послѣ нѣко-  
торой подготовки умовъ, дѣлался первою мишенью для на-  
паденій со стороны штундистскихъ агитаторовъ. Любимѣй-  
шимъ мѣстомъ Св. Писанія у нихъ служить для этой цѣли  
глава XXIII Евангелія отъ Матѳея, начинающаяся словами:  
„Тогда началъ Иисусъ говорить народу и ученикамъ сво-  
имъ и сказалъ: на Моисеевомъ свѣдѣннѣ свѣли книжники и  
фарисеи“,—глава, изъ которой фантазія штундистовъ создала  
цѣлую систему толкованія въ примѣненіи къ православному  
духовенству. \* Распуская о священникахъ всякія клеветы  
и сплетни и подтверждая общій принципъ отрицанія іерар-  
хіи мѣстами Св. Писанія (при этомъ весьма важную так-  
же роль играетъ ученіе Апокалипсиса о блудницѣ сидя-  
щей на семи холмахъ, объясняемое въ примѣненіи къ  
ладшеи, то-есть православной церкви, утверждающей на  
семи соборахъ и семи таинствахъ) штундисты не пропуска-  
ютъ случаевъ и лично оскорбить или унижить священника.  
Они охотно вступаютъ въ пренія съ нимъ, но при этомъ ста-  
раются отвѣчать на его доводы и возраженія въ возможно  
грубой и дерзкой формѣ, чтобы вывести его изъ терпѣнія  
и заставить умолкнуть, а самимъ хвалиться мнимымъ тор-  
жествомъ своимъ и униженіемъ священника. Насмѣшки, дер-  
зости и прямая брань („фарисей, жрецъ идольскій, разбойникъ“  
и т. л.) сыплются на священника штундистами и при всякой  
встрѣчѣ съ нимъ, особенно во время хожденія его по

\* Толкованіе этой главы штундистами см. въ *Кіевскихъ Епархі-  
альныхъ Вѣдомостяхъ* 1882 года, № 16.

приходу въ посты съ развѣшительною молитвою, или въ праздникъ со крестомъ и св. водой. Совмѣстно съ этимъ идетъ простая фанатическая проповѣдь противъ всѣхъ святынь православной церкви,—храма, св. иконъ, мощей, св. креста, а также благочестивыхъ упражненій — постовъ, молитвы съ изображеніемъ крестнаго знаменія, молебствій, таинствъ и обрядовъ православной церкви. Необходимо при этомъ имѣть въ виду одно обстоятельство. Штундизмъ сходится съ протестантствомъ въ рационалистской идеѣ спасенія вѣрою при непосредственномъ отношеніи ко Христу и благодати и при помощи религіознаго самовоспитанія на основаніи Библіи какъ единственнаго руководства въ дѣлѣ вѣры; сходится съ протестантствомъ и въ отрицаніи всѣхъ внѣшнихъ средствъ и пособій оправданія и спасенія, предлагаемыхъ церковію и всего церковнаго уклада православной церкви. Но тогда какъ въ протестантствѣ эта положительная отрицательная сторона есть тольکو выводъ изъ положительнаго принципа объ оправданіи вѣрою, у штундистовъ отрицаніе таинствъ, обрядовъ и всей практики православной церкви имѣетъ самостоятельное и можно сказать первенствующее значеніе. Въ штундизмъ обращаются настолько по сознательному убѣжденію въ отвлеченныхъ идеяхъ протестантства о спасеніи вѣрою, о таинственномъ непосредственномъ дѣйствіи благодати, сколько въ силу той низкой приманки этого легкаго и сытаго христіанства что оно освобождаетъ людей ото всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ обязанностей въ отношеніи къ церкви, даетъ имъ право не знать ни церкви, ни священниковъ, ни постовъ, ничего къ чему человѣкъ обязывался прежде. Апостолы штундизма очень хорошо понимаютъ силу штундизма въ воздѣйствіи именно на эти низшія стороны духовной свободы человѣка и стараются особенно сильно нападать на святыню православной церкви и предписываемыя ею религіозныя упражненія. Вооружась *Новымъ Заветомъ* синодальнаго изданія, проповѣдники штундизма по предварительномъ сдѣланнымъ замѣткамъ текстовъ и параллельныхъ мѣстъ бойко начинаютъ перебирать текстъ за текстомъ въ доказательство необходимости служенія Богу духомъ, возможности оправданія одною вѣрою безо всякихъ подвиговъ благочестія и т. д. и смѣло отвергаютъ всѣ обряды о

которыхъ не упоминается въ Словѣ Божіемъ, приправая при томъ все это самыми рѣзкими кощунственными выраженіями и выходками. Для людей индифферентныхъ и слабыхъ въ православіи, которые и въ штундизмѣ носятъ названіе „пустовѣровъ“ (а такихъ масса среди прозелитовъ штундизма), приманка духовной свободы отъ требованій православія, какъ *тѣснаго* пути въ царствіе Божіе, естественно завлекательна и обольстительна; еще болѣе обольстительна для нихъ свобода отъ матеріальныхъ пожертвованій соединенныхъ съ религиозными обрядами, о которой прямо и открыто проповѣдуютъ агитаторы... И вотъ въ религиозно-слабомъ сердцѣ и умѣ возникаетъ сомнѣніе не лучше ли штундизмъ сравнительно съ православіемъ, не правы ли проповѣдники штундизма; сомнѣніе переходитъ въ колебаніе, а оно рано или поздно оканчивается соvrраценіемъ. Практикуемая у штундистовъ общественная помощь своимъ прозелитамъ изъ средствъ получаемыхъ отчасти и со стороны (въ послѣдніе годы отъ Пашковцевъ, съ которыми штундисты несомнѣнно вступили въ близкія сношенія), разнаго рода продѣлки разчитанныя на легковѣріе крестьянъ, въ родѣ разказовъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ благодати во время радвнй, о явленіяхъ самого Бога апостоламъ штундизма, о скоромъ пришествіи къ штундистамъ какого-то великаго пророка и чудотворца, о случаяхъ необычайнаго возрожденія и исправленія въ штундизмъ потерянныхъ личностей, о чудесно-быстромъ обученіи грамотѣ и пр., играютъ также не малую роль въ штундистской пролагандѣ. Что удивительнаго если при легковѣрїи народа нравственная почва для распространенія штундизма оказывается очень удобною? Лицемеріе, самохвальство и восхваленіе своей секты и ея порядковъ самими штундистами безъ сомнѣнія и были причиною того совершенно неправильнаго возрѣнія на штундизмъ какое сложилось въ нашей, такъ-называемой либеральной, печати объ этой сектѣ. Хваленыя добродѣтели штундистовъ, честность, трудолюбіе, трезвость, степенность, грамотность, безспорно преувеличены на основаніи показаній самихъ штундистовъ, вообще охотно бесѣдующихъ со всякимъ интересующимся ихъ дѣлами и конечно выставляющихъ при этомъ своихъ собратій съ возможно свѣтлой стороны. Нельзя пожалуй отрицать нѣкотораго временнаго нравственнаго оживленія прозелитовъ, естествен-

наго при всякой перемѣнѣ релігіозныхъ убѣжденій, особенно у людей бывшихъ релігіозными и въ православіи; но затѣмъ нравственныя достоинства штундистовъ опредѣляются лишь интересами пропаганды, а не выходятъ изъ самаго существа новой вѣры. Такъ нужно смотрѣть на трезвость штундистовъ и ихъ грамотность: то и другое требуется и соблюдается сколько это нужно для успѣха пропаганды, для рекомендаціи, такъ-сказать, штундизма, но когда движеніе въ извѣстной мѣстности затихаетъ, то и требованія трезвости и стремленіе ко грамотности ослабѣваетъ. Выдающимся качествами штундистовъ вытекающими изъ самой сущности ученія, напротивъ, слѣдуетъ признавать только ханжество, духовную гордость этихъ мнѣщихъ себя „святыми“ сектантовъ и глубокое презрѣніе и ненависть къ православнымъ. Въ такой же мѣрѣ несправедливо и то мнѣніе будто въ штундисты переходитъ лучшая часть нашего народа, самый цвѣтъ его, а въ православіи остаются худшіе люди, грубая неподвижная масса, окутанная суевѣріями и пороками, въ которую не проникло де сознаніе высшихъ потребностей духа. Кто не согласится съ возмутительными рекомендаціями штундизму, щедро ему рассылаемыми въ нашей либеральной печати, что это де есть релігія прогресса, свѣта и истины, тотъ а ргіогі не признаетъ и этого мнѣнія. Но я все-таки позволю себѣ сослаться здѣсь на опытъ своего долговременнаго наблюденія: отпадшіе отъ церкви, которыхъ я знаю, вовсе не принадлежатъ къ лучшимъ въ народѣ, а напротивъ, въ большинствѣ своемъ къ худшимъ. Слѣдуетъ признавать что и между штундистами есть нѣкоторые увлекшіеся искренно и совершенно безкорыстно, бывшіе и въ православіи, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не послѣдними, которые притомъ искали чего-то и перешли въ штундизмъ надѣясь найти это искомое тамъ. Тѣмъ не менѣе и этихъ немногихъ нельзя назвать цвѣтомъ нашего народа; цвѣтъ нашего народа тѣ кто приносятъ добрый плодъ свой на своей родной почвѣ, а кто расположенъ идти въ страну далече (хотя бы и для того чтобы привести добрый плодъ) и привиться тамъ къ чужой дозѣ, это ужъ отнюдь не цвѣтъ нашего общества, а скорѣе пустоцвѣтъ.

Въ массѣ поверхностныхъ и тенденціозныхъ представлений о штундизмѣ, между прочимъ, особенно выдается то мнѣніе будто его вызвало исключительно наше духовенство, грубое, глупое, лѣтливое, корыстное, мало нравственное или и совсѣмъ

безнравственное, притомъ погруженное въ формализмъ и далеко отъ народа стоящее. О грубости духовенства нашего можно было бы спорить; только самая грубость на устахъ порицателей значить можетъ-быть не то что мы разумѣемъ: можетъ-быть здѣсь рѣчь идетъ объ отсутствіи перчатокъ на рукахъ, о смазныхъ салогахъ на иномъ, старой плохой рясѣ и т. п. Тутъ пожалуй и спорить будетъ нечего. О глупости придется сказать тоже не больше: есть вѣдь такіе у насъ люди для которыхъ все глупо что не по нимъ и не отъ нихъ. А вотъ что касается разобщенности нашего духовенства съ народомъ, его формализма, корыстолюбія, лѣнности, объ этомъ слѣдуетъ сказать нѣчто. Духовенство наше, говорятъ обвинители его, (при томъ даже иногда и искренно ревнующіе о церкви), невнимательно къ нуждамъ народа, формально относится ко своимъ обязанностямъ, предано почти исключительно своимъ личнымъ интересамъ: вотъ почему оно де и не авторитетно въ народѣ; отъ этого де и штунда и т. д. Отвѣчаю на это сообщеніемъ о томъ что мнѣ самому приходилось видѣть и слышать въ Кіевской губерніи. Что наше духовенство само себя отдѣляетъ отъ народа, удаляется отъ него, этого никакъ нельзя сказать. Случаи въ которыхъ священникъ держалъ бы себя баринкомъ, недоступнымъ для прихожанина, подобно тому какъ это заурядъ можно встрѣтить у протестантовъ, у насъ почти невозможны: „батюшка“ въ нашей мѣстности живетъ не самъ собою и не для одного себя; онъ соучастникъ крестьянина въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, радостныхъ или печальныхъ, онъ раздѣляетъ съ нимъ бесѣду и трапезу. Справедливо ли будетъ думать что все его участіе здѣсь ограничивается одною формальностью, что присутствуя при семейныхъ событіяхъ, священникъ ограничивается одною обрядовою стороною, что онъ печальнаго не утѣшаетъ, радующемуся не сорадуется, нуждающагося въ наставленіи не поучаетъ? Всѣ, полагаю я, безпристрастные наблюдатели жизни нашего духовенства бывали свидѣтелями противнаго. Можно и даже должно желать по этой части бѣльшаго, но это уже другой вопросъ. Въ значительной степени несправедливо будетъ упрекать духовенство и въ равнодушіи къ нуждамъ нашего народа: оно ли о школахъ не ревновало? оно ли равнодушно было ко нравственному состоянію пасомыхъ? оно ли, при всей отчужденности и прелатствіяхъ со стороны свѣтской и своей духовной власти ко внимательству въ

общественныя дѣла прихода, не ратовало за освобожденіе крестьянъ отъ новаго рабства египетскаго (ѳорчмарей, арендаторовъ полей, ставокъ и т. п.)? Сколько намъ извѣство, здѣшнее духовенство и прежде готово было идти навстрѣчу существеннымъ нуждамъ народа, да и нынѣ оно не отступается отъ удовлетворенія этимъ нуждамъ, сколько есть у него къ тому возможности. И сколько бы уже до сихъ поръ было сдѣлано ими добра народу еслибы другіе, стояшіе надъ народомъ, старались поддерживать духовенство, а не мѣшать ему! А мѣшаютъ ему всюду и на каждомъ шагѣ. Нынѣ всякій совѣтъ крестьянину, а тѣмъ болѣе дѣятельная помощь ему въ общественныхъ дѣлахъ: разъясненіе закона, составленіе прошенія и т. д. трактуются какъ незаконное вмѣшательство въ общественныя дѣла, вызываютъ доносы свѣтскому и духовному начальству, а послѣднее со своей стороны шлетъ духовенству категорическія предписанія „не смѣть вмѣшиваться“. Свѣтскіе ревнители благочинія, не говоря уже о прочемъ, нынѣ простираютъ свою цензуру и на проповѣди священниковъ съ церковной кафедрѣ, и слово пастырскаго обличенія, даже частнаго, а не публичнаго, не рѣдко привлекаетъ священника въ камеру мирового судьи. Повѣрятъ ли наконецъ читатели, въ 1880 году становые пристава, по предписанію губернатора, производили въ Киевской губерніи негласныя дознанія объ образѣ жизни и поведеніи священниковъ, и духовенство здѣшнее было въ которое время подъ специальнымъ надзоромъ... урядниковъ. Не угодно ли при такихъ условіяхъ ревновать о нуждахъ народа! И въ корыстолюбіи, взяткахъ и поборахъ безпристрастный не упрекаетъ наше духовенство. Не о поборахъ и взяткахъ думать бы, а постараться бы лучше объ измѣненіи условій матеріальной обстановки нашего духовенства. При вышшнихъ же условіяхъ всегда будутъ злоупотребленія (въ отдѣльныхъ случаяхъ) правомъ вознагражденія за требы (поборы). Впрочемъ, если иногда и бываютъ вымогательства, то гораздо чаще случается то что трудящемуся служителю алтаря ничего не достается кромѣ развѣ сухаго хлѣба на пропитаніе.

Итакъ, вопервыхъ, духовенство здѣшнее не такъ сильно разобщено съ народомъ, не нерадитъ о нуждахъ народа, не въ такой мѣрѣ своими интересами занято какъ это обыкновенно хотятъ представить: все возможное по части этихъ

требованій оно дѣлаеть и впредь готово дѣлать. Но, повторышь, говоря это о нашемъ духовенствѣ, мы вовсе не думаемъ утверждать что оно въ этомъ отношеніи стоитъ на высотѣ своей задачи. Напротивъ, я скорѣе готовъ склониться на сторону того мнѣнія которое у насъ весьма часто приходится слышать,—будто прежде, именно до шестидесятихъ годовъ, духовенство наше во всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ стояло выше нежели теперь, то-есть что и связь его съ народомъ была крѣпче, и дѣятельность его народу казалась благотворнѣе, и матеріальныя отношенія были съ обѣихъ сторонъ болѣе удовлетворительны. Съ освобожденіемъ крестьянъ отношенія пастырей къ народу какъ-то сами собой стали ослабляться, въ характерѣ дѣятельности пастырей какъ будто менѣе ощущается плодотворности, и даже въ матеріальномъ отношеніи со стороны духовенства иногда обнаруживается пожалуй больше требовательности. Итакъ, что же? Не обвинить ли намъ тотчасъ же наше молодое поколѣніе духовныхъ въ самовольномъ уклоненіи отъ исполненія своей задачи? Не искать ли намъ рѣшенія занимающаго насъ вопроса въ новомъ либеральномъ духѣ принимаемомъ нашею молодежью въ школахъ и парализующемъ ихъ отношенія къ своему апостольскому призванію? Оставить безъ вниманія всѣ прочія обстоятельства, всѣ новыя условія жизни нашего пастырства и осыпать упреками нашихъ молодыхъ священниковъ, сваливая всю бѣду на ихъ голову,—такъ рѣшать вопросъ очень легко, но и очень несправедливо. Посмотрѣли бы вы на иныхъ молодыхъ священниковъ какъ они берутся за свое дѣло въ началѣ, и вы бы не сказали что они такъ холодны, такъ безучастны къ своему святому дѣлу, такъ слабо проникнуты практичностью. Грустнаю, до крайности тяжелою (подъ часть даже съ трагическою развязкой) повѣсть приходилось намъ слышать отъ этихъ „молодыхъ“ батюшекъ, о первой порѣ ихъ дѣятельности: съ юношескою свѣжестью силъ, съ горячимъ энтузіазмомъ, брался иной представитель апостольскаго служенія за дѣло на нивѣ Господней: много добра хотѣлось ему сдѣлать на сей нивѣ, кое-что даже дѣлалъ и заводилъ, да скоро потомъ затихнуть пришлось подъ тяжестью неблагоприятныхъ условій и обстоятельствъ. Отъ чего же нынѣ наше духовенство не можетъ стоять въ такой близости къ народу какъ это было до шестидесятихъ годовъ? Отъ чего вообще и отношенія между нимъ и



народомъ какъ будто къ худшему измѣнились? Больше или меньше крѣпкая и глубокая связь духовенства дѣйствяго съ народомъ обуславливается особенно тѣмъ насколько оно удовлетворяетъ его насущнѣйшимъ нуждамъ. А эти нужды до шестидесятихъ годовъ были совершенно отличны отъ нынѣшнихъ. До шестидесятихъ годовъ народная жизнь была сдвлена крѣпостнымъ правомъ: вся главная масса народныхъ интересовъ сосредоточивалась на ланскомъ дворѣ, большая часть времени и сила посвящалась барщинѣ. Не было тогда народу нашему ни досуга, ни охоты заняться чѣмъ-нибудь важнѣе добыванія въ лотѣ лица своего хлѣба насущнаго, не было времени даже подумать объ этомъ. Потребности народа суживались до самаго ограниченнаго minimum. Вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи духовенства были проще. Не о школахъ, не о болѣе или менѣе широкомъ просвѣщеніи народа приходилось ему тогда думать, а о болѣе или менѣе сноснои положеніи народа, о смягченіи тягостей барщины, о защитѣ его отъ произвола и самодурства со стороны лана и различныхъ „лицдланкивъ“. И священникъ въ эту пору дѣйствительно былъ постояннымъ печальникомъ о народѣ предъ начальствомъ и защитникомъ предъ помѣщиками. Священникъ и народъ болѣли однимъ сердцемъ, жили одною мыслію и питались одною надеждой. За то и народъ дорожилъ своимъ пастыремъ, былъ крѣпко привязанъ къ нему. Оттуда не выше въ нравственномъ отношеніи (если даже не ниже) стоялъ тогдашній священникъ въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Тѣмъ не менѣе народъ относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ, вниманіемъ и послушаніемъ. Народъ не былъ такъ склоненъ къ пересудамъ, которые въ настоящее время часто доходятъ до глумленія надъ своимъ пастыремъ; напротивъ того, какъ видно изъ многихъ разказовъ о старомъ времени, даже защищалъ его отъ злорѣчія и злоеловія и скрывалъ его недостатки. Обличительнымъ словомъ пастыря не брезгалъ, а стараясь слушаться его и покоряться. Но, что всего поразительнѣе, народъ, несмотря на свою нищету, не задумывался убѣдять священнику изъ своего добра, часто вознаграждалъ его труды съ избыткомъ; не считалъ для себя унизительнымъ и труднымъ помочь ему лично въ полевыхъ работахъ: съ большею охотой бывало стекался онъ помочь „своему батюшци“ послѣ пяти дней работы на лана. При простотѣ народа, его скромности и искренности, съ одной стороны, и при очевидно

важномъ значеніи для него священника, съ другой, много и ожидать нельзя было. И сами священники, кажется, были довольны тогда своимъ положеніемъ. Съ какихъ поръ духовенство стало жаловаться на свою нужду? Кажется, до 60хъ годовъ этихъ жалобъ было меньше. Скажутъ быть-можетъ что съ тѣхъ поръ здѣшнее духовенство стало жалованья больше получать? Да, вмѣсто ста двадцати рублей, триста рублей съ очень почтеннымъ минусомъ отъ вычетовъ изъ этого жалованья на разныя епархіальныя нужды. А между тѣмъ жизнь болѣе чѣмъ вдвое подорожала, потребности возрасли, даванія прихожанъ стали понижаться до нуля, а расходы по хозяйству у священника всегда стоятъ выше нежели у другаго хозяина-землеуладѣльца или землепашца.

Но взглянемся однако попристальнѣе, что стало съ нашимъ народомъ и духовенствомъ послѣ дарованія воли. Сброшено ярмо рабства, не стало панщины! Полно работать на другихъ, притомъ еще иновѣрныхъ и иноплеменныхъ! Конецъ чуждому внимательству въ дѣла нашего крестьянина! Конецъ панскому самоуправству и произволу надъ крестьяниномъ, его личностью, его трудомъ, его домомъ, его имуществомъ! Отнынѣ крестьянинъ становится полноправнымъ гражданиномъ своего отечества,—не просто крестьяниномъ, а крестьяниномъ собственникомъ. Ему дано самоуправленіе: онъ самъ себѣ сталъ господиномъ и судья въ дѣлахъ семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ. Новая эра наступила въ его положеніи, бытѣ и сознаніи. Онъ (разумѣй большинство его) начинаетъ устраниваться со внѣшней стороны, является у него нѣкоторый достатокъ, развивается въ немъ сознаніе личности. На досугѣ нашъ простолюдинъ начинаетъ приглядываться ближе къ себѣ и другимъ: развивается духъ критики. Возникаютъ у него при этомъ новыя требованія и новые вкусы. Даже бѣдный и безземельный простолюдинъ, подѣ воздействием личной свободы, теперь сталъ совсѣмъ инымъ. Итакъ, матеріальный достатокъ, сильный подъемъ сознанія личности, развитіе критики въ народѣ, вотъ непосредственные плоды освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако этихъ плодовъ освобожденія было еще недостаточно для того чтобы нашъ народъ шелъ надлежащимъ образомъ впередъ по новому пути своего развитія. Для нормальнаго прогресса нашего народа первую потребность составляетъ образованіе. Если народъ нашъ сталъ поправляться матеріально,

проникается большимъ самосознаніемъ и обнаруживаетъ болѣе интереса ко всему окружающему, то нельзя было оставлять его на волю судьбы, безо всякаго руководства и духовной помощи. Иначе эти результаты освобожденія крестьянъ могли получить превратное и злокачественное направленіе. Матеріальный достатокъ — необходимое условіе благоденствія; но вѣдь надобно имъ благо разумно пользоваться. Свобода воли и пытливость ума—необходимые атрибуты нравственнаго совершенства и просвѣтлѣнія сознанія; но вѣдь употребленіе ихъ должно быть законное и направленіе здоровое. Все же это могли дать только церковь и школа: школа вѣдряетъ въ дѣтское сознаніе коренныя начала вѣры, жизни и знанія; церковь этимъ началамъ даетъ высшее направленіе, освященіе и утвержденіе. Само собою разумѣется что ни та, ни другая не должны быть раздѣльны: ибо, собственно говоря, и цѣль ихъ одна,—приведеніе людей къ совершенству,—только школа удовлетворяетъ потребности преимущественно здѣшняго міра, церковь болѣе имѣетъ въ виду міръ горній. Первая только начинаетъ совершенствованіе человѣка, вторая отъ самаго начала сопутствуетъ человѣку на всѣхъ стезяхъ его жизни и доводитъ это совершенствованіе до конца, приводя его въ мѣру возраста исполненія Христа.

Итакъ, если одною изъ первыхъ потребностей нашего народа, послѣ дарованія ему воли, было образованіе, то необходимо было чтобъ это образованіе велось въ союзѣ съ церковью и при ея дѣятельномъ участіи. На духовенствѣ лежала нравственная обязанность выступить первому со своимъ трудомъ и вліяніемъ для удовлетворенія этой насущной потребности народа. Чтò же? Отступилось ли оно отъ этого своего призванія? Отнюдь нѣтъ. Възмъ память о у насъ какъ энергично оно, по призыву своего архипастыря, высокопреосвященнаго Арсенія, принялось, вскорѣ послѣ дарованія крестьянамъ воли, за основаніе и устройство церковно-приходскихъ школъ. Покойный митрополитъ Арсеній съ особенною любовью и вниманіемъ относился къ этой сторонѣ дѣятельности нашего духовенства въ народѣ. И наше сельское духовенство шло охотно на помощь этой существеннѣйшей нуждѣ народа. Уже одинъ простой фактъ открытія церковно-приходскихъ школъ почти во всѣхъ приходахъ Кіевской епархіи свидѣтельствуетъ объ усердіи нашего духовенства. А

присмотритесь ближе къ тому какъ устраивались и содержались эти школы: не священникъ ли одинъ былъ у насъ въ то время безкорыстнымъ и самоотверженнымъ радѣтелемъ школы? Нѣкоторые священники принимали учащихся дѣтей къ себѣ въ домъ, другіе принимали къ себѣ учителя на квартиру, или давали ему отъ себя столъ, иные дарили свои дома на школу, приносили на дѣло школы свои матеріальныя жертвы, были даже (по крайней мѣрѣ на первый разъ) охотники лично заняться обученіемъ дѣтей... Вольно было людямъ извѣстнаго покроя считать все это публичнымъ обманомъ, издѣваться надъ характеромъ и значеніемъ церковно-приходской школы: въ этомъ случаѣ явно сказалось лишь то наше „просвѣщенное“ верхоглядство которому ничто не можетъ нравиться если только въ дѣлѣ являются священникъ, славянинъ и духъ церковный. Что однакоже церковно-приходская школа не была фикціей, что напротивъ она дѣйствовала повсемѣстно въ нашей епархіи въ первое время прошлаго 20лѣтія и принесла свою пользу народу, объ этомъ повсидѣтельствуютъ тѣ изъ крестьянъ которые, получивъ первоначальное образованіе въ церковно-приходскихъ школахъ, окончили его въ разныхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ недавнее время; а лучше всего это доказываетъ нынѣ то повсемѣстное явленіе въ нашихъ селахъ и деревняхъ что большинство грамотныхъ среди селянъ все 25—30лѣтіе. Скажутъ: „Что же теперь духовенство ваше притихло со своею ревностію объ образованіи народа? Отъ чего церковно-приходскія школы, въ такомъ изобиліи возникавшія на первыхъ порахъ, стали потомъ закрываться иль сокращать число учащихся? Не означаетъ ли это что ревность вашего духовенства была напускная, что она ему была, такъ-сказать, совнѣ навязана непрощенымъ усердіемъ епархіальной администраціи, а потому и прошла скоро какъ только настала удобная пора.“ Въ томъ-то и бѣда вся что съ такимъ же недоверіемъ и предубѣжденіемъ къ духовенству нашему относились съ самаго начала. Судили его много за все, залодозривъ его искренность, утверждали что оно неспособно къ обученію народа, а сами и пальцемъ коснуться дѣла не хотѣли. Какъ много было бы сдѣлано добра народу еслибы порицатели духовенства, ревнуя единственно о благѣ народа, а не о чемъ другомъ, вмѣсто осужденій, насмѣшекъ, издѣвательствъ надъ благороднымъ и великимъ предпріятіемъ духовенства,

взялись за содѣйствіе ему словомъ и дѣломъ, ида съ нами дружно, рука объ руку, къ единой общей цѣли! А при тѣхъ условіяхъ какія были и какія и теперь еще существуютъ ничего иного и ожидать нельзя кромѣ упраздненія церковно-приходскихъ школъ. Судите сами. Въ то время какъ школы такъ-называемыя народныя получали казенную и общественную поддержку, школа церковно-приходская лежала и нравственно и матеріально почти исключительно на плечахъ священника. Онъ долженъ былъ самъ ее заводить и устраивать, самъ обо всемъ подумать, главнее же изыскать для нея матеріальныя средства. Посаднее особенно важно. Свободныя церковныя суммы очень скудны: хорошо если наберется хоть одинъ, другой десятокъ рублей остатка въ церковной кассѣ за годъ. Нужно, следовательно, было священнику призывать громаду къ содѣйствію. А какъ трудно было сладить съ нею, я думаю, это многіе испытали. Не легко было втолковать народу что школа для него необходима, еще труднѣе было добиться отъ него солидной матеріальной поддержки. Народу, который еще недавно жилъ безо всякаго образованія, школа могла казаться лишнею затѣей самого батюшки, да еще школа достаточно обставленная всемъ необходимымъ и надлежаще устроенная. Вотъ что мнѣ приходилось слышать отъ нашихъ отцовъ. Соберутъ бывало сходъ. Станетъ священникъ толковать собравшейся массѣ про грамотность, про школу. Прихожане какъ будто соглашаются... Попробуй же онъ далѣе заговорить о деньгахъ; тутъ сейчасъ поднимется сумятица. „Де намъ тихъ грошей взять? Все давай та давай! Таке теперь тоби по свѣти лишло здырство, що и не приведи Маты Божа.“ Теперь уже слышны и на такой ладъ рѣчи: „На що намъ ца школа? Никуды намъ тихъ грошей дивать. Моему малому, щобъ за лаугомъ быть, не треба грамоты...“ Такъ вотъ логаядять, покрѣчать, пошумать, да на томъ почти и покончатъ. Впрочемъ, и батюшку не обидать: отпустятъ рублей 20—30 на школу изъ тѣхъ 100—200 руб. что должны будутъ получить отъ цинкаря въ концѣ года. Вотъ и дѣлай батюшка со своею школою что хочешь, просвѣщай народъ. Можно ли хоть хорошаго учителя нанять на эти деньги? И такъ приходилось возиться духовенству со школами изъ года въ годъ. Много бы здысь могао духовенству посодѣйствовать своимъ вліяніемъ на народъ и зависящими отъ него мѣрами урядное начальство. И въ нѣкоторыхъ

нѣстахъ оно дѣйствительно помогало: тамъ выходило и больше толку. Впрочемъ, это бывало рѣже. Въ большинствѣ случаевъ наше духовенство было предоставлено самому себѣ, а не рѣдко встрѣчало противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ властей; бывали иногда духовенству нашему отъ уѣзднаго начальства услуги въ видѣ такихъ внушеній народу: „не давайте денегъ, не посылайте дѣтей; это все лоловская затѣя, они это ради себя дѣлаютъ; на вашихъ же слухахъ лотомъ ѣздить будутъ“... Крестьянину нашему это, конечно, и на руку было, хотя и не въ тѣхъ видахъ въ которыхъ давались имъ такія внушенія. Какъ видно изъ протоколовъ прошлагоднлаго сѣзда кіевскаго духовенства, такое противодѣйствіе церковно-приходской школъ продолжается отъ нашего свѣтскаго начальства и до сего дня. Эти доблестные мужи, поставленные надъ народомъ для его блага, воображали и воображаютъ предъ собою въ нашемъ духовенствѣ клерикаловъ—своихъ естественныхъ враговъ: напрасно! здѣсь вѣдь не Франція или Германія, а православная Россія.

И то истина безспорная что пастыри духовные у насъ не какіе-нибудь члены ордена, преслѣдующаго свои узкія, партійныя цѣли, не какіе-нибудь сепаратисты отъ народа, а плоть отъ плоти и кость отъ костей его, только при этомъ самимъ Богомъ уполномоченные правомъ учить и наставлять народъ въ вѣрѣ и воспитывать его въ благочестіи по духу ученія Христова, по смыслу преданія апостольскаго. И при учрежденіи школъ, наше духовенство, безо всякаго сомнѣнія (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ), руководилось прежде всего желаніемъ блага народу и сознаніемъ своей просвѣтительной миссіи во врученной ему отъ Бога паствѣ. Но люди поняли иначе. И вотъ, не поддержанное другими въ дѣлѣ устройства церковно-приходскихъ школъ, духовенство наше волей-неволей должно было руки опустить послѣ тяжелаго опыта. Оживленіе его въ этомъ дѣлѣ стало мало-помалу затихать. Въ настоящее время, многія школы, учрежденныя нѣкогда духовенствомъ, остались у насъ только въ воспоминаніи, другія ожидаютъ такой же участи, и теперь по крайней мѣрѣ  $\frac{2}{3}$  церковно-приходскихъ школъ или закрыты фактически, или же существуютъ только по имени, что впрочемъ все одно.

А между тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше сказывалась въ народѣ нужда въ грамотности, да и не въ

грамотности только, а въ основательномъ, отчетливомъ знаніи того кто онъ таковъ есть, чѣмъ онъ быть долженъ и почему. Само собой разумѣется что наше духовенство, вынужденное силой тяжелыхъ обстоятельствъ отступить въ самомъ необходимомъ для народа дѣлѣ, должно было очутиться въ положеніи болѣе замкнутомъ, болѣе изолированномъ отъ народа чѣмъ прежде, и это отчужденіе со временемъ сказывалось все болѣе и болѣе осязательно. Въ прежнее время, духовенство ощутительно могло показывать предъ народомъ свое значеніе: его участіе въ нуждахъ, скорбяхъ и радостяхъ народа было явственно для этого послѣдняго; народу было очевидно что если его еще не въ конецъ разоряетъ лавъ самодуръ-фанатикъ, то потому преимущественно что видитъ надъ собой постоянную грозу въ ревниво оберегающемъ своихъ ласомыхъ ластырѣ; также твердо онъ былъ убѣжденъ что если кто истинно и не лицемерно порадуется измѣненію его положенія къ лучшему такъ это постоянный печальникъ, защитникъ и заступникъ, его батюшка. Напротивъ, когда на самомъ дѣлѣ наступила перемѣна къ лучшему въ положеніи народа, онъ не въ состояніи былъ надежащимъ образомъ понять и оцѣнить усилія ластыря объ его просвѣщеніи, а потому и не обнаруживалъ особенной охоты послѣдовать внушеніямъ его, особенно при отсутствіи сколько-нибудь порядочной поддержки со стороны общества и правительства. Такъ дѣло народнаго воспитанія и понынѣ оставалось. Когда же наконецъ и въ народѣ оживилось сознаніе нужды въ образованіи, то онъ не сталъ разсуждать что да почему, а прямо сталъ заявлять (благо услужливыхъ подсказчиковъ много нашлось!) что намъ въ полахъ пользы нѣтъ никакой, что наши „попы сами на себя живутъ“. Здѣсь еще однако не вся бѣда. Самое большее зло заключается въ тѣхъ грустныхъ послѣдствіяхъ которыми уже и теперь сказывается въ освобожденномъ народѣ продолжительное отсутствіе здраваго, основательнаго, глубокаго религіозно-нравственнаго образованія. Уже замѣчено было что чѣмъ больше свободы и правъ человеку, тѣмъ выше должно быть его образованіе; иначе свобода и права не принесутъ ему добра. И нашему народу, ставшему свободнымъ и полноправнымъ съ 60хъ годовъ, давно уже необходимо было образованіе, дабы его свобода не превратилась въ своеволіе, дабы и онъ не возмнилъ о себѣ свыше

мѣры полагаемой законами Божескимъ и человѣческимъ и не могъ сдѣлаться легкимъ орудіемъ всякаго обольстителя который рѣшится втащить его въ свою петлю, разжечь его страсти и зародить въ немъ смуту. Образование для народа въ его новомъ положеніи было единственно прочнымъ обезпеченіемъ его правильнаго развитія, единственною надежною охраной коренныхъ основъ и вѣковыхъ формъ его жизни. На самомъ дѣлѣ, какъ было выше показано, народъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности этимъ кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія. Отсюда-то и начало болѣзней нашего народнаго организма, отсюда въ сущности и штудизмъ, грозное знаменіе нашего времени. И эти болѣзни въ нашемъ народѣ могутъ, чего добраго, въ будущемъ развиться еще сильнѣе и произвести еще болѣе опустошеній въ народной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите что дѣлается съ нашимъ народомъ. Вотъ та часть его которая не укрѣпилась достаточно своими корнями въ родную почву, слабая, худосочная и тощая духомъ, подверглась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ томъ числѣ и у насъ) дѣйствию жгучихъ и порывистыхъ вѣяній протестантизма. И не долго она противилась этому вѣянію, легко поддалась ему, и вырвана теперь съ корнемъ изъ своей родной почвы. Трудно ей возвращаться: для насъ, православныхъ, эта отпадая часть, кажется, совсѣмъ потеряна. Впрочемъ, это еще частичка возможнаго зла. Если предоставить дѣламъ идти попрежнему, то въ будущемъ у насъ можетъ быть во сто кратъ хуже. Повсемѣстно молодое поколѣніе изъ народа, возросшее на полной свободѣ, безо всякой почти регулировки личнаго сознанія и поведенія въ жизни, является въ значительной степени одичалымъ въ отношеніи къ церкви и ко своимъ пастырямъ, отцамъ духовнымъ, и апатичнымъ въ своихъ религіозныхъ обязанностяхъ. Замѣтно что для молодаго поколѣнія, возросшаго уже не въ крѣпостномъ состояніи, меньше значенія имѣеть авторитетъ церкви и пастыря нежели для людей старыхъ; \* молодежь болѣе легкомысленна, менѣе строго блюдетъ

\* Могутъ возразить: но и въ періодъ крѣпостнаго права не было школы; отъ чего же тогда штуды не было? Оттого, скажемъ мы, что старое поколѣніе крестьянства не такъ нуждалось въ



уставы церкви, менѣ любить храмъ Божій, таинства церкви, богослуженіе. Не даромъ здѣсь сложилось общее убѣжденіе что „молодые въ религіозномъ отношеніи не стоятъ старыхъ.“ Дѣйствительно, нельзя не признать что въ молодомъ поколѣніи простаго народа вольность поведенія вообще и легкомысліе въ отношеніи къ церкви и пастырямъ далеко зашли. Да это и очень естественно при томъ отношеніи къ религіи какое теперь у насъ повсюду вошло въ моду. Религія, говорятъ, дѣло совѣсти: эту истину въ наше время такъ крѣпко знаютъ что, кажется, больше ничего другаго и знать не хотятъ. Такъ-называемый образованный человѣкъ вездѣ носится съ нею, трубить о ней направо и налево, и не напрасно онъ такъ дорожитъ ею: она даетъ ему возможность укрываться за нею со своимъ невѣріемъ, скептицизмомъ и враждой противъ церкви. Народъ нашъ не нуждается въ этой идеѣ до такой степени: однакожь, кажется, и онъ мало-по-малу начинаетъ проникаться сознаніемъ что ему вольно принимать или не принимать то что относится къ вѣрѣ, или что онъ можетъ вѣровать такъ или иначе. Что же послѣ этого предстоитъ нашему народу, лишенному здраваго религіознаго образованія, какъ не постепенное ослабленіе узъ церковныхъ, какъ не охлажденіе къ дѣламъ вѣры и удаленіе отъ пастырей? Воли много, а воспитанія—почти нуль. Все держится старинной, да еще свойственнымъ нашему народу, болѣе чѣмъ какому другому, природнымъ здравомысліемъ. Однако дурные признаки уже теперь сказываются; дай же Богъ чтобы эти дурные признаки, вмѣсто развитія къ худшему, образумили наше лучшее общество и вызвали здравую, разумную, православно-русскую школу, каковою и можетъ и должна быть школа церковно-приходская.

На все это мнѣ могутъ возразить: „пусть сказанное о церковно-приходской школѣ справедливо; но вѣдь не чрезъ одну школу духовенство можетъ учить и воспитывать народъ. Оно можетъ и должно назидать его примѣромъ своей жизни и поучать своимъ словомъ съ церковной кафедры и частно. А много ли оно преуспѣвало въ этомъ? Не отъ того

---

просвѣщеніи для того чтобы держаться церкви; достаточно ему было того что церковь давала ему въ горѣ утѣшеніе душевное, а въ лицѣ пастырей также и защиту отъ племенныхъ и иночѣрныхъ утѣшителей.

ли оно и невліятельно въ народѣ что стоитъ низко въ нравственномъ отношеніи и не заботится о наставленіи народа по крайней мѣрѣ тѣми способами которые для него доступны, то-есть проповѣдями, бесѣдами по правдыкамъ и при разныхъ требахъ? Что касается нравственности, то я не беру на себя обязанности обѣщать наше духовенство до чиста и не думаю здѣсь ни отрицать существованія въ средѣ его разныхъ недостатковъ и слабостей, ни отвергать необходимости ихъ исправленія. Но, во первыхъ, эти недостатки большею частію суть обыкновенныя слабости природы человѣческой; крупныя проступки въ нашемъ духовенствѣ очень рѣдки, про нихъ что-то мало и говорить, какъ бы ни были рады этому проповѣдники штундизма. Вторыхъ, и это самое главное, нельзя считать недостатковъ нравственныхъ въ нашемъ духовенствѣ исключительною причиною штундизма. Мы приглашаемъ каждаго присмотрѣться къ нашему духовенству и сравнить съ нравственной стороны духовенство тѣхъ приходоѡвъ гдѣ появилась и уже утвердилась штунда съ духовенствомъ тѣхъ мѣстностей гдѣ ея нѣтъ. Въ результатъ подобнаго сравненія окажется во всей поразительности фактъ что духовенство многихъ заштундованныхъ приходоѡвъ, при самомъ возникновеніи штунды, было гораздо нравственнѣе своихъ сосѣдей-сопастырей, у коихъ въ приходоѡвахъ еще и теперь или вовсе нѣтъ штунды, или хотъ и есть, но въ самомъ незначительномъ развитіи. Очевидно, въ общемъ, дѣло вовсе не въ безнравственности духовенства. Совершенно справедливо что проповѣди, воскресныя бесѣды и тому подобныя виды общественной пастырекой дѣятельности могли бы быть однимъ изъ средствъ воспитывающихъ въ благочестіи и утверждающихъ въ вѣрѣ нашъ народъ. Справедливо и то что всего этого въ нашемъ духовенствѣ мало еще, что по этой части отъ него еще приходится многого желать. Но странно вотъ что. Наибольше склонны винить наше духовенство въ этомъ отношеніи, видимо, менѣе всего расположены открыть ему возможность къ исполненію этой обязанности. Я разумю здѣсь возможность матеріальную, физическую, въ которой наше духовенство нуждается столько же какъ и всякій другой. То правда что духъ плоти и костей не имать, но для обличителей духовенства должно быть понятно, какимъ образомъ занятія житейскія не позволяютъ обнаруживаться во всей полнотѣ духу. Можно ли нашему духовенству заняться надлежащимъ образомъ и

проповѣды съ кафедры, и бесѣдами къ народу въ воскресные и праздничные дни, и разными другими видами учительной дѣятельности при настоящихъ условіяхъ его матеріальнаго быта? Доказывать ли здѣсь что хозяйственныя заботы отнимаютъ у нашего духовенства весь остатокъ свободнаго времени отъ исполненія требъ и обязательныхъ службъ? Гдѣ ему помышлять о проповѣди (да еще неолустительно), о воскресныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ (которыя тоже трудъ не легкій если ихъ вести какъ слѣдуетъ), когда ему за шатаіями изъ-за хлѣба насущнаго некогда и за книгу взяться чтобы почитать что-нибудь хоть самому для себя? Скажете: священникъ получаетъ 300 руб. жалованья.—Да съ порядочнымъ вычетомъ, иногда рублей въ 40—60. Такимъ жалованьемъ теперь послѣдній писарь или канцелярскій служитель не довольствуется. Правда, вѣкогда священники и ста двадцатью рублями довольствовались. Но вѣдь то было другое время. Жизнь тогда была гораздо дешевле, а теперь, кромѣ увеличенія расходовъ на самого себя, на семейство, въ особенности на воспитаніе дѣтей, приходится и на поле тратить очень много: прежде обработка поля очень мало стоила; крестьянинъ не былъ такимъ церемоннымъ насчетъ помощи своему пастырю и шелъ пособлять даже окотью. А извольте-ка теперь допроситься у него помощи. Крестьяне или наотрѣвъ отказываютъ своему батюшкѣ въ помощи, когда тотъ является къ нимъ съ просьбой помочь Бога ради, или же въ большинствѣ случаевъ, завидѣвъ батюшку и смекая въ чемъ дѣло, стараются скрыться отъ него. А потомъ еще и позволяютъ себѣ выражать свое неудовольствіе: „да де ему (полюви) не ланщина теперь!.. Що винь насъ зветъ? Мы ему не ланщина. Ни за що не дидже щобъ я лишовъ (или лишая) ему на поле робить“... Понятное дѣло что духовенству приходится обрабатывать поле исключительно на свои средства, а какъ дорого это теперь обходится—всякій знаетъ. А тутъ у священника дѣти въ школы; на каждаго выходитъ за годъ минимумъ 150 руб. Гдѣ же столько наберешь? Приходится или терпѣть съ семействомъ великую нужду, или, что бываетъ чаще, посвятить себя преимущественно хозяйственнымъ заботамъ, полямъ, работникамъ, сбору, обмолокѣ, сбыту хлѣба. Такъ вотъ и выходитъ что священникъ постепенно очерствѣваетъ, охлаждается ко всякому научно-богословскому предмету, лодъ

тяготою житейскихъ полечевій отлагаетъ въ сторону и проповѣди и бесѣды, хотя объ этомъ настоятельно напоминаетъ ему жизнь. Весьма заурядно явленіе такого рода. Тотчасъ по прибытіи въ приходъ, священникъ и Библію читаетъ, и догматикой занимается, и исторію Церкви изучаетъ, и проповѣди не рѣдко сказываетъ, и съ прихожанами какъ-то общительнѣе. Но вотъ пожилъ лѣтъ десять. Пришлось воспитывать дѣтей. Средствъ нѣтъ: и начинается онъ биться изъ всѣхъ силъ какъ бы извлечь изъ земли выручку побольше. А гдѣ Библія, догматика, исторія? Покрываютъ пылью забвенія. Получаются еще газеты. Да и тѣ потомъ оказываются ненужными: некогда читать, да и зачѣмъ напрасно деньги тратить. О проповѣдяхъ и не поминать: не до проповѣдей тутъ, когда за хозяйствомъ некогда и помолиться какъ слѣдуетъ. И выходитъ въ концѣ концовъ что иной священникъ добьется обезпеченія себѣ и своему семейству, но за то въ немъ совершенно изгладятся тѣ свѣтлые идеалы которые такъ вдохновляли его въ первую пору его служенія. Забыты восторженные порывы, заглушены высшіе интересы; священникъ выходитъ примѣрнымъ, образцовымъ хозяиномъ, добрымъ семьяниномъ, пожалуй еще аккуратнымъ требосправителемъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ чѣмъ-нибудь больше этого. И хорошо еще если земля достаточно вознаграждаетъ священника! А что бываетъ когда и земля, несмотря на усилія священника-хозяина, не удовлетворяетъ нуждамъ его? По неволѣ приходится ему дополнять свои денежныя средства торгами за требы и таинства. Весьма нерѣдки такія явленія: прихожане не только отказываются помочь батюшкѣ, но даже стараются по возможности больше стянуть съ него за обработку поля, пользуясь затруднительнымъ его положеніемъ, которое они сами же намѣренно создали. Священникъ повышаетъ плату за требы. Крестьяне упираются: „какъ можно? Таже впередъ ціого (сего) въ насъ ни було. Та и въ тимъ-то и въ тимъ-то мисци такъ не дають...“ Священникъ настаиваетъ: „не помогаете, такъ платите, иначе, дескать, дѣтямъ моимъ по міру послѣ придется пуститься“. И беретъ свое уже не обращая вниманія на ропотъ и судъ людской. Понятно что этою мѣрой священникъ роняетъ себя. Но, скажите, какъ судить строго? Куда ему дѣваться съ дѣтми? Или думаете что онъ одинъ долженъ быть такимъ отцомъ который когда дитя хлѣба просить, камень подастъ ему? Или не думаете ли что священникъ долженъ быть пролетаріемъ который каждому въ руку

смотреть до тѣхъ поръ пока кто-нибудь не догадается подать ему лелту „ради Христа“? Не забудьте при этомъ еще и того что это удручающее семейное положеніе нашего духовенства не есть дѣло произвола, а требуется отъ духовенства обязательно, канонически. Легко укорять стоя въ сторонѣ и не давая себѣ труда войти въ положеніе облачаемыхъ. А что сказать даѣе о тѣхъ іереяхъ которые предали себя Богу всецѣло, почти отложили земное полеченіе? Что терпятъ ихъ семейства? Чему подвергаются сами они? Пойметъ ли ихъ еще самъ народъ? Знаю я одинъ и такой примѣръ что нѣкій прихожанинъ сказалъ о своемъ священникѣ, заявившемъ себя въ отношеніи къ прихожанамъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ: „кто ему виноватъ що винъ зъ насъ не бравъ? Треба було брать...“ Нѣтъ, не укорять, не глумиться надобно надъ нашими пастырями, а скорѣе сострадать имъ въ тяготахъ положенія ихъ. Кто ревнуетъ искренно и величественно о благѣ народа и церкви, тому лучше бы подумать объ измѣненіи прежде всего матеріальной обстановки нашего духовенства, объ устроеніи его судьбы такъ чтобъ оно безпрепятственно могло предаться строенію дѣла Божія для котораго оно поставлено. Выведите наше духовенство изъ той плачевной доли въ которой оно въздыхаетъ о хлѣбѣ насущномъ, оставьте его въ такое положеніе чтобъ оно не боялось насчетъ будущности своего семейства, и вы увидите что та энергія которая въ немъ тратится на заботы о спасеніи себя отъ нищеты, которая при этомъ у иныхъ, пожалуй, переходитъ въ неумѣренное стремленіе къ наживѣ, останется свободною для прямыхъ дѣлей пастырскаго служенія.

Вотъ что хотѣлось сказать по поводу упрековъ нашему духовенству изъ-за штундизма. Отсюда уже само собою слѣдуетъ что то мнѣніе будто бы единственно наше духовенство виновато въ явленіи штунды, вообще несправедливо, хотя отдѣльных случаевъ крайняго недостоинства пастыря, а слѣдовательно и нѣкоторой виновности его въ явленіи штунды, я не отрицаю. Не духовенство виновато если оно теперь даѣе отъ народа чѣмъ прежде. Не само оно стало устраняться, устраняли и устраняютъ его отъ народа неблагоприятныя обстоятельства въ которыя оно поставлено, благодаря непонятному нерасположенію къ его предпріятіямъ на благо народа со стороны общества, и затѣмъ особенностямъ его матеріальнаго быта.

Само собою понятно что и нападки агитаторовъ и отгладишихъ отъ церкви на наше духовенство нужно понимать именно

въ томъ смыслѣ что священника никакъ нельзя обойти, какъ видимаго представителя церкви если хотать окончательно оторвать ободьщевныхъ отъ церкви. Даже 21 глава Маттея, по утвержденіи штурдизма въ извѣстныхъ мѣстахъ, перестаетъ привлекать вниманіе какъ штурдистовъ такъ и православныхъ, хотя священники остаются тѣ же самые и такими же каковы были. Явное дѣло что примѣненіе сей главы есть одно изъ средствъ пропаганды нашихъ культуртрегеровъ, изощрившихся въ іезуитскихъ способахъ ловленія рыбки въ мутной водѣ въ свою гибельную мрежу. Лютеръ, Кальвинъ и другіе реформаторы заимствовали изъ этой главы матеріалъ для примѣненія къ католическому духовенству. Ихъ послѣдователи, перешедшіе къ намъ изъ Германіи и поселившіеся среди насъ, будучи недовольны глубокимъ сознаніемъ православной церкви своего преимущества предъ другими христіанскими обществами и нерасположеніемъ ея ко вступленію въ какое-то братство съ протестантствомъ,\* рѣшились насильно отторгнуть нашъ народъ отъ церкви и для этого пустили въ ходъ толкованіе 21 главы Маттея съ примѣненіями къ нашему православному духовенству, надѣясь чрезъ разрывъ народа съ духовенствомъ пошатнуть твердую вѣру перваго. Недомыслие агитаторовъ еще разнообразило это примѣненіе собственнымъ шутовскимъ творчествомъ.

Я обзрѣлъ положеніе двухъ главныхъ представителей нашей церковной жизни: народа и духовенства, насколько мнѣ это казалось нужнымъ для уясненія причинъ развитія у насъ штурдизма, этой зловѣщей тучи облагшей горизонтъ церкви Божіей по всему югу Россіи. Однако мой очеркъ положенія дѣлъ въ нашей мѣстности будетъ не половъ если я не коснусь здѣсь еще нѣкоторыхъ другихъ элементовъ нашей среды, которые далеко не незначительны въ нашей общественной жизни и не безразличны въ отношеніи къ поднятому у насъ штурдизмомъ движенію.

Прежде всего нужно сказать о классѣ образованныхъ и чиновныхъ людей, то - есть нашей мѣстной аристократіи и бюрократіи, или вообще о нашей интеллигенціи. Этотъ классъ у насъ, какъ и вездѣ почти, сравнительно не великъ, но за то очень важенъ какъ сила господствующая и правящая. Господство и правленіе нашей (какъ и всякой

\* См. рѣчь Боннекемпфера. *Странички*. 1860.

вообще) интеллигенція и разумію не только внѣшнее, начальственное (бюрократической ея части), но и внутреннее, духовное, господство надъ умами и вообще надъ нашею внутреннею жизнью. Конечно, наша чиновная среда преимущественно заправляетъ внѣшнимъ ходомъ нашей общественной жизни. Но, какъ извѣстно, господство внѣшнее влечетъ за собой въ той или иной степени и господство внутреннее, точно такъ же какъ бываетъ и наоборотъ. Наблюдая за внѣшнимъ порядкомъ нашей жизни, чиновная среда не можетъ не вліять на внутренній строй ея; имѣя предметомъ надзора и попеченія своего по преимуществу нашу общественную жизнь, она не можетъ не касаться въ томъ или другомъ случаѣ личнаго ея элемента; вѣдая наши дѣла, она не можетъ не касаться внутреннего источника этихъ дѣлъ—сознанія и совѣсти. Въ особенности наша интеллигенція можетъ воздѣйствовать и воздѣйствуетъ на ту область нашего духа которая повидимому болѣе всего открыта стороннему вліянію, именно область мысли и убѣжденія. Это воздѣйствіе нашей интеллигенціи на общество тѣмъ болѣе возможно что нѣкоторая часть ея обладаетъ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ. Интеллигенція пользуется у насъ общимъ почетомъ. Духовенство наше относится къ ней съ особымъ почетомъ и отличаетъ ее особымъ вниманіемъ, вида въ ней сферу близкую и родственную себѣ и по положенію, и по образованію. Тѣмъ болѣе готовъ уважать ее нашъ народъ, видящій въ ней не только свое начальство, но и людей „знающихъ, вѣнчихъ, разумныхъ“. И въ духовенствѣ, и собственно въ народѣ интеллигентный классъ почитаютъ и слушаютъ охотно. Правда, само духовенство наше поставлено надъ народомъ (равно какъ и надъ интеллигенціей) для того чтобы руководить и наставлять его въ путяхъ жизни, воспитывать его въ вѣрѣ и благочестіи и посредствомъ совѣсти и чрезъ данную ему отъ Бога власть воздѣйствовать на всю нашу духовную жизнь. Но несомнѣнно и то что духовенство у насъ, какъ и вездѣ въ православномъ мірѣ, не претендуетъ на исключительное обладаніе совѣстію и разумомъ народа, зная хорошо что въ организмѣ церкви всѣ могутъ быть полезны другъ другу по мѣрѣ дарованій каждому отъ Бога, и что нѣтъ такого члена въ этомъ организмѣ который могъ бы не нуждаться въ другомъ (I Кор. XII гл.). Съ другой стороны и нашъ народъ если и признаетъ духовнаго отца, учителя и наставника, то отнюдь не считаетъ для себя излишнимъ принимать къ свѣдѣнію то что говорятъ

ему другіе, въ особенности тѣ кого считаетъ онъ за людей „знающихъ, ученыхъ и разумныхъ“. Такое отношеніе къ нашимъ интеллигентнымъ классамъ совершенно естественно при томъ назначеніи которое оно должно бы исполнять въ нашей общественной народной жизни. Они должны быть разумомъ народа, воспитательною силою, содѣйствующею своимъ руководствомомъ развитію въ народной жизни силъ и началъ служащихъ къ ея нормальному усовершенствованію. Само собою понятно что такой классъ не долженъ отдѣлять себя отъ народа. Его призваніе не въ томъ чтобы давать народу разумъ свой особый, а въ томъ чтобы постоянно носить въ себѣ и болѣе или менѣе совершенно раскрывать тотъ же разумъ какой вложенъ въ душу самого народа. Интеллигенція не измышляетъ новыхъ формъ и не полагаетъ совершенно новыхъ началъ нашей жизни; напротивъ, она опирается на тѣ же основы и развивается то же содержаніе и въ тѣхъ же формахъ какія даны въ самомъ духѣ народномъ. Къ числу этихъ основъ нашей жизни безусловно принадлежитъ наша православная и народность русская. Первая элементъ идеальный, вторая — реальный; первая — духовный, вторая — мірской. Безъ этихъ стихій будетъ немислимъ и самъ народъ. Итакъ, если интеллигенція существуетъ у насъ для развитія народной жизни, то она должна крѣпко держаться началъ православной вѣры и русской народности. Понятіе „интеллигентный“ у насъ должно быть равнозначащимъ съ понятіемъ „истинно-русскій“ и „истинно и искренне - православный“. Такова должна быть наша интеллигенція по идеѣ; но такова ли она у насъ на самомъ дѣлѣ? При взглядѣ на нее прежде всего бросается въ глаза ея рѣзкая обособленность и удаленіе отъ народа. Нашъ престолюдицъ, при всемъ уваженіи къ людямъ образованнымъ, ни за что не допуститъ мысли что наши интеллигенты то же что и онъ; это, по его словамъ: „ланьство, господи, благороди“, а не „люде“, или точнѣе—„не зъ народу“; да и сама интеллигенція, величая себя этимъ именемъ, едва ли серьезно причисляетъ себя къ народу, который она зоветъ „черню“. Видно что эти люди, хотя и Русскіе, и православные, все же далеко не то что нашъ простой народъ. Что же это значить? Не означаетъ ли это только того что народъ нашъ этимъ хочетъ отличить отъ себя интеллигенцію (которую онъ, какъ сказано выше, очень уважаетъ), а послѣдняя—выдѣлить себя изъ массы необразованныхъ, и болѣе ничего? Очень хотѣлось бы думать такъ, но, признаюсь,



мнѣ кажется что раздѣленіе между нашимъ народомъ и интеллигенціей заходитъ гораздо далѣе, по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ между народомъ и нѣкоторою частью нашей мѣстной интеллигенціи. Я уже говорилъ выше о главной и лучшей части нашего простаго народа. Повторю что эта часть (большинство)<sup>2</sup> народа еще и теперь представляетъ весьма много хорошаго, почтеннаго. Если есть въ ней недостатки, то еще болѣе въ ней замѣтно достоинствъ которые слѣдовало бы не только уважать, но коимъ не мѣшало бы и подражать. Между прочимъ, нельзя не обратить вниманія на устойчивость народа въ основныхъ началахъ и формахъ своего бытія,—въ особенности же на вѣрность его церкви Христовой и преданіямъ отеческимъ. Взгляните на какое угодно мѣсто заштудованное: вездѣ вы встрѣтите одно и то же—твердость основной, лучшей части народа въ православіи. Какъ бы ни было сильно броженіе умовъ въ данной мѣстности, все же значительная часть народа остается вѣрною церкви: среди безумныхъ восторговъ и шумной пляски вокругъ жертвенниковъ Ваала и Астарты всегда и вездѣ вы найдете въ нашемъ народѣ много добраго, вѣрнаго люда, который не преклоняетъ колѣнъ своихъ предъ измышленными богами; и эта часть народа не ольпывается виномъ невѣрія, не поддается обольщенію, не негодуетъ на эти безбожныя глумленія и ревнуетъ о своей святой вѣрѣ, какъ истинно отъ Христа происходящей, а не отъ чловѣкъ измышленной и только „для глазъ“ къ писанію прицѣвленной. Вотъ каковъ нашъ народъ въ лучшей его части. Не достоинъ ли онъ за это нѣкотораго уваженія и даже подражанія ему? Съ прискорбіемъ я долженъ сказать что въ нашей интеллигенціи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой ея части) не замѣтно ни справедливаго отношенія къ этой лучшей части нашего народа, ни особеннаго уваженія къ устоямъ нашей народной жизни. Часто приходится слышать такіе отзывы о народѣ что онъ грубъ, суевѣренъ, глупъ; но рѣдко случается встрѣтить въ отзывахъ о немъ что-либо хорошее, даже о той лучшей и здоровой части его которая можетъ быть названа истинно-русскою и истинно-православною.

И по отношенію къ кореннымъ началамъ и вѣковымъ формамъ нашей народной жизни вообще, а къ нашей церкви въ особенности, въ интеллигенціи нашей, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ея, замѣтно много индифферентизма и космополитизма чтобы не сказать болѣе. Воспроизвожу здѣсь въ

своей памяти многое что видѣть самому или отъ другихъ слышать приходилось, и невольно при этомъ на душу грусть налегаетъ... Я не желаю здѣсь касаться тѣхъ или другихъ частностей, но скажу вообще что недобрымъ слухомъ объ этомъ вся наша земля полнится. Что, напримѣръ, означаютъ всеобщіе толки у насъ о томъ что мѣстная полиція тянетъ за штундистами?.. Какъ ни ловимаи эти толки, а все-таки нельзя отнять у нихъ силы свидѣтельства о томъ что полиція наша довольно много потворствуетъ (если даже не содѣлываетъ) штундовой агитации: нѣтъ дыма безъ огня.... Будь полиція въ искреннихъ отношеніяхъ къ церкви и законныхъ къ штундизму, не стали бы на нее и напраслину взводить. Быть-можетъ здѣсь кто-нибудь укажетъ на извѣстныя дѣйствія полиціи въ первую пору штундизма, когда она дѣйствовала даже черезчуръ усердно. Но это *тогда* и было. Притомъ же лаохо и усердіе не по разуму. Не жалѣть слѣдуетъ о такой помощи, а желать чтобъ она въ такой формѣ не повторялась. Однако еще менѣе слѣдуетъ желать отъ полиціи и уѣздаго начальства вообще такого положенія при которомъ та или другое дѣлается чѣмъ-то въ родѣ потатчика ереси и даже гонителя православія. Вообще нужно сказать что штундизмъ силенъ у насъ не однимъ своимъ положеніемъ, которое онъ самостоятельно завоевываетъ собственными силами и средствами среди населенія, а также и тою аттестацией которую онъ получалъ отъ мянщихъ *са быти мудрыми*. Напримѣръ, штундисты говорятъ: „за нами и павы господа; а те все щѣ поны говорить, то вовы самы для себе повыдумовалы; не вирте имъ...!“ Не всякій изъ нашего народа пропуститъ это мимо ушей: подумаетъ, посмотритъ, приложитъ на вѣсы еще что-нибудь, да и скажетъ: „оно и въ сломѣ дѣлѣ“... А отзывы о штундизмѣ дѣйствительно бываютъ очень лестные: штундизмъ де свѣтлое явленіе въ нашей жизни; ему де предстоитъ великая будущаость у насъ; штундисты люди нравственности высокой, умные, пріятные... и пр. въ такомъ родѣ. Одно лицо котораго телерь уже нѣтъ на свѣтѣ, послѣ подобныхъ отзывовъ, говорило намъ: „напрасно вы стараетесь бороться съ этимъ прекраснымъ явленіемъ; къ нему уже самое время насъ ведетъ...“ Что это такое? Можно бы еще многое сказать, но и этого довольно. Sapienti sat. Впрочемъ, я здѣсь не хотѣлъ бы ограничиться этою неказистою стороной нашей интеллигенціи. Вышесказанное я отослалъ только къ нѣкоторой

части нашей интеллигенціи. Но есть, безъ сомнѣнія, у насъ и люди иные, конечно, истинно-русскіе и истинно-православные. О нихъ бы хотѣлось сказать, но предоставляю это тѣмъ кто ближе съ ними знакомъ. Я же въ настоящій разъ закончу свои сообщенія желаніемъ чтобы эта часть интеллигенціи заявила о себѣ болѣе рѣшительно и сильно. Даже и о той части нашей интеллигенціи, о которой выше была рѣчь, нельзя сказать чтобы она была вполнѣ проникнута антипатіей къ своему родному русскому и православному. Скорѣе можно допустить что это съ ея стороны простое легкомысліе и либеральныя замашки, а не полное отрицаніе существеннаго содержанія нашей народной жизни. Можно даже надѣяться что съ теченіемъ времени, съ перемѣной вѣтра въ сферѣ общественной мысли въ Россіи и въ нашихъ верхнихъ слояхъ, у насъ также пойдутъ дѣла на иной ладъ и съ иными лучшими результатами; тогда и интеллигенція наша (во всемъ своемъ составѣ) явится тѣмъ чѣмъ ей слѣдуетъ быть для народа.

Въ заключеніе не могу не упомянуть въ двухъ, трехъ словахъ еще о двухъ не малочисленныхъ, довольно замѣтныхъ и вліятельныхъ элементахъ, которые хотя и не единовѣрны намъ и не одного племени съ нами, однакоже очень зорко присматриваются къ намъ и далеко не безразлично относятся къ тому что дѣется у насъ или съ нами; это Поляки и Евреи. Вліяніе этихъ элементовъ на наше коренное населеніе такъ или иначе, хоть и не вездѣ съ одинаковою силой, сказывается нынѣ, какъ и прежде сказывалось.

Въ свое время Полякъ, или чаще на мѣстномъ нарѣчій „Ляхъ“, былъ для насъ, Русскихъ, а въ особенности для крестьянъ, до крайности антипатиченъ, если не совсѣмъ ненавистенъ. Это чувство вкоренилось исторически, рядомъ кровавыхъ гоненій и издѣвательствъ благороднаго шляхетства надъ „схизматыцкимъ быдомъ“ и до послѣднихъ временъ почти во всей своей свѣжести поддерживалось крѣпостнымъ правомъ. Съ отмѣной сего послѣдняго стали заживать азвы народныхъ страданій, стало затихать въ народѣ и чувство ненависти и отвращенія къ Ляху. Самый характеръ Поляка (по крайней мѣрѣ у насъ) подѣ дѣйствіемъ новаго положенія сталъ какъ будто мягче, добрѣе и дружелюбнѣе: притязательность, кичливость, заносчивость съ „москалемъ“ или схизматыкомъ какъ-то рѣже теперь стали попадаться. вмѣстѣ съ тѣмъ начали завязываться между Русскими и Поляками болѣе довѣрчивыя отношенія. Мнѣ

очень пріятно сообщить здѣсь свое наблюденіе что тѣ изъ Поляковъ которые болѣе заняты спасеніемъ души своей чѣмъ политикой и разными вождѣльніями на тему „отъ моря до моря“ не гнушаются ни русской народности и языка, ни православія. И въ отношеніи къ штурдизму такіе Поляки относились съ должнымъ недоувѣріемъ. Носятся даже слухи что нѣкоторые ксендзы внушаютъ своимъ прихожанамъ отвращаться отъ штурды какъ отъ страшной заразы, тогда какъ рѣдкій изъ ксендзовъ можетъ противиться общенію католиковъ съ православными. И лучшіе изъ Поляковъ не рѣдко открыто предъ народомъ заявляютъ свое сочувствіе православію и даже въ диспуты съ пропагандистами вступаютъ, давая чрезъ то и православнымъ нравственную поддержку. Намъ извѣстенъ такой случай что одинъ добрый католикъ (лѣсничій гр. Браицкаго г. Козицкій) своимъ личнымъ вліяніемъ отклонилъ нѣсколькихъ православныхъ отъ увлеченія штурдой. Однако, несмотря на эти утѣшительныя явленія и факты, нельзя не признать что еще много остается поворачиваться жернову исторіи, пока со всего нашего польскаго общества сотрется кора исключительности и исчезнетъ болѣзнь фантастическихъ бредей и несбыточныхъ мечтаній. Трудно Полякамъ отказаться совсѣмъ отъ тѣхъ вождѣльній которыя еще недавно такъ сильно възальтировали защитниковъ „ойчизны“. Между тѣмъ сила обстоятельствъ со всею очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ что партія польщизны въ нашемъ краѣ проиграна. Итакъ, патріотамъ польщизны приходится скрыть свои завѣты подальше, затаить свою досаду поглубже. Здѣсь намъ кажется главный узелъ истинныхъ отношеній другой части нашего польскаго общества къ русскимъ интересамъ и интересамъ православія. Не ожидайте отъ этихъ людей искренности и благожеланія: вы не найдете въ нихъ участія нашему обществу русскому и православному ни въ радостныхъ, ни въ скорбныхъ событіяхъ нашего отечества и нашей церкви. Напротивъ, намъ видѣлось даже вѣчто совсѣмъ другое. Чтò бы значило, напримѣръ, слѣдующее обстоятельство, которое постоянно привлекало мое вниманіе: въ средѣ нашего простаго народа, въ минуты особеннаго напряженія его мысли и чувства (напримѣръ, во время борьбы Россіи за нашихъ балканскихъ братьевъ, во время ожиданій коронаціи Государя Императора, въ разгаръ штурдовой агитаціи), постоянно распространяются какіе-то таинственнаго характера слухи (напримѣръ о Скобелевѣ что онъ

перешелъ въ магометанскую вѣру, о Страшномъ Судѣ предстоящемъ де въ августѣ мѣсяцѣ или просто въ концѣ 1881 года, о какомъ-то запечатанномъ письмѣ съ неба улавшемъ и пр., и пр.). Я старался добраться до первоисточника этихъ слуховъ, и почти всегда нить слуховъ доходила до подобныхъ лицъ и на нихъ обрывалась. Правда, нѣкоторые изъ этихъ слуховъ были ходячими и въ печати (напримѣръ, Страшный Судъ). Но почему эти слухи передавались людьми именно польскаго происхожденія, передавались какъ несомнѣнныя пророчества, а въ подтвержденіе даже читались газетныя свѣдѣнія, которыя еще болѣе терроризовали массу, такъ что наши крестьяне приходили въ ужасъ, нѣкоторые даже въ обморокъ падали? Это еще болѣе странно если принять во вниманіе что сами-то провозвѣстники едва ли про себя этимъ слухамъ вѣрили... Послѣ этого становится понятнымъ уже и то какъ относятся такіе господа къ тяжкой печали православія въ нашихъ мѣстахъ. Не съ сочувствіемъ и благожеланіемъ къ нашей церкви (какъ тѣ о которыхъ рѣчь была прежде) высказываются эти господа, а съ явною враждой. Здѣсь забывается даже противорѣчіе самимъ себѣ, ибо порицаютъ то чтò у себя въ католициствѣ признаютъ. Со штундистами любезничаютъ, о нихъ съ похвалою отзываются, ихъ собранія посѣщаютъ и восхваляютъ, а насъ православныхъ („половъ“ въ особенности) оуждаютъ и бранятъ публично, и дѣлаютъ это почти съ такою же ревностію какъ и сами штундисты. Само собою разумѣется что этотъ образъ дѣйствій если не вызываетъ новыхъ отпаденій отъ церкви, то по крайней мѣрѣ отпадшихъ утверждаетъ въ отступничествѣ. Какъ это ни странно повидимому, но несомнѣнно что въ частыхъ сношеніяхъ съ крестьянами въ мѣстностяхъ зараженныхъ штундизмомъ, Евреи также бывають иногда пособниками штундизма, подтверждая ученіе штундистовъ что иконы де запрещены Святымъ Писаніемъ, что праздники въ честь святыхъ не должно чѣтить потому что въ Моисеевомъ законѣ ихъ не положено и т. п. Таковъ былъ, напримѣръ, Іосъка Зиссерманъ въ Чаллинкѣ, не только сплавившій крестьянъ въ своемъ шинкѣ во время проповѣди здѣсь Герасима Балабана, но и дѣятельно поддерживавшій его въ самой проповѣди, особенно противъ „половъ“, такъ какъ священникъ въ той мѣстности ратовалъ противъ шинковъ и другихъ способовъ эксплуатаціи крестьянъ.

А. ВОРОНОВЪ.

---

# БЛУДНЫЙ БРАТЬ\*

---

## П О В Ъ С Т Ь .

---

### ХІІІ.

Мы теперь расскажем читателю то чего не могъ сообщить Максиму Богдановичу полковникъ, расскажем про родителей Пети Бороздина и про его дѣтскіе годы. Отецъ Пети, Василій Ильичъ Бороздинъ, былъ военный самаго мирнаго свойства; долго служилъ сперва въ гвардейскомъ полку, дано не выдавшемъ пороховаго дыма, потомъ въ разныхъ должностяхъ по военному управленію и подъ конецъ Восточной войны занималъ довольно видное мѣсто по интендантству. Мѣсто это ему пришлось оставить не совсѣмъ добровольно, когда надъ Русью послѣ Севастополя повѣяло всеобщимъ покаяніемъ и началась повторявшаяся часто съ тѣхъ поръ провѣрка старыхъ счетовъ и очистка старыхъ грѣховъ. Автѣвы конюшни отъ того стали не многимъ лучше, но кое-кто изъ тѣхъ, кому повѣрялся надзоръ за ними, полатился за свою, а иногда и за чужую вину. И Василій Ильичъ оказался не безгрѣшнымъ, только приговоръ надъ нимъ обрушился не строгій: ему позволили мирно выйти въ отставку съ чиномъ генераль-лейтенанта, и лишь чуть замѣтное лѣтвое легло на немъ, одно изъ тѣхъ небольшихъ хоть и несмывае-

---

\* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1 и 2ѣ 1884.

мыхъ лянть, которыя не мѣшаютъ бодро гулять по Невскому и числаться въ Англійскомъ клубѣ, хотъ и придають иногда какую-то неувѣренность въ голосъ и движеніяхъ при встрѣчѣ съ тѣми кому известна подноготная. Василій Ильичъ впрочемъ съ твердостію и достоинствомъ несъ свою опалу; онъ не то чтобы куражился или фрондировалъ, въ первые мѣсяцы онъ даже ступевался, и до глубокой осеки, чего съ нимъ прежде не случалось, проживалъ въ своемъ довольно залущенномъ Владимірекомъ имѣніи. Но по возвращеніи въ Петербургъ нравственная бодрость къ нему вернулась, и скоро даже онъ почувствовалъ въ своей чиновной душѣ какое-то возрожденіе невинности. И сухія деревья пускаютъ иногда новые побѣги, почему же не обновляться человѣческому сердцу? Случалось иногда что Василій Ильичъ, за карточнымъ столомъ или за простою бесѣдой, совсѣмъ забывалъ прошлое и пускался въ нравственныя разсужденія, мягко лорицая существующія злоупотребленія. „Скажите пожалуйста“, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ, „на что это похоже? Все по новому хотять устроить, а казку грабить среди бѣлаго дня. Послабленіе, доложу я вамъ, вотъ въ чемъ бѣда! Чувство долга пошатнулось, совѣсти нѣтъ!...“ Или напимѣръ, указывая уже прямо на самого себя, онъ восклицалъ, когда кто-нибудь жаловался при немъ на современные порядки: „Насъ, стариковъ, спрашивать не хотять, да-съ, сторожатся отъ нашего брата, вотъ гдѣ бѣда! А мы бы правду найти сумѣли. Мы поопытаѣе будемъ, да-съ, поопытнѣе, и о казенныхъ денежкахъ пожалѣли бы, которыя теперь прахомъ придуть.“

Говоря это, Василій Ильичъ былъ вполнѣ чистосердеченъ. Впрочемъ, если правду сказать, отъ казеннаго сундука онъ не разбогатѣлъ. А безденежье такъ похоже на безкорыстіе что оно почти даетъ право на честное имя. Бороздинъ и не былъ совсѣмъ лаутомъ по природѣ: онъ разрѣшалъ себѣ кое-какіе доходы вполнѣ добродушно, въ силу какого-то стародавняго завѣта, по которому нельзя челоуѣку въ чинахъ, да еще хорошей фамиліи, оставаться безъ денегъ и жить въ какомъ-нибудь чуланѣ. Да у него и семья была вдобавокъ; подростали сынки: старшему, Всеволоду, шелъ ужъ семнадцатый годъ; а супруга, бывшая княжна, хотъ и татарскаго рода, не могла же оставаться безъ платьевъ для выѣздовъ и уронить свое положеніе въ обществѣ. Зинаида Всеволодовна была

особа съ характеромъ, твердо поманившая свои права, и умѣла требовать отъ мужа чтобъ онъ, какъ генераль, да еще женатый на княжнѣ, держалъ себя и свой домъ какъ слѣдовало при его положеніи. Зинаида Всеволодовна не то чтобы мотала деньги: въ столичныя львицы, даже втораго разбора, она не мѣтила и въ юные годы; и нравъ ея, и самая ея наружность, не лишняя, правда, красоты, имѣли въ себѣ что-то слишкомъ ужъ непреклонное чтобъ она годилась на требующія гибкости роли первыхъ кокетокъ, но за то она знала себѣ дѣлу. Отецъ ея, занимавшій какое-то очень видное мѣсто, жилъ открытымъ домою и приучилъ ее, если не прямо къ роскоши, то къ довольно широкимъ размахамъ кошелька. Хотя по смерти отца ея приданое, прежде выплачиваемое по частямъ, обратилось въ совершенный прахъ, Зинаида Всеволодовна продолжала гордиться своимъ происхожденіемъ и требовала себѣ обстановки сообразно уже не состоянію, а привычкамъ. И почтенный ея супругъ, боявшійся какъ огня вспышекъ ея родовитаго гнѣва, залушалъ въ себѣ не слишкомъ громкій ролотъ совѣсти, когда ему приходилось удовлетворять ея прихотямъ на счетъ солдатскаго пайка. Не мудрено что онъ вышелъ въ отставку если не съ чистыми, то почти съ пустыми руками. За это ему быть-можетъ больше всего досталось отъ Зинаиды Всеволодовны. Имѣніе у Василія Ильича было не очень казистое: триста душъ на оброкъ во Владимирской губерніи, да еще двѣсти съ небольшимъ на барщинѣ, при довольно округленной дачѣ, съ порядочнымъ лѣсомъ да съ мельницей и хорошими лугами на рѣкѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы жить прихвѣваючи, только не такому хозяину какъ Василій Ильичъ. Есть люди которые умѣютъ хозяйничать лишь на чужомъ, а главное на казенномъ дѣлѣ. Пришлось изъ Малой Морской, гдѣ прежде жили Бороздины, перекочевать на Загородный Проспектъ и изъ втораго этажа подняться на третій; лѣтнее пребываніе въ деревнѣ стало все болѣе захватывать зимніе мѣсяцы. Василій Ильичъ пробовалъ было опять пристроиться къ теплому мѣстечку, но попытки его остались безуспѣшны. Зинаида Всеволодовна окончательно прониклась чувствомъ презрѣнія къ супругу и рѣшила что волей-неволей надо окончательно переселиться въ деревню. Сыновей помѣстили въ казенныя заведенія: старшаго въ Лицей, а младшаго въ Пажескій корпусъ. Въ деревнѣ Зинаида Всеволодовна преобразилась: избалованная дама



съ горькими воспоминаніями о минувшемъ блескѣ родительскаго дома, оказалась умѣлою хозяйкой; она сбросила чванство, сбросила и дорогія платья, и взяла въ руки распатанное имѣніе. Девятнадцатое февраля надвигалось грознымъ призракомъ, но генеральшу оно не испугало. Она твердо изучила Положеніе прежде даже чѣмъ оно было обнародовано, и заранѣе такъ услѣла надѣлать крестьянъ что для нихъ крѣпостное право не отошло въ вѣчность. Мужа она совсѣмъ оттерла и мнѣнія его не спрашивала ни въ чемъ. Василій Ильичъ брюзжалъ на новые порядки и по цѣлымъ днямъ слоная изъ угля въ уголь въ повошеномъ халатѣ да съ вѣчною трубкой во рту, довольный тѣмъ что развѣ одинъ только мухи мѣшали ему вполнѣ наслаждаться деревенскимъ локоемъ. Бразды правленія онъ совсѣмъ отдалъ супругѣ, и признаки жизни онъ выказывалъ тогда только когда прочтенная газета поднимала въ немъ застывшій осадокъ горечи и вызывала цѣлый потокъ жалкихъ словъ на необдуманность правительственныхъ дѣйствій.

Судьба дѣтей мало тревожила почтенныхъ супруговъ. Старшій, Всеволодъ—или Воля, какъ называла его мать—съ ранняго дѣтства росъ такимъ ласковымъ и въ то же время такимъ лодкимъ мальчуганомъ что на его счетъ безлокоиться не приходилось. Уже десяти лѣтъ Воля радовалъ мать своимъ замѣчательнымъ прилежаніемъ и удивительною ровностью нрава. И въ то же время онъ не былъ тихоней, какъ иныя черезчуръ прилежныя дѣти, точно придавленная раннею книжною мудростью. Воля былъ рѣзвый и боікій мальчишкѣ, но рѣзвый какъ-то въ мѣру и всегда почтительный къ старшимъ. Бранить его никогда не приходилось. Въ то время Бороздины не знали еще недостатка въ деньгахъ, и Волю не пришлось отдавать въ гимназію. Къ нему ходили учителя, и всегда съ похвалою отзывались объ его способностяхъ. И какъ строенъ онъ былъ, какъ хорошъ собой, даже въ тѣ угловатые годы когда подростокъ мальчишкѣ умѣютъ только шумѣть или конфузиться при чужихъ и стыдять родителей своими неотесаностью да взерошенными волосами. Блестящіе, не слѣшкомъ большіе сѣрые глаза, съ прямыми, точно нарисованными бровями, правильныи носъ съ небольшою горбинкой,—римскій носъ, какъ увѣряла мать,—и словно выточенный подбородокъ, все это еще въ дѣтскіе годы обвѣдало будущаго красавца. У Воли не было тѣхъ

лухлыхъ, румяныхъ щекъ, тѣхъ красныхъ, грубоватыхъ рукъ, какія бываютъ у иныхъ здоровыхъ мальчиковъ и придаютъ имъ такой вулгарный видъ. „*Pe est si distingué*“, говорили въ одинъ голосъ про него дамы, и Всеволодъ уже въ пятнадцатъ лѣтъ зналъ цѣну своимъ качествамъ и глядѣлъ на женщинъ прямо, безъ дерзости, но и безъ страха: во взглядѣ его была уже какая-то смѣсь увѣренности съ ласкающею лестью. И дамы за то стали ласкать его очень рано, можетъ-быть даже не вполне сознательно. Мать разумѣется въ немъ души не чаяла. „Онъ сдѣлаетъ карьеру, изъ него выйдетъ un homme d'état“, неоднократно приходилось ему слышать отзывы матери, и пятнадцатилѣтній юноша былъ твердо увѣренъ что карьеру онъ сдѣлаетъ, и что для этого надо лишь догадаться кому слѣдуетъ понравиться, а главное не робѣть ни предъ кѣмъ. Приходилось ему на этотъ счетъ уже съ равныхъ лѣтъ получать и кое-какія наставленія матери, хотя и не прямо къ нему обращенныя. Зинаида Всеволодовна, не стѣсняясь присутствіемъ сына, часто отпускала афоризмы въ родѣ того что услыхъ въ жизни зависить отъ умѣнія не прозвѣвать случая, что уважать людей надо тогда лишь когда они могутъ быть полезны, что жизнь есть шахматная игра, гдѣ каждая лѣшка можетъ сдѣлаться ферезью. Для Всеволода эти правоученія не пропадали, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ себя далеко не лѣшкой. Бѣда постигшая родительскій домъ оставила его довольно равнодушнымъ: то неказистое довольство, та роскошь средней руки, которую онъ видѣлъ съ дѣтства въ этомъ домѣ, далеко не удовлетворяли его честолюбивымъ мечтамъ. О такомъ мѣщанскомъ богатствѣ плакать не стоило, тѣмъ болѣе что самъ онъ конечно въ будущемъ сумѣетъ побогаче устроить себѣ обстановку. Къ отцу онъ почувствовалъ съ этой минуты какое-то полусострадательное презрѣніе, да и не считалъ особенно нужнымъ его скрывать. Главнымъ лицомъ въ домѣ была Зинаида Всеволодовна, а въ ея безграничной любви онъ былъ достаточно увѣренъ. Когда Всеволодъ, двадцати лѣтъ, вылученный изъ лицей съ золотою медалью пріѣхалъ навѣстить родныхъ въ деревнѣ, онъ глядѣлъ на ожидавшую его жизнь съ тою спокойною увѣренностью съ какою игрокъ дѣлаетъ свой первый ходъ когда у него рука полна козырей. Онъ не ощущалъ той волнующей тревожной радости съ какою въ первый разъ озираются

кругомъ на широкую жизнь почти всѣ юноши только что разставшіеся со школой. Сама юность, пора золотыхъ весеннихъ наслажденій, не ослепляла его своими грезами, не знающими ни цѣли, ни предѣла: она была для него не болѣе какъ первую ступенью на пути вверхъ, и всѣ его мечты были обращены туда, впередъ, гдѣ ожидали его не одни конечно юношескіе успѣхи. Зинаида Всеволодовна приняла его съ тою торжественностью съ какою матери любятъ встрѣчать первый прїѣздъ только-что выпущеннаго изъ школы любимаго сына, особенно когда этотъ сынъ удовлетворяетъ ихъ материнскому тщеславію. Вся усадьба была убрана по-праздничному, а комнату Воли оклеили новыми обоями, тщательно выбранными Зинаидой Всеволодовной, и мебель въ ней обновили, даже перетянувъ туда самое удобное кресло, какое только въ домѣ оказалось. Но Всеволода мало тронули эти старанія. Мать оны, конечно, горячо поблагодарила, увѣряя что незачѣмъ его такъ баловать; но когда оны остался наединѣ въ своей комнатѣ, оны окинулъ презрительнымъ взглядомъ ея скромное убранство. Да и весь старинный домъ, кое-какъ подновленный Зинаидой Всеволодовной, показался ему очень непригляднымъ. За четыре года предѣтъмъ, когда Всеволодъ поступалъ въ лицей, Старое Село—такъ называлась усадьба Бороздиныхъ—еще было для него чѣмъ-то роднымъ и милымъ: оны разстался съ нимъ почти съ грустью. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Въ лицей оны сошелся съ двумя-тремя богатыми товарищами—Всеволодъ умѣлъ подбирать себѣ друзей—и дома ихъ родителей приучили его къ иной обстановкѣ.

Видъ родныхъ полей не возбудилъ у Всеволода дорогихъ воспоминаній минувшаго дѣтства. Скромная красота ихъ мягкихъ волнистыхъ склоновъ, смиренная предель зеленѣющихъ нивъ не шептали его воображенію тѣхъ сладкихъ, хоть и неясныхъ рѣчей, какими отзываются въ молодомъ сердцѣ первыя свиданія съ покинутымъ гнѣздомъ. Одно лишь оны примѣтилъ съ перваго же дня: сосновый дѣсъ, высившійся прежде надъ крутымъ берегомъ рѣки, теперь исчезъ, и круглые срубы стыдливо и грустно скрывались за порослью можжевельника. Но сожалѣлъ молодой человекъ не о свѣжей дремучей тѣни стариннаго бора....

— Вы мнѣ не писали, мама, что пришлось вамъ дѣсъ продать, замѣтилъ оны вскользя Зинаидѣ Всеволодовнѣ.

— Что дѣлать, Вода! почти извиняясь предъ сыномъ отвѣтила непреклонная хозяйка Старого Села:—надо было все здѣсь устроить, а на то были нужны деньги.

Зинаида Всеволодовна не добавила что петербургская жизнь не по средствамъ оставила за собой порядочный долгъ съ которымъ пришлось расплатиться. Да Всеволодъ и не нуждался въ объясненіи. Онъ окинулъ мать бѣглымъ, холоднымъ взоромъ, отъ котораго та почти застыдилась, и безъ дальнѣйшихъ словъ помялъ настоящую причину гибели дѣла.

— Хозяйство у меня, какъ видишь, теперь въ порядкѣ, продолжала Зинаида Всеволодовна и пустилась въ длинные разказы о своихъ финансовыхъ лаазахъ.

Всеволодъ слушалъ ее съ почтительнымъ вниманіемъ, но про себя онъ думалъ что какъ ни старается мать, а все-таки доходы отъ Старого Села золотыхъ горъ не сулятъ.

— Я получаю теперь, какъ бы въ отвѣтъ на его мысли сказала Зинаида Всеволодовна,—тысячъ шесть въ годъ, кромѣ оброка. Выкула я еще не сдѣлала. Это, кажется, не дурно.

„Шесть тысячъ, эка важность!“ подумалъ Всеволодъ, „есть чѣмъ хвастаться! Ну да не въ этомъ дѣло; будутъ у меня и не такіе доходы когда получу мѣсто и женюсь. А на имѣніе я и не разчитывалъ“.

То обстоятельство что выкупъ пока былъ дѣлъ и невредимъ твердо однако засѣло въ памяти молодого человѣка. И онъ нѣжно подѣловалъ руку матери, когда она окончила докладъ сыну о своихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ.

Всеволодъ не терялъ времени въ деревнѣ. Онъ навезъ съ собой дѣлую кипу книгъ, все больше иностранныхъ, и принялся довершать свое лицейское образованіе. За наукой онъ не гонялся, но для будущей карьеры не мѣшало усвоить себѣ знакомство съ ходячими понятіями и пріобрѣсть внѣшній лоскъ бѣглою начитанности. Занятія не мѣшали ему однако и поразсѣяться въ деревенской глуши. Начался сѣнокосъ, и Всеволодъ, рыская по окрестностямъ, пустилъ въ ходъ свои двадцать лѣтъ и свою красивую наружность чтобы полакомиться насчетъ смазливыхъ дѣвчонокъ изъ сѣдѣвшихъ деревень. До Зинаиды Всеволодовны доходили слухи объ его незатѣдливыхъ побѣдахъ, но она за то не выговаривала сыну: ей казалось что такіа развлеченія въ порядкѣ вещей и что доморощеннымъ Греггемъ нельзя не заллатить дань ея красавцу-сыну.

Разъ Всеволоду попалась на глаза дѣвочка лѣтъ четырнадцати съ очень милосивиднымъ кругленькимъ личикомъ, на которомъ такъ и улыбаются двѣ крошечныя ямочки. Одѣта она была опрятно, не по-деревенски.

— Ба, да это Лиза! воскликнулъ онъ, подходя къ ней.— Какъ ты выросла! да какая нарядная стала!

Онъ хотѣлъ было ласково взять ее за подбородокъ, но дѣвочка нахмурившись пугливо увернулась.

— Что вы это, баринъ, оставьте! сказала она, почти враждебно глядя на Всеволода.

— Фу, какая недотрога! Чего боишься? Кабы не я это былъ, а братъ Петя, ты бы отвѣтила поласковѣе.

Дѣвочка промолчала, продолжая угрюмо смотрѣть на молодого человѣка.

— А что, хорошо учишься? настаивалъ онъ.— Совсѣмъ барышней глядишь.

— Учусь, да, коротко отвѣтила она.— А какая я вамъ барышня! полноте!

Лиза была дочь повара, бывшаго крѣпостнаго Бороздиныхъ, и съ самаго ранняго дѣтства ее взяли въ домъ къ господамъ. Они постоянно играли съ Петей, который приходился ей почти ровесникомъ. И мальчишкѣ, которому она полюбилась, принялся горячо просить родителей чтобы дѣвочку отдали въ школу. Знаида Всеволодовна рѣдко внимала просьбамъ младшаго сына, но на этотъ разъ она смилосводалась. Лизу помѣстили въ уѣздное училище, и наука ей пошла въ прокъ. Отецъ ея, поварь, качалъ головой надъ прихотью господъ и не слишкомъ-то надѣялся на благое влiяніе школы. „Избалуютъ они мою Лизу“, говаривалъ онъ и собирался ее сдать на руки въ Петербургъ какой-нибудь портникъ. „Мастерица изъ нея по крайней мѣрѣ выйдетъ“, думалъ онъ, „хлѣбъ будетъ зарабатывать; а въ наукѣ ихней что толку?“ Но когда онъ увидѣлъ какую прилежною и славною подростка ее дѣвочка, а главное какъ ей хотѣлось учиться, онъ перемѣнилъ намѣреніе и даже рѣшилъ было не пожалѣть денегу, скопленную на черный день, и отправить Лизу въ прогимназію.

— Я встрѣтилъ сегодня, разказалъ матери Всеволодъ,— маленькую Лизу, вы знаете ту самую о которой такъ Петя хлопоталъ. Совсѣмъ ее избаловали кажется. Elle a tout à fait l'air d'une demoiselle. Смѣшно даже... Это вы ее, мама, такъ воспитать постарались?

— Совсѣмъ не я. Очень мнѣ нужно дворовыхъ дѣвчонокъ воспитывать!.. Это все Петя устроилъ. Представь себѣ, изъ своихъ денегъ платилъ за ея ученье, да еще къ празднику всегда бывало пошлетъ ей что-нибудь, а у самого никогда въ карманѣ гроша нѣтъ. Очень это нужно!.. Я вообще Петей очень недоволенъ...

И Зинаида Всеволодовна принялась жаловаться на младшаго сына. Слова Всеволода точно пробудили въ ней дремлющее, но постоянно готовое вспыхнуть гнѣвное чувство къ нелюбимому Петѣ. Всеволодъ слушалъ ее разсѣянно, слегка логлаживая верхнюю губу, гдѣ пробивались нѣжные бѣлокурые усики, и думалъ про себя что для хорошенькой Лизы пригодна совсѣмъ иная карьера...

Насколько Зинаида Всеволодовна гордилась старшимъ сыномъ, настолько же ее раздражало поведеніе младшаго. Петя въ ея глазахъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ былъ какимъ-то отверженнымъ, потеряннымъ существомъ. Онъ не умѣлъ, какъ старшій братъ, ласкаться къ матери; въ присутствіи ея видимо дичился. Но за то, когда ея не было, необузданно шалилъ и буянилъ. Игрушки свои онъ бывало всегда ломаетъ; книги, которыя ему дарилъ, исцарапаетъ да изорветъ. И учился онъ всегда крайне плохо, не зналъ уроковъ, а иногда и прямо грубилъ учителямъ. Да и не то съ нимъ бывало. Находили на него иногда такіе припадки дикаго гнѣва что онъ, сжавъ кулаки, накидывался на того кто вздумалъ бы перечить его дѣтскому нраву, или кидался на полъ и барахтался тамъ въ какомъ-то бѣшенствѣ. А случалось и такъ что Петя весь дрожа отъ страстнаго раскаянія кидался къ матери и со слезами на глазахъ просилъ у нея прощенія. Но Зинаида Всеволодовна лишь холодно его отталкивала. Она была глубоко убѣждена что у Пети злое, рано испорченное сердце, и что нечего отъ него ожидать кромѣ огорченія и стыда. А когда родители заранѣе такъ безнадежно предопредѣляютъ будущность дѣтей, они зачастую тѣмъ самымъ накликаютъ такую будущность.

Въ половинѣ августа, послѣ лагеря, Петя тоже пріѣхалъ въ Старое Село на мѣсяцъ въ отпускъ. Онъ горячо любилъ родную усадьбу. Каждый уголокъ въ ней былъ ему дорогъ: и полузаросшій садъ съ одичалою чащей кустовъ малины и крыжовника, въ промежуткахъ между прямыми дорожками, обсаженными липами; и кудрявую рощу, гдѣ въ знойный лѣтній

день такъ сильно пахло березовымъ листомъ; и даже невзрачныя драхмыя постройки, печально, какъ инвалидная команда, сторожившія вокругъ двора; и тѣсную комнатку въ мезонинѣ, едва ли не самую плохенькую въ цѣломъ домѣ, гдѣ помещалась его узкая кровать да три плетеные стула возлѣ покосившагося столика предъ небольшимъ окномъ, все незагнѣдливое убранство его жилья. Петя, когда ему случалось прїѣзжать въ Старое Село, всегда съ замираніемъ сердца вступалъ въ его обширныя и мрачно глядѣвшія сѣни: онъ будто ждалъ отъ нихъ какого-то новаго теплаго привѣта, какъ ждалъ онъ его и отъ отца съ матерью. Но привѣта не было, и родители принимали его такъ же холодно какъ эти холодныя сѣни, гдѣ всегда пахло сыростью и какими-то съѣстными приласами, хранившимися рядомъ въ чуланѣ. Отецъ бывало равнодушно, какъ бы мимоходомъ, потреллетъ мальчика по щекѣ и скажетъ, давая ему поцѣловать свою мягкую, влажную руку: „Ну, что? опять напалаилъ? Смотри у меня! учись, да слушайся начальства, а то берегись: я шутить не люблю!“ Но генералъ, хоть шутилъ онъ въ самомъ дѣлѣ очень рѣдко и очень не весело, строгъ былъ только на словахъ и никакихъ мѣръ къ исправленію сына не принималъ: онъ и у себя въ домѣ, казалось, былъ въ отставкѣ. За то мать давала чувствовать Петѣ свое величавое нерасположеніе: рѣдкій день обходился безъ выговора бѣдному мальчику, и Зинаидѣ Всеволодовнѣ какъ будто доставляло удовольствіе какъ можно чаще повторять что отъ Пети никогда не будетъ проку. Не мудрою что Петя и самъ въ этомъ убѣдился, и пропала у него всякая охота постараться чтобъ изъ него вышелъ прокъ. Радужныя ожиданія, съ которыми онъ прїѣзжалъ въ деревню, уже чрезъ нѣсколько дней смѣнялись тулымъ равнодушіемъ. И развѣ березовая роща да луга вдоль рѣки, всегда зеленые, всегда привѣтливые, шептали ему про неизмѣнную ласку природы. Съ ними онъ и отводилъ душу, да еще съ Лизой, съ которой онъ прежде игралъ. Телерь онъ видѣлъ ее только украдкой, какъ бы стыдясь чего-то съ тѣхъ поръ какъ она стала подростать.

Такъ случилось и въ этотъ прїѣздъ бѣднаго мальчика. Его не перевели въ слѣдующій классъ за дурныя отмѣтки, да еще за то что Петя съ особеннымъ рвеніемъ чинилъ всякія каверзы преподавателю нѣмецкаго языка Адаму Адамовичу Штумпермихелю, замѣчательно робкому и въ то же время

крайне мстительному человѣку, съ блѣдыми глазами и прилилавшими къ вискамъ блѣдыми жидкими волосами. Травля учителей, въ особенности же Нѣмца, была впрочемъ любимымъ выраженіемъ ухарства со стороны будущихъ воиновъ. Прочимъ она большею частью сходила съ рукъ, а Петя, не обладавшій изворотливостью и учившійся скверно, платился обыкновенно за всѣхъ.

Зинаида Всеволодовна грозивше прежняго встрѣтила своего неудачника-сына: даже руки на этотъ разъ не дала ему поцѣловать и, вмѣсто материнскаго привѣта, тутъ же прочла ему длинную, сухую нотацию: „Ты съ брата примѣръ бы взялъ“, закончила она. „Посмотри—воѣ его любятъ: и начальство, и товарищи; и мѣсто онъ получить, и чины... А изъ тебя чтò выйдетъ? Безпутный, пропащій человекъ, который мать и отца въ гробъ сведетъ.“

Даже въ виду неприятой перспективы раняго гроба, Зинаида Всеволодовна предоставляла себѣ первое мѣсто.

Петя, слушая ее, повѣсилъ носъ и въ смущеніи малъ фуражку. Но горькаго, завистливаго чувства къ брату слова матери въ немъ не пробудили. Петя издавна привыкъ смотрѣть на брата какъ на избранника судьбы, которому отъ роду написано во всемъ услѣвать и всѣмъ нравиться; онъ преклонялся предъ Всеволодомъ и охотно вѣрилъ въ его превосходство. Было что-то восторженное и почти рабское въ этомъ добровольномъ приниженіи себя предъ братомъ. А Всеволодъ хоть и былъ ласковъ съ Петей — онъ зналъ цѣну его горячему, преданному чувству—все-таки держалъ себя съ нимъ какъ-то небрежно, покровительственно. Въ любви привязанности, впрочемъ, одинъ довѣрчиво и безкорыстно приноситъ ее въ даръ, а другой ее принимаетъ какъ законную дань. Но страннымъ могло казаться это покровительство старшаго брата младшему: Петя, хоть ему всего было пятнадцать лѣтъ, успѣлъ уже перерости Всеволода, и такую крѣпостью, такимъ здоровьемъ дышала вся его коренастая, сильная натура что старшій братъ предъ нимъ глядѣлъ почти слабымъ и тщедушнымъ.

Всеволодъ продолжалъ между тѣмъ исподоволь и осторожно подкрадываться къ Лизѣ. Дѣвочка однако избѣгала съ нимъ встрѣчаться: красавецъ-баринъ вдушалъ ей не то страхъ, не то бессознательное отвращеніе. У дѣтей, а Лиза была почти еще ребенкомъ, да и у животныхъ тоже часто



бываетъ такая безпрочивная ненависть. Разъ въ теплый, солнечный день, уже въ послѣднихъ числахъ августа, Всеволодъ, усталый послѣ долгой и безуспѣшной охоты, съ наслажденіемъ растянулся на мху подъ слегка рѣдѣвшею тѣнью березовой рощи. Закрывъ руки за голову, онъ лѣнливо глядѣлъ притупленными глазами въ подернутую легкою дымкой скамистую даль, гдѣ спускавшіяся къ рѣкѣ скаты поля такъ и блестяли въ косыхъ лучахъ осенняго солнца. Но тѣнь была только въ его позѣ, и всматривался онъ вовсе не въ прозрачную, тихую картину словно отдыхавшей отъ дѣла, вѣявшей мирною грустью осенней природы. Голова его, какъ и всегда, бойко работала и зорко слѣдила его мысль за иною, совсѣмъ не сельскою картиной—за образами того блестящаго, все вверхъ идущаго будущаго, которое любилъ вызывать его всегда практическое воображеніе. А будущее это тоже оваряло солнце, только ужъ конечно не солнце осени и совсѣмъ не мирною грустью, а честолюбивымъ задоромъ вѣяло отъ этихъ образовъ. Вдругъ за его спиной посыпались шаги; мохъ захрустѣлъ подъ чьими-то легкими ногами. Онъ быстро поднялся и увидѣлъ предъ собой не притѣвлившую его Лизу; она несла въ рукѣ кузовокъ съ грибами.

— А, лаутовка! воскликнулъ онъ и глава его всмѣялись, подернувшись влагой,—наконецъ-то я тебя встрѣчаю. Покажи-ка сюда... грибовъ набрала? Вишь, сколько!

И сдѣлавъ видъ что онъ хочетъ полюбоваться на ея грибы, Всеволодъ слегка ущипнулъ ея подбородокъ.

— Пустите, баринъ! На что вамъ мои грибы? вся зардѣвшись и озираясь кругомъ отвѣдила смущенная дѣвушка.

— Куда тебѣ? чего слѣпшишь? Посиди вотъ тутъ со мной, да сказки давай разказывать.

И онъ бережно обхватилъ ее рукой, стараясь потянуть за собой всю затрелетавшую дѣвушку.

— Ну, говорятъ вамъ, пустите! бояливо защищалась она, видимо недовольная встрѣчей.

— Вотъ еще пустить... экая недотрога! Я вѣдь, Лизочка, же кусаюсь...

Онъ нагнулся къ ней и потянулъ къ себѣ ея станъ, крѣпко обвивъ его руками.

— Да что вы, что вы!.. стараясь вырваться, закричала она. Кузовокъ выпалъ изъ ея рукъ, грибы разсыпались.

— Ну, вотъ видишь, не страшно, кажется?.. звонко прижался цѣловать онъ бѣдную дѣвушку, все крѣпче обнимая ее.

— Аѣ, Господи, да что же это! заплакала она, продолжая защищаться.

Но помощь была уже близка. Кусты орѣшника, стоявшіе у опушки, зашелестили, раздвигаемые чьею-то рукой, и Пета, весь расцарапанный сучьями, однимъ скачкомъ очутился возлѣ брата и Лизы. Кусты не дали ему до этой минуты разглядѣть что происходило въ роуцѣ, но услыхавъ взволнованный голосъ дѣвочки, онъ тотчасъ бросился къ ней, какъ попало. Видѣ брата ошеломилъ его: и гнѣвъ, и изумленіе читались на его лицѣ.

— Что ты дѣлаешь? Оставь ее! Какъ тебѣ не стыдно! закричалъ онъ на Всеволода. Кровь бросилась ему въ лицо и глаза его блестяли.

— Есть чего стыдиться! Экая бѣда что захотѣлось поцѣловать эту дурочку!

И еще разъ губы его коснулись ея нѣжною личика. Но должно-быть стыдѣ предъ младшимъ братомъ заговорилъ въ немъ, только поцѣлуй былъ не такъ ужъ звонокъ какъ прежде, и руки его невольнао выпустили дѣвушку изъ лѣвна.

Лиза отскочила въ сторону и, вся дрожа отъ волненія, испуганно глядѣла на братьевъ.

— Вы не думайте, Петръ Васильевичъ, робко стала она извиняться,—я тутъ ни при чемъ...

— Ну, ну, еще разсуждать вздумала! раздраженнымъ голосомъ проговорилъ Всеволодъ и снова подошелъ къ Лизѣ.— Попадись-ка ты мнѣ въ другой разъ!..

— Не смѣй ты ее трогать, Всеволодъ! остановилъ брата за руку Пета.— Повимаешь, я этого не допущу!

Новое вмѣшательство Пети окончательно разозлило Всеволода.

— Ты чего еще тутъ впутался, молокососъ этакой! закричалъ онъ, глаза его загорѣлись отъ гнѣва, и почти невольнымъ движеніемъ руки онъ грубо оттолкнулъ Петю. Но случилось такъ что нечаянно рука Всеволода ударила брата по лицу.

Петя не помнилъ себя отъ ярости. Съ нимъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ бѣшеныхъ припадковъ какіе бывали у него въ дѣтствѣ. Онъ бросился на старшаго брата, мигомъ повалилъ его и, крѣпко стиснувъ его своими сильными руками, нажалъ ему коленомъ грудь. Глаза у Пети налились кровью. Хриплые звуки выходили изъ его стиснутыхъ губъ. Всево-

лодь былъ такъ огорошенъ нападеніемъ Пети что не успѣлъ защититься. Онъ стоналъ подъ напоромъ колѣна спиравшаго ему дыханіе, но стоналъ не отъ боли, а отъ бѣшенства. Чувствовать себя безсильнымъ во власти этого гаулаго, презираемаго имъ мальчика, это было для Всеволода худшимъ изъ униженій. Онъ не почувствовалъ даже какъ голова его при паденіи ударилась о толстый березовый корень.

Первымъ опомнился Пета. Съ минуту, тяжело и усиленно дыша, онъ неподвижно продержалъ брата въ своихъ гнѣвныхъ объятіяхъ, но вдругъ блѣдность, разлившаяся по лицу Всеволода, бросилась ему въ глаза и мигомъ протрезвила его. Вся его преданная, почти дѣтская любовь къ этому брату вернулась въ его вспыхнувшее сердце и смыла все, и негодование на поступокъ Всеволода, и самую нанесенную имъ обиду. Онъ быстро вскочилъ на ноги.

— Да что я это сдѣлалъ! застоналъ онъ. — Встань, Воля, дружокъ мой, встань! Прости меня! я право не знаю какъ это случилось...

Но Всеволодъ лежалъ неподвижно. Блѣдныя его губы были стиснуты. Пета вообразилъ что братъ лишился чувствъ. Онъ бросился на колѣни, и теперь только примѣтилъ слабую струйку крови просачивавшуюся изъ-подъ затылка Всеволода.

— Что я сдѣлалъ! воскликнулъ онъ. — Негодный я, мерзкій и Пета, выхвативъ платокъ изъ кармана, хотѣлъ приподнять голову брата и остановить кровь. Но Всеволодъ какъ бы очнулся отъ прикосновенія его руки. Ненавистью къ брату блеснули его глаза....

— Поди ты! очень мнѣ нужна твоя помощь! рѣзко засмѣялся онъ, приподнимаясь и встряхивая свои члены.

— Да ты ушибся, продолжалъ безлокоитъ Пета.

— Эка важность что ушибся! заживетъ! Онъ оглянулся. — А дура эта убѣжала? добавилъ онъ, примѣтивъ отсутствіе Лизы. — А я тебя это припомню, любезный мой.

И кивнувъ головой въ сторону брата, онъ поднялъ ружье и быстрыми шагами, не прибавивъ ни слова, направился къ дому.

Пета долго не двигался съ мѣста. Онъ раздумывалъ да раздумывалъ, зачѣмъ все это такъ случилось, и съ отчаянія рвалъ волосы. Какъ? онъ, безпредѣльно преданный брату, могъ занести на него руку, броситься на него съ какою-то дикою ненавистью! И все это изъ-за какой-то дрянной

дѣвочки! Нѣтъ, Всеволодъ ему не проститъ этого никогда. Онъ чувствовалъ себя такимъ дряннымъ и гадкимъ въ эту минуту что готовъ былъ уйти, убѣжать, скрыться на вѣки въ тотъ край свѣта куда такъ хочется любому юношѣ въ тѣ горячія минуты когда стыдъ бурною волной словно за-топляетъ все его нравственное существо...

Часъ спустя Петя стоялъ на колыняхъ предъ братомъ въ его хорошеенькой комнаткѣ и страстно умолялъ его о прощеніи.

— Знай, Всеволодъ, торжественно объявилъ онъ въ молодомъ увлеченіи,—что бы ты отъ меня ни потребовалъ я все сдѣлаю, на всякую жертву пойду для тебя!

Всеволодъ слушалъ его молча, и хотя недобрая складка не сходила съ его бровей, онъ подѣ конецъ все-таки сказалъ что все будетъ забыто. Не мѣшало на всякій случай думать расчетливый молодой человекъ, заручиться этимъ обѣщаніемъ, хотя Всеволодъ не допускалъ и мысли чтобы младшій братъ могъ когда-нибудь оказать ему услугу.

Съ этихъ поръ новыя отношенія установились между братьями. Прѣжнее чувство покровительства Всеволода къ Петѣ исчезло: его смѣнилъ затаенный страхъ предъ младшимъ братомъ, а къ этому страху примѣшивалась и затаенная злоба. Напротивъ, восторженное поклоненіе старшему брату приняло у Пети оттѣнокъ нѣжности, точно и онъ въ свою очередь могъ покровительствовать Всеволоду. Въ одномъ по крайней мѣрѣ, въ крѣпости мускуловъ, Петя чувствовалъ себя сильнѣе брата, и это сознаніе придавало ему какую-то безотчетную гордость. Сцена въ роцѣ не разгласилась Всеволодъ не считалъ нужнымъ повѣдать о ней матери; а отецъ Лизы, хоть и зналъ что произошло, хранилъ осторожное молчаніе. Да и сама она, невѣстная причина столкновенія, вскорѣ исчезла изъ Старого Села. Петя встрѣтился съ нею на слѣдующій день, и дѣвочка, стыдясь и робѣя, хотѣла было заговорить съ нимъ.

— Спасибо вамъ, Петръ Васильевичъ, что за меня заступились, начала она, но Петя тотчасъ остановилъ ее.

— Не смѣй ты мнѣ и на глаза показываться, западливо перебилъ онъ ее.—Изъ-за тебя я чуть съ братомъ на вѣкъ не разошлся.

И въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ ей отцу чтобы тотъ поскорѣ отправилъ ее куда-нибудь подальше. Старикъ самъ былъ отъ этого не прочь.

— Мать, матушка, объявилъ онъ дочери, — ученью твоему во всякъ этотъ школахъ теперь шабашъ! До добра она тебя не приведетъ. И здѣсь торчать тебѣ уже не зачѣмъ, далеко ли до грѣха...

И благоразумный поваръ недѣлю спустя спроводилъ дочку въ Петербургъ, гдѣ и помѣстилъ ее въ заведеніе у знакомой ему портнихи. И Всеволодъ, и Пета скоро про нее забыли, не забывъ однако про то столкновеніе до котораго она ихъ довела. И долго еще у Пети морозъ пробѣгалъ по спинѣ когда ему приходила на память сцена въ березовой роуцѣ.

#### XIV.

Прошло четыре года. Вероздины снова перѣехали въ Петербургъ. Дѣла ихъ замѣтно поправились. Причиной тому конечно было умѣлое хозяйничанье Зинаиды Всеволодовны, но еще болѣе повлияла на эту перемѣну смѣтливость ея старшаго сына. Всеволодъ оправдалъ всѣ обѣщанія своей блестящей юности. По службѣ онъ шелъ быстро, но не получилъ отпечатка сухой дѣловитости чиновнаго люда. Онъ рано лопаялъ что въ Россіи можно дѣлать карьеру и въ то же время относиться къ этой карьерѣ съ какимъ-то изящнымъ пренебреженіемъ, что такая внѣшняя небрежность скорѣе даже содѣйствуетъ быстрому повышенію. Въ министерствѣ, куда онъ поступилъ, начальство скоро оцѣнило точность и отдачу всего что онъ писалъ, и въ то же время онъ сумѣлъ предъ этимъ начальствомъ усвоить себѣ независимое положеніе свѣтскаго человѣка. Для служебныхъ цѣлей иногда выгоднѣе понравиться женщинѣ чѣмъ директору департамента. Всеволодъ бойко и умѣло велъ свою двойственную роль и гоняся за двумя зайцами не оправдалъ на себѣ извѣстной пословицы. Достигъ онъ этого, можетъ-быть, потому что и на балу и на службѣ равно оставался хладнокровнымъ; а то мѣстечко въ своемъ сердцѣ откуда что-либо похожее на страсть просилось наружу онъ тщательно заперъ на замокъ до поры до времени. Каждый день ему приносилъ какой-нибудь, хотя маленькій, услѣхъ, потому что ни одного часу въ этомъ дѣлѣ онъ не отдавалъ праздному увлеченію. Вышкочить себя на этотъ счетъ было совсѣмъ не легко: натура у Всеволода была далеко не безстрастная, но онъ сумѣлъ взнуздать ее и направить

туда, куда было выгодно идти. Онъ даже товарищей выбиралъ съ расчетомъ. Такъ, напримеръ, онъ коротко сошелся съ единственнымъ сыномъ Кондратія Савича Разметальскаго, молодымъ человѣкомъ, отчаянно безмозглымъ, любимую мечтой котораго было спустить съ возможно большимъ трескомъ накопленное папашей состояніе. Ему это должно быть и удалось бы еслибъ этому не помѣшала ранняя болѣзненность. Кондратій Савичь очень обрадовался сближенію сына съ такимъ солиднымъ человѣкомъ какъ Всеволодъ. Онъ и не подозрѣвалъ конечно что дѣлю этого обличенія былъ вовсе не его сынъ, а самъ Всеволодъ. Разметальскій съ тревогой подмѣчалъ у своего наследника удивительное смѣшеніе мотовства съ какимъ-то скарднымъ цинизмомъ. Разъ онъ услышалъ какъ его сынокъ, разговаривая со Всеволодомъ о грустномъ положеніи русскихъ финансовъ, вдругъ воскликнулъ:

— Въ толкъ не возьму, отчего это мы себя банкротами не объявляемъ. Коротко и просто было бы, глупая честность что ац мѣшаетъ?

— Совсѣмъ не честность, разсмѣялся Всеволодъ.—Люди оттого должно-быть платять старые долги что собираются сдѣлать новые.

Разметальскому этотъ отвѣтъ понравился. Онъ разговаривался со Всеволодомъ и былъ пораженъ рѣдкимъ въ его года знакомствомъ молодаго человѣка съ финансовыми вопросами. Кондратій Савичь любилъ играть въ Меценаты, особенно въ смыслѣ поощренія искусства богатымъ. Благодаря своему положенію излюбленнаго концессіонера, онъ былъ вхожъ во всѣ министерства и не большого труда ему стоило обратить на Всеволода благосклонное вниманіе Михаила Владиміровича Чистопольскаго. Государственный человѣкъ дорожилъ репутацией пронципальности, и когда Разметальскій горячо расхвалилъ ему Всеволода, онъ сдѣлалъ видъ, будто самъ подмѣтилъ его способности,—а подмѣтилъ онъ на самомъ дѣлѣ только его стройную фигуру и его красивый почеркъ. Съ этими данными впрочемъ не трудно было Всеволоду понравиться такому изящному и благообразному сановнику какъ Михаилъ Владиміровичъ. Два года послѣ своего поступленія на службу Всеволодъ уже получалъ порядочное жалованье, а еще черезъ два года, когда ему было всего двадцать пять лѣтъ, въ качествѣ министерскаго любимца

уже сопровождалъ Михаила Владиміровича въ одну изъ его бѣглыхъ поѣздокъ по Россіи. До Всеволода стали доходить первыя, еще слабыя вѣдѣнія того лютнаго прибора искаательства которыя, такъ скавать, возвыщаютъ о начинающемся вліяніи. И надо отдать Всеволоду справедливость: это вліяніе онъ прежде всего пустилъ въ ходъ для пользы семьи. Благодаря Разметальскому и инымъ финансовымъ связямъ, Всеволодъ, при всемъ своемъ безденежьи, зналъ кое-какіе ходы въ мірѣ спекуляціи. Выкупъ Старого Села былъ превращенъ въ разнообразныя акціи, и Василій Ильичъ, ставъ обладателемъ бумажнаго богатства, слишкомъ на сорокъ тысячъ, умвожилъ собою ряды лѣтербургскихъ капиталистовъ чающихъ повышения,—этой манны небесной въ пустынь русскихъ кармановъ. Покровительство Кондратія Савича помогло ему пристроиться въ качествѣ одного изъ директоровъ какого-то общества, правленіе котораго имѣло большую слабость къ генераламъ, къ тѣмъ изъ нихъ въ особенности кто во время засѣданій предавался дремотѣ и потому въ великія тайны не старался проникать. Василій Ильичъ видимо присосанился. Халатъ и трубка были отброшены: ихъ замѣнили плотно обтянутый черный сюртукъ съ временною складкой и мнимо-таванскія сигары. Онъ сталъ почитывать либеральныя газеты и подъ вліяніемъ ихъ иногда даже приходилъ въ азартъ. Василій Ильичъ вообразилъ что у него есть собственное мѣстаіе, и въ клубѣ любилъ прервать карточную игру ради политическихъ споровъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ что у него вдругъ народились финансовыя способности, и въ солнечные дни онъ, весь выпрямившись, гулялъ по Невскому какъ человекъ вновь открывшій въ себѣ исчезнувшее было сознаніе своего достоинства. Онъ гордился этимъ какъ бѣднякъ гордится невзначай отысканною въ карманѣ латирублевою бумажкой, когда предъ тѣмъ онъ думалъ что ему не на что будетъ пообѣдать.

Спекуляціями Василія Ильича конечно руководилъ Всеволодъ, но руководилъ подъ зоркимъ контролемъ матери. Зинаида Всеволодовна любила старшаго сына тою любовью которая на половину состоитъ изъ удовлетвореннаго тщеславія,—а такая любовь самая щедрая въ мірѣ,—но въ денежныхъ вопросахъ она даже съ нимъ держалась какой-то придирчивой аккуратности, не потому чтобъ она ему не доверяла, а изъ какой-то упрямой страсти къ формальной

отчетности. Страсть эта всегда появляется у женщинъ когда онѣ проникаютъ въ непривычную для нихъ область цифръ. Разъ, и всего только разъ, Всеволоду пришлось попросить у матери денегъ; онъ тщательно избиралъ этого, и въ домѣ всѣ дивились тому какими невѣдомыми средствами онъ поддерживалъ довольно широкую жизнь блестящаго молодого человека. У Всеволода была своя экипажъ, своя лошадь, правда, не изъ лучшихъ рысаковъ въ городѣ; одѣтъ онъ всегда былъ какъ нельзя лучше и нѣ въ чемъ себя по видимому не отказывалъ. А между тѣмъ долговъ за нимъ не водилось: никогда по крайней мѣрѣ не проникали въ родительскій домъ назойливыя темныя личности или еще болѣе назойливыя письма съ требованіемъ немедленной уплаты. На этотъ разъ однако и Всеволоду понадобились деньги.

— Вы понимаете, мама, сказалъ онъ, замѣтивъ удавленіе матери,—какъ мнѣ непріятно васъ объ этомъ просить... Я деньги мотать не привыкъ, но въ кругу моихъ знакомыхъ бываютъ иногда расходы обязательныя, хоть и совершенно неслѣбны... Я не могу отставать отъ другихъ... Ну, а и подумалъ что вы мнѣ дадите изъ тѣхъ денегъ которыя мы выиграла на черноморскихъ акціяхъ...

— Сколько тебѣ надо? оборвала его Зинаида Всеволодовна.

— Тысячи двѣ...

— Сколько?!...

И по одному ужасу съ которымъ было преговорено это слово можно было узнать напередъ отвѣтъ Зинаиды Всеволодовны. На просьбу сына она согласиться не могла: нѣтъ, какъ ни дорогъ ей Всеволодъ, она твердо рѣшилась не брать ни одной копѣйки изъ капитала. Вѣдь послѣ ея смерти все достанется ему же, Всеволоду. Копить она деньги для него одного, а не для Пети конечно. Но дать ему такую сумму теперь, этого нельзя: это противъ ея принциповъ.

Материнское сердце Зинаиды Всеволодовны однако смягчилось.

— Денегъ тебѣ я дать не могу, но есть другое средство...

И говоря это, она нѣжно, почти робко взглянула на сына. — Для своего Воли я ничего не пожалѣю. У меня есть фермуаръ съ жемчугами; возьми его, заложу, продай... какъ ты хочешь. Я тебѣ сейчасъ его принесу.

И непреклонная за минуту предъ тѣмъ Зинаида Всеволодовна преобразилась вдругъ въ любящую мать, для которой нѣтъ сплшкомъ дорогой жертвы.



Всеволода такъ огоршило это предложеніе что онъ не нашелъ отвѣта. Но онъ зналъ что отказомъ онъ обидитъ мать, и, когда она вернулась, держа въ рукѣ ветхій кожаный футляричекъ, Всеволодъ съ чувствомъ поблагодарилъ ее и принявъ ея подарокъ. Но въ сердцѣ поднималась у него злобная волна. „Поди ты послѣ этого, разсуждай съ женщинами“, говорилъ онъ самому себѣ, вернувшись въ свою комнату. „Отказываетъ мнѣ въ единственной моей просьбѣ, хотя и знаетъ хорошо что не будь меня, не было бы ни капиталовъ, ни выигрышей на биржахъ; а потомъ вдругъ развѣжилась и дрянъ эту дарить, которая и пятисотъ рублей не стодитъ!“

Всеволодъ раскрылъ футляръ и бросилъ презрительный взглядъ на лежавшую въ немъ брошку. „А вѣдь эта дрянъ куда какъ ей дороже какихъ-нибудь двухъ тысячъ: слишкомъ двадцать лѣтъ съ ней не расставалась. Ну, объясни послѣ этого кто-нибудь женскія противорѣчія!“

Всеволодъ раздражительно захопнулъ футляръ и твердо рѣшилъ что никогда не будетъ просить денегъ у матери. А старинная брошка, съ которою Зинаида Всеволодовна рассталась какъ съ дорогимъ воспоминаніемъ своей молодости, недѣлю спустя была подарена Всеволодомъ дѣвицѣ Клоридѣ Гиксъ, артисткѣ изъ труппы цирка, пользовавшейся временнымъ благоволеніемъ молодаго человѣка. Онъ сознавалъ что словно въ навозную кучу бросаетъ подарокъ матери, но ему такъ именно и хотѣлось поступить: подъ вліяніемъ злобы самые разчетливые люди дѣлаютъ глупости, а порой и хуже того.

Страсть къ женщинамъ была единственнымъ чувствомъ которое въ сердцѣ Всеволода могло побороться съ разчетливымъ честолюбіемъ. Страсть эта была жгучая, но сухая и черствая: въ ней и тѣни не было настоящей любви. Женщины, однако, должно-быть этого не примѣчали, такъ какъ въ побѣдахъ у Всеволода недостатка не было. И побѣды эти были самаго разнообразнаго свойства. Онъ одинаково умѣлъ лѣзнуть и чопорную, избалованную даму, которой тридцатипятилѣтняя опытность еще не охладила кровь, и привыкшую къ быстрымъ поворотамъ судьбы театральную красавицу. Съ каждой изъ нихъ онъ умѣлъ попадать въ тонъ, давая ей какъ разъ ту порцію нѣжнаго чувства, изящнаго скенцицизма и ловкой самоувѣренности, которая могла

ей прійтись по вкусу. Онъ умѣлъ приправлять кажущимся искреннимъ увлеченіемъ даже тѣ прозаическія сближенія которыя основаны на коммерческихъ началахъ. И какъ разъ, благодаря этой примѣси нѣсколько поддѣльнаго чувства, онъ вызывалъ что-то похожее на любовь даже въ такомъ женскомъ сердцѣ которое давно превратилось въ шкатулку; а самъ онъ при этомъ оставался не то чтобы холоднымъ,—онъ только всегда держалъ твердо въ рукахъ и себя, и свое чувство. Всеволодъ умѣлъ даже устроить такъ чтобы чувство это служило ему на пользу, а не отвлекало его отъ настоящаго пути. Онъ былъ того мнѣнія что успѣваютъ въ жизни только люди съ сильными страстями, но за то и съ сильною волей. „Далеко ускачешь, сказалъ онъ разъ брату,—только на горячей лошади, но съ тѣмъ чтобы она шла послушно и въ сторону не бросалась“.

Слова эти для Пети были гласомъ вопіющаго въ пустыни. Его, напротивъ, всегда заносило въ сторону. Настоящей дороги онъ какъ будто даже и не зналъ. Въ корпусѣ его одно только спасло отъ исключенія: товарищи его очень любили за то что не разъ онъ принималъ на себя чужую вину. Только правда и то что смотрѣли они на него какъ на какого-то блаженнаго и пользовались этимъ чтобы въ отвѣтъ за все предъ начальствомъ былъ онъ. За то они умѣли его и отстаивать когда его постигала на половину лишь заслуженная кара. Какимъ-то чудомъ Петя съ грѣхомъ пополамъ выдержалъ экзаменъ. Онъ поступилъ корнетомъ въ кавалерійскій полкъ, и лихая ѣзда—на этотъ счетъ Петя отличался съ дѣтства—выдвинула его какъ отличнаго офицера; а репутація славнаго малаго не покидала его и здѣсь и приобрѣла ему всеобщую дружбу. Съ этой стороны все обстояло благополучно. Но буйный нравъ, далеко не остывшій съ годами, давалъ себя чувствовать, и Петя не разъ попадался въ самыя гаулыя исторіи. Всеволодъ имѣвшій гораздо больше вліянія на него чѣмъ мать—про Василія Ильича и говоритъ нечего—то и дѣло читалъ ему проповѣдь. Слушалъ его Петя съ поникшею головою и съ виноватымъ лицомъ—къ брату онъ продолжалъ относиться съ какимъ-то совѣмъ даже не братскимъ поклоненіемъ—и крѣпко хотѣлъ исправиться, но проходила недѣля, много дѣвъ, и буйная жизнь возобновлялась. Дикія попойки съ Цыганами, дѣлыя ночи напролетъ проведенныя въ загородныхъ трактирахъ, словомъ, разгулъ во всю

русскую ширь это было какъ будто природною стихіей для Пети.

Картъ онъ, правда, не любилъ, и странное дѣло, чувственная жиака въ немъ какъ будто отсутствовала. При женщинахъ у него появлялась какая-то робость, и даже съ тѣми изъ нихъ которыя менѣе всего привыкли къ уваженію онъ обходился какъ-то стыдливо-угловато. Петъ нужень былъ прежде всего сильный размахъ физическаго ощущенія: скачки во весь духъ, ѣзды на тройкѣ по гладкому снѣгу, бессонныхъ ночей съ товарищами. У него что-то рвалось на просторъ и находило себѣ исходъ пока только въ одномъ кутежѣ. Домашнимъ сценамъ и упрекамъ разумѣется и конца не было. Зинаида Всеволодовна хотѣла было до нельзя урѣзывать деньги которыя выдавались Петъ изъ дома, но Всеволодъ убѣдилъ ее что на сто рублей въ мѣсяцъ жить въ полку невозможно, что если она изъ тщеславія хочетъ видѣть сына не иначе какъ въ гвардіи—надо ему назначить по крайней мѣрѣ вѣвое; иначе будетъ хуже: пойдутъ долги которыя придется же платить хотя бы ради фамильной чести. Зинаида Всеволодовна приходила въ негодованіе при мысли чтобы сынъ ея, вѣвукъ князя Тургайскаго, могъ служить по арміи, но раскошеливаться изъ-за этого сына она рѣшительно откѣзывалась. Ислугалъ ее должно-быть призракъ будущихъ долговъ, и Петъ было назначено по полтораста рублей. Только и этихъ денегъ не хватало, и не разъ уже Всеволоду приходилось быть посрединкомъ между разгнѣванною матерью и виновнымъ сыномъ. За то каждый разъ какъ лишняя радужная бумажка выходила изъ шкатулки Зинаиды Всеволодовны, ея обращеніе съ Петей становилось все рѣзче и презрительнѣе.

Петя уже былъ второй годъ офицеромъ, когда разъ на одной изъ отдаленныхъ улицъ—онъ шелъ лѣшкомъ съ Царкосельскаго вокзала—ему попалось на встрѣчу знакомое, хотя и давно забытое личико съ лухленькими губками и смѣющимися карими глазками. Онъ тотчасъ узналъ Лизу, хоть она много выросла, и въ девятнадцать лѣтъ не походила уже на прежнюю немного лугливую дѣвочку. Одѣта она была, какъ подруга, съ которою шла, довольно нарядно, въ длинномъ сукольномъ пальто на синемъ платьицѣ съ какими-то бантами, да въ круглой почти модной шляпкѣ съ перомъ. Петю она тоже узнала, улыбнулась не безъ нѣкотораго жеманства и толкнула слегка подругу локтемъ.

— Здравствуйте, Лиза, остановилъ ее молодой человекъ.—  
Что вамъ хорошо живется?

— Ничего-съ, Петръ Васильевичъ, отвѣтила она, съ приторною робостью опустивъ глазки.—Мы съ ней вотъ у доброй хозяйки работаемъ. Пожаловаться не могу.

Она опять подняла на него свой веселый взглядъ уже безо всякой робости.—Помню что всѣмъ обязана вамъ, Петръ Васильевичъ.

— Очень радъ, очень радъ, торопливо возразилъ Петя.

— Я насышана, бойко продолжала дѣвушка,—что вы давно уже въ локу будете... И мамаша ваша тоже здоровы-съ?

— Ничего, всѣ здоровы, недовко, почти сконфузившись, отвѣтилъ Петя и, рѣшительно не зная какъ вести разговоръ, слегка кивнулъ головой и продолжалъ путь. Онъ слышалъ какъ дѣвушка въ слѣдъ ему слегка хихикнула.

Встрѣча съ Лизой не произвела бы вѣроятно никакого впечатлѣнія на Петю есаубы недѣлю спустя она снова не попала къ нему на той же улицѣ, и на этотъ разъ уже одна. Дѣвушка теперь ужъ улыбнулась ему совсѣмъ откровенно и сама его остановила.

— Спасибо вамъ, Петръ Васильевичъ, начала она,—что на медякъ вы меня узнали. Всегда вы ко мнѣ добрые были такіе...

— Помилуйте, Лиза, какая тутъ доброта!

— Ну, продолжала дѣвушка,—а я такъ много про васъ думала: все ли вы такимъ молодцомъ глядите?... Такъ и хотѣлось на васъ въ мундирѣ взглянуть... А должно-быть, когда вы на лошади верхомъ, на парадѣ значитъ съ солдатами, какъ славно!... такъ бы и не налюбовалась кажется...

Петя и не подозрѣвалъ что за нимъ теперь была очередь робѣть предъ Лизой. И странно это выходило какъ эта дѣвочка, которую онъ прежде изъ жалости отдалъ въ училище, теперь предъ нимъ взрослая и совсѣмъ его не боится. Почти невольно онъ пошелъ съ ней рядомъ по улицѣ. Былъ ясный апрѣльскій вечеръ. Они разговорились. Лиза принялась рассказывать какъ она провела эти пять лѣтъ и черезъ какія прошла трудныя минуты. Жила она прежде у хозяйки которая обращалась съ нею очень дурно. Теперь ужъ не то. Она стала хорошею мастерицей и зарабатывала довольно много. Молодой человекъ замѣтилъ что на ней уже другое платье, коричневое, съ бархатною отдѣлкой и коротенькая кофточка такъ ловко и туго обхватываетъ стройный ея

станъ. Теперь только его поразило какою хорошенькою стала Лиза.

— Вы домой идете? вдругъ спросилъ онъ ее, замѣтивъ что она поворачиваетъ за уголъ.

— Да, я вотъ здѣсь живу, въ этомъ большомъ каменномъ домѣ.

Она показала на пятиэтажный домъ, неуклюже высившійся надъ прочими неказистыми строениями.

— Я съ подругой живу, съ тою самою съ которою вы меня встрѣтили намеренно: ее Машей звать.

Петя ее провелъ до воротъ дома и разстался съ ней, протянувъ ей руку. Сдѣлавъ онъ это какъ бы невзначай; его тотчасъ поразило какъ странно пережвинулись ихъ отношенія. Лиза положила его руку и отвернулась. Еслибъ онъ могъ тутъ разглядѣть ея лицо, онъ бы примѣтилъ на немъ вѣроятно нѣкоторую досаду.

На этомъ знакомствѣ у нихъ не остановилось. Онъ встрѣтилъ Лизу еще разъ въ Лѣтнемъ саду, опять вдвоемъ съ ея подругой. Дѣвушки изъявили вдругъ желаніе прокатиться на лодкѣ. Онъ повелъ ихъ къ набережной и усадилъ въ яликъ. Страннымъ ему показалось это невинное удовольствіе послѣ тѣхъ сценъ шумнаго разгула къ которымъ онъ такъ привыкъ. И въ то же время ему было какъ-то хорошо и мягко на душѣ, точно онъ въ первый разъ находилъ въ себѣ способность къ незатѣпчивому наслажденію яркимъ весеннимъ вечеромъ, особенно яркимъ на широкихъ, спокойныхъ волнахъ Невы. Можетъ-быть и лустая болтовня двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ приходилась ему по душѣ. Петя предложилъ имъ отужинать вмѣстѣ, но онѣ отказались.

— Поѣдемте къ намъ на квартиру, коли не побрезгаете, предложила Маша,—а мы васъ чаемъ напоимъ.

Петя согласился и повелъ своихъ „дамъ“ къ нанятой коляскѣ. „Ну, а если меня встрѣтитъ кто-нибудь изъ товарищей“... подумалъ онъ, да ему было не до товарищей. И вотъ онъ въ маленькой каморкѣ, гдѣ жили обѣ дѣвушки, въ пятомъ этажѣ большого дома на Разъѣзжей. Каморка съ окномъ выходившимъ во дворъ глядѣла чисто и уютно. Притворенная дверь съ крючкомъ вмѣсто замка веда въ другую комнату, гдѣ спали дѣвушки. Маша тотчасъ ушла и принялась возиться около самовара. Петя все не могъ придти въ себя отъ страннаго ощущенія производимаго на него этою совер-

шенно необычною обстановкой. И откуда вдругъ у него вѣдѣлись эти почти товарищескія отношенія къ совершенно чужой для него и забытой имъ Лизѣ? А между тѣмъ, даже незамѣтно для него самого, къ этому ощущенію примѣшивалось чье, жуткое, почти сладостное чувство...

— Я давно хотѣла у васъ спросить, Петръ Васильевичъ, вдругъ вся покраснѣвъ обратилась къ нему Лиза, — отчего вы перестали мнѣ говорить *ты* какъ прежде?

— Отчего? такъ... я не знаю, смущенно отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ глаза ихъ встрѣтились, и оба они точно заглобывались другъ другомъ. А потомъ, — Петя самъ бы не могъ сказать зачѣмъ и какъ это случилось, — его руки обвились вокругъ ея стана, и долгій, сладкій поцѣлуй соединилъ ихъ губы.... А за перегородкой между тѣмъ весело ужъ шипѣлъ самоваръ....

Далѣе досказывать нечего. Повѣсть вышла бы черезчуръ извѣстною. Для Пети, однако, въ его заурядной любви было нѣчто и новое, — та свѣжесть чувства которую онъ самъ въ нее вносилъ. У этого отчаяннаго буяна было почти нетрогнутае сердце. Связь его съ Лизой вовсе не была одною изъ тѣхъ мимолетныхъ вспышекъ какими богата жизнь любого празднаго юноши. Въ его глазахъ простая дѣвушка съ которою свель его случай была необыкновенно свѣтлымъ и чистымъ существомъ, потому что такую хотѣлъ онъ ее видѣть. Лизѣ и лукавить не пришлось: Петя отъ нея и не допытывался истины. А на самомъ дѣлѣ она была далеко не безупречна ни прежде своего знакомства съ нимъ, ни послѣ; и часто вдвоемъ съ подругой она на его счетъ добродушно посмѣивалась. Лиза была въ сущности очень добрая и по своему даже честная дѣвушка, только въ героини ужъ она рѣшительно не годилась. Да не все ли равно было Петѣ? И въ самомъ дѣлѣ годъ проведенный съ нею былъ едва ли не лучшимъ его годомъ. Онъ пріутихъ, бросилъ кутежи, и Зинаида Всеволодовна надивиться не могла этой перемѣнѣ. Правда, когда она узнала причину — Петя не умѣлъ, какъ братъ, любить вихомолку — она вслышала по-генеральски: ея слухъ даже былъ оскорбленъ тѣмъ что при ней могли упомануть про отношенія сына къ какой-то бывшей крѣпостной. Но Всеволодъ вскорѣ успокоилъ: „Вѣдь не все ли равно“, сказалъ онъ, „не вздумаетъ же онъ на ней жениться въ самомъ дѣлѣ“.

Всеволодъ ошибался: Петя какъ разъ вздумалъ жениться на Лизѣ. И къ такому неожиданному рѣшенію онъ пришелъ очень своеобразно.

Петя сталъ подмѣчать въ себѣ какое-то охлажденіе къ своей возлюбленной. Другой бы на его мѣстѣ не сапшкомъ горевалъ о своемъ потухающемъ чувствѣ. Но Петѣ отчего-то показалось что разстаться съ Лизой онъ не имѣетъ права, что въ ихъ отношеніяхъ есть что-то священное. И сказавъ себѣ это, онъ сталъ увѣрять себя что надо закрѣпить слабѣвшія узы, связать себя навсегда торжественнымъ обѣщаніемъ. Петя былъ очень доволенъ собою когда пришелъ къ этому странному заключенію. Долго не думая, онъ сказалъ объ этомъ Лизѣ. Та сперва засмѣялась какимъ-то пристыженнымъ смѣхомъ, но потомъ утихла и приняла серьезный видъ. Но Петѣ надо было сказать о своемъ намѣреніи и домашнимъ. Разумѣется, всего легче было передать объ этомъ Всеволоду. Старшій братъ при этомъ извѣстіи вскопчилъ съ мѣста, точно онъ почувствовалъ холодное прикосновеніе какого-то отвратительнаго гада. Къ судьбѣ брата Всеволодъ былъ очень равнодушенъ, но допустить этой нелѣпой свадьбы очевидно было нельзя, тѣмъ болѣе что такая золовка могла сильно повредить его собственнымъ видамъ на блестящую женитьбу. Всеволодъ попробовалъ было разубѣдить брата. Но Петя, обыкновенно податливый съ нимъ, на этотъ разъ заупрямился: послѣ своего объясненія съ Лизой онъ воображалъ себя связаннымъ. Всеволодъ сталъ прикидывать въ умѣ какъ бы разстроить безъ шума и ссоры нелѣпую затѣю брата. Вскорѣ онъ полаялъ на несчастливую мысль. У него подъ рукой, какъ удобное орудіе, былъ его давнишній пріятель, сынъ Кондратія Савича, Филиппъ Разметальскій, иначе „Филиппъ“, какъ его прозвали товарищи за его круглые на выкатѣ глаза и носъ заостренный въ видѣ птичьяго клюва. Очаровательный этотъ молодой человекъ въ числѣ прочихъ достоинствъ обладалъ одною слабостью, за которую подвергался частымъ насмѣшкамъ: онъ любилъ хвалиться небывалыми побѣдами, а его дрянненькое самолюбіе глубоко скорбѣло вслѣдствіе полнаго ихъ отсутствія.

Подбить его на любую глупость было не мудрено. Узнавъ адресъ Лизы,—благодаря Петѣ она теперь уже жила не такъ скромно какъ прежде,—Всеволодъ отправился къ ней и далъ себѣ трудъ очаровать ее. Сперва она испугалась его послѣ-

щенія, но потомъ истолковала его въ самомъ благопріятномъ смыслѣ. Про намѣренія брата Всеволодъ разумѣется не упомянуть ни слова. За то онъ добился ея согласія привести къ ней своего пріятели. Лиза не примѣтила ловушки. Подогрѣтый надлежащимъ образомъ Всеволодомъ, юный Филиппъ тутъ же съ мѣста влюбился по уши, и уже черезъ недѣлю пустилъ въ ходъ свои батареи въ видѣ необыкновенно щедрыхъ предложеній. Лиза отвергла ихъ сначала съ негодованіемъ, но мало-по-малу ее взяло раздумье. Привязанность ея къ Петѣ была не глубока, а въ то будущее которое судилъ онъ ей она плохо вѣрила. Гдѣ ему въ самомъ дѣлѣ было жениться на такой дѣвушкѣ какъ она! „Ну, какая изъ тебя выйдетъ барыня!“ подбивала ее подруга Маша. „Говорить онъ что на тебѣ женится, а послѣ и раздумаетъ: слова—что вѣтеръ. Да и голъ какъ соколъ твой возлюбленный. Ты смотри, отъ настоящаго-то счастья не отвертывайся!“ Эти софиты подѣйствовали. Лиза погрузила немного, а недѣли двѣ спустя уже перешла на уютную квартирку, которую Разметальскій нанялъ ей на Морской, и была вѣ себя отъ радости когда въ первый разъ прокатилась по Невскому въ подаренной ей коляскѣ.

Узнавъ объ измѣнѣ дѣвушки, Петя Бороздинъ пришелъ въ неописанную ярость. Сперва онъ грозился что убьетъ Разметальскаго, потомъ ограничился намѣреніемъ поколотить его. И въ самомъ дѣлѣ, Петя услѣлъ подстеречь Филиппа въ ресторанъ куда тотъ приходилъ завтракать. Но когда онъ увидѣлъ предъ собой мизерную фигуру своего соперника, его удивленные и вылученные глаза, гнѣвъ молодого человѣка какимъ-то чудомъ упалъ: его смѣнило несказанное презрѣніе и къ Разметальскому, и къ самой Лизѣ. Но протрезвиться не легко безъ болѣзненнаго ощущенія. И дрянной конецъ его романа надолго оставилъ въ сердцѣ Пети горькій осадокъ разочарованія.

## XV.

Когда въ полку распространилось извѣстіе что Петя Бороздинъ „овдовѣлъ“, по выраженію одного изъ офицеровъ, эта развязка была принята съ большою радостью; за послѣднее время Петя волей-неволей поотсталъ-таки отъ товарищей. Но вторичное погруженіе его въ ту буйную струю откуда онъ вышелъ было изъ-за Лизы ему въ прокъ не



лошло. Теперь не то чтобы съ горя, а такъ себѣ изъ-за немнѣнія чѣмъ пополнить жизнь онъ окунулся въ эту струю глубже чѣмъ когда-либо. Прежнее молодое увлеченіе исчезло. Но чѣмъ болѣе ощущалъ Петя ту особую тоскачивую горечь какую такъ часто оставляетъ за собой на слѣдующее утро шумно прожженная ночь, тѣмъ чаще хотѣлъ онъ забыться среди новыхъ отравленныхъ ощущений. На лицахъ домашнихъ онъ встрѣчалъ одно нѣмое порицаніе. Мать вся замкнулась въ холодное и величавое отчужденіе. Всеволодъ тоже пересталъ читать ему докучливую мораль.

Братья видѣлись рѣдко. Все у нихъ, и вкусы, и привычки, и самыя дурныя наклонности, шло какъ-то врозь; и хотя Петя все еще смотрѣлъ на брата съ прежнимъ поклоненіемъ, жизни его не приходилось скрещиваться съ жизнью Всеволода. Словомъ, Петя былъ предоставленъ самому себѣ. А между тѣмъ поддержка семьи пришла бы ему очень кстати. Его голова все сильнѣе кружилась, все крѣпче олутывали его долги, выросшій около него какъ закодированный сказочный лѣсъ. Онъ не видѣлъ предъ собой исхода и схватился за отчаянное средство. Давно товарищи смѣялись надъ тѣмъ что Петя не бралъ въ руки карты: теперь онъ имъ уступилъ, отдавшись шальной надеждѣ откупиться выигрышемъ отъ долговъ. Судьба однако, вообще снисходительная къ новичкамъ на зеленомъ полѣ, ему не улыбалась. И въ пять часовъ утра усталый, съ воспаленными глазами, съ отупѣвшимъ мозгомъ, онъ всталъ изъ-за стола съ проигрышемъ слишкомъ въ три тысячи. Для него это былъ тяжелый ударъ. Денегъ было взять не откуда,—ростовщикъ давно сталъ туго соглашаться даже на переписку векселей,—а проигралъ онъ какъ на зло почти незнакому человеку которому пришлось залатить немедленно. Выигравшій съ такою убійственною любезностью извинялся предъ нимъ въ своемъ счастьи что Петѣ такъ и хотѣлось отвѣчать вызовомъ на его гладкія слова: ему чудилась въ нихъ какая-то насмѣшка, почти увѣренность въ томъ что онъ не въ состояніи будетъ залатить. А это было бы позоромъ не только для него, но и для самаго полка. Между тѣмъ Петя зналъ хорошо что ни къ одному изъ полковыхъ товарищей ему за помощью обратиться нельзя.

Выручилъ его изъ бѣды Миша Перхуровъ. Съ нимъ онъ былъ дружнѣе чѣмъ со всѣми прочими. Перхуровъ уже

цѣлый годъ какъ оставилъ лодкѣ, но отношенія его къ Петѣ отъ этого не измѣнились. Скрѣпя сердце бѣдный малый повѣдалъ ему о своемъ горѣ.

— Ты знаешь, отвѣтилъ тотъ нахмура брови,—что я обрѣтаюсь не въ бластящихъ обстоятельствахъ. Ну, да была не была! Къ счастью, я помочь тебѣ могу: отъ выкула остались кое-какія крохи. Только не лѣняй коли скоро эти деньги, придется попросить назадъ: самому можетъ въ летлю лѣзть придется.

Перхуровъ согласился прямо, безъ увертокъ, хоть и съ видимою неохотой. Деньги его такъ и обожгли руки Петѣ когда онъ получилъ ихъ на слѣдующій день. Да нечего было дѣлать, нужда и къ стыду приучаетъ.

Петя рѣшился во всемъ покаяться роднымъ. Но въ отвѣтъ онъ получилъ одинъ сухой, презрительный отказъ. Всеволодъ, правда, обѣщавъ ему уговорить непреклонную мать, онъ сознавалъ что въ интересахъ семьи надо расслутать дѣла брата, но и его старанія ни къ чему не привели. Онъ убѣждалъ Зинаиду Всеволодовну что всего лучше расплатиться съ долгами Пети и перевести его куда-нибудь въ армію, но она и слышать не хотѣла ни про то, ни про другое.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Разъ, въ сумрачный мартовскій день, онъ равнѣ обыкновеннаго пріѣхалъ изъ Царскаго и въ самой передней наткнулся на мать: она казалась сильно взволнована.

— Иди сюда! прямо увела она его за собою въ кабинетъ.

— Хорошо что хоть ты маѣ попался, а то никого дома нѣтъ. Покажи сейчасъ въ бавкирскую контору и продай вотъ эти акціи по сегодняшнему курсу. Теперь, я думаю, не закрыто еще...

Она судорожно ему всунула въ руку пачку цвѣтныхъ бумагъ: ихъ было всего на шесть тысячъ по номинальной цѣнѣ.

— Да, ластой, куда ты? остановила она Петю.—Сосчитай хорошенько... Развѣ такъ можно! Да и курсъ посмотри вотъ тутъ въ газетѣ...

И Зинаида Всеволодовна, которую недоувѣрчивая расчетливость не покидала даже во гнѣвѣ, объяснила сыну что акціи эти на биржѣ падаютъ, что надо поспѣшить ихъ продать, а между тѣмъ ни Василій Ильичъ, ни Всеволодъ даже и не думаютъ объ этомъ. И она сегодня только случайно про это узнала отъ нотаріуса заходившаго къ ней засви-

дѣлать ея подпись. Зинаида Всеволодовна разразилась негодующими словами противъ своего любимца.

— По курсу, закончила она свои наставленія,—должно выйти ровно пять тысячъ триста шестьдесятъ рублей. Такъ смотри чтобъ эти деньги чрезъ часъ были у меня.

Петя сбѣжалъ съ лѣстницы и нанялъ извозчика. Мокрый свѣтъ валялъ хлопьями съ безцвѣтнаго неба. Лошадь, часто спотыкаясь, тяжело шлепала по таявшей грязи.

Въ банкирской конторѣ было сыро и душно. Газъ тускло горѣлъ, и тускло глядѣли недовольныя лица входившихъ, ноги которыхъ оставляли мокрый слѣдъ на войлочномъ коврѣ.

Замѣтила ли вы, читатель, въ любой русской конторѣ это вѣчное торопливое недовольство, точно проигрывшъ и не успѣвшъ—всеобщій законъ, а надъ сливой тяготѣеть неумолимая и въ то же время невозможная уплата?

Петю заставили долго прождать, и плюгавый Жидокъ съ равнодушною дѣловитостью на дерзкомъ лицѣ послѣднью вручилъ ему какой-то расчетъ, въ которомъ Петя ничего не понималъ. Сумма, которую думала получить его мать, оказалась сокращенною на цѣлыхъ семьдесятъ рублей. Петя хотѣлъ уже съѣсть опать за извозчика, какъ вдругъ его громко окликнулъ Перхуровъ, выскочившій изъ подъѣзжавшихъ саней.

— Пета, милый мой! воскликнулъ онъ,—наконецъ-то поймалъ!.. Я въ Царское за тобой ѣздилъ, и въ домѣ былъ у васъ... Я покажусь тебѣ веделкатнымъ, но войди пожалуста въ мое положеніе...

И Перхуровъ разказалъ ему что наканунѣ онъ проигралъ такую почтенную сумму которую онъ наличными деньгами уплатить не въ состояніи. По какой-то странной провіи судьбы его счастливымъ противникомъ оказалась тотъ самый господинъ который за мѣсяцъ предъ тѣмъ обыгралъ и Петю.

— Я, ты знаешь, продолжалъ Миша,—въ такихъ случаяхъ всегда остороженъ, но вчера самъ чертъ меня полуталъ, зарвался самымъ неопозволительнымъ образомъ. И кабы ты видѣлъ спокойное, холодное нахаальство съ какимъ этотъ баринъ высчитывалъ мой проигрышъ... Да ты вѣдь на себѣ это испыталъ. Съ такимъ онъ насмѣшливымъ торжествомъ на меня глядѣлъ, точно хотѣлось ему сказать: „знай молъ нашихъ, не тягайся съ тѣми кто тебя сильнѣе“. Ну, дѣлать нечего, приходится тебя просить: не можешь ли ты мнѣ эти три тысячи отдать?.. Понимаю что это скверно, что ставлю

можетъ-быть тебя въ затруднительное положеніе, но вѣдь до-  
стать мнѣ право не откуда, а краснѣть мнѣ предъ этимъ ба-  
риномъ не хочется...

Петя слушалъ его, сумрачно потупя голову.

— Не случись этого глупаго проигрыша, настаивалъ Пер-  
хуровъ,—я бы тебя не сталъ тревожить. Но что дѣлать,  
братъ, коли у насъ ужь такъ заведено что любой долгъ мож-  
но не платить цѣлые года, хотя бы долгъ такому человѣку  
которому самому-то вѣсть нечего; а коли въ карты проигра-  
ешь самому первѣйшему богачу, хоть тресни, а отдай, коли  
не хочешь чтобы на тебя пальцами указывали. Вотъ она,  
честь-то наша, какъ мы ее понимаемъ! Безобразіе это, да  
что съ этимъ подѣлаешь!..

Петя все молчалъ. Свѣжые хлопья, облѣпавшіе ему ли-  
цо, точно обжигали его. Чувство стыда и отвѣтственности  
предъ Перхуровымъ щемило его до боли.

— Или тебѣ нельзя? съ возрастающею тревогой, говорилъ  
Перхуровъ.—Рѣшительно нельзя? Говори прямо. Я вѣдь тебя  
не перестану считать славнымъ малымъ коли ты мнѣ даже и  
откажешь... Только знай, Петя, вся моя надежда на тебя. Мнѣ  
тоже было не легко тебѣ отдать эти деньги, хотя и не зналъ  
я что онѣ такъ скоро мнѣ понадобятся.

Петѣ живо представилось какъ Перхуровъ, ничѣмъ предъ  
нимъ не обязанный, мѣсяцъ тому назадъ выручилъ его изъ  
бѣды. Судорожнымъ движеніемъ онъ засунулъ руку подъ ши-  
нель, разстегнулъ венгерку и досталъ туго набитый бумажникъ.

— На, бери, вотъ три тысячи, хриплымъ голосомъ прого-  
ворилъ онъ.

Руки его дрожали пока онъ вынималъ оттуда лачки радуж-  
ныхъ ассигнацій. Глаза его упорно избѣгали взгляда Пер-  
хурова.

— Спасибо, Петя! вотъ такъ выручилъ!

И быстрымъ радостнымъ движеніемъ Перхуровъ взялъ у  
товарища деньги.

— Да какъ ты разбогатѣлъ! съ веселымъ укоромъ приба-  
вилъ онъ.—Откуда у тебя столько?

— Не твое дѣло, почти грубо воскликнулъ Петя въ отвѣтъ  
и тотчасъ отвернулся.

Перхурову было не до того чтобы ломать себѣ голову  
откуда у Пети взялись такія деньги. Онъ послѣдно вско-  
чилъ въ сани и застегнулъ полость. Но дорогой его преслѣ-

довадь неотвязчивый вопросъ: „Отчего же Бороздинъ, коли онъ могъ заплатить, сперва какъ будто не рѣшался этого сдѣлать?“

А Петя долго стоялъ на тротуарѣ весь обсыпанный сѣгомъ и не замѣчалъ удивленныхъ взглядовъ прохожихъ озиравшихся на его неподвижную фигуру. Его грызло сознание ужасной, непоправимой вины, совершенной въ какомъ-то полубезсознательномъ слѣпомъ увлеченіи. Броситься за Перхуровымъ, догнать его, сказать ему правду, получить назадъ чужія деньги? Да развѣ это можно? Развѣ можно даже предъ нимъ признаться? „Воръ, домашній воръ!“ звучало у него въ ухахъ, точно сама метель злобно обзывала его этимъ позорнымъ словомъ. И неужели такъ вдругъ, почти неволью, въ одинъ безумный мигъ онъ сталъ преступникомъ, отверженнымъ, презрѣннымъ, и нѣтъ ужъ выхода, нѣтъ оправданія?

Ему болѣзненно захотѣлось повиниться предъ матерью, выслушать ея приговоръ и какъ-нибудь найти средство чтобы искупить свою тяжкую вину. Ему именно хотѣлось приговора и наказанія, какъ въ нестерпимо душный лѣтній день, когда все небо заволокло тяжелыми тучами, хочется чтобы грянулъ громъ, чтобы исполнилась угроза, а не висѣлъ надъ головой и не спиралъ дыханіе этотъ свинцовый мрачный покровъ пока еще безмолвнаго неба.

Петя бросился на извощика и лѣхалъ домой.

Но приговоръ, который онъ услышалъ, не освободилъ его душу отъ гнета нераскаанной вины. Въ гнѣвномъ изумленіи Зинаиды Всеволодовны былъ не одинъ взрывъ негодованія: въ немъ было что-то презрительное, что-то леденящее, точно предъ ней стоялъ въ трепетномъ раскаяніи не провинившійся сынъ, а чужой для нея преступникъ, который своимъ присутствіемъ какъ будто приносилъ нравственную заразу. Было даже какое-то насмѣшливое торжество въ ея словахъ, точно она давно знала что отъ Пети лучшаго и ожидать нечего. Зинаида Всеволодовна не поняла что бываютъ минуты когда слова милости и прощенія лучше всякаго наказанія очищаютъ разъ навсегда, что снять бремя вины съ провиненнаго сердца иногда единственное средство чтобы вдохнуть въ него силу возрожденія. Да гдѣ ей было это понять! Она видѣла только что ее лишили денегъ, которыя она неосторожно выпустила изъ рукъ, и что сдѣлалъ это ея сынъ. Эта потеря была для нея ощутительнѣе чѣмъ позоръ этого

любимаго сына. Ей просто хотѣлось мстить. Она грозила, что Петю будутъ судить и такъ науськала Василія Ильича что и онъ тоже собирался жаловаться властямъ.

— Понимаешь что ты сдѣлалъ? кричалъ онъ на сына.— Ты семью обезчестилъ, меня, старика, грязью забросалъ, да, грязью. Я тридцать лѣтъ вѣрою и правдой служилъ и до этого дожилъ! Ты въ отвѣтъ будешь, въ отвѣтъ!

Василій Ильичъ совсѣмъ было вошелъ въ роль оскорбленнаго отца, но Всеволодъ не далъ исполниться этимъ угрозамъ: онъ понималъ что опозорить Петю, значило опозорить себя. Онъ прямо и настойчиво потребовалъ чтобы дѣлу не давали огласки и чтобы Петя былъ только переведенъ въ армейскій полкъ, о чемъ Всеволодъ хлопоталъ давно. Въ сущности онъ былъ даже радъ случившемуся, такъ какъ представлялось теперь удобное средство навсегда отдѣлаться отъ брата. Здѣсь, въ Петербургѣ, его поведение могло неблагопріятно отзываться на общественномъ положеніи Всеволода, а въ провинціи пусть онъ дѣлаетъ себѣ что хочетъ—слухъ о немъ до столицы не дойдетъ. Всеволодъ былъ даже готовъ привести для этого матеріальныя жертвы и настаивалъ чтобы долги Пети были уплачены дочиста. Зинаиду Всеволодовну это взорвало.

— Какъ! платить его долги! воскликнула она. — Стало-быть его еще награждать за это слѣдуетъ что онъ родную мать обокралъ?

И Зинаида Всеволодовна стала выражаться безо всякой тѣни изящества когда-то завѣщаннаго ей въ домѣ покойнаго отца, князя Тургайскаго. Но Всеволодъ не уступилъ матери: пришла ему пора всѣмъ въ домѣ показать кто настоящій глава семьи. И онъ это сдѣлалъ.

— Я вамъ говорю, отвѣтилъ онъ рѣшительно,—что Петю надо отослать въ армію, заллатить его долги, потому что я хочу себя и васъ отъ стыда избавить. Неужели вы этого не понимаете? Да и что толковать? Слушайте меня когда сами не можете догадаться какъ поступить надо. Вѣдь чѣмъ весь домъ вашъ держится? Кому вы обязаны что у васъ теперь есть деньги, и что папаша въ директора попалъ? Вы что ли въ биржевыхъ дѣлахъ смыслите? Или папашу потому держать что дорожать его умомъ, а главное—безкорыстіемъ?..

Зинаида Всеволодовна развела руками, услышавъ отъ своего любимаго такія жесткія слова. Она готовила уже рѣзкій

залапчивый отвѣтъ, но вдругъ присмирѣла предъ холоднымъ, стальнымъ взглядомъ дорогаго сына. Всеволодъ одержалъ полную побѣду. Вся семья подчинилась его авторитету. Родители ему уже не противорѣчили; брата онъ сбиль съ рукъ и въ то же время приобрѣлъ новыя права на его благодарность. Пета былъ спасенъ отъ грозившаго ему позора. Прощаясь съ братомъ, онъ еще разъ повторилъ ему что съ радостью принесетъ для него всякую жертву если только къ этому представится случай. И Всеволодъ зная что Пета говорить не лгустыя слова.

Остальное читателю извѣстно, и мы теперь можемъ съ нимъ вернуться въ губернской городъ, гдѣ всѣ власти, и казенныя и выборныя, съ благонамѣренною тревогой ожидали пріѣзда Михаила Владиміровича Чистопольскаго.

## XVI.

Угрюмое, тусклое утро стояло надъ городомъ. Темныя, низкія тучи, какъ безконечная стая хищныхъ птицъ, неслись по туманному небу, словно взмахивая длинными, растрепанными крыльями. Холодный вѣтеръ то и дѣло набѣгалъ, какъ утренній ознобъ послѣ бессонной ночи, и сердито шумѣлъ въ молодой листвѣ деревьевъ. Ночью лилъ дождь, и капли, страхиваемыя вѣтромъ, тяжело сыпались съ намокшихъ вѣтвей. На улицахъ было еще пусто когда Вѣруса Княжичъ, наскоро одѣвшись, въ девятомъ часу сѣвѣнною нервною походкой направлялась къ расположенному въ самомъ центрѣ города общественному саду. Она шла не оглядываясь, какъ бы избѣгая встрѣчи со знакомымъ лицомъ, а между тѣмъ порой она вдругъ гордо приподнимала голову, почти съ вызовомъ въ глазахъ, встряхивая своими распуценными волосами. Лицо ея было блѣдно. Утренній ли холод пронизывалъ ее, или нервы еще не успокоились послѣ бессонной ночи, но какая-то странная дрожь то и дѣло пронизывала ее насквозь. И каждый разъ когда вѣтеръ шелестилъ вѣтвями дерева мимо котораго ей случалось проходить, какой-то страннѣй, укоряющій голосъ ей слышался въ этомъ трепетномъ шелестѣ. Ей словно было жутко идти одной по глядѣвшимъ угрюмо, почти безлюднымъ улицамъ; ей словно чудилось что и рѣдкіе прохожіе, и самые дома съ удивленіемъ

озирались на нее, провожая ее строгимъ укоряющимъ взглядомъ. И чѣмъ ближе она подходила къ цѣлу своей утренней прогулки, тѣмъ менѣе ясно и опредѣленно представлялась ей эта самая цѣль. Она знала только что наканунѣ она твердо рѣшилась переговорить съ Петей Бороздинымъ, и что тогда это свиданіе ей представлялось чѣмъ-то безусловно необходимымъ. И вотъ теперь она исполняетъ свое рѣшеніе. Но зачѣмъ ей надо видѣться съ Петей? Что скажетъ она ему? Страннымъ образомъ на эти вопросы, которыхъ наканунѣ Вѣруса и не думала себѣ задавать, она не находила теперь прямого отвѣта. „Надо объяснить ему все, сказать ему съ полною откровенностью“, твердила она себѣ, а между тѣмъ эти слова звучали фальшиво въ ея сердцѣ, точно они совсѣмъ не вторили ея дѣйствительному, хоть и не вполне внятному чувству.

Въ саду было еще пустыньѣ чѣмъ на улицѣ, и какъ-то неприятно отзывалось на душѣ Вѣруса это мертвое безлюдье, среди котораго слышался только порывистый голосъ будто озлобленнаго вѣтра. Онъ дулъ ей прямо въ лицо, и вѣтки, качаясь въ ея сторону, точно кивали на нее не то съ угрозой, не то съ порицаніемъ.

Петя уже дождался у большой деревянной скамейки, одиноко стоявшей въ углу сада. Увидавъ Вѣру, онъ скинулъ шпатель и разложилъ на мокрое сидѣнье.

— Что случилось, Вѣра? быстро подходя къ ней заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Я и обрадованъ былъ, и въ то же время испуганъ вашею запиской.

Онъ взялъ дѣвушку за обѣ похолодѣвшія руки и съ озабоченною кѣжностью посмотрѣлъ ей прямо въ лицо. Вѣруса не отвѣтила на его ложатія, и молча, вмѣстѣ съ нимъ, упрямно глядя внизъ, подошла къ скамейкѣ.

— Что случилось? повторилъ онъ вопросъ, продолжая стоять предъ ней.

Надо было сказать что-нибудь, а мысли такъ и путались у нея въ головѣ, и все что было такъ ясно вчера, казалось теперь туманнымъ и мрачнымъ, какъ это нахмурившееся небо. Она подняла на Петю глаза, и ее поразило что на его лицѣ тоже читалась не радость при этомъ свиданіи, а необъяснимое смущеніе. Вчера еще оба они съ такимъ свѣтлымъ довѣріемъ смотрѣли на свое разцвѣтающее молодое счастье, а теперь, когда сама Вѣруса такъ открыто и прямо доказала



ему что чувство его не осталось безъ откачка, его какъ будто и не радуешь ея лояное довѣріе къ нему. Ей стало досадно на Петю. Она рѣшилась на такой шагъ предъ которымъ остановилась бы на ея мѣстѣ любая дѣвушка, а онъ и не умѣетъ цѣнить ея поступка: лицо его говорить не о счастіи, а лишь о какой-то странной тревогѣ.

— Сядьте, Петръ Васильевичъ, отрывисто проговорила она, и покинувшая ее рѣшимость къ ней вернулась.—Времени у насъ не много. Я просила васъ сюда придти чтобы сказать вамъ что вчера случилось...

— Дорогая моя, воскликнулъ онъ теперь, и весь вдругъ какъ бы просіялъ отъ нахлынувшей на него волны счастія,— чѣмъ мнѣ поблагодарить васъ! Я глазами не вѣрилъ когда получилъ вашу записку...

— Не перебивайте меня, остановила его дѣвушка.—Намъ торопиться надо... Отецъ мнѣ объявилъ вчера что вы уже не должны... бывать у насъ, какъ прежде. Онъ запретилъ мнѣ видѣться съ вами...

— И вы однако... вырвало его у него недосказанное восклицаніе. Онъ невольно схватилъ ея руку, но Вѣруса отдернула ее.

— Вы видите, я этому не поддаюсь, продолжала она, устремивъ на него свои блестящіе, гордые глаза.—Я пришла сказать вамъ что ничьей власти я надъ собой не признаю, что со вчерашняго дня я ваша.

Говоря это, она вся выпрямилась и, странное дѣло, такъ холодно и неподвижно глядѣла она какъ будто эти горячія слова выливались не изъ ея свободно отдававшагося сердца, а произносила она ихъ не по своей волѣ, почти безсознательно.

Петя не вѣрилъ ушамъ.

— Вы моя! такъ вы меня стало-быть любите! въ первомъ страстномъ упоеніи счастія воскликнулъ онъ, и въ то же время какъ бы недовѣріе къ этому слишкомъ ужъ негаданному счастію слышалось въ его голосѣ.

— И я хочу знать, понизивъ голосъ и слегка отворачивая отъ Пети свое лицо заговорила опять Вѣруса,—я хочу знать, что сдѣлаете вы, если... если отецъ мой не захочетъ допустить чтобы я стала вашею женой.

Новый порывъ вѣтра сердито ударилъ по деревьямъ, и они гнѣвно и въ то же время какъ бы услужливо заволаговались и зашумѣли. Вѣруса рѣшительнымъ движеніемъ опять повернула къ молодому человѣку свое теперь зардѣвшееся лицо,

и взглядъ ея неподвижрый и вопрошающій прямо остановился на немъ.

Вѣтеръ между тѣмъ стихъ; онъ будто прилежъ куда-то, критаяся.

— Боже мой! да что мнѣ сказать вамъ на это, Вѣра? удивленно, почти испуганно произнесъ Петя, совсѣмъ неожиданный услышать отъ нея такіа слова.—Вѣдь я могу сдѣлать одно только, вѣчно вамъ быть благодарнымъ и покорно ждать пока Максимъ Богдановичъ измѣнитъ свое рѣшеніе... Это было бы такое счастье, которое мнѣ и во снѣ не снилось никогда...

Онъ остановился, замѣтивъ ея недоумѣвающій взглядъ.

— Но вѣдь мы все-таки будемъ видѣться съ вами, не правда ли, хоть изрѣдка видѣться?..

— Украдкой? хотите сказать, произнесла она почти гнѣвно, презрительно олукая рѣсницы. Искра счастья, блеснувшая на мигъ предъ тѣмъ въ его глазахъ, теперь потухла.—И только? Смириться и ждать? Иного исхода вы не знаете?

— Да развѣ я могу не подчиниться волѣ вашего отца? Развѣ я имѣю право?..

Рѣдкій еще пока дождь олялъ закапая съ оставившихся тучъ.

— Боже мой! Вѣра, вы простудитесь, съ безпокойствомъ сказалъ Петя.—У васъ даже зонтика нѣтъ съ собой. И все это изъ-за меня!..

— И вы можете въ такую минуту думать о такихъ пустякахъ! былъ ея негодующій отвѣтъ.—Дѣло идетъ о цѣлой моей жизни, а вы заботитесь какъ бы я не простудилась! Неужели вы не понимаете что ежели я рѣшилась придти сюда, если я вамъ сказала что люблю васъ, то вѣдь это не шутка; а вы знаете одно только—ждать и смириться.

И вдругъ ей показалось что предъ нею совсѣмъ не тотъ человекъ котораго она любила, чті образъ созданный ея воображеніемъ поблекъ и исчезъ куда-то. Да и любить ли она въ самомъ дѣлѣ? Не сонъ ли это былъ? Не наважденіе ли? Она провела рукой по своему блѣдному лбу, какъ бы стараясь воскресить тотъ исчезнувшій образъ.

Петя вслыкнулъ весь отъ ея словъ.—Что могу я вамъ дать, воскликнулъ онъ,—важныя вашей теперешней жизни? Я, вы знаете, бѣденъ...

„Бѣденъ“! подумала она презрительно. Развѣ ей приходило когда-нибудь въ голову объ этомъ справляться?

— Да это еще не все, милая моя, дорогая! грустно про-  
дожалъ онъ, точно онъ прощался съ улетавшею мечтой.—  
Вы обо мнѣ ничего не видите и я долженъ теперь сказать  
вамъ что я за человекъ и каково мое прошлое. Выслу-  
шайте меня, Вѣра; это будетъ тяжелая исповѣдь, преду-  
преждаю васъ.

— Зачѣмъ? Развѣ я васъ не знаю?

— Нѣтъ. Вы многого не знаете. И еслибъ я вамъ не ска-  
залъ всей правды, я обманулъ бы васъ. Тогда только когда  
я вамъ все скажу, вы будете въ состояніи рѣшить стою ли  
я того счастья какое вы мнѣ сулите... Когда я получилъ  
вчера вашу записку, не скрою отъ васъ, я ей даже не обра-  
довался. Можетъ-быть когда вы все узнаете, вы мнѣ даже  
руки протянуть не захотите. Я сказалъ себѣ что не утаю  
отъ васъ ничего...

Наканунѣ вечеромъ бѣдный мальчѣ прошелъ черезъ долгую  
и трудную борьбу съ самимъ собою. Неужели, думалось ему,  
надо выпустить изъ рукъ дававшееся ему счастье, навсегда  
можетъ-быть лишиться дорогой дѣвушки? Кто обязываетъ  
его предъ ней признаваться въ своемъ прошломъ? Слова  
Перхурова ему приходили на умъ и вызывали строптивый  
отпоръ въ его сердцѣ: оно такъ и рвалось къ солнцу, къ  
счастью, и возмущалось противъ даващаго гнетъ прошлой  
вины. Сильное искушеніе скрыть отъ нея истину въ ольпа-  
няющихъ волнахъ новой жизни громко въ немъ заговорило.  
Но побѣда за нимъ не осталась. И Петя, измученный уко-  
рами совѣсти, ненавидя себя и свое прошлое, рѣшилъ что  
все безъ обиняковъ выскажетъ предъ нею. И вотъ почему,  
когда онъ шелъ на свиданіе съ Вѣрой въ это угрюмое утро,  
не радужные образы носились предъ нимъ, а добровольное  
отреченіе мерещилось ему, какъ расплата за свой позорный  
поступокъ.

Вѣруся привалась его слушать какъ бы нехотя. Пер-  
вые его слова, однако, исторія его нерадостнаго дѣтства воз-  
будили въ молодой дѣвушкѣ мягкое сонувствіе: ей стало жаль  
бѣднаго Петю, которому жизнь такъ не улыбалась даже въ  
первые годы юности. Но когда онъ заговорилъ про Лизу, на-  
строеніе ея вдругъ измѣнилось. Петѣ казалось что онъ обя-  
занъ ей покаяться и въ этомъ, точно она имѣла право тре-  
бовать отъ него отчета въ каждомъ переживемъ его чувствѣ.  
Въ его глазахъ отношенія его къ Лизѣ были какъ будто

прошлою невѣрностью телерешней любви. У Вѣруси это признаніе возбудило какое-то, непонятное для нея самой, брезгливое ощущеніе. У нея сказались не то чтобы ревность, нѣтъ; она бы съ гордымъ негодованіемъ отвергла всякую возможность ревновать его къ этой дѣвушкѣ стоявшей такъ низко въ ея глазахъ: Вѣрусю просто раздражало что онъ могъ уломивать при ней объ этой заурядной любви, точно ея слыть оскорблялся самымъ упоминаніемъ о Лизѣ. Какъ! онъ могъ сравнивать ее съ какою-то крестьянскою дѣвушкой! Онъ могъ думать что ей надо знать объ этихъ недостойныхъ отношеніяхъ, точно ей, Вѣрусѣ Княжичъ, есть какое-нибудь дѣло до этихъ дрянныхъ, низкихъ чувствъ! Ей стало даже стыдно за то что Пета словно извинялася предъ немъ, какъ будто могло быть что-нибудь общаго между этою постыдною, мимолетною страстью и его телерешнимъ чувствомъ. Недобрый бласкъ загорѣлся въ ея глазахъ. И когда Пета досказалъ свою повѣсть, когда онъ, путаясь въ словахъ, передавалъ ей про свой поступокъ съ деньгами матери, она слушала уже разсѣянно. По ея понятіямъ, самый этотъ поступокъ почти ничего не значилъ въ сравненіи съ исторіей его первой любви. Вотъ гдѣ былъ настоящий позоръ, а не въ какихъ-то дрянныхъ денежныхъ разчетахъ съ родными. Она, воспитанная въ богатомъ домѣ, не знавшая отказа въ своихъ прихотяхъ, не могла даже понять смысла странныхъ отношеній Пети къ его матери. Въ ея глазахъ виноватъ былъ не онъ, а вся отвѣтственность лежала на Зинаидѣ Всеволодовнѣ: она была обязана придти на помощь сыну... Да съ какой стати онъ ей разсказываетъ про всѣ эти мелочныя дрясти? Самое упоминаніе о деньгахъ, о нуждѣ возбуждало въ ней какую-то презрительную гадливость, не дававшую ей выкинуть въ настоящій смыслъ всего этого жалкаго прошлаго. Одно только поразило ее въ разказѣ Пети—роль какую игралъ въ немъ Перхуровъ. По ея особой, женской логикѣ, на Перхуровѣ тоже лежала какаля-то отвѣтственность за случившееся.

— Какъ! воскликнула она, — Перхуровъ былъ причиною всей этой исторіи? Вы себя привесли въ жертву для него, а онъ вамъ даже не благодаренъ за это? Онъ могъ теперь...

Она не договорила; все поведеніе Перхурова за послѣдніе дни ей показалось чѣмъ-то въ высшей степени недостойнымъ, точно въ немъ была какаля-то измѣна пострадавшему изъ-за

него товарищу. Доброе чувство къ Петѣ словно даже встрепенулось въ ней опять.

— Да Перхуровъ ни въ чемъ не былъ виноватъ, пробовалъ было защищать его Петя.

Но Вѣруся не захотѣла слушать.

— Оставимъ это, Петръ Васильевичъ, сказала она, и брови ея слегка сдвинулись:—не мнѣ судить обо всемъ этомъ. Для меня всѣ эти денежныя вопросы неловкаты.

Петя не возразилъ ничего, и тревожный, боязливый вопросъ читался на его смущенномъ лицѣ. Нѣсколько мгновеній прошло въ тяжеломъ молчаніи.

— Я жду вашего приговора, Вѣра, тихо проговорилъ онъ наконецъ, опуская предъ ней глаза.

— Да что же могу я вамъ отвѣтить, Петръ Васильевичъ? съ усміемъ вымолвила она.—И зачѣмъ вы все это мнѣ сказали?

Она точно старалась освободиться отъ овладѣвшаго ею тягостнаго ощущенія. Ей чудилось что она вдругъ попала въ какой-то чуждый для нея нечистый міръ, отъ котораго ей хотѣлось поскорѣе брезгливо отвернуться, и ее раздражало что Петя заставлялъ ее заглядывать въ эту претившую ей среду.

— Вы стало-быть не осуждаете меня? продолжалъ онъ.— Я вамъ не кажусь...

— Зачѣмъ мнѣ осуждать васъ? перебила она его нетерпѣливо.—Я вѣрю вамъ какъ прежде вѣрила...

Говорила она это не искренно. На самомъ дѣлѣ она думала объ одномъ только: какъ бы скорѣе покончить съ этимъ тяжелымъ объясненіемъ.

Посыпался скрилъ шаговъ по мокрому песку. Вѣра почти съ испугомъ насторожила глаза. Сперва большіе кусты сирени не давали разглядѣть подходившихъ. Но вотъ у поворота дорожки показалась высокая тощая фигура мушкетера, въ модномъ, хоть и безвкусномъ пальто желтоватаго цвѣта. Онъ велъ подъ руку очень еще молоденькую женщину, нарядно одѣтую, слишкомъ даже нарядно въ виду ранняго часа. Въ мушкетера Петя узналъ Полунина. Немного рѣзкій, но выразительныя и красивыя черты женщины, ея большіе цыганскіе глаза тотчасъ поразили Вѣру; она мигомъ встала и угрожающимъ шепотомъ проговорила:

— Пойдемте отсюда, Петръ Васильевичъ, я не хочу встрѣтиться съ этою... женщиной.

— Вы ее знаете? былъ удивленный вопросъ Пети.

Но было уже поздно. Молодая женщина успѣла замѣтить Вѣру и, вырвавъ свою руку изъ-подъ руки Полунина, быстрою и рѣшительною походкой подошла къ молодымъ людямъ.

— Вы, я вижу, сказала она, — меня узнали, Вѣра Максимовна. Вотъ какъ привелось намъ встрѣтиться!..

Въ голосѣ ея звонкомъ и отчетливомъ слышалась насмѣшка. Вѣра вслыхнула и вся выпрямилась.

— Я не желаю ни знать васъ, ни говорить съ вами, произнесла она гнѣвно.

— Вотъ какъ! повода злыми глазами то на нее, то на Петю, возразила засмѣившаяся молодая женщина. — Презирать меня изводите? Съ такими какъ я и встрѣчаться опасно!.. А между тѣмъ и вы тоже кажется милымъ дружкоймъ обзавелись.

Петю передернуло. Онъ бросился къ Полунину, остановившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ позади, и схвативъ его за локоть воскликнулъ:

— Уведите вашу даму! слышите? Я не допущу...

— Не безпокойтесь, со сверкающими глазами обернулась молодая женщина къ Петѣ, — я сама уйду. Съ меня и того довольно что я видѣла Вѣру Максимовну въ вашемъ обществѣ.

Она громко расхохоталась и, небрежно кивнувъ головой, отошла прочь и снова взяла подъ руку своего кавалера.

Вѣрусю стояла на мѣстѣ какъ вкопаная. Она теперь была блѣдна какъ полотно. Не стыдъ въ ней говорилъ, она была слишкомъ горда чтобъ опуститься до стыда предъ этою потерянною женщиной, а холодное негодованіе, негодованіе за то что могло быть хоть что-нибудь общаго между нею и этимъ презираемымъ, отверженнымъ существомъ. Охватившій ее гнѣвъ возбуждалъ ее и противъ Пети за то что въ его присутствіи она вынесла это униженіе и за то что онъ повидимому зналъ того человѣка въ обществѣ котораго была ненавидима ея дѣвушка.

— Вы... знакомы съ этимъ господиномъ? гнѣвнымъ шепотомъ спросила она его.

— Да. Это Полунина, тотъ самый, помните, у котораго вашъ братъ...

Онъ не договорилъ.

— Я помню, да, быстро отвѣтила она, какъ бы желая отогнать это воспоминаніе. Но она сознавала что должна ему объяснить эту сцену, хотя ей было и невообразимо больно упоминать предъ нимъ о случившемся когда-то.—Эта женщина, добавила она,—та самая Катя про которую я вамъ говорила. Она конечно считаетъ себя въ правѣ всю нашу семью ненавидѣть, это въ порядкѣ вещей.

Вѣруся помолчала немного.

— А теперь прощайте. Мнѣ пора.

Она протянула ему руку, но едва онъ прикоснулся до ея пальцевъ, она отдернула ее назадъ.

— Когда же мы снова увидимся, Вѣра? грустно спросилъ онъ, не смѣя ее удерживать.

— Когда?.. Я не знаю... я вамъ напишу.

Она быстро отвернулась и направилась къ выходу.

А дождь съ унылымъ постоянствомъ все накрывалъ да накрывалъ. Тускло глядяи и небо, и дома, и самый воздухъ. Вѣруся шла торопливою походкой. Ей было все равно теперь кто бы ее ни встрѣтилъ. Врядъ ли она и узнала бы кого-либо. На сердцѣ у нея была какая-то тяжелая пустота, точно что-то недавно еще ей дорогое потускнѣло и поблекло. Дома въ прихожей ее встрѣтилъ отецъ. Максимъ Богдановичъ казался въ отличномъ расположеніи духа.

— Ты гуляла? въ такую погоду? сказалъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ.—Вотъ охота! Посмотри на себя, ты вся промокла.

— Ничего, я дождя не боюсь, холодно отвѣтила она.

— А я имѣю для тебя хорошее извѣстіе. Я много думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ, и нахожу теперь что погорячилась напрасно. Петѣ Бороздину незначѣтъ отказывать отъ дома, пусть все будетъ по старому.

Вѣра не отвѣчала.

— Надѣюсь, ты мною довольна? продолжалъ онъ удивленный ея молчаніемъ.

— Мнѣ все равно, папа; дѣлайте какъ хотите, проговорила она нехотя.—Я пойду переодѣться, добавила она спустя нѣсколько секундъ и ушла къ себѣ въ комнату.

Максимъ Богдановичъ разсмѣялся ей въ слѣдъ.

— Ну, поди объясни себѣ послѣ этого чего она хочетъ, громко сказалъ онъ самому себѣ.—Вчера почти на стѣну глѣза изъ-за этого молодкососа, а теперь ей все равно... Эхъ,

ужь мнѣ эти дѣвичьи причуды!.. Избаловалъ я ее очень, вотъ что.

И Максимъ Богдановичъ направился въ свой кабинетъ. Какъ истый дѣловой человѣкъ, надъ такими пустяками не любилъ онъ долго раздумывать.

## XVII.

Два дня спустя, въ одиннадцатъ часовъ утра, всѣ губернска власти, въ мундирѣхъ и при орденахъ, собраны были на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда, съ которымъ ѣхалъ Михаилъ Владиміровичъ Чистолопольскій. Давно уже начальникъ станціи подалъ губернатору дѣлешу извѣщавшую о выходѣ поѣзда съ послѣдней станціи. Всѣ глаза были устремлены въ ту сторону гдѣ долженъ былъ показаться сѣроватый дымъ локомотива. Почтенный властитель губерніи неоднократно посматривалъ на часы и уже предавался безпокойству, не случилось ли на пути несчастія за которое ему пришлось бы, чего добраго, нести отвѣтственность. Онъ то и дѣло озирался на лица подчиненныхъ, точно не совсѣмъ увѣренъ былъ начертано ли на всѣхъ этихъ лицахъ въ должной степени благонамѣренное приличіе. Его превосходительную тревогу еще болѣе отбѣняла самоувѣренная развязность Максима Богдановича. Въ камергерскомъ мундирѣ, съ лентой Станислава черезъ плечо, онъ казался необыкновенно бодрымъ и молодежавымъ. Крупною веселою походкой шагала онъ по длинной платформѣ, обмѣнивался шутками то съ тѣмъ, то съ другимъ, трепала Разметальскаго по плечу. Кондратій Савичъ тоже счелъ долгомъ явиться, хотя и облеченъ былъ въ простой либеральный фракъ, и даже подтрунивалъ иногда надъ губернаторомъ. Словомъ, Максимъ Богдановичъ, какъ ни жаль въ этомъ признаться, совсѣмъ затмевалъ собой бѣднаго начальника губерніи. Тайный совѣтникъ Перелепкинъ, такъ звали достойнаго губернатора, хотя и былъ весь пропитанъ торжественнымъ сознаніемъ своей важности и каждый разъ при открытіи дворянскихъ и земскихъ собраній произносилъ витіеватыя рѣчи, на этотъ разъ глядѣлъ необыкновенно забитымъ. Его маленькій ростъ, озабоченный видъ его откинутой назадъ головы, туго сидѣвшей на короткой шеѣ, сѣдые щетинистыя бакенбарды, все это



являло видъ печальной безпомощности; и какъ ни строго онъ былъ къ самому себѣ и къ подчиненнымъ, какъ ни за-тверждалъ онъ всѣ законныя формальности, въ которыхъ и полагаалъ всю суть административной власти, онъ совершенно насовалъ предъ Максимомъ Богдановичемъ. Въ его лицѣ онъ преклонялся предъ тою силой которую ни одинъ законъ упразднить не въ состояннн,—предъ силой капитала. Но вотъ издали долетѣлъ слабый еще звукъ свистка. Полицейстеръ весь влопыхахъ пробѣжалъ черезъ всю платформу со своего наблюдательнаго поста и доложилъ губернатору что поѣздъ приближается. Близорукіе глаза его превосходительства тщетно силились разглядѣть дымъ, блѣдная струйка котораго уже обозначалась вдали на прозрачномъ голубомъ фонѣ майскаго неба. Свистокъ раздался громче, посыпалось шилтвнне пара, потомъ колеса заскрипѣли по рельсамъ и, тяжело качаясь и лыхтя, даивный черный звѣрь, стуча и отдуваясь, грузно подкатилъ къ платформѣ. Звонокъ громко прозвонилъ, докомотивъ оглушительно засвисталъ, потомъ три раза изъ его пасти вырвалось шипящее дыханіе, потомъ цѣли вагоновъ натянулись, осаживая поѣздъ, наконецъ все застыло въ неподвижности, и кондуктора, соскочивъ на платформу, принялись отпирать двери. Все суетливо устремилось къ тому вагону перваго класса гдѣ долженъ былъ помѣщаться сановникъ, но, къ общему изумленію, онъ вышелъ совсѣмъ не оттуда. Михаилъ Владиміровичъ скромно занималъ простое отдѣленіе. Онъ любилъ пощеголять непритязательностью и еще болѣе любилъ подразнить ожидавшихъ его съ торжествомъ, дѣлая тщетными ихъ ревнивыя усилія. Михаилъ Владиміровичъ, свѣжій и изящный какъ всегда, былъ одѣтъ въ сѣрый утренній сюртъ чистѣйшаго покроя; легкій галстукъ съ черною жемчужною булавкой былъ повязанъ вокругъ его шеи и весь его утренній, хоть и безукоризненный костюмъ словно говорилъ: „я избѣгаю, господа, всего похожаго на церемоніаль; я, какъ Европеецъ, не дорожу этикетомъ. Посмотрите что за контрастъ между моею небрежною визиткой и вашими смѣшными мундирами!“ Не то, однако, говорила величавая осанка его выпрямленнаго стана и строго откинутой головы. Михаилъ Владиміровичъ былъ роста высокаго и щеголялъ тѣмъ что въ шестьдесятъ лѣтъ лѣтъ его стройная фигура не лишилась своего упругаго изящества. Онъ протянулъ руку губернатору и на

вопросъ, не утомился ли онъ отъ долгаго путешествія, смѣло и ходительно заявилъ что исполненіе долга никогда не утомляетъ. Потомъ, обернувшись къ Максиму Богдановичу, онъ и ему подавъ десницу, даже съ оттыкомъ большей ласковости: Чистопольскій всегда подчеркивалъ свое уваженіе къ независимости выборныхъ властей. Затѣмъ онъ подавъ третій ялдець нѣсколькимъ изъ наиболее видныхъ чиновниковъ и, сказавъ губернатору: „je regrette que tous ces messieurs se soient dérangés,“ кивнулъ головою въ сторону „ces messieurs“; слегка приподнявъ свою мягкую низкую шляпу. Замѣтивъ стоявшаго поодаль Разметальскаго, онъ подарилъ его любезнымъ движеніемъ глазъ, и тотчасъ затѣмъ однимъ повелительнымъ взглядомъ заставилъ разступиться передъ собой чиновную толпу и, въ сопровожденіи губернатора, прошелъ въ царскія комнаты вокзала. За нимъ послѣдовали туда остальные, въ томъ числѣ и двое пріѣхавшихъ съ нимъ приближенныхъ, Всеволодъ Бороздинъ и князь Можайскій. Оба они, по примѣру начальника, были одѣты по-утреннему. Красивая наружность Всеволода, вѣжливая, немного холодная увѣренность его движеній сразу бросались въ глаза. Совсѣмъ ужъ не походила на тревожную угодливость мѣстнаго чиновнаго люда равнодушная непринужденность молодаго человѣка. Князь Можайскій, плотный господинъ, лѣтъ сорока, стулалъ своими короткими толстыми ножками, немного переваливаясь; прищуренные, слегка запавшіе глазки и все лицо дышали скукой съ оттыкомъ насмѣшливости, словно онъ предчувствовалъ сколько ему придется увидеть комическаго dans ce trou de province; одѣтъ онъ былъ въ сѣрую клѣтчатую визитку и въ шотландскую шапочку съ кистью позади. На вокзалѣ самовникъ пробылъ не долго. Два, три слова о томъ что пріѣздъ его ни въ чемъ не долженъ останавливать обычнаго теченія жизни и дѣлъ, благопріятный отзывъ о процвѣтаніи края усмотрѣнномъ имъ изъ окна вагона, и Михаилъ Владимировичъ, знавшій цѣну времени, усѣлся въ коляску губернатора. За нимъ высыпали прочіе. Максимъ Богдановичъ тотчасъ предложилъ Всеволоду свои услуги и свой экипажъ. Съ приращеннымъ ему чутьемъ, отецъ Вѣриси тотчасъ оцѣнилъ по достоинству молодаго человѣка. „Какой должно-быть умница“, рѣшилъ онъ самъ съ собой, „себя не выдастъ ни за чѣмъ, по глазамъ видно, а всякаго другаго проведетъ.“ Для Максима Богдановича это была высшая похвала.

Петя Бероздинъ, поджидавшій брата на станціи, подошелъ къ нему какъ только Чистопольскій успѣлъ отъѣхать.

— Здравствуй, братъ, здравствуй! поздоровался съ нимъ Всеволодъ и два раза приложился гладко выбритымъ подбородкомъ къ лицу Пети. Въ этомъ казалось дружескомъ привѣтствіи былъ какой-то странный оттѣнокъ покровительственной холодности. И хотя Петя былъ и ростомъ выше старшаго брата, и крѣпче сложеніемъ, это покровительство казалось совершенно естественнымъ, до того поражала въ тридцатилѣтнемъ Всеволодѣ какая-то законченность, опредѣленность приемовъ, дававшая ему права на авторитетъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Петя, горячо пожимая руку брата;—надѣюсь, ты у меня остановишься. Квартира моя, правда, маленькая, да мѣсто для тебя все-таки найдется.

— Нѣтъ, ужъ не взыщи, остановиться у тебя никакъ не могу: меня каждую минуту потребовать могутъ къ начальству; мнѣ и квартира въ одномъ домѣ съ Михаиломъ Владимировичемъ отведена. И ѣхать я долженъ съ вашимъ предводителемъ, я уже Княжичу обѣщалъ.

— Да какъ же, Всеволодъ, настаивалъ озадаченный Петя;—мнѣ бы такъ хотѣлось съ тобой переговорить! Столько времени мы не видались!..

— Услѣземъ, любезный мой, успѣемъ! Заверни коли хочешь такъ черезъ полчаса; ты вѣдь знаешь гдѣ намъ отведена квартира.

Онъ обернулся и увидалъ стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нихъ Княжича.

— Извините что задержалъ васъ, сказалъ онъ ему,—я къ вашимъ услугамъ.

Онъ послѣшню еще разъ пожалъ руку брату и вкочилъ въ ожидавшую у станціи коляску. Лихая пара вороныхъ подхватила и дружною рысью повеселась. Отъ зоркаго глаза Максима Богдановича не ускользнуло то чуть замѣтное пренебреженіе къ брату какое было въ обращеніи съ нимъ Всеволода. „Охе, вотъ оно какъ!“ подумалъ Княжичъ. „А я-то съ дуру разчитывалъ его задобрить своимъ вниманіемъ къ этому молодкососу. Онъ, кажется, брата и въ грошъ не ставитъ. Хорошо бы я былъ есаубы за этого Петю дочь свою просваталъ“.

Максимъ Богдановичъ и Всеволодъ съ первыхъ же словъ поправились другъ другу. Оба они вѣрили въ свое будущее, оба собственному уму были обязаны тѣмъ чего достигли въ жизни;

и тотъ и другой смотрѣли на нее какъ на скачку съ прелестностями, въ числѣ коихъ люди значили не много болѣе неодушевленныхъ предметовъ; а главное у обоихъ, несмотря на разницу въ лѣтахъ, былъ одинаково бодрый, веселый взглядъ на жизнь, чуждый всякаго вѣжничанья, но за то чуждый и желчной раздражительности. И все это оба они поняли сразу. Всеволодъ, обыкновенно сдержанный съ новыми знакомыми, почувалъ съ первыхъ же словъ Максима Богдановича что съ этимъ умнымъ человѣкомъ, хорошо понимающимъ суть вещей, официальный языкъ совѣтъ не у мѣста. И понявъ это онъ разговорился съ нимъ по душѣ. Пока они ѣхали, Всеволодъ узналъ отъ своего спутника какъ тотъ ведетъ свои крупныя дѣла. И хотя Бяжичъ не считалъ нужнымъ сразу объяснять насколько онъ разчитываетъ на милости свыше, Всеволодъ догадался что содѣйствіе его можетъ пригодиться.

— Что жь, сказалъ онъ, какъ бы вызывая Максима Богдановича на откровенность, — коли наше вѣдомство можетъ быть вамъ полезнымъ, вы къ Михаилу Владиміровичу обратитесь прямо. Говорите съ нимъ безъ обиняковъ: онъ это очень любить, то-есть любить именно въ провинціи, гдѣ роль провинціальна такъ легко разыграть. Я напередъ знаю что вы будете имъ очарованы. Онъ даже пококетничаетъ съ вами. Только само собою, общаніе одно дѣло, а исполненіе... Ну, да тамъ увидимъ...

Колеска уже подѣвжалась ко крыльцу, и Максимъ Богдановичъ не успѣлъ исповѣдать предъ Всеволодомъ свои заветныя желанія; но онъ уже былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ молодого человѣка.

Вотъ голова! думалъ онъ на возвратномъ пути къ себѣ. Кабы его на Вѣрусѣ женить можно было!.. Чего бы съ нимъ вмѣстѣ ни сдѣлали! А что въ самомъ дѣлѣ... развѣ попытаться?.. чѣмъ вѣдь чортъ не шутить! А того голубчика мы слушимъ. Вѣруся тоже дѣвочка съ умомъ. Вскипятилась она такъ изъ-за калриза, а то больше отъ нечего дѣлать, а какъ увидить старшаго брата, пойметъ что онъ тому не пара. Да и сдается мнѣ что охладѣла она ужъ немножко къ своему Петѣ. За эти два дня вотъ про него даже заикаться не изволила...

И Максимъ Богдановичъ предался мечтамъ самаго радостнаго свойства. А Вѣруся въ самомъ дѣлѣ за послѣдніе два дня какъ будто позабыла о Петѣ; при отцѣ она о немъ не

упомянула ни словомъ и къ нему не послала ни строчки. Блудный малый провелъ эти два дня въ той безпомощной тревогѣ какая бываетъ когда смутно чувствуешь близость грозящей бѣды, а самому себѣ въ этомъ все-таки сознаться не хочешь. Онъ не заглядывалъ въ домъ Максима Богдановича, думая что изгнаніе его все еще длится, и съ минуты на минуту тщетно ожидалъ какихъ-нибудь вѣстей отъ Вѣры.

Всеволода между тѣмъ привезенный имъ изъ Петербурга камердинеръ, щеголеватый малый съ великолѣпными баками, провелъ въ предназначенную для него комнату, и въ ожиданіи вещей, еще не прибывшихъ съ желѣзной дороги, разложилъ маленькій желѣзнодорожный несессеръ и подалъ ба рину умываться. За этою операціей происходилъ обыкновенно утренній докладъ лакейскихъ сплетенъ, которыя Всеволодъ выслушивалъ брезгливо, но внимательно.

— А слышать, Всеволодъ Васильевичъ, началъ лакей,—что ихъ высокопревосходительство здѣсь всего два дня пробить изволятъ: отъ самого ихняго человѣка узналъ.

— Такъ что жъ изъ этого? нетерпѣливо мотнулъ головой Всеволодъ.

— Жаль что не долго останемся. Городъ, можно сказать, претолчѣнѣйшій. И хорошенькихъ здѣсь кажись довольно.

Камердинеръ прищурилъ масляные глаза.—Сами увидѣть изволяте-сь. Сегодня у губернатора назначенъ балъ-сь.

— Мнѣ какое дѣло? нехотя возразилъ Всеволодъ.

— Очепно богатыя невѣсты-сь имѣются. У предводителя дочка... слышали-сь?... Краля говорятъ писаная; а денегъ у него куры неклюютъ-сь. Всезначить разувналъ отъ полицейскаго-сь.

Всеволодъ, тщательно умывъ руки, съ наслажденіемъ погрузилъ загорѣлое лицо въ поданную ему серебряную лахань.

— А слышать что господину губернатору очень солоно приходится отъ этого самаго бала-сь: больно скуль-сь. Только дѣлать нечего, для начальства денегъ жалѣть не приходится. А говорятъ ужинъ у нихъ бываетъ самый что ни на есть не важный: больно экономны-сь. За то вотъ завтрашній день у предводителя будетъ праздникъ, тамъ настоящее разливанное море-сь. Тамъ вы и дочку ихнюю посмотрѣть изволяте-сь, можетъ и приглянется...

Всеволодъ принялся обтирать свое мокрое лицо. Дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату вбѣжалъ Пета, а за нимъ двое полицейскихъ втащили дорожный чемоданъ.

Братья обнялись.

— Не помянешь, надѣюсь? немного застѣнчиво спросилъ Петя.

— Конечно, нѣтъ. Очень радъ тебя видѣть. Ну, какъ поживаешь? Рассказывай!

Петя усѣлся и принялся вертѣть саблю. Рассказъ о своемъ житьѣ-бытьѣ выходилъ у него какъ-то несладко и нерѣшительно. Всеволодъ слушалъ разсѣянно и послѣдшне началъ переодѣваться, то и дѣло перекидываясь короткими словами съ камердинеромъ.

— Мнѣ надо, вдругъ какъ бы собравшись съ духомъ, заговорилъ Петя, — передать тебѣ объ одномъ важномъ обстоятельстве...

Онъ не то боязливо, не то вопросительно подвѣлъ на брата заблестѣвшіе глаза.

— Подожди, когда мы будемъ одни. *On ne fait pas des confidences devant les domestiques.*

Петя замолчалъ и съ видимою тревогой на лицѣ олять принялся за саблю.

— Чтò надѣтъ изволите, Всеволодъ Васильевичъ? спросилъ лакей.

— Разумѣется вице-мундиръ: у Михаила Владиміровича сейчасъ пріемъ будетъ.

Всеволодъ застегнулъ воротъ у рубашки, и стоя предъ зеркаломъ, стройный и красивый, сталъ пригладивать двумя надушенными англійскими щетками свои блестящіе, густые темно-русые волосы. Онъ не поковчалъ еще съ этимъ какъ въ комнату вошелъ новый посѣтитель. Это былъ князь Можайскій, все еще облеченный въ свою знаменную кавъчяную визитку. Зѣвая и потягиваясь онъ усѣлся на кровать, высоко перекинулъ ногу на ногу и принялся играть англійскою зашнурованною богишкой.

— У васъ, мой милый, началъ онъ, — я вижу все довольно прилично, не то что у меня. Представьте себѣ, вещей своихъ допроситься не могу! Чортъ знаетъ чтò за мерзость эта провинція! Ну, да я не тороплюсь какъ вы: я дьявольски усталъ. — Онъ перекинулъ ногу и развалился, опираясь на локоть. — *Au fond c'est un sale metier que nous faisons là!* князь вставалъ въ дѣвный глазъ монокала, обернулся и теперь только привѣтилъ незнакомаго ему офицера, сдѣлавъ кислую гримасу.

— Мой братъ, отрекомендовалъ Петю Всеволодъ.

— Ah! charmé!

Петя всталъ и Можайскій дѣливо протянулъ ему руку.

— Народу тамъ въ прихожей набралось, доложу вамъ, милый мой, видимо-невидимо, продолжалъ онъ, покачиваясь грузнымъ туловищемъ.—Какъ примѣтили меня, сейчасъ такъ и нагнулись со своими вылощенными противными физиономіями: когда будутъ принимать ихъ высокопревосходительство, и не могу ли я замолвить словечко?.. Даже бумаги мнѣ разныя подсовывали! Одна вдова тутъ есть, преуморительная! съ оранжевыми лентами на шляпѣ! Ну, представьте себѣ, въ двѣнадцать часовъ утра и съ оранжевыми лентами! Съ жалобой является на то что сынъ у нея выходитъ изъ любовенія. Ну, какое намъ дѣло до ея сына? И господинъ тутъ есть, въ старомъ видѣ-мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, да еще со звѣздой! И что бы вы думали? Проектъ хочеть представить Чистопольскому о прекращеніи пьянства! Ну, какое намъ дѣло до пьянства? Наше министерство вѣдь не кабацкое, *avouez que c'est assomant!*

Можайскій переложилъ монокль въ другой глазъ, потомъ сталъ жергѣть его на указательномъ пальцѣ и раскодившись принялся довольно забавно передразнивать видѣнныхъ имъ просителей.—И вотъ изъ-за чего мы съ великимъ трескомъ подражаемъ Гаруль-аль-Рашиду и ѣздимъ вдоль и поперекъ по Россіи! Принимать всѣхъ этихъ уродовъ, читать всю ихъ чепуху, это называется управлять страмой, *gouverner l'Etat!* А вы увидите, какого сладкаго бисеру имъ станетъ нанизовать *le „начальство“*! *de l'eau bénite de cour, triple extrait.* А они всему этому повѣрятъ и уйдутъ съ сердцемъ трепещущимъ отъ благовѣнія. *Et ce sera bien fait pour ces imbéciles!*

Всеволодъ, продолжавшій одѣваться, молча и нѣсколько презрительно выслушалъ тираду князя. Онъ зналъ хорошо что Можайскій хотя и былъ старше его и чиномъ и лѣтами, въ сущности въ немъ заискивалъ; а независимость сужденій, которою хвасталъ князь, была чисто валуская. Самъ Всеволодъ никогда открыто не глумился надъ официальнымъ міромъ среди котораго ему приходилось жить. Конечно, при этомъ, какъ истый чиновникъ, идущій въ гору, онъ въ душѣ презиралъ этотъ міръ, совершенно такъ же какъ ловкій

фокусникъ презираетъ и свое искусство, и ту довѣрчивую публику которая имъ любитъся.

Князь Можайскій былъ человѣкъ хорошаго общества, хотъ и не совсѣмъ хорошаго тона. Онъ слылъ за безобиднаго врага и за почти остроумнаго балагура. Привимали его вездѣ охотно, но особаго вниманія ему не оказывали. Въ молодости онъ былъ военнымъ, но рано вышелъ въ отставку изъ за разстроенныхъ дѣлъ; этихъ дѣлъ онъ разумѣлся не поправилъ, но за то, послѣ долгихъ лѣтъ тщетнаго искаательства, успѣлъ таки убѣдить кое-кого изъ своихъ влиятельныхъ знакомыхъ что нельзя же ему, потомку Рюрика, бывавшему рѣшительно вездѣ, двоюродному племяннику княгини Зизи и троюродному брату графини Мими, въ сорокъ лѣтъ оставаться нахлѣбникомъ въ разныхъ барскихъ и небарскихъ домахъ и лишиться своей законной доли манны небесной. У насъ, извѣстное дѣло, чуть ли не со времени царя Ивана установилось правило что на вознагражденіе имѣють право не трудъ и не заслуга, а потребности каждаго; что не почетъ даетъ право на мѣсто, а наоборотъ мѣсто на почетъ. Мужуку—надѣлъ, бѣдному студенту—казенная стипендія, разорившемуся фабриканту—дешевая ссуда, богатому барину—уваженіе и ленты, а промотавшемуся—мѣсто съ хорошимъ окладомъ, и совершенно все равно—работаютъ они или ничего не дѣлають. Казна—та же баблница, какъ на гербѣ Воспитательнаго Дома, обязанная кормить своими внутренностями голодныхъ дѣтенышей. И вотъ князя Можайскаго назначили директоромъ департамента истребленія вредныхъ насѣкомыхъ, хотъ онъ по наивности и воображалъ что подъ этимъ именемъ главнымъ образомъ подразумеваются клопы и тараканы, да пожалуй еще суслики про которыхъ онъ начитался въ газетахъ. „On m'a placé dans les rangs élevés de la vermine afin que j'apprenne à la détruire“, сказалъ онъ разъ въ одномъ салонѣ гдѣ старался быть остроумнымъ, и фраза эта имѣла нѣкоторый успѣхъ.

—Его высокопревосходительство васъ просить, доложилъ вшедшій лакей обращаясь ко Всеволоду.—Они къ завтраку изволили выйти.

Всеволодъ направился къ дверямъ.

—Я съ вами, поднялся въ слѣдъ за нимъ князь.—Передѣваться не стану, за это небось не казнятъ.



— Какъ же, Всеволодъ? оставилъ Петя старшаго брата.— Вѣдь мнѣ очень нужно съ тобой переговорить. Ей Богу, до важному дѣлу...

— Послѣ, успѣемъ, сказала Всеволодъ, убѣжденный что братъ хочетъ просить у него денегъ.

— Да когда же? Ты вотъ теперь къ министру, а мнѣ въ самомъ дѣлѣ очень, очень нужно...

— Право, не знаю. Сегодня у насъ весь день распредѣленъ. Теперь начнутся приемы, а въ три часа мы поѣдемъ отдавать визиты; потомъ отправимся кое-что осматривать, тутъ тамъ училища разные, сельскохозяйственную выставку... Въ половинѣ шестаго большой обѣдъ въ дворянскомъ собраніи, а затѣмъ балъ. Не отложитъ ли до завтра?

И съ этими словами, улыбувшись брату, Всеволодъ поспѣшилъ выйти.

Въ столовой, гдѣ Михаилъ Владиміровичъ уже принялся за завтракъ, было нѣсколько официальныхъ лицъ, въ томъ числѣ Максимъ Богдановичъ и городской голова, почетный гражданинъ Архалуковъ. Оба они сидѣли рядомъ съ садовникомъ, попрежнему облеченнымъ въ утренній костюмъ, но тщательно выбритымъ и опрысканнымъ духами. Чистолодскій обворажалъ ихъ своею плавною, нѣсколько медленною рѣчью. Городекому головѣ, смышленому старику съ почетнымъ, хоть и лаутоватымъ лицомъ, онъ разказывалъ какъ въ бытность свою въ Лондонѣ онъ обѣдалъ у лорда-мера, и почти невольно проводилъ параллель между сановитостью этого должностнаго лица, торжественно облачающагося въ историческую мантию и нагруденный парикъ, и неказистыми формами родныхъ муниципальныхъ властей.

— Я бы желалъ видѣть, сказалъ онъ между прочимъ, — и въ нашихъ, молодыхъ еще муниципалитетахъ то уваженіе къ историческимъ преданіямъ которому Великобританія обязана устойчивостью и процвѣтаніемъ своихъ институтовъ.

Какимъ именно преданіямъ Чистолодскій требовалъ уваженія, онъ не объяснилъ. Городской голова его слушалъ почитательно, хоть и плохо зналъ, вѣроятно, что за лгца лондонскій меръ и въ чемъ заключаются вѣковые институты Англій. „Парикъ-то парикомъ“, думалъ онъ про себя, „а кабы насъ освободили отъ расходовъ на содержаніе полиціи, вотъ это было бы не дурно!“

Когда вошли князь Можайскій и Всеволодъ, Чистопольскій рекомендовалъ ихъ присутствующимъ:

— Мои адъютанты, сказалъ онъ, приглашая ихъ съѣсть, причемъ окинулъ неодобрительнымъ взглядомъ совсѣмъ ужъ не официальный костюмъ Можайскаго.

Княжичъ усадилъ Всеволода рядомъ съ собой и вступилъ съ нимъ въ оживленную бесѣду.

— Торговые обороты, я слышу, продолжалъ савонникъ, — въ вашемъ городѣ развиваются. Всюду замѣтно оживленіе экономического лудьса.

— Да-съ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ голова, — нашъ банкъ, могу сказать, идетъ довольно успѣшно.

Говоря это, онъ погладилъ себѣ бороду.—Хорошо было бы только кабы намъ открыли побольше кредита-съ со стороны Государственнаго Банка. Да вотъ, еслибы желѣзную дорогу провели о которой нашъ городъ хлопочеть...

Чистопольскій не любилъ оговорокъ въ похвалахъ.

— Да, перебилъ онъ голову, — многое, конечно, остается сдѣлать, но слѣдуетъ признать растущее процвѣтаніе страны.

— А на счетъ желѣзной дороги, вмѣшался Княжичъ, желавшій немного повредить Разметальскому, который добивался концессіи, — смѣю доложить что для края она совсѣмъ не нужна и придумана лишь изъ личныхъ расчетовъ завѣвающимъ сюда недавно аферистомъ.

— Вы видите, господа, примирительно заключилъ савонникъ, — какое разногласіе существуетъ между представителями общества. Повѣрьте мнѣ, предоставьте рѣшеніе вопросовъ тѣмъ кто стоитъ выше и потому лучше видитъ настоящія потребности края.

Когда завтракъ былъ конченъ и посѣтители удалились, Чистопольскій спросилъ у Всеволода, — на князя онъ даже глядѣть избѣгалъ, — много ли собралось на предстоявшій официальный пріемъ. Когда ему сказали что его ожидаютъ человекъ сорокъ, онъ слегка поморщился, но тотчасъ придалъ опять своему лицу гладкое выраженіе спокойнаго достоинства.

— Eh bien, сказалъ онъ, — je vois qu'on fait preuve de zèle. Подите, Всеволодъ Васильевичъ, узнайте, кто тамъ, и пробѣгите заранѣе прошенія которыя собираются мнѣ подать; и конечно все излишнее, выходящее, такъ сказать, изъ рамокъ... Вы меня понимаете?

Всеволодъ вышелъ, и савонникъ тотчасъ обратился къ Можайскому.—Вы знаете, князь, я не формалистъ и люблю простоту въ обращеніи. Но передъ этими господами вы бы должны все-таки подчиниться установленнымъ правиламъ для своей одежды. *Quand on veut diriger les masses il faut leur donner l'exemple de la discipline.*

Проговоривъ это съ мягкою величавостью, Чистопольскій удалился въ уборную чтобъ облечься въ свои официальные ризы.



## XVIII.

День прошелъ какъ нельзя лучше. Должностныя лица представлявшіяся Чистопольскому ощутили, конечно, не-обыкновенный подъемъ духа, услыхавъ отъ него что за всѣми ихъ дѣйствіями зорко слѣдитъ неусыпное око начальства. „Я увѣренъ, господа“, сказалъ онъ имъ, между прочимъ,— „что мое свиданіе съ вами поддержитъ и подкрѣпитъ въ васъ неугасимый огонь ревностнаго служенія.“ Просители тоже удостоились милостиваго вниманія. Вдова приносившая жалобу на непокорнаго сына услышала въ утѣшеніе себѣ что власть стоитъ насторожѣ домашняго очага. Старикъ со звѣдой получилъ увѣреніе что его проектъ будетъ внимательно прочтенъ. Не менѣе любезно отнесся савонникъ и къ поданнымъ ему жалобамъ на бѣдствія отъ которыхъ страдало мѣстное сельское хозяйство. Двое помѣщиковъ оплакивали потери причиненныя имъ гессенскою мухой. „Знаю, знаю“, милостиво остановилъ ихъ савонникъ. „Ваши заявленія прямо относятся къ вѣдомству департамента истребленія вредныхъ наѣзкомыхъ, гдѣ имѣется особый столъ гессенской мухи.“ И докладныя записки двухъ помѣщиковъ тутъ же были переданы князю Можайскому.

Помѣщики однако на этомъ не успокоились: они заявили что не одна муха, но и суслики причиняютъ имъ великія бѣдствія.

— Суслики, господа, не наѣзкомыя, съ нѣкоторою строгостью отозвался савонникъ:—они къ вѣдомству департамента уже не относятся; они приурочены къ отдѣленію борьбы съ

природой департамента полезныхъ растений. А для случаевъ требующихъ совмѣстныхъ дѣйствій обоимъ означенныхъ департаментовъ имѣется особо учрежденная коммиссія.

Неизвѣстно, утѣшились ли этимъ помѣщики, но коммиссія эта дѣйствительно существовала уже двѣнадцать лѣтъ въ предсѣдательствѣ директора департамента полезныхъ растений, и въ составъ ея входилъ извѣстный специалистъ по части всего вообще, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стрекоза. Плодомъ ея работъ былъ проектъ устройства быта саранчи съ водвореніемъ ея на особо отведенныхъ земляхъ.

Не менѣе удачно прошелъ и торжественный обѣдъ устроенный въ Дворянскомъ Собраніи по инициативѣ Максима Богдановича и на его собственные средства. И блюдамъ, и тостамъ не было конца. Настроеніе было самое возвышенное. Особенно запечатлѣлась въ сердцахъ рѣчь Михаила Владиміровича, гдѣ онъ, между прочимъ, сказалъ что „земледѣліе и промышленность—двѣ питательныя вѣтви торговли, этой главной артеріи государственнаго кровообращенія.“ Слушатели должно-быть не совсѣмъ поняли это физиологическое сравненіе, но остались несомнѣнно довольны. Публика, даже избранная, всегда въ особенномъ восторгѣ отъ того что она не совсѣмъ понимаетъ. Въ исходѣ девятаго часа, у подъѣзда губернаторскаго дома полицейскіе уже усердно раздавали внушительные ливки напирившей толпѣ народа, привлеченнаго иллюминаціей главнаго фасада, гдѣ красовались блестящія вензеля и нѣсколько рядовъ необыкновенно золотыхъ плетекъ. Вѣтра не было. Безмятежная майская ночь какъ бы недоумѣвая глядѣла тысячами глазъ на попытку людей вырвать своимъ жалкимъ искусственнымъ свѣтомъ клочекъ города изъ ея темныхъ, мающуихъ объятій.

Когда Михаилъ Владиміровичъ, встрѣченный губернаторомъ на лѣстницѣ, вступилъ въ освѣщенную залу въ сопровожденіи Можайскаго и Всеволода, тамъ уже собрался весь цвѣтъ мѣстнаго общества. Торжественной осанки губернаторши какъ не бывало когда предъ ея взорами предсталъ савонникъ и подарилъ ее съ обычною величавою ласковостью немногими отборными словами на французскомъ языкѣ. И слѣдуетъ ему отдать справедливость, на изящномъ его лицѣ не было и тѣни столичнаго пренебреженія когда онъ знакомился съ мѣстными дамами и обмѣнивался привѣтствіями съ представителями не столь прекраснаго пола. Въ карты онъ,

однако, не играя, и обстоятельство это отчасти затруднило хозяйку, такъ какъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ его пришлось занимать разговоромъ, и почти за все это время его статная фигура выдавалась въ дверяхъ залы, въскорько охлаждая своимъ присутствіемъ ожиданіе танцующей молодежи.

Дамы, отъ него въ особенности были въ восторгѣ; онѣ ухаживали за савонникомъ какъ за ними въ цѣлую ихъ жизнь не ухаживалъ быть-можетъ никто. У дамъ, извѣстное дѣло, появляется особаго рода кокетство когда его пружиной становится тщеславіе, а предметомъ украшенный сѣдинами и знаками отличія государственный мужъ. На женщинъ, вопреки природѣ, гораздо больше чѣмъ на мужчинъ вліяетъ притягательная сила высокаго сана и звѣздъ украшающихъ превосходительную грудь, и въ цвѣтѣ лѣтъ не рѣдко онѣ забываютъ присутствіе даже того мужчины который имъ нравится, ради генеральскаго аксельбанта или первоклассной звѣзды; въ болѣе зрѣлые годы такое предпочтеніе онѣ оказываютъ и по давню; а когда столичное свѣтло появляется на скромномъ горизонтѣ провинціального города, пердъ ослабленными женскими глазами совсѣмъ уже меркнетъ весь оставшій міръ. Но Чистопольскому скоро надоѣлъ этотъ утомительный еміамъ, подносимый къ тому же на сомнительномъ французскомъ языкѣ. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь Всеволода и отдалъ его въ жертву льстивому дамскому хору. Молодой человѣкъ остался вѣренъ своей обычной роли плѣнителя сердець, и дамы которымъ его представили тотчасъ поняли что предъ ними неподдѣльный образецъ того вышшаго отборнаго доска которымъ не избаловала ихъ провинціальная молодежь. Какъ изощренный вкусъ съ перваго же глотка оцѣниваетъ тонкій букетъ хорошаго вина, такъ и онѣ сразу ощутили съ первыхъ словъ Всеволода какое-то особое очарованіе, и можетъ-быть оно было тѣмъ сильнѣе что и въ голосѣ его, и въ спокойномъ выраженіи глазъ, былъ едва уловимый отгѣнокъ той снисходительной увѣренности какая сказывается у избалованнаго столицей молодого мужчины когда онъ попадаетъ въ общество стоящее ступенью ниже. Но Всеволодъ слишкомъ владѣлъ собой чтобъ этотъ отгѣнокъ перешелъ у него въ небрежность обращенія. Онъ былъ можетъ-быть въ этотъ вечеръ любезнѣе чѣмъ когда-либо въ петербургской гостиной. Взглядъ его скользилъ по кружившимся ларамъ, и ему

даже какъ будто хотѣлось отыскать среди нихъ чѣмъ полюбиться: женская красота всегда привлекала его въ любой обстановкѣ. И не разъ промелькнувшее предъ нимъ молодое личико вызывало въ его глазахъ мимолетный блескъ, но почти тотчасъ подмѣченное имъ не совсѣмъ изящное движеніе или услышанная въ разговорѣ слишкомъ громкая нота охлаждали произведенное впечатлѣніе. Мимочка Сарычева, напримеръ, казалась очень милою въ своемъ голубомъ тюлевомъ платьѣ съ серебряными блестками, но за то когда она смѣялась, а случалось это часто, смѣхъ ея такъ и отзывался дѣвичествомъ, а пухленькія губки складывались какъ у вербнаго херувимчика. У двухъ другихъ барышень, у Пашеньки Головченской и у Гавички Ильенко, были чудныя темнокаштановыя косы и правильныя лущистыя брови, но одна изъ нихъ увѣ! говорила въ носъ, а другая ужъ совсѣмъ не изящно во время вальса ложилась на плечо кавалера, а когда ей приходилось стоять неподвижно, рѣшительно не знала куда дѣвать руки. У Полины Шлейеръ, дочери стараго полковника изъ Нѣмцевъ, было прелестное задумчивое личико, но казалось она такъ засмотрѣлась на луву что разъ навсегда оттого поблѣднѣла.

— Mais vous ne dansez donc pas, сказала Всеволоду одна дама изъ числа маменекъ.

— Allez, mon cher, allez, faites votre devoir, подтвердилъ ему Чистопольскій.

— Je n'ai l'honneur de connaitre aucune de ces demoiselles, сталъ извиняться Всеволодъ.

Услыхавъ это, дама, оказавшаяся гжею Сарычевой, тотчасъ подвела его къ своей дочкѣ. Мимочка вся зардѣлась отъ удовольствія когда молодой человѣкъ ловко обвилъ ея тонкій станъ.

Всеволодъ вальсировалъ превосходно. Да онъ и все дѣлалъ хорошо за что ни принимался; онъ совсѣмъ не раздѣлялъ того отчасти напускнаго презрѣнія къ танцамъ какимъ отличается современная молодежь. Конечно, онъ при этомъ не имѣлъ въ виду одно удовольствіе: для Всеволода и балъ, какъ все прочее, былъ лишь однимъ изъ средствъ къ достиженію цѣли. Танцовалъ онъ всегда въ мѣру, ровно настолько чтобы выказать свою готовность и въ то же время, даже среди бальныхъ услѣховъ, не терять репутаціи человѣка занятаго дѣломъ.

Съ легкой руки Мимочки, онъ быстро перезнакомился со всѣми. Барышни были отъ него въ восторгѣ. И въ его манерѣ танцовать, и въ чистомъ его французскомъ произношеніи, и въ тѣхъ немногихъ вѣжливыхъ словахъ которыми онъ такъ и ласкалъ слухъ провинціальныхъ дѣвъ, было что-то особенное, выходявшее изъ обычной заурядности и въ то же время простое и непринужденное.

Во время короткаго перерыва между кадрилию и вальсомъ, Мимочка Сарычева подошла къ Всеволоду, стоявшему въ дверяхъ, и заговорила, усиленно обмахиваясь вѣтромъ:

— Мисѣ Бороздинъ, я думаю вамъ ужасно скучно было вѣхать сюда, какъ намъ, въ провинцію?

Глазки ея при этомъ сладко щурились.

— Напротивъ! улыбулася онъ въ отвѣтъ.—Я всегда радъ случаю попутешествовать и поучиться какъ живутъ тамъ гдѣ насъ нѣтъ: вѣдь еще Грибоѣдовъ сказалъ что тамъ всегда лучше, а мы въ Петербургѣ такъ мало знаемъ страну...

— Ахъ! неужели это вамъ интересно? А мнѣ бы такъ въ Петербургѣ хотѣлось!.. Братъ мой тамъ служитъ... вы его не знаете? онъ здѣсь теперь гоститъ... И онъ все надъ нами смѣется.. Онъ говоритъ что въ Петербургѣ только и можно научиться какъ жить надо.

— Не могу судить о вкусахъ вашего брата, но мнѣ, поверьте, кажется что мы тамъ искусственно и нехорошо живемъ. Мнѣ вѣдь лямку приходится тянуть, а еслибъ я могъ отъ нея освободиться, бросить эту столичную мишуру и найти себѣ, ну хоть бы здѣсь, настоящую семейную жизнь, съ какою бы я радостью забылъ всю нашу пустую погоню за пустымъ честолюбіемъ!

Мимочка широко раскрыла свои удивленные глаза: такіа рѣчи въ устахъ блестящаго петербургскаго чиновника ей казались чѣмъ-то ужаснымъ. Повидимому не она одна ихъ слышала: молодая дѣвушка, стоявшая спиной къ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ и говорившая въ это самое время съ Чистопольскимъ, повернула къ нимъ свою изящную головку. Глаза ея встрѣтились съ глазами Всеволода. И что это были за чудные, мягкіе и въ то же время гордые глаза! Въ нихъ читалось и недоумѣніе, и удивленіе, и какое-то одобряющее сочувствіе. Но восхищенный взглядъ молодого человѣка показался ей, должно быть, слишкомъ уклоннымъ, только сказавъ нѣсколько словъ

Чистопольскому, она отошла на середину залы. Всеволодъ слѣдилъ за ея ровными, легкими движеніями. Эта дѣвушка, подумалъ онъ, совсѣмъ не то что остальные; онъ не видѣлъ еще здѣсь, да пожалуй не встрѣчалъ и прежде, такой изящной и законченной красоты, такого взгляда, полнаго гордой чистоты и безбоязненной свободы. Она была чуть-чуть выше средняго роста, но ея гибкій станъ былъ, казалось, изваявъ такою искусною рукой, и головка такъ изящно сидѣла на тонкой шеѣ что сразу производила она впечатлѣніе чего-то царственнаго, стоявшаго по самой природѣ выше окружавшей ее среды. На ней было газовое бѣлое платье. Широкій атласный поясъ туго и легко обхватывалъ ее, и двѣ ленты назадъ краснымъ изгибомъ спадали длинными волнистыми концами. Вѣтка живаго лянца висѣла на ея платьѣ, переплетенная съ нераспустившимися еще цвѣтками желтовато-бѣлыхъ и блѣдно-алыхъ розъ. Гирлянда изъ такого же лянца съ приколотыми къ ней розами огибала ея темную голову.

— Кто эта красавица? не скрывая своего восхищенія спросилъ Всеволодъ у стоявшаго вездѣ него Перхурова: они были знакомы съ давнихъ поръ, хоть дружбы между ними не водилось.

— Неужели вы ее не знаете? Это моя кузина, Вѣруся Княжичъ.

Самое слово „Вѣруся“ какъ-то сладко прозвучало въ ушахъ Всеволода.

— Я васъ представляю коли хотите, добавилъ Перхуровъ.

Но въ этомъ не оказалось надобности. Максимъ Богдановичъ, только что вставшій изъ-за партіи, разслышалъ послѣднія слова племянника и тотчасъ взялся познакомить Всеволода съ дочерью. Она въ это время стояла въ углу залы, нехотя выслушивая что говорили обступившіе ее Новокрещенскій съ княземъ Наровчатовымъ и съ юнымъ Сарычевымъ.

Вѣруся была немного блѣда въ этотъ вечеръ. Она поѣхала на балъ почти противъ воли. Цѣлые два дня, прошедшіе послѣ ея встрѣчи съ Петей, молодая дѣвушка провела въ невеселомъ раздумьѣ. Она силсилась уловить и выяснитъ впечатлѣніе произведенное на нее страннымъ ихъ разговоромъ. А впечатлѣніе это все не давалось ей, все уходило въ какіе-то неясные образы. Она повторала себѣ что любить



Петю, что обещала быть его женой, а внутренній голосъ подсказывалъ ей что это неправда, что она обманываетъ себя; и сердце ея выло отъ какого-то внутренняго разлада, и совесть упрекала ее за неискренность, почти за измѣну. Отецъ съ нею ужъ не заговаривалъ объ этомъ, а съ самимъ Петей она не встрѣчалась и не писала къ нему, увѣряя себя что время все рѣшитъ, все устроитъ. Женщины всегда прибѣгаютъ къ его помощи когда не хотятъ сознаться предъ собой въ томъ что въ тайнѣ уже рѣшило ихъ сердце. Вѣрусъ удивилась не встрѣтивъ Петю на балу, а въ сущности, не отдавая себѣ въ томъ отчета, она была этимъ почти довольна; почему-то она даже боялась встрѣчи съ нимъ; она смутно чувствовала что прежнихъ добѣрчивыхъ отношеній между ними уже быть не можетъ.

Максимъ Богдановичъ съ сияющимъ лицомъ, немного торжественно, подвелъ Всеволода къ дочери. Молодой человекъ сказалъ ей одну изъ тѣхъ незначащихъ фразъ, безъ которыхъ не обходится любое начинающееся знакомство. Онъ умѣлъ впрочемъ и такой бессодержательной фразѣ придать особый отбѣнокъ незаурядной, изящной лести. Вѣрусъ протянула ему руку въ отвѣтъ. Трое окружавшихъ ее молодыхъ людей захотѣли было возобновить прерванную надобившую ей болтовню, но она слишкомъ ужъ очевидно ихъ не слушала, да и въ присутствіи Всеволода они невольно какъ-то при-смирѣли; они почувствовали будто какая-то холодная струя пробѣжала между ними и молодою дѣвушкой, и волею-неволею отошли прочь. Всеволодъ пододвинулъ къ Вѣрусѣ стоявшій не въ далека стулъ и самъ усѣлся рядомъ.

— Что, спросилъ онъ улыбувшись, — много у васъ здѣсь такихъ какъ вотъ эти трое очаровательныхъ молодыхъ людей?

— Всѣ... то-есть почти всѣ; да я къ нимъ привыкла.

— Это не привычка, а равнодушіе. Il y a une charité à laquelle la sottise a droit, la charité de l'indifférence. Это не совсѣмъ по христіански, да что дѣлать! Надо просто не замѣчать лустыхъ и скучныхъ людей. Много они не стоить.

Оркестръ опять заигралъ вальсъ. Всеволодъ поднялся съ мѣста, Вѣрусъ тоже встала и послушно слегка наклонилась къ нему. Они закружились по длинной залѣ. И странное дѣло, никогда еще Вѣрусѣ не танцовалось такъ легко какъ теперь, точно волна ее ровно несла, — такъ плавно, почти незамѣтно скользила она, ловнуясь ловкой и твердой рукъ Всеволода.

Она сознавала что прочіе ими любятяся: оба они глядѣли такъ красиво, такъ стройно, такъ изящно... Оба они точно были созданы другъ для друга. Максимъ Богдановичъ сѣдѣлъ за ними изъ дверей залы довольнымъ и одобряющимъ взглядомъ. А у Всеволода, едва онъ почувствовалъ сквозь легкую ткань прикосновеніе ея молодого, прелестнаго тѣла, сладкая ольняющая дрожь пробѣжала по нервамъ.

Когда онъ привелъ свою даму къ мѣсту, ее тотчасъ окружилъ. Но ей уже не хотѣлось танцовать. Щеки ея зарумянились, глаза сыпали искры. Она оперлась на руку Всеволода и прошла съ нимъ въ сосѣднюю маленькую гостиную. Вѣрусъ какъ-то особенно пріятно было опираться на его руку, точно она чувствовала что рука эта ее ужъ больше не выпуститъ и ей хорошо отъ этого ощущенія. Они опустились рядомъ на маленькій диванъ, и Всеволодъ тутъ же пригласилъ ее на мазурку. Вѣрусъ согласилась, совершенно забывъ что по безмолвному соглашенію она всегда за послѣднее время приберегала мазурку для Пети. Но Пета теперь совсѣмъ исчезъ изъ ея памяти.

Они разговорились пока въ залѣ продолжался вальсъ, посылая имъ издали люющія волны звуковъ, и Вѣрусъ казалось что музыка служить точно аккомпанементомъ тому что говорилъ Всеволодъ. Голосъ его въ самомъ дѣлѣ какъ-то музыкально звучалъ въ ея ушахъ, точно она въ первый разъ слышала въ простомъ разговорѣ такую вѣрную и чистую интонацію. Онъ въ самомъ дѣлѣ владѣлъ имъ превосходно, умѣя придавать ему и ласку, и иронію, и задумчивость. Въ каждомъ его словѣ, когда онъ говорилъ съ женщиной, была какая-то затаенная лесть, всегда такъ пріятно лелѣющая женскій слухъ; а въ обращеніи его, и Вѣрусъ это почувствовала сразу, было именно то что всего болѣе нравится женщинамъ, смѣсь увѣренности и поклоненія имъ, и въ то же время какое-то невысказанное увѣреніе что для него въ цѣломъ мірѣ существуетъ та только женщина съ которою онъ говорить и для которой онъ готовъ забыть все остальное. У Всеволода чувство это было пожалуй даже искреннее, особенно теперь когда рядомъ съ нимъ, предъ его очарованными глазами, была Вѣрусъ.

— А знаете что, Всеволодъ Васильевичъ? сказала она какъ бы припомиравъ что-то,—я представляла васъ совсѣмъ инымъ чѣмъ вы на самомъ дѣлѣ.

— И конечно были заранее дурнаго мнѣнія обо мнѣ?

Она прямо не отвѣтила и принялась играть вѣеромъ.

— Вѣрно себѣ воображать незнакомыхъ людей вообще нельзя, проговорила она какъ бы вскользь.— Вотъ, наприкладъ, и она опять подняла на него глаза, — я всегда думала что вы... очень честолюбивы.

Она вспомнила подслушанный разговоръ его съ Мимочкой.

— Да я въ самомъ дѣлѣ честолюбивъ, на этотъ счетъ вы не ошибались; только я не понимаю, или пожалуй не уважаю того мелкаго честолюбія которое въ жизни видитъ одну скачку гдѣ непременно надо другаго обскатать, только съ тѣмъ чтобы быть впереди. Ордена и чины меня не прельщаютъ. Тотъ развѣ имѣетъ право идти вверхъ и желать себѣ власти кто впереди знаетъ что онъ съ нею сдѣлаетъ, кто имѣетъ сказать что-нибудь новое, такое чего прочіе не скажутъ. А то въ десять, во сто разъ лучше забиться въ свой уголъ, куда-нибудь въ глушь и быть просто хорошимъ, честнымъ человѣкомъ. А бездарность и безсиліе со властью, что можетъ быть постыднѣе и позорнѣе этого?

Вѣруса не отвѣтила, но взглядъ ея бархатныхъ глазъ блеснулъ сочувственно.

— А теперь позвольте мнѣ, продолжалъ онъ,—и васъ опредѣлить въ свою очередь. Вѣдь вы тоже честолюбивы, и даже очень.

— Почему вы знаете?

— По вашимъ глазамъ видно: вы все какъ будто вверхъ смотрите, точно окружающее васъ кажется вамъ черезчуръ мелкимъ. Сознаетесь, Вѣра Максимовна; вѣдь гордость, если даже она въ васъ и есть,—смертный грѣхъ только по катихизису, а на самомъ дѣлѣ...

Онъ не успѣлъ договорить. Молодая дѣвушка вдругъ какъ бы встреленулась и поворотила голову въ другую сторону: ей послышался оттуда знакомый голосъ. Она не ошиблась: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоялъ Петя. Онъ былъ необыкновенно блѣденъ.

— Какъ вы поздно пріѣхали! подозвала она его необыкновенно ласково. Она уже ощущала потребность въ искренности съ нимъ.

— Я давно здѣсь, Вѣра Максимовна, и видѣлъ васъ издали; а только въ залу не входилъ.

— Что жъ вы попрежнему стали дичиться?

Чѣмъ-то фальшивымъ звучали эти слова, сказанныя съ принужденною шутливостью, и Петя, хотя не догадывъ былъ, тотчасъ это подмѣтилъ; онъ понималъ что перемѣнилось что-то, что для него по крайней мѣрѣ она уже не прежняя Вѣрусъ... Но что случилось и зачѣмъ, онъ точно опредѣлить не могъ.

— Позвольте вы мнѣ, проговорилъ онъ нерѣшительно, — мазурку протанцовать съ вами?

— Я уже общалась... вашему брату, съ непривычною для нея робостью отвѣтила Вѣра.

Петя съ недоумѣніемъ перевелъ глаза съ нея на Всеволода: онъ точно старался разгадать что-то непонятное еще, но зловѣщее.

— Поздно, братъ, спохватился! засмѣявшись сказалъ Всеволодъ, но и онъ тоже вдругъ принялъ озабоченный видъ, словно его что-то поразило въ смущенномъ лицѣ брата.

Петя постоялъ нѣсколько секундъ видимо не зная что сказать. Потому онъ обратился ко Всеволоду:

— Завтра утромъ я зайду къ тебѣ: мы совѣмъ вѣдь еще не видѣлись.

И быстро отвернувшись, онъ вышелъ изъ гостиной.

Прерванный разговоръ Всеволода съ Вѣрусей не возобновлялся. Оба они почувствовали себя какъ-то неовко. У нея даже брови слегка нахмурились. Черезъ минуту она встала. Всеволодъ не пошелъ вслѣдъ за нею и, направившись въ сосѣднюю комнату, былъ остановленъ въ дверяхъ Разметальскимъ.

— Очень радъ что васъ поймалъ, Всеволодъ Васильевичъ! съ силою пожавъ ему руку началъ Кондратій Савичъ и тутъ же ухватился за одну изъ пуговицъ фрака молодого человека. — Въ сегодняшней суматохѣ не могъ съ вами и двумя словами перекинуться. А есть о чемъ, есть... Можно къ вамъ завернуть утромъ? Понимаете, настоящимъ утромъ, не по петербургскому? Я вѣдь встаю рано.

И быстрые, заплывшіе его глазки заморгали.

Разметальскій былъ высокъ ростомъ и плотнаго сложенія. Большая его голова съ грубыми, но не дюжинными чертами и съ короткою жесткою сѣдою бородой говорила о несомнѣнной силѣ воли и о полной рѣшимости сломить любое препятствіе ставшее ему поперекъ дороги.

— Вы знаете, я всегда радъ слушать умныя рѣчи, въ свою очередь пожавъ ему руку Всеволодъ и пошелъ отыскивать брата. Но Петя уже не было въ губернаторскомъ домѣ.

А Максимъ Богдановичъ между тѣмъ не терялъ времени. Онъ отыскалъ Всеволода и разговаривалъ съ нимъ объ утреннемъ приемѣ у Чистопольскаго и о томъ что было говорено на обѣдѣ. Онъ старался разузнать, имѣеть ли Всеволодъ какое помнѣніе о томъ дѣлѣ про которое онъ думалъ просить савонника, или предъ нимъ только одишь изъ блестящихъ на видъ, правда, умныхъ, но не особенно свѣдущихъ канцелярскихъ дѣльцовъ. Всеволода однако не такъ легко было подвергнуть испытанію. Свѣдѣнія его были довольно ограничены, за то онъ такъ хорошо владѣлъ оборотами рѣчи что простой фразѣ умѣлъ придать обманчивую глубину и точность. Восхищеніе Максима Богдановича все рясло. Онъ впрочемъ заручился не однимъ Всеволодомъ. Какъ хорошій угрокъ, онъ не рассчитывалъ только на одну ставку. Можайскій былъ имъ тоже облаканы; и хотя склонный къ насмѣшливости князь уже готовилъ въ своемъ умѣ комическую оцѣнку этого „rustre de province qui veut tirer une carotte“, однако послѣ десяти минутъ разговора съ нимъ жѣлѣіе князя перемѣнилось.

— Il est diablement fort, le maréchal, сказалъ онъ Всеволоду, — et pas si rustre que je le croyais: une lame fine dans un fourreau grossier.

Подготовивъ союзниковъ, Максимъ Богдановичъ повелъ атаку и на самого Чистопольскаго. Савонникъ ужасно усталъ и съ трудомъ держался на ногахъ, но привычная свѣтская любезность не измѣняла ему. Онъ вычиталъ у какого-то французскаго писателя что „gouverner c'est séduire“ и старался примѣнить это правило. Какъ престарѣлая сирена, знающая свои обязанности, онъ, пока оставался у губернатора, такъ и сыпалъ жемчужинами, и Максима Богдановича подарилъ цѣлою рѣчью о значеніи народнаго труда.

„А, вотъ ты каковъ“, подумалъ Княжичъ, „любишь соловьемъ пѣть! ну покажу же я тебѣ что и я это умѣю“. И Максимъ Богдановичъ не ударилъ лицомъ въ грязь; онъ отвѣтилъ Чистопольскому въ такомъ кудрявомъ духѣ что тотъ заслушался его медовыхъ фразъ, и утѣшая самымъ любезнымъ образомъ отвѣтилъ на приглашеніе Княжича удостоить на слѣдующій день своимъ присутствіемъ затѣянное имъ небольшое празднество. Княжичъ потиралъ себѣ руку, заранѣе торжествуя пѣбду надъ Разметальскимъ.

Между тѣмъ оркестръ подалъ сигналъ къ мазуркѣ. Пары пестрою вереницей потянулись въ залу. Максимъ Богдановичъ ухмыльнулся, замѣтивъ что Вѣруся идетъ лодъ-руку со Всеволодомъ. „Клюеть!“ подумалъ онъ, „клюеть!“ Они танцовали въ третей парѣ. Рядомъ съ ними во второй были Можайскій съ губернаторшей, а въ первой съ Мимочкою Сарычевой князь Наровчатовъ, до того старавшійся что розовое его личико побагровѣло отъ усилія. Можайскій, щурясь да играя съ моноклемъ, не преминулъ къ великому огорченію дамы подмѣтить кое-какія смѣшныя детали: то рвеніе съ какимъ Наровчатовъ картавилъ, выкрикивая французскія слова, скромный ужимки Нѣмочки Полины и тучную величавость супруги полицеймейстера, пышный ставъ которой съ трудомъ могъ обнять ея тщедушный кавалеръ. А Всеволодъ ничего этого и не примѣчалъ. Насмѣшливая улыбка даже не показывалась на его красивыхъ губахъ; но въ спокойномъ выраженіи его внимательнаго лица, которое въ цѣлой залѣ, казалось, видѣло одну только Вѣрусю, молодая дѣвушка ясно читала нѣкое увѣреніе что ее и себя онъ какъ бы выдѣляетъ изъ всего остальнаго общества. И это признаніе ей льстило. Онъ словно давалъ ей понять что она случайно лишь попала въ эту среду. А между тѣмъ во всемъ его обращеніи съ нею не было и слѣда той робости къ которой привыкла ее вся окружающая ее молодежь, которую она видѣла и на лицѣ Пети. Всеволодъ говорилъ съ нею какъ съ равною.

Началась извѣстная фигура называемая „les qualités“. Первые двѣ пары подвинулись со своихъ мѣстъ. Князь Можайскій выбралъ Полину Шлейеръ и подошелъ съ нею къ Вѣрусѣ.

— Ну, чѣмъ же вы будете? небрежно спросилъ онъ у Полины.

— Modestie, отвѣтила та, опустивъ глазки.

— Вы въ такомъ случаѣ, обратился онъ къ Вѣрусѣ, подавая ей руку...

Онъ хотѣлъ сказать *fierté*, но Всеволодъ не далъ ему договорить.

— *Dignité*, подсказалъ онъ молодой дѣвушкѣ.

Вѣруся улыбнулась и покраснѣла.

— Я думаю, продолжалъ Можайскій,—незачѣмъ ходить далеко за вторымъ кавалеромъ: лучше Бороздина здѣсь никто не вальсируетъ. Ну, такъ выбирайте же, мой милый!

— Мой выборъ, разумѣется ужъ сдѣланъ, смѣясь возразилъ Всеволодъ.

Вѣруса вся неподвижная стояла предъ нимъ, выпустивъ руку Можайскаго. Они опять понеслись по заѣм. Еще болѣе чѣмъ въ первый разъ ощущеніе ея прелести заволаговало его горячую кровь.

— Вы хорошо знаете моего брата? вдругъ спросилъ онъ ее, когда они снова усѣлись.

Она сперва посмотрѣла на него съ удивленіемъ. „Неужели ему неизвѣстно?“ промелькнуло у нея въ умѣ. „Нѣтъ, ему должно-быть сказать не успѣла“, рѣшила она тотчасъ. „Какъ это странно!“ И въ то же время ей почему-то было пріятно что Всеволодъ не зналъ объ ея помолвкѣ съ Петей. „Да развѣ въ самомъ дѣлѣ была помолвка?“ спросила она у себя, и въ ней сказалоь вдругъ горячее желаніе чтобы все прошлое какимъ-то чудомъ исчезло. А Всеволодъ у нея спросилъ о братѣ потому что ему хотѣлось провѣрить догадку, мгновенно зававшую ему на умѣ, когда онъ замѣтилъ въ этотъ вечеръ тревожное лицо Пети.

— Да, мы часто видѣлись съ нимъ. Онъ такой добрый, онъ такъ благородно поступилъ съ моимъ братомъ!

Она разказала ему про дуэль. И странное дѣло, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ произошла эта дуэль, она вспомнила про нее съ сожалѣніемъ, точно ей хотѣлось чтобы всего этого не случилось, чтобы ей незачѣмъ было чувствовать себя обязанною предъ Петей.

— Я про это въ первый разъ слышу, отвѣтилъ Всеволодъ. — Братъ мнѣ ничего не писалъ. „Теперь я все понимаю“, мысленно добавилъ Всеволодъ. „Онъ влюбленъ въ нее, бѣдный! Но она?..“ Всеволодъ не могъ допустить чтобы эта чудная дѣвушка въ свою очередь полюбила такого зауряднаго малаго какимъ онъ считалъ брата. Онъ принялся расхваивать Петю.

„А мнѣ казалось“, слушая его думала Вѣруса, „что они въ дурныхъ отношеніяхъ, что Всеволодъ (она въ мысляхъ ужъ просто называла его по имени) несправедливъ къ брату.“ Похвалы его Петѣ, какъ ни были они сердечны, все-таки выставляли младшаго брата какимъ-то обиженнымъ судьбой, достойнымъ состраданія. Вѣруса теперь словно вдругъ поняла что въ любимомъ человѣкѣ ей прежде всего надо сознать присутствіе силы, что полюбивъ она можетъ не того кто возбуждаетъ въ ней жалость, а того только предъ которымъ она сама готова преклониться. И она принялась сраивать обоихъ братьевъ. Какъ неизмѣримо выше стоялъ

Всеволоды! Какъ сразу чувствовалось что онъ всегда знаетъ куда идетъ, что на его руку можно опереться!

Разговоръ ихъ неожиданно принялъ серьезный, совсѣмъ не баловный оборотъ. У нихъ вдругъ зародилось то ощущение взаимнаго довѣрія, то желаніе высказаться другъ предъ другомъ, которое есть не что иное какъ первое безсознательное еще предчувствіе любви. Но безсознательнымъ оно было только для Вѣриси. Всеволоды отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ чего хотѣло его разгорѣвшееся воображеніе. „Она будетъ моею женою“, сказалъ онъ себѣ, когда послѣ конца мазурки, прощаясь съ Вѣрусей, онъ пожалъ ей руку. Рука эта на мигъ осталась какъ бы въ его власти и чуть замѣтно отвѣтила на его пожатіе.

Максимъ Богдановичъ на пути домой съ довольнымъ, улыбающимся видомъ разспрашивалъ дочь объ ея баловныхъ впечатлѣніяхъ. Но Вѣрусѣ не хотѣлось отвѣчать: у нея голова шла кругомъ; она находилась въ томъ сладкомъ чадѣ когда не высклившееся еще чувство такъ дѣлаетъ душу что не хочется разсвѣтать его смутную тѣлу и называть его настоящимъ именемъ. А можетъ-быть ей и лѣтому не хотѣлось этого что она боялась пробудить дремающую совѣсть. Никогда еще Вѣрусѣ такъ тепло не молчала какъ въ эту ночь, точно ей надо было у кого-то просить прощенія. И когда она потушила свѣчу и закрыла глаза, ей захотѣлось чтобы среди обступившей ее темноты исчезли тревожившія ее воспоминанія. „Неужели это не хорошо?“ слабо и боязливо спрашивала она себя, уткнувшись головой въ подушку. „Неужели я виновата?“ Но спокойная майская ночь скоро ошачивала ее миромъ, и сонъ тихій, дѣвическій сонъ, заглушалъ отвѣтъ, смутно шевелившійся въ самой глубинѣ ея сердца.

*(Продолженіе будетъ.)*

К. ОРЛОВСКІЙ.



# ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО \*

(ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ)

## III. Отъ Самаркандъ до Шахрисебса.

Выѣздъ изъ Самаркандъ.—Нѣчто о святомъ Ходжа-Ахрарѣ.—Даргамъ.—Древній лагерь.—Почетная встрѣча со стороны аксакаловъ.—Ночлеги въ Сазангамъ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ.—Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джамы.—Сухія русла.—Шарсабизскій горный краѣ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акътау.—Мѣстечко Джамъ и его мечеть.—Узбеки—Сараевцы и ихъ нравы.—Бѣлый мраморъ.—За русскою границей.—Стелные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонскаго.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинскаго бека.—Угощеніе и ночлеги на урочищѣ Бишъ-Чешма.—Путь до города Чиракчи. Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кутлака Кокъ-ташъ и новые посланцы-чиновники.—Долина Кашка-Дарыи и видъ на городъ Чиракчи.—Характеръ города.—Ночлеги въ чиракчинскомъ замкѣ.—Беки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюря-джана бека чиракчинскаго.—Обмѣнъ взаимныхъ подарковъ.—Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, курганы, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганъ.—Знакомство съ первыми сановниками эмира, первачи и топчи-баша.—Бухарская конная гвардія и ея музыка.—Что такое Шахрисебсъ.—Торжественный выѣздъ посольства въ Шааръ.—Посольскій домъ и его устройство.—Условія мѣстнаго этикета.—Слѣва русскаго часоваго бухарскимъ.—Казачья зоря и караульные сарбазы.

25 декабря.

Выѣхали мы изъ Самаркандъ въ самый день Рождества Христова, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Князь Витгенштейнъ распорядился чтобы поѣздъ нашъ постоянно слѣдовалъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, впереди скакали конные джигиты князя, за ними ѣхалъ самъ онъ вмѣстѣ съ докторомъ въ коляскѣ, сопровождаемый частью конвоя, затѣмъ

\* См. *Русскій Вѣстникъ* 1884, № 2й.  
т. сѣхх.

я въ гарантасѣ и два конвойные казака, за мной экипажъ майора Байтокова, ѣхавшаго вмѣстѣ съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамураевымъ и въ замкѣ—трое конвойныхъ. Остальная часть нашего казачьяго конвоя сопровождала польскій обозъ, съ которымъ и слѣдовала особо, сходясь съ нами только на мѣстахъ ночлеговъ.

Долго ѣхали садами самаркандскихъ предмѣстій, любуясь на роскошныя, хотя и обнаженные отъ листьевъ, контуры высокыхъ древнихъ чинаровъ и карагачей. Проѣхали мимо мозаичной медресе Ходжа-Ахраръ, возлѣ которой находится и могила ея святаго строителя, въ память коего медресе сохранила въ своемъ названіи его имя. Могилу эту не трудно признать по развѣвающимся надъ нею знамени съ конскимъ хвостомъ (тугъ), на высокомъ древкѣ котораго простирается къ небу бронзовая ладъ человѣческой руки,—знакъ довольно часто встрѣчаемый на подобныхъ тугахъ.

Объ этомъ святомъ Ходжа-Ахрарѣ мѣстныя преданія, по обыкновенію, начинающія каждое повѣствованіе чуть не отъ Адамовыхъ временъ, передаютъ что нѣкогда появился въ Ташкентѣ выходецъ изъ Стамбула, шейхъ-Ауанди-Тауръ (чистый князь), умный, ученый, набожный, богатый и благотворительный, вслѣдствіе чего былъ вскорѣ признанъ за святаго и умеръ святымъ, увѣковѣчивъ свою память очень прочно въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, которая и до сихъ поръ называется Шайхантауръ. Одинъ изъ его потомковъ, Ходжа-Ахраръ, избравшій „путь добродѣтели“ своего знаменитаго предка, переселился на житье изъ Ташкента въ Самаркандъ и сдѣлался тамъ *пиромъ*, то-есть духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка своихъ учениковъ, ради чего и построилъ особую медресе, существующую и донынѣ. Ведя строгую жизнь и отправляя на свой счетъ толпы пилигримовъ въ Мекку, онъ тѣмъ самымъ распространилъ свою славу отъ Аравіи до Кашгара. Слава добродѣтелей Ахрара выросла наконецъ до того что однажды мюриды (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, рассказали своему пирю что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ султана Баязида-Ильдерима), что халифъ видѣлъ во снѣ его, святаго Ходжу-Ахрара, и въ память этого прислалъ ему Коранъ писанный „святою рукою“ третьяго халифа Османа и обогранный его святою кровью. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и

оставилъ его въ наслѣдіе своей медресе. Коранъ этотъ долгое время пользовался уваженіемъ, хотя читать его никто не могъ ни прежде, ни теперь, такъ какъ писанъ онъ (на пергаментѣ) куфическими письменами, безъ гласныхъ буквъ и точекъ. Въ настоящее время рукопись эта, пріобрѣтенная у муллы медресе Ахрара за 100 рублей, находится въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

Въ числѣ преданій о богатствахъ Ходжа-Ахрара А. П. Хоррошинъ передаетъ что всѣ земли на югъ отъ Самарканда до горъ Шарсабизскихъ будто бы принадлежали этому святому мужу и что садамъ и стадамъ его не было счёту. Нѣкто Мушрабъ-дувана, современникъ Ходжа-Ахрара, юродивый, обладатель одного лишь осла, странствовалъ въ ту пору между Бухарой и Ташкентомъ, благословляя народъ и собирая милостыню. Однажды, подъѣзжая къ Самарканду, онъ увидѣлъ огромный гуртъ барановъ.

— Чьи это бараны? послѣ обычныхъ привѣтствій спросилъ Дувана у *чупановъ*.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали тѣ.

Дувана поѣхалъ далѣе, но чрезъ нѣсколько сотъ сажень въ садахъ ему попадается стадо рогатаго скота.

— Чьи коровы? спросилъ юродивый.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали *падачи* (пастухи).

Чрезъ нѣсколько времени Дувана встрѣтилъ большое стадо верблюдовъ.

— Чьи верблюды?

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали *тыячи* (верблюжатники).

Дувана ѣдетъ далѣе и снова встрѣчаетъ нѣсколько стадъ барановъ, рогатаго скота и верблюдовъ, и все это оказывалось собственностью все того же хазрета, Ходжа-Ахрара. Наконецъ гонятъ на встрѣчу дуванѣ огромный табунъ ословъ.

— Чьи ослы? спросилъ онъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали *шакчи* (ослятники).

— Великъ Богъ! закричалъ дувана, спрыгнувъ со своего осла:— про что ни спросишь, все хазрета Ходжа Ахрара!... Такъ ступай же и ты въ его стадо! обратился онъ къ своему слутнику: только тебя и не доставало у хазрета Ходжа-Ахрара.

И Дувана загналъ своего осла въ стадо.

Этотъ характерный анекдотъ невольно вспомнился мнѣ когда мы проѣзжали мимо могилы сего популярнаго въ Средней Азіи святаго.

Наконецъ, миновавъ развалины какихъ-то старыхъ верковъ, выѣхали мы въ чистое поле и здѣсь, въ шести верстахъ отъ города, перебрались черезъ мостъ что виситъ надъ глубокимъ и широкимъ арыкомъ Даргамъ, текущимъ съ быстротой порядочнаго потока въ отвѣсно крутыхъ высокихъ берегахъ. Арыкъ этотъ прокопанъ слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ, на средства все того же знаменитаго святаго и богача Ходжа-Ахрара, по повелѣнiю хана Абдуль-Азиса, и съ теченiемъ времени самъ прорылъ себѣ столь глубокое русло. Длина его до впаденiя въ Кара-Дарью (рукавъ Зарявшана) слишкомъ семьдесятъ верстъ, а глубина воды въ узкихъ мѣстахъ до трехъ аршинъ. Въ прежнiя времена городъ Самаркандъ получалъ изъ него свое орошенiе.

На дальнѣйшемъ пути мы послѣдовательно пересѣкли три широкiя сухiя русла, наполненныя галькой и довольно крупными валунами, а на двѣнадцатой верствѣ отъ города проѣхали въ виду урочища Ханъ-Чаарбахъ, которое представляетъ собою остатки стѣны обрамлявшей нѣкогда станъ какого-то войска и имѣющей около версты протяженiя по каждому изъ четырехъ фасовъ. Какому именно войску принадлежалъ этотъ лагерь, мнѣ не могъ объяснить сопровождавшiй насъ караванъ-баши \* Массумъ-ходжа, старожилъ самаркандскiй, да сказывалъ что изъ нынѣшнихъ Самаркандцевъ едва ли кто и знаетъ когда и какъ появились эти стѣны. Оно и не мудрено: Самаркандъ на своемъ вѣку подвергался безъ числа вражьимъ нашествiямъ и вторженiямъ.

Впереди виднѣлись покрытые снѣгомъ абрисы Шарсабизскихъ горъ (Зарявшанскiй хребетъ), къ которымъ мы и направлялись. По пути встрѣчалось много обработанныхъ полей какъ на равнинѣ, такъ и на взгорьяхъ, а въ горныхъ долинахъ видна была порядочная растительность въ садахъ и рощахъ окружающихъ кшлаки, прiютившiеся на двѣ между склонами. Силуэтъ горъ, не превышавшихъ 7.000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, чѣмъ дальше къ западу тѣмъ становился все положе и ниже. На степи попадалось не мало кургановъ, но уже не прежней характерной формы, такъ что скорѣе можно назвать ихъ просто буграми. Почва равнины твердый суглинокъ, слегка покрытый крупнозернистымъ лескомъ, вполнѣ пригодна для земледѣлiя и засѣвается частiю

\* Начальникъ обоза.

подъ орошеніе, а больше подъ дождь (богаръ), который, благодаря близости горъ, здѣсь не въ рѣдкость. На сихъ послѣднихъ поляхъ свѣтается преимущественно пшеница (богдай), ячмень (арла), иногда кукуруза (джугаръ).

Остановились мы на ночлегъ близъ кишлака Сазаганъ, въ двадцати семи верстахъ отъ Самарканда, куда прибыли въ часъ дня, одновременно съ посольскимъ обозомъ. Мѣстный *алинъ* или *даха-аксакалъ* (волостной старшина) съ сазаганскимъ *кишлакъ-аксакаломъ* (сельскимъ старостой) и нѣсколькими джигитами, въ своихъ форменныхъ почетныхъ халатахъ (*сарпаи*), съ жалованными медалями на груди, встрѣтили посольство на границѣ своего участка, и по обычаю, ради оказанія лучшаго почета, дожидались на рубежѣ слѣзши съ коней и сложивъ на животъ скрещенныя руки. Когда коляска посла остановилась предъ ихъ группой, аксакалы, подойдя къ ней, отрекомендовались и первые съ простодушнымъ достоинствомъ протянули князю руки для пожатія, не дожидаясь съ его стороны почина. Таковъ обычай, потому что, вступая на ихъ землю, мы становились ихъ гостями, а они нашими хозяевами.

Ночлегъ былъ приготовленъ въ юртахъ убранныхъ внутри коврами и ватными стегаными одѣялами, служившими какъ подстилки для сидѣнья и спанья. Но тамъ нашлись впрочемъ и сартовскія очень удобныя и эластичныя кровати, и столы покрытыя ярославскими цвѣтными салфетками, и даже нѣсколько гнутыхъ вѣнскихъ стульевъ. Въ зеленой снаружи, бухарской лалаткѣ, подстеганной внутри симметрично скроенными и правильно расположенными кусками разноцвѣтныхъ ситцевъ, кретона, адряса и шаина \* и расшитой по бордюрамъ и фестонамъ узорами изъ шелковаго шнура, былъ приготовленъ достарханъ, то-есть встрѣчное угощеніе, \*\* состоявшее по обычаю изъ хлѣбныхъ лепешекъ, фруктовъ, каленыхъ фисташекъ, грецкихъ орѣховъ, кусковъ сахару, московскихъ леденцовъ въ махровыхъ цвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ со стихами на билетикахъ и т. п. Затѣмъ насъ

\* *Адрясъ* и *шаинъ*—бухарскія полушелковыя и шелковыя матеріи съ яркими и крупными разводами.

\*\* *Достарханъ* собственно значитъ скатерть разостланная для угощенія, но въ переносномъ значеніи этимъ словомъ опредѣляется и все вообще угощеніе на ней поставленное.

угостили обѣдомъ чисто въ мѣстномъ вкусѣ и мѣстнаго приготовления, гдѣ фигурировали жареныя куры съ лукомъ, лельмени, каурдакъ, кебабъ, шурпа и палау, въ томъ порядкѣ какъ они здѣсь перечислены. Последнее блюдо, составляющее финалъ каждаго порядочнаго азіятскаго обѣда, полагаю, достаточно извѣстно всѣмъ: это то что у насъ въ Россіи называется плавъ, только здѣсь оно готовится иначе, а именно рисъ варится не въ водѣ, а на растопленномъ бараньемъ жирѣ, въ плотно закрытомъ чугунномъ котлѣ, гдѣ онъ и доходитъ паромъ, послѣ чего приправляется кш-машемъ и разварною морковью, нарѣзанною тонкими и длинными тесьмами, какъ вермишель, и обкладывается кусками баранины.

Названія остальныхъ блюдъ, за исключеніемъ куръ и лельменей, для большинства читателей вѣроятно звучатъ чѣмъ-то совсѣмъ незнакомымъ, а потому позволю себѣ вкратцѣ объяснить что это за свѣди, тѣмъ болѣе что въ послѣдствіи намъ еще предстоитъ не разъ съ ними встрѣчаться.

„Каурдакъ“ или, по иному произношенію, „кавардакъ“ (вотъ откуда происходитъ извѣстное слово русскаго жаргона!), это мелко нарѣзанные куски свѣжей баранины, которые жарятся въ котлѣ или на глубокой сковородѣ въ собственномъ соку, съ приправой соли, перцу и иногда луку, подвергаясь во время обжариванія процессу непрерывнаго потряхиванія и мѣшанія ложкой или лучинкой. „Кебабъ“—жаркое изъ воловьего мяса, вырѣзаемаго изъ филейнаго куска отдѣльными пластинками, какъ бы ремешками; жарится оно на угляхъ и подается на столъ съ присылкой изъ какого-то ароматическаго прянаго порошка, приготовляемаго изъ сѣменъ растенія которое по мѣстному называется „сарыкъ“. Что же до „шурпы“, то это—бульионъ изъ баранины и домашней птицы съ приправой изъ луку и кореньевъ, подаваемый въ фарфоровыхъ лоханочкахъ русскоі или китайскоі фабрикаціи, совершенно такихъ какъ наши полоскательныя чашки. Всѣ эти кушанья, несмотря на свою, такъ сказать, примитивность, очень вкусны, а съ дороги показались намъ еще вкуснѣе. Роль налитковъ играли при этомъ чай и кумысъ. Въ ножахъ, вилкахъ и ложкахъ тоже не встрѣтилось недостатка: въ этомъ отношеніи мѣстные жители уже успѣли, если не всегда для собственнаго употребленія то для своихъ русскіихъ гостей, перенять европейскій обычай ѣсть съ помощью столовыхъ

приборовъ. Были даже и салфетки изъ нарочно раскroеннаго для этой цѣли коленкора.

Съ закатомъ солнца въ воздухѣ значительно похолодѣло; но и противъ этого неудобства нашлась своя защита. Сноровистые Узбеки, джигиты мѣстныхъ аксакаловъ, съ помощью небольшого топорика вырубали въ землѣ посредиѣ юрты небольшую круглую ямку и, наложивъ на нее сухой полынн, прутьевъ, сучьевъ да щепочекъ, зажгли костерокъ. Ямка служила тутъ поддувалою, благодаря чему топливо занялось весело и ярко и, слустая какія-нибудь пять минутъ, дадо уже столько тепла что намъ пришлось раздѣться. Если лежать въ юртѣ не на кровати, а на постели постланной на землѣ, или сидѣть на корточкахъ, то вѣдкій дымъ костерка, уходящій въ полуоткрытый вверху тюндюкъ, \* нисколько васъ не беспокоитъ и не портитъ нижній слой воздуха. Можете совершенно свободно читать, курить, пить чай и вообще дѣлать что вамъ угодно, только не подымайтесь на ноги. Джигиты, смѣняясь по очереди, весь вечеръ и всю ночь сидѣли у костерка, поддерживая въ немъ, для ровности температуры, равномерное горѣнiе, и для нихъ это, кажись, дѣло не только привычное, но и одно изъ самыхъ любезныхъ занятій: сидитъ себѣ человекъ на корточкахъ, сосредоточенно смотритъ прищуренными глазами на леребѣгающій змѣйка-ми огонь, время отъ времени ломѣшивая въ немъ палкой да подкладывая новый лучекъ полынн, а у самого на скуластомъ лицѣ такъ и разливается широкая, лѣнливо-тихая улыбка безмятежнаго довольства. Глядя на эту мирную картинку чисто мѣстнаго характера, подъ звуки казачьихъ гѣсей раздававшихся въ обозѣ послѣ раздачи вечерней порціи водки, я тихо и хорошо заснулъ, испытывая, подобно истопнику-джигиту, такое же лѣнливое чувство безмятежнаго довольства.

26 декабря.

Изъ Сазагана выѣхали въ девять часовъ утра во вчерашнемъ порядкѣ; обозъ же отправился впередъ еще съ разсвѣтомъ.

Путь нашъ лежалъ вдоль сѣверныхъ предгорій Шарсабизскаго хребта, тянущагося съ востока на западъ, и во

\* Круглое отверстие, образуемое верхнимъ обручемъ юртоваго каркаса, которое въ случаѣ надобности можетъ быть сподна или отчасти закрываемо кошмой.

многихъ мѣстахъ пересѣкалъ довольно широкія сухія русла наполненныя не только галькой, но и очень крупными камнями, ловидимому въ нѣсколько десятковъ и даже сотъ лудовъ вѣсомъ. Русла эти, называемыя „чапма“, берутъ свое начало въ каменистыхъ склонахъ Шарсабизскихъ горъ, и каждую весну, въ періодъ таянія снѣговъ, изобильно наполняются водой, которая устремляется на равнину съ такою силой что, отмывая отъ края эти громадные камни, увлекаетъ и катитъ ихъ уже по равнинной части русла на довольно значительныя разстоянія. А если зима отличалась особеннымъ обиліемъ снѣговъ, то весенняя вода бываетъ столь высока что, выступая изъ береговъ, заливаютъ сплошь окрестныя поля, и вотъ почему на послѣднихъ мѣстахъ встрѣчаются значительныя пространства изобильно усѣяныя галькой и валунами.

Эти весенніе потоки, даже въ лонѣ своего русла, порою бываютъ вовсе непроходимы въ бродѣ, и для того чтобы переправиться на другую сторону, путникамъ приходится ожидать предрасвѣтнаго часа. Дѣло въ томъ что въ ночное время, съ прекращеніемъ таянія горныхъ снѣговъ, потоки значительно мелѣютъ и наиболѣе низкая вода бываетъ въ нихъ именно предъ разсвѣтомъ и въ первые часы утра; но затѣмъ, едва поднявшееся на извѣстную высоту солнце отоплитъ воздухъ, русла начинаютъ быстро наполняться водой все выше и выше, и къ началу десятаго часа утра переправа уже становится невозможною. Съ окончаніемъ таянія снѣговъ кончаются и весеніе разливы, и едва схлынетъ и всосется въ землю вода, на что въ здѣшнемъ климатѣ ей нужно очень немного времени, какъ русла, еще вчера столь бурливый, становятся совершенно сухими на всю остальную часть года, и лишь по немногимъ изъ нихъ слабо просачивается скудная струйка выдѣляемая горными ключами.

Шарсабизскій край на протяженіи своемъ отъ Кара-Тюбинскаго ущелья до Джамскаго прохода остается подъ снѣгомъ лишь въ зимніе мѣсяцы. Онъ имѣетъ характеръ сплошнаго массива, гдѣ залегаютъ породы разнообразныхъ песчаниковъ, пласты гилса и мрамора, кремнистые сланцы и граниты, а мѣстами обнаруживаются и каменноугольныя прослойки. Сѣверные и южные склоны хребта, все такъ же какъ и въ болѣе восточной его части, прорѣзываются многочисленными ущельями, гдѣ среди садовъ залегаютъ не мало



кишлаковъ, большею частью не обозначенныхъ на нашей картѣ. \* Изъ этихъ селеній наиболѣе значительное Аксай лежащее въ лощинѣ на высотѣ 2.730 футовъ противъ горы того же имени въ 6.990 футовъ. Отъ этого пункта чѣмъ ближе ко Джаму тѣмъ все положе и ниже становится горный массивъ, переходя западнѣе Джамы въ песчанниковые холмы, сливающиеся наконецъ съ открытою ровною степью. Взгорья и поля воздѣланы весьма тщательно „подъ дождь“ и между ними многіе земельные участки окопаны канавками и ограждены глинобитными стѣнками. Дорога, конечно, первобытная, грунтовая, но во многихъ мѣстахъ представляетъ собою прекрасное естественное шоссе. Камни, которыми кой-гдѣ усыпаны придорожныя поля, суть обломки розоваго гранита, кремни, шпаты и кварцы, известнякъ, бѣловатый и изсиня-сѣрый мраморъ (кокъ-ташъ); послѣдняго здѣсь въ особенности много.

Горизонтъ слева закрывался горнымъ краемъ; за то впереди, прямо предъ глазами, открывался широчайшій и необозримый въ своемъ просторѣ видъ на бухарскія степи, которыя изъ ближайшаго къ намъ желто-бураго оттѣнка постепенно переходили все болѣе и болѣе въ воздушно-синій колоритъ и наконецъ, словно океанъ, незамѣтно сливались гдѣ-то въ очень большой дали съ окраиной безоблачно синяго неба. Относительно ихъ мы находились на высотѣ около 3.000 футовъ, и такъ какъ пологая мѣстность постепенно понижается въ направленіи къ западу, то горизонтальныя полосы этихъ степей казались намъ какъ бы нисходящими ступенями какой-то необозримой террасы.

Съ правой стороны открывался также очень красивый видъ на далекій, верстъ за 80 отъ насъ, отрогъ Нуратинскаго хребта, Акъ-тау. Эти изжелта-бѣловатыя известняковыя вершины очень мягкихъ и изящныхъ очертаній, сквозь легкій воздушный туманъ тепло озаренныя солнцемъ, въ общемъ очень наломнили мнѣ видъ на Сабинскія горы Римской Кампаньи, когда смотришь на нихъ съ площадки церкви Санъ-Піетро-инъ-Монторіо, что на вершинѣ Яникула.

Селеніе Джамъ находится отъ Сазагана въ разстояніи 32 верстъ къ юго-западу. Здѣсь назначено было намъ мѣсто ночлега, но не въ самомъ селеніи, которое лежитъ верстахъ

\* Изданіе Военно-Топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа въ сорокаверстномъ масштабѣ.

въ двухъ лѣвѣ къ востоку отъ большой проѣзжей дороги, у подошвы Шарсабизскихъ возвышенностей, а въ котловинѣ, около глинобитной мечети, гдѣ обыкновенно останавливался Бухарскій эмиръ при проѣздѣ въ Самаркандъ изъ Шахрисеба. Мечеть обыкновеннаго сельскаго типа, то-есть квадратная комната, высотой аршинъ въ восемь, къ которой во всю ширину и высоту передняго фасада примыкаетъ айванъ, открытая веранда, устроенная на глинобитной террасѣ и покрытая плоскою кровлей, подпираемую посрединѣ своего передняго края деревянною колонной со скромными рѣзными украшеніями. Въ мечетяхъ этого типа обыкновенно рѣзныя двустворчатыя двери, числомъ отъ одной до трехъ подъ рядъ, выходятъ изъ моленной комнаты на веранду, а надъ ними продѣланы, по числу дверей, небольшія окошки, снабженныя либо деревянными рѣзными, либо узорчато лѣльными гилсовыми рѣшетками. Внутри мечети, въ стѣнѣ обращенной къ Меккѣ, обыкновенно находится ниша *меграбъ* и затѣмъ никакихъ болѣе украшеній, если не считать нѣкоторыхъ изреченій изъ Корана, начертанныхъ на штукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, что впрочемъ не безусловно обязательно. Полъ необходимо устланъ цѣями, то-есть цѣновками изъ камышевой драги, а для вечерняго освѣщенія служатъ сальныя свѣчи втыкаемыя въ нарочно сдѣланныя для этого гнѣзда въ стѣнахъ.

Дворъ Джамской мечети обнесенъ глинобитною стѣной, изъ-за которой видѣются нѣсколько урюковыхъ деревьевъ, единственный садикъ во всей этой мѣстности. Съ южной стороны близъ этого двора протекаетъ мутный и мелкій ручей, отдѣляя отъ мечети маленькій полуразвалившійся караванъ-сарайчикъ, построенный когда-то близъ небольшого хауза (прудка), осѣненного тремя, четырьмя старыми ветлами. Подъ ихъ вѣтвями были теперь поставлены для насъ ночлежныя юрты. Не доѣзжая мечети, на склонѣ пологого холма раскинулось довольно густо захороненное кладбище, рядомъ съ развалинами незначительнаго, давно покинутаго кущлака. До отхода къ Россіи, Джамъ служилъ мѣстомъ ссылки для оцальныхъ сановниковъ эмира и тѣхъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ которые, по благоусмотрѣнію хазрета, \* не

\* Одинъ изъ титуловъ эмира, по значенію равный титулу „его величество“, а въ буквальномъ смыслѣ значитъ святѣйшій.

удостоились смертной казни. Дѣйствительно, трудно подыскать мѣсто болѣе подходящее для ссылки—до такой степени глядитъ оно бѣдно и безотрадно, не говоря уже о нездоровомъ климатѣ. Возвышенности окружающія джамскую котловину невысоки и безжизненно голы. Весной впрочемъ онѣ покрываются на короткое время хорошею травой и тогда служатъ пастбищемъ овечьимъ отарамъ. Поля лежащія въ низинѣ между мечетью и селеніемъ обнесены глинобитными стѣнками и служатъ для засѣва дженушки (луцерны), употребляемой въ кормъ для лошадей и домашней скотины. Большую часть полей мы видѣли затопленными водой. Вѣроятно это дѣлается искусственно, для размягченія почвы, но чуть ли не въ этомъ самомъ и заключается причина вредности здѣшняго климата, благодаря коему въ 1878 году мы лишились значительнаго числа людей во временно стоявшемъ тутъ отрядѣ въ ожиданіи предполагавшагося движенія на Индію.

Въ окрестностяхъ Джамы кочуютъ Узбеки родовъ Каранайманъ и Сарай, привѣжающіе въ селеніе на базаръ ло педѣльникамъ. По замѣчанію Хорошхина, они вполнѣ патриархальны и можно сказать даже дико настолько, что напримѣръ, дѣвушка олоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается не только насмѣшкамъ, но почти гоненію со стороны родителей и родственниковъ. Тѣмъ не менѣе постоянные предметы спора между Узбеками это—похищенная женщина и лошадь, и тогда Узбеку ничего не стоить убить даже роднаго брата. Вообще Каранайманъ, подобно родичамъ своимъ Каракаллакамъ, пользуются репутацией отъявленныхъ придорожныхъ разбойниковъ. Все богатство здѣшнихъ кочевыхъ Узбековъ состоитъ исключительно въ скотоводствѣ, причемъ главныя статьи дохода у нихъ шерсть, войлокъ, выдѣлка подпругъ и куржумовъ (переметныхъ суммъ) и продажа скота живьемъ на убой. Впрочемъ, особенно зажиточныхъ между ними не встрѣчается, такъ что 2.000 барановъ являются уже предѣломъ наибольшаго богатства.

Для Русскихъ Джамъ могъ бы имѣть нѣкоторое стратегическое значеніе, какъ пограничный узелъ путей куда сходятся дороги изъ Самарканда, Катты-Кургана, Бухары, Карши, Гузара, Чиракчи и Шахрисебса. И дѣйствительно, въ 1878 году до Берлинскаго конгресса, когда предположено было

военное движеніе къ границамъ Афганистана, то отрядъ туркестанскихъ войскъ собранъ былъ въ Джамъ; отсюда же направлялись въ 1868 году генераль Абрамовъ на Карши, противъ Катты-Тюра, мятежнаго сына эмира, а въ 1870 году отрядъ взявшій штурмомъ Китабъ. Джамская котловина лежитъ на высотѣ 2.050 футовъ, но климатъ ея, какъ уже сказано, нездоровъ, да и кромѣ того постоянная стоянка отряда была бы неудобна по скудости водоснабженія и отсутствію топлива.

Массумъ-ходжа, вѣдившій сегодня за рубежъ узнать насчетъ приготовленій со стороны Бухарцевъ для встрѣчи посольства, возвратился къ вечеру и доложилъ князю что лица назначенныя для почетной встрѣчи, вмѣстѣ съ экипажами высланными эмиромъ для посольства, уже ожидаютъ насъ въ пяти или шести верстахъ отъ границы.

Въ семь часовъ вечера протрубили зорю и наши казаки хоромъ пропѣли при этомъ *Царю Небесный, Отче нашъ и Спаси Господи люди Твоя. Тѣмъ часомъ*, пользуясь яснымъ и теплымъ вечеромъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, пошли мы съ докторомъ на прогулку къ ближайшей возвышенности и невольно обратили тамъ вниманіе на валяшіеся обломки мраморовъ, между которыми попадалися и великолѣпный бѣлый, безъ малѣйшихъ прожилокъ. Вѣроятно гдѣ-нибудь въ горахъ по близости есть его залежи, и остается лишь пожалѣть что въ минералогическомъ отношеніи эта мѣстность и до сихъ поръ еще не изслѣдована какъ должно. Тутъ же встрѣчались намъ обломки розоваго гранита, сѣрый мраморъ и другія горныя породы.

27 декабря.

Выступили въ девять часовъ утра вмѣстѣ съ обозомъ.

Поднявшись изъ Джамской котловины, спустились въ слѣдующую, Кызыль-Кутальскую, гдѣ на противоположномъ гребнѣ стоитъ пограничный столбъ, отдѣляющій русскія владѣнія отъ бухарскихъ. Этотъ послѣдній гребень на высотѣ 3.150 футовъ и есть собственно Джамскій переваль, носящій впрочемъ у туземцевъ названіе Кызыль-Куталь.

Итакъ мы уже за границей.

Мѣстность пошла волнистая, мѣстами овражистая и повсюду прекрасно воздѣланная. Количество обработанныхъ полей значительно болѣе чѣмъ на нашей сторонѣ, у жителей

подгорныхъ кшлаковъ, мимо которыхъ мы третьяго дня и вчера проѣзжали. Всѣ обработанные участки тщательнѣе ограждены глинобитными стѣнками покрытыми дерномъ, который рѣжется тутъ же. Величина каждаго такого поля до десяти кунлюковъ, иногда и болѣе. \* При самой дорогѣ, равно какъ и въ обѣ стороны отъ луты, встрѣчается множество *шуръ-кудуксовъ*, стелныхъ колодцевъ обнесенныхъ иногда овалною, иногда четырехугольною глинобитною стѣнкой, въ которой съ одной изъ сторонъ возвышаются двѣ глинобитныя же стойки со всаженною въ нихъ деревянною катушкой замѣняющею блокъ.

Всѣ эти колодцы очень глубоки, отъ 10 до 20 и болѣе саженъ. Вода изъ нихъ вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ на волосяной веревкѣ (*чумбурѣ*), пропущенной чрезъ катушку. Когда надо лутъ стада, пастухъ привязываетъ свободный конецъ чумбура къ дямкѣ надѣтой на верблюда или лошадь, а чаще всего на ослика; затѣмъ, погрузивъ ведро въ глубину колодца, направляетъ животное по прямой линіи отъ вертящейся катушки, заставляя его такимъ образомъ вытаскивать ведро за ведромъ воду, которая сливается въ глиняный желобъ окружающій колодезную стѣнку. По сдѣдамъ животного съ теченіемъ нѣкотораго времени образуется торная тропинка, вдоль которой непрестанно тянется и желобокъ оставаемый волочащеюся по землѣ веревкой, по длинѣ коего всегда безошибочно можно опредѣлить и глубину колодца. Дотянувъ до конца тропинки, привычный осликъ или верблюдъ останавливается чтобы дать время пастуху вылить ведро въ водоемъ, и затѣмъ самъ возвращается мѣрнымъ шагкомъ къ колодцу для продолженія своей работы. Но чтобы пользоваться водою этихъ колодцевъ, путешественникъ всегда долженъ заласаться собственнымъ ведромъ и чумбурами, такъ какъ пастухи никогда не оставляютъ этихъ вещей при колодцѣ на общую потребу. Почти каждое огороженное поле имѣетъ свой особый шуръ-кудукъ, а на большихъ участкахъ бываетъ ихъ и по два, и по три—на

---

\* Кунлюкъ—земельная мѣра содержащая въ себѣ около двухъ талановъ. Таланъ же равенъ 900 квадратнымъ саженямъ или  $\frac{2}{3}$  казенной десятины. Таланомъ мѣряются только участки отводимые подъ клеверъ, огороды, бахчи и сады; земли подъ прочими земледѣльческими произведеніями измѣряются кунлюкомъ.

противоположныхъ концахъ поля и по срединѣ оного. Въ большнствѣ колодцевъ вода довольно сносная, иногда солоноватая, но безъ противнаго вкуса, и при употребленіи не оставляетъ вредныхъ послѣдствій.

Селеній въ окружности очень мало. На протяженіи около двадцати четырехъ верстѣ пути мы видѣли въ сторонѣ отъ дороги всего лишь два небольшіе кншлака, но тѣмъ-то и поразительнѣе это обильное количество пахотныхъ участковъ: рѣшительно вся степь, насколько хватаетъ глазъ, представляется прекрасно обработанною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались пахари надъ плугомъ влекомымъ парой воловъ. Плугъ самаго первобытнаго устройства: на одинъ конецъ деревяннаго лемеха насаженъ желѣзный рѣзакъ въ родѣ заступа съ ручкой, за которую держится пахарь, давая направление бороздѣ, а другой конецъ прикрѣпляется веревками къ ярму,—вотъ и все. Въ общемъ такой плугъ похожъ на большую лотыку.

Земля, по своей солонцеватости, прежде чѣмъ на ней сѣять, требуетъ здѣсь очень заботливой и неоднократной распашки. Обыкновенно проходятъ участокъ плугомъ по нѣскольку разъ и вдоль и поперекъ, пока почва не разрыхлится въ достаточной мѣрѣ; тогда на участокъ пускаютъ воду, и когда черезъ сутки почва совсѣмъ вберетъ въ себя влагу, то смотрятъ въ какихъ мѣстахъ на поверхности проступила соль. Такія мѣста срѣзываютъ лопатами и заполняютъ землею взятой съ мѣстъ гдѣ соли не оказалось, или же глиной изъ стѣнъ разрушенныхъ ветхихъ построекъ. Затѣмъ участокъ уваживается весь равномерно и снова напояется водой. Послѣ этого почва считается уже совсѣмъ готовою подъ засѣвъ. Работы же въ столь позднее время года объясняются тѣмъ что земледѣлы слѣдуютъ разрыхлить степную почву въ ожиданіи зимнихъ снѣговъ, которые при весеннемъ таяніи сообщать ей бѣольшую влажность и тѣмъ облегчатъ послѣдующій трудъ пахаря. Земля эта готовится подъ яровое.

Дорога по которой мы теперь ѣхали составляетъ единственный колесный (арбяной) путь изъ Самарканда въ Шахрисебъ и Карши, но она такъ избита глубокими колеями и рытвинами что ѣхать по ней—своего рода пытка, а стоить свернуть съ колесной дороги нѣсколько шаговъ въ сторону, и ѣдешь прекрасно по твердому грунту, точно по шоссе. Между прочимъ, этотъ путь очень древень и даже имѣетъ исто-

рическое значеніе: по немъ шелъ Александръ Македонскій въ 329 году, по переправѣ чрезъ Оксусъ (Аму-Дарью), къ Самарканду. Хотя точныхъ указаній на то не имѣется ни у Арриана, ни у Квинта Курція, но по этимъ историкамъ извѣстно что движеніе на Мараканду было предпринято изъ Натука, которую новѣйшіе историки Александра приурочиваютъ—одни къ Карши (Дройзенъ), другіе (Герцбергъ) къ Кешу, то-есть къ нынѣшнему Шахрисебу. Въ обоихъ случаяхъ единственный колесный и возможный для движенія арміи путь къ Самарканду лежитъ на Джамъ, и что Александръ проходилъ именно этою дорогою, въ томъ, мнѣ кажется, убѣждаютъ сохранившіяся до нашихъ дней приуроченныя къ его имени названія нѣкоторыхъ прилегающихъ къ ней мѣстностей. Такъ, здѣсь есть урочище Искандеръ, кочевье Искандеръ и коамъ (тюбе) Искандеръ. \*

Верстахъ въ шести отъ границы, въ небольшой котловинѣ встрѣтилъ насъ старый нашъ знакомецъ токсаба Рахметъ-Улла, высланный эмиромъ на встрѣчу посольству для передачи намъ первыхъ привѣтствій его высокостепенства. Токсаба, въ бѣлой чалмѣ и ларчевомъ халатѣ, олоясанный широкимъ поясомъ съ висѣвшею на немъ кривою хорасанскою саблей, сидѣлъ верхомъ на красивомъ аргамакѣ, впереди свиты изъ разныхъ бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой красивой группы стояли двѣ коляски присланныя эмиромъ для посольства. При нашемъ приближеніи, токсаба съ Бухарцами слѣзли съ лошадей и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу. Мы тоже вышли изъ экипажей и размѣнялись обоюдными привѣтствіями, которыя сопровождались освѣдомленіями о взаимномъ здоровьи и благополучномъ лутешествіи, а также о здоровьи высокостепеннаго эмира и туркестанскаго генералъ-губернатора. Токсаба объяснилъ что ему поручено состоять при посольствѣ и сопровождать его до города Шаара, гдѣ въ настоящее время изволитъ имѣть свое благополучное пребываніе его хазретъ-падшахъ (святѣйшій повелитель), и пред-

---

\* Что преданія объ Александрѣ Македонскомъ сохранились въ сихъ мѣстахъ довольно живо, видно, помимо названій различныхъ мѣстностей и пунктовъ, еще и изъ того что многіе изъ владѣтельныхъ бековъ, особенно въ горахъ верховій Аму-Дарьи, считаютъ себя его потомками. Насколько это основательно—другой вопросъ.

ложилъ намъ пересѣсть въ экипажи его высокостепенства. Нечего дѣлать, пришлось мнѣ разстаться со своимъ удобнымъ и уютнымъ тарантасомъ и садиться вмѣстѣ съ княземъ въ эмирскую коляску, сидѣнье гдѣ было пышно застлано лунсовымъ шелковымъ одѣяломъ на ватѣ; въ ногахъ лежалъ лисій мѣхъ, на спинкѣ большія бархатныя подушки-вадки (мутаки). Оби и провалились въ луховую мягкость. Фу, батюшки, хоть бы воротникъ разстегнуть или ременный поясъ распустить что-ли, а то просто мочи нѣтъ съ непривычки въ этихъ луховикахъ!.. Но ничего не подѣлаешь, надо покоряться. Хотя въ воздухѣ было вовсе не холодно, тѣмъ не менѣе бережно и тщательно укутали насъ и мѣхами, и одѣялами, какъ того требовали условія мѣстнаго этикета,—ибо не подобаешь „важнымъ людямъ“ ѣздить иначе,—нѣсколько разъ при этомъ освѣдомляясь, хорошо ли, удобно ли сидѣть, покойно ли спивъ и бокамъ, тепло ли ногамъ, не поддуваетъ ли куда и т. д. Намъ оставалось лишь кланяться, благодарить и увѣрять что все очень хорошо и даже черезчуръ ужъ удобно. Наконецъ, убѣдясь что насъ сплелали одѣялами, какъ младенцевъ, милѣйшій нашъ токсаба приказалъ поѣзду трогаться.

Въ коляски были запряжены въ каждую по четвертѣ засѣданныхъ лошадей: пара въ дышлѣ и пара впереди, на артиллерійскихъ уносахъ. На каждой лошади сидѣло по одному ѣздовому въ чалмѣ и халатѣ, съ нагайками (такъ точно возятъ здѣсь и артиллерійскія орудія). Кѣзлы оставались незанятыми никѣмъ, ибо по мѣстному этикету считается въ высшей степени неприличнымъ чтобы кто-либо могъ сидѣть въ одномъ экипажѣ слиной къ важнымъ людямъ. Но еслибы важные люди сами вздумали взобраться на кѣзлы, то это, конечно, было бы для нихъ самое высокое въ почетномъ смыслѣ мѣсто. Везли насъ не рысью, а тѣмъ особенно скучнымъ аллюромъ, который называется маленькою трусцою, потому что ѣздить иначе важнымъ людямъ олять-таки неприлично,—на то есть джигиты чтобы скакать сломя голову; важный же человекъ, не желающій ронять свое достоинство, долженъ всегда слѣзнуть медленно. Такимъ образомъ мелкая трусца есть уже крайняя степень уступки какая можетъ быть допущена важнымъ человекомъ ради послѣдственности.

Врестахъ въ двѣнадцать отъ границы ожидала насъ новая



встрѣча. Тюръ-джань, \* бекъ чиракчинскій, выслалъ привѣтствовать насъ одного изъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ, Баубекъ-біа, почтеннаго бѣлобородаго старца со святой мелкихъ чиновниковъ и джигитовъ. Опять взаимныя привѣтствія и разспросы о добромъ здоровьи генераль-губернатора и тюръ-джана чиракчинскаго, посольства и встрѣчающихся. Оное лицъ,—все какъ слѣдуетъ по этикету. Отсюда токсаба поикакалъ впередъ, на мѣсто предстоящаго намъ ночлега, чтобы лично распорядиться достоюющимъ приемомъ, а вмѣсто себя оставилъ намъ Баубекъ-біа. Снова слелекли насъ ватными одѣялами и повезли прежнею трусдой. Впередъ и по сторонамъ поезда неслась верхами пестрая кавалькада бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ вооруженныхъ кривыми саблями, а иные клычами. \*\*

Во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ Баубекъ-біа князь предложилъ было ему сѣсть въ одинъ изъ нашихъ собственныхъ экипажей, но тотъ отказался, и надо было видѣть какимъ молодцомъ этотъ дражый по наружности старецъ управлялся со своимъ горячимъ карабагиромъ и бодро гарцовалъ все время лучи, то выносясь впередъ, то проскакивая въ хвостъ растянувшагося поѣзда для какихъ-нибудь распоряженій. Совсѣмъ другой человекъ на лошади,—вотъ чтò значитъ выработанная съ дѣтства привычка.

Къ мѣсту ночлега, на урочище Бишъ-Чешме (пять колодець), прибыли въ часъ дня. Здѣсь были намъ приготовлены двѣ юрты, поставленныя шагахъ въ двадцати одна противъ другой и соединенныя между собой длинною цвѣтною палаткой, гдѣ на широкомъ и длинномъ коврѣ картинской работы \*\*\* накрытъ былъ большой столъ съ разнымъ достарханомъ. Такимъ образомъ у насъ получилась какъ бы цѣлая квартира: столовая, она же и приемная, и по бокамъ двѣ спальни или, если угодно, два кабинета. Юрты были убраны коврами и снабжены постелями и жаровнями. Вокругъ этого главнаго помѣщенія раскинулся цѣлый стая изъ юртъ и палатокъ, гдѣ размѣстились остальные чины посольства, комвой, бухарскіе чиновники, прислуга, джигиты и логонщики.

\* Тюръ-Джанъ въ буквальномъ смыслѣ—князь-душа, есть титулъ присвоенный сыновьямъ эмира.

\*\* Клычъ—оружіе съ прямымъ клинкомъ, въ родѣ палаша или длиннаго ножа, которымъ можно и колоть и рвать.

\*\*\* Городъ Карши славится выдѣлкой прекрасныхъ ковровъ.

Тотчасъ по прибытіи, едва мы сняли съ себя дорожное верхнее платье, любезный токсаба пригласилъ насъ къ завтраку, который начался съ чая и сладостей, гдѣ фигурировали взбитые яичные бѣлки съ сахаромъ, морковь въ сиропѣ, очень вкусная халва изъ кунжутнаго сѣмени и фисташковое тѣсто въ конфетахъ. Затѣмъ подали въ китайскихъ чашкахъ шурпу, прекрасно отцѣженный бульйонъ, затѣмъ жареную говядину съ лукомъ на гренкахъ, палау съ бараниной и палау съ куринымъ мясомъ, жареныхъ Куръ, сладкую рисовую кашу на молокѣ и бараньемъ жирѣ и въ заключеніе снова чай. Ножи, вилки, ложки—все какъ слѣдуетъ, и даже коленкоровыя салфетки. Въ порядкѣ подаванія блюдъ замѣчалась извѣстная постепенность, ближе подходившая къ русскимъ привычкамъ, что нужно приписать распорядительности и смѣткѣ токсабы, который неоднократно обѣдывалъ въ Ташкентѣ у начальника края и у разныхъ своихъ русскихъ знакомыхъ.

Послѣ завтрака, пожелавъ намъ пріятнаго отдыха, Рахметъ-Улла отправился въ свою кибитку писать донесеніе эмиру о прибытіи посольства въ бухарскіе предѣлы.

Вдемъ мы не на Китабъ, какъ предполагали было, а везутъ насъ сначала на Чиракчи, къ беку тюря-джану, сыну эмира, и оттуда уже препроводятъ въ городъ Шааръ, къ самому эмиру. Такъ, говорятъ, соизволилъ указать его высокостепенство.

28 декабря.

Выѣхали съ ночлега въ девять часовъ утра, по вчерашнему, въ эмирскихъ экилажахъ.

Слустая съ небольшою высоты, слѣдовали сначала по равнинѣ, которую подковообразно окружали съ востока, сѣвера и запада невысокія пологія грады возвышенностей; южная же сторона оставалась открытою. Твердый суглинистый грунтъ этой равнины сплошь покрытъ густою мелкою травой, и потому здѣсь всегда пасутся огромныя стада барановъ. Мы пересѣкли западную вѣтвь подковообразной гряды, и отсюда пошла уже волнистая мѣстность, очень напоминающая характеръ мѣстности что окружаетъ Плевну съ восточной стороны. Для довершенія сходства недостаетъ только деревьевъ, которыя изрѣдка были разсѣяны по полямъ Плевны. По объясненію Массумъ-ходжи, проходимыя нами мѣста сывутъ за „Голодную стель“, но въ этомъ позволительно

усомниться, потому что окрестъ мы встрѣчали не мало ороженныхъ и распаханныхъ полей, равно какъ и колодезь.

Отъѣхавъ около двѣнадцати верстъ отъ мѣста ночлега (Бишъ-Чешмѣ), пересѣкли по грядамъ валуновъ и мелкой гальки довольно углубленное, залегающее въ обрывистыхъ берегахъ русло потока Казганъ-Бузаръ. \* Въ это время года оно совершенно сухо, но въ періодъ таянія горныхъ снѣговъ изобильно наполняетъ на нѣкоторое время водой исходящія изъ него степные арыки. Когда же вода начинаетъ обывать, хозяева прилегающихъ къ руслу земельныхъ участковъ спѣшно приступаютъ къ заборкѣ арычныхъ истоковъ съ тою цѣлью чтобы подольше сохранить въ арыкахъ набѣжавшую туда воду и тѣмъ продать возможность орошенія своихъ полей, пока это требуется условіями всхода зелени. Въ нѣкоторые годы вода удерживается такимъ образомъ въ арыкахъ до іюля мѣсяца, а это даже болѣе чѣмъ нужно, ибо пшеница снимается съ корня уже въ іюнѣ.

По сторонамъ пути болѣе чѣмъ вчера подалось кшлаковъ и кочевковъ, надъ которыми вздымались бѣлые дымки отъ топокъ. Кое-гдѣ при жилищахъ виднѣлись и одиночныя урюковыя деревья. Среди этой волнистой мѣстности, близъ кшлака Кокъ-ташъ (сѣрый камень), въ двадцати четырехъ верстахъ отъ ночлега, намъ былъ приготовленъ роздыхъ и завтракъ, состоявшій изъ такихъ же блюдъ какъ вчера. Яр-ко узорчатая заа-палатка и юрты разукрашенныя внутри—все это было тоже по вчерашнему. Здѣсь встрѣтили насъ махрамъ-баши и эсаулъ-баши, посланные для пріѣтствованія посольства отъ лица тюръ-джана, бека чиракчинскаго. \*\*

\* На картѣ не обозначено.

\*\* Махрамъ или махрамъ—одно изъ придворныхъ званій, дѣлящееся на восемь разрядовъ, изъ коихъ: 1) самый младшій есть *астобачи*. Лицо несущее этотъ чинъ обязано подавать эмиру воду во время омовеній. Затѣмъ слѣдуютъ въ возвышающемся значеніи: 2) *букча-бардаръ*—завѣдующій бѣльемъ и платьемъ эмира; 3) *сагатъ-бардаръ*—придворный часовщикъ; 4) *китабъ-бардаръ*—придворный библіотекарь; 5) *муза-бардаръ*—завѣдующій отдѣломъ обуви эмира; 6) *шербетъ-бардаръ*—то же что нашъ мундшенкъ; 7) *лаарамъ-дхалъ-баши*, и 8) *пандуъ-садъ-баши*—исполняющіе должность младшихъ адъютантовъ эмира, которыхъ онъ обыкновенно производитъ въ чинъ *караулъ-беги*, соответствующій нашему прапорщику. *Эсаулъ-баши*—чинъ равняющійся нашему поручику. Число этихъ придворныхъ

Оба они были одѣты въ шелковые халаты, отороченные выдровымъ мѣхомъ; изъ-подъ халатовъ видѣлись широкія расшитыя шелками и блестками чамбары \* тоже съ выдровою оторочкой. У махрамъ-баши за широкимъ бархатнымъ поясомъ съ большими серебряными бляхами, въ видѣ розетокъ, былъ засунутъ цѣкрустированный золотомъ чеканной работы топорикъ (балта или табаръ) съ серебряною рукояткою—знакъ отличія его должности, а эсаулъ-баши держалъ въ рукахъ длинный жосохъ (*ассія*) красного цвѣта, тоже знакъ присвоеннаго ему достоинства. \*\* Между этими чиновниками и нами происходилъ обычный церемонный обитъе разспросовъ о здоровьи и благополучиі акъ-шадишаха и хазретъ-эмира, ярымъ-ладишаха и тюря-джана, нашемъ и ихъ, и затѣмъ обмѣнъ взаимныхъ комплиментовъ въ восточномъ вкусѣ, что могло бы продолжаться помялуй и безъ конца еслибы предупредительный другъ нашъ токсаба не послѣдилъ къ намъ на выручку съ приглашеніемъ къ поданному завтраку.

чиновъ неопредѣленно: эмиръ въ знакъ награды или своей благоклонности можетъ возвести какого-либо чиновника или вообще кого бы то ни было въ придворное званіе махрама и затѣмъ оставить его при своей особѣ или же на прежнемъ мѣстѣ служенія.

\* Штаны изъ козловой кожи.

\*\* Эти посохи составляютъ второй знакъ отличія, установленный для чиновниковъ (первый заключается въ арабскѣ за печатью эмира, то-есть въ жалованной грамотѣ или патентѣ на званіе чиновника) и бываютъ четырехъ родовъ: бѣлые, красные, разноцвѣтно-узорчатые и золотые. Третье отличіе—*кардъ*, большой ножъ въ серебряныхъ или золоченыхъ ножнахъ; четвертое—*шамширъ*, почетная сабля въ серебряныхъ или золоченыхъ, а иногда и въ чистыхъ золотыхъ ножнахъ и *табаръ* или *балта*—топорикъ съ серебряною или золотую рукояткою; пятое—*саути*, бармы, шестое *калалани*—латы, седьмое—*тульча*—шлемъ, жалужный обыкновенно вмѣстѣ съ латами; восьмое—*байдакъ*, знамя, девятое—*туекъ*, бумчукъ изъ козскаго хвоста и макомедъ десятое—небольшая литава, прикрѣпляемая съ лѣвой стороны къ передней дукѣ сѣдла и называемая *яблм-риза*. Всѣ эти знаки отличія, кромѣ арабковъ, жалуются лицамъ служащимъ либо въ войскѣ либо при самомъ эмирѣ. Ярыки же бываютъ трехъ разрядовъ: 1й съ печатью эмира и его секретаря (*лумини*); первая прикладывается на лицевой сторонѣ, а вторая на оборотѣ ярыка; 2й съ печатью эмира и шакъа (порядокъ приложенія печатей такой же) и 3й съ печатью одного эмира. Съ 1881 года учрежденъ еще и орденъ „Восходящей звѣзды Бухары“ въ честь Государя Императора Всероссийскаго.

Послѣ завтрака, отдохнувъ около часа, посольство тронулось далѣе.

Отъ Кокъ-таша до Чиракчи считается одинъ тамъ разстоянія, то-есть восемь верстъ, по нашему; но намъ показались больше, быть-можетъ потому что теперь, подѣзжая къ городу, насъ для лучшей важности везли уже не троедой, а шагомъ. Проѣхавъ около двухъ верстъ, спустились въ широкую равнину, гдѣ протекаетъ рѣка Кашка (Кашка-Дарья), при которой, на лѣвомъ берегу, стоитъ городъ Чиракчи, открышійся предъ нами съ шестиверстнаго разстоянія. Районъ занимаемый имъ и наглядно обозначенный непрерывною полосой садовъ довольно обширенъ, верстъ до восьми въ длину, а можетъ и болѣе; въ точности описать это трудно, такъ какъ городскіе сады сливаются съ ирирѣчными кышлаками. Городъ этотъ получалъ свое названіе отъ могилы святаго Чиракчи (Чиракчи-ата), ремесленника занимавшагося выдѣлкой изъ глины свѣтильниковъ, плашекъ, \* который считается покровителемъ всѣхъ людей этого ремесла. Говорятъ что въ Чиракчи и теперь живетъ не мало плашечниковъ, преимущественно въ окрестностяхъ могилы ихъ патрона, занимающихся своимъ мастерствомъ, по предаію, насльдственно. Но главное значеніе города составляетъ торговля вовсе не чираками, а хлѣбомъ, благодаря выгодному положенію на Кашка-Дарьѣ между Карши, Шахрисебсомъ, Гузаромъ и хлѣбородными горными тюменами \*\*. Поэтому, будучи важнымъ хлѣбнымъ базаромъ, особенно въ смыслѣ посредника между оазисомъ и кочевниками прилежащихъ степей, Чиракчи имѣетъ для государства весьма важное экономическое значеніе.

Предъ городомъ разбросано по степи нѣсколько древнихъ кургановъ боеваго характера, фронтъ коихъ обращенъ къ востоку либо къ юго-востоку, а Кашка-Дарья впереди ихъ служитъ какъ бы естественнымъ ровомъ. Когда подѣзжали къ правому рукаву этой рѣки, ограничивающему съ сѣверной стороны площадь ея разлива, то намъ открылся видъ на двухъэтажное глинобитное зданіе, стоящее на той сторонѣ, надъ довольно возвышеннымъ береговымъ обрывомъ. Это

\* Чиракъ—значить: свѣтильникъ, плашка; чиракчи—плашечникъ, мастеръ выдѣлывающій чираки.

\*\* Тюмень—округъ соответствующій нашему уѣзду.

дворецъ тюря-джана; остальные городскія строенія лишь изрѣдка проглядываютъ кой-гдѣ изъ-за садовыхъ деревьевъ. Сады и предмѣстья, расположенные по правую (сѣверную) сторону рѣки, въ общемъ очень напоминаютъ болгаро-турецкія селенія подъ Плевной, какъ Порадимъ, Пелишатъ и Сталевице; даже прилегающая къ нимъ равнина покрыта точно такою же, какъ и тамъ, травянистою, низенькою колючкой.

Слѣдуя по руслу разлива, мы пересѣкли до семи рукавовъ Кашка-Дарыи, прежде чѣмъ взобрались на крутовой подъемъ лѣваго берега, вводящій непосредственно въ самый городъ. На берегу стояла большая толпа народа и молча, солидно созерцала нашъ поѣздъ. Очевидно что жители знали о предстоящемъ вѣздѣ посольства и вышли посмотреть на русскихъ гостей. Здѣсь вѣдъ, при скудости развлеченій, каждый подобный случай составляетъ уже предлогъ къ томашѣ, то-есть публичному зрѣлищу.

Городъ Чиракчи, разумѣется, весь глинобитный. Кривыя, грязныя улицы обрамлены, большею частью, только стѣнками заборовъ. Рѣдкіе изъ домовъ глядятъ прямо на улицу, и это преимущественно такіе гдѣ помѣщается какое-нибудь ремесленное заведеніе. Мѣстность неровная, такъ что приходится не разъ круто спускаться и еще круче подыматься съ бугра на бугоръ, переѣзжая по жердянымъ унавоженнымъ и очень непрочнымъ мостишкамъ черезъ ручьи и арыки, прежде чѣмъ доберешься до урды, т.-е. цитадели или замка, гдѣ живетъ бекъ чиракчинскій. Замокъ этотъ окруженъ четырехстороннею глинобитною стѣною, съ наугольными круглыми башнями такой же вышины какъ и самая стѣна, то-есть около трехъ саженъ. Внутри этой ограды находится нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго саклями и невысокими стѣнками, но имѣющихъ между собою сообщеніе посредствомъ калитокъ и узкихъ проходовъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ, квадратной формы, гдѣ размѣстилось посольство, предъ отведенными для насъ саклями, была разбита большая цвѣтная палатка, и въ ней стоялъ столъ съ достарханомъ, среди котораго выдѣлялась новинка: груда крашеныхъ въ сафалѣ яицъ, точно у насъ на Святой Недѣлѣ\*. По лѣвую сторону двора подъ навѣсомъ,

\* Въ послѣдствіи красныя яйца являлись уже постоянною принадлежностью достархановъ.

покрывавшимъ широкую глинобитную террасу, стояли три палатки, соединенныя между собою и открытыя съ передней стороны. Снаружи онѣ были зеленыя, а внутри красныя, узорчатыя, и въ нихъ постоянно толпилась пестрохалатная прислуга бека, попивая чай, то и дѣло вскипавшій въ мѣдныхъ кумганахъ надъ жаровней, и затыгиваясь во всю грудь изъ одного общаго чилима \*.

Среди этихъ челядинцевъ время отъ времени появлялись для отдачи какихъ-то приказаній и задаванія „распеканокъ“ все тѣ же махрамъ-баши и эсауль-баши, неизмѣнно вооруженные знаками своего достоинства. Остальныя двѣ стѣны нашего двора заняты были конюшенными навѣсами и помѣщеніями для прислуги, а по срединѣ его находился хаузъ, обсаженный старыми ветлами. Сакли наши устланы коврами, окна въ нихъ заклеены тонкою бумагой и снабжены красными кумачевыми занавѣсками; но провести въ этихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сутокъ сряду едва ли было бы возможно не наживъ себѣ ревматизма,—до того велика въ нихъ сырость.

Только что мы пріѣхали, какъ уже явилось къ намъ трое посланцевъ отъ самого эмира выразить посольству привѣтствіе отъ лица своего повелителя. То были бальджуанскій бекъ Рахметъ-Куль-датха, дарвазскій бекъ Мегметъ-Мурадъ-біи и Шарауль-Массумъ мирахуръ \*\*. Всѣ трое были одѣты

---

\* Средне-азиатскій кальянь. Дѣлается обыкновенно изъ особаго вида тыквы—чилимиъ-каду, форма коей наломивается продолговатый грушеобразный флаконъ. Такіе чилимы вставляются въ мѣдную оправу и носятъ на себѣ иногда очень изящныя украшенія изъ бирюзы, гранита, сердолика и серебряныхъ инкрустаций. Въ Шаарѣ впрочемъ вмѣсто тыквы употребляютъ на выдѣлку чилимовъ котельную мѣдь, сохраняя имъ лишь грушевидную форму, и эти послѣднія издѣлія всегда украшены серебряными вкрапленными пластинками и узорами чеканной работы.

\*\* Датха—военный чинъ соответствующій генералъ-майору, біи—родоправитель, титулъ присвоенный старшему въ родѣ и составляющей принадлежность исключительно Узбековъ; какъ чинъ, біи равняется бригадиру, но жалованъ имъ стали лишь въ недавнее время. Мирахуръ или, правильнѣе, мирі-ахуръ—придворный чинъ 2го разряда, въ вѣдѣніи коего состоитъ конюшенная часть эмира. Начиная съ мирахура, всѣ послѣдующіе въ возвышающейся градациі чины пользуются правомъ вѣзжать въ ограду дворца верхомъ; всѣ же чины ниже его стоящіе обязаны сѣздать съ лошадей на площади, за стѣной,

въ парадные форменные халаты изъ богато затканной золотомъ мелкотравчатой индiйской ларчи. Мы принимали ихъ въ палаткѣ гдѣ стоялъ дестарханъ и, послѣ обычно церемониальныхъ изъявленiй и разспросовъ, рослили съ ними по стакану чая.

Въ пять часовъ дня, по предложенiю токсабы, посольство отправилось съ визитомъ къ тюря-джану. Пройдя какимъ-то узенькимъ закоулкомъ налѣво, очутились мы на смежномъ дворѣ, гдѣ предъ длинными крытыми воротами, образующими нѣчто въ родѣ корридора, стояло десятка три челядинцевъ, выстроенныхъ въ одну шеренгу, а въ воротахъ ожидалъ насъ эсаулъ-башу, наискось держа въ рукахъ свой красный посохъ, такъ, какъ, бывало, держала „на караулъ“ въ лѣтнемъ строю свои карабины кавалерiя времени императора Николая. Предшествуя намъ, этотъ чиновникъ вывелъ насъ изъ подъ воротъ на третiй дворъ, обрамленный кирличною террасой. Тутъ-то и находится дворецъ бека, который мы видѣли еще съ того берега рѣки.

Двое челядинцевъ распахнули предъ посольствомъ обѣ лодовинки дверей, и мы вошли въ приемную залу, гдѣ у самаго входа были встрѣчены тюря-джаномъ. Это худощавый молодой человекъ лѣтъ около двадцати, еще безусый и безбородый и очень похожiй на своего младшаго брата Сеидъ-Миръ-Мансура, чтó воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ. Только тотъ здоровый мальчикъ, а у этого какой-то понурый болѣзненный видъ, вслѣдствiе того что онъ, какъ говорятъ, давно уже страдаетъ перемежающеюся

и подыматься въ урду по лѣстницѣ лѣшкомъ. Званiе и должность бека соответствуетъ нашему губернатору, только съ несравненно ббльшими полномочiями. Относительно администрацiи эмиръ передаетъ бекамъ всѣ свои права, за исключенiемъ права жизни и смерти: въ случаяхъ гдѣ смертная казнь является необходимою или же когда осуждаемый заслуживаетъ помилованiя, бекъ испрашиваетъ на то и другое повелѣнiе эмира. Кромѣ того, онъ долженъ особо извѣщать эмира о всѣхъ важныхъ происшествiяхъ случающихся въ его бекствѣ и посылать ему еженедѣльные отчеты о текущихъ дѣлахъ. Въ непосредственномъ подчиненiи беку состоятъ всѣ города и селенiя его бекства, почему онъ заведываетъ въ своемъ районѣ какъ сборомъ хараджа (поземельная подать), такъ и сборомъ людей въ войско въ случаѣ военнаго времени, снабжая ихъ лошадьми и оружиемъ. Такимъ образомъ бекъ есть представитель не только гражданской, но и военно-административной власти въ своемъ бекствѣ.



лихорадкой. Выраженіе лица его довольно симпатично и обличаетъ въ некоторую привычку мыслить, а манера держать себя отличается простотой, безъ малѣйшаго желанія изобразить привада. Одетъ онъ былъ въ парчевый халатъ съ мѣховою оторочкой, затканый по бѣлому полю золотыми травами и цвѣтными букетами; пояса не было въ силу права, принадлежащаго принцамъ бухарскаго дома, которые обязаны быть подпоясанными только предъ лицомъ своего отца и государя; на головѣ пышно красовалась большая бѣлая чалма изъ индійской кисеи, затканой золотыми листьями.

На привѣтствіе князя Витгенштейна тюрк-джанъ отвѣчалъ быстро, скороговоркой и такимъ тономъ словно бы читалъ по книжкѣ или выкадывалъ предъ учителемъ хорошо затверженный урокъ. Вообще и всѣ послѣдующія реплики его по тону своему были въ такомъ же родѣ.

Князь поочередно представилъ ему членовъ посольства, и тюрк-джанъ при этомъ коротко и отрывисто, на англійскій манеръ, пожалъ каждому изъ насъ руку, а затѣмъ всѣхъ пригласилъ къ достархану, занявъ мѣсто во главѣ стола приготовленнаго съ угощеніями въ этой же комнатѣ.

Зала въ два свѣта довольно высока для глинобитной постройки. Въ лѣвой (сѣверной) стѣнѣ находится нѣсколько дверей, служащихъ въ то же время и нижними окнами и выходящихъ на наружную террасу, съ которой открывается довольно красивый видъ на Камка-Дарью и зарѣчную сторону. Надъ дверями въ той же стѣнѣ идетъ рядъ верхнихъ оконъ нѣсколько меньшаго размѣра, украшенныхъ ажурными гипсовыми рѣшетками, но безъ внутреннихъ стекольныхъ рамъ. Полъ былъ застланъ сплошь, но не коврами, а латасами\*; деревянный потолокъ обыкновеннаго средне-азіатскаго типа (рядъ балокъ съ положенными на нихъ поперечными и тѣсно одна къ другой прижатыми жердочками) покрашенъ кубовой краской; стѣны же начисто выбѣлены и оставались безо всякихъ лѣпныхъ и живописныхъ украшеній. Вообще обстановка и внутренній видъ этой залы были очень далеки отъ понятія о такъ-называемой „восточной роскоши“; напротивъ, на этой простотѣ, переходящей почти въ бѣдность, лежалъ какой-то суровый отблескъ.

\* Родъ ковровъ боѣе дешеваго сѣрта и не бархатистыхъ.

Намъ предложили чай, который мы послали поскорѣе допить, такъ какъ бѣдный тюръ-джанъ видимо отдавался все болѣе и болѣе чувству неодолимой застѣнчивости. Самъ онъ, за исключеніемъ заученныхъ и уже произнесенныхъ имъ прѣдѣльныхъ релликъ, не предложилъ во время этого угощенія ни одного, такъ-сказать, частнаго или посторонняго вопроса, предоставляя заботу выдумывать и предлагать ихъ на долю нашего князя, который въ свою очередь тоже не зналъ о чемъ говорить съ нимъ. Такимъ образомъ рѣдкіе и ничего не значащіе вопросы и замѣчанія, въ родѣ того что Чиракчи, кажется, довольно большой городъ, а Кашка довольно быстрая рѣка, вызывали со стороны тюръ-джана односложные утвердительные отвѣты, за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдовали довольно продолжительныя паузы. Наконецъ, допивъ стаканъ, князь заявилъ что не смѣетъ долѣе отрывать тюръ-джана отъ его важныхъ дѣлъ, чему тотъ кажется очень обрадовался,—по крайней мѣрѣ монотонно безразличное выраженіе его физиономіи при этомъ нѣсколько оживилось—и мы откланялись снова, пожавъ ему по очереди протянутую намъ руку.

Какъ только посольство возвратилось въ свои помѣщенія, на нашъ дворъ привели подарочныхъ лошадей подъ богатыми половами, въ уздечкахъ украшенныхъ серебромъ, сердоликами и бирюзой. Князю, какъ старшему послу, было подведено двѣ лошади, остальнымъ по одной и, кромѣ того, всѣмъ членамъ посольства по связкѣ халатовъ и множество всякаго достархана. Всѣ казаки, прислуга и посольскіе джигиты также получили въ подарокъ по адрасовому халату. Затѣмъ человекъ двадцать пять челядинцевъ, слѣдуя гуськомъ другъ за другомъ, церемоніально пронесли мимо посольской палатки большія блюда съ горячимъ палау для нашихъ казаковъ и прислуги.

Князь отвѣтилъ тюръ-джану тоже подарками, въ числѣ коихъ находились: револьверъ, китайскій ящичекъ съ французскими духами, швейцарскіе часы съ кукушкой и коробка съ московскими конфетами отъ Сіу. Эти отвѣтные подарки были отправлены къ нему съ хорунжимъ Асламбекъ Карамурзаевымъ въ сопровожденіи токсабы и всаульбаши.

Затѣмъ намъ принесли обѣдъ, и церемоніи на сей день были кончены. Въ концѣ обѣда возвратилса токсаба и заявилъ

что тюря-джанъ очень благодарить князя за подарки, которые ему очень понравились, и беспокоится лишь объ одномъ: довольно ли посольство его скромнымъ приемомъ; что онъ ото всей души радъ бы угодить намъ и больше, но къ сожалѣнiю въ Чиракчи невозможно найти ничего лучшаго. Получивъ въ отвѣтъ заявленiе князя что посольство довольно всемъ какъ нельзя болѣе, Рахметъ-Улла, перевода разговоръ на интимную почву, замѣтилъ что въ такомъ разѣ князь, вѣроятно, не откажетъ при удобномъ случаѣ замолвить кстату объ этомъ высокостепенному эмиру, равно какъ и о благоприятномъ впечатлѣнiи какое произвелъ на него тюря-джанъ лично, такъ какъ отъ такого заявленiя князя на много де будетъ зависѣть степень дальнѣйшаго благоволенiя эмира къ тюря-джану, который тогда авось-либо можетъ разчитывать и на милостивое повышенiе въ должности, въ родѣ перевода на болѣе видное и выгодное бекство.

Надо замѣтить что тюря-джанъ чиракчинскiй не пользуется особенною любовью отца, и причина тому, какъ кажется, заключается въ нѣкоторой излишней прямотѣ и рѣзкости его характера, благодаря которой онъ, минуя утонченно-вѣжливые приемы и восточно-дипломатическiе „подходы“ рѣчи, не стѣсняется иногда съ нѣскольکو грубою откровенностью, высказывать своему отцу гелую и не всегда прiятную для послѣдняго правду. Быть-можетъ вслѣдствiе этого эмиръ показываетъ ему холодность и даже настолько что проѣздомъ въ Шахрисебъ никогда въ Чиракчи не заѣзжаетъ. Въ послѣдствiи князь Витгенштейнъ исполнилъ свое обѣщанiе, и при подходящемъ случаѣ замолвилъ эмиру доброе слово о тюря-джанѣ, но поправило ли это отрошенiя послѣдняго къ отцу—не знаю.

29 декабря.

Выступили изъ Чиракчи въ десятомъ часу утра. Намъ предшествовали конники въ бараньихъ шалкахъ, съ длинными тонкими тростями заткнутыми подъ халатомъ за поясъ и торчавшими высоко вверхъ изъ-за лазухи. Это были эсаулъ-баши, докладчики бековъ. Каждый бекъ имѣетъ таковыхъ по два человека и должность ихъ заключается въ исполненiи отчасти полицейскихъ, отчасти ординарческихъ обязанностей, въ докладѣ бекамъ поданныхъ прошенiй и въ передачѣ ихъ приказанiй.

Непосредственно за частью казачьяго конвоя, слѣдовавшею позади месольскаго экипажа, ѿшли въ моемъ тарантасѣ бекъ балъджуанскій, бекъ дарназскій и Шарауль-Массумъ мирахуръ. Посадимежу, полагаю, было не особенно удобно, за отсутствіемъ въ тарантасѣ передняго сидѣнья, приманиваться кое-какъ на наскоро устроенномъ для него сидѣньѣ изъ лишняго лаятя и подушекъ. За тарантасомъ этихъ саявниковъ слѣдовали два казака въ почетномъ конвоѣ, затѣмъ въ коляскѣ князя ѿшли токсаба Рахметъ-Улла съ жорунжимъ Карамурзаевымъ, тоже сопровождаемые двумя казаками; далѣе—въ эмирскомъ экипажѣ майоръ Байтоковъ съ докторомъ, и пріемъ экипажи посольства, за коими въ замкѣ осталась часть казачьяго конвоя.

На выѣздѣ изъ города повъзд нашъ прослѣдовалъ мимо человекъ двадцати какихъ-то всадниковъ съ саблями, вѣроятно мѣстныхъ городскихъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ ларчевыя халаты и выстроенныхъ въ одну шеренгу. Всадники эти, стоя на мѣстѣ, отдавали посольству честь, приложивъ къ чалмѣ, якобы „подъ козырекъ“, правую руку и затѣмъ, пропустивъ мимо себя весь повъздъ, гурьбой повернули назадъ въ городъ.

Дорога отъ Чиракчи до Шаара идетъ по равнинѣ, гдѣ на разстояніи около версты слѣва видѣются самыя ничтожныя возвышенности, табуціяся въ родѣ какого-то вала. За то справа, верстахъ въ двадцати пяти, грандіозно высится снѣжныя хребты Ярчаклы и Жазретъ-Султанъ (послѣдній въ 15.000 футовъ высоты), съ особенно выдающимися вершинами Амма-Хромъ, Тамъ-Рабать, Тамъ-Курганъ и Хромъ-Тягги; а позади, за ихъ стѣной, въ дальней перспективѣ, хребетъ Ханъ-Тахта гордо и грозно вздымаетъ въ небеса свои отвѣсно-скалистыя, сверкающія льдомъ и снѣгомъ темно-сизыя кручи.

Вся долина Кашка-Дары устлана курганами, которые большею частью относятся къ числу могильныхъ, то-есть имѣютъ въ основаніи своемъ либо круглую, либо эллипсоидальную форму, при высотѣ отъ одной до трехъ сажень. Но изрѣдка попадаются и боевые курганы, въ особенноти ближе къ Шаару.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги видѣлось нѣсколько разбѣянныхъ по равнинѣ кышлаковъ съ фруктовыми садами и чинаровыми рощами. То были селенія Карсауатъ, Маухине,

Тизобкентъ и другіе. Аллеи тополей и рослаго тапа осыпали прилетающіе къ этимъ селеніямъ арычи. Мѣстность довольно оживлена. На встрѣчу намъ попалось множество чамоносныхъ вооруженныхъ, направлявшихся отъ окрестныхъ селеній къ Чиракчи. Бѣкали они большою частью группами отъ восьми до десяти человѣкъ и не безъ оружія. У шайки висѣли за плечомъ фитильные „мултуки“, \* у другихъ охотничьи двухстволки, видимо тульской работы, а одного встрѣтили мы даже съ берданкой. Сегодня въ Чиракчи базарный день, поэтому туда и направляется вся эта нубайка — одни ѣдутъ купить себѣ что-либо, другіе просто ради „томаша“, на людей посмотреть и себя показать, а при подходящемъ случаѣ пожалуй промѣнять или продать свою лошадь.

Проѣхавъ большіимъ шагомъ два тапа (16 верстѣ), мы пересѣкли въ бродѣ два рукава рѣчки Тизобкентъ (иначе Чазобъ-Кивди), впадающей въ Кашка-Дарью и отдѣляющей территорию Шахробеба отъ Чиракчанскаго бекства.

Не доѣхавъ около полутора верстѣ до предмѣстья Шаара, шагамъ въ восьмистахъ отъ дороги вправо видѣются остатки земляныхъ окоповъ, гдѣ на выступающихъ углахъ выдаются впередъ круглые бугры, служившіе некогда основаніемъ башенъ. По объясненію Рахметъ-Уламы, это остатки шаарскаго кремля временъ предшествовавшихъ Тимуру. Тамъ и понынѣ видны еще слѣды многихъ отростковъ.

Вскорѣ въѣхали мы въ Шаарское предмѣстье Кара-ходжа, окруженное развалинами древней глинобитной стѣны и наподенное садами. Здѣсь, прослѣдовавъ по нѣсколькимъ узкимъ, закоулочнымъ улицамъ, въ одной изъ которыхъ на поперечномъ арычѣ кракнулъ и сломался шкворневый кругъ въ нашей коляскѣ, мы взобрались по крутоватому подъему къ воротамъ одного изъ старыхъ шаарскихъ укрѣпленій, называемаго Урта-курганомъ.

Тутъ на высокомъ насыпномъ курганѣ, на мѣстѣ древней цитадели (урта или урда), нынѣшній эмиръ построилъ лѣтній домъ съ широкимъ крытымъ балкономъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на сады предмѣстья, на равнину усыпанную кшлаками и курганами и на высокія снѣжно-рыды горы. Въ этомъ домѣ постоянно живетъ амакдаръ, \*

\* Средне-азиатское ружье на развилкахъ, втыкаемыхъ въ землю для большей вѣрности прицѣливанія.

\*\* Окружной сборщикъ поземельной подати хараджа и тамала.

обязанный поддерживать въ немъ полный порядокъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно останавливается на отдыхъ, а иногда и на ночлегъ самъ эмиръ во время своихъ поѣздокъ изъ Бухары въ Шааръ и обратно. Въ виду такого назначенія этого дома, внутри его дворовъ находится достаточное число помѣщеній для семейства и свиты его высокостепенства.

Насъ ввели въ довольно просторную залу въ два свѣта, \* съ высокими потокомъ и парюю дверей, выходящихъ на поманутый выше баалконъ. Полъ этой залы сплошь былъ устланъ двумя богатыми длинными коврами карпинскаго производства, а въ глубинѣ ея, между баалконными дверями, стояла широкая софа, покрытая шелковыми одѣялами и бархатными мутаками. \*\* Въ стѣнахъ, кромѣ той что снабжена окнами, подѣлаю много высокихъ нишъ стрѣльчатой формы. По срединѣ комнаты, предъ софой, по обыкновенію, накрытъ былъ столъ, уставленный разнообразнѣйшимъ достарханомъ, начиная отъ изысканнѣйшихъ лакомствъ мѣстнаго производства до московскихъ мармеладовъ, бисквитъ и сахарныхъ леченій; прекрасные свѣжіе и засахаренные фрукты, виноградъ, разнообразные орѣхи, шербеты, варенья, компоты, взбитыя сливки, взбитые бѣлки, и чего, чего тутъ только не было! Всего не перечестъ и не вспомнить. Фарфоровая посуда и столовое серебро были исключительно русскихъ фабрикъ. Вокругъ стола стояли кресла, вѣнские стулья и обитые краснымъ кумачемъ зеленые табуреты.

Когда мы разсѣлись за этимъ столомъ, старшему послу

---

\* Если и впредь будетъ встрѣчаться выраженіе „въ два свѣта“ то подъ нимъ всегда надо разумѣть нижнія окна (кои суть въ то же время и двери, выходяція на террасу съ сѣверной, сѣверо-восточной или же съ сѣверо-западной стороны) и соответственный имъ рядъ верхнихъ оконъ въ той же стѣнѣ. Эти послѣднія, почти всегда при одинаковой ширинѣ съ нижними, никогда не бываютъ равномерной съ ними длины, а всегда либо на половину, либо на двѣ трети ниже и иногда заканчиваются вверху стрѣльчатымъ сводомъ, будучи всегда снабжены либо рѣзною деревянною, либо узорчато-ажурною гипсовою рѣшеткой безъ стеколъ, которая на зиму въ цѣлыхъ случаяхъ затягивается коленкоромъ или тонкою бумагой, въ родѣ китайской. Нижнія окна - двери всегда имѣютъ двустворчатые деревянные ставни, украшенныя рельефною рѣзбой.

\*\* Подушки-вазъки.

доложили, что Остана-Куль перваначи, \* одинъ изъ приближеннѣйшихъ царедворцевъ эмира, высланный его высокостепенствомъ на встрѣчу посольству, просить позволенія представиться. О томъ что перваначи будетъ ожидать посольство въ Урта-курганѣ посолье уже былъ предувѣдомленъ Рахметъ-Уллою, къ которому съ этимъ извѣстiемъ, еще на пути сюда, прискакалъ нарочный.

Князь Витгенштейнъ послѣдшилъ изъявить готовность сейчасъ же принять почтеннѣйшаго перваначи,—и въ ту же минуту вошелъ къ намъ благообразный и дородный мужчина хорошаго средняго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, въ богатомъ халатѣ, расшитомъ золотомъ и серебряною битью по темно-малиновому бархату. Затканая золотомъ бѣлая чалма и красивая хорасанская сабля дополняли его роскошный нарядъ. Вошелъ онъ свободною походкой, съ прiвѣтливою улыбкой въ лицѣ,—и во всей фигурѣ, во всемъ характерѣ его наружности какъ-то сразу сказывалось что человекъ этотъ не только уменъ, но и знаетъ себя цѣну.

Началъ онъ рѣчь съ изясненiя что посланъ высокостепеннымъ своимъ повелителемъ прiвѣтствовать отъ его лица высокiхъ представителей Россiи, такъ какъ его высокостепенство очень озабоченъ узнать поскорѣе, все ли мы въ добромъ здоровьѣ и хорошо ли довели насъ, и достаточно ли заботились о насъ во время путешествiя по его владѣнiямъ.

На всѣ эти вопросы, конечно, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ въ наилучшемъ смыслѣ, съ добавленiемъ что мы очень рады познакомиться съ достопочтеннѣйшимъ перваначи и надѣемся что наше съ нимъ знакомство не ограничится лишь настоящимъ официальнымъ свиданiемъ.

При этомъ князь предложилъ ему садиться, и перваначи занялъ первое мѣсто, въ креслѣ по правую его руку.

Въ то же время на улицѣ раздались звуки барабановъ и

---

\* Перваначи или парваначи въ военномъ смыслѣ равняется полному генералу. Обязанность его, между прочимъ, состоитъ въ объявленiи чина получившему оный и въ затыканiи эмирскаго армяка за чалму его. Въ чинѣ перваначи могутъ быть повышаемы только лица принадлежащiя къ сословию ругъ-даръ, то-есть родовитыхъ Узбековъ, предки коихъ ознаменовали себя постоянною службой и усердiемъ бухарскимъ эмирамъ.

кавалерійскихъ трубъ, игравшихъ кѣчто въ родѣ нашего „похода“.

Токсаба объяснилъ что это почетный конвой, присланный высокостепеннымъ эмиромъ для сопровожденія посольства, отдавать должную по уставу воинскую почесть только-что прибывшему Али-Мадату толчи-баши, \* и музыканты играютъ ему „встрѣчу“.

Минуты двѣ спустя послѣдовалъ докладъ что толчи-баши проситъ позволенія представиться главѣ русскаго посольства, и вслѣдъ за тѣмъ въ залу вошелъ худоцавый мушкетеръ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ персидскаго типа, въ довольно высокой бобровой шапкѣ и въ темно-фіолетовомъ бархатномъ сюртукѣ мундирнаго персидскаго покроя. Рукава, грудь и лоды его были украшены серебрянымъ шитьемъ, изображавшимъ длинныя листья лилій; вдоль груди шли два ряда (по шести) гладкихъ мѣдныхъ пуговицъ; на плечахъ—серебряныя витыя эполеты со штабъ-офицерскими кистями; на поясной серебряной португезѣ висѣла богатая кривая сабля въ золотыхъ ножвахъ, украшенныхъ бирюзой и сердоликами. Отреккомендовавшись князю, толчи-баши заявилъ, что приславъ своимъ высокимъ повелителямъ сопровождать посольство при вѣздѣ въ Шааръ во главѣ почетнаго гвардейскаго конвоя.

Подали чай—членамъ посольства въ стаканахъ, вставленныхъ въ серебряныя подстаканники русской чеканной работы, а бухарскимъ сановникамъ—въ китайскихъ фарфоровыхъ чашкахъ безъ ушковъ и блюдецекъ, по мѣстному обыкновению.

Заявъ второе мѣсто (подлѣ перваачи), толчи-баши заявилъ что высокостепенный эмиръ соизволилъ назначить намъ въ конвой сорокъ одного офицера изъ числа ротныхъ командировъ и двѣсти амальдоровъ, отборныхъ гвардейскихъ всадниковъ, въ чинѣ чора-баши (подполковниковъ), а при нихъ военный хоръ изъ двадцати музыкантовъ. При этомъ толчи-баши со скромною улыбкой прибавилъ что, конечно, это не то что русская армія; что мы, безо всякаго сомнѣнія, привыкли къ виду далеко не такихъ войскъ, но... это де все что есть у насъ лучшаго.

Князь послѣшилъ завѣрить его что, напротивъ, насколько онъ, князь, до сихъ поръ слышалъ о бухарскихъ войскахъ, всѣ и всегда отзывались о нихъ съ большими похвалами, и

\* Толчи-баши—начальникъ артиллеріи бухарской арміи.



что теперь, слыша звуки ихъ музыки, онъ выражаетъ полную свою увѣренность что войска бухарскія всегда будутъ достойными соратниками войскъ русскихъ, если Богъ сведетъ ихъ противъ какого-либо общаго врага, — потому что враги у насъ могутъ быть только общіе, — но что никогда и ни въ какомъ случаѣ, конечно, русскія и бухарскія войска не встрѣтятся болѣе другъ противъ друга.

Этотъ отвѣтъ очень понравился всѣмъ присутствовавшимъ Бухарцамъ, видимо произведя на нихъ наилучшее успокоительное впечатлѣніе, не говоря уже о томъ что онъ пріятно щекоталъ ихъ самолюбіе.

Долпивъ свой чай, бухарскіе сановники вѣжливо поднялись съ мѣсть, и въ лицѣ перванахи заявили что не смѣютъ насъ долѣе беспокоить, такъ какъ мы, безъ сомнѣнія, хотимъ съ дороги закусить и нѣсколько отдохнуть; но что потомъ, когда намъ пожелается продолжать путь, они въ полномъ своемъ составѣ будутъ къ нашимъ услугамъ.

И затѣмъ сановники очень любезно откланялись.

Воспользовавшись ихъ уходомъ, мы вышли на балконъ, чтобы взглянуть на амальдоровъ, и сверхъ всякаго ожиданія намъ представилось зрѣище довольно красивое. У подошвы кургана, прямо предъ воротами старой цитадели, стояли выстроившись конные музыканты въ зеленыхъ мундирахъ и высокихъ барашковыхъ шалкахъ. Между ними уморительны были только торчавшіе впереди всѣхъ два турецкіе барабана, приспособленные какимъ-то образомъ полперекъ сѣдаа, такъ что барабанщикамъ приходилось сидѣть уже не въ сѣдлѣ, а на крулахъ своихъ лошадей. Изъ-за массивныхъ барабановъ едва лишь выглядывали ихъ островерхія шалки да растолпыренныя руки. Позади музыкантовъ стояла конная толпа офицеровъ, одѣтыхъ въ форменные чекмени, съ галунами и газырами на груди, локроемъ въ родѣ нашихъ конно-иррегулярныхъ кавказскихъ. На всѣхъ красовались серебряныя кованые эполеты русскаго образца со штабъ-офицерскими кистями. Въ цвѣтѣ этихъ мундировъ замѣчалась нѣкоторая пестрота: у однихъ черные, у другихъ темно-синіе, у тѣхъ красные, у этихъ бирюзовые, зеленые, гороховые, сѣрые, чему соответствовалъ и цвѣтъ тульи на высокихъ островерхихъ шалкахъ изъ черной мерлушки. Подо всѣми были хорошія верховыя лошади, отличавшіяся богатствомъ уборовъ, гдѣ не было недостатка въ наборномъ серебрѣ, бирюзѣ,

шелковыхъ кистяхъ и расшитыхъ блестками бархатныхъ попоняхъ.

Позади, подъ прямымъ угломъ къ этой красивой группѣ, стояли два эскадрона амальдоровъ на легкихъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы карабагровъ. Эскадроны двухъ-шереножнаго строя съ замыкающими унтеръ-офицерами, подобно нашему, были выстроены въ дивизионную колонну справа, и равеніе ихъ отличалось полною безукоризненностью. Карабины свои они держали въ правой рукѣ „на изготовку“, улеревь лятку приклада въ бедро и наклонивъ конецъ дула впередъ, совершенно такъ же какъ держали у насъ свои винтовки горцы Императорскаго Конвоя. На правомъ флангѣ колонны были выстроены въ двѣ шеренги восемь трубачей въ зеленыхъ чекменахъ и желтыхъ чембарахъ. Въ рядахъ же люди были одѣты въ бѣлые чекмени съ алыми воротниками, погонами и нагрудными кармашками; на ногахъ алая чембары, заправленные въ голенища высокихъ сапоговъ нашего же военного образца; головной уборъ—баранья шапка такой же формы какъ и у офицеровъ, съ алою тульей. Что же до вооруженія, то увы!—оно далеко не блистало не только единообразіемъ, но и исправностію. При помощи бинокля я разглядѣлъ что большинство, въ особенности въ переднихъ шеренгахъ и въ замкѣ, было вооружено пистонными карабинами; но въ заднихъ шеренгахъ попадались и кремневые, даже чуть ли не было фитильныхъ: что-то ужь очень на нихъ смахивали мелькавшія кое-гдѣ огнестрѣльныя дубины, ярко выкрашенные сурикомъ. Одни изъ карабиновъ были длиннѣе, другіе короче; высовывались и просто длинныя семипалцевыя ружья. Словомъ, тутъ былъ коллектированный всякій арсенальный хламъ, случайно добытый съ разныхъ сторонъ и въ разное время. Замки на ружьяхъ тоже далеко не всѣ въ исправности: видѣлись и такіе что держались на своемъ мѣстѣ лишь при помощи ремешка или бичевки. Не было единообразія и въ холодномъ оружіи (каждый амальдоръ, кромѣ карабина, вооруженъ еще и саблею), между коимъ на половину встрѣчались кривые афганскіе и хорасанскіе клинки, на половину клычи, да попадались у ивнхъ и англійскія, и русскія пѣхотныя, и кавалерійскія сабли, и казачьи пашки. Въ этомъ отношеніи всякъ молодецъ былъ на свой образецъ. Но единообразный нарядъ амальдоровъ, издали казавшійся очень красивымъ, ихъ

прекрасныя легкія лошади съ огонькомъ и эта стройность равенія производили на первый взглядъ оченьъ благоприятное военное впечатлѣніе, и тѣмъ досаднѣе было глядѣть на такое безобразно сбродное вооруженіе отборной гвардіи бухарскаго владыки. Впрочемъ, какъ картинка, съ художественной точки зрѣнія, въ общемъ все это являлось весьма красивымъ. Жаль только что такому зрѣлищу не соответствовала погода: мелкій непрерывный дождь, начавшійся незадолго до прибытія нашего въ Урта-курганъ, немилосердо мочилъ этихъ нарядныхъ всадниковъ.

Вернувшись съ балкона въ залу, видимъ мы что бухарскіе джигиты одинъ за другимъ таскаютъ къ намъ всякаго достархана цѣлые вороха и горой наваленные подносы, которыми уже сплошь заставили цѣлый уголъ залы аршинъ въ семь длиной да въ четыре шириной. Но увы, все это разныя сладости, печенья да фрукты, а существеннаго, то-есть обильнаго завтрака все нѣтъ какъ нѣтъ. А вѣсть между тѣмъ уже и очень-таки хочется.

— Когда же наконецъ завтракъ? Чего это они тамъ замѣшались?

На это нашъ Асламбекъ заявляетъ что завтракъ уже давнымъ-давно готовъ, еще съ тѣхъ поръ какъ только что мы сюда пріѣхали.

— Такъ зачѣмъ же не подаютъ?

— Ожидаютъ когда вашей свѣтлости угодно будетъ приказать. Дѣло только за вами.

— Да быть не можетъ! удивился князь.

— Могу васъ увѣрить; я самъ слышалъ распоряженіе толк-сабы.

Хорошо что выяснилось въ чемъ дѣло, а то мы, по недоразумѣнію, и Богъ вѣсть сколько времени заставили бы ихъ прождать, между тѣмъ какъ тѣ, бѣдняки, стоятъ подъ дождемъ да мокнуть.

Черезъ минуту джигиты внесли изобильный завтракъ: прекрасный бульйонъ съ кореньями и мелкими говяжьими катышками (фрикадель); ларовой ловъ по-персидски, гарнированный молодою ягнятиной, курами, горными куропатками и фазанами; говяжьи рубленныя котлеты по-персидски, на видъ въ родѣ польскихъ зразъ, изъ которыхъ каждая обляпляетъ со всѣхъ сторонъ сваренное въ крутую яицо; каурдакъ, жареный барашекъ и еще, и еще, и еще что-то, чего

ни съѣсть, ни перечислить! А въ заключеніе—зеленый чай. Наши почетные провожатые, сановники и всѣ офицеры эскорта въ это же время завтракали въ особомъ помѣщеніи.

Окончивъ эту черезчуръ уже изобильную трапезу, мы, согласно требованіямъ мѣстнаго этикета, выждали столько времени сколько заранее было условлено съ Рахметъ - Уллою, то-есть ровно часъ, и въ часъ пополудни стали облакаться въ свои дорожные костюмы. Въ это время трубачи на улицѣ заиграли „сборъ“, и когда мы вышли изъ воротъ къ экипажамъ, то нашъ почетный эскортъ уже успѣлъ разстаться шпалерой въ одну шеренгу вдоль пути справа. На лѣвомъ, ближайшемъ къ намъ, флангѣ сталъ хоръ музыкантовъ, затѣмъ корпусъ офицеровъ и наконецъ амальдоры. При появленіи посольства раздалась команда толчи-баши, по которой трубачи заиграли „встрѣчу“, а офицеры бывшіе въ строю отсалютовали саблями совершенно такъ же какъ и у насъ; ротные же командиры, въ числѣ сорока одного человѣка, взяли, какъ говорится, „лодь козырекъ“, хотя у нихъ козырьковъ и не полагается. Протѣзжая мимо, князь въ свою очередь отвѣчалъ имъ отдаваніемъ чести, и тутъ мы замѣтили на нѣкоторыхъ изъ нихъ ордена: персидскій „Льва и Солнца“ и еще какія-то мусульманскія звѣзды. Можетъ статься то были знаки новаго ордена „Восходящей звѣзды Бухары“.

Поѣзду нашему предшествовала цѣлая кавалькада пестрыхъ джигитовъ и десятка два эсаудъ-башей, въ бараньихъ шалкахъ и красныхъ чекменяхъ, съ высоко торчавшими изъ-за пояса тростями. То были ординарцы перваначи, толчи-баши и вчерашнихъ бековъ. Въ первомъ экипажѣ ѣхали оба посла, за ними часть казачьяго конвоя; затѣмъ въ коляскѣ князя сидѣлъ перваначи, а остальные слѣдовали верхами. Поѣздъ замыкался хоромъ музыкантовъ, кавалькадою ротныхъ командировъ и наконецъ дивизиономъ амальдоровъ въ колоннѣ справа по шести. Музыканты все время играли разныя восточныя мелодіи, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены были своеобразной красоты и пріятности, хотя, конечно, все это игралось въ унисонъ, ибо азіятская музыка, какъ извѣстно, не знаетъ гармонизаціи. Между прочимъ, въ числѣ этихъ мелодій попалась намъ и старая знакомая, обработанная Юганномъ Штраусомъ въ его извѣстномъ „Персидскомъ маршѣ“; только здѣсь она явилась въ своемъ естественномъ

видѣ, безъ прикрасъ европейской аранжировки, и нельзя сказать чтобъ отъ этого потеряла особенно много. Хоръ состоитъ изъ трубачей (кайнарчи), кларнетистовъ (сурнайчи), флейтистовъ (балабончи) и барабанщиковъ (нагорачи). У первыхъ были обыкновенныя сигнальныя трубы; инструментъ же вторыхъ — *сурна*, собственно говоря, есть не совсѣмъ кларнетъ въ европейскомъ родѣ, а скорѣе дудка съ переборами, издающая нѣсколько рѣзкіе, но яснаго тона звуки. У нея имѣется особаго устройства деревянный амбушюръ, выточенный въ видѣ челночка и насаженный на тростинку, которая вставляется въ дудку; челночекъ во время игры плотно приставляется къ губамъ музыканта совсѣмъ покрывая ихъ собою, и чтобъ извлечь посредствомъ его изъ инструмента музыкальный звукъ, надо дуть въ тростинку очень сильно, что есть мочи, насколько можно судить о томъ на глазъ по крайней степени напряженія надутыхъ щекъ музыкантовъ. Третій инструментъ — *балабонъ*, есть не что иное какъ чеканъ съ переборами и клапанами, сдѣланный изъ латуни и какъ по конструкціи, такъ и по характеру звуковъ довольно близко подходящій къ своему европейскому собрату. Что же до барабановъ — *нагоръ*, то тутъ были всякіе: и турецкіе, и обыкновенные, длинныя и короткіе, мѣдныя и лубковыя, и всѣ они составляли неизмѣнный, но чересчуръ уже громкій акомпаниментъ ко всякой лиесѣ.

Музыканты чередовались между собою, какъ у насъ гарнисты и хоръ. Въ первой очереди играли трубачи, во второй — сурны и балабоны, но несчастнымъ нагорачамъ приходилось работать на своихъ барабанахъ и съ тѣми, и съ другими, безъ передышки.

Шесть верстъ ѣхали мы медлительнымъ шагомъ садами предмѣстья, которое состоитъ изъ двухъ якобы городовъ — Урта-куртана и Шемотана, разграниченныхъ между собою только обыкновеннымъ арыкомъ. Но эти города хотя и имѣютъ каждый свою особую администрацію, въ сущности не болѣе какъ два участка одного и того же пригорода.\*

\* Каждый городъ, по среднеазиатскимъ установленіямъ, сколько бы ни былъ онъ незначителенъ самъ по себѣ, обязательно долженъ имѣть цитадель (аркъ, урда) и кромѣ того глинобитную стѣну. Все что соединено въ предѣлахъ этой стѣны называется городомъ, а что внѣ ея, то — предмѣстья. Сверхъ того въ городѣ обязательно

Точно такимъ же пригородомъ соединяется и городъ Шааръ съ городомъ Китабомъ, имѣющимъ свою особую городскую стѣну и цитадель, а все это вмѣстѣ, окруженное нѣкогда одною общею стѣной, остатки коей сохраняются и понынѣ, составляетъ то что называется Шахрисебсомъ — „зеленымъ городомъ“, который съ прилежащими къ нему землями и кшлаками (всего приблизительно около 40 квадратныхъ миль) пользовался до нынѣшняго эмира правами особаго полунезависимаго владѣнія; часто бунтовался и вель иногда даже войны съ Бухарой.

Въ исторіи Средней Азии Шахрисебсъ знаменитъ какъ родина и наследственный удѣлъ Тимурленга.

Наконецъ приблизились мы къ высокой глинобитной стѣнѣ съ зубчатыми бойницами, окружающей городъ Шааръ, и въѣхали въ одни изъ ея воротъ, называемыя Чиракчинскими (Дарвазия Чиракчи). Ворота эти представляютъ собою двѣ круглыя, усѣчено-коническія башни, построенныя изъ жженого кирпича и соединенныя между собою въ верхней своей части промежуточною надстройкой съ узкими окнами, приспособленными къ оборонѣ подворотнаго пролета. Непосредственно за стѣной начинаются лавки одного изъ городскихъ базаровъ, чайныя дома (чайна-ханѣ), олійныя курильни (кукнаръ-хане) и сѣстывы заведенія, гдѣ на воздухѣ и варятъ, и пекутъ, и жарятъ, отчего на весь околотокъ распространяется смирный запахъ кунджутнаго масла.

Несмотря на дождь, по сторонамъ улицъ и въ лавкахъ толпились массы зрителей, но то были исключительно мужчины. Изрѣдка лишь показывались кое-гдѣ у дверей дѣвочки отъ семи до девятилѣтняго возраста, но не старше; женщинъ же взрослыхъ вовсе не было среди этой толпы. Ихъ можно было замѣтить лишь за рѣшетками рѣдкихъ оконъ или въ глубинѣ темныхъ сѣней, но инныя ухитрялись-таки украдкой выглянуть иногда въ полглаза изъ-за забора, да и то не иначе какъ въ почтительномъ отдаленіи. Это, какъ видно, совсѣмъ не то что наши ташкентскія Сартянки, уже полпривыкшія къ Русскимъ: тѣ въ подобныхъ случаяхъ общественной томаши унижаютъ всѣ плоскія кровли своихъ домовъ

---

должны быть три мечети, изъ коихъ одна, главная, должна вмѣщать въ себѣ все населеніе даннаго города и называется она *дзума* или *дзаль*; въ ней обязательно совершается по пятницамъ чтеніе намазъ-дзума.

и толпятся въ дверяхъ и даже на улицахъ, а которая хоре-  
шенькая, такъ возьметъ еще да будто бы нечаянно, забыв-  
шись, и отведетъ съ лица свой „чиметь“ и раздвинетъ помы  
„паранджи“ \*—„на молъ, кяфыръ, полюбуйся!“

Музыканты, чередуясь между собою, не переставали играть  
все время пока мы ѣхали по городскимъ улицамъ, и громкіе  
звуки ихъ инструментовъ видимо привлекали на путь нашего  
слѣдованія все новыхъ и новыхъ любопытныхъ зрителей.  
Повтому двигаться впередъ съ каждою минутою становилось  
затруднительнѣе, тѣмъ болѣе что толпы мальчишекъ, за-  
глядывая намъ въ лицо и рискуя при этомъ попасть подъ  
лошадей или подъ колесо, гурьбами бѣжали въ припрыжку  
со всѣхъ сторонъ рядомъ съ нашимъ экипажемъ. Словомъ,  
вышла „баашой томаша“, какъ говорятъ наши ташкентскіе  
Сарты.

По такимъ улицамъ гдѣ развороченные камни представля-  
ли собой якобы мостовую, заставлявшую насъ въ экипажѣ  
испытывать жесточайшую тряску, привезли наконецъ наше  
посольство въ кварталъ Таки-Чинаръ, получившій свое на-  
званіе отъ древняго и очень красиваго платана, произраста-  
ющаго въ центрѣ квартала. Это дерево оказалось какъ разъ  
за глумобитнымъ заборомъ отведеннаго намъ дома, такъ что  
его могучія раскидистыя вѣтви освѣляли и часть нашего дво-  
ра. Помѣстили насъ въ посольскомъ домѣ (михманъ-ханѣ),  
который обыкновенно отводится подъ русскихъ гостей и  
посольства, когда таковыя привѣзжаютъ въ Шааръ.

Съ азіатской точки зрѣнія михманъ-ханѣ представляетъ  
достаточно комфорта и простора. Въ переднемъ или наруж-  
номъ дворѣ его (ташкери) помѣщается все что относится къ  
мужскому хозяйству, какъ-то: конюшни, сараи, сѣновалы,  
амбары и мужская приемная, то-есть то что на Кавказѣ на-  
зывается „кунакская“. Во второмъ смежномъ дворѣ сѣва-  
кухни и сакли для прислуги, а также голубятня, курятникъ,  
сушильни для винограда, погребъ для зимнихъ запасовъ дынь,  
арбузовъ и разныхъ фруктовъ,—словомъ, это дворъ домохо-  
зяйственный. Въ третьемъ или внутреннемъ дворѣ (ишкери)  
находятся чистыя помѣщенія, служація обыкновенно для

\* Чиметь—сѣтка изъ конскаго волоса, покрывающая лицо женщи-  
ны, а паранджи—длинный, почти до земли, женскій халатъ, преиму-  
щественно сянгаго цвѣта, накидываемый на голову, безъ котораго  
ни одна Сартянка не выйдетъ на улицу.

гарема, а въ заднемъ задворкѣ отведено мѣсто подъ складъ топлива и вообще для разнаго годнаго и негоднаго хозяйственнаго хлама. Ишкери со всѣхъ четырехъ сторонъ, кромѣ прохода ведущаго въ наружный дворъ, обнесены широкими террасами, вышиною около аршина, гдѣ въ лѣтнее время разбиваются цвѣтныя палатки, а внутренняя часть его занята квадратнымъ прудкомъ (хаузъ), который, въ случаѣ надобности, наполняется водою изъ протекающаго чрезъ дворъ арыка.

Наружныя ворота, ведущія съ улицы въ ташкери, образуютъ крытый проходъ, въ родѣ корридора, который съ лодвигой своей длины заворачиваетъ во дворъ подъ прямымъ угломъ или какъ говорится „глаголемъ“ (Г), для того чтобы ни чей посторонній нескромный глазъ не могъ, хотя бы даже случайно, подглядѣть съ улицы что у васъ дѣлается въ домѣ. \* По всей длинѣ подворотнаго прохода тянутся вдоль стѣнъ глинобитныя скамейки, надъ которыми продѣланы довольно углубленныя ниши, служащія мѣстомъ ночага для караульныхъ сарбазовъ (солдатъ), такъ какъ здѣсь, подъ воротами, обыкновенно располагается почетный караулъ при офицерѣ, отбывающій свою очередь безсмѣнно, на все время пребыванія посольства въ Шаарѣ.

При въѣздѣ нашемъ во дворъ, этотъ караулъ былъ выстроенъ на улицѣ у воротъ и, признаюсь, насъ очень удивило, когда его начальникъ, Персіянинъ, весьма отчетливо скомадовалъ по-русски: „Смирно! на лае-чѣ!... Слушай, на кра-улъ!“ Но въ послѣдствіи оказалось что въ бухарскихъ войскахъ принято всѣ главнѣйшія командныя слова произносить по-русски.

Комнаты отведенныя для посольства отличались нѣкоторыми приспособленіями, видимо имѣвшими цѣль приблизить ихъ къ условіямъ той жизни къ какой мы привыкли у себя

\* Такой способъ постройки наружныхъ входовъ принять въ средне-азиатскихъ городахъ повсемѣстно, будучи освященъ стародавнимъ обычаемъ, именно ради неприкосновенности домашняго быта, которая уважается всѣми настолько что ни одинъ обыватель никогда не позволяетъ себѣ заглянуть черезъ заборъ или съ кровли своей сакаи въ сосѣдній дворъ, почитая это не только за верхъ неприличія, но и за дѣланіе прямо оскорбительное для сосѣда, за которое тотъ можетъ притянуть оскорбителя къ суду. Впрочемъ, правило это не касается женщинъ, которыя зачастую пользуются кровлями для разговора или перебранки съ сосѣдками, если во дворѣ на ту пору нѣтъ ни одного мужчины.



дома. Такъ, въ каждой изъ нихъ стояло по одной маленькой переносной печкѣ изъ листоваго желѣза; верхнія окна затануты были коленкоромъ, а въ нижнія вставлены тоненькія стеколячатыя рамы, что впрочемъ нисколько не мѣшало холодному воздуху преисправно проникать къ намъ извнѣ сквозь ихъ замазанные щели; стѣны, вмѣсто обоевъ, были сплошь обиты ярко-цвѣтнымъ московскимъ ситцемъ съ такими оригинальными и красивыми рисунками какихъ вы никогда не увидите въ Россіи, такъ какъ эти спеціальныя сорта ситцевъ изготовляются нѣкоторыми нашими фабриками исключительно для средне-азиатскихъ рынковъ; глиняныя лоды были сплошь застланы коврами: словомъ сказать, на всемъ замѣчалась забота придать этому помѣщенію какъ можно болѣе удобства и уютности. Въ пріемной комнатѣ стоялъ изобильный достарханъ, перемѣнявшійся потому чуть не каждое утро, и такъ какъ въ ней пришлось помѣститься князю, то она, по его выраженію, обратилась въ кондитерскую лавку, которая привлекала къ своимъ сладостямъ множество мухъ, пробужденныхъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, благодаря исправной топкѣ желѣзной печи. Это являлось очень большимъ неудобствомъ, но... ради этикета невозможно было отказаться отъ ежедневно подновляемаго достархана или приказать вынести его куда-либо въ другое мѣсто: онъ неукоснительно долженъ былъ оставаться въ комнатѣ главнаго лосла во все время пребыванія посольства въ этомъ городѣ.

Сопровождавшіе насъ сановники, введя посольство въ домъ, ради этикета разсѣлись съ нами вокругъ достархана, но черезъ минуту послѣшили откланяться, отговариваясь тѣмъ что послѣ такого утомительнаго пути дорогимъ гостямъ ихъ повелителя прежде всего нужно полное отдохновеніе.

Но на двѣ отдохновеніе настало для насъ еще не скоро: не успѣли сановники удалиться со внутренняго двора какъ процессія джигитовъ, по вчерашнему, гуськомъ, уже направилась съ кухоннаго двора въ нашу пріемную съ дымящимися блюдами, и двое приставовъ съ почтительною любезностью пригласили насъ откусать. Этикетъ на Востокъ — прежде всего, и ради этикета сколько бы вы ни были сыты, но отказаться отъ ѣды не имѣете права, а иначе покажете себя большой руки невѣжей. Но ѣсть надо не скоро, не торопясь, а такъ сказать „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ постановкой“, потому что быстрая ѣда, все равно какъ и громкій разговоръ, опять-таки невѣжество, нарушеніе этикета.

Здѣсь все надо дѣлать не торопясь, съ подобающею важно-  
стію и достоинствомъ. На этотъ разъ въ *тепи* обѣда фигу-  
рировалъ главнѣйшимъ образомъ разнообразныя супы и  
похлебки: супъ съ фрикаделью, супъ съ калустой, супъ съ  
коремями, пельмени въ бульонѣ, далша, бульонъ говяжій,  
бульонъ куриный, шурпа изъ баранины, разварная ягнятина  
съ соусомъ изъ сметаны съ чеснокомъ (бырлю) и пр. Все  
это было очень вкусно, но каково было все это ѣсть послѣ  
недавняго завтрака, который самъ по себѣ стоилъ добраго  
обѣда! А ничего не подблещь.

Во время обѣда, случайно взглянувъ въ окно, я увидѣлъ во  
дворѣ у насъ прелюбопытную сценку: казачій „приказный“ съ  
обнаженною шапкой рядомъ съ бухарскимъ дяхъ-баши \* за  
которымъ слѣдовалъ аляманъ (рядовой), и тотъ и другой съ  
ружьями на-плечо, шли смѣнять съ поста казака-часового,  
выставленнаго предъ входомъ въ помѣщеніе князя. Смѣна  
казака аляманомъ произошла по приемамъ нашего устава, ко-  
торый, какъ видно, довольно знакомъ бухарскимъ сарбазамъ.  
Съ этой минуты до дня нашего отъѣзда изъ Шаара кара-  
ульный постъ на внутреннемъ дворѣ занимали исключительно  
сарбазы. Прочіе посты выставались отъ ихъ же карау-  
ла: однимъ у вѣшнихъ воротъ при помѣщеніи караульнаго  
взвода, другой на особомъ экипажномъ дворѣ и третій при  
кухнѣ.

Послѣ обѣда явился Рахметъ-Улла токсаба для перегово-  
ровъ насчетъ дня представленія посольства эмиру. Услови-  
лись что представимся завтра.

Вечеромъ, въ девятомъ часу, казаковъ вывели въ строй къ  
„зорѣ“, которую протрубилъ имъ трубачъ, послѣ чего люди  
согласнымъ хоромъ пропѣли обычныя молитвы. Караульные  
сарбазы издали съ живымъ любопытствомъ смотрѣли на эту  
церемонію, перекидываясь между собой какими-то замѣча-  
ніями; но чуть лишь раздалось лѣвіе молитвъ какъ они  
вдругъ замолкли и выслушали ихъ стоя, даже съ нѣкото-  
рымъ чувствомъ если не благоговѣнія, то уваженія подоба-  
ющаго молитвѣ, кто бы ни произносилъ ее. Черта вовсе не  
выдающаяся въ здѣшнихъ мусульманахъ особеннаго религіоз-  
наго фанатизма.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

\* Приказный у казаковъ и дяхъ-баши (десятникъ) у бухарскихъ  
сарбазовъ соответствуютъ чину ефрейтора.

---

## ФЛОРЕНТИНСКАЯ

# „ОБЩИНА МИЛОСЕРДІЯ“

---

Каждому побывавшему во Флоренціи случалось вѣроятно не разъ, проѣзжая верхомъ по узкимъ улицамъ города, встрѣчать погребальную процессію и испытывать особенно тяжелое чувство при этомъ зрѣищѣ, которое здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣетъ таинственный, зловѣщій характеръ.

При слабомъ, неровномъ мерцаніи факеловъ вы видите цѣлую группу людей съ головы до ногъ одѣтыхъ въ черное и въ черныхъ маскахъ мѣрно, торжественно выступающихъ подъ ношею гроба, покрытаго чернымъ; прохожіе сторонятся съ почтеніемъ говоря: „è la Misericordia che passa“! \* Эти мѣрные шаги, эти черныя одѣянія, это освѣщеніе, все производитъ удручающее тяжелое впечатлѣніе, и невольно является вопросъ: что значать эта таинственность, эти маски? Отчего народъ относится къ этому съ такимъ сочувствіемъ и уваженіемъ?

Иной разъ встрѣчаешь эту процессію и днемъ, но гробъ тогда зашнѣвается носилками и черное покрывало бываетъ приподнято съ одной стороны. Это все та же „Misericordia“ переноситъ какого-нибудь больного изъ дома въ больницу.

\* „Община Милосердія идетъ“.

Мѣрнымъ, такимъ шагомъ обходитъ она весь городъ, и гдѣ бы ни услышала про какой-либо несчастный случай, всюду послѣдетъ и принесетъ облегченіе; и дѣлаетъ она свое дѣло безо всякаго шума, безъ тщеславія, съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и самоотреченіемъ.

Община Милосердія *Misericordia* есть учрежденіе очень старинное и дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ свое наименованіе. Члены ея всѣ называются *Братьями Милосердія*, всѣ равны между собой и всѣ обязаны нести службу. Всѣ Флорентинцы безъ разбора сословія, званія или чина принимаютъ въ ней дѣятельное участіе, состоящее не въ однихъ денежныхъ пожертвованіяхъ, но и въ мускульной работѣ, отбываемой каждымъ изъ нихъ поочередно. Впрочемъ, изъ уваженія къ первоначальной мысли ея основателя, который самъ былъ простолюдинъ, въ главныя должности выбираются преимущественно люди не благороднаго званія, и всѣ правила коими руководится общество носятъ именно первобытный христіанскій, уравнительный характеръ. Вслѣдствіе этого, и костюмы всѣмъ членамъ предписано носить совершенно одинаковые, черные, и строго наблюдается за тѣмъ чтобъ они во все время исполненія своихъ обязанностей сохраняли черную маску на лицѣ.

Постараюсь изложить въ краткихъ словахъ цѣль Общества, его основаніе, исторію его дѣятельности до нашихъ временъ и наконецъ начала на коихъ оно основано.

Цѣль этого Общества опредѣляется однимъ словомъ служащимъ ему и девизомъ и наименованіемъ—*милосердіе*, въ самомъ широкомъ, въ самомъ полномъ его примѣненіи: милосердіе къ дѣтямъ, милосердіе къ больнымъ, милосердіе къ бѣднымъ и нищимъ, милосердіе ко всему живущему, страдающему и нуждающемуся въ помощи.

Флоренція, какъ извѣстно, была во время оно обязана своимъ могуществомъ преимущественно торговлѣ, и самый зажиточный классъ весь принадлежалъ къ торговому сословію. Главнымъ предметомъ вывоза и разработки въ Средніе Вѣка была шерсть. Торговцы ею собирались съ этою цѣлью на площади *Santa Maria del Fiore* или *del Duomo* (собора), и тамъ производили всѣ свои переговоры. Такъ какъ шерсть привозилась сюда со всѣхъ концовъ города и на мѣстѣ же сбывалась, то здѣсь же на площади *Santa Maria del Fiore* всегда были въ значительномъ числѣ (отъ семидесяти

до восьмидесяти) нужны для того носильщики или „*fascine*“. Въ свободное отъ занятій время они собирались въ находившуюся тутъ же, на площади винную лавку и тамъ проводили время въ праздности и играхъ, грѣясь вокругъ огня.

„Случилось такъ что около 1240 года въ числѣ находившихся тутъ семидесяти или восьмидесяти носильщиковъ былъ и нѣкто Пьеро Борси, сынъ Луки, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и глубоко чтившій святое имя Господне; возмущенный тѣмъ что ему приходилось на каждомъ шагу слышать отъ грубыхъ своихъ товарищей богохульства на Творца всего міра, онъ, въ качествѣ старѣйшаго изъ нихъ, рѣшился предложить имъ чтобы каждый разъ какъ одинъ изъ нихъ произнесетъ хулу на Господа или на Пресвятую Матерь Его, онъ долженъ будетъ немедленно въ наказаніе за такое преступленіе внести одну *scagio* (старинная монета въ семь сантимовъ, составлявшая  $\frac{1}{8}$  *paolo*; Passerini говоритъ что это просто нѣмецкое слово—Kreutzer, передѣланное на италіанскій ладъ) въ копіяку нарочно для того предназначенную; онъ надѣялся при помощи этого наказанія искоренить подобное беззаконіе и тяжкій грѣхъ. Предложеніе понравилось всемъ товарищамъ Пьеро; они обѣщали принять его и строго соблюдать для вящей славы Творца.“

Приведенный разказъ находится во всѣхъ сочиненіяхъ относящихся къ этому учрежденію и выписанъ изъ хроники того времени, повѣствующей о всевозможныхъ событіяхъ.\* Такимъ образомъ, преступленіе противъ третьей заповѣди послужило поводомъ къ учрежденію оказавшему свое благотворное вліяніе на всѣ Средніе Вѣка и составляющему до сихъ поръ справедливый предметъ гордости Флорентинцевъ и удивленія иностранцевъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, Пьеро увидалъ что въ копіякѣ набралась значительная сумма и сдѣлалъ новое предложеніе своимъ товарищамъ, а именно спросилъ не хотятъ ли они завести шесть корзинъ, въ которыхъ здоровые и привычные къ дѣлу носильщики могли бы разносить или несчастныхъ нечаянно улавлившихъ съ постройки, или такихъ съ которыми случилось что-нибудь по дорогѣ, или наконецъ просто больныхъ изъ одного дома въ другой или въ больницу. Въ вознагражденіе за это они должны были

\* Ghislieri. *Cronaca*.

требовать одинъ *paolo* (56 сантимовъ, около 20 копѣекъ) съ каждаго больного. Эти деньги предназначались на поддержку учрежденія и необходимые мелкіе расходы, равно какъ и деньги которыя продолжали собираться въ копилкѣ; издержки же необходимо должны были возникнуть съ развитіемъ дѣятельности факиновъ. Въ то же время строго предписано было отказываться отъ всего что превышало бы эту сумму, такъ какъ дѣло это было предпринято исключительно въ видахъ *милосердія*. Предложеніе было снова принято единогласно, и для обсужденія могущихъ возникнуть по этому поводу вопросовъ рѣшено было собираться въ различныхъ церквахъ чтобы толковать о дѣлахъ своей новой службы; но вскорѣ послѣ того, видя что приношенія щедро сыплются, Борси рѣшилъ собрать деньги на постройку небольшого помѣщенія для собранія и молитвы. Эта мысль всѣмъ понравилась: въ тотъ же день собрано было столько денегъ что онѣ уже не могли помѣститься въ копилкѣ. Въ 1352 году городъ пожертвовалъ юному учрежденію клочокъ земли въ такъ-называемомъ *Corso degli Adinaigi* недалеко отъ *Santa Maria del Fiore* и тамъ была построена церковь Св. Христофора, которая долго служила Братьямъ Милосердія мѣстомъ собранія.

Надо однако замѣтить что хотя легенда о происхожденіи этого братства чрезвычайно распространена, тѣмъ не менѣе многіе сомнѣваются въ ея достоверности. Между прочимъ *Passerini* \* не только не допускаетъ чтобъ основателемъ его былъ Борси, но даже отрицаетъ демократическое происхожденіе этого учрежденія, говоря что въ самыхъ старинныхъ реестрахъ общины упоминаются только лучшія и знатнѣйшія фамиліи города, а такъ-называемымъ *grembiuli* (передники, фартуки, то-есть люди низшаго сословія) дозволено было поступать только гораздо позднѣе, во время эпидемій, для пополненія комплекта. Намъ кажется что невозможно отрицать фактъ такъ живо сохранившійся въ памяти народной. Очень можетъ быть что прежде существовало какое-нибудь братство, схожее съ этимъ\* по духу. Легко можетъ быть и то что конгрегация факиновъ, выбравшая себѣ патрономъ Иоанна Крестителя, именно и присоединилась къ этому давнѣйшему учрежденію и придала Братству Милосердія

\* *Passerini. Istituzioni di Beneficenza.*

то значеніе и извѣстность который его прославили. А эта конгрегация вѣроятно была основана Пьеро Борси, сыномъ Луки.

Кстати, у старинныхъ Флорентинцевъ существовалъ обычай, сходный съ нашимъ, прибавлять къ имени каждаго человека имя его отца, короче, называть по-батюшкѣ. Такъ въ старинной хроникѣ при обозначеніи выбранныхъ отъ города капитановъ вы встрѣчаете слѣдующія имена: *Salvestro d'Aldobrando Aldobrandini*, *Giovacchino di Raffaello Guasconi*, *Giovanibattista di Lionardo Giacomini*, *Carlo di Giuliano Mancini* и т. д. Точно также каждый разъ что упоминается имя Пьеро, прибавляется *di Luca*. Но *Passerini* оспариваетъ и этотъ фактъ и говоритъ что отецъ Пьеро назывался вовсе не Лука, а Герардо; но это такъ мало относится къ дѣлу что мы не станемъ входить въ препирательства. Не имѣя болѣе точныхъ данныхъ, мы считаемъ болѣе правильнымъ, не взирая на то что говоритъ *Passerini*, привести тѣ какія есть и которыя подтверждаются многими изслѣдователями, чѣмъ предпринимать розыски по поводу вопроса который нынѣ весьма трудно разрѣшить. Во всякомъ случаѣ, одно остается несомнѣннымъ, въ *Oratorio* или часовнѣ этой Общины находится большой портретъ Пьеро Борси въ красной рубашкѣ простаго носильщика тѣхъ временъ и все Братство чтить его память какъ основателя этого учрежденія. Но такъ какъ всѣ книги Общины погибли во время наводненія 1557 года, то этотъ вопросъ вѣроятно на вѣки останется неразрѣшеннымъ.

Наибольшее значеніе и силу Братство Милосердія приобрѣло во время свирѣпствовавшей во Флоренціи чумы, возобновлявшейся каждые три, четыре года и наводившей на жителей такую панику что они толпами покидали городъ. Усердіе и рвеніе выказанныя Общиной въ эту эпоху всеобщей деморализаціи были поистинѣ геройскія.

Самая ужасная чума какая когда-либо олустрошала Европу была въ 1346—48 годы. Перешла она, какъ почти всѣ эпидеміи, съ Востока, изъ Верхней Индіи и близъ лежащихъ провинцій, гдѣ она началась въ 1346 году. Олустрошивъ всю Азію, Европу, Египетъ и сѣверный берегъ Африки и пробывъ отъ пяти до шести мѣсяцевъ въ каждой изъ этихъ мѣстностей, она наконецъ въ 1348 году разразилась и надъ Флоренціей. Главнымъ признакомъ чумы было кровохарканіе;

у многихъ кромѣ того появлялись особаго рода чирьи подъ мышками, и въ рѣдкихъ случаяхъ помогало если этотъ нарывъ прижигали; по большей части зараженные умирали послѣ двухъ, трехъ дней невыносимаго страданія; зараза была такъ сильна что достаточно было приблизиться на минуту къ больному чтобы самому заболѣть безо всякой надежды на выздоровленіе. Варки разказываетъ что однажды по городу везли хоронить мертваго на простой телѣжкѣ, безъ молитвъ, безъ священника, безъ свѣчей, безъ друзей и родни; случилось такъ что въ это время шелъ мимо молодой человекъ. Со свойственнымъ молодости желаніемъ прихвастнуть и выказаться онъ всунулъ голову свою въ телѣжку и оставилъ ее тамъ на нѣсколько секундъ. Въ тотъ же день онъ слегъ въ постель и умеръ нѣсколько дней спустя. „Смертность въ это время была огромная и такова что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тѣ мѣстности въ которыхъ свирѣлствовала чума до сихъ поръ еще не приобрѣли числа жителей равнаго тому которое вымерло“. \* Боккаччио говоритъ что во Флоренціи умерло сто тысячъ человекъ въ шесть мѣсяцевъ. Это число однако преувеличено. Хотя описаніе чумы Боккаччио и приобрѣло всемірную извѣстность, благодаря своей художественности, тѣмъ не менѣе многіе ему не вѣрятъ, такъ какъ онъ самъ постоянно старался держаться какъ можно дальше отъ Флоренціи, скрываясь отъ чумы то на берегахъ Неаполитанскаго залива, то на холмахъ въ окрестностяхъ Флоренціи. Многіе говорятъ что, увлекаясь желаніемъ дать правдивую картину всѣхъ ужасовъ этого бѣдствія, онъ просто-на-просто списалъ II книгу Эукидида. Ландино, болѣе добросовѣстный, говоритъ что во Флоренціи гибло до шести сотъ человекъ въ день. А изъ хроники Villani явствуетъ что въ этотъ годъ умерло 60% всѣхъ жителей, а всего слѣдовательно умерло 54.000 человекъ. \*\*

Въ этотъ годъ *Misericordia* получила вспоможеніе въ 35.000 флориновъ золотомъ для раздачи бѣднымъ. Сумма эта въ наши дни можетъ считаться въ нѣсколько разъ большею, такъ какъ въ то время Америка еще не была открыта, а потому золото цѣнилось гораздо выше. Кромѣ того, Община обогатилась еще въ этотъ годъ значительными доходами, оставленными ей по завѣщанію нѣкоторыми изъ богатыхъ, за которыми

\* См. *Osservatore Fiorentino*.

\*\* Giovanni Villani, *Cronaca*.



ей пришлось ходить во время эпидеміи. Достоянна замѣчанія при этомъ та добросовѣстность съ какою относилась Община къ оставляемымъ ей богатствамъ. Многихъ хлопотъ надѣлало ей, между прочимъ, состояніе оставленное ей нѣкимъ *Neri Boscoli*, проведшимъ всю свою жизнь въ Неаполѣ и тамъ нажившимъ несмѣтныя богатства. Такъ какъ, всѣмъ было извѣстно что состояніе это нажито нечестно, то-есть при помощи ростовщичества и огромныхъ процентовъ взимаемыхъ съ несчастныхъ, то братья, не желая пользоваться кровью высосанною изъ столькихъ жертвъ, порѣшили собрать чрезвычайное торжественное засѣданіе, въ которомъ участвовали знаменитѣйшіе богословы того времени. Всѣ они единогласно рѣшили что Братство имѣетъ полное право принять это наследство, такъ какъ доходы съ него предполагалось употреблять на пользу благотворительности и такимъ образомъ бѣднымъ возвратилось бы то что было отнято у бѣдныхъ. Исключеніе было сдѣлано только въ пользу тѣхъ кто могъ привести неопровержимыя доказательства что потерпѣлъ отъ корыстолюбія *Boscoli*. Таковымъ возвращали все ихъ состояніе.

Флоренція обязана этому Братству многими полезными учрежденіями. Между прочимъ въ 1407 году по инициативѣ общины сдѣланъ былъ первый опытъ статистики, равне всей остальной Европы. Рѣшено было, по совѣту братьевъ, всѣхъ младенцевъ рождающихся въ городѣ крестить въ одной церкви св. Іоанна Крестителя; при этомъ въ особую книгу записывали какъ полъ ихъ такъ и кварталъ гдѣ они родились, а также мѣсяцъ и день рожденія. Обычай этотъ сохранился до сихъ поръ, почему и церковь въ которой происходитъ обрядъ крещенія прозвана *Battistero*. Точно также потомъ стали записывать и усолпихъ. Въ послѣдствіи республика, увидавъ пользу этой системы, переняла ее у Общины.

Половина XV вѣка была роковою эпохой для Общины. Она какъ будто ступешивается на время, прекращаетъ свою дѣятельность и теряетъ значеніе. Это произошло вслѣдствіе распоряженій Козьмы Медичи, который оказывалъ свое покровительство другой, схожей съ этою, конгрегаціи *del Bigallo*. По наущенію *Отца Отечества*, республика рѣшила въ 1425 году соединить обѣ общины въ одну. Возвышая общину *del Bigallo*, Козьма Медичи надѣялся совсѣмъ уничтожить ненавистное ему Братство Милосердія. И дѣйствительно, оно

на время притихло, и нигдѣ не упоминается болѣе о тѣхъ богатыхъ милостыняхъ коими оно во время оно такъ щедро надѣляло бѣдныхъ. Къ тому же, между братьями завелся пагубный обычай давать известное вознагражденіе каждому изъ членовъ, а это окончательно шло въ разрѣзъ съ духомъ въ которомъ оно было учреждено.

„Это все было слѣдствіемъ интригъ Козьмы“, замѣчаетъ Passerini: „разрушая общественную нравственность и истинная добродѣтель, этотъ глубокой политикъ отлично понималъ что хорошихъ работъ можно сдѣлать только изъ людей вполне развращенныхъ и что пока во Флоренціи цѣнятся безкорыстіе и другія добродѣтели присущія стариннымъ республикамъ, власть его въ ней не можетъ быть прочна. Итакъ, *Misericordia* пала жертвой медичейскаго честолюбія!“

Впрочемъ это продолжалось недолго, и въ 1480 году республика увидала какую пользу можно извлечь изъ этого общества. Произошло это вотъ по какому поводу: въ этотъ годъ умеръ нѣкій бѣднякъ, Giovanni Gelli; видя его крайнюю бѣдность, священникъ того прихода гдѣ онъ жилъ считалъ болѣе удобнымъ не хоронить его вовсе и не обратилъ никакого вниманія на настойчивыя упрашиванья его родственниковъ. Тогда тѣ рѣшились на крайнее средство. Взявъ тѣло покойника, они принесли его въ *Palazzo della Signoria*, то-есть во дворецъ гдѣ жилъ гонфалоньеръ или временный главный начальникъ города, бросили трупъ у ногъ гонфалоньера и на вопросъ того „что это такое?“ отвѣчала: „это прямое слѣдствіе несоблюденія законовъ которые намъ и предшественникамъ вашимъ надлежало чтить и приводить въ исполненіе“. \* Сказавъ это, они удалились. Это обстоятельство вызвало немедленно безпорядки въ легко волновавшемся флорентинскомъ народѣ; наиболѣе разумные потребовали чтобы, въ виду корыстолюбія священниковъ, ихъ нерадѣнія и волющаго беззаконія, республика сама позаботилась хоронить своихъ мертвыхъ. Тогда на общемъ собраніи постановлено было чтобы Община Милосердія взяла на себя разъ навсегда обязанность хоронить всѣхъ умершихъ въ городѣ и переносить больныхъ въ госпитали.

Этотъ случай далъ толчокъ дремавшей дѣятельности Общины, и она энергично принялась за реорганизацію всѣхъ

\* См. Filippo Tornabuoni. *Ricordanze*.

статуты. Около этого времени *Misericordia* отдѣлилась также отъ вредившей ей общины *del Bigallo*, хотя та все-таки сохранила за собою право присылать своего начальника или одного изъ членовъ на всѣ собранія первой. А для предупрежденія корыстолюбивыхъ замысловъ *Misericordia* порѣшила не оставлять за собою никакихъ движимыхъ имуществъ, а предоставить ихъ всѣ во владѣніе общины *del Bigallo*, которая должна была ежегодно выплачивать ей доходы съ нихъ для раздачи бѣднымъ. Число постоянныхъ членовъ было назначено 72, въ память 72 учениковъ Господнихъ. Все Братство раздѣлилось подъ управленіемъ восьми человекъ, или *capitani*, имѣющихъ одного главу или распорядителя. Въ то же время стали употреблять, вмѣсто прежнихъ корзины, носилки имѣющія форму постели съ матрасомъ и съ холстяною покрывкой; причемъ было постановлено чтобъ ихъ всегда носили четверо и чтобы четверо другихъ находились тутъ же для снѣны. Эта эпоха возрожденія Братства отличается усиленною дѣятельностью и хлопотами по организаціи его. Устанавливаются болѣе точныя правила, чередованія и службы, кстатц измѣняется также и цвѣтъ одѣянія: вмѣсто красныхъ блузъ, какія въ то время составляли костюмъ носильщиковъ, рѣшено было сдѣлать все одѣяніе черное и черныя же маски на лицо, дабы такимъ образомъ лучше сохранять тайну и равенство членовъ между собой.

Въ 1495 году, въ вѣдѣніе огромныхъ услугъ оказанныхъ Общиной во время чумы, для нея испросили отъ папы разрѣшеніе отгнѣвать мертвыхъ въ какой угодно церкви и оттуда хоронить ихъ по своему усмотрѣнію. Это было гораздо удобнѣе для братьевъ чѣмъ собирать всѣ трупы въ тѣсное помѣщеніе церкви Св. Христофора.

Съ этихъ поръ Община стала быстро процвѣтать и приносить несомнѣнную пользу, такъ что въ 1499 году республика поручила ей какъ уходъ за зачумленными, такъ и изысканіе наивысшихъ средствъ для предупрежденія и леченія заразы. Желая также придать своему поощренію болѣе глубочайшій характеръ, республика разрѣшила выдавать на поддержаніе Общины извѣстный процентъ съ налоговъ на вино и соль и съ другихъ доходовъ. Въ послѣдующіе годы республика все увеличивала выдаваемую Братству субсидію. Въ его пользованіе предоставлено было также значительное количество госпиталей, а въ послѣдовавшіе за тѣмъ годы

число больницъ отданныхъ въ его распоряженіе стало возрастать. Неудивительно что подобное частное предпріятіе могло разростись такъ быстро если припомнимъ что въ Средніе Вѣка въ Италіи всякія ассоціаціи подобнаго рода были чрезвычайно распространены, а въ особенности если онѣ, подобно этой Общинѣ, имѣли еще религіозный оттѣнокъ. Больницъ одно время развелось такое множество что, по замѣчанію одного писателя, можно было раздѣлить все общество на три класса: богомольцевъ, больныхъ и людей за ними ухаживающихъ. Не было ни одного, самаго крошечнаго монастыря, гдѣ бы больные не находили себѣ временнаго пріюта. Правда что и болѣзни въ тѣ времена производили большія опустошенія чѣмъ теперь; у насъ теперь совсѣмъ исчезли болѣзни подобныя чумѣ, проказѣ и такъ-называвшемуся антонову огню, которыя въ прежнее время такъ жестоко свирѣпствовали по всей Европѣ, наводя ужасъ на ея населенія. Сила воли и неутомимая энергія въ преслѣдованіи доброй цѣли не только въ наши времена, но и всегда дѣлали чудеса и побуждали народъ. Кто не читалъ написанныхъ въ нынѣшнемъ году статей Максима Дюкана въ *Revue des deux Mondes* о частной благотворительности въ Парижѣ? Строки эти дышатъ любовью и искренностію и краснорѣчиво доказываютъ какъ достаточно внутренняго убѣжденія чтобы достигнуть громаднхъ результатовъ. Кто не заломилъ величаваго образа крестьянки Жанны Жюганъ и не менѣе симпатичнаго облика Madame Гарнье! Двѣ простыя, необразованныя женщины, лишеныя всякихъ матеріальныхъ средствъ и не одаренныя особенною физическою силою, нашли въ себѣ достаточно энергіи и смѣлости чтобы не только завести и при помощи неутомимаго труда поддержать госпиталь, но и расширить его и въ блестящемъ видѣ передать своимъ послѣдовательницамъ. Какихъ великихъ нравственныхъ и матеріальныхъ результатовъ можно было бы достигнуть еслибы всѣ отъ мала до велика прониклись тою старою, но несомнѣнною истиною что „vouloir, c'est pouvoir“!

Одною изъ немалыхъ заслугъ Братства можетъ считаться забота о сиротахъ и дѣтяхъ покинутыхъ родителями. Попеченіе о нихъ было возложено на Общину великимъ герцогомъ Тосканскимъ (эпоха не ясно указана, а потому мы не знаемъ навѣрное которымъ изъ нихъ). Онѣ поручилъ Общинѣ заведеніе недавно основанное для малолѣтнихъ дѣтей. Присоединяя

этотъ пріютъ къ Общинѣ Милосердія, правительство имѣло двойную цѣль: сократить расходы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заручиться покровительствомъ людей уже испытанныхъ въ дѣлѣ благотворительности. Въ этомъ заведеніи воспитывались дѣти обоаго пола, и всѣ они обучались ремесламъ. Мальчики оставались до восемнадцати лѣтъ, а дѣвочки до возможности получить какое-нибудь занятіе въ школы. Число принятыхъ дѣтей такъ разрослось современемъ что, не зная болѣе куда ихъ дѣвать, рѣшили занимать ихъ земледѣліемъ. На площади собора до сихъ поръ находится изящная *loggetta* (родъ закрытой террасы), построенная Орканъей, гдѣ Братья имѣли обыкновеніе оставлять за рѣшеткой покинутыхъ малютокъ въ надеждѣ что родители ихъ признаютъ.

Къ сожалѣнію, недостатокъ документовъ за эту первую эпоху лишаетъ насъ возможности ближе прослѣдить эту отрасль занятій Братства. Пассерини справедливо замѣчаетъ что одно это учрежденіе доказываетъ, насколько Флоренція опередила остальную Европу на пути человѣколюбія и цивилизаціи, ибо нигдѣ почти до нашихъ дней мы не встрѣчаемъ учрежденія подобнаго этому.

Въ 1519 году чума снова разразилась во Флоренціи съ ужасающею силою и, по словамъ Ландина, была удалена только благодаря чудотворной иконѣ *Santa Maria del Impruneta*, которую нарочно привезли въ городъ. Въ то время какъ все вокругъ унывало и теряло голову, братья неутомимо исполняли свои обязанности, а для большаго успокоенія взволнованныхъ умовъ придумывали различныя процессіи чтобы при помощи религиозныхъ обрядовъ нѣсколько разсѣять всеобщую панику и дать другое направленіе общественной мысли.

Для болѣе полнаго понятія о томъ что требовалось отъ Братевъ въ такія тяжкія годыны народныхъ бѣдствій, разкажемъ со словъ Варки нѣкоторыя подробности чумы 1527 года, унесшей до шестидесяти тысячъ жертвъ.

„Едва только чума появилась въ одномъ кварталѣ города, его тотчасъ оцѣлили и прервали сообщеніе съ остальными. Но неосторожность одного изъ зачумленныхъ вскорѣ распространила заразу на весь городъ, и тогда между жителями произошла неописанная паника. Всеобщій страхъ смерти дошелъ до того что завѣщанія писались на улицѣ и жители громко во всеуслышаніе исповѣдывались другъ предъ другомъ и каялись во грѣхахъ своихъ на крышахъ домовъ и на улицѣ.

Подобныя смутныя эпохи исторіи служатъ наилучшимъ доказательствомъ того что въ человѣческой природѣ, на ряду съ самыми низкими наклонностями, неизмѣнно уживаются и постоянно обнаруживаются самыя высокія и благородныя качества. Такъ въ этотъ тяжелый 1527 годъ мы видимъ рядомъ съ самыми эгоистичными и подлыми дѣйствіями проявленія рѣдкаго геройства и самоотверженія. Мы съ негодованіемъ отворачиваемся отъ тѣхъ которые пользуются общою смутой чтобы подъ шумокъ заниматься собственными дѣлишками: обкрадывать живыхъ и мертвыхъ, грабить, буйствовать и всячески неистовствовать. Не избѣгаютъ нашего осужденія, а пожалуй и презрѣнія, даже и тѣ кто, не взирая на общую опасность и бѣдствія, преспокойно удаляются изъ зачумленнаго города, такъ что, не безъ провіи замѣчаетъ Варки, „изъ частныхъ мѣръ принятыхъ противъ заразы одна изъ главныхъ состояла въ томъ что богачи, подъ тѣмъ предлогомъ что лучшее средство противъ заразы покинуть городъ какъ можно раньше, а возвратиться въ него какъ можно поздне, оставивъ отечество, родныхъ и друзей, отправились себѣ съ Богомъ или въ дальнія мѣстности, или же въ лежащія возлѣ города деревни и виллы. Тѣ же кого бѣдность принуждала оставаться во Флоренціи строго наблюдали за тѣмъ чтобы ни съ кѣмъ не сообщаться и даже, встрѣчаясь на улицѣ, приветствовали другъ друга словами: „*viamo chiaretti*“, то-есть будемъ держаться подалеже другъ отъ друга. Врачи одни изъ нервныхъ покинули городъ, и должность ихъ стали исправлять слесари, кузнецы, шеретобиты, саложники и другіе ремесленники, а иной разъ и женщины, запрашивая неслыханныя, безобразныя цѣны за свой трудъ“.

Мы удивляемся подобному эгоизму, мы негодуемъ, но въ то же время мы сознаемъ что все это въ природѣ человечества, присуще и врожденно ему, и вдумываясь хорошенько, мы не знаемъ, какъ бы сами поступили въ подобномъ случаѣ: не позаботились ли бы мы прежде всего о предохраненіи собственнаго бреннаго тѣла? И, что главнѣе всего, наши бы еще тысячу извиненій для самихъ себя. Какъ же относиться къ тѣмъ истиннымъ носителямъ идеала у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, которые, испытавъ опас-

\* Warchi. Vol. II.

ность и вполне сознавая ее, видя ее всюду вокруг себя, тѣмъ не менѣе смѣло и безъ устали ведутъ съ нею борьбу, не считывая на награду, напротивъ ожидая бѣдствія какъ себѣ такъ и своимъ близкимъ и дѣлающимъ это единственно по чувству долга! Какъ не восторгаться подобными личностями!

А такихъ героевъ въ это грустное время явилось не мало, и набирались они изъ той же среды слесарей, кузнецовъ и шерстобитовъ изъ какой выходили негодяи, мошенники и воры. Принадлежали они по большей части къ Братству Милосердія. Братство выбрало изъ своей среды комиссію изъ пяти членовъ, пользующихся всѣми полномочіями и обязанныхъ слѣдить за тѣмъ чтобы ни въ одинъ изъ восьми тогдашнихъ воротъ Флоренціи не проникало новыхъ зачумленныхъ, а также чтобы такъ-называемые *подозрѣваемые* въ заразѣ не сообщались со здоровыми. Подозрѣвались же всѣ хотя бы только говорившіе съ больными. Подобнымъ людямъ надѣвzлось на плечи или вокругъ талии такъ чтобы вслѣдїи могъ видѣть издали бѣлое полотенце или цвѣтъ какаѣ бѣлая повязка. Такъ какъ всѣ больницы были наполнены, то Общинѣ пришлось построить нѣвѣ города хижины изъ досокъ и соломы, куда размѣстили всѣхъ заболѣвшихъ. Лидія хижины простиралась отъ *Porta la Croce* до *Porta Prato*, что составляетъ приблизительно разстояніе въ 3, километровъ, то-есть три версты 140 сажень. Но такъ какъ и этого помѣщенія было недостаточно, то два монастыря были преобразованы въ госпитали, а въ двухъ другихъ помѣстили „людоураждаемыхъ“ въ заразѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ морь, какъ его называли, достигъ колоссальныхъ размѣровъ; умирадо въ день отъ пяти до шести сотъ человекъ. Мало оставалось во Флоренціи домовъ на которыхъ не было бы бѣлой повязки, свидетельствующей о заразѣ; такъ что этотъ нѣкогда цвѣтущій и богатый городъ былъ вполне предоставленъ въ руки самой мизкой и развратной черни. Несмотря на то что по энергичному распоряженію пяти верховныхъ членовъ въ городѣ прибавили еще двѣ тюрьмы для заключенія грабителей, буйства и грабежи не прекращались, а потому „капитаны“ приказали для большаго страха поставить посреди города висѣлицу.

Замѣчательно было то что сколько бы разъ Община ни собиралась на совѣтъ, ни разу не оказалось недостатка въ числѣ членовъ. При первыхъ звукахъ большаго колокола,

Братья Милосердія покидали свои жилища, и хотя нѣкоторые жили даже внѣ города на дачахъ, тѣмъ не менѣе при послѣднемъ звукѣ колокола они всѣ находились въ полномъ сборѣ въ молеельнѣ.

Въ описываемую нами эпоху Община пользовалась уже тѣмъ помѣщеніемъ въ которомъ она находится и донынѣ, такъ какъ вида тѣсноту бывшаго ея помѣщенія въ *Corso degli Adimari*, гдѣ она кромѣ того не была достаточно на виду для цѣлей Братъевъ, городъ по просьбѣ одного изъ Медичи пожертвовалъ Общинѣ землю около *Piazza del Duomo*, и тутъ братья построили большое зданіе съ молеельнею. Фасадъ этой постройки не представляетъ ничего особеннаго. Верхняя часть ея занята даже частными квартирами. Надъ дверьми видны надписи, свидѣтельствующія о щедротахъ нѣкоего Gabuggiani, оставившаго все свое состояніе на перестройку зданія. Внутри находится церковь съ алтаремъ, надъ которымъ видна картина писанная, какъ думаютъ, *Andrea del Sarto*. По бокамъ алтара изображенія Св. Товита и Св. Себастіана, двухъ латроновъ Общины. Остальная внутренность храма изукрашена живописью. Но мы въ послѣдствіи поговоримъ подробнѣе объ устройствѣ этой молеельни.

Фамилія Медичи оказала Общинѣ и другую услугу въ 1575 году, отстоявъ ея матеріальную независимость отъ притязаній папы. Подъ предлогомъ реформъ въ администраціи церкви папа прислалъ въ Тоскану, съ дозволенія Франциска, своихъ делегатовъ для ревизіи. Но тѣ, вмѣсто того чтобы заняться злоупотребленіями священниковъ, сочли своимъ долгомъ вмѣшаться во всѣ учрежденія не подлежація ихъ прямому вѣдѣнію и принялись также ревизовать богатства всѣхъ общинъ, въ надеждѣ конечно поживиться. Они встрѣтили сильный отпоръ въ лицѣ Франциска, который написалъ, между прочимъ, делегату: „Изъ образа дѣйствія вашей синьоріи я заключаю что вы пріѣхали сюда вовсе не ради реформъ относящихся до церкви, а единственно для того чтобы заводить дразги и вселять раздоръ въ моихъ владѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, если вы думаете что вы можете распорядиться въ моихъ владѣніяхъ безъ моего вѣдома, вы жестоко ошибаетесь, и вы ошибались бы еще болѣе еслибы думали что ваши козни и интриги могутъ поссорить меня съ его святѣйшествомъ. Мы никогда не поссоримся съ его блаженствомъ (*Sua Beatitudine*) изъ-за дѣлъ касающихся божественной службы и всего до нея



относящагося, потому что онъ имѣетъ во мнѣ усерднаго и неизмѣннаго слугу...“ \* и т. д. И великій герцогъ до тѣхъ поръ не успокоился пока не принудилъ лапу вызвать обратно своего делегата.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, а именно во время чумы 1633 года, Община снова пришлось столкнуться съ духовенствомъ и потерлѣть не мало отъ козней священниковъ. Какъ обыкновенно бывало въ случаяхъ эпидеміи, братья выбрали изъ своей среды такъ-называемыхъ *ufficiali della sanità* (чиновниковъ оздоровленія), и тѣ разчитывая что въ такую тяжелую эпоху всѣ должны одинаково преисполниться сочувствія и любви къ ближнему, а тѣмъ болѣе люди принадлежащіе къ почтенному монашескому сану, приказали чтобы больныхъ относили въ нѣкоторые изъ близъ лежащихъ монастырей, такъ какъ важнѣе всего было удалить больныхъ изъ города. Это распоряженіе такъ не понравилось священникамъ и монахамъ что они немедленно наложили запрещеніе на Общину и лишили причастія всѣхъ братьевъ. Но вскорѣ послѣ того лапа счелъ болѣе благоразумнымъ приказать архіепископу Флорентійскому снова благословить ихъ, потому что до него дошли вѣсти о негодованіи народа. Онъ велѣлъ однако наложить предварительно элитимію на братьевъ. Напрасны были возмущеніе и ярость народа, напрасны также доводы братьевъ; имъ пришлось подчиниться самовластію духовенства: возвратить монахамъ потраченныя ими суммы и публично покаяться въ совершеніи дѣяній исполненныхъ человеколюбія и милосердія. Рвеніе ихъ однако отъ того не охладѣло, и они продолжали геройски жертвовать собою на пользу больныхъ и умирающихъ. Едва получалось извѣстіе о заболѣваніи, двое братьевъ немедленно отправлялись съ носилками въ домъ заболѣвшаго, по обыкновенію входили въ него, проводжали зачумленныхъ до воротъ города и перекладывали на другія носилки, на которыхъ относили больныхъ въ загородныя больницы. Пока они шли по городу, впереди обыкновенно посылали человека со знаменемъ чтобы дать знать прохожимъ и дать имъ возможность укрыться отъ заразы. Въ сто матраса, носилки наполняли сѣномъ, которое сжигали немедленно послѣ того какъ больного сдавали на другія

\* *Istoria del Granducato di Toscana sotto il governo della Casa Medicea.* Da Galuzzi.

носиаки, а во все время шествія на постели больного сжигали благовоонныя травы, чтобъ удалить немного міазмы. Людямъ богатымъ дозволялось оставаться въ собственныхъ домахъ, но дома при этомъ отмѣчали; богатыхъ разрѣшали даже хоронить въ потомственныхъ гробницахъ, но съ тѣмъ условіемъ чтобы трупъ немедленно послѣ смерти былъ заключенъ въ гробъ. За то бѣдныхъ тотчасъ по кончинѣ отвозили на кладбище и немедленно заливали известкой. Въ этотъ годъ братьями сдѣлана была попытка положить конецъ этому бѣдствію при помощи науки. А именно, Община нарядила комиссію изъ шестерыхъ знаменитѣйшихъ врачей города для обсуждения способовъ предупрежденія заразы и ея леченія, плодомъ чего и явилась книжка подъ заглавіемъ: *De provisione et curatione morborum pestilentialium*. Къ несчастію, не смотря на старанія и усердіе ученаго собранія, книжка эта болѣе всего свидѣтельствуетъ о глупости и невѣжествѣ врачей того времени и объ ихъ неспособности серьезно взглянуть во чтъ бы то ни было. Нельзя безъ смѣха читать нѣкоторые изъ совѣтовъ; между прочимъ чрезвычайно серьезно предписывается натирать себѣ сердце скорпіоннымъ масломъ и тому подобныя пустяки. Во время этой чумы въ народѣ особенно сохранилась память о благодаривахъ одного члена Общины Милосердія, великаго герцога Фердинанда II Медичи. Онъ не захотѣлъ покинуть городъ въ такую трудную эпоху и каждый день выходилъ изъ своего дворца, вмѣшивался въ толпу народа, разспрашивая его о его нуждахъ, утѣшая несчастныхъ и раздавая всѣмъ щедрія милостыни; а когда приближенные его находили что онъ тратитъ слишкомъ много на бѣдныхъ, онъ отвѣчалъ что еслибъ у него собственныхъ средствъ не доставало чтобы помогать имъ, онъ продалъ бы все свое платье, но въпрямую постарался бы облегчить нужды своихъ подданныхъ.

Мы не станемъ однако перечислять сколько разъ чума разражалась надъ несчастною Флоренціей въ продолженіе тѣхъ двухъ вѣковъ когда наиболѣе свирѣпствовала. Достаточно сказать что въ теченіе 191 года она появлялась 25 разъ (по Ландини 16) и что каждый разъ цифра умершихъ колебалась между четырьмя и шестью стами въ день; слѣдовательно, можно предположить что Община находила себѣ достаточно занятія и преимущественно въ классахъ нуждающихся, такъ какъ люди зажиточные старались по большей части, какъ мы уже говорили, перебраться въ горы или дальше на сѣверъ.

Въ эти 191 годъ членамъ Общины Милосердія приходилось не только подвергать жизнь свою страшѣйшей опасности, но еще и выносить всѣ ужасы и тягости ухода за больными въ такую эпоху когда не имѣлось ни малѣйшаго понятія ни о гигиенѣ, ни о первыхъ потребностяхъ человѣка. \*

Мнѣ случалось слышать мнѣніе что, несмотря на всѣ ужасы чумы, она повидимому мало поразила современниковъ, потому что ни въ литературѣ, ни въ живописи не сохранилось описанія ея. Но надо взять въ расчетъ что, вопервыхъ, мало кто удѣлялъ отъ нея, а вовторыхъ, мы не можемъ знать, откуда Данте и родственныи ему по гевію Джотто взяли тѣ мрачныя краски, тѣ чудовищныя образы какими наполнены ихъ произведенія. Не вынесъ ли ихъ гевій впечатлѣніе всѣхъ ужасовъ претерпѣваемыхъ и видѣнныхъ когда-то и не были ли эти самыя ужасы воспроизведены противъ воли въ послѣдствіи, гораздо позднѣе въ ихъ бессмертныхъ произведеніяхъ?

Въ 1697 году было издано уложеніе, въ коемъ говорилось о подраздѣленіи членовъ на различныя разряды: *sarì Guardìa*, *Giornanti* и *Strasciafogli*, и строго приказывалось чтобы тѣхъ изъ нихъ которые до шести разъ не явились на призывъ колокола вычеркивать изъ списковъ. Такимъ образомъ, мы видимъ что начата на самыхъ простыхъ основаніяхъ и съ единственною цѣлью приносить пользу ближнимъ Община Милосердія все-таки была вынуждена съ теченіемъ времени обратить болѣе строгое вниманіе на обязанности каждаго отдѣльнаго члена, организовать извѣстную іерархію и завести множество формальностей, которыя на первый взглядъ и кажутся лишними, но которыя являются неизбежными послѣдствіями многолѣтняго существованія общества.

\* Путешественники, бывавшіе во Флоренціи и посѣщавшіе такъ-называемое *Bargeleo*, или бывшую тюрьму, нынѣшній государственный музей, вѣроятно запомнятъ находящіяся въ одной изъ залъ восковыя фигурки изображающія сцены во время чумы. Изображенныя необыкновенно правдиво. Онѣ заключаются въ трехъ стеклянныхъ ящикахъ. Въ одномъ вы видите людей въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, тутъ же голые люди тащутъ на сплнкъ своей трупы, а издали виднѣтся пламя пожара; въ другомъ—трупы валяются въ безпорядкѣ, и по нимъ бѣгаютъ крысы, наконецъ въ третьемъ изображенъ апогеозъ смерти, сидящей съ косою надъ могилою, тогда какъ „все дико и пусто кругомъ“! Эта вся ужасающая обстановка и мертвенный синеватый колоритъ умирающихъ остаются надолго въ памяти.. Это произведеніе художника XVI вѣка.

Описавъ тяжкіе труды Общества и всѣ учрежденія придуманныя имъ, не можемъ не упомянуть и о нѣкоторыхъ невинныхъ увеселеніяхъ какія оно себѣ отъ времени до времени разрѣшало. Такъ, по избавленіи отъ чумы въ 1645 году, городъ въ ознаменованіе столь радостнаго событія устроилъ торжественную процессію съ крестнымъ ходомъ, и главную роль при этомъ играла Община. Въ церкви *Santissima Annunziata* (Благовѣщенія) братья были встрѣчены звономъ колоколовъ и музыкой, и весь городъ былъ освѣщенъ въ честь ихъ. Во все продолженіе процессіи народъ всюду слѣдовалъ за нею съ радостными криками, а изъ оконъ и отовсюду братьевъ привѣтствовали возгласы: „Viva, viva la Compagnia della Misericordia“. \* „Весь народъ этимъ какъ будто признавалъ что здоровье и благоденствіе всего города зависятъ отъ ихъ доброты и усердія“, прибавляетъ при этомъ Ландини.

Дабы поддержать духъ братства и единства между Общиной Милосердія города Флоренціи и общинами другихъ городовъ, Флорентинское общество не рѣдко чествовало у себя членовъ иногородныхъ общинъ. Между прочимъ сохранилось описаніе празднествъ данныхъ въ 1675 году въ честь Римской общины, приславшей во Флоренцію депутацію изъ 37 человекъ, которая была торжественно встрѣчена при звукахъ музыки и угощаема на счетъ богатыхъ гражданъ Флоренціи. Подобныя церемоніи сильно дѣйствовали на простыхъ неизбалованныхъ братьевъ. Онѣ надолго оставляли глубокой слѣдъ въ ихъ умахъ и придавали имъ бодрость. Это можно заключить изъ того что всѣ такого рода празднества завосились въ спуски на ряду съ важными событіями и передавались потомъ съ комментаріями историографомъ общества Ландини, доведшимъ свой трудъ до 1784 года.

Отъ него мы также узнаемъ что число умершихъ и похороненныхъ Общиною Милосердія колебалось между 6.500 человекъ и 10.620 ежегодно, но никогда не превышало этой послѣдней цифры.

Въ 1767, 1816 и 1818 годахъ *Misericordia* снова заслужила не мало похвалъ, принося себя въ жертву страдающему человечеству. Въ это время тифозныя горячки свирѣпствовали съ ужасающею силой, и братьямъ представилась не разъ случай выказать себя. Всѣ удивлялись при этомъ тому что, несмотря

\* „Да здравствуетъ Община Милосердія“.

на безпрестанныя опасности которымъ всѣ члены Братства подвергались поочередно, очень немногіе изъ нихъ погибли отъ этой болѣзни.

Мы видимъ что переходя изъ одного вѣка въ другой и неумоимо преслѣдуя свою цѣль, Община каждый разъ встрѣчала на своемъ пути новыя болѣзни и все-таки находила въ себѣ силы бороться съ ними. Такъ, поборовъ и схоронивъ главнаго врага человѣчества въ Средніе Вѣка чуму, Община Милосердія съ неменьшимъ пыломъ, энергіей и самоотверженіемъ принялась за новаго, появившагося въ XIX столѣтіи. Врагомъ этимъ, столь же опаснымъ, но менѣе знакомымъ была холера. Когда въ 1855 году холера разразилась во Флоренціи, братья всѣ находились на своемъ посту и всѣ бодро и смѣло исполняли свою всегдашнюю обязанность. Такова сила привычки и традиціи что въ то время какъ во многихъ другихъ городахъ всѣ приходили въ смятеніе или бѣжали, во Флоренціи братья Милосердія спокойно слѣдовали по пути начертанному имъ лативѣковою практикой ихъ предшественниковъ.

Когда холера только что началась, число членовъ различныхъ категорій доходило до 1.440 человекъ, но по мѣрѣ возрастанія трудовъ съ развитіемъ эпидеміи къ этому числу прибавилось еще 200 членовъ. Сначала братья собирались какъ прежде по звону колокола, но такъ какъ въ него приходилось звонить почти безъ умолку и такъ какъ этотъ безконечный гулъ нагонялъ ланіку на жителей, то рѣшено было его прекратить совершенно. Это нисколько не помѣшало братьямъ собираться попрежнему и выжидать своей очереди въ модельнѣ. Къ несчастію, дѣла имъ всегда представлялось достаточно. Въ одинъ день иной разъ приходилось разсылать по городу до семидесяти пяти носилокъ, и это не считая обыкновенныхъ больныхъ, которыхъ круглымъ числомъ приходится въ обыкновенную пору переносить до двѣнадцати въ день. А въ братьяхъ никогда не было недостатка, и даже за каждымъ носилками шли другіе братья, на смѣну, какъ это водится. Замѣтьте что предпочтительно предъ богатыми чертогами они выбирали убѣжища нищихъ; забирались по узкимъ воюющимъ лѣстницамъ на третій и четвертый этаж, входили въ душную комнату умирающаго въ ужасныхъ конвульсіяхъ не на постели, а на гнилой соломѣ. Нѣжными, привычными къ дѣлу руками, они потихоньку снимали больного съ его грязнаго ложа, брали его во всей его непригляд-

ности къ себѣ на плечи и несли такимъ образомъ внизъ по грязнымъ двѣтницамъ, по узкимъ воюющимъ корридорамъ, вплоть до носилокъ ожидавшихъ внизу. Прибавьте къ этому что Misericordia не ограничивала своей дѣятельности однимъ городомъ, а простирала ее на три мили въ окружности. И въ тѣ жары какіе въ Италіи извѣстны подъ именемъ каникулярныхъ, когда въ тѣни бываетъ болѣе тридцати градусовъ и когда всякій спѣшитъ закупориться дома отъ даушливаго зноя, можно было въ самые жаркіе часы дня видѣть какъ по пустыннымъ улицамъ города, подъ палящими лучами солнца, терпѣливо выстулала рука объ руку аристократъ и плебей неся больного брата. А взявъ больного въ одномъ концѣ города, надо было еще отвести его на другой конецъ въ загородный лазаретъ.

Бетти разказываетъ что ему нерѣдко случалось видѣть, какъ братья, изнемогая отъ безкомечныхъ трудовъ, ложились отдыхать тутъ же въ молеельнѣ на голую землю, чтобы хоть немного возстановить потраченныя силы, но тотчасъ подымались и снова принимались за дѣло до тѣхъ поръ пока безнадежная болѣзнь не захватывала ихъ въ свои когти. На его глазахъ одинъ изъ братій три дня боролся съ холерой, но никому не говорилъ объ этомъ и саетъ тогда только когда силы окончательно ему измѣнили. Въ этотъ памятный 1855 годъ съ 1 января до конца декабря заболѣло 50.176 человекъ и умерло 26.047. И тутъ, какъ и во время другихъ эпидемій, достойно замѣчана то что въ средѣ братій рѣдки были случаи заболѣванія и смерти. Впрочемъ, они принимали большія предосторожности. Послѣ каждаго отправления за больными они окуривали свои плащы и маски, постоянно носили кожаныя или картонныя перчатки и каждый разъ сами вымывали ихъ и окуривали хлоромъ и разными ароматическими веществами.

Говорятъ что видя постоянно предъ глазами геройскій примѣръ братьевъ; жители Флоренціи „не лосжили болѣе болѣться“ и принялись подражать имъ. И подражаніе это появилось не въ одной Флоренціи, но распространилось и на близъ лежащіе города. Ливорно и Эмподи тоже совершали подвиги самоотверженіи. Ц. Біанки съ гордостью замѣчаетъ что нельзя считать погибшею ту страну гдѣ такъ неукоснительно соблюдаются благородныя традиціи старины.

Не могу не упомянуть здѣсь случая бывшаго въ Общинѣ Милосердія въ Ливорно.

Тамъ *Misericordia* брала на свое попеченіе малолѣтнихъ дѣтей, матери коихъ заболѣли холерой, и справлялась въ ближнихъ деревняхъ кто изъ крестьянокъ возьмется кормить ихъ до выздоровленія матерей. И такихъ добровольныхъ кормилицъ всегда находилось достаточно. Когда же у одной изъ нихъ ребенокъ, котораго она кормила, заболѣлъ холерой, врачъ указалъ ей какой опасности она себя подвергаетъ продолжая его кормить, но она съ негодованіемъ возразила ему: „неужели вы хотите чтобы я его бросаю?“ и продолжала кормить своего питомца пока онъ не умеръ, причѣмъ сама однако не заразилась.

Бетти прибавляетъ при этомъ отъ себя: „Да, каково бы ни было научное знамя къ которому ты принадлежишь, ретироваться отъ опасности было бы плохо и низко, если развѣдствіе заявило себя; и если податра или горячка не удерживаютъ тебя въ постели, всякое извиненіе, всякій предлогъ, выдуманнѣйшій тобою для охраненія себя, были бы оскорбленіемъ человѣчества въ минуты его крайней нужды!“ \* И это говорить не литераторъ, не адвокатъ, не фразеръ, а говорить опытный врачъ присутствовавшій при всѣхъ ужасахъ этой болѣзни, и слова эти служатъ выраженіемъ того общаго чувства которое руководило всеми врачами Тосканы, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего можетъ служить цифра умершихъ отъ холеры врачей. (20 человекъ въ одной Тосканѣ.) Мы желали бы заключить изъ этого что человѣчество съ XV и XVI вѣка одѣлало несомнѣнный шагъ впередъ въ нашъ XIX вѣкъ, вѣрнѣе и лучше поняло законы общечеловѣческой солидарности... Но мы боимся слишкомъ смѣлыхъ выводовъ, а потому предоставляемъ читателю самому сопоставить нѣкоторые приведенные нами выше факты изъ той и другой эпохи.

Въ этотъ годъ *Misericordia* снова обогатилась многими пожертвованіями зажиточныхъ гражданъ. Одинъ изъ нихъ, Еттианчеле Фензі, отдавая 1.000 лиръ въ распоряженіе Общества, просилъ чтобы это было доведено до всеобщаго свѣдѣнія, надѣясь что подобный примѣръ побуждаетъ на согражданъ и возбудитъ въ нихъ также желаніе принести свою послѣднюю помощь. Впрочемъ, надо замѣтить что Итальянцы вообще даютъ не охотно и съ большимъ трудомъ раскрываютъ

\* Betti. *Dei venti medici morti in Toscana.*

свои кошельки, такъ что распоряженіе было далеко не лишнее.

Ознакомившись съ главными фактами относящимися къ исторіи описываемаго нами учрежденія, мы постараемся теперь дать болѣе точное понятіе объ обязанностяхъ лежащихъ на каждомъ членѣ.

Число членовъ Общины Милосердія не ограничено, но въ высшую категорію имѣютъ право поступить только *семьдесятъ два* человекъ. Они-то собственно одни называются *Братьями Милосердія*, хотя для непосвященныхъ всѣ члены извѣстны подъ этимъ коллективнымъ названіемъ. Въ число братьевъ допускаются люди всѣхъ профессій, начиная съ 18лѣтняго возраста. Исключаются только лица занимающіяся какимъ-нибудь ремесломъ, которое считается унижительнымъ, каковы, ростовщичество, акробатство и т. п.

Община дѣлится на три разряда или категоріи: высшая, или *Capi di Guardia*, состоитъ изъ 72 членовъ или братьевъ; вторая, или *Giornanti*, состоитъ изъ 105 человекъ, и наконецъ, третья или *Straccia fogli*, число коихъ неограничено.

*Capi di Guardia*, то-есть начальники дежурныхъ, одни имѣютъ право вмѣшиваться въ администрацію и распоряжаться всѣмъ что касается Общества. Въ составъ ихъ входятъ 30 духовныхъ лицъ и 42 свѣтскихъ. Изъ духовныхъ только 10 человекъ могутъ принадлежать къ высшему сану, а изъ свѣтскихъ допускается только 14 человекъ благороднаго званія; остальные всѣ *артисты*, какъ ихъ называютъ въ Италіи, то-есть люди средняго сословія и преимущественно ремесленники. Такимъ образомъ, по самой пропорціи какая соблюдается между людьми сановными и простыми, преимущество остается на сторонѣ послѣднихъ (первые составляютъ 33, %).

Въ одномъ только Община нѣсколько удаляется отъ своего демократическаго принципа: она заноситъ въ списки свои на первомъ мѣстѣ преатовъ и затѣмъ лицъ принадлежащихъ къ аристократіи; но это вѣроятно потому что въ составъ почетныхъ членовъ входятъ какъ архіепископъ Флорентинскій, такъ и самъ король, а имъ по праву всюду принадлежить первое мѣсто. За то въ распредѣленіи обязанностей „артисты“ берутъ верхъ: на нихъ и на низшее духовенство возлагается обязанность распоряжаться ближайшими дѣлами службы, а также поличеніе о бѣдныхъ. Они для этого представляются на всѣ дни недѣли по извѣстному числу человекъ



въ день, причѣмъ распорядительство предоставляется старѣйшему.

Все управленіе дѣлами сосредоточено въ рукахъ такъ-называемаго *магистрата*, выбираемаго каждыя четыре мѣсяца, въ который входятъ поочереды всѣ 72 члена Братства. Собирается магистратъ обязательно разъ въ мѣсяць; если нѣтъ особыхъ дѣлъ для обсужденія, то въ послѣднее воскресенье мѣсяца. Если же случаются слѣдующія дѣла, то кромѣ того и въ первое воскресенье. Для законности засѣданій магистрата достаточно чтобы въ нихъ присутствовали 24 брата, которые подраздѣляются въ свою очередь на членовъ *смыслимыхъ* и *несмыслимыхъ*. Въ засѣданіяхъ должны обязательно присутствовать:

1. *Provedditore* или главный надзиратель. Онъ живетъ въ помѣщеніи Братства и ведетъ какъ денежные, такъ и всѣ хозяйственныя дѣла его; слѣдитъ за сборомъ дохода съ цѣнностей, за выплачиваніемъ расходовъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ, строго слѣдитъ за тѣмъ чтобы члены Общества исполняли свои обязанности, внося ихъ въ списки и въ случаѣ неявки дѣла имъ выговоръ; если же неявка повторится болѣе шести разъ, то провинившагося исключаютъ изъ списковъ. Надзиратель заботится объ устройствѣ праздника Св. Себастіана (патрона Общества), что особенно въ Средніе Вѣка имѣло большое значеніе, объ украшеніи часовни для похоронъ членовъ, и наконецъ ему же поручено созывать братьевъ при помощи колокольнаго звона и давать имъ занятія по своему усмотрѣнію.

2. *Cancelliere*, канцлеръ или просто нотаріусъ, который слѣдитъ за законностію веденія дѣлъ и регистрируетъ всѣ бумаги.

3. *Секретарь*, помогающій канцлеру въ перелисованіи бумагъ и веденіи дѣлъ.

4. *Камерлингъ*, который выбирается каждыя три года и на обязанности коего лежитъ хранить деньги, собирать доходы, раздавать милостыню и отпускать деньги на мелкіе расходы, съ разрѣшенія магистрата и по приказанію надзирателя.

Къ 12 членамъ магистрата присоединяются еще такъ-называемые *консерваторы*, восемь членовъ, стоящихъ также во главѣ учрежденія и выбираемыхъ пожизненно. Въ этомъ верховномъ правленіи два предсѣдателя—архіепископъ и король; остальные выбираются изъ старѣйшихъ *сари ди guardia*, по два изъ cadaго сословія. Главная задача консерваторовъ:

присутствовать, въ числѣ по крайней мѣрѣ двухъ членовъ, на всѣхъ засѣданіяхъ магистрата, контролировать, по возможности, дѣйствія Братства и наблюдать за строгимъ исполненіемъ законовъ. Всѣ предложенія дѣлаемые во время засѣданія тотчасъ же голосуются и входятъ въ законную силу только съ разрѣшенія консерваторовъ. На ихъ лостановленія нѣтъ апелляціи, такъ что если они разъ отвергли какое-нибудь предложеніе, никто ужъ не имѣетъ права возобновлять его, развѣ по собственному почину или по просьбѣ всего магистрата они рѣшили бы снова его обсудить. Еслибъ одинъ изъ консерваторовъ былъ обвиненъ въ преступленіи противъ Братства, его нельзя было бы судить безъ предварительнаго согласія его товарищей; но если согласіе послѣдуетъ и по окончаніи суда его найдутъ виновнымъ, то его тотчасъ отставляютъ отъ должности, и мѣсто его объявляется вакантнымъ.

Декретъ Общества отъ 1806 года объясняетъ подраздѣленіе на членовъ смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ „гармоничнымъ закономъ природы, въ которой одновременно уживаются движеніе и покой, сохраненіе традицій и ихъ вымираніе, уваженіе къ старинѣ и благоразумная уступка требованіямъ времени.“

Въ каждомъ собраніи магистрата сначала выбирается председатель, а затѣмъ уже приступается къ обсужденію всѣхъ дѣлъ Общины стоящихъ на очереди. Дѣла эти:

1. Выборъ новаго надзирателя, который долженъ находиться постоянно въ помѣщеніи Братства на площади Собора и имѣетъ верховную власть надо всѣми братьями.

2. Выборъ кандидатовъ на мѣсто *Capi di guardia* въ случаѣ смерти или отставки одного изъ семидесяти двухъ.

3. Дозволеніе членамъ отлучаться въ отпускъ на долгіе сроки.

4. Дозволеніе старымъ или немощнымъ дежурнымъ выходить въ отставку съ пенсіей назначенной для такихъ случаевъ и дозволеніе имъ снова вступать въ Братство въ случаѣ выздоровленія.

Каждый *capo di guardia* имѣетъ право выговаривать своимъ подчиненнымъ (или такъ-называемымъ дежурнымъ), а въ случаѣ надобности и удалять ихъ на время отъ службы; каждый имѣетъ право давать имъ мѣсячный отпускъ.

Второе мѣсто послѣ *sapi di guardia* занимають *Giornanti* или *Дежурные* въ числѣ 105 человекъ. Они несуть извѣстныя обязанности, то-есть имѣють каждый свой день въ недѣлю назначенный для отправленія службы, но не участвуютъ въ управленіи. Для большаго порядка имѣются особые списки въ кои заносится сколько разъ въ мѣсяцъ они являлись на службу. По этимъ спискамъ заключается объ ихъ усердіи, а усердіе ихъ берется преимущественно въ расчетъ при баллотировкѣ въ члены высшаго разряда. Тѣ кто являлись на службу чаще положеннаго срока имѣють, конечно, болѣе шансовъ быть выбранными въ высшую должность. Если въ числѣ дежурныхъ попадаются священники, то они обязаны находиться въ Общинѣ каждый разъ что услуги Братевъ требуются для мертвыхъ.

Вслѣдъ за *Giornanti* въ низшемъ разрядѣ идутъ *Stracciafogli* или *Оборванные листы*, прозванные такъ оттого что во время эпидемій службу ихъ не успѣвали заносить въ списки, а просто обрывали листки, которые имъ выдавались въ родѣ контрамарки и на которыхъ записывалось сколько разъ они являлись на службу. Это прозвище *Stracciafogli* сохранилось за ними въ послѣдствіи. Число ихъ неограничено. Усердные *Stracciafogli* производятся съ теченіемъ времени въ *Дежурные*, а тѣ въ свою очередь, какъ мы уже говорили, въ *Начальники дежурныхъ*.

Кромѣ этихъ трехъ категорій есть еще одна низшая. Члены ея называются: *Viopavoglia* или *Добровольцы*. На нихъ ужъ не лежитъ никакихъ обязанностей, и ихъ не назначаютъ даже ни на какія дежурства. Первый попавшійся можетъ войти въ этотъ разрядъ, стоить ему только заявить на то желаніе.

Братство устроило этотъ послѣдній разрядъ для тѣхъ кто, желая приносить пользу ближнему, не обладаютъ въ то же время достаточнымъ досугомъ дабы посвящать нѣсколько часовъ въ недѣлю службѣ, а потому являются разъ или два въ годъ, но съ нихъ за это не взыскивается, и помощь ихъ принимается съ благодарностію. Братство никому не препятствуетъ приносить посильную лепту на дѣло милосердія, но за то оно оставляетъ за собою право, соображаясь съ усердіемъ каждаго, предоставлять однимъ извѣстныя привилегіи, а другимъ только обязанности. Никому, кромѣ членовъ, не разрѣшается носить платье Братства.

лишь это дозволяется съ согласія надзирателя членамъ другихъ обществъ, но въ такомъ случаѣ они поступаютъ въ высшую категорію, несмотря на должность занимаемую ими въ своей общинѣ, и обязуются не выходить изъ повиновенія старшимъ.

Мы не будемъ далѣе останавливаться на организаціи Общины, такъ какъ для неосвященныхъ это можетъ показаться сложнымъ и мало интереснымъ; скажемъ только что несмотря на кажущуюся сложность и безконечныя подраздѣленія дѣло милосердія отъ этого не страдаетъ. Во всѣ часы дня и ночи, едва послышится всѣмъ извѣстный печальный звонъ, „тотчасъ работникъ бросаетъ работу, которая служитъ ему для пропитанія семейства, богачъ покидаетъ блестящее собраніе или театръ, или балъ, и всѣ слѣшать облечься въ черное одѣяніе и помочь страждущему брату или воздать послѣднюю дань усопшему, не обращая никакого вниманія на погоду и подвергаясь лалаящимъ лучамъ солнца или проливному дождю и вѣтру“.\*

Услуги братьевъ требуются не для однихъ бѣдныхъ; иной разъ и богатые семейства посылаютъ за ними, потому что многолѣтняя опытность развиваетъ въ нихъ способности, которыя высоко цѣнятся при постели больного: вѣрный глазъ, бдительность, мягкое человѣчное обращеніе, какіе рѣдко встрѣтишь въ записномъ фельдшерѣ. Случается во Флоренціи встрѣчать свѣтскихъ людей которые вѣрнѣе любого доктора умѣютъ опредѣлять болѣзнь и средства противъ нея, которые съ рѣдкимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночи напролетъ у постели больного и не считаютъ этого дѣломъ необычайнымъ, а напротивъ, полагаютъ что они исполняютъ самую простую обязанность.

Прослѣдимъ теперь за образомъ дѣйствія Братьевъ съ самой той минуты когда звонъ колокола призываетъ ихъ въ моделью. Въ колоколъ обязательно звонятъ два раза въ день для сбора дежурныхъ членовъ; часы мѣняются сообразно времени года; въ экстренныхъ же случаяхъ звонятъ какъ только окажется въ томъ надобность, и члены обязаны являться немедленно. Если несчастный умеръ уже, звонятъ три раза; если же онъ еще живъ, только два раза. Чтобы не ходить даромъ на мѣсто несчастія, надзиратель обыкновенно посылаетъ

\* S. Bianchi. *L'Arciconfraternità della Misericordia.*

одного изъ служителей констатировать его если ему неизвестна особа которая обращается за помощью къ Общинѣ. Братья собираются все въ помѣщеніе Общины, какъ мы уже сказали. Въ этомъ помѣщеніи находится довольно просторная церковь и рядомъ съ нею большая комната для покойниковъ; затѣмъ идутъ двѣ или три комнаты, стѣны которыхъ заняты большими шкалами гдѣ хранится все облаченіе братьевъ. У каждаго изъ нихъ свой шкалъ подъ буквой и ключъ отъ этого шкала. Въ небольшомъ проходѣ, ведущемъ изъ одной комнаты въ другую, сохраняется также готовое платье для добровольцевъ, о которыхъ мы говорили выше. Далѣе вы переходите въ небольшую комнату гдѣ ведутся списки всѣхъ дежурныхъ. Тутъ на стѣнѣ виситъ доска съ именами всѣхъ семидесяти двухъ членовъ (въ числѣ коихъ есть почетныя лица, коронованныя особы) и большой портретъ Пьеро Борси. Здѣсь же стоитъ шкалъ со всѣмъ облаченіемъ короля. Для лучшаго отправленія ночной службы, въ этомъ же помѣщеніи находится комната съ шестью кроватями. Братья чередуются между собой, такъ что каждому приходится спать тамъ разъ въ мѣсяцъ. Комната устроена безо всякой роскоши, но чрезвычайно чисто и удобно; у каждаго члена своя кровать съ подушкой, одеяломъ и простыней. Тутъ же проведенъ телефонъ, дающій знать о несчастныхъ случаяхъ могущихъ произойти ночью.

Какъ только братья соберутся, тотчасъ одинъ изъ нихъ произноситъ краткую молитву; затѣмъ, если они принадлежатъ только къ двумъ низшимъ разрядамъ, они выжидаютъ полчаса чтобы дать время одному изъ старшихъ семидесяти двухъ подоспѣть. Въ случаѣ же неавки *sarò di guardia*, они все-таки готовятся въ путь, и начальство надъ ними принимаетъ старѣйшій; каждый направляется къ своему шкалу и вынимаетъ оттуда полное облаченіе свое, то-есть черное верхнее платье, широкую шапку съ полями и маску, платье подпоясывается сверху веревкой, и каждый беретъ, кромѣ того, въ руки четки. Одѣвшись они отправляются въ числѣ восьми или болѣе по направленію къ тому дому или госпиталю, вообще мѣсту откуда надо переносить больного или мертвого, стараясь по возможности чтобы четверо, съ носилками или гробомъ, были одинаковаго роста дабы ноша не колыхалась. Какъ только они устанутъ, другіе тотчасъ готовятся имъ на смѣну, причемъ между ними вошло въ обычай чтобы

первые смѣняясь говорили вторымъ: „Iddio glie perenda il merito“, \* а тѣ отвѣчали: „Vade in pace“. \*\* Разговаривать между собой имъ строго воспрещается. Съ той минуты какъ они входятъ въ *Oratorio*, они должны совершенно забыть кто они, отказаться ото всякой индивидуальности для служенія Братству; поэтому и между собою члены не знаютъ другъ друга по имени, а только по категоріи къ какой они принадлежатъ и по номеру подъ какимъ они записаны. Носилки устроены очень удобно; на нихъ находится все нужное для больного: матрасъ, подушка, одѣяло; къ сторонамъ придѣланы ремни которыми связываютъ больныхъ страдающихъ припадками или конвульсіями; по бокамъ прикрѣплены дуги которыя поддерживаютъ черное покрывало накидываемое на носилки когда больныхъ несутъ городомъ. Придя въ домъ больного, Братья Милосердія одѣваютъ его, если это мужчина; если же это женщина, то выходятъ изъ комнаты и предоставляютъ домашнимъ снарядить больную въ путь, затѣмъ возвращаются въ комнату и укладываютъ больную на носилки. Предъ выходомъ изъ дома они освѣдомляются о состояніи больного, и если видятъ что онъ очень нуждается, то одинъ изъ братьевъ тотчасъ собираетъ послышныя пожертванія съ каждаго изъ присутствующихъ членовъ и спрашиваетъ у больного кому изъ семейства онъ желаетъ чтобы передали собранное. Затѣмъ его относятъ въ больницу гдѣ сдаютъ на руки Сестеръ Милосердія.

Правила Общины настаиваютъ главнымъ образомъ на послушаніи надзирателю и на соблюденіи равенства между членами Общества; съ этою цѣлью предписано строго относиться къ костюму, и отнюдь не дозволяется чтобы изъ-подъ черной блузы видны были хотя бы цвѣтные чулки, „такъ какъ однообразіе поддерживаетъ благочиніе въ средѣ братьевъ“. При несеніи носилокъ предписывается ходить тихимъ, мѣрнымъ шагомъ какъ для удобства больного, такъ и для того чтобы уравнивать отчасти силы всѣхъ, и только въ случаѣ крайней необходимости дозволяется идти скоро, но тогда *saro di guardia* долженъ удалить стариковъ или слабыхъ. Строго запрещается также поднимать покрывало во время перенесенія больного или оставаться на улицѣ

\* Награди васъ Господь.

\*\* Ступайте съ миромъ.

однимъ въ то время какъ другіе идутъ брать больнаго. Если кто изъ членовъ желаетъ ходить за больными и оставаться съ ними ночью сверхъ положеннаго, тотъ долженъ предупредить объ этомъ надзирателя, и это вѣнчается ему въ большую заслугу чѣмъ всякое другое исполненіе обязанностей по службѣ.

Кромѣ вышеизложенныхъ обязанностей, начальникъ тюремъ выбираетъ еще между братьями четверыхъ такъ-называемыхъ *Viopiomini della carcere*, которые должны постоянно находиться при тюрьмахъ, наблюдая за тѣмъ чтобы заключенные не испытывали недостатка ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи; они заботятся о томъ чтобы съ заключенными обращались человѣчно, „стараясь вселить въ нихъ отвращеніе къ пороку, въ надеждѣ возвратитъ ихъ свѣту порядочными гражданами“.

До отбѣны смертной казни Братья Милосердія обязаны были также сопровождать несчастныхъ до эшафота, они находились при осужденномъ съ самой той минуты когда надъ нимъ провозносили смертный приговоръ и не оставляли его до кончины, окружая его попеченіемъ и любовью и стараясь внушить раскаяніе и надежду на милосердіе Божіе.

Община заботится также и о собственныхъ членахъ когда они заболѣютъ и выдаетъ имъ въ такомъ случаѣ временное вспоможеніе, которое не должно однако превышать 58 франковъ 80 сантимовъ; только въ случаѣ крайней нужды, съ разрѣшенія магистрата, выдается больше. Для бѣдныхъ и больныхъ братьевъ не могущихъ болѣе служить учреждена стипендія; ею могутъ пользоваться до 19 членовъ ежегодно: остальнымъ выдается единовременное пособіе въ случаѣ нужды. Въ случаѣ смерти одного изъ *saro di guardia* въ часовѣ на площади Собора тотчасъ звонятъ *Ave Maria* и на *Piazza del Duomo* выставляются носилки покрытыя чернымъ покрываломъ, на которомъ полагаютъ знаки отдѣлія его чина. Покойника одѣваютъ въ ядаты брата Милосердія, переносятъ съ большею или меньшею торжественностью въ церковь принадлежащую Общинѣ и хоронятъ, смотря по волѣ изложенной въ завѣщаніи, или на Кладбищѣ Милосердія находящемся внѣ города или на указанномъ въ завѣщаніи.

Одно изъ преимуществъ Братства состоитъ въ томъ что братья не составляютъ отдѣльной касты, не производятъ

обѣтовъ, а набираются изъ самаго общества и продолжаютъ оставаться съ нимъ солидарными и по вступленіи въ Общину.

Въ видахъ сохраненія Братства въ цѣлѣющемъ состояніи, слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя уступки времени. Волервыкъ, мы часто слышали жалобы на заунывный звонъ колокола нагоняющаго страхъ и тоску на обитателей города. Жители до сихъ поръ не могутъ къ нему привыкнуть и пугаются каждый разъ воображая что случилось что-нибудь съ ихъ близкими. При нынѣшней усовершенствованной системѣ телефоновъ Община всегда можетъ устроиться такъ чтобы находиться въ сообщеніи со всеми кварталами города, не прибѣгая къ печальному звону. Мнѣ также случалось слышать жалобы на мрачное впечатлѣніе какое производятъ костюмы братьевъ, ихъ черныя блузы и маски. Иностранцы лѣнятся этою таинственностью, этимъ отпечаткомъ Среднихъ Вѣковъ, но дѣло отъ того конечно не проиграло бы еслибы братья измѣнили нѣсколько свой костюмъ и представлялись бы глазами больныхъ въ менѣе зловѣщемъ видѣ.

Въ заключеніе не могу не высказать искренней благодарности всѣмъ кто способствовалъ мнѣ въ моихъ разысканіяхъ и съ тою сердечною любезностью, какая встрѣчается во всѣхъ классахъ общества въ Италіи, открыли мнѣ доступъ въ Общину и въ Публичную Библіотеку. Разматривая это учрежденіе, я имѣла двойную цѣль: оно интересовало меня само по себѣ, а потому мнѣ казалось что въ Россіи, гдѣ всегда такъ чутко отзываются на всякія великодушныя предпріятія, легко можно было бы учредить вспомогательное Общество въ этомъ родѣ.

Только еслибъ у кого-нибудь изъ любезныхъ соотечественниковъ моихъ явилось желаніе основать въ Россіи нѣчто похожее на Общину Милосердія, желательно было бы чтобъ они не увлекались отечественною маніей быть на эффектъ, строить пышныя зданія, ставить ихъ на роскошную ногу и считать все дѣло конченнымъ если на него были потрачены большія деньги; не мѣшаетъ кстати позаимствоваться и благоразуміемъ у флорентинскихъ Братьевъ Милосердія и приглядѣться къ тому скромному помѣщенію изъ котораго въ теченіе столькихъ вѣковъ выходили блестящіе примѣры любви, милосердія и самоотверженія.

\*\*\*



---

# ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА\*

---

## РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

---

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ

#### I.

Въ началѣ августа 1879 года простояли въ Петербургѣ нѣсколько ясныхъ и теплыхъ дней какихъ лѣтомъ того года почти не было. Пользуясь хорошею погодой, дачники не помышляли еще о возвращеніи въ лыльный и душный Петербургъ. По той же причинѣ, жители города прикованные къ нему службой или дѣлами и въ томъ числѣ большинство военныхъ, служащихъ въ гвардейскихъ полкахъ, возвратившихся ранѣе обыкновеннаго изъ лагеря, ежедневно слѣдили куда-нибудь за городъ подышать чистымъ воздухомъ. Всѣ поѣзды желѣзныхъ дорогъ, даже самые ранніе, были переполнены пассажирами.

Такъ было и на станціи Балтійской желѣзной дороги въ одинъ изъ первыхъ дней августа, около девяти часовъ утра.

Въ числѣ желавшихъ взять билеты, медленно, шагъ за шагомъ, подвигались къ кассѣ въ общемъ ряду два офицера одинъ за другимъ.

---

\* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 2.

Старшій, впереди, былъ въ сюртукѣ и пальто генеральнаго штаба. Подъ мышкой держалъ онъ темно-коричневый кожаный портфель, на срединѣ котораго можно было прочесть надписи славянскими буквами: *С. П. Анкосовъ*.

Русской арміи не было еще извѣстно имя молодаго полковника Анкосова, но въ петербургскихъ военныхъ кружкахъ всѣ его знали и всѣ считали за офицера съ будущостію.

Говорили что онъ мастеръ лисать и въ особенности отписываться, что въ министерствѣ онъ пользуется, и не напрасно, репутаціей ловкаго, изворотливаго и способнаго канцеляриста-чиновника; но что видѣвъ съ тѣмъ онъ отнюдь не жаждетъ отстать отъ военного ремесла, напротивъ того, оставилъ хорошую должность въ Сибири чтобъ участвовать въ Турецкой войнѣ и при этомъ показалъ себя распорядительнымъ и храбрымъ офицеромъ.

Петербургское общество посвѣщало онъ мало, но какъ-то вездѣ въ гостиныхъ и кабинетахъ имя его было извѣстно, и всѣ считали Анкосова въ разрядѣ петербургскихъ дѣятелей которыхъ ожидаетъ блестящая карьера. Ловкій баринъ, говорили про него, далеко поидетъ.

Собственно говоря, никто не задавалъ себѣ вопроса и никто не былъ въ состояніи опредѣлить точно почему именно полковника Анкосова могла ожидать карьера, и почему онъ долженъ былъ пойти далѣе многихъ другихъ; но какъ будто всѣ условились быть въ томъ увѣренными: и высшіе, и низшіе, и начальники Анкосова, и его товарищи. У него былъ видъ такой карьерный. Глядя на него и слушая его вымѣренную и какъ бы заранѣе обдуманную рѣчь, невольно приходило на мысль что человѣкъ этотъ говоритъ только часть того что знаетъ или думаетъ, но никогда не высказывается до конца. Казалось что онъ знаетъ какія-то важныя государственныя тайны, что тайны эти доверены ему лично высокостоящими особами, и что значить самъ онъ долженъ быть человѣкъ немаловажный если удостоивается выслушивать отъ такихъ особъ секретныя ихъ предначертанія. Никогда самъ онъ даже не намекалъ ни на что подобное, но всѣ были въ томъ увѣрены.

Трудно было найти другаго столь удобнаго подчиненнаго какъ Анкосовъ. Онъ быстро и ясно усвоивалъ себѣ получаемыя приказанія; въ этомъ отношеніи онъ шелъ далѣе:

онъ предугадывалъ желанія начальства. Слѣдя неуслыно за ходомъ дѣлъ министерства и въ особенности за личными отношеніями главныхъ административныхъ дѣателей между собой, онъ всегда старался предусмотрѣть что именно было бы полезно и желательно начальству при извѣстномъ состояніи служебной атмосферы, что можно пустить въ ходъ теперь же, пользуясь моментомъ, съ увѣренностію въ успѣхѣхъ, и что надо попридержать до болѣе удобной минуты. Вооруженный этими драгоценными свѣдѣніями, онъ распределялъ доклады свои такъ что убѣждалъ и вынуждалъ начальство согласиться на ту именно мѣру которая и безъ того уже, безъ его убѣжденій, составляла предметъ хотя и невысказанныхъ еще, но горячихъ желаній начальника. Если же случалось ему и ошибиться, если, не взирая на его убѣжденія, начальство не приторно отказывало принять предлагаемую имъ мѣру, и становилось очевидно что онъ на этотъ разъ не предугадалъ, то и въ этомъ случаѣ онъ выходилъ изъ затрудненія не жертвуя своими перьями: онъ тонко, незамѣтно давалъ чувствовать начальству что удивляется его прозорливости, настойчивости и силъ характера. Въ отдѣленіяхъ разныхъ управленій, изложеніе мотивовъ подкрѣпляющихъ предложеніе какой-либо мѣры называлось приготовленіемъ гарнира къ „говядицѣ“; самая мѣра была говядиной, мотивы были гарниромъ. Никто во всемъ управленіи не могъ сравниться съ Анкосовымъ въ искусствѣ подбирать гарниръ. Получивъ въ видѣ резолюціи на бумагѣ голое изложеніе предполагаемой мѣры безъ подкрѣпленія ея какими бы то ни было доводами, онъ подыскивалъ мотивы и умѣлъ обложить говядину такимъ гарниромъ что всѣ многочисленные совѣты и комитеты, приглашенные пожевать и вкусить его стряпни, проглатывали представленіе съ особымъ апетитомъ, не разобравъ хорошенько что это за мясо; до такой степени вкусенъ былъ соусъ.

Наружность и манеры Сергѣя Петровича какъ нельзя болѣе отвѣчали той выгодной репутаціи какою онъ пользовался въ Петербургѣ.

Очень худощавый, даже тощій, всегда матово-блѣдный, съ задумчивыми, усталыми карими глазами, онъ имѣлъ видъ чело-вѣка нервнаго, страдающаго бессонницей и крайне утомленнаго непосильною работой. Что-то таинственное, недосказанное, виднѣлось въ его глазахъ и его улыбкѣ.

„Онъ скоро израсходуется себя“, говорили молодыя дамы,

гляда на него съ участіемъ. „Il brule la bougie des deux bouts.“\* И ужасно хотѣлось имъ знать отчего онъ такой усталый, такой изможденный.

Каждый разъ когда поднимался какой-либо вопросъ сильно его интересующій и Анкосовъ приходилъ въ некоторое волненіе, оно всегда сопровождалось какимъ-то подергиваніемъ мускуловъ лѣваго глаза и лѣвой щеки; Сергій Петровичъ учащенно моргалъ однимъ лѣвымъ глазомъ и казалось самъ не замѣчалъ этого страннаго вервнаго явленія.

Онъ всегда слушалъ говорившаго съ нимъ съ большимъ вниманіемъ; казалось что онъ весь поглощенъ былъ тѣмъ что слышалъ и вдругъ, къ крайнему удивленію говорящаго, внимательный слушатель начиналъ весело улыбаться въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ разказа, вызывающихъ обыкновенно слезы, или оставался серьезнымъ при самыхъ смѣхотворныхъ остротахъ. „Должно-быть голова его занята важными дѣлами, ему теперь не до моихъ разказовъ“, думалъ въ такихъ случаяхъ говорившій.

Самъ Анкосовъ не любилъ разказывать ни смѣхотворныхъ анекдотовъ, ни трагическихъ происшествій, но охотно вдавался въ разговоры о политикѣ, о современном положеніи Россіи, о вопросахъ дня, въ особенности же интересовался новостями придворными и слухами о передвиженіяхъ, назначеніяхъ и увольненіяхъ высшихъ лицъ. Бесѣдуя о всѣхъ этихъ матеріалахъ важныхъ и серьезныхъ, онъ никогда не употреблялъ глагола: *я знаю*, но говорилъ: *я слышалъ* и чаще всего прибѣгалъ къ выраженію: *говорятъ*. Но выговаривалъ онъ слова эти такимъ тономъ что всѣ слушающіе его под-рузумѣвали: „я знаю“.

Анкосовъ былъ единственнымъ сыномъ отставнаго генерала, не бѣднаго, но и не особенно богатаго помѣщика одной изъ приволжскихъ губерній, изъ многочисленнаго разряда тѣхъ русскихъ помѣщиковъ которые не нашлись что дѣлать тотчасъ послѣ 1861 года и доходы коихъ уменьшились болѣе чѣмъ на половину отъ улучшенія быта крестьянъ. Отецъ отдалъ его двѣнадцати лѣтъ въ тотъ же кадетскій корпусъ гдѣ и самъ воспитывался. Слособный, самолюбивый и честолюбивый Сережа учился хорошо, велъ себя прилично, а потому вышелъ офицеромъ въ артиллерию, а оттуда чрезъ академію въ генеральскій штабъ.

\* Его свѣча горитъ съ обохъ концовъ разомъ.

Въ настоящую минуту на станціи Балтійской желѣзной дорога, долетѣлъ наконецъ по очереди до билетной кассы, локомотивъ Анкосовъ просунулъ въ форточку кассира пятирублевую бумажку.

— До станціи Пудость, билетъ перваго класса, сказалъ онъ, и пока въ кассѣ накладывали штемпель на билетъ и отръзывали его, спросилъ:—Поездъ отходить въ которомъ часу?

— Въ 9 часовъ 20 минутъ.

— Слишкомъ рано забрался мы, замѣтилъ онъ, обратясь къ шедшему сзади его и тоже требовавшему билетъ до Пудости, ротмистру гусарскаго полка, князю Анатолю Николаевичу Суздальскому.—Теперь только безъ десяти минутъ девять.

Чтобы убить время, Анкосовъ прошелъ въ одну изъ залъ къ выставленнымъ на продажу книгамъ и журналамъ и купилъ послѣдній номеръ одного изъ наибольшихъ по формату ежедневныхъ изданій.

Ставъ спиной къ окну противъ выходной двери, онъ положилъ портфель на ближайшій диванъ, развернулъ газету, чуть не съ простыню величиной и только что началъ пробѣгать руководящую статью, какъ замѣтилъ предъ собою протянутую изъ-за листа газеты чью-то руку, держащую продолговатый конвертъ.

Опустивъ газету онъ увидѣлъ стоящаго предъ нимъ человѣка въ фуражкѣ посыльнаго и съ письмомъ въ рукѣ.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ, глядя на конвертъ, на которомъ успѣлъ уже прочесть свою фамилію.

— Извольте получить, приказано вамъ передать.

— Почему же не на моей квартирѣ, а здѣсь?

— Приказано передать вамъ здѣсь и уплачено безъ отвѣта.

Анкосовъ, очень удивленный, взялъ письмо. Покуда онъ разрывалъ заклеенный конвертъ и развертывалъ письмо, посыльный исчезъ.

Письмо было анонимное, рука скорѣе женская чѣмъ мужская, но съ явнымъ стараніемъ исказить почеркъ. Было написано:

„Принимаю въ васъ сердечное участіе. Обстоятельства такъ сложились что совѣтую лучше на время удалиться. Здѣсь завистники погубятъ. Достигнуть цѣли можно, но нуженъ случай. Сегодня сдѣлаете вы встрѣчу, она можетъ устроить вашу будущность. Но помните добрый совѣтъ и исполните его непременно. Не ищите случая далеко, онъ передъ вашими глазами. Вашъ другъ.“

Зажоргалъ лѣвый глазъ полковника. Онъ подвѣвалъ брошенный на полъ конвертъ и облизывалъ разорванныя двѣ половинки его. На конвертѣ тою же рукою было написано: „Его высокоблагородію Сергѣю Петровичу Анкосову.“

Не могло быть никакого сомнѣнія. Конвертъ былъ совсѣмъ обыкновенный, длиноватый, безъ печати и вензеля, Анкосовъ началъ искать глазами посылнаго чтобы разспросить, но его уже не было въ залѣ.

Анкосовъ снова обратился къ письму и со вниманіемъ эксперта разсматривалъ его буквы.

— *Лучше на время удалиться*, читалъ онъ:— совершенно вѣрно. Я самъ того мнѣнія и желанія моего быть гдѣ-нибудь военнымъ агентомъ не скрываю, даже говорилъ объ этомъ не разъ многимъ знакомымъ. *Здѣсь завистники погубятъ*, объ этомъ и самъ подумывалъ частенько, но никому не говорилъ. *Нуженъ случай*—эка новость! конечно нуженъ случай, да гдѣ жь его взять! *Она можетъ устроить*. Кто такая: она! тутъ какъ-то безграмотно написано: *Вы съѣдаете вострѣчу*, *она можетъ устроить*. Вострѣча что ли? или женщина которую я встрѣчу? А на совѣтъ налегають особо. *Не ищите случая далеко, онъ передъ вашими глазами*. Ну, пока предъ глазами: двѣ маменьки и старая дѣва что продаетъ книги, суденымъ случаемъ явно быть не могутъ!

Письмо вмѣстѣ съ изорваннымъ конвертомъ отправилось въ портфель, а газета снова была развернута.

Хотя глаза и пробѣгали строчки передовой статьи, но смыслъ читаннаго не проникалъ въ голову Анкосова. Его мысли не могли оторваться отъ только что полученнаго анонимнаго письма.

*Случай предъ вашими глазами*. Кто могъ написать мнѣ это? И Анкосовъ перебиралъ въ умѣ всѣхъ знакомыхъ ему дамъ. Неизвѣстно почему былъ онъ такъ увѣренъ что письмо написано женскою рукою. Переходя мыслями отъ одной знакомой къ другой, онъ старался приискать причины которыя могли бы побудить ту или другую даму адресоваться къ нему съ совѣтомъ, но не могъ придумать ничего.

— А чортъ съ ними! сказалъ онъ съ досады чуть не громко и вновь обратился къ газетѣ.

Но видно не суждено ему было прочесть передовую статью, потому что не услѣлъ онъ пробѣгать и нѣсколькихъ строкъ ея, какъ услышалъ знакомый голосъ привѣтствовавшій его словами:

— Сергей Петровичъ, здравствуйте! и опять рука, но на этотъ разъ съ перстнемъ на большомъ пальцѣ и съ золотымъ гладкимъ браслетомъ подъ военнымъ рукавомъ, высунулась изъ-за газеты.

Предъ Анкосовымъ стоялъ средняго роста, полный, скорѣе рыхлый чѣмъ плотный генералъ, лѣтъ сорока лѣтъ, съ рыжими густыми волосами и такою же бородой. Въ немъ особенно поражали черные, блестяще глаза при совершенно свѣтлыхъ волосахъ. Очень короткая шея, нѣсколько красное, воспаленное лицо и толстыя красныя губы свидѣтельствовали объ алоплексическомъ сложеніи и склонности ко всякимъ издѣшествахъ.

Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, во всемъ новомъ, съ иголочки. Кнты, красный воротникъ, золотые погоны, перчатки, шпору, все блестяло свѣжестью.

И все это не уплачено, была первая мысль Анкосова. Ему документально было извѣстно что генералъ Вейсигъ имѣлъ пагубную слабость ко всякаго рода комфорту, къ хорошимъ завтракамъ и обѣдамъ, къ роскоши и къ цѣннымъ вещамъ; но также имѣлъ привычку не платить долговъ и не разчитываться по счетамъ своихъ фурниссеровъ. Его финансы были постоянно въ самомъ плачевномъ состояніи, онъ съ давнихъ временъ не выходилъ изъ дефицита и погрузился наконецъ въ неоплаченные долги.

— Ваше превосходительство! какими судьбами? отвѣчалъ Анкосовъ на пріѣздъ генерала, пожимая ему руку.—Всѣ полагаютъ васъ гдѣ-то въ глубокой Азіи, а вы здѣсь... Давно ли изволили пожаловать?

— Пріѣхалъ-то я уже болѣе мѣсяца тому назадъ, да вотъ все возился въ моемъ министерствѣ, такъ что не успѣлъ еще лобызать у васъ въ управленіи.

— Вѣроятно останетесь здѣсь еще нѣкоторое время?

— Не знаю право, долго ли придется мнѣ пробить здѣсь, а очень бы хотѣлось. Интересныя совершаются здѣсь событія. Кажется, видишь на яву во очю, какъ движется, нѣтъ, не движется, а мчитса впередъ собственной инициативой общій прогрессъ. Невольно рождается надежда на скорое разрѣшеніе самыхъ важныхъ социальныхъ вопросовъ для Россіи. Посмотрите, какъ все измѣнилось въ короткое время. Последній разъ мы съ вами видѣлись три года тому назадъ, а съ тѣхъ поръ....

— Да, съ тѣхъ поръ многое намѣнилось, отвѣчаетъ Анкосовъ,—но у насъ тутъ думаютъ что намѣненія эти не дѣлаютъ движенія впередъ, или, какъ вы говорите, прогресса. Вотъ, напримеръ, общій нашъ съ вами знакомый, Николай Владиміровичъ Мезенцевъ...

— И не говорите! Какъ жаль мнѣ Николаю Владиміровича! прерываетъ его Вейсигъ.—Я вѣдь былъ съ нимъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще такъ недавно мы завтракали съ нимъ. Но что же дѣлать? Въ такихъ вопросахъ мы не должны позволять себѣ изъ видовъ и чувствъ индивидуальныхъ судить субъективно. Ни одна великая социальная задача не рѣшалась безъ жертвъ. Louis Blanc, въ сочиненіи своемъ: *Histoire des dix-ans*, говорить...

— Читалъ я это сочиненіе, вставилъ Анкосовъ,—и признаюсь, не понравилось оно мнѣ.

— А! читали? спорить объ его сочиненіи не буду. Не помню право хорошенько, онъ ли сказалъ, или я прочиталъ гдѣ-то въ другой книгѣ, по поводу убійства герцога Беррійскаго, что онъ убить былъ не человѣкомъ, а принципомъ, имперіальнымъ началомъ...

— Что же? авторъ оправдываетъ убійцу?

— Нѣтъ, знаете... не то чтобъ оправдывалъ убійцу, а говорить что подобныя эпизоды, какъ ни грустны, но неизбежны цитируетъ примѣры и приходитъ къ убѣжденію что политическаго убійцу нельзя ставить на одну доску съ обыкновеннымъ преступникомъ. И мы видѣли что общее мнѣніе русскаго интеллигентнаго класса не только dorosло, но и опередило мысль Луи-Блана... то-есть, виноваты, того писателя который говоритъ объ убіеніи герцога Беррійскаго. Вы читали конечно статьи нашей журнальной печати, послѣ вердикта окружнаго суда, оправданнаго ту дѣвушку... помните, которая стрѣляла и ранила...

— Читалъ Андрей Павловичъ и помню что весьма многіе были возмущены этими статьями; конечно, нашлись и такіе которымъ онъ и понравился.

— И я въ числѣ ихъ тоже порадовался, не за дѣвушку! конечно, но мнѣ чортъ съ ней, я ей вовсе не симпатизирую!.. и опять-таки не изъ желанія зла индивидууму на жизнь котораго она аттавтировала, а исключительно изъ принципа, изъ уваженія къ прерогативамъ суда, который долженъ стоять въ полной независимости отъ посягательствъ админист-



страци. Повторяю, Сергѣй Петровичъ, нельзя въ этихъ вопросахъ судить субъективно.

Въ эту минуту раздакъ первый звонокъ, сторожъ отворилъ двери на платформу.

— Извините, ваше превосходительство, что долженъ покинуть васъ, послѣдннво раскланиваясь говорилъ Анкосовъ,— а вижу товарища который ждетъ меня. Мы ѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Куда же вы ѣдете? спросилъ Вейсигъ, пожимая на прощаньи руку Анкосова.

— Въ Пудость.

— По службѣ?

— Да, съ полковыми офицерами для военной повѣздки дня на три. Кстати тамъ и знакомые живутъ. Званъ тамъ даже обѣдать на сегодня.

— Къ кому это?

— Къ графу Трояновскому, отвѣтилъ удаляющійся Анкосовъ.

— Значить будемъ обѣдать вмѣстѣ, крикнулъ ему во слѣдъ Вейсигъ.

Анкосовъ послѣдннво удалился, забравъ портфель и уложивъ газету въ карманъ пальто.

„Ну ужъ до этого барина анонимное письмо касаться не можетъ, подумалъ Анкосовъ. Онъ не можетъ быть ни случаемъ, ни средствомъ. Онъ самъ ищетъ случаевъ и средствъ. Эту встрѣчу по боку, не въ счетъ.“

Анкосовъ раздѣлялъ общее мнѣннво товарищей о Вейсигѣ. Всѣ считали его за человѣка очень неглупаго, но не признавали въ немъ ни самостоятельности, ни полезной практической дѣятельности. Изъ различныхъ умственныхъ способностей, какъ-то: памяти, мышленнво и воображеннво, въ немъ болѣе всего были развиты память и воображеннво. Мышленнво же стояло на заднемъ планѣ. Онъ много читалъ и изъ прочитаннаго очень многое сохранилъ въ памяти; помнилъ всѣ имена авторовъ, заглавнво книгъ и отдѣльно нѣкоторыя мысли писателей, но не критикуя ихъ собственнымъ мышленнвомъ, принималъ чужнво идеи на вѣру, и хвастая своими познаннвами, выдавалъ чужнво мысли за свои, иногда несмотря на явное ихъ противорѣчнво. Трудно было найти человѣка такъ легкомысленно принимающаго за незыблемыя начала все подписанное извѣстными въ наукѣ именами и за неопровержимыя

истины всю болтовню газетъ и журналовъ наиболѣе распространенныхъ. На основаніи такой наивной довѣрчивости, его мнѣнія никогда не стояли долго на одной почвѣ и не шли постоянно въ одномъ направленіи, а непрерывно мѣнялись и почву и направленіе суда по тому что говорила журнальная печать. Мало того, будучи отъ природы крайне честолюбивымъ и желая во что бы то ни стало прославить себя и сдѣлать блистательную карьеру, онъ всѣ происшествія общественныя и политическія, всѣ газетныя утки, даже всѣ слухи городскіе раздувалъ пылакимъ воображеніемъ своимъ въ какія-то горы, не замѣчая самъ что надувалъ мыльные пузыри и на этихъ горахъ, пустыхъ внутри, задумывалъ строить свое будущее величіе.

Съ этою цѣлью онъ заявлялъ себя публично партизаномъ того или другаго направленія, того или другаго политическаго или административнаго убѣжденія если видѣлъ что это направленіе находитъ сочувствіе въ обществѣ. Заявляя себя партизаномъ этихъ идей, онъ вѣрилъ что онъ должны неминуемо восторжествовать, вознестись превыше всѣхъ другихъ и вознести его самого.

Но вкусы общества и убѣжденія журналовъ мѣняются быстро. Горы оказывались скоро мыльными пузырями, лопались—и бѣдный Вейсигъ летѣлъ съ нихъ внизъ головой.

Лежа разбитый въ пропасти, называемой „состояніемъ ло... или состояніемъ при... безъ денежнаго содержанія“, онъ усердно начиналъ искать себѣ протекторовъ которые подали бы ему хоть одинъ палецъ чтобъ онъ могъ бы ухватиться. Къ чему не прибѣгалъ онъ въ горькой юдоли своей, и успѣвалъ! Глядишь, Вейсигъ олять на какомъ-нибудь видномъ мѣстѣ. Но не проходило двухъ, трехъ лѣтъ—онъ олять взгромоздится на высоту мыльнаго пузыря блестящаго всѣми радужными цвѣтами, олять занесется въ сферы всевозможныхъ утопій и олять кувыркомъ летитъ въ пропасть. Въ такомъ постоянномъ движеніи вверхъ и внизъ проходила вся жизнь его.

Со своей стороны Вейсигъ распростившись съ Анкосовымъ думалъ: „Хочетъ дѣлать карьеру молодой человекъ, думаетъ сдѣлать ее тѣмъ что пристегиваетъ судьбу свою къ судьбѣ какого-нибудь важнаго и вліятельнаго лица. Ошибется. Важное лицо можетъ развѣ поставить на ноги, а подняться выше толпы можно только собственною силою, представляя собою какую-нибудь современную, всеобѣщающую идею.“

Дѣлая такое умозаключеніе, Вейсигъ забывалъ что ловкіе люди умѣютъ вовремя и незамѣтно отстегивать судьбу свою отъ колосса готоваго пасть и пристегивать ее къ другому, еще не колоссу, но уже готовому возрасти до размѣровъ его.

## II.

Анкосовъ очевидно слѣвшилъ въ вагонъ. Мысль о встрѣчѣ которая должна рѣшить его будущность не выходила изъ головы.

„Интересно знать кого увижу я предъ собой въ вагонѣ“, думалъ онъ. „Многіе романы начинаются со встрѣчи въ вагонахъ. Можетъ и мой такъ начнется“.

И Анкосовъ двинулся къ выходной двери.

— Я сейчасъ за вами, Сергѣй Петровичъ, сказала Суздальскій, глядя пристально мимо плеча Анкосова вдаль къ выходной двери изъ первой залы.

Замѣтя пристальный взглядъ князя и озадаченное выраженіе его лица, Анкосовъ повернулъ голову въ ту же сторону, и увидѣлъ въ тоалетъ, слѣзшишей къ выходной двери на платформу, высокую, стройную женщину, въ амазонкѣ, шедшую подъ руку съ солиднымъ мущиною среднихъ лѣтъ. Всею осанкой, медленною, спокойною поступью и видомъ исполненнымъ граціозной величавости, она рѣзко отличалась отъ обгонявшей ее толпы, съ саквояжами, картонками и дѣтьми. Нельзя было не замѣтить ее, а замѣтивъ, нельзя было не остановиться на ней глазами.

— Вы что это, князь, спросилъ Анкосовъ улыбаясь, — клюнули червячка на удочкѣ? Васъ кажется потянуло уже къ этой амазонкѣ? Дрейфуетъ, князь, какъ говорятъ моряки?

Но молодой князь и не слышалъ что говорилъ ему Анкосовъ, до того онъ былъ погруженъ въ созерцаніе подходившей амазонки.

Ростомъ немного выше средняго, довольно худенькая, но необыкновенно стройная и гибкая, съ формами сложившейся женщины, но вся еще проникнутая чарующею дѣвственною прелестью, шла она не торопясь, какъ будто увѣренная что во всякомъ случаѣ ее подождутъ и спокойно, какъ-то благосклонно глядя на обгоняющую ее публику. Прекрасно сидящая на ней темно-зеленая амазонка съ мужскимъ ворот-

ничкомъ обрисовывала пластичность ея плечь, правильно развитой груди, стана и античную пропорціальность членовъ. Еслибы волосы дѣвушки не были черны какъ вороново крыло, ее, пожалуй, можно было бы назвать смуглою, но въ рамкахъ этихъ черныхъ вьющихся и небрежно причесанныхъ волосъ нѣжная кожа ея казалась совершенно бѣлою. Овалъ лица, небольшой алый ротикъ, всѣ черты были правильны, но на нихъ нельзя было остановиться долгаго вниманія, потому что встрѣтивъ разъ эти черныя очи и эти длинныя шелковыя рѣсницы загнутыя кверху, уже не было силъ оторвать отъ нихъ очарованнаго взора. Ото всей ея особы вѣяло порядочностью и чистотой даже въ мысляхъ непорочной дѣвушки. Ея видъ вселялъ невольное глубокое уваженіе. А въ то же время глаза ея и эти загнутыя длинныя рѣсницы были такъ краснорѣчивы, столько задатковъ пылкой земной страсти, которой сама она въ себѣ и не подозрѣвала, было въ нихъ и такъ соблазнительно женственна была вся она.

Лѣвая рука ея, или вѣрнѣе, только пальцы лѣвой руки лежали на согнутой рукѣ шедшаго съ ней кавалера, но она не опиралась на его руку: она шла независимо отъ него. Правую рукой она держала кончикъ шляпки своей амазонки и хлыстикъ съ серебряною ручкой. Замшевыя перчатки съ небольшими крагами, кончикъ батистоваго платка выглядывавшій изъ наружнаго кармана амазонки на лѣвой сторонѣ груди и мужская низенькая шляпа со свѣтло-зеленымъ вуадемъ наверху придавали ей нѣсколько браваурный оттѣнокъ.

Все обаяніе этой женщины повяло и оцѣнилъ Анкосовъ своею нервною чуткою натурой.

Ему начинала уже нравиться мысль что эта гордая, неприступная женщина есть именно та о которой говорило анонимное письмо. Онъ самъ себѣ не создавался въ этой мысли, но она невольно начинала занимать его.

„Вѣроятно не она“, думалъ онъ съ сожалѣніемъ, „иначе она чѣмъ-нибудь да показала бы что заинтересуетса мною, что наконецъ знаетъ меня.“

— Чтò за прелесть! воскликнулъ князь Суздальскій когда дама и кавалеръ ея вышли изъ двери и попрежнему не торопясь повернули вдоль платформы.

— Вы хотите чтобъ она васъ замѣтила что такъ громко и всенародно заявляетъ ваши восторги? сказалъ Анкосовъ.

— Да она по-русски не понимаетъ.

— Почему вы знаете, развѣ вы съ ней знакомы?

— Первый разъ вижу и удивляюсь что никогда не видалъ ее въ Петербургѣ. Я думалъ что знаю здѣсь всѣхъ хорошихъ. Она навѣрно иностранка. Русскихъ красавицъ я знаю, пожалуй между ними найдутся и красивѣе ея, да вотъ хоть бы Елена Трофимовна не хуже; но такой какъ она нѣтъ и быть не можетъ. Поглядите какъ она ходитъ! продолжалъ восторгаться князь Суздальскій, но уже вполголоса, идя вмѣстѣ съ Анкосовымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дамы.— Какъ она ставитъ маленькія ножки свои! Видѣ это картинца, это королева Годковская. И съ такою-то осанкой, что за грація! Она Андалузка какая-то.

— Не изъ цирка ли? злостно замѣтилъ Анкосовъ.

— Полноте, Сергій Петровичъ, какъ можно быть такимъ профаномъ! Я знаете думаю: не жена ли это новаго португальскаго посланника. Говорятъ, писаная красавица, но я еще не встрѣчалъ ее.

— Который вагонъ перваго класса идетъ въ Гатчину? спрашиваетъ амазонка въ эту самую минуту на чистомъ русскомъ языкѣ у кондуктора стоявшаго предъ отворенною дверью вагона.

— Пожалуйте впередъ, эти въ Петергофъ, отвѣчалъ кондукторъ.

— А кто изъ насъ профанъ? шепнулъ Анкосовъ.

— Оба мы профаны, также тихо отвѣтилъ гусарь.—*Parole d'honneur*, ничего не ловимаю.

Между тѣмъ какой-то мальчуганъ, бѣжавшій сбоку своей мамашы слѣдившей съ картонками, наскочилъ въ полыхахъ на шедшую впереди незнакомку, слоткнулся и чтобы не упасть, ухватился ручонками за складки ея амазонки. Кончикъ шейфа выпалъ у нея изъ руки. Она остановилась, быстро поворотила назадъ голову, не измѣняя даже положенія плечъ и немного наклонилась, опустивъ внизъ длинныя рѣсницы.

Князь Суздальскій, шедшій позади ея, схватилъ мальчика за плечи, удержалъ его отъ паденія и отдалъ руки оторопѣлаго ребенка отъ складокъ амазонки. Дама подняла голову, посмотрѣла на гусара, легкимъ, плавнымъ движеніемъ головы поблагодарила его за услугу и взглянула на Анкосова.

Какъ зарница въ небѣ на одно мгновение поднимаетъ завѣсу ночи надъ окрестностью, такъ мимолетный какой-то лучъ мелькнулъ въ глазахъ красавицы, и Анкосову показалось что она его узнала или что онъ напомнилъ ей кого-нибудь или что-нибудь.

Она взяла за руку мальчика, собиравшагося уже заплакать, и передала его своему кавалеру, сказавъ ему нѣсколько словъ по-англійски. Анкосовъ былъ увѣренъ послѣ взгляда брошеннаго на него красавицей что рѣчь шла о немъ и потому, какъ говорится, наострилъ уши. Готовясь быть военнымъ агентомъ, онъ въ послѣднюю зиму много занимался англійскимъ языкомъ и понималъ его, но въ томъ что сказала она своему кавалеру слышалъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ: „...тотъ полковникъ... говорила... сегодня...“

Вотъ все что онъ могъ слышать, но и этихъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ, не представлявшихъ никакого смысла, было достаточно чтобы при его и безъ того уже встревоженномъ состояніи и послѣ анонимнаго письма взволновать еще болѣе его голову.

Сопровождавшій даму Англичанинъ, какъ показалось теперь Анкосову, молча кивнулъ только головой въ знакъ согласія, положилъ руку на плечо мальчика и повелъ его назадъ чтобы передать матери съ картонами. Красавица осталась ожидать его возвращенія.

— Mlle Natalie, bien le bonjour! Comment, toute seule? привѣтствовалъ даму подошедшій къ ней мужчина высокаго роста, съ густыми бакенбардами „roivre et sel“, какъ говорятъ Французы.

Съ особенною учтивостью приподнялъ онъ шляпу и продолжалъ держать ее надъ головой, пока пожималъ протянутую ему руку. На немъ былъ форменный фракъ съ металлическими пуговицами и бѣлый галстукъ. Разстегнутое лѣтнее пальто, накинутое на плечи, не закрывало нѣсколькихъ звѣздъ на фракѣ и красной ленты поверхъ бѣлаго жилета.

— Mais non, je ne sois pas seule, Mr. Gibson est avec moi. Et vous, pourquoi êtes vous si beau? \* спросила она вѣроятно для того чтобы сказать что-нибудь; но сказала какъ разъ

\* Нѣтъ, я не одна, г. Гибсонъ со мною, а вы какъ, почему вы такъ красивы?

кстати, потому что вопросомъ этимъ доставила обладателю красной ленты случай высказать громко чтобъ имѣющие уши слышали:

— Je vais a Péterhoff où se trouve Sa Majesté.\* Мой старикъ нездоровъ, самъ ѣхать съ докладомъ не могъ, товарищъ его въ отпуску, послалъ меня. А вы, Наталья Васильевна, куда это собрались да еще въ такомъ нарядѣ, qui d'ailleurs vous va à ravir. \*\*

— Ёдемъ на охоту, куда-то къ сторонѣ Гатчины, приглашены съ большимъ обществомъ, что-то въ родѣ ликника. Василій Федоровичъ находитъ что я дичаю и вотъ мы съ нимъ ѣдемъ. Неловко было молодымъ людямъ оставаться долѣе на мѣстѣ, и когда Англичанинъ подходилъ къ своей дамѣ, они обогнали разговарившихъ, причемъ Анкосовъ раскланялся съ ѣхавшимъ въ Петергофъ звѣздоносцемъ и вошелъ въ вагонъ перваго класса съ надписью: для курящихъ, ѣдущихъ въ Гатчину.

Въ вагонѣ оказался генералъ Вейсигъ и какой-то весьма благообразный купецъ съ золотою медалью на шеѣ.

Вейсигъ началъ было что-то разказывать Анкосову, но тому было не до разговоровъ. По обыкновенію своему, онъ слушалъ какъ будто очень внимательно говорившаго, но мысли его были заняты лисьмомъ и дамой.

Вейсигъ скоро замѣтилъ его озабоченность, подумалъ что вѣроятно это свѣтло главнаго управленія обрабатываетъ въ умѣ какое-нибудь очень важное представленіе и обратился къ купцу съ бесѣдой о торговлѣ солью. Бесѣда эта уже была начата ими до прихода Анкосова и Суздальскаго.

Поѣздъ тронулся.

Тономъ профессора на каедрѣ говорилъ Вейсигъ о соляныхъ промыслахъ. Коснулся добыванія соли въ чужихъ краяхъ, распространялся о добываніи озерной и каменной соли въ Россіи, о преимуществахъ шахтъ предъ открытыми работами, о стоимости работъ; объ Илецкихъ, Елтовскихъ, Баскунчакскихъ, Кылчачинскихъ, Пермскихъ и Крымскихъ промыслахъ. Поименовалъ даже нѣсколько такихъ мѣсторожденій соли о которыхъ купецъ и не слыхивалъ; да и не только купецъ, врядъ ли нашелся бы кто-нибудь во всемъ поѣздѣ ѣхавшемъ въ Гатчину который слыхалъ о такихъ

\* Я ѣду въ Петергофъ гдѣ пребываетъ Его Величество.

\*\* Который впрочемъ идетъ къ вамъ воспитательно.

мѣсторожденіяхъ. При этомъ Вейсигъ обнаружилъ такія замѣчательныя познанія по части химіи и минералогіи что купецъ не понималъ ни слова, а бѣдный Суздальскій послѣ долгой борьбы со всѣми неучтивыми симптомами одолевшаго сна, не устоявъ, заснулъ.

Не мало дивился купецъ словамъ генерала. Кажись всё названія тѣ же, а въ смыслѣ рѣчи вникнуть нельзя. Слишкомъ двадцать лѣтъ занимался купецъ соляною промышленностію, нажилъ на ней не одну сотню тысячъ рублей, а никогда еще не прибѣгалъ къ тѣмъ мѣрамъ которыя генералъ называлъ первыми и необходимыми и безъ коихъ, по его мнѣнію, нельзя разрабатывать промысла и нельзя получить доходовъ. А купцу казалось что елибы дѣлать по словамъ генерала, то пришлось бы работать себѣ въ убытокъ. Далеко раскопалась теорія Вейсига и практика солелпромышленника.

— Развѣ ужь Нѣмцу какому, а намъ непригодно. ефтамъ порядкомъ. Убыточно, рѣшилъ наконецъ купецъ и умоакъ.

На полустанціи *Пудость* поѣзды Балтійской желѣзной дороги останавливаются, и то не всё, только на одну или на двѣ минуты. Въ Пудости рѣдко кто выходитъ изъ вагоновъ, развѣ двѣ, три Чухонки сосѣднихъ деревень выльзутъ изъ третьяго класса. На платформѣ полустанціи почти никогда не видать встрѣчающихся и ожидающихъ.

Но на этотъ разъ вышло иначе. На платформѣ стояла цѣлая группа ожидающихъ.

Человѣкъ десять офицеровъ различныхъ полковъ встрѣтили полковника Анкосова. Къ нему же и къ князю Суздальскому подошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, безцвѣтный блондинъ, одѣтый въ лѣтній дачный костюмъ безукоризненнаго европейскаго покроя.

— Пала узналъ что вы должны прибыть съ девятичасовымъ поѣздомъ и прислалъ меня напомнить вамъ обѣщаніе отобѣдать сегодня у насъ, сказалъ расклаиваясь молодой человѣкъ, сынъ графа Петра Павловича Трояновскаго, студентъ Петербургскаго университета.

— Поблагодарите, графъ, батюшку вашего, отвѣтилъ Анкосовъ,— скажите что съ благодарностію воспользуюсь его любезнымъ приглашеніемъ. Въ которомъ часу обѣдаетъ графъ?



— Здѣсь на дачѣ всегда въ четыре, но сегодня по случаю охоты, на которую предполагали мы ѣхать съ сестрою, будутъ обѣдать не ранѣе шести.

— Буду непременно, повторилъ Анкосовъ, садясь на привезенную къ станціи заранѣе верховую его лошадь. Конный вѣстовой взялъ его портфель, пальто и бинокль въ футлярѣ на ремешкѣ. Всѣ офицеры тоже сѣли на лошадей и двинулись за увѣхавшимъ полковникомъ.

У станціи однакоже остались нѣсколько осѣданныхъ лошадей, въ томъ числѣ двѣ сѣрыя съ трубачемъ гусарскаго полка. Обѣ, глядя на удаляющихся другихъ лошадей, спокойно озирались въ ихъ сторону и ржали. Эти двѣ сѣрыя принадлежали князю Суздальскому и трубачу его эскадрона.

Самъ же князь замѣшкался на станціи.

Выходя изъ вагона вслѣдъ за Анкосовымъ, онъ замѣтилъ, къ крайнему удивленію и меньшей радости, что изъ того же вагона, но только изъ другой его половины выходили Англичанинъ и его дама. Отойдя нѣскольکو шаговъ въ сторону и желая не упускать изъ виду заинтересовавшую его красавицу, которой стройная фигура показалась уже въ дверяхъ вагона, Суздальскій ухватился за молодого графа, въ семействѣ котораго былъ, какъ говорится, свой человекъ и подъ предлогомъ разговора съ нимъ, остался на платформѣ.

Онъ увидѣлъ что остановась на нѣсколько секундъ въ дверяхъ вагона, она съ выраженіемъ особенной радости, даже счастья на лицѣ, улыбалась и кланялась послѣднѣю подходившему къ ней старику лѣтъ шестидесяти, совершенно сѣдому, просто одѣтому, съ доброю располагающею физиономіей.

Старикъ сіялъ счастіемъ при видѣ молодой женщины; еще издали, не сводя съ нея глазъ, онъ протягивалъ къ ней обѣ руки и громко произносилъ:

— Наташа, дорогая, милая, здравствуйте, моя голубушка! Какъ я радъ васъ видѣть! Да какая же вы красавица въ этомъ нарядѣ!

И онъ протянулъ къ ней обѣ руки. Она вложила въ нихъ обѣ свои и слегка опираясь на нихъ, неслышно, мягко и ловко, какъ птичка, соскочила на платформу.

За нею тотчасъ же вышелъ Англичанинъ. Замѣтивъ что шлейфъ амазонки висѣлъ за край платформы и пожалуй случайно могъ быть задѣтъ проходящими уже въ движеніе вагонами, онъ нагнулся, рукой приподнялъ конецъ шлейфа

и незамѣтно ни для кого вложилъ его, не говоря ни слова, въ руку разговаривавшей со старикомъ Наташи. Конечно, изъ всѣхъ тутъ бывшихъ, только одинъ Суздальскій, не спускавшій съ красавицы глазъ, замѣтилъ тотъ интимный, ласковый кивокъ головой и тотъ взглядъ которымъ она отблагодарила Англичанина за его внимательную о ней заботу. Все это краснорѣчиво свидѣтельствовало что взаимныя дружескія отношенія ея и Англичанина начались не съ нынѣшняго дня, а укрѣплены исторіей цѣлой жизни.

Въ подошедшемъ къ ней старикѣ князь Суздальскій узналъ доктора Рыбина, постоянного съ давняго уже времени домашняго врача у графа Петра Павловича Трояновскаго. Не разъ слышалъ онъ въ домѣ графа отъ доктора и отъ его дочери Елены Трофимовны о существованіи нѣкоей Натальи Алаяровой, которой Рыбинъ былъ опекуномъ. При Суздальскомъ разказывалъ Рыбинъ молодой графинѣ Alexandrine что Алаярова, дѣвушка рѣдкихъ качествъ, что прожила она большую часть дѣтства въ Англіи, въ домѣ какого-то лорда, подъ нѣжнымъ отцовскимъ попеченіемъ англійскаго офицера, который подобралъ ее круглою сиротою гдѣ-то въ Индіи и привязался къ ней до такой степени что ради ея переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, потому что эта Алаярова, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, которыхъ Суздальскій не помнилъ, записана была шассельбургскою кулчихой. Воспитываясь въ Англіи, среди нѣсколькихъ чолорныхъ пожилыхъ леди, молодая дѣвушка приняла отъ нихъ нѣсколько пуританскій образъ мыслей, непреклонную строгость къ самой себѣ, къ своимъ постулкамъ, словамъ и мыслямъ, педантическое соблюденіе церковныхъ обрядовъ и постановленій, щелетильное повиновеніе до мелочей кодексу приличій и условій связывающихъ въ Англіи членовъ одного и того же общества и безграничное уваженіе къ дѣйствующимъ законамъ, къ преданіямъ старины и къ обычаямъ вкорененнымъ многими поколѣніями предковъ. Но къ счастью Наташи всѣ эти правила старыхъ леди пали сѣменемъ не на холодную почву Англичанки, а на огненную натуру Индіянки, а потому не произведя ничего крайняго достигли блаженной середины; умѣрили вслышчивость, непостоянство, шаловливость южанки и вкоренили твердые принципы чести, уваженія къ долгу, къ законности и къ семейной чистой и нравственной жизни, безъ увлеченій излишней мечтательности.

Изъ нея и вышла дѣвушка хотя и не чепорная и не слѣсивая какъ бывають многія Англичанки высшаго общества, но серьезно смотрящая на жизнь и на важность своихъ обязанностей, какъ настоящихъ такъ и будущихъ.

Все это промелькнуло въ памяти Суздальскаго при видѣ Рыбина, подходившаго къ своей крестной дочери съ улыбкой счастья на его добромъ лицѣ.

„Не моего поля ягода“, подумалъ Суздальскій. „Денегъ ей не нужно, имѣеть больше моего; жениться на купчихѣ, слуга покорный, не приходится; а сердца et se qui s'en suit безъ *Исаия-ликуй* пуританка не приметъ. Другаго ничего я предложить ей не могу, а потому très cher Monsieur Anatole, труби отбой. Елена Трофимовна, на этотъ разъ побѣда за вами!

Вотъ и все что подумалъ молодой, безшабашный кутила, князь Анатолий Николаевичъ Суздальскій, двадцатисемилѣтній, богатый „viveur“, членъ яхтъ-клуба, постоянный посѣтитель балетныхъ представлений и изобрѣтатель жженки „à la houssarde.“

— А гдѣ же Василій Федоровичъ? спросилъ Рыбинъ, озираясь кругомъ и не замѣчая что Англичанинъ стоялъ уже позади Наташи; до такой степени увлеченъ былъ старикъ радостью видѣть свою милую крестницу.

— Mais bonjour donc, cher docteur, vous ne voulez pas m'arceveoir, \* сказалъ улыбаясь Гибсонъ, выходя изъ-за Наташи и протягивая руку старику.

— Ah! lieber Herr Gibson, wo bleiben Sie doch? Guten Tag! \*\*

Прошло тринадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ докторъ Рыбинъ и Англичанинъ Гибсонъ познакомились въ Ташкентѣ. Гибсонъ уже порядочно говорилъ по-русски, но они все-таки неизмѣнно продолжали адресоваться одинъ къ другому какъ словесно, такъ и письменно на разныхъ языкахъ.

— Наши лошади прибыли, крестный? спросила Наташа.

— Ваши лошади прибыли еще вчера вечеромъ, и Томъ съ вами; онѣ стоятъ тутъ. Вы можете прямо съѣсть верхомъ. А какъ же вы одѣваете, моя родная, съ вашимъ костюмомъ, не можете же вы оставаться безпредѣльно въ немъ. Вотъ вѣдь

\* Здравствуйте любезный докторъ, вы не хотите меня замѣтить.

\*\* А! любезный мистеръ Гибсонъ, гдѣ же вы прачетесь? Здравствуйте!

всегда такъ съ логикой женщинъ: не только о завтрашнемъ днѣ, о слѣдующемъ часѣ не подумаютъ.

— Со мной Анна Ефимовна, улыбаясь отвѣчала Наташа.— Она сидѣла во второмъ классѣ съ картонками. Да гдѣ же она?

Наташа начала озираться кругомъ и замѣтила гусара не сводившаго съ нея глазъ. Она сдѣлала видъ что не видала его.

— Анна Ефимовна съ вами! какъ я радъ увидѣть кумушку. Ну вотъ что мы сдѣлаемъ... продолжалъ болтать докторъ.

— Дѣлайте что хотите крестный, но только поскорѣе, а то мы тутъ напрасно... время теряемъ, сказала Наташа.

Гибсонъ посмотрѣлъ на нее вопросительно; въ словахъ ея, въ интонаціи ея голоса онъ тотчасъ замѣтилъ что-то особенное; затѣмъ оглянувшись кругомъ какъ только что предъ тѣмъ оглянулась Наташа, въ свою очередь увидѣлъ гусара, сдѣлалъ тоже видъ будто не замѣчаетъ его, и обращаясь къ доктору сказалъ, хотя вполнѣ учтивымъ, даже ласковымъ тономъ, но такъ положительно что никакихъ дальнѣйшихъ обсужденій уже явно не требовалось:

— Мы съ миле Аларовъ поѣдемъ верхомъ, а вы или догоняйте насъ, или поѣзжайте впередъ, какъ хотите, но только доставьте, прошу васъ, средство Аннѣ Ефимовнѣ сейчасъ же пріѣхать за нами.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ засуетившіяся Рыбинъ,— кумушку возьму съ собою въ бричку и покатымъ прямо ко мнѣ. Мы пріѣдемъ равнѣ васъ. Лѣля приготовила вамъ кофе и чай.

— Да гдѣ же Анна Ефимовна?

— Mais la voilà,\* сказалъ Гибсонъ уже сошедшій съ Наташей съ задней лѣстницы платформы, — déjà installée dans votre бричка, cher docteur. Il paraît qu'elle agit sans façons la chère мамушка. \*\*

Затѣмъ Гибсонъ самъ подвелъ лошадь Наташѣ, попробовалъ крѣпко ли натянуты подпруги, измѣрилъ длину стремени по рукъ своей, пошаталъ сѣдло, осмотрѣлъ мундантукъ и поводья и помогъ Наташѣ усѣсться въ сѣдло.

Проводивъ Гибсона и Наташу, Рыбинъ подошелъ къ бричкѣ своей стоявшей посреди большой дороги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ платформы полустанціи Пудость.

\* Да вотъ она здѣсь.

\*\* Уже поѣхала въ вашей бричкѣ, любезный докторъ. Повидимому любезная мамушка не церемонится.

Въ бричкѣ давно уже сидѣла съ двумя картонками и съ сакъ-вождемъ Анна Ефимовна Лощкарева, крестная мать, она же и нянюшка, и горничная, и другъ Натальи Васильевны Алааровой. Она была въ шляпкѣ какую носили дѣтъ лять тому назадъ, въ платкѣ замѣнявшемъ шаль и въ темномъ полупелковомъ платьѣ. Въ рукѣ одѣтой въ вязаную перчатку держала она надъ головой полинявшій зонтикъ желто-бѣлаго цвѣта.

— Здравствуйте, кумушка дорогая, здравствуйте моя *Анаеювна*, привѣтствовалъ ее докторъ, протягивая ей руку.

— Здравствуй куманекъ, далась же тебѣ все Анаеювна, да Анаеювня, не можешь развѣ величать меня моимъ крещенымъ именемъ.

Анна Ефимовна обращалась ко всѣмъ знакомымъ и ко всѣмъ домашнимъ, исключая Эмилиі Ивановны, тетки Губсона, съ мѣстоименіемъ *ты*, хотя всѣ кромѣ Наташи, ея крестницы, говорили ей *вы*. Еще въ Ташкентѣ, когда будучи женой отставнаго барабанщика 4го баталіона и хозяйкой первой лавочки въ городѣ, она отличалась приготовленіемъ лучшаго кваса и потому была знакома со всѣми женами и хозяйками офицеровъ и чиновниковъ, и тогда еще адресовалась она къ покупателямъ и покупательницамъ не иначе какъ на *ты*. Ее зналъ лично даже командующій войсками и ему говорила она *ты* въ тотъ единственный разъ когда его—ство, осматривая раждающійся новый русскій городъ, зашелъ къ ней въ лавку.

— Да не я же такъ прозвалъ васъ, отвѣчалъ Рыбинъ съ трудомъ усаживаясь въ бричку наполненную багажемъ.—Помните казака Батурина, вотъ кто сочинилъ Анаеювну.

— Какъ не помнить Батурина? Добрый былъ командиръ, Андрей Андреевичъ, много добра казаки чрезъ него получили, горой за нихъ стоялъ, въ обиду бывало никому не дастъ.

— А что-то случилось съ нимъ? замѣтилъ въ раздумьѣ докторъ когда бричка уже тронулась съ мѣста.—Много кумушка воды утекло съ тѣхъ поръ какъ мужъ-то вашъ утонулъ тогда въ Чирчикѣ.

— Царство ему небесное, вздыхая произнесла вдова Лощкарева и перекрестилась.

— А какъ за это время дочь-то наша крестная Наталья-то Васильевна выросла, да похорошѣла! продолжалъ докторъ.

— Чего тебѣ выросла, ужь совсѣмъ большою барышней стала, девятнадцатый годокъ пошелъ, скоро невѣста, замужъ надо отдавать.

### III.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Трофимъ Григорьевичъ Рыбинъ былъ старшимъ врачомъ одного изъ армейскихъ полковъ кочевавшихъ въ то время по Россіи.

Находясь съ полкомъ въ губернскомъ городѣ одной изъ приднѣпровскихъ губерній, онъ былъ въ качествѣ врача приглашенъ въ домъ предсѣдателя палаты, страдавшаго подагрой и такъ продолжительно лѣчилъ его, такъ усердно навѣщалъ больнаго что успѣлъ по уши влюбиться въ его хорошенькую дочку, на которой и женился.

Въ 1858 году Богъ даровалъ имъ дочь, которую они назвали Еленой. Не долго продолжалось счастье супруговъ. Молодая и хорошенькая докторша любила веселиться, часто посѣщала знакомыхъ всякихъ слоевъ общества, куда мужъ ея и не ходилъ, наконецъ сошлась съ какимъ-то красивымъ польскимъ графомъ, поскользнулась, полетѣла кувыркомъ, и дѣло дошло наконецъ до того что супруги добровольно развѣхались. Мужъ уѣхалъ на службу въ Азію, жена осталась съ дочерью въ томъ же приднѣпровскомъ губернскомъ городѣ.

Когда Леночкѣ минуло десять лѣтъ, мать отдала ее въ женскую гимназію того же города.

Еслибы взрослый, испытанный жизнію и наблюдательный человекъ могъ, хотя нѣсколько дней, пробыть невидимкою въ обществѣ дѣвочекъ и дѣвушекъ женской гимназіи, въ особенности губернской, ему объяснилось бы много такого чего живя и вращаясь въ обществѣ только взрослыхъ людей онъ часто не въ состояніи объяснить себѣ.

Дѣтскій возрастъ, въ особенности у дѣвушекъ, воспримчивъ до крайности. Въ умѣ и въ душѣ ребенка быстро вкореняются мысли, привычки и возрѣнія взрослыхъ съ которыми онъ живетъ. Отъ дѣвочки двѣнадцати лѣтъ не укроется ничего что происходитъ дома; еслибъ она сама чего-нибудь не досмотрѣла, прислуга откроетъ ей глаза. Впрочемъ, трудъ открывать дѣтямъ глаза на всѣ сокровенности и безобразія домашней жизни берутъ на себя услѣшныѣ всѣхъ сами родители.

Несрѣдко въ семействахъ даже богатыхъ, знатныхъ, принадлежащихъ къ образованному классу и почти всегда въ семьяхъ бѣдныхъ, темныхъ и неразвитыхъ людей, родители не церемонятся предъ дѣтьми, не прячутъ своихъ безнравственныхъ идей, своихъ религіозныхъ сомнѣній и политическихъ патаній. Они съ цинизмомъ выкладываютъ предъ дѣтьми на показъ, для выщого ихъ назиданія, всю свою скудость умственную, всѣ свои безобразія и увлеченія, все то что съ такимъ тщаніемъ скрываютъ они отъ свѣта. Дѣвочка видитъ какъ родители ея постоянно, безнаказанно творять зло, научается сама творить его и скоро убѣждается что сладокъ запрещенный плодъ и что единственная обязанность ея относительно нравственности заключается въ стараніи скрыть отъ глазъ ближняго все безобразіе своего внутренняго, затаеннаго міра, то-есть лицемерить, лгать и вѣчно притворяться. Какъ въ калѣ воды отражается небо, такъ во впечатлительной душѣ дѣвочки отражается уродливый образъ мыслей и безнравственный духъ ея семьи.

Каждый день пріѣзжаютъ и прибѣгаютъ въ гимназію дочери губернатора, кулца, офицера, духовнаго лица, пьянаго отставнаго чиновника, крестьянина, провинціальной актрисы, горничной, мѣщанина, прачки, даже цѣловальника изъ кабака; всѣ приносятъ съ собой крошечныя, но ясныя и правдивыя фотографіи своихъ семействъ и передавая ихъ другъ другу, въ общую складчину дѣтскихъ впечатлѣній, составляютъ себѣ изъ наиболее ярко выдающихся и чаще другихъ повторяемыхъ чертъ этихъ фотографій картину ожидающей ихъ жизни, ихъ обязанностей и ответственности. Такъ составляется какой-то нигдѣ не написанный, но во всѣхъ глубоко вкорененный катехизисъ, которому дѣвочка, сдѣлавшись дѣвушкой, а затѣмъ женой и матерью, будетъ слѣдовать до тѣхъ поръ, пока олыть жизни, иногда весьма горькій, не убѣдитъ ее въ неправильности его параграфовъ.

Была бы еще надежда исправить катехизисъ благотворнымъ вліяніемъ начальницы, классныхъ дамъ и учителей, но если и съ этой стороны повѣтъ безнравственностію и шаткостию убѣжденій, то конечно зло еще усугубится.

Въ то время, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда Леночка Рыбина училась въ гимназіи приднѣпровскаго города, уже бродили въ обществѣ и волновали умы утрированныя, какъ всегда бываетъ съ русскими людьми, фантазіи

о равноправности мужчинъ и женщинъ, о совершенной ответственности ихъ обязанностей предъ обществомъ и о равной природной способности ихъ исполнять одну и ту же общественную работу, одинаковую роль политическую и государственную.

Шестнадцатилѣтняя дѣвочка находила для себя постыднымъ жить на счетъ родителей, вѣсть отцовскій хлѣбъ. Заботу о ней матери оцѣнивала она рублями и колѣвками и считала *раціональнымъ* наняться продавщицей въ книжный магазинъ чтобы получаемымъ жалованьемъ уплатить родной матери, какъ нанятой кормилицѣ, за молоко которымъ та съ любовью питала ее, беспомощную дѣвочку.

Появились въ гимназіяхъ стриженныя, въ синихъ очкахъ и мужскихъ пальто воспитательницы, которыхъ главное стараніе заключалось въ томъ чтобы какъ можно меньше походить на женщинъ: тогда это было въ такой чести и модѣ! Возшли на кафедру учителя изъ семинаристовъ, которые подъ предлогомъ ознакомленія дѣвицъ съ отечественною литературой, называли Пушкина *колоссально неразвитостью* и восторжались Чернышевскимъ и Писаревымъ; они толковали о женскомъ вопросѣ и о гражданскомъ брактѣ.

При такихъ условіяхъ домашней жизни и школы, чего же можно было ожидать отъ параграфовъ катехизиса вынесеннаго Леночкой изъ гимназіи?

Можно ли удивляться что въ числѣ ихъ были и такіе:

„Есть поступки которые общество согласилось называть безнравственными, непохвальными и грѣховными. Совершать ихъ можно безнаказанно, но поладаться въ нихъ—глупо, недостойно порядочной женщины“.

Тотъ же параграфъ, но только въ измѣненной нѣсколько редакціи былъ принятъ меньшинствомъ: нѣкоторыми дочерьми священнослужителей, учителей и мѣщанъ. Въ измѣненной редакціи онъ гласилъ:

„Есть поступки, которые обзываютъ безнравственными, непохвальными и грѣховными. Все это чужь! Преступленія, собственно говоря, никакого и быть не можетъ.“

Далѣе одинъ изъ сѣдующихъ параграфовъ гласилъ:

„Можно и не быть добродѣтельною, такъ какъ то что условно называется добродѣтельною, скучно, глупо и завтра также условно можетъ перестать называться добродѣтельною.“

На этомъ останавливалось меньшинство, у Леночки же къ этому добавлялись слова:



„Но непременно надо казаться добродетельною, также какъ надо быть хорошо и къ лицу одѣтою“.

„Красота тѣлесная все побѣждаетъ, счастлива та которая надѣлена ею. Она должна умѣть пользоваться красотой и выставлять ее въ лучшемъ видѣ.“

Параграфъ этотъ не былъ принятъ меньшинствомъ, его замѣнилъ другой, въ которомъ глухо говорилось „что слѣдуетъ измѣнить пошлый языкъ искусственной морали“.

У Леночки былъ еще назидательный параграфъ насчетъ любви, онъ гласилъ:

„Любовь есть сахаръ который можно употребить только какъ примѣсъ къ чему-либо другому, болѣе существенному.“

Меньшинство укоротило этотъ параграфъ и обратило его въ слѣдующій *реальный* видъ:

„Любовь есть влеченіе кота Васьки къ кошкѣ Мамкѣ. Кому нравится ею забавляться, пускай бадуется“.

Такихъ нерутиныхъ параграфовъ въ катехизисѣ Елены Трофимовны было не мало. Были и такіе коихъ истинное значеніе скрывалось въ туманѣ. Такъ напримѣръ говорила Леночка:

„Мужъ самъ по себѣ, жена сама по себѣ“.

„Имѣть болѣе четырехъ дѣтей непростительное мѣщанство, *mauvaise manière*“.

Но не только въ нравственномъ отношеніи пріобрѣла Елена извращенныя понятія и ультра-реальный катехизисъ. По мѣрѣ услѣховъ „въ умственномъ развитіи“ расширялся горизонтъ ея мысленія, и все къ большей и болѣе разнообразной сферѣ примѣняла она свои реальные воззрѣнія.

Воспитанницы старшаго класса уже не довольствовались разказами о домашнемъ бытѣ ихъ родителей. Составленные изъ разказовъ этихъ выводы онѣ старались обобщить въ принципы которые и примѣняли уже не къ отдѣльнымъ личностямъ, а къ обществу. Въ этой работѣ явились услужливые помощники въ лицѣ воспитанниковъ старшихъ классовъ мужской гимназіи, братьевъ и кузеновъ нѣкоторыхъ изъ дѣвицъ, а съ ними и друзей братьевъ и кузеновъ.

Подъ предлогомъ чтенія назидательныхъ книгъ и повтореній пройденныхъ уроковъ, собирались онѣ не рѣдко у двухъ или трехъ дѣвицъ старшаго класса и тамъ читали, обсуждали

и разбирали привосимыя гимназистами сочиненія извѣстныхъ соціалистовъ и изданія подпольной литературы.

Всѣ приходили въ неописанный восторгъ слушая громкія, трескучія фразы. Восторгалась ими и Елена, но притворно. Къ собственному стыду, она ихъ не понимала; то-есть, пожалуй, ближайшій смыслъ фразы былъ ей понятенъ, но самую суть мысли, цѣль ея и примѣнимость къ жизни, вотъ чего никакъ не могла она истолковать себѣ. Она даже обращалась за разъясненіями къ нѣкоторымъ болѣе другихъ восторговавшимся гимназистамъ, но убѣдилась что и они понимаютъ не болѣе ея.

Не мало мучили ее всѣ эти сомнѣнія.

Такъ, съ одной стороны, катехизисъ безнравственности, а съ другой—мучительныя сомнѣнія въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, вынесла Елена изъ гимназіи вмѣстѣ съ кое-какими жиденькими познаніями.

Но ни катехизисъ безнравственности, ни чтеніе соціалистическихъ книгъ не могли уничтожить въ душѣ Елены до тѣхъ нѣкоторые добрые задатки природы.

Она унаслѣдовала отъ отца его доброе, общительное и человеколюбивое сердце. Подчасъ оно говорило слышнѣе искусственно привитыхъ параграфовъ ея катехизиса. Въ такихъ случаяхъ она начинала инстинктивно чувствовать что параграфы ложны, но, къ сожалѣнію, отца съ ней не было, и никто не поддерживалъ ее въ эти добрыя минуты, никто не давалъ себѣ труда объяснить ей что инстинкты ея вѣрны, а параграфы ложны и ядовиты; напротивъ того, среда ее окружающая сейчасъ же выставляла на видъ практическую примѣнимость къ жизни ея катехизиса и непрактичность ея инстинктивныхъ влеченій.

Понятно что при такихъ условіяхъ проблески врожденнаго добра становились все рѣже, а убѣжденія въ пользѣ зла вкоренялись все глубже. Не умерли въ ней зачатки добраго и честнаго, но они остались неразвитыми и заглохшими.

Еслибъ она встрѣтила любящаго ее человѣка, который будучи самъ склоненъ къ добру показалъ бы ей во очію примѣръ хорошей, честной жизни, рука этого любимаго ею человѣка могла бы вылолоть плеселы воспитанія и дать честнымъ правиламъ отца ея возможность выйти на свѣтъ Божій, дохнуть воздухомъ и укрѣпиться. Но такой дружеской руки она не встрѣтила ни въ гимназіи, ни у матери въ домѣ,

а потому и вышла въ свѣтъ во всеоружіи самыхъ безправственныхъ принциповъ.

Въ 1875 году мать Елены Трофимовны умерла внезапно отъ холеры, и поленив-волеи дочь должна была пріѣхать къ отцу, котораго не знала вовсе и къ которому была совершенно равнодушна.

Въ то время Трофимъ Григорьевичъ былъ уже въ Петербургѣ. Еще въ шестьдесятъ седьмомъ году оставилъ онъ Ташкентъ и добылъ себѣ мѣсто старшаго врача въ одномъ изъ первоклассныхъ военно-учебныхъ заведеній столицы, гдѣ и находился до настоящей минуты когда мы застаемъ его на пути со станціи Пудость домой.

Елена Трофимовна только-что окончила свой туалетъ; поправляя складки лѣтнаго, легкаго платья, она вышла изъ уборной въ гостиную и подошла къ открытому окну, изъ котораго видна была на далекое разстояніе прямая какъ лучъ большая дорога изъ Пудости въ Укромое.

Свѣтлые русые волосы, большіе и прекрасные голубые глаза, вздернутый носикъ и что-то вызывающее, кокетливо-дерзкое во взорѣ и въ чертахъ лица придавали молодой дѣвушкѣ шаловливый и что называется *пикантный* видъ. Чрезвычайная, поражающая бѣлизна кожи, вѣжность очертаній полденькаго круглаго личика, лышащаго здоровьемъ, округлость словно выточенныхъ рукъ и вся соблазнительная свѣжесть ея дѣвичьихъ формъ, всегда немного приподнятая верхняя губа, алая губки, воздри маленькаго носика вдругъ расширяющіяся, точно ей потребовалось больше воздуха отъ избытка чувствъ и отъ волненія стѣсняющихъ грудь и дыханіе, все это манило къ веселью, шуткамъ, ухаживанью, все вѣяло молодымъ задоромъ.

На ней было бѣлое, легкое, довольно коротенькое платье съ розовыми полосками, убранные розовыми же лентами, ленточками и бантами; въ волосахъ—свѣжая, только что начавшая распускаться роза. Черная бархотка стягивала ея вѣжную шейку и еще болѣе выдавала бѣлизну кожи. Плечи, верхъ груди и половина спины были покрыты только одною кисеей платья; бѣлый лифъ, бывшій подъ кисеей, не закрывалъ ихъ. Нельзя было сказать что она обнажена, что она непристойно декольтирована; она была одѣта, до горла прикрыта, но какъ-то сквозь тонкую ткань мелькала и

шерещились нѣжная бѣлизна ея груди и округлости ея мраморныхъ формъ. На спинѣ у самаго края лифа ясно было видно кругленькое родимое пятно. Такъ и казалось что только для васъ оно открыто, о чемъ-то интимномъ нашептывало это кругленькое пятнышко.

Длинною, изжелта-бѣлою лентой, посреди зеленѣющей травы, кустовъ и отдѣльныхъ тощихъ деревьевъ, тянулась дорога изъ Пудости на Укромное. На большомъ протяженіи этой дороги, ярко освѣщенной утреннимъ солнцемъ, увидѣла Елена только возъ со скошенной свѣжей травой, медленно двигающійся на одной лошаденкѣ къ Укромному, да вдали нѣсколько солдатъ косившихъ траву по обѣимъ сторонамъ дороги, и болѣе никого. Елена и безъ того уже вышла изъ уборной не въ духѣ, а пустота и тишина царствовавшая вокругъ еще неприятелие подвѣствовало на нее. Не любила Елена ни пустоты, ни тишины. Уединеніе раздражало ее, тишина ее пугала.

Глаза молодой дѣвушки далеко не были веселы. Надвинутыя брови, складка на лбу и усиленно сжатая губы доказывали что не рѣзвые затѣи, а очень серьезныя, какъ бы удручающія заботы, занимали ея головку. Ея мысли должно-быть стояли въ поразительномъ противорѣчій съ ея розовымъ, свѣтлымъ костюмомъ. Она напоминала тѣхъ хористовъ на оперной сценѣ которымъ въ теченіе дня не на что было пообѣдать и которые вечеромъ въ блестящихъ нарядахъ выходатъ на сцену и съ поддѣльнымъ увлеченіемъ сытыхъ придворныхъ, но на дѣлѣ мучимые голодомъ, пьютъ воображаемое вино изъ картонныхъ позодоченныхъ кубковъ.

Сидя въ креслѣ, облокотясь нѣжною, полною рукой на овальный столъ стоящій предъ диваномъ, красивая дѣвушка глубоко задумалась, и было о чемъ задуматься ей.

Ея жизнь съ перваго шага сложилась какъ-то неудачно. Въ короткое время, въ какіе-нибудь четыре года, она умѣла уже, съ одной стороны, испытать всякаго рода увлеченія и разочарованія, а съ другой, принять такія рѣшенія и такой путь которые портили не только ея настоящее, но и будущее.

Отправляясь къ отцу послѣ смерти матери, она рисовала себѣ въ воображеніи обольстительныя картины той жизни которую устроить себѣ въ Петербургѣ. Всѣ утра посвящаетъ

она труду. Ей хотѣлось найти себѣ прибыльную работу: переводы или уроки, для того чтобъ имѣть право похвастать что живетъ не на счетъ отца. Къ вечеру соберутся обычные, чуть не ежедневно посѣщающіе домъ ихъ гости. Ея пылкому воображенію представляется уютная, теплая комната съ большимъ чайнымъ столомъ посрединѣ. Елена сама разливать чай. Вокругъ стола сидятъ человѣкъ шесть мужчинъ. Всѣ они люди избранные: свѣтлаго ума, корифеи новѣйшихъ ученій. Ихъ глубокое знаніе природы и ея тайнъ, желаніе и пониманіе истиннаго добра въ примѣненіи къ обществу и философское воззрѣніе на современныя социальныя вопросы составляютъ основу ихъ увлекательныхъ бесѣдъ. Вышая имъ, она понемногу разъясняетъ себѣ всѣ прежнія, тяжкія недоумѣнія. Она уже настолько просвѣтлена этими академическими преніями что рѣшается принимать личное въ нихъ участіе, дерзаетъ громко и смѣло высказывать свои убѣжденія. Ее наконецъ слушаютъ со вниманіемъ, дорожатъ ея одобреніемъ. Одинъ изъ гостей молодой, богатый человѣкъ, привлеченный въ это общество, молвой объ ея гостининой, поддерживаетъ противъ всего общества высказанное ею мнѣніе о какомъ-то важномъ вопросѣ дня. Потокъ увлекательнаго краснорѣчія льется съ его прекрасныхъ устъ. Благодаря ему, мнѣніе Елены торжествуетъ. Конечно, между ею и имъ рождается симпатическое влеченіе. Но къ соединенію двухъ любящихъ сердець являются миліоны препятствій. Прекрасный молодой человѣкъ принадлежитъ къ богатой и знатной фамиліи, которая, разумеется, и слышать не хочетъ о женитьбѣ его на дѣвушкѣ бѣдной, незнатной, да еще прославившейся своими эксцентричными мнѣніями. Чтобы преодолѣть препятствія, приходится прибѣгнуть къ интригамъ, а къ интригамъ Елена Трофимовна имѣетъ врожденное влеченіе и непреодолимую склонность. Она получила страсть къ нимъ отъ матери. Ей казалось особымъ удовольствіемъ назначить себѣ какую-нибудь цѣль и къ достиженію ея вести все самой, разчитывать собственнымъ умомъ всѣ шаги, избирать пути и заставить всѣхъ вокругъ себя, кого умомъ, кого притворствомъ, а кого и кокетствомъ, двигаться по ея мысли и желанію какъ шашки на шахматной доскѣ. Вотъ это жизнь, думала она, а иначе скучно.

Дѣйствительность, какъ всегда бываетъ, далеко не осуществила ея мечты. Корифеевъ новѣйшихъ ученій, реалистовъ

сильныхъ умомъ, познаніями и волею, она у отца не нашла. вмѣсто нихъ являлись къ доктору старички-врачи, бывшіе его товарищи и лица служація въ томъ учебномъ заведеніи при которомъ онъ числился. Раскрывались карточныя столы, всѣ за нихъ усаживались, и вмѣсто академическихъ бесѣдъ раздавались въ комнатѣ возгласы: лась, бубны, два безъ козырей, шлемъ.

Разъ или два въ недѣлю возилъ Рыбинъ дочку свою въ домъ графа Петра Павловича Трояновскаго. Тамъ встрѣчала она общество аристократическое, до тѣхъ поръ ей вовсе незнакомое, но о которомъ слышала она много злословія и много насмѣшекъ отъ передовыхъ людей роднаго придѣл-провскаго города. Понятно что въ первое время она сильно дичилась, но любезное, доброе обращеніе съ нею графини Alexandrine, дочери графа Петра, и вполне вѣжливое обхожденіе всѣхъ ея родныхъ, въ особенности мушницъ, скоро ободрили ее и возвратили ей обычную ея смѣлость.

Такая миловидная дѣвушка не могла оставаться долго незамѣченною. Мушницы тотчасъ же начали за нею ухаживать, что польстило ея самолюбію, и не прошло четырехъ мѣсяцевъ пребыванія ея въ Петербургѣ, какъ она оказалась уже увлеченною желаніемъ навсегда пріобщиться къ этому избранному кругу.

Въ числѣ ухаживавшихъ за нею болѣе другихъ любезнымъ и самымъ для нея пріятнымъ былъ князь Анатолій Суздальскій. Уже нѣсколько разъ намекалъ онъ ей на страстную любовь свою, такъ что послѣ всякаго съ нимъ свиданія она ожидала что вотъ-вотъ, при первомъ же случаѣ, онъ непременно объяснится и посватается. Дѣйствительно, при слѣдующей встрѣчѣ онъ щедро расточалъ намеки на страстную любовь и увѣренія что готовъ пожертвовать всѣмъ для устройства ей счастливой и беззаботной жизни, но простой, прямой просьбы сдѣлаться его женой она такъ и не дождалась отъ него.

Не смотря однако на молодость и жуирство, въ князѣ Суздальскомъ глубоко было вкоренено уваженіе къ своему имени, не столько потому что его предки были Рюриковичи,—объ этомъ онъ мало думалъ и далѣе правда не восходили его познанія родословнаго древа князей Суздальскихъ,—но потому что *de père en fils*, всѣ Суздальскіе вѣрно и честно служили Русскимъ царямъ на благородномъ военномъ поприщѣ. Его дѣдъ

былъ израненъ въ Лейпцигскомъ сраженіи предъ полкомъ которымъ командовалъ. Кавалерійская молодецкая атака въ которой дѣдъ его заслужилъ Георгія на шею и украсился честною раной, была изображена на полотнѣ. Картина эта всегда висѣла въ кабинетѣ его отца. Отецъ Анатоіа умеръ славною смертью на твердыни Севастополя, и портретъ его во весь ростъ и въ натуральную величину вмѣстѣ съ картиной Лейпцигской атаки красовался предъ письменнымъ столомъ внука и сына двухъ героевъ, на самомъ видномъ и почетномъ мѣстѣ его кабинета.

Нельзя было сомнѣваться, глядя въ открытое и смѣлое лицо Анатоіа Николаевича, что и онъ не отступитъ ни на іоту отъ славныхъ преданій его предковъ, по примѣру дѣда и отца, когда того требуетъ служба государю и не залягнетъ унаслѣдованной репутаціи храбрыхъ Суздальскихъ.

Четырнадцать лѣтъ онъ отданъ былъ въ то военно-учебное заведеніе гдѣ получилъ воспитаніе и отецъ его, вмѣстѣ съ сыновьями лучшихъ фамилій Россіи.

Въ то время, по столичнымъ военно-учебнымъ заведеніямъ потянуло тѣмъ же сквознымъ вѣтромъ утрированной любви къ меньшей братіи, который свистѣлъ въ головахъ не только молодежи, но и почти всего общества Петербурга и Москвы. Въ низшихъ, среднихъ и высшихъ заведеніяхъ открыты были для уличныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ воскресныя школы, куда собирались для обученія ихъ грамотѣ воспитанники этихъ заведеній, офицеры въ нихъ обучающіе, дѣвицы столичнаго общества, студенты Университета, Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго Института и разные молодые люди, уже сильно зараженные въ то время социалистскими бреднями.

Учителей собиралось гораздо болѣе чѣмъ учениковъ.

Понятно что мальчишекъ и дѣвчонокъ грамотѣ не научили, но за то не мало воспитанниковъ военныхъ училищъ, офицеровъ и дѣвицъ обратились въ нигилизмъ.

Сами начальники находили въ то время разумнымъ предоставлять для такихъ собраній молодежи конференцъ-залы и библіотеки казенныхъ заведеній.

Вихремъ пронеслись вѣянія нигилизма по роскошнымъ заламъ въ верхнемъ этажѣ общественнаго зданія, подушаетъ онъ и до сихъ поръ въ тѣсныхъ комнатахъ перваго этажа,

но къ счастію Россіи не можетъ еще проникнуть въ полутемный подвальный этажъ, на сводахъ котораго стоитъ все зданіе.

Не привились и къ молодому Суздальскому идеи социализма. Далеко расходились онъ съ картиной Лейпцигскаго сраженія и съ воспоминаніями возбуждаемыми портретомъ героя убитаго на Малаховомъ курганѣ. Его коснулася другая язва той же злохи.

Въ тѣ годы всеобщаго увлеченія новыми идеями вѣдрилось въ обществѣ и въ печати ультра-гражданственное направленіе, не только не признававшее необходимости дисциплины въ войскѣ, но и выставявшее къ позорному столбу тѣхъ старшихъ воинскихъ чиновъ которые, вслѣдствіе долгой служебной опытности, не только вѣрили въ необходимость чиновочитанія, но и старались вкоренить его въ подчиненныхъ. Всѣ помнятъ конечно съ какимъ злорадствомъ разказывали журналы что въ звѣринцѣ Крейцберга публика, исполненная негодованія на нѣкоего злосчастнаго генерала, не появившаго духа времени и осмѣливавшагося сдѣлать замѣчаніе молодому офицеру за несоблюденіе установленной формы, кричала: „Господинъ Крейцбергъ, укротите этого дикаго звѣра“. И всѣ находили тогда что публика показала такимъ поступкомъ высокую степень справедливости.

Раздѣляли ли начальники князя Суздальскаго общее мнѣніе, или не было въ нихъ достаточнаго мужества противиться ему, все равно; важно то что они любялись прослыть дикими звѣрями и быть выставленными печатью на общее осмѣяніе, а потому отложили всѣ строгости и требованія службы въ сторону и принялись баловать воспитанниковъ. Въ силу такой системы воспитанія, юношеству дозволялось безнаказанно, безъ удержки, предаваться всѣмъ увлеченіямъ молодости; само начальство нерѣдко показывало имъ примѣръ постыдныхъ излишествъ. Такъ былъ у Суздальскаго вліятельный наставникъ съ постоянно плаюминованною физиономіей, котораго ученики прозвали: *Baba au rhum*.

Можно ли удивляться что при такой системѣ воспитанія, богатый юноша увѣровалъ что нѣтъ преградъ для исполненія его желаній, что все то хорошо и все добро что нравится и веселитъ, а зло есть то что скучно и не доставляетъ наслажденій?

Въ общемъ результатъ не всѣ окончившіе курсъ въ эти,



къ счастью Россіи, немногіе годы вынесли изъ заведеній здорое, нравственное воспитаніе. Было не мало такихъ которые вышли зараженные бреднями социализма; были и другіе, изъ которыхъ блатовство образовало эгоистовъ воображавшихъ что вся природа создана исключительно для того чтобъ услаждать ихъ существованіе, что на нихъ самихъ не лежитъ относительно другихъ людей никакихъ обязанностей, и что отъ нихъ никто не имѣетъ права требовать ни услугъ, ни одолженій кромѣ, разумѣется, платежа денегъ за доставляемыя имъ удовольствія и наслажденія. Къ такимъ эгоистамъ принадлежалъ и князь Анатолій Суздальскій.

Другой ревностный ея поклонникъ былъ родной братъ графа Петра, графъ Павелъ Павловичъ Трояновскій, человекъ уже не молодой, но холостой, знатный и чиновный. Онъ те же намекалъ о готовности пожертвовать всѣмъ чтобы достигъ взаимности, но о женитьбѣ на Еленѣ тоже не намекалъ. Умная, проворливая и приготовленная своимъ катехизисомъ ко встрѣчѣ всякаго рода безнравственности, Елена скоро поняла чего желаютъ ея поклонники и какъ унизительны для нея ихъ желанія. Она уже начинала яснѣе видѣть свое незавидное положеніе въ этомъ кругу, когда случай, для нея совершенно неожиданный, открылъ ей окончательно глаза.

Ей былъ представленъ въ домѣ Трояновскихъ племянникъ графа Петра, нѣкто Михаилъ Павловичъ Лобовъ, молодой человекъ лѣтъ двадцати лѣтъ. Красивыя черты его лица, благовоспитанность, манеры и костюмъ давали ему полное право принадлежать къ тому кругу гдѣ встрѣтила его Елена. Его мать, вдова Лобова и родная сестра покойной графини Трояновской, по смерти сестры и до самой кончины своей жила тутъ же у графа и была всѣми чрезвычайно уважаема; по ней и до сихъ поръ весь домъ носилъ еще трауръ. Но не смотря на все, молодой Лобовъ какъ-то рѣзко выдѣлялся изъ круга своихъ родственниковъ, держалъ себя особнякомъ, былъ очень молчаливъ и мало замѣтенъ. Съ нимъ впрочемъ были всѣ также холодно-учтивы какъ и съ Еленой. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ знакомства онъ ни разу не подошелъ къ Еленѣ, не сказалъ ей ни одного слова, но она уже знала что онъ ее не только замѣчаетъ, а постоянно съ какою-то особенною заботливостью слѣдитъ за нею. Не разъ уже встрѣчала она его взгляды устремленные

на нее то съ выраженіемъ сочувствія, то съ видомъ упрека, а иногда и презрѣнія.

Въ одинъ изъ поведѣльничковъ, когда собирались по вечерамъ у графа Петра Трояновскаго всѣ родственники и близкіе знакомые его и покойной графини, Елена, по просьбѣ матери Лобова, глѣла, аккомпанируя сама себѣ на роялѣ.

Когда она окончила пѣсню, раздалась со всѣхъ сторонъ обязательные учтивые возгласы: „charmant, délicieux“, послѣ которыхъ всѣ занялись довольно шумными разговорами и забили объ Еленѣ. Она осталась одна у инструмента. Ея обычнаго собесѣдника, князя Суздальскаго, въ этотъ вечеръ не было. Чувствуя неловкое положеніе, она обвела все общество глазами и встрѣтила устремленный на нее взглядъ Лобова. Онъ стоялъ прислонясь къ камину въ такомъ же одиночествѣ и смотрѣлъ на нее такимъ сочувственнымъ взоромъ что неловко и ея глаза остановились на молодомъ челоуѣкѣ съ выраженіемъ благодарности и участія.

Въ этотъ вечеръ они сошлись въ первый разъ, и тутъ же безо всякихъ предисловіи Лобовъ разъяснилъ ей въ яркихъ краскахъ роль которую она играла въ домѣ Трояновскихъ.

— Неужели полагаете вы, говорилъ онъ ей,—что учтивости всѣхъ этихъ дамъ и большей части мушницъ относятся лично къ вамъ? Не думайте этого. Они учтивы и къ вамъ и ко мнѣ только потому что встрѣчаютъ насъ въ домѣ моего дядюшки и потому что вообще быть учтивымъ есть обязанность благовоспитанности, но въ глазахъ ихъ вы и я—мы люди иного, низшаго міра. Они всегда будутъ къ намъ вѣжливы, но причислить насъ къ своимъ—никогда! Вами могутъ пожалуй позабавиться, сдѣлать изъ васъ на время или отъ нечего дѣлать игрушку, но принять васъ въ свой кругъ, да ни за что на свѣтѣ!

Перейдя къ ухаживанію за нею князя Суздальскаго, онъ говорилъ:

— Князь Суздальскій, какъ и всякій сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, можетъ жениться, по ихъ мнѣнію, разумно только на дѣвицѣ такого же происхожденія какъ и самъ онъ. Онъ можетъ жениться въ видѣ шалости на актрисѣ, пожалуй, въ видѣ увлеченія, на кокеткѣ, это имъ понятно; но жениться на честной и непорочной дѣвушкѣ, хотя бы она была также красива и образована какъ вы, на

дочери бѣднаго врача, этого никто изъ нихъ понять не можетъ. Она пожалуй захочетъ воспользоваться прерогативами его титула и какъ равная войти въ домъ знатной тетюшки ея мужа, да еще привести своего отца, военнаго доктора, или своего брата, простаго механика, какъ я налримѣръ. Вообразите же этотъ скандалъ! простой механикъ въ гостиной *княгини Марьи Александровны!* Избави Боже! Такъ можно испортить всѣ свои связи, всю свою карьеру.

Съ этого знаменательнаго для Елены поведѣльника началось сближеніе ея съ Лобовымъ. Онъ часто бывалъ у Рыбиныхъ, и не прошло двухъ, трехъ мѣсяцевъ какъ подчинилъ своему уму, своему нравственному вліянію раздосадованную и разобиженную аристократами Елену. Ея первая мысль была рѣзко порвать всѣ сношенія съ семействомъ Трояновскихъ, гдѣ могли ожидать ее лишь непріятности и огорченія, но Лобовъ былъ другаго мнѣнія; она его послушалась и продолжала попрежнему навѣщать домъ графа.

— Отсутствія вашего никто и не замѣтитъ, говорилъ онъ. — Уйти отъ нихъ, это значитъ сознать себя побѣжденною, подчиниться имъ. Вы развѣ на это способны? Надѣюсь, нѣтъ. Не подчиняться надо имъ, а бороться съ ними, унижить ихъ, взять власть надъ ними. Вотъ ваша роль. И въ этомъ я помогу вамъ.

Сближеніе съ умною и красивою дѣвушкой не прошло однако же безслѣдно и для Лобова. Онъ влюбился въ нее со всею силой необузданныхъ страстей, влюбился какъ любятъ только разъ въ жизни; но не нашелъ въ ней отвѣта. Всякія объясненія его она прерывала; всякіе порывы страсти останавливала постоянною холодностію.

На третій годъ пребыванія въ Петербургѣ она близко познакомилась съ Гибсономъ. Оставаясь безъ Наташи слишкомъ два съ половиной года въ Петербургѣ, Гибсонъ часто бывалъ у Рыбиныхъ. Его строгій, логическій умъ, его сильный характеръ и полная самостоятельность, даже его постоянная молчаливость и холодность въ обращеніи, возбудили въ ней особенное къ нему уваженіе. Она видѣла что онъ въ высшей степени строгъ къ самому себѣ и гораздо болѣе мягокъ къ постороннимъ; что онъ конечно мало пріятель въ обществѣ, смотритъ педантомъ, иногда бываетъ тяжелъ и дома; но что словамъ его можно всегда довѣриться, что никогда не позволить онъ себѣ нечестнаго поступка и никогда не измѣнить дружбѣ.

Ея добрые инстинкты, которыхъ не могло совсѣмъ заглушить полученное ею уродливое воспитаніе, влекли ее къ Гибсону. Она видѣла въ немъ олицетвореніе всего что называла душа ея хорошимъ и надъ чѣмъ она хотя и глумилась на словахъ, но часто и задумывалась съ уваженіемъ. Въ глазахъ ея онъ представлялся какимъ-то рѣдкимъ явленіемъ въ настоящее время, человекомъ откровенно-добродѣтельнымъ, который могъ бы спасти ее отъ тлетворнаго вліянія и лагубной власти надъ нею Лобова.

Сколько умѣлъ, Гибсонъ былъ ласковъ къ Еленѣ, какъ къ дочери одного изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; говорилъ съ нею болѣе чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, часто оспаривалъ ея мысли и съ каждымъ днемъ входилъ все болѣе въ ея довѣренность. Вслѣдъ за уваженіемъ и довѣренностію появилась въ ней привычка видѣть Гибсона, говорить съ нимъ, даже руководиться его мыслями и затѣмъ, какъ всегда бываетъ, почувствовала она въ сердцѣ своемъ живѣйшую къ нему привязанность, готовую при первомъ случаѣ обратиться въ самую искреннюю и сильную любовь.

Она не могла и не смѣла сознаться ему что связываетъ ее съ Лобовымъ; но въ разговорахъ съ Гибсономъ узнала его мысли и убѣжденія: глубоко и сердечно уважалъ онъ Русскаго монарха, освободителя подневольныхъ, и рѣзко оуждалъ революціонеровъ.

Его идеи имѣли сильное вліяніе на Елену. Она отшатнулась отъ Лобова, охотно отвязалась бы и совсѣмъ отъ него, но уже не могла, она сдѣлалась его невольницей, что мучило и терзало ее постоянно.

Такъ и теперь, сидя въ глубокомъ раздумьѣ на креслѣ въ гостиной, она вдругъ съ выраженіемъ крайняго неудовольствія на лицѣ вспомнила о полученной еще утромъ запискѣ. Она послѣдшне вынула изъ кармана листочекъ сложенной бумаги, развернула его и пробѣжала глазами записку.

Въ простѣнкѣ между окнами гостиной были зеркала и подъ ними столики. На одномъ стояли большіе, бронзовые часы съ фигурой рыцаря на борзомъ конѣ подъ стекляннымъ колпакомъ, а на другомъ бронзовый канделябръ о пяти свѣчахъ и рядомъ со нимъ большая чугунная пелельница и корбочка спичекъ. Пробѣжавъ записку, Елена Трофимовна

тотчасъ же всунула ее обратно въ карманъ и вновь задумалась, потомъ вздохнула глубоко, встала, медленно подошла ко второму столику, зажгла одну свѣчку въ канделябрѣ, приблизилась къ огню сложенную въ трубочку записку, и когда она залыдала, положила въ чугунную лепельницу. Лишь только послѣднія искры пробѣжали по черному обугленному листочку, она подняла глаза и увидѣла обликъ свой въ зеркалѣ.

Должно-быть и на нее красивая ея наружность производила такое же впечатлѣніе какъ и на постороннихъ людей. Она улыбнулась сама себя, брови ея выпрямились, складка на лбу исчезла и верхняя губка поддернулась вверхъ, обнаруживъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

— Понравится ли ему какъ я сегодня одѣта? сказала она сама себя.— Вѣроятно найдеть что слишкомъ обнажена, вѣдь онъ такой пуританинъ. Ему должна нравиться скромность: robe montante, boutonnée.

И Елена Трофимовна поддернула бѣлый лифъ кверху.

„Не отгадаешь его“, продолжала она думать, „такой скрытный, молчаливый. Но сердце у него мягкое, способное чувствовать глубоко. Какъ онъ заботливъ объ этой Наташѣ, какъ видна въ немъ эта душевная привязанность отца къ дочери, эта любовь спокойная, всегда удовлетворенная! Что же будетъ, когда онъ полюбитъ не дочь, а женщину, когда страсть заговоритъ въ немъ!

Въ эту минуту подъ бронзовымъ рыцаремъ на борзомъ конѣ часы пробили одиннадцать.

— Что жъ не собирають чай и кофе, скоро всѣ пріѣдутъ, и онъ будетъ сейчасъ. Агаея! Агаея! крикнула Елена.

Вошла пожилая женщина повязанная платкомъ. Начались распоряженія по хозяйству. Лакей и Агаея по указанію барышни разставили все что полагается ставить къ утреннему „breakfast“.

— Принеси мнѣ бѣлую шелковую косынку что привезена изъ Кіева, сказала Елена хлопотавшей около стола Агаея.

Агаея принесла длинную шелковую косынку, какую носили прежде вмѣсто шади.

Елена накинула ее на плечи, перекрестила на груди и концы завязала позади на талии. Такъ рисуютъ несчастную королеву Марію-Антуанету въ тюрьмѣ Temple.

Достаточно было одной косынки чтобъ измѣнить весь тонъ, весь характеръ красоты Елены.

Она точно надѣла на себя не шелковую легкую трыпку, а облеклась въ ланцирь, въ броню. Въ ней не осталось и слѣда того вызывающаго, дерзкаго вида который былъ присущъ ея натурѣ и красотѣ; даже выраженіе глазъ перемѣнилось. Скромною, невинною и невозмутимою дѣвушкой показалаась Елена самой себѣ въ зеркало, предъ которымъ стояла спиной, съ повороченною назадъ къ зеркалу хорошенькою головкой, чтобы видѣть достаточно ли красиво распущенные лопаста косынки обрисовываютъ изгибъ ея талии.

„Какъ бы только не пересолить, думала она,—вѣдь онъ все-таки... мущина.“

#### IV.

Не прошло и получаса, около круглаго стола накрытаго въ той же гостиной,—она служила и залой, и приемной, и столовой,—сидѣло и разговаривало цѣлое общество.

За столомъ у самовара хозяйничала Елена. Около нея сидѣла Наташа, рядомъ съ ней племянникъ графа Петра Павловича Трояновскаго, Михаилъ Павловичъ Лобовъ, затѣмъ самъ хозяинъ Рыбинъ и наконецъ Гибсонъ, который и замыкалъ кругъ, сѣдя рядомъ съ Еленой.

Лобовъ передавалъ новости дня, говорилъ о пребываніи въ Петербургѣ болгарской депутаціи, передавалъ о ходившихъ по городу слухахъ касавшихся политическихъ недоразумѣній возникшихъ въ послѣднее время между Россіей и Германіей и разказалъ нѣсколько анекдотовъ о неловкихъ дѣйствіяхъ петербургской полиціи, не сумѣвшей въ теченіе цѣлаго года найти убійцу генерала Мезенцова и открыть тайныя типографіи гдѣ печатались подпольныя изданія соціально-революціонной партіи, не взирая на учрежденіе цѣлой арміи дворниковъ.

Гибсону, который былъ уже знакомъ съ Лобовымъ, показался онъ въ это утро особенно злымъ и недовольнымъ, хотя видимо дѣлалъ усилія казаться веселымъ.

Елена отъ души смѣялась, слушая насмѣшки Лобова, но Наташа оставалась невозмутимою и молча завтракала. Докторъ спрашивалъ Лобова, допытывался большіхъ подробностей; Гибсонъ улыбаясь сидѣлъ за впечатлѣніемъ производимымъ на Наташу разказами Лобова и за явною досадою

возбуждаемою въ разкащикѣ неустлѣхомъ его остротъ и серіозною миной съ которою дѣвушка слушала его.

Нѣсколько разъ уже бросалъ Лобовъ пытливые взгляды на сосѣдку остававшуюся, къ удивленію его, равнодушною къ смѣхотворнымъ анекдотамъ о неловкихъ дѣйствіяхъ полиціи.

„Почему же она не смѣется?“ думалъ онъ съ досадою. „Что она, идіотка что ли? ничего не понимаетъ?“

Злость начинала разбирать его.

„Нѣтъ, повидимому смекааетъ, вонъ краснѣетъ и глазаща сердитые дѣлаетъ. А! такъ ты уважаешь полицію, ты лиголица съ консервативнаго болота? Вѣришь въ тезисъ о Всемогущемъ и въ то же время поклоняешься могуществу городского? Ну, я пройму тебя. Заговоримъ ты у меня.“

— Нельзя винить исключительно полицію, говорилъ въ это время докторъ.—Она у насъ не привыкла еще бороться съ политическими партіями. Она теряется вида предъ собою незнакомаго ей врага.

— Да и не она одна, Трофимъ Григорьевичъ, замѣтилъ Лобовъ,—вся Россія со втораго апрѣля начинаетъ терять голову. Я уже не говорю о нашихъ дамахъ; онѣ воспитаны на страхѣ предъ людьми властью имѣющими и на трогательномъ уваженіи къ жандарму. Имъ не только заняться современными вопросами, но даже принять участіе въ серіозномъ разговорѣ какъ-то неловко. Въ серіозныхъ разговорахъ, какъ на примѣръ о дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, о политикѣ, о государственныхъ дѣлахъ онѣ чувствуютъ себя какъ будто на нихъ надѣто платье съ длиннымъ шлейфомъ пришитымъ не сзади, а спереди. Нѣтъ, что ни говорите, русская женщина есть женщина отсталая: ѣсть, пить, кокетничать и закармливать кашей дѣтей, вотъ кажется и все что умѣетъ дѣлать она.

Михаилъ Павловичъ изподлобья взглянулъ на Наташу, желая видѣть эффектъ который произведутъ на нее слова его.

Наташа сильно покраснѣла. Нельзя было не замѣтить что это выходка противъ русской женщины не связывалась съ предшествующимъ разговоромъ и съ замѣчаніемъ доктора о полиціи; значитъ Лобовъ нарочно, только изъ желанія кольнуть ее или Елену, такъ круто перешелъ отъ полиціи къ женщинамъ. Она бросила вопросительный взглядъ на Елену какъ бы вызывая ее на отвѣтъ, но Елена улыбаясь молчала и прилежно занималась накладываніемъ сахару въ чашки и стаканы.

„Такъ это въ меня онъ стрѣляетъ“, подумала Наташа и уже съ нѣкоторою горячестію сказала:

— Вы забываете, monsieur Лобовъ, что русская женщина, кромѣ закармливанія дѣтей кашей, умѣетъ еще вкоренить въ нихъ уваженіе ко власти, любовь къ семьѣ и къ отечеству. Она научаетъ дѣтей своихъ Богу молиться и приготовляетъ изъ нихъ честныхъ гражданъ, которые не будутъ убивать генераловъ на улицахъ города. Еслибы дѣятельность ея даже тѣмъ и ограничилась, то кажется жизнь ея будетъ не бесполезна. На это конечно вы скажете что въ словахъ моихъ нѣтъ ничего новаго, что ихъ можно прочесть въ пропискахъ любой школы... Что же дѣлать! Эти вѣчныя истины тѣмъ и хороши что онѣ вѣчны. Не думаю я чтобы всякая новизна была непремѣнно прогрессомъ.

— Вотъ въ этомъ-то именно и заключается вся ошибка людей не хотящихъ видѣть восходящаго солнца и предпочитающихъ оставаться въ прежнемъ мракѣ душевнаго семейнаго курятника. Мыслители нашего времени давно уже опрокинули бы рутинный кодексъ условной нравственности, еслибы...

— Хотите чаю, или кофе? внушительно прервала Лобова Елена Трофимовна.

Съ досадою вскинулъ на нее глаза прерванный ораторъ, но увидѣвъ укоризненный взоръ дѣвушки, догадался что она предупреждаетъ его о необходимости быть осторожнѣе въ словахъ, поклонился привставъ со стула, попросилъ стакашъ чаю и умолкъ.

Наташа не отвѣчала. Повидимому все вниманіе ея было поглощено намазываньемъ масла на только что привнесенные человѣкомъ въ салфеткѣ гренки, которые она и передавала, по мѣрѣ ихъ приготовленія, доктору и Гибсону.

Пользуясь наступившимъ молчаніемъ докторъ пустился въ разсужденія о томъ что одна полиція не въ состояніи ни предупредить подобныхъ прискорбныхъ явленій, ни уничтожить радикально партію анархистовъ, и что цѣли этой можно достигнуть не иначе какъ при дружномъ содѣйствіи всего общества. Мысль эта въ тѣ дни проповѣдывалась въ печати.

Пока докторъ говорилъ, Лобовъ вынулъ изъ кармана серебряный портсигаръ, взялъ между зубами палпирску и собирался уже шаркнуть спичкой по зазубренной полоскѣ портсигара какъ былъ остановленъ Еленой, подавшею ему



стаканъ чаю. Чтобы передать его она наклонилась за спину Наташи; въ ту же сторону наклонился и Лобовъ, протянувъ руку. Ни Наташа, ни сѣдѣвшіе за столомъ докторъ и Гибсонъ не могли видѣть какъ Елена, закрытая сосѣдкой, сѣдала знакъ Лобову о томъ что курить нельзя, причемъ она кивнула головой на Наташу.

Лобовъ насмѣшливо улынулся, пожалъ плечами съ выраженіемъ презрѣнія, палироску оставилъ незакуреною на столѣ и началъ слушать доктора, который въ ту минуту оканчивалъ рѣчь о возможности достигнуть цѣли не иначе какъ при дружномъ содѣйствіи цѣлаго общества.

— Только не нашего, воскликнулъ Лобовъ, раздраженный боѣе прежняго обязательствомъ не курить по калризу этой „верхоглядки“, какъ онъ мысленно обзывалъ Наташу.—Какое полезное содѣйствіе можетъ оказать сборище обскурантовъ, умственно неразвитыхъ и безграмотныхъ людей, которыхъ вдобавокъ руководитъ высшій, такъ-называемый цивилизованный нашъ классъ. Люди эти воспитаны на давно отжившихъ началахъ условныхъ, бессмысленныхъ текстовъ и цитатъ и на жеманныхъ привычкахъ большаго свѣта. Наше общество! Да это непочатый складъ рабскихъ предрасудковъ, и на этой кучѣ стараго хлама сидитъ крапичками бѣлая гниль чванливыхъ бюрократовъ, аристократовъ и крѣпостниковъ.

Съ гордымъ изумленіемъ взглянула на говорившаго Наташа, но тотчасъ же отвернулась отъ него и продолжала макать сухарики въ чашку. Какъ ни старалась она казаться покойною, Гибсонъ видѣлъ что пальчики ея нервно дрожали когда она страхивала съ нихъ приставшія къ нимъ крошки сухарей.

А между тѣмъ Лобовъ продолжалъ свое. Онъ забылъ уже предостереженіе сдѣланное ему Еленой.

— Наше общество! съ одушевленіемъ продолжалъ онъ отваливаясь на спинку стула и глядя неопредѣленно предъ собой, какъ будто говорилъ предъ большою лубликой собравшеюся внимать его умнымъ рѣчамъ.—Да развѣ можетъ оно играть какую-либо политическую роль при отсутствіи общественнаго мнѣнія и безъ возможности высказать его? А чтобы существовало разумное, прогрессивное общественное мнѣніе, нужна цивилизація, надо больше народныхъ школъ, да не такихъ какія заведены у насъ по утвержденному консервативному шаблону... Давайте намъ больше грамотныхъ, больше науки; а гдѣ у насъ наука?..

Улыбаясь и со взоромъ исполненнымъ сердечнаго одобренія посмотрѣвъ Гибсонъ на Наташу; затѣмъ, обратясь къ Лобову, чрезвычайно учтиво сказалъ ему:

— Значитъ вы полагаете, monsieur Лобовъ, что еслибы всѣ до единаго жители Петербурга были грамотны, да кромѣ того еслибы даже треть ихъ или половина, сколько угодно, были людьми цивилизованными, а разумью въ вашемъ смыслѣ, то общество было бы въ силахъ подавить всякое преступное проявленіе со стороны меньшинства,—я называю меньшинствомъ, какъ вѣроятно и вы, делтовъ интернаціональнаго общества...

Елена Трофимовна видимо пугалась дальнѣйшаго разговора; ей хотѣлось прервать его, но Гибсонъ сдѣлалъ за ней, и она это видѣла, что еще болѣе ее смущало и безлокоило.

Между тѣмъ Лобовъ не замѣчалъ тревоги Елены и отвѣчалъ Гибсону, хотя уже не такимъ увѣреннымъ тономъ какимъ говорилъ до сей минуты:

— Да, конечно, но съ условіемъ чтобы большинство жителей было проникнуто современнымъ образомъ мысли и сбросило бы съ себя всю гниль старой рутины.

— То-есть какъ же? возразилъ Гибсонъ,—вы хотѣли бы чтобы не меньшинство, а большинство было на сторонѣ интернаціоналки и принадлежало бы къ ученію какого-нибудь Бакунина?

— Да это значитъ, вскричалъ докторъ,—что вы, любезнѣйшій, хотѣли бы отдать Петербургъ на разграбленіе парижской коммуны!

Елена потеряла терпѣніе, и видя что у Лобова загорѣлись глаза, что онъ въ сильнѣйшемъ волненіи ёрзалъ до стула и что вотъ-вотъ сейчасъ онъ лустится въ такія откровенности что отецъ пожалуй и откажетъ ему отъ дома, она послѣдшила рѣшительнымъ шагомъ прекратить этотъ опасный разговоръ, и потому, обращаясь къ Гибсону, спросила достаточно громко чтобы заставить замолкнуть говорившихъ, справедливъ ли слухъ о томъ что въ одномъ изъ домовъ набережной Невы какой-то вельможа читаетъ по вечерамъ проповѣди назидательно-религіознаго характера. Завязался общій разговоръ о проповѣдяхъ, въ продолженіе котораго Лобовъ овладѣвъ собой, услокоился и впасть попрежнему въ саркастическій тонъ.

Мявнія сидѣвшихъ вокругъ стола насчетъ проповѣдей вельможи раздѣлились.

Гибсонъ полагалъ что слѣдовало бы предоставить полную свободу проповѣди пока ничего вреднаго не будетъ замѣчено въ словахъ проповѣдника.

Докторъ съ нимъ не соглашался, приводилъ свои мотивы и заключилъ что проповѣди слѣдуетъ воспретить.

— А вы какого объ этомъ мнѣнія, Наталья Васильевна? спросилъ Лобовъ улыбаясь.

— Я раздѣляю мнѣніе Василя Федоровича, отвѣтила Наташа сухо и не охотно.—Лучше было бы не запрещать проповѣдей этихъ господъ, но рядомъ съ ними пригласить нашихъ священниковъ читать свои поуче.

— Что вы, Наталья Васильевна! тотчасъ же возразилъ Лобовъ, какъ будто ожидавшій только какого-нибудь мнѣнія Наташи чтобы придратъся къ нему,—что вы! Да кто же изъ тѣхъ что ходятъ на проповѣди вельможи пойдеть слушать элукубраціи нашихъ поповъ? Вы слышали, напримѣръ, что произнесъ на дняхъ недалеко отсюда въ сосѣдней деревнѣ одинъ изъ нашихъ священниковъ? Онъ былъ сердитъ на прихожанъ за недостаточное обильныя приношенія. Пришлось ему говорить на тему о всеобщей братской любви и онъ провозгласилъ: „братія“!

При этомъ Лобовъ старался подражать голосомъ и жестами говорящему проповѣдъ священнику и неизвестно почему заговорилъ въ носъ: „Братія! возлюбите хоть вы другъ друга, потому что васъ, скаредовъ этакихъ и скрягъ, ужъ конечно никто другой не полюбитъ.“

Докторъ и Елена засмѣялись. Наташа сильно покрасѣла.

— Ну скажите, продолжалъ Лобовъ,—какую же можетъ разумную проповѣдь...

— Перестаньте, monsieur Лобовъ, прервала его Наташа строгимъ голосомъ и устремивъ на молодого человѣка сверкающіе отъ негодованія глаза.—Мнѣ непріятно слышать подобныя вещи. Примите что я ничего не говорила. Напрасно вы меня спрашивали и напрасно я вамъ отвѣчала, если вы хотѣли возразить такимъ остроумнымъ анекдотомъ вычитаннымъ вами вѣроятно въ какомъ-нибудь шутовскомъ журналѣ. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе если никогда не будете обращаться ко мнѣ съ такими непочтительными выраженіями о людяхъ которыхъ я обязана уважать.

Съ каждымъ выговореннымъ словомъ рѣчь Наташи стано-

вилаась раздѣльнѣе, и если не самыя слова, то сопровождающій ихъ тонъ, выраженіе глазъ и строгость во всѣхъ чертахъ лица придавали имъ обидную язвительность.

Она явно не могла уже совладать съ собой подъ напыломъ негодованія. Индійская кровь увлекала ее. Еслибы не удержать ее, она дошла бы до дерзостей. Всѣ обратили на нее безпокойные взгляды; одинъ Гибсонъ опустилъ глаза и сжалъ губы.

• Любовь замочалъ, но на лицѣ его не было видно особеннаго огорченія. Напротивъ, онъ думалъ въ эту минуту:

„Ага! вывелъ-таки тебя, прекрасная статуя, изъ каменной неподвижности: заговорила наконецъ!“

Елена бросила взглядъ на Гибсона и замѣтила съ удовольствіемъ въ его опущенныхъ глазахъ и въ сжатыхъ губахъ если не укоръ, то неодобреніе выходки Наташи. Довольная этимъ замѣчаніемъ, она захотѣла услужить Гибсону и вывести всѣхъ и въ особенности Наташу, готовую заллакать, изъ неловкаго положенія.

Обратясь къ Лобову, она произнесла шутивымъ, игривымъ тономъ, которымъ конечно никто обидѣться не могъ: — Гдѣ вычитали вы эту пошлость? Надо спросить о томъ Вейсига, онъ все знаетъ: онъ ходячій каталогъ.

Конечно, одно слово *пошлость* было грубѣе всего что сказала Наташа, однакоже никому не показалось оно ни грубымъ, ни даже неучтивымъ; до такой степени справедлива французская поговорка: *c'est le ton qui fait la musique*.

Всѣ разсмѣялись и Лобовъ со всѣми.

— У насъ тутъ заведенъ свой лордъ-апостолъ, вашъ дядюшка, продолжала Елена, обратясь къ Лобову, — графъ Петръ Павловичъ. Ты не повѣришь, *Natalie*, что за странныя мысли у этого старика! Вообрази, онъ считается гдѣ-то ангеломъ или херувимомъ и служить обѣдню въ особомъ костюмѣ. Представь себѣ этого сѣдаго старика съ крыльями ангела *et habillé comme on ne l'est guère*.

Не успѣли сорваться эти слова съ языка ея какъ она уже поняла что дала промахъ. Вышло что-то скабрзное, да еще этотъ Лобовъ какъ нарочно засмѣялся и тѣмъ какъ бы подчеркнулъ ея промахъ.

„Трудненько однако играть роль *prude*“ подумала Елена, и хотѣла уже ловкимъ маневромъ и подробнымъ описаніемъ костюма ангела, о которомъ она конечно не имѣла никакого

ловатя, заглядитъ впечатлѣніе произведенное намекомъ на полное декольте стараго графа и тайнаго совѣтника, какъ вдругъ вскочила съ мѣста и объявила что видитъ идущую къ нимъ по дорогѣ графиню Alexandrine съ братомъ.

Вскорѣ затѣмъ въ комнату вошли графиня Александра Петровна Трояновская и молодой графъ Nicolas, дѣти графа Петра Павловича.

Маленькая ростомъ, двадцатилѣтняя, щедрая, узенькая въ плечахъ и плоская со всѣхъ сторонъ какъ доска, графиня имѣла видъ болѣзненнаго, слабого недоноска. Въ ея лицѣ прежде всего бросался въ глаза длинный, узенькій и заостренный носъ; она унаслѣдовала его отъ матери. Затѣмъ неприятно поражала въ лицѣ графини нечистая кожа,—тоже материнскій подарокъ перешедшій вмѣстѣ съ острою кровью. Но за то съ удовольствіемъ можно было остановить взоръ на карихъ, хотя и небольшихъ, но добрыхъ, бархатныхъ глазахъ графини и на ея красивомъ ротикѣ. Глаза, ротъ и правильный обликъ унаслѣдовала она отъ отца. Такъ пріятны были глаза ея, такую прелестью и добротой освѣщали они это худенькое, маленькое и пестрое личико и столько ласки и доброжелательства было въ формѣ ея рта что искренно жаль становилось эту бѣдную дѣвушку, при взглядѣ на нее.

Наташа, ожидавшая увидѣть гордую своимъ титуломъ и напыщенную графиню, пріятно была удивлена скромнымъ и даже боязливымъ видомъ вошедшей дѣвушки. „Бѣдная! какая она некрасивая“, подумала Наташа, „а должна быть добрая и хорошая.“

Графъ Nicolas былъ безцвѣтный блондинъ.

При входѣ брата съ сестрой послѣдовали обычное шарканье и передвиженіе стульевъ, обоюдныя привѣтствія, представленія не бывшихъ прежде знакомыми. Затѣмъ всѣ усѣлись вокругъ стола.

Графиня помѣстилась между Наташей и Еленой, молодой графъ между Лобовымъ и докторомъ.

Начала говорить графиня по-французски:

— Я пришла объявить вамъ что порядокъ охоты на которой, надѣюсь, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ, обратилась она сперва къ Наташѣ, а потомъ и къ Гибсону,—нѣсколько измѣнилася. Мы должны были выѣхать сегодня чтобы ночевать въ какой-то деревнѣ и завтра съ восходомъ солнца начать охоту; но это оказалось невозможнымъ, не могли найти для насъ помѣщенія въ домахъ у мужиковъ...

— Таракановъ испугался, замѣтилъ язвительно Любовь по-русски.

— Очень можетъ быть, отвѣчала графиня, поднимая на него невинный взглядъ своихъ добрыхъ глазъ.—У этихъ бѣдныхъ людей такъ мало комфорта! насъ приглашаютъ ночевать дома и выѣхать завтра утромъ прямо въ лѣсъ къ семи часамъ утра.

— И вы, кузина, способны встать такъ рано? спросилъ Любовь.

— Постараюсь если позволить здоровье и если разрешитъ докторъ, нѣсколько конфузясь выговорила графиня, устремивъ добрые глаза свои на Рыбина.

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ воспріимчивому сердцу Наташи сказалось все нравственное страданіе двадцатилѣтней молодой дѣвушки, постоянно больной и слабой. Несказанно жаль стало ей бѣдной графини.

— Объ этомъ поговоримъ вечеромъ, добрѣйшая Александра Петровна, отвѣчалъ Рыбинъ.

Слово *вечеромъ* выговоренное докторомъ наломало графинѣ что не все еще ей порученное передала она обществу.

— Да, воскликнула она, — надѣюсь что вы, monsieur Гибсонъ, и Mlle Адаяровъ, не откажетесь отобѣдать съ нами сегодня. Добрѣйшіи Трофимъ Григорьевичъ и Hélène уже обѣщали. Пала самъ будетъ у васъ съ просьбой о томъ же. Я только его *avant-coureur*.

Гибсонъ началъ было извиняться неумѣніемъ съ собой приличнаго костюма званому обѣду, но графиня отвѣчала что ихъ домъ не замокъ англійскаго лорда.

— *Tout vaus a ses coutumes*, сказала она.—*Papa n'assuretera pas vos raisons*. А вы, Mlle Адаяровъ, надѣюсь, не откажете мнѣ въ просьбѣ не только сегодня пообѣдать вмѣстѣ, но быть близкими знакомыми. Трофимъ Григорьевичъ такъ много говорилъ о васъ что мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ вами.

Чѣмъ больше всматривалась Наташа въ графиню, тѣмъ больше чувствовала къ ней влеченіе. Къ этому примѣшалось еще глубокое состраданіе къ физическимъ недугамъ и недостаткамъ которые не только дѣлали ее слабою и хилою, но явно порождали въ ней мучительное чувство застѣнчивости. Графиня была увѣрена что во всѣхъ на нее смотрящихъ видъ ея лестраго лица возбуждалъ отвращеніе или насмѣшку. Эта

подавляющая постоянная мысль выражалась во взглядѣ и во всѣхъ чертахъ лица бѣдной графини. Постоянное желаніе укрыться гдѣ-нибудь въ болѣе темномъ углу комнаты и какъ можно менѣе выставляться на видъ не покидало ее никогда.

Вынужденная, какъ было теперь, сидѣть на виду и говорить обращаясь къ цѣлому обществу устремившему на нее глаза, да еще при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, при которомъ каждое пятнышко такъ ясно видно, она видимо съ трудомъ пересиливала робость.

— Вы недавно пріѣхали изъ Англіи? спросила графиня Наташу.

— Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, отвѣтила Наташа.—Я провела въ замкѣ лорда Портвельса, отца мистера Гибсона, у тетокъ его около двухъ съ половиной лѣтъ.

— Кажется и прежде, ребенкомъ, вы жили тамъ?

— Да, я была привезена туда мистеромъ Гибсономъ прямо изъ Азіи, когда мнѣ было лѣтъ шесть.

— Такъ что объ Азіи вы мало что и помните?

— Почти ничего. Изъ дѣтства моего я помню только отдѣльные эпизоды, но за то они ярко рисуются предъ моими глазами. Самое отдаленное воспоминаніе мое Джузакъ. Какъ теперь вижу холмъ, насыпанный надъ могилой матери моей, и Василія Федоровича который держитъ меня на рукахъ. Вотъ съ тѣхъ поръ уже всѣ мои воспоминанія, вся жизнь моя связада съ нимъ. У меня нѣтъ ни матери, ни отца; но я ни одной минуты не чувствовала себя сиротой. Мой добрый Василій Федоровичъ замѣнилъ мнѣ все. Вы не повѣрите, графиня, какъ мнѣ пріятно чувство что ему я обязана болѣе чѣмъ жизни; онъ научилъ меня мыслить, чувствовать, управлять моею волей и любить Бога.

— Какъ я понимаю васъ, милая Natalie! выговорила растроганная графиня.—Я тоже имѣла счастье встрѣтить въ жизни моей ангела въ лицѣ моей тетки Мери, вотъ его матери, прибавила она, кивнувъ на Лобова.—Она тоже научила меня любить Бога и людей и терпѣливо переносить всякое горе. Но я имѣла несчастіе потерять ее, и теперь я сирота. Милая Natalie, мнѣ кажется, еслибы вы только захотѣли мы... сблизилась бы съ вами, мы можетъ-быть... сошлась бы другъ съ другомъ. Не знаю какъ вы, но я была бы этому очень рада.

Въ теченіе этого разговора графиня постепенно отодви-

гала назадъ стулъ на которомъ сидѣла даѣе и даѣе отъ стола. Наташа, которая не слускала съ нея глазъ и слѣдила за всѣми ея движеніями, сидѣла то же, и скоро обѣ очутились въ двухъ или трехъ шагахъ отъ края стола, составляя какое-то *a parte* отъ остальнаго общества.

Между Еленою и Михаиломъ Павловичемъ образовалось оттого нѣкѣмъ не занятое пустое пространство.

— Повѣрьте, сказала Наташа,—я считала бы себя счастливою еслибы могла заслужить вашу довѣренность, еслибы насъ связало не одно свѣтское знакомство, а взаимное уваженіе и привязанность, еслибы я была въ состояніи хоть минутами замѣнить вашу горькую потерю.

Наташа сильно пожала ей руку. Лучъ необыкновенной радости мелькнулъ въ глазахъ графини, она посмотрѣла прямо въ глаза Наташи и сжала вѣки глазъ, какъ дѣлають всѣ близорукіе чтобы лучше видѣть, потомъ потупила взоръ и задумалась. Подумавъ не долго, она опять подняла глаза на Наташу, притянула ее за руку къ себѣ ближе, сама наклонилась къ ея лицу и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказала:

— Скажите, милая Natalie, все что вы говорили мнѣ сейчасъ, все это были не фразы! Да! вы такъ напомнили мнѣ ту которой уже нѣтъ и которая одна, въ цѣломъ мірѣ одна любила меня сердцемъ своимъ. Меня вѣдь никто, никто не любить и полюбить не можетъ. Вы сказали послѣднія слова ваши такъ какъ говорила она одна. Можетъ-быть я кажусь вамъ странною, смѣшною? Но вы такимъ голосомъ... Вѣдь вы говорили отъ души, да? Скажите мнѣ прямо. Меня ничто не удивить.

Графиня говорила почти шепотомъ и необыкновенно быстро.

Съ удивленіемъ услышали слова Наташи Любовь и Елена сѣдившіе за разговоромъ обѣихъ дѣвушекъ. Онѣ взглянули на Елену. Она спокойно сидѣла, опершись спиной на спинку стула и скрестивъ руки на груди сколько могла внимательно слушала Гибсона.

Глаза ихъ встрѣтились на одно мгновеніе, и Любовь едва замѣтнымъ жестомъ головы указала на Наташу и графиню и потомъ сжала брови въ знакъ неудовольствія. Елена отвѣтила ему такимъ же малозамѣтымъ движеніемъ головы въ утвердительномъ смыслѣ, легкимъ движеніемъ бровей и



поднятіемъ руки къ уху, какъ будто понадобилось ей поправить волосы; а въ то же время, не прерывая начатаго разговора съ Гибсономъ, краснорѣчиво заявляла что съ большимъ удовольствіемъ поселилась бы на постоянное жительство въ Англіи.

Любовъ помялъ жесты Елены, всталъ, взялъ стулъ на которомъ только-что сидѣлъ, передвинулъ его къ двумъ разговаривавшимъ дѣвицамъ и сѣлъ еще далѣе ихъ отъ стола, образовавъ такимъ образомъ треугольникъ изъ трехъ собесѣдниковъ.

— Вы позволите присоединиться къ вамъ? сказалъ онъ и замѣтилъ, къ крайнему удивленію, что онъ почти шептался, наклонясь одна къ другой и держась за руки.

Любовъ заговорилъ было объ ожидаемой на другой день охотѣ, но графиня вскорѣ встала, а за ней и всѣ остальные, кромѣ Елены и Гибсона.

— Вы, Michel, обѣдаете у насъ сегодня? спросила Alexandrine Лобова.

— Нѣтъ, кузина, не могу, да у васъ же будетъ этотъ верблюдъ, тетупка Марья Федотовна, а я боюсь съ ней встрѣчаться.

— Отчего такъ?

— Она выводитъ меня изъ всякаго терпѣнія; когда-нибудь я нарочно заговорю по-французски какъ она или наговорю ей дерзостей по-русски. По мнѣ она рѣшительно невыносима, раздражаетъ нервы. Послѣ всякаго съ нею свиданія я становлюсь боленъ.

— Полноте, Michel, не она виновата, отвѣтила графиня улыбаясь.—Au revoir, mon amie, сказала она пожимая руку Наташѣ и подошла къ Еленѣ.

Рыбина тотчасъ встала и вызвалась проводить ее до дому, извиняясь предъ своими гостями слѣшнымъ дѣломъ. Любовъ послѣдовалъ за ними.

Въ комнатахъ остались Наташа, Гибсонъ и докторъ.

— Вы бы, моя золотая, переодѣлись, сказалъ докторъ,—сегодня охоты не будетъ и верхомъ ѣхать вамъ не придется. Для васъ готова комнатка; должно-быть Анна Ефимовна все тамъ ужъ приготовила.

— Я переодѣнусь, добрѣйшій мой крестный, но мнѣ хочется прежде воспользоваться тѣмъ что никого нѣтъ посторонняго и узнать что-нибудь подробнѣе о семействѣ графа

Трояновскаго. Вы обѣщали разказать. Закурите вашу сигару, садитесь въ свое кресло и повѣствуйте. Съ тѣхъ поръ какъ я видѣла эту добрую, милую Alexandrine, мнѣ гораздо болѣе чѣмъ часъ тому назадъ хочется узнать всѣ подробности касающіяся ея...

— А вамъ, Natalie, очень понравилась молодая графиня? спросилъ Гибсонъ.

— Очень я рѣдко встрѣчала дѣвицу которая произвела бы на меня такое хорошее, душевное впечатлѣнiе. Я рада была бы сблизиться съ ней.

— Въ васъ говорить вашъ хорошій цѣстиктъ, моя дорогая, замѣтилъ докторъ;—въ этомъ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ большая и здоровая душа. Вы съ ней навѣрное сойдетесь, вы обѣ такія славныя барышни.

— Въ самомъ дѣлѣ вы убѣдились въ ея душевной красотѣ, Natalie, и въ такое короткое время? спросилъ Гибсонъ.

— Это значить, Василій Федоровичъ, вы не того мнѣнія чтобъ я сблизилась съ ней?

— О нѣтъ, Natalie, нѣтъ! я только удивляюсь вашему быстрому рѣшенію. Впрочемъ, послѣ словъ моего добраго друга доктора я совѣтовалъ бы вамъ даже сойтись съ ней еслибы совѣтами можно было возбуждать симпатіи и антипатіи...

— Смотря по тому кто даетъ совѣтъ, отвѣчае Наташа.

— Такъ что еслибы я, вашъ крестный отецъ, посоветовалъ вамъ, моя золотая, посимпатизировать Лобову, вы меня послушали бы? спросилъ улыбаясь докторъ.

— Mademoiselle Алаяровъ, кажется, предупредила этотъ вашъ совѣтъ, мой добрый другъ, возразилъ Гибсонъ опустивъ глаза внизъ.—Сужу по тому что вы, Natalie, такъ горячо принимали къ сердцу мнѣнія этого джентльмена.

— Василій Федоровичъ, какъ можно такъ зло... едва слышно произнесла Наташа. Она видимо обидѣлась.

Гибсонъ подошелъ къ ней и молча протянулъ ей руку, въ которую она все еще недовольная вложила свою.

„Однакоже какъ онъ ее школить!“ сказалъ самъ себѣ Рыбинъ, закуривая сигару и располагаясь въ креслѣ.

Затѣмъ всѣ ушли въ комнату вокругъ стола, съ котораго люди успѣли уже убрать остатки завтрака, и докторъ началъ свой разказъ.

## V.

Изъ трехъ братьевъ, графовъ Трояновскихъ, старшій, Петръ, служилъ въ гражданской службѣ; средній Александръ и младшій Павелъ были оба гвардейскими офицерами, но Павелъ въ послѣдствіи перемѣнилъ шпагу на перо и теперь былъ уже статсъ-секретаремъ. Съ нимъ Гибсонъ былъ давно знакомъ еще въ Англіи и въ это утро встрѣтилъ его на станціи какъ стараго знакомаго. Они принадлежали къ одной изъ древнѣйшихъ русско-польскихъ фамилій, но наследственное состояніе ихъ, еще весьма значительное при дѣдѣ, очень уменьшилось при жизни ихъ отца, такъ что каждый изъ трехъ братьевъ получалъ по наследству ровно столько чтобы чувствовать себя въ Петербургѣ недостаточно обезпеченнымъ и находящимся въ полной зависимости отъ службы.

Старшій братъ, Петръ, сдѣлалъ хотя и не очень блестящую, но все-таки довольно видную карьеру и будучи уже статскимъ генераломъ и камергеромъ женился на богатой княжнѣ, фрейлинѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ Хошанской.

Княженъ Хошанскихъ было двѣ сестры. Старшая Татьяна (Тата), вышедшая уже не въ молодые годы за графа Петра Трояновскаго, и Марія (Мери), про которую въ семьѣ умалчивали. Никто не смѣлъ въ присутствіи стараго князя Хошанскаго упомянуть имени дочери его Марьи Алексѣевны. Она имѣла неосторожность выйти замужъ за человека хотя уже не молодаго, лѣтъ сорока, но котораго страстно полюбила.

Человѣкъ этотъ, Павелъ Алексѣевичъ Лобовъ, хотя очень образованный, носилъ плебейское имя, безчиновный, не состоялъ на службѣ ни при какомъ министерствѣ и управлялъ мѣдно-плавильными заводами князя Хошанскаго гдѣ-то въ Сибири.

— Я могу имѣть нужду въ услугахъ какого-нибудь Лобова, говорилъ старшій князь, — и цѣнить его высоко, даже до пятнадцати тысячъ рублей въ годъ жалованья, но съ женой его не могу быть знакомымъ и принимать ее къ себѣ въ домъ не только какъ родную, но даже какъ знакомую, мнѣ не приходится.

Княжна Татьяна Алексѣевна раздѣляла вполнѣ мнѣніе отца и о сестрѣ никогда не говорила въ обществѣ. Она

знала отъ горничныхъ что Лобовы поселились на какомъ-то заводѣ въ Польшѣ, имѣли единственнаго сына Мишу и проживали себѣ хорошо и безбѣдно, но никогда и никому не сознавалась она что слухи о сестрѣ доходили до нея. Даже съ отцомъ она никогда не говорила о сестрѣ, хотя ей было хорошо извѣстно что два или три раза въ годъ старый князь получалъ письма отъ опальной дочери, но отвѣчалъ ли онъ на эти письма или нѣтъ, она никакъ не могла узнать.

Женщина гордая и надменная, отъ природы не глухая, но только свѣтски образованная и уродливо воспитанная, Тата, будучи уже тридцати лѣтъ, торжественно взошла молодою графиней въ домъ небогатаго мужа, съ претензіями самаго завоевательнаго характера. Начиная съ мужа все состояло въ ея безусловномъ повиновеніи. И нельзя было сказать чтобы такая тираннія ея была слѣдствіемъ какой-либо принятой, обдуманной ею системы, чтобъ она входила въ ея расчеты и было результатомъ ясно очерченнаго плана дѣйствій. Нисколько. Тата деспотически повелѣвала въ домѣ, какъ птички поютъ, по естеству своему. Это становилось само собою, потому что на ея сторонѣ были главные элементы дающіе въ семействѣ власть: деньги и всегдашняя готовность поднимать семейную драму хотя бы изъ самыхъ лустяковъ, да еще способность лилить нескованною воркотней, надобливою какъ жужжаніе комара.

Графъ Петръ Павловичъ, супругъ ея, питалъ къ семейнымъ драмамъ, такъ-называемымъ исторіямъ, не только отвращеніе, но какой-то непреодолимый ужасъ, а воркотня производила на него ощущение зубной боли; напротивъ того, графиня Татьяна Алексѣевна находила въ нихъ какое-то особое удовольствіе.

Все служило предлогомъ къ исторіи и къ лилею, даже заботы о пользахъ мужа и дѣтей. Надо было видѣть съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдовала она, напримѣръ, попытки мужа прикурнуть немного послѣ хорошаго обѣда. Кто-то сказалъ ей на несчастіе графа Петра что отъ послѣобѣденнаго сна тодствуютъ. Съ той минуты каждый вечеръ систематически производились послѣобѣденныя терзанія мужа.

— Ріегге, не спи! ловторяла она каждыя пять минутъ. Бѣдный Ріегге давно уже уловчился спать сидя въ креслѣ, чуть не съ открытыми глазами, такъ что глядя со стороны никто и не догадается что человекъ спитъ; но ровное дыханіе выдавало его.

Чуткое ухо Татьяны Алексѣевны немедленно докладывало ей что мужъ дышетъ во снѣ.

— Ріегге, не дыши! громкимъ, визгивымъ голосомъ возглашала неумолимая женщина и крикомъ своимъ какъ электрическимъ токомъ поднимала бѣлаго Негра.

Когда поднималась домашняя буря, всѣ были виноваты и всѣмъ доставалось: и мужу, и дѣтямъ, и людямъ, только чужіе не платились за исторію. Съ чужими, не домашними, графиня всегда была по наружности одинаково мила и равно любезна. Свою маску предъ свѣтомъ она носила безусловно, умѣла подавить въ себѣ всякую злобу, зависть, вспыльчивость. За то ужъ дома: всѣ плотины долой, маски прочь, никакого принужденія.

Не удивительно что дѣти Татьяны Алексѣевны: Nicolas и Alexandrine, не любили матери, вносившей въ домъ свой вѣчный адъ, и не уважали отца, который не смѣлъ заступиться ни за дѣтей, ни даже за самого себя, а ограничивался молчаливымъ раздѣленіемъ съ ними общихъ страданій. вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣровали что главная задача жизни, то что даетъ преимущество надо всѣми, заключается въ деньгахъ и въ постоянномъ притворствѣ предъ свѣтомъ: платить, лгать и вѣчно притворяться—вотъ въ чемъ вся наука жизни. Кто изучалъ эту науку тотъ можетъ безнаказанно дѣлать все что ему угодно.

Черезъ годъ послѣ замужства Татьяны Алексѣевны умеръ старый князь, ея отецъ. Къ необыкновенному изумленію всѣхъ и къ крайнему огорченію графини, оказалось что покойный князь раздѣлилъ огромное состояніе свое поровну между двумя сестрами; опальная дочь получила то же что и хваленая. Лобова поставлена на одну доску съ графиней Трояновской. Правда, къ тому времени самого Лобова уже не было, онъ умеръ какъ-то случайно, убитый машиной, но вдова его была все-таки не болѣе какъ госпожа Лобова, наложившая своею постыдною mesalliance неизгладимое пятно на княжескій домъ Хопявскихъ, и этой-то женщиной, которая живетъ гдѣ-то въ глуши и не будетъ знать что дѣлать съ богатствомъ, надо было отдать половину всего состоянія.

Въ 1875 году графиня Татьяна Алексѣевна умерла отъ разрыва сердца, и тогда сестра ея Мери, вдова Лобова, пріѣхала въ Петербургъ и была не только ласково принята зятемъ своимъ, графомъ Петромъ Павловичемъ, но даже поселилась въ его домѣ.

Мери Лобова была настолько же сердечна, добра, всегда ласкова и привѣтлива, насколько покойница Тата была невыносима, вспыльчива и надменна. Она тотчасъ же сошлась съ графиней Alexandrine, которой было тогда семнадцать лѣтъ, и примѣромъ своимъ, а также мягкимъ, ласковымъ обращеніемъ успѣла не только уничтожить въ дѣвочкѣ все дурное, привитое ей матерью, но и развить тѣ добрыя природныя качества которыя она унаслѣдовала отъ отца.

Такія рѣзкія нравственныя перерожденія, въ особенности въ молодыхъ людяхъ семнадцати лѣтъ, никогда не проходятъ даромъ. Послѣ нихъ остается въ душѣ цѣлѣ усталость, какъ послѣ усиленной работы, называемая *анатіей*, или проявляется особенная восторженность, которую привыкли называть *сентиментальностью*.

Первая стала удѣломъ ограниченнаго графа Nicolas, послѣднее постигло молодую графиню.

Къ несчастію, Мери Лобова не вынесла гнилой зимы, бывшей въ Петербургѣ въ семьдесятъ шестомъ году, и со вскрытіемъ Невы весной семьдесятъ седьмаго года умерла отъ воспаления легкихъ на рукахъ убитой горемъ Александры Петровны.

Сынъ ея, Михаилъ Павловичъ, остался послѣ смерти отца трехлѣтнимъ мальчишкой на рукахъ матери которая воспитала его богобоязненнымъ, скромнымъ юношей до четырнадцатилѣтняго возраста, то-есть до шестьдесятъ четвертаго года, когда пошла бродить по Россіи новыя завиральныя идеи. Она отдала его сперва въ реальное какое-то училище, а потомъ въ Технологическій Институтъ, гдѣ онъ безъ сомнѣнія и пріобрѣлъ тѣ правила и мысли которыми отличался въ настоящее время.

Все это разказалъ докторъ своимъ друзьямъ, знакомя ихъ съ семействомъ графа Трояновекаго; не могъ онъ только разказать, потому что и самъ не зналъ какимъ психологическимъ путемъ превратился Михаилъ Лобовъ изъ богобоязливаго и скромнаго юноши въ „сознательнаго реалиста“, какъ онъ самъ называлъ свое нынѣшнее настроеніе. Онъ обожалъ мать свою до фанатизма; въ ней видѣлъ соединеніе всѣхъ совершенствъ, всего прекраснаго, высокаго, достойнаго любви, и понять не могъ какъ могли существовать люди подобныя княжнѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ, которая не только не любила сестру свою, но еще преслѣдовала ее своею ненавистью,

даже и тогда когда перестала носить имя Хошанской и сдѣлалась графиней Трояновской. Будучи еще въ реальномъ училищѣ, Лобовъ понялъ что мать его страдала не въ искушение какого-либо грѣха съ ея стороны, а только благодаря дурно понятой гордости со стороны чванливой аристократки, и потому возненавидѣлъ и тетку и все сословіе къ которому она принадлежала, всю по его заключенію надутую и пустую аристократію. Отъ фанатической ненависти къ высшему сословію до идеи о равенствѣ и коммунизмѣ недалеко. Остальное довершилъ Технологическій Институтъ. Незамѣтно для него самого вовлеченъ былъ Лобовъ въ такъ-называемую революціонную партію и хотя не принадлежалъ еще ни къ террористамъ, ни къ боевой дружинѣ, но уже ревностно исполнялъ всѣ распоряженія получаемыя чрезъ извѣстныхъ лицъ отъ исполнительнаго комитета и бѣольшую часть состоянія своего отдалъ на усиленіе революціоннаго фонда.

Еще менѣе догадывался добродушный докторъ объ отношеніяхъ Лобова къ Еленѣ, а между тѣмъ этихъ отношеній уже нельзя было разорвать. Шагъ за шагомъ, съ необыкновенною осторожностью, втягивалъ Лобовъ и Елену въ свою дѣятельность и наконецъ увлекъ и залучалъ ее такъ что молодая дѣвушка, сама того не зная, очутилась въ числѣ членовъ революціонной партіи. Не принимала она конечно участія въ собраніяхъ революціонеровъ, не знала даже никого изъ нихъ лично, кромѣ Лобова; но находилась уже во власти партіи, содѣйствовала ей и даже, къ собственному удивленію, исполняла распоряженія такъ-называемаго исполнительнаго комитета. И сегодня, уходя съ графиней, она слѣшила исполнить одно изъ такихъ порученій. Сожженная ею въ это утро записка гласила слѣдующее:

„Въ три съ половиной часа будетъ Павелъ Трояновскій въ Укромномъ, прямо изъ Петергофа. Если портфель съ нимъ, надо добыть изъ него бумагу за № 835; поручается вамъ, такъ какъ вы будете на мѣстѣ. Записку эту уничтожьте немедленно по прочтеніи. За отвѣтомъ явится посланный къ калиткѣ вашего сада въ восемь часовъ вечера<sup>а</sup>. Мѣсто подписи стоялъ штемпель изъ двухъ скрещенныхъ толпоровъ.

Домъ гдѣ жилъ графъ Петръ Павловичъ Трояновскій съ дочерью и сыномъ въ имѣніи Укромномъ принадлежалъ покойной Татьянѣ Алексѣевнѣ и перешелъ по смерти ея

во владѣніе графини Александры Петровны, подъ олекой отца.

Въ Укромномъ жило все семейство каждое лѣто съ половины мая до половины октября.

Къ большой дорогѣ примыкала желѣзная рѣшетка съ кирпичнымъ цоколемъ и кирпичными столбами. Она отдѣляла отъ дороги довольно большой шоссированный дворъ, обстроенный съ трехъ сторонъ отдѣльными каменными флигелями. Главный корпусъ, большой двухъэтажный, гдѣ помещалось графское семейство, былъ параллеленъ рѣшеткѣ и дорогѣ; два другие боковые флигеля, тоже каменные, но одноэтажные, составляли съ главнымъ корпусомъ букву П. Одинъ конецъ ихъ выходилъ на дорогу, а другой достигалъ только до половины всей ширины двора. Одинъ изъ флигелей, гдѣ была кухня и людскія, соединялся съ главнымъ корпусомъ крытою деревянною галлереей; а другой—каменнымъ высокимъ заборомъ—съ воротами ведущими на задній дворъ, гдѣ были конюшни, сарай, баня и другія службы. По концамъ рѣшетки почти у самыхъ боковыхъ флигелей было двое желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ. Подъѣзжали къ главному корпусу по аппарели. Надъ главнымъ входомъ былъ большой балконъ во второмъ этажѣ. Онъ опирался наружною стороною на каменную колоннаду. Между ею и наружною стѣною дома и была та аппарель, на которую надо было подняться чтобы подѣхать къ главному входу.

Главная входная дверь со внутреннимъ тамбуромъ, обитымъ сукномъ, вела въ обширный вестибюль, гдѣ всегда можно было встрѣтить стараго заслуженнаго швейцара, бывшаго крѣпостнаго князей Холманскихъ, носившаго странное, рѣдкое имя: Помпей Аполдосычъ. Всѣ знакомые графа знали его имя и съ уваженіемъ относились къ старику. Изъ вестибюля дверь направо вела въ комнаты нижняго, или перваго этажа, занятыя графинею Александрою Петровною, а другая, направо, въ квартиру молодого графа Николая Петровича. Позади ряда этихъ комнатъ перваго этажа, выходящихъ окнами на дворъ, шелъ по всей длинѣ дома довольно широкій корридоръ; онъ начинался съ обѣихъ сторонъ вестибюля. За корридоромъ еще рядъ такихъ же комнатъ окнами въ садъ. Въ каждую изъ нихъ вела особая дверь изъ корридора. Комнаты эти отдавались пріѣзжающимъ гостямъ и меблированы были какъ комнаты гостиницы. Широкая ларадная лѣстница въ два хода, убранная тропическими растеніями, вела



изъ вестибюля на площадку верхняго этажа и выходила къ двери на балконъ, заставленный тоже цвѣтами и покрытый тентомъ. Въ верхнемъ этажѣ внутренняго корридора не было. Въ немъ съ одной стороны, надъ половиной молодой графини, были пріемныя, ларадныя комнаты и большая столовая съ буфетомъ; съ другой библіотека и комнаты заняты графомъ Петромъ Павловичемъ. На его половинѣ и обѣдало семейство, если немного было гостей. Въ другомъ изъ боковыхъ флигелей помещалась контора и квартира управляющаго имѣніемъ. Тутъ же отведена была комната для Михаила Павловича Лобова, на случай пріѣзда его изъ Петербурга.

Былъ четвертый часъ въ началѣ, солнце зашло уже за большой домъ, такъ что фасадъ его \*обращенный на дворъ былъ въ тѣни. За то ярко освѣщался солнечными лучами кухонный флигель. Все отдыхало послѣ жаркихъ полуденныхъ часовъ. Не слышно было ни людскихъ голосовъ, ни скрипа повозокъ, ничего такого что въ часы болѣе раніе оживляетъ окрестность барскаго дома. Ясно доносилось жужжаніе пчелъ, жуковъ и большихъ мухъ, сновавшихъ въ жаркомъ, совершенно безвѣтренномъ воздухѣ, въ которомъ тихо носились длинныя нити бѣлой, какъ хлопчатая бумага паутины. Только частые, какъ барабанная дробь, удары ножей, рубящихъ мясо, раздавались по двору изъ кухни...

Въ окнахъ нижняго этажа сторы были спущены, хотя самыя окна по большей части отворены. Въ одной изъ этихъ комнатъ съ лѣвой стороны вестибюля, небольшой, но уютной, убранной мягкой мебелью, обитой свѣтло-голубымъ ситцемъ съ синими крупными узорами и цвѣтами, лежала на кушеткѣ молодая графиня. Около нея, на маленькомъ столикѣ, положена была ярко-зеленымъ перелетомъ кверху, раскрытая книга и на ней костяной бѣлый ножъ для разрѣзыванія листовъ. Рядомъ съ книгой стоялъ стаканъ съ молокомъ на серебряномъ кругломъ подносицѣ. Графинѣ предписано было выливать въ теченіе дня не менѣе четырехъ стакановъ молока съ коньякомъ. Предъ столикомъ, спинкой къ окнамъ поставлено было мягкое, большое кресло. У окна сидѣла Елена Трофимовна Рыбина и вышивала шерстью по канвѣ что-то вѣроятно очень длинное, такъ какъ пальцы, лежа однимъ концомъ на лодоконникѣ, доходили другимъ концомъ почти до кресла. Между кресломъ и карточнымъ столомъ, на кото-

ромъ лежалъ конецъ плеча, оставался только небольшой свободный проходъ. Молодая графиня лежа на кушеткѣ занималась полировкой своихъ блѣдныхъ длинныхъ ногтей и перечисляла, по просьбѣ Елены, имена всѣхъ ожидаемыхъ къ сегодняшнему обѣду гостей.

Послѣ каждого имени Елена дѣлала свои замѣчанія насчетъ названной личности, явно стараясь какъ можно долѣе затянуть разговоръ. Она часто поглядывала на письменный столъ, гдѣ между множествомъ разныхъ бездѣлушекъ стояли небольшіе бронзовые часы. Было три часа двадцать минутъ.

— Еще будетъ князь Суздальскій, продолжала перечислять графиня.

— Скажите, какъ онъ приходится вамъ? спросила Елена, — я никогда не могла ловить его, когда онъ принимался разказывать мнѣ объ этомъ родствѣ.

— Весьма дальній, какъ говорится седьмая вода на кисель; но онъ, какъ вы знаете, очень близкій и хорошій нашъ знакомый еще со времени покойницы татан.

— Да? разсѣянно отвѣчала Елена.

— Какъ вы странно сказали, *Hélène*, это *da!* Какъ будто и не знаете совсѣмъ *Anatolia* Николаевича и того что въ домѣ нашемъ онъ принять совсѣмъ какъ родной. Вы должны бы кажется, *chère Hélène*, знать его лучше насъ всѣхъ, *son attachement pour vous est très sérieux*.

— Вы слишкомъ хорошаго мнѣнія о людяхъ, отвѣчала Елена.

Сказавъ это, она воткнула иглу съ продѣтою въ нее шерстянкой въ канву, встала и подняла стору до половины окна, какъ будто ей показалось темно или душно.

— Здѣсь воздуху мало, замѣтила она, — душно, а вамъ, графиня, нуженъ воздухъ.

— *Merci*, отвѣчала *Alexandrine*. — Отчего же, продолжала она, — полагаете вы, *Hélène*, что я высказываю слишкомъ хорошее мнѣніе о людяхъ, когда говорю о серьезной привязанности къ вамъ Суздальскаго? Не я одна такого мнѣнія. Вы должны помнить что *cousin Michel* изъ ревности къ Суздальскому чуть не надѣлалъ ему самыхъ неприличныхъ исторій.

— Вашъ *cousin* Любовь часто бываетъ грубъ и докучливъ, отвѣтила Елена и бросила тревожный взглядъ на часы. Не доставало двухъ минутъ до половины четвертаго.

— А *Авкосовъ* будетъ? спросила Елена, хотя ей очень хорошо было извѣстно что онъ будетъ.

— По крайней мѣрѣ обѣщала бытъ, отвѣтила графиня. — Ну, а объ этомъ что скажете, chère Héléne? и едва замѣтная краска выступила на щекахъ дѣвушки при этомъ вопросѣ.

Но Елена была до того разсѣяна, хотя и желала казаться спокойною, что не разслышала вопроса графини, или, лучше сказать, не придала ему надлежащаго смысла и молча глядѣла въ окно.

Водворившееся молчаніе вывело ея изъ забывчивости; она взглянула на Alexandrine и сейчасъ же догадалась что та-замѣтила ея озабоченность и удивляется ея разсѣянности.

„Надо уничтожить въ ней всякое подозрѣніе“, подумала она, „но дѣло уже испорчено; она замѣтила. Приходится сознаться что у меня есть особая забота, но какая же? Надо сочинить что-нибудь...“

И Елена, обратя лицо къ графинѣ, самымъ сердечнымъ тономъ выговорила:

— Извините, chère Alexandrine, что я замолчала, но у меня лежитъ на сердцѣ тяжкая забота о судьбѣ старика отца моего, и я невольно задумалась.

— Что такое—скажите скорѣе, подумаемъ вмѣстѣ. Что случилось съ дорогимъ Трофимомъ Григорьевичемъ? Отчего не говорили вы мнѣ до сихъ поръ объ этомъ ни слова?

— Видите ли, сказала Елена,—у нихъ тамъ есть положеніе что когда доктору стукнетъ шестьдесятъ, онъ долженъ оставить службу. Даютъ, правда, при этомъ какой-то пенсіонъ, но вѣдь съ пенсіономъ далеко не уѣдешь, его не хватитъ для жизни въ Петербургѣ. Отцу будетъ шестьдесятъ лѣтъ въ октябрѣ. Mais comme il y a toujours des accommodations avec le diable, такъ и въ этомъ случаѣ. Говорятъ, можно сдѣлаться членомъ какого-то лечебнаго комитета или совѣта, не знаю право какъ онъ называется, и сохранить то что получаешь на службѣ. Никакихъ связей у отца нѣтъ, просить некого. Я и думала нельзя ли будетъ воспользоваться пріѣздомъ въ Укрожное дяди вашего графа Павла Павловича и Анкосова чтобы просить ихъ обоихъ похлопотать у кого тамъ нужно о назначеніи палы въ этотъ благодѣтельный комитетъ или совѣтъ. Какъ вы заговорили объ Анкосовѣ, я сейчасъ вспомнила о комитетѣ и задумалась.

— И прекрасно, я помогу вамъ, chère Héléne. Анкосову я скажу сама или во время обѣда, или послѣ, а дядю мы

обрабатываемъ вмѣстѣ. Или нѣтъ, погодите, не такъ. Лучше вы одинъ попросите его, васъ онъ скорѣе послушаетъ.

„Хорошо что догадалась“, промелькнуло въ головѣ Елены.

— На меня, какъ вы знаете, продолжала графиня, — онъ не обращаетъ никакого вниманія. *Il n'aime que la beauté, mon très aimable oncle. Il ne saura vous refuser.*

Елена бросила нетерпѣливый взглядъ на часы, стрѣлка перешла уже шесть минутъ за половину.

— Ото всего сердца благодарю васъ, графиня, за доброе ваше расположеніе. Я воспользуюсь имъ тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ что мнѣ самой за обѣдомъ невозможно будетъ сегодня ни съ кѣмъ переговаривать. Я должна шепротировать мою дорогую гостью. Если и теперь я у васъ, а не съ нею, такъ это потому только что ваша лалѣ теперь сидитъ у Гибсоновъ.

— Какая славная дѣвушка эта *Natalie Алааровъ*, она мнѣ очень, очень понравилась. Вотъ должно-быть прекрасное сердце... начала говорить графиня съ такимъ одушевленіемъ что даже спустила ноги съ кушетки и сѣла.

„*La voilà lancée pour longtemps*“, сказала сама себѣ Елена и уже не сводила глазъ съ окна.

И дѣйствительно, графиня долго говорила о качествахъ Наташи.

— *Votre oncle arrive*, вдругъ объявила Елена завидя въѣзжающую во дворъ коляску, — *dans toute sa gloriole ministerielle: mais voyez donc, quel étalage de crachats, cordons, décorations; il est splendide, votre oncle.* \*

Коляска быстро подкатывала къ крыльцу мимо открытаго окна, у котораго уже стояла Елена.

— Здравствуйте, Елена Трофимовна! крикнулъ графъ подъ шумъ колесъ. — Можно къ *Alexandrine*?

Елена не отвѣчала, а обернулась спокойно и не торопясь къ графинѣ.

— Дядя вашъ спрашиваетъ можетъ ли зайти къ вамъ?

— Очень рада, вотъ и кстати. Я поговорю съ нимъ немного и выйду. Вы тогда, *Hélène*, и попросите его о лалѣ, чтобы дѣло не откладывалось.

— Такъ я скажу графу чтобъ онъ пришелъ сюда, сказала Елена и бросилась къ вестибюлю.

\* Во всемъ своемъ министерскомъ величій; посмотрите какая выставка звѣздъ, лентъ, украшеній; онъ великодушнѣе, вашъ дядюшка.

Не услѣла она перебѣжать приемную комнату отдѣляющую кабинетъ, гдѣ обѣ дѣвушки сидѣли, отъ вестибюля, какъ графъ Павелъ Павловичъ входилъ уже въ открываемую Помпеемъ Алолосычемъ дверь. Они встрѣтились у порога.

Сіяющій звѣздами и красною лентой поверхъ ярко бѣлаго жидета, графъ несъ въ лѣвой рукѣ цилиндръ свой и портфель, а правую поправлялъ прическу довольно рѣдкихъ волосъ и крутилъ концы большихъ, но тоже сильно сдѣвующихъ бакенбардъ.

— *Bonjour, adorable mlle Hélène*, сказалъ онъ протягивая свободную руку Еленѣ;— *jolie comme toujours!*

И онъ не выпускалъ ея руки.

— *Poli et aimable comme toujours*, отвѣтила Елена не отнимая руки.

Неизвѣстно почему они остановились посреди комнаты.

Онъ разсматривалъ ее съ видомъ знатока, какъ будто отъ него требовали опредѣлить ей цѣну; а она смотрѣла на него дерскимъ, вызывающимъ взглядомъ.

— *Que vous êtes charmante!* шепталъ онъ ей страстнымъ голосомъ.

— *Si votre gamage*

*Se rapporte à votre plumage,*

кажется дальше такъ? смѣясь прервала его Елена.—*Пойдемте, васъ ждетъ графиня.*

И она вырвала наконецъ свою ручку, которую графъ услѣлъ-таки прижать къ губамъ.

Взволнованный вошелъ онъ вслѣдъ за Еленой въ кабинетъ, какъ-то разсѣянно поздоровался съ графиней и не внимая ея отвѣтамъ началъ разспрашивать ее о здоровьѣ, о лѣкарствахъ которыя она принимаетъ; о прогулкахъ и моціонѣ. Говоря, подошелъ къ ляльцамъ и положилъ на вышивку портфель, а на портфель шляпу.

— Садитесь сюда, дядюшка, сказала графиня указывая на кресло стоявшее предъ маленькимъ столикомъ.

Когда графъ сѣлъ на кресло, онъ оказался почти слиной къ ляльцамъ.

Вѣроятно затрудняясь съ чего начать разговоръ и желая скрыть свое волненіе, онъ взялъ книгу лежавшую на столикѣ и посмотрѣлъ ея заглавіе.

— Никакъ не ожидалъ я, *Alexandrine*, чтобы вы читали русскую книгу, сказалъ онъ.—*Это заинтересуетъ васъ?*

— И очень, отчего вы удивились?

— Да какъ-то не привыкъ видѣть чтобы молодая русская графиня читала что-нибудь кромѣ французскихъ и англійскихъ романовъ.

Разговоръ между дядей и племянницей шелъ довольно вяло съ обѣихъ сторонъ. Елена сѣла опять за пяльцы, и такъ какъ на вышивкѣ лежалъ портфель и на немъ шляпа, то она вынуждена была снять и то и другое.

Зоркіе глаза ея увидали что въ крышку портфеля продѣтъ черныи суорокъ и на концѣ его каючикъ отъ замка. Изъ любопытства она попробовала даже не отворнется ли крышка просто безъ ключа; оказалось что нѣтъ. Портфель положила она на конецъ пялецъ ближайшій къ окну, причеиъ прикрыла его будто невзначай мотками шерсти.

Въ эту минуту графъ, которому хотѣлось говорить съ ней, а не съ племянницей, обратился къ ней съ вопросомъ. Завязался общій разговоръ, въ теченіе котораго еще нѣсколько мотковъ шерсти легли на портфель; на него же, вѣроятно по разсѣянности, положены были и носовой платокъ.

— Графъ, *soyez si bon*, дайте мнѣ эту высокую корзиночку съ шерстью, она недалеко отъ васъ, попросила Елена.

Корзиночка съ шерстью, учтиво передавая графомъ, поставлена была такъ что окончательно заслонила собой портфель, который утонулъ подъ массой шерсти всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ.

Шляпа осталась на самомъ видномъ мѣстѣ у конца пялецъ ближайшаго къ графу.

— Вы такъ парадны сегодня, говорила графиня, — вѣроятно были въ Петергофѣ?

— Да, прямо оттуда, не успѣвъ и переодѣться.

— Надѣюсь, дядя, что вы привезли съ собой ваме платье и останетесь у насъ нѣсколько дней.

— Съ этимъ забымъ ламбрениемъ надобно вамъ я и пріѣхалъ, отвѣчалъ графъ, многозначительно взглянувъ на Елену, которая въ то время преусердно передвигала иголку вверхъ и внизъ канвы. — Думаю отдохнуть у васъ до вечера завтра и подышать немного чистымъ воздухомъ послѣ духоты невозможнаго въ эту пору Петербурга. Со мной мой Василий, а курьера я отправилъ съ дѣлами и портфелемъ въ министерство.

Елена чуть не вскрикнула и продѣла иголку не въ надеждающую дырочку канвы.

— И вы не бойтесь, сказала Alexandrine, — отправлять такъ съ курьеромъ дѣла доложечныя Государю. Вотъ разказываютъ что на дняхъ какой-то именно курьеръ одного изъ министерствъ оказался социалистомъ и сообщалъ куда-то бумаги изъ кабинета министра. Не вашъ ли, дядя?

— Не вѣрьте, милая Alexandrine, всѣмъ *contes bleus* которыми разказываютъ по городу, это вопервыхъ; а вовторыхъ, у меня никогда и ничего не украдутъ и отъ меня ничего не узнаютъ. Если социалисты на выдумки хитры, то вѣдь и я... *je ne suis pas tombé sur la tête en naissant.* \* Секретныя бумаги всегда со мною.

— *Hélène*, бросьте вы вашу работу, садитесь съ нами, сказала графиня.

— Вы чего-нибудь бойтесь, Елена Трофимовна, добавилъ Павелъ Павловичъ, — что такъ удалились отъ насъ?

Елена подумала и отвѣчала:

— Боюсь вашего официального вида, графъ. *Vous êtes trop ministre ce matin.*

— Да вы бы, дядя, переодѣлись и воротились сюда къ намъ. Никого нѣтъ дома. Пала отправилась съ визитомъ, а потому хотѣла завернуть на желѣзную дорогу чтобы встрѣтить тетю Марью Федотовну съ кузиной. Онѣ должны прїѣхать съ поѣздомъ въ четыре съ половиной; значитъ ранѣе половины шестаго ихъ ожидать нельзя.

— Очень и очень охотно, а вы меня подождите. Я живо перейду изъ страшнаго для васъ, Елена Трофимовна, министра въ форму... вашего покорнаго обожателя, оказалъ графъ вставая съ кресла и подходя къ лаядцамъ.

Въ эту минуту Елена тоже приподнялась и спавно нагнулась туловищемъ въ сторону графа чтобы поймать наперстокъ соскользнувшій съ ея пальца и покотившійся по канавѣ. Боковой свѣтъ отъ окна отгнѣялъ подъ кисеей всѣ округлости ея плечи и груди. Эта прозрачная ткань такъ и мутила воображеніе графа.

— Черезъ пять минутъ буду здѣсь, сказалъ онъ захвативъ шляпу. — Но вы подождете меня, *Hélène*? прибавилъ онъ шепотомъ, наклонясь къ лаядцамъ какъ бы разсматривая бланже работу.

\* То вѣдь и меня мамка не ушибла.

Елена не отвѣчала.

Онъ выпрямился, протянулъ ей руку и пожалъ ей пальчики, страстно глядя въ ея лицо.

Она молчала, покраснѣла и опустивъ глаза отвѣчала легкимъ, едва-едва замѣтнымъ пожатіемъ его руки. Кровь бросилась въ лицо графа; какъ охваченный вышелъ онъ торопливо изъ комнаты.

О портфель съ секретными бумагами забылъ стать-секретарь, да и не до портфеля было ему въ ту минуту.

Онъ гоголемъ шелъ за Помпеемъ Аполлосычемъ, который провожалъ его сіятельство въ отведенныя для него комнаты. „Affaire de temps“, будетъ моею“, ободрялъ самъ себя опытный доведасъ.

„Теперь какъ бы эту выпроводить“, думала со своей стороны Елена, бросая нетерпѣливый взглядъ на графиню. „Да просто скажу ей чтобъ оставила меня одну, съ ней лучше все напрямки, она вѣдь честная такая...“

Но ей не пришлось ни сочинять лжи, ни говорить правды. Сама графиня, вставъ съ кушетки и взявъ зонтикъ, объявила что пойдетъ въ садъ и побудетъ тамъ чтобы дать Еленѣ время переговорить съ графомъ.

Пока она переходила пріемную, Елена нетерпѣливымъ взоромъ слѣдила за графиней, потомъ быстро подскочила къ окну, какъ могла скорѣе спустила стору, и торопливо, судорожно выдернула изъ-подъ шерсти портфель, не замѣтивъ даже что нѣсколько клубковъ упали при этомъ на полъ; затѣмъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, блѣдная, съ безлокойнымъ взоромъ и дрожащими отъ волненія руками отперла клаучикомъ портфель и начала не вынимая изъ него бумагу перебирать ихъ, но никакъ не могла наластъ на бумагу за № 835.

Колѣна ея дрожали, она не могла устоять на ногахъ, съела и съ какимъ-то лихорадочнымъ ожесточеніемъ вынула всѣ бумаги изъ портфеля, положила ихъ къ себѣ на колѣни, а пустой портфель на пальцы и начала перебирать сшитыя дѣла и бумаги какъ они слѣдовали одна за другой.

— *Дѣло о надзорномъ соетникѣ...* читала она на оберткѣ, — не то. *Дѣло о сокращеніи штата канцелярн...* не то. *Дѣло о*

\* Дѣло времени.



наградъ чиновникамъ... Да гдѣ же она наконецъ? *Донесенія Намѣстника Кавказскаго...* олять не то.

Затѣмъ начались отдѣльныя бумаги, въ заголовкѣ которыхъ стояли крупныя буквы.

— *Всеподданнѣйшій докладъ о...* все не то. Да когда же это будетъ?!.. шептала въ страшномъ волненіи Елена и читала дихорадочными глазами:—*Сводъ мнѣній господъ министровъ о проектѣ законовъ...* Да гдѣ же эта бумага? Чортъ побори этихъ министровъ съ ихъ мнѣніями! Это еще что?

Въ листѣ бѣлой бумаги, на которомъ было написано карандашемъ: „в. секретно“, лежалъ другой листъ синей бумаги и въ синемъ листѣ тетрадь.

Вотъ, вотъ оно должно-быть, но гдѣ же № 835? Онъ долженъ быть на отдѣльномъ листѣ, иначе не могли бы приказать взять только эту бумагу.

Она подняла торопливо тетрадь кверху за край, изъ нея выпали три листа и на одномъ изъ нихъ стоялъ № 835, а сбоку: „Высочайше утверждено.“ Подпись неразборчива. Кровь бросилась Еленѣ въ голову, руки сдѣлались вдругъ изъ холодныхъ горячими. Быстро, но аккуратно уложила она бумаги въ портфель, заперла его и бросила на конецъ лапцѣ на самомъ виду, тамъ гдѣ стояла прежде шала. Взятую бумагу сложила вчетверо и всунула въ карманъ. Затѣмъ, услокоенная, сѣла въ кресло, облокотилась на лапцы правою рукою, подперла ею голову и глубоко задумалась.

— Какая я подлая! говорилъ ей внутренній голосъ,—графиня... Наташа... у нихъ все чисто, открыто, а у меня... все грязь. Но обѣ онѣ богаты, будущасть ихъ обезпечена, а у меня ни гроша и впереди ничего. Надо самой все составить, а какъ это сдѣлать? Она говоритъ про Суздайскаго: *attachement sérieux*. Знаю я эти *attachements sérieux*! А все толкуютъ о нравственности! Готовы купить меня какъ покупаютъ лошадь, а сами кричатъ о добродѣтели. Будьте добродѣтельны! легко сказать. Нѣтъ, я глубоко презираю людей и ненавижу добродѣтель, всею кровью моею ненавижу ихъ, этихъ добродѣтельныхъ графинь и Наташъ. Въ одномъ только человѣкѣ мнѣ нравится честность и чистота. Отдайте мнѣ его; пусть онъ полюбитъ меня, увезетъ меня отсюда въ новый мѣръ, въ другое общество, и тогда посмотрите чѣмъ я буду! Любовь этого человѣка очиститъ, переродитъ меня. Я начну

новую жизнь, чистую какъ кристаллъ. Господи, еслибъ это было возможно!

Слезы показались на глазахъ Елены, но мысли ея неслись неудержимо, какимъ-то вихремъ...—Пока ея здѣсь не было, онъ занимался мною, часто бывалъ у насъ. Какъ онъ былъ добръ ко мнѣ, даже ласковъ! да, ласковъ; а для него это много: онъ такой серьезный. Сколько вечеровъ мы проговорили съ нимъ и какъ я была счастлива! А теперь, съ тѣхъ поръ какъ она пріѣхала, а его почти не вижу. Надо скорѣе спровадить эту проклятую Индианку.

— О чемъ эта милая головка задумалась? вдругъ услышала она надъ собой мягкой, вѣжливый голосъ.

Она и не замѣтила какъ графъ Павелъ Павловичъ вошелъ въ комнату. Толстые ковры сдѣлали неслышными шаги его.

— Графиня вышла въ садъ и сейчасъ вернется сюда, начала было говорить Елена, но графъ ея не слушалъ.

— Ба! да и слезки на глазахъ, продолжалъ онъ;—скажите, *chère enfant*, что это съ вами, что васъ беспокоитъ? Не виновать ли я въ чемъ-нибудь, не огорчилъ ли васъ противъ воли? Вы мнѣ все повѣдайте, можетъ-быть я буду въ состоянiи успокоить васъ.

Говоря это графъ обомелъ пальцы и сталъ совершенно близко къ сидящей въ прежнемъ положенiи Еленѣ. Онъ наклонился къ ней и подперъ щеку ладонью лѣвой руки, облокотаясь на палеку длинныхъ пальцевъ. Лицо его чуть не касалось лица дѣвушки.

Елена быстро откинулась немного въ кресло и заговорила, глядя на графа невиннѣйшимъ дѣтскимъ взоромъ:

— Что можетъ быть общаго между вами, графъ, а мной, дочерью бѣднаго, темнаго доктора? Моихъ печалей вамъ не понять еслибы даже и могли установиться между нами отношенiя... болѣе близкія... болѣе... откровенныя.

Слушая ее, графъ видѣлъ близехонько блую, вѣжливую кожу лица, тонкія, голубенькія жилки подъ нею, луханькую, поддернутую верхнюю губку, которую такъ и хотѣлось прижать между своими губами и хотя не ясно, но все-таки замѣтное отъ дыханiя движеніе этихъ мраморныхъ бѣлыхъ волвъ. Какая-то раздражающая нервы теплота и тонкій, свѣжью траву наломивающій запахъ отдѣлявшійся отъ Елены вмѣстѣ съ запахомъ духовъ, окружали ее какъ бы особю, ей

одной присущею атмосферой насыщенной атомами страсти. Графъ жадно вдыхалъ ее, все болѣе и болѣе пьянѣлъ и почти шепотомъ произносилъ безсвязныя фразы.

— Отъ васъ, *Hélène*, зависитъ все... вы говорите, близкія отношенія между нами... Хорошо! Вы видите, я весь вашъ. Дѣлайте изъ меня что хотите. Скажите мнѣ только одно слово—я раздѣлю съ вами ваши печали. Я такую жизнь устрою вамъ что никакая печаль васъ не коснется.

Елена устремила на графа удивленный взоръ, какъ будто и лопать не могла что такое съ нимъ происходитъ. Взглядъ ея въ совершенствѣ выражалъ до какой степени ей были незнакомы и мелочныя проявленія страсти и до чего она была невинна и чиста мыслями.

— Сядьте, графъ, возьмите стулъ и сядьте куда-нибудь, такъ право ужасно неловко говорить, сказала наконецъ Елена. Она встала изъ-за палецъ и сѣла на кушетку, положивъ шитую подушку подъ локоть, на который оперлась полулежа. Изъ-подъ бѣло-розоваго коротенькаго платья выступали двѣ маленькія, высокія въ подъемѣ ножки положенныя одна на другую. Видно было даже надъ ботинками начало розовыхъ шелковыхъ чулокъ и постепенное утолщеніе слова выточенныхъ ногъ.

— Сядьте сюда, графъ, на кресло. *Soyez raisonnable et écoutez-moi de grâce. J'ai une prière, une humble supplique à vous adresser.* \*

— Красавица вы моя, отвѣчалъ графъ,—неужели я такъ счастливъ что могу быть вамъ въ чемъ-нибудь полезенъ?

— Если только захотите меня выслушать, *compte Paul.*

— Отчего же не просто *Paul*? говорилъ графъ дрожащими отъ волненія голосомъ, не слуская глазъ съ ея плеча.

— Въ качествѣ добраго друга ложауй просто *Paul.*

И она протянула ему свободную лѣвую руку.

Онъ перевернулъ руку ладонью вверхъ и влился въ нее губами.

— Ну, такъ изволите видѣть, начала опять *Hélène*, откинувъ руку,—у меня есть дорогая моему сердцу подруга, ваша знакомая, Наташа Алаарова.

— *Une demoiselle peu aimable!* возразилъ графъ.

---

\* Будьте разсудительны и выслушайте меня; у меня есть до васъ просьба, покорнѣйшее прошеніе.

— C'est vous qui le dites. Она сирота и fille adoptive Англичанина Гибсона. Этотъ Гибсонъ напелъ ее гдѣ-то въ Азіи, при обстановкѣ самой...

— Знаю, внакомъ съ нимъ лично и читалъ какую-то переписку о матери и объ отцѣ этой дѣвушки. Тутъ Гибсонъ показалъ себя какъ-то съ отличной стороны.

— Онъ вообще хорошій, отличный человекъ, но онъ—пуританинъ, сказала Елена.

— Нестерпимый педантъ и скучивѣннѣйшій человекъ, добавилъ графъ.

— Вы такъ-таки и думаете: нестерпимый, скучивѣннѣйшій человекъ! възражала Елена, лукаво глядя на графа. — Пускай будетъ по вашему, спорить не буду. Для меня важно только одно—чтобъ онъ не испортилъ жизни Natalie, которую я люблю всюю душой.

— Да какъ же можетъ онъ испортить ей жизнь когда любить ее какъ родной отецъ?

— Вотъ въ этомъ-то весь секретъ и заключается. Онъ—пуританинъ, а она православная и притомъ очень ревностная. Если англійскій пуританизмъ привить къ ревностной православной, какъ вы думаете, что выйдетъ?..

— Да выйдетъ штука не хорошая, а главное—прескучная, смѣясь отвѣтилъ графъ.

— Выйдетъ неминуемо ханжа или монахиня. Вотъ что ожидаетъ Наташу. Съ ужасомъ вижу я что моя бѣдная Natalie принимаетъ уже какой-то видъ и тонъ матери игуменьи. Вы сами замѣтили qu'elle est peu aimable. Отъ нея скоро будетъ пахнуть воскомъ, елеемъ и киларисомъ. Чтобы спасти Natalie, надо вывести ее изъ-подъ личнаго вліянія Гибсона, надо ей выйти замужъ.

— Вы не имѣете ли, Елена Трофимовна, бластательнаго намѣренія женить меня на Алазаровой? спросилъ графъ.

— Нѣтъ, графъ, успокойтесь, для этого я саишкомъ люблю ее, отвѣчала Елена смѣясь.

— Merci pour le compliment.

— Не такую жену вамъ надо; женись на ней, вы будете любить всѣхъ женщинъ міра сего, кромѣ собственной жены. Она скоро надоѣла бы вамъ.

— Я думаю вы правы, Hélène. Если ужъ жениться по любви, такъ я женись на васъ и ни на комъ другомъ.

Графъ подвинулася къ кшеткѣ и хотѣлъ опереться на сливку ея, у самой головы полулежащей на ней Елены, но она немедленно и быстро подвела локоть съ подушки, сложила руки на груди, подобрала ножки и моментально изобразивъ гордую графиню, какою она современемъ могла бы сдѣлаться, продолжала серьезно:

— Вы, графъ, такими словами не играйте. Я дочь бѣднаго доктора, это правда, но не позволю никому между разными фразами и банальными комплиментами дѣлать мнѣ предложенія похожія на подкупныя обѣщанія, которыхъ конечно ни одной минуты не думаютъ исполнить.

— Но помилуйте, *Hélène*, я былъ далекъ отъ мысли...

— *Vrisonz-la, cher ami*; слушайте меня! Я хоть не много еще жила на свѣтѣ и еще менѣе въ свѣтѣ, но успѣла уже замѣтить что женщины, въ особенности молодыя, отдаются фанатической, безпредѣльной любви къ Творцу только тогда когда сердце ихъ не занято кѣмъ-либо изъ сотворенныхъ. Встрѣтить такая экзальтированная, пылкая душа человѣка отвѣчающаго ея идеалу, и она успокаивается, находитъ полное удовлетвореніе своимъ сердечнымъ порывамъ...

— И тогда разумѣется, прервалъ ее графъ,—въ игуменьи не пойдетъ. Я начинаю понимать васъ, милая *Hélène*. Изъ любви къ этой дѣвушкѣ вы желаете обратить ея вниманіе на какого-нибудь джентльмена по вашему выбору и заставить этого джентльмена влюбиться и жениться на Алаяровой.

— Какое удовольствіе имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ, замѣтила Елена,—понимаетъ съ полуслова. Да, графъ, именно такъ, какъ вы говорите. И выборъ мой сдѣланъ: я думала о знакомомъ вашемъ Анкосовѣ. Человѣкъ этотъ заинтересовываетъ какую-то особенною таинственностью и своимъ всегда блѣдымъ, изможденнымъ лицомъ. Я знаю *Natalie*. Ея честнѣйшее и добрѣйшее сердце способно заинтересоваться именно человѣкомъ такого вида какъ онъ. Глядя на него, она невольно подумаетъ что это человѣкъ дѣла, тяжкаго труда, строгій исполнитель своихъ обязанностей и такъ далѣе. А это ее заинтересуетъ, и она увлечется имъ.

— Но послушайте, *Hélène*, вѣдь у человѣка этого, сколько я его знаю, вмѣсто сердца вставленъ орденъ Св. Станислава 2й степени съ короной. Штука красивая, но холодная.

— Ошибаетесь, графъ, онъ человѣкъ нѣжной, привязчивой души, будетъ отличными, самымъ примѣрнымъ семьяниномъ и составитъ прочное счастье жены.

„Что это значитъ?“ думалъ въ это время графъ Павелъ Павловичъ, „заѣмъ ей надо женить Анкосова на Алаяровой? Тутъ кроется что-то, чего я понять еще не могу“, и онъ сказалъ громко:

— Прекрасно, чѣмъ же я-то могу тутъ посодѣйствовать?

— О! очень много и вотъ чѣмъ: Анкосовъ желаетъ быть военнымъ агентомъ при какомъ-нибудь иностранномъ дворѣ. Еслибъ онъ получилъ такое мѣсто, онъ женился бы сейчасъ же; это мнѣ хорошо извѣстно. Вы, другъ мой Paul, знакомы съ тѣми отъ кого выборъ агентовъ можетъ зависѣть и конечно...

— Ага! теперь понимаю, пробурчалъ графъ, — а еслибъ ему ваша Алаярова не приглянулась, то можно на ея мѣсто поставить и другую которая понравится уже навѣрное и которой онъ, Анкосовъ, уже услѣлъ...

— Какъ вы ошибаетесь, мой другъ! дамъ вамъ честное слово что за Анкосова я никогда не вышла бы еслибы даже онъ влюбился въ меня по уши. Онъ такъ же мало годится мнѣ въ мужа какъ Natalie вамъ въ жены, въ доказательство чего я буду просить васъ не только хлопотать о мѣстѣ Анкосову, но и подѣйствовать какъ на него, такъ и на Губсона чтобы дѣло непремѣнно устроилось.

— Это не такъ легко, Елена Трофимовна. Какъ вы ни увѣряйте меня въ способности Анкосова нѣжно любить, я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи что онъ любитъ только самого себя и все счастье видитъ въ одной карьерѣ.

— Ну и прекрасно, вотъ вамъ летелька за которую можно зацѣпить: крючечкомъ. Зацѣпите и тащите. Говорите ему что женитьба на Алаяровой и карьера: cela fait tout un, онъ и влюбится. Если человѣкъ такой настойчивый какъ Анкосовъ приважится къ какой-нибудь цѣли, то онъ приваживается ко всѣмъ частямъ ея; пусть Natalie будетъ въ глазахъ его непремѣнною частью его карьеры, онъ приважится и къ ней.

— Знаете, Елена Трофимовна, какъ-то мелонко мнѣ затѣвать съ Анкосовымъ подобный, какъ бы назвать это... торгъ что-ли... Онъ человѣкъ самолюбивый, и предложеніе... такое категорическое... покажется ему унижительнымъ.

— Да еще бы вы сказали ему tout simple: „хочешь вѣхать агентомъ, напримѣръ, хоть въ Лондонъ? Женись на Алаяровой и поѣдешь.“ Разумѣется онъ обидится. Будьте увѣрены, послѣ такого категорическаго предложенія онъ отка-

жется и отъ женитьбы, и отъ Лондона. Съ нервными людьми надо дѣйствовать осторожно. Надо чтобъ идея о женитьбѣ исходила отъ него самого. Надо только словами и намеками и притомъ вѣсными, туманными, въ родѣ изреченій гадалщицы, навести его на эту мысль. Скажите ему, sans mettre les points sur les i, на примѣръ, такъ: „Ваше сокровеннѣйшее желаніе исполнится, умѣйте только воспользоваться случаемъ; не ищите его далеко, онъ предъ вашими глазами“. Если въ этотъ моментъ предъ его глазами будетъ Алаярва, будьте увѣрены что эта глупѣйшая случайность и эта загадочность наведутъ его на мысль что въ ней-то, въ Алаярвой, и заключается вся сила. Таковы ужъ они всѣ, эти первые, суевѣрные люди. Невольно начнетъ онъ интересоваться секретомъ и дѣвушкой съ которою таинственно связала его судьба. А лишь только онъ ею заинтересуется, le reste ira de soi-même.

— Послушайте, Hélène, вы, ей Богу, страшная женщина. Еслибы вы сошлись съ тѣмъ змѣемъ который соблазнилъ прародительницу нашу Еву, то навѣрно не онъ васъ, а вы его соблазнили бы.

— Не комплиментовъ и не грубостей я ожидаю отъ васъ, Paul; скажите серьезно, вы сдѣлаете то о чемъ я прошу васъ?

— Да скажите, развѣ можно не сдѣлать того чего вы желаете! и притомъ желаете-то вы одного добра ближнему. C'est tout fait, мой милый дружокъ.

— Merci. Помните только слова которыя ему нужно сказать: „не ищите случая далеко, онъ предъ вашими глазами“.

Елена встала съ кушетки и начала ходить по комнатѣ рядомъ съ графомъ.

— Не находите ли вы, красавица моя, что фраза которую я долженъ сказать Анкосову съ большимъ à propos могла быть примѣнена ко мнѣ? выговорилъ графъ останавливаясь. Глаза его пожирали красивую и лукаво улыбающуюся дѣвушку. Онъ съ трудомъ удерживалъ себя чтобы не обнять ея.

— Вы мнѣ разрѣшите это? добавилъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ Еленѣ.

— Можетъ-быть, отвѣтила она.

„Что же надо ей еще?“

— Ваша просьба, сказалъ графъ, принудивъ себя казаться болѣе спокойнымъ, — касалась не васъ лично, а вашей подруги. Не изъ-за нея же вы плакали когда я вошелъ въ эту комнату... Вамъ самимъ, лично вамъ я хотѣлъ бы сдѣлаться

необходимымъ, сдѣлать для васъ все, все чего бы вы ни пожелали.

— Извольте, графъ, вотъ вамъ еще случай услужить мнѣ лично, но на этотъ разъ я буду говорить вамъ не отъ одного моего лица, а еще отъ двухъ—графини, вашей племянницы, и старика отца моего.

„Nous y voilà!“ подумалъ графъ, „вотъ *post scriptum* женскаго письма.“

Елена передала графу сущность просьбы о назначеніи ея отца членомъ совѣта или комитета и добавила что графиня о томъ же попроситъ и Анкосова.

„Нѣтъ, не то!“ подумалъ графъ, „это еще не *post scriptum*.“

Елена взяла зонтикъ лежавшій на окнѣ, надѣла перчатки и обратась къ графу:

— До скораго свиданія, сказала она,—не забудьте моей фразы и не измѣняйте въ ней ничего. Напередъ благодарю васъ за дружескую услугу.

Она протянула ему руку.

Онъ началъ цѣловать ея выше перчатки и цѣловалъ все выше и выше, даже выше локтя.

— Будетъ, довольно! сказала она наконецъ и улыбаясь вышла изъ комнаты.

Въ вестибюлѣ улыбка ея исчезла, она послѣдно вынула батистовый платокъ изъ кармана и съ ожесточеніемъ терла имъ по рукѣ, на которой горѣли еще жаркіе поцѣлуи стараго селадона.

„*Elle finira par ceder*“, подумалъ графъ. „Но надо исполнить ея просьбы. Ей, бѣдняжкѣ, кажутся онѣ очень важными; она пока еще не избаловалась и не подозреваетъ что не такими полны мои портфели. А прогор, гдѣ же мой?.. да! вотъ онъ...“

Взявъ портфель, графъ вышелъ въ свою очередь.

Когда графиня возвратилась изъ сада, никого въ комнатѣ уже не было. Только передвинутая съ мѣста на мѣсто подушка на кушеткѣ, нѣсколько клубковъ шерсти брошенныхъ на полъ и кресло передвинутое отъ столика къ самой кушеткѣ свидѣтельствовали о томъ что безъ нея происходили въ комнатѣ *дѣловой* разговоръ молодежькой дѣвушки просищей за отца своего у человѣка который самъ могъ быть ея отцомъ.

„Это дѣлаетъ ей честь“, подумала графиня.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.



## ПОЛЯКИ, ИХЪ МНѢНІЯ И ТОЛКИ

Вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ всегда обращалъ на себя вниманіе и русскаго общества, и Русскаго правительства, и отдѣльныхъ лицъ, иногда мечтавшихъ дойти до улаженія этого несчастнаго спора „Славянъ между собою“ различными полумѣрами и уступками. Не мало было потрачено бумаги и чернилъ на то чтобы для умиротворенія польскихъ мечтателей о воскрешеніи Польскаго государства распространить ложныя мнѣнія какъ среди Поляковъ, такъ и среди русскаго общества о положеніи Поляковъ въ Россіи, о требованіяхъ Русскаго правительства отъ польской шляхты, о задачахъ преслѣдуемыхъ Россіей въ польскихъ губерніяхъ и т. д. Нѣкоторая часть русской печати доходила въ своемъ увлеченіи (не будемъ разбирать искреннемъ или ложномъ изъ стремленія казаться либеральнѣйшею или быть-можетъ по другимъ болѣе существеннымъ причинамъ) до того что обвиняла во всемъ Россію и русскія дѣйствія въ провинціальныхъ губерніяхъ и Западномъ краѣ, требовала отреченія со стороны Русскаго правительства отъ политики русскіхъ интересовъ въ этихъ областяхъ Имперіи, даже объявляла, конечно съ польскаго голоса, что Польша страна болѣе культурная чѣмъ Россія, и что Русскому государству ничего другаго не остается какъ подчиниться силѣ польской культуры и уступить... Это можно было читать и слышать очень недавно, когда

стали забываться и польскіе жандармы-вѣшатели, и польское возстаніе 1863 года... Рядомъ съ этими удивительными мѣніями шла проповѣдь что Поляки окончательно перемѣнились, что они рѣшительно ничего не замышляютъ противъ Россіи, что мечты о такъ-называемомъ „одбудованіи Польши отъ моря до моря“ давно брошены, что шляхта, наконецъ, поняла что если гдѣ она можетъ имѣть что-либо свое собственное и развиваться самостоятельно, такъ это лишь въ Россіи и подъ защитой русскаго славянскаго ора. И въ массѣ нашей интеллигенціи всему этому вѣрили. Если въ этой вѣрѣ русскіхъ людей сказкамъ разносимымъ съ голоса польской партіи объ ея полномъ миролюбіи виновато много добродушіе свойственное русскому человѣку и желаніе свойственное поубообразованности быть всегда и во всемъ согласною съ тѣмъ что въ данное время носить либеральную кличку, то нельзя отрицать и того что виновато въ этомъ и незнаніе настоящаго положенія дѣлъ, отсутствіе свѣдѣній о томъ что думаютъ и дѣлаютъ люди польской партіи какъ у насъ, такъ и за предѣлами Россіи.

Нужно существенно различать двѣ главныя задачи нашей политики относительно Поляковъ. Россія можетъ имѣть враговъ только въ польской шляхтѣ, а не въ Польскомъ народѣ; поэтому русская государственная власть должна принимать мѣры противъ дѣйствій польской шляхты желающей посвятить раздоръ между Польскимъ народомъ и русскою государственною властью чтобы послѣ извлечь отсюда свои выгоды. Далѣе самый Польскій вопросъ понимается Поляками не такъ какъ нами: польская шляхта не хочетъ понять что все что относится къ западной Россіи и ко всемъ тѣмъ мѣстамъ гдѣ живетъ русское населеніе въ привислинскихъ губерніяхъ отнюдь не можетъ входить въ Польскій вопросъ, ибо было бы величайшею безмыслицей, величайшимъ грѣхомъ предъ Россіей толковать о Польскомъ вопросѣ или идти на какія бы то ни было уступки польской народности тамъ гдѣ и рѣчи быть не можетъ о ней. Требовать отъ Россіи чтобы она, живая и могущественная, отказалась отъ областей населенныхъ Русскимъ народомъ или чтобы она признала какія бы то ни было права Поляковъ на эти страны, значило бы считать русскую государственную власть лишенною всякаго разумнія, значило бы желать чтобы Россія перестала быть русскою. А между тѣмъ польская печать и шляхта именно

этого желаютъ, объ этомъ кричать. Въ русскомъ смыслѣ Польскій вопросъ возможенъ лишь въ собственно польскихъ частяхъ привислинскаго края, населенныхъ Поляками. Съ этимъ пониманіемъ Польскаго вопроса несогласны польскіе патріоты, но еслибы польская шляхта отрѣшилась отъ своихъ притязаній на русскія области, то Польскій вопросъ, конечно, разрѣшился бы скоро и самымъ легкимъ способомъ. Бѣда лишь въ томъ что польскіе патріоты до сихъ поръ живутъ въ традиціяхъ старой Польши, и польская шляхта нерѣдко похожа на тѣхъ отживающихъ свой вѣкъ старцевъ которые создаютъ искусственно старыя условія жизни, лишь бы не видѣть бьющейся жизнію и энергіей дѣйствительности.

Появленіе *Записокъ* Литовскаго митрополита Іосифа Сь-машки именно теперь имѣетъ особенную важность. Онъ служить живымъ свидѣтельствомъ того какъ тяжело платитъ всегда Россія за всѣ уклоненія ея государственныхъ дѣятелей, къ сожалѣнію нерѣдко подпадающихъ подъ вліянія враждебныхъ интересамъ русской народности. За всѣ уступки, за всѣ полупченія польской шляхтѣ въ русской странѣ, Русское государство должно было уплачивать кровью своихъ сыновъ. А если принять во вниманіе что долженъ былъ вынести хозяинъ этой русской области, сынъ Бѣлой, Малой или Холмской Руси, благодаря этимъ временнымъ затменіямъ умовъ, стоявшихъ во главѣ управленія краемъ, то эти уступки польской шляхтѣ могутъ по истинѣ назваться дѣломъ преступнымъ. Если въ странахъ исконно русскихъ, какъ въ Бѣлой и Холмской Руси, задачи русской государственной власти просты и ясны, а потому и выборъ средствъ не можетъ быть затруднителенъ для достиженія цѣли, согласно съ девизомъ: Русская земля для Русскихъ, то въ чистѣ польскихъ губерніяхъ задача эта усложняется. Тамъ дѣло идетъ о томъ чтобы Поляки признали разъ навсегда что они русскіе подданные, что они не имѣютъ права дѣйствовать во вредъ Русскому государству, что русскій подданный и русскій гражданинъ долженъ знать русскій государственный языкъ, что наконецъ они не имѣютъ никакого права мечтать о воскрешеніи своего господства надъ Русскимъ народомъ, нѣкогда стоявшимъ надъ игомъ польской шляхты.

Поляки хорошо понимаютъ что именно таковы задачи Русскаго государства, и потому пользуются всякимъ способомъ чтобы задержать Россію на пути ея естественнаго

роста, остановить Русскую государственную власть въ ея патріотическихъ дѣйствіяхъ, посягать смуту въ понятіяхъ общества, увлечь маловѣрныхъ, подкопаться подъ государственныхъ дѣателей которые понимаютъ русскія задачи.

Польская Печать, въ особенности за границей, даетъ много матеріала для сужденія о томъ, къ какимъ приемамъ прибѣгаютъ Поляки для достиженія своихъ цѣлей, что они думаютъ и какъ стараются смутить своихъ соотечественниковъ живущихъ въ Русскомъ государствѣ.

Въ нашей статьѣ мы не намѣрены касаться польской интриги въ ея подземныхъ ходахъ и ограничиваемся изложеніемъ толковъ польской заграничной печати по поводу текущихъ событій.

## I.

Лишь только состоялось назначеніе генерала Гурко генераль-губернаторомъ Привислийскаго края и командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа, тотчасъ польская печать занялась самыми странными соображеніями. Въ то время когда извѣстная ея часть, слѣдуя обычному приему, занялась различными инсинуаціями и клеветала на новаго генераль-губернатора, еще не пріѣхавшаго въ Варшаву, нѣкоторыя изъ польскихъ газетъ занялись разысканіями генеалогическаго свойства: напримѣръ *Czas* (№ 159, отъ 17 іюля прошлаго года), желая доказать что генераль Гурко—Полякъ, и что поэтому онъ польскій ренегатъ и измѣнникъ, отыскалъ въ какомъ-то іезуитскомъ календарѣ 1740 года, изданномъ въ двухсотлѣтнюю годовщину основанія ордена іезуитовъ, фамилію Гурко-Ромейко. Руководясь особыми соображеніями и ссылаясь на этотъ фактъ, *Czas* не хочетъ и вспомнить что всѣ эти мало- и бѣлорусскія фамиліи на *ко* въ западной Руси совершенно обычны и что если фамилія новаго генераль-губернатора Варшавы можетъ дать поводъ къ соображеніямъ филологическаго свойства, то придется заключить что генераль Гурко—потомокъ старыхъ западно-русскихъ бояръ. Польской газетѣ показалось, впрочемъ, что этого мало, и она тутъ же замѣчаетъ что супруга генерала Гурко—Француженка, сдѣлавшаяся Русскою и православною, именно урожденная

графиня Салиасъ, сестра русскаго писателя—автора *Пугачевцевъ, Избушки на Курьихъ ножкахъ и Петербургскаго дѣтства*, и дочь русскои писательницы Евгени Туръ. Польской газетѣ потребовались эти толки о родовомъ происхожденіи какъ новаго генераль-губернатора такъ и его супруги для выраженія той мысли что Россія пользуется для своихъ цѣлей людьми отрехшимися отъ своей національности.

Затѣмъ польскія газеты занялись описаніемъ самой личности новаго генераль-губернатора и догадками о томъ какова будетъ его „политика“. Если однѣ изъ нихъ старались изобразить генерала Гурко человѣкомъ военнымъ, который не будетъ обращать вниманія на то что дѣлается въ администраціи и оставить всѣ заботы русскои власти о болѣе тѣсномъ сближеніи привислинскихъ губерній съ остальными, то другія хотѣли нарисовать въ его лицѣ человѣка чисто русскаго и съ деспотическими наклонностями, и оплакивали его предмѣстника бывшаго столь податливымъ относительно желаній Поляковъ.

Но вотъ въ первой половинѣ іюля генераль-адъютантъ Гурко пріѣхалъ въ Варшаву, и польскія газеты занялись описаніемъ пріема и первыхъ представленій. Вотъ два куріозные отзыва польскихъ газетъ. *Gazeta Narodowa* (№ 171 отъ 29 іюля) говоритъ: „Мы не имѣемъ намѣренія г. Гуркѣ давать элитетъ царскаго солдата (какъ будто этотъ элитетъ университетъ!), потому что каждый человѣкъ въ каждомъ положеніи, лишь бы только захотѣлъ, можетъ быть *человѣкомъ*, а теперь, при ограниченной власти генераль-губернатора, мы можемъ желать отъ генерала Гурко только того чтобъ онъ отложилъ въ сторону всякое намѣреніе насъ притѣснять, а также болшей энергіи и силы воли въ искорененіи всякихъ злоупотребленій со стороны властей административныхъ“. *Dziennik Poznański* (№ 172 отъ 31 іюля) говоритъ иначе. Разказывая о пріемѣ варшавскихъ чиновъ генераломъ Гурко, газета замѣчаетъ: „Мы имѣемъ достаточно фактовъ чтобъ считать Гурко человѣкомъ который не поколеблется привести на алтарь русскаго правительственнаго вѣроподданства даже самыя великія жертвы. *Все счастье* что широкіе военные планы *не позволяютъ* ему хорошо всматриваться въ дѣла *внутренней администраціи*...“ Итакъ, *Gazeta Narodowa* возлагаетъ на новаго генераль-губернатора надежды

что онъ исправить недостатки администраціи, а *Dziennik Poznański* находить счастье въ то что по его предположенію у генерала Гурко не будетъ достаточно времени смотрѣть за администраціей...

Чего же хотѣли Поляки отъ генерала Гурко? Отвѣтъ очерчивается изъ дальнѣйшихъ отзывовъ этихъ же газетъ. *Gazeta Narodowa* подъ злоупотребленіями административными, какъ видно, разумѣла заботы варшавскихъ учебныхъ властей о распространеніи знанія русскаго языка въ училищахъ, а *Dziennik Poznański* разчитывалъ что у генерала Гурко не хватитъ времени чтобы видѣть слабыя стороны администраціи, допускающія польской интригѣ ткать свои сѣти...

Во время приѣма чиновъ, генералу Гурко представлялись иностранные консулы, изъ коихъ двое, гг. Элштейнъ и Левенбергъ, русскіе подданные. Г. Элштейнъ, торговый консулъ Бельгіи, обратился къ новому генералъ-губернатору на французскомъ языкѣ, и генералъ Гурко замѣтилъ ему что ему, какъ русскому подданному, слѣдовало бы уметь говорить по-русски. Знающимъ русскій языкъ оказался лишь консулъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Равичъ (*Gazeta Narodowa*, № 171, отъ 29 іюля). Когда вскорѣ затѣмъ депутація варшавскихъ Евреевъ, во главѣ которыхъ стоялъ г. Натансонъ, представлялась генералъ-губернатору, то г. Натансонъ, тотъ вождь „Поляковъ Моисеева закона“, привѣтствовалъ генерала Гурко по-французски. Генералъ, по словамъ *Dziennika Poznańskiego* (№ 172, отъ 31 іюля), замѣтилъ ему: „какъ это, господа, вы не знаете русскаго языка! О, будьте увѣрены что во время моего управленія этимъ краемъ выучитесь ему навѣрное“.

Извѣстіе объ этихъ замѣчаніяхъ новаго варшавскаго генералъ-губернатора обозлило польскія газеты, но онъ все еще подозрѣвали что эти выраженія генерала Гурко объ обязательности русскаго языка для всѣхъ гражданъ Русской Имперіи, имѣютъ какой-то особый смыслъ. Въ сущности надобно было бы удивляться не тому что отъ русскихъ подданныхъ требуется знаніе русскаго государственнаго языка, а развѣ тому что въ Россіи имѣются подданные считающіе себя образованными, пользующіеся чинами и служебными выгодами и не знающіе по-русски. Мыслимо ли что-нибудь подобное въ Пруссіи? Найдется ли даже въ Австріи образованный

человѣкъ который не зналъ бы по-нѣмецки, хотя Австрія не нѣмецкая держава, а имѣеть лишь нѣмецкое правительство?..

При приѣмѣ чиновъ учебнаго вѣдомства 11 іюня генераль-адъютантъ Гурко сказалъ между прочимъ: \* „учебное вѣдомство, подготовляя для Россіи будущихъ гражданъ, держитъ въ своихъ рукахъ ея будущее. Задача эта крайне важная вообще, а въ здѣшнемъ краѣ въ особенности. Само собою разумѣется, дѣло идетъ здѣсь не о томъ чтобы сдѣлать Поляковъ Русскими. Правительство не имѣеть въ виду подобной цѣли. Но за то съ особенною настойчивостью должно быть развиваемо и укрѣпляемо въ юношахъ убѣжденіе что они русскіе граждане, подданные Русскаго государства и останутся таковыми на вѣки“. Эта рѣчь въ различныхъ версіяхъ тотчасъ передана была во всѣ польскія заграничныя изданія, и всѣ они стали по своему комментировать эти простыя слова. Но что же новаго сказано въ нихъ для Поляковъ? Развѣ Поляки до сихъ поръ не знали что Россія и не думаетъ изъ нихъ дѣлать Русскихъ? Если они этого не знали, то теперь должны бы, кажется, возликовать что ихъ опасеніямъ положенъ предѣлъ. Нѣтъ, они именно того и испугались что эта простая истина была сказана: рѣчь генерала Гурко дѣлала всѣ волли и крики польской заграничной печати смѣшными и неосновательными въ глазахъ самихъ Поляковъ... Польская шляхта вознегодовала на то что генераль Гурко такъ сильно и искренно выразился о Полякахъ—русскихъ гражданахъ, вѣчныхъ подданныхъ Русскаго государства. Заграничная печать тотчасъ дала выраженіе этому негодованію, и посылались жалобы и всякаго рода клеветы на варшавское учебное вѣдомство...

Теперь Полякамъ стало очевидно что новый генераль-губернаторъ и не думаетъ дѣлать уступокъ польской справѣ. Но польская печать все еще мечтала устранить изъ Варшавы ненавистнаго ей попечителя Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Алухтина. *Dziennik Poznanski* первый взялся отвѣтить генералу Гурко на его рѣчь: онъ очевидно опасался что товѣ рѣчи генераль-губернатора Варшавы уменьшитъ духъ сопротивленія въ польскомъ населеніи, въ которомъ зарубежная

---

\* Подлинный текстъ этой рѣчи генерала Гурко напечатанъ въ № 216 за прошлый годъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

лечать поддерживаетъ мнѣніе что Россія желаетъ „омосковити“ и „обайкирити“ Поляковъ. Эта газета выступила съ очень интересною статьею въ № 174, отъ 2 августа прошлаго года, подъ заглавіемъ: „Прочь мечты“. Статья эта такъ характерна и такъ ясно рисуетъ намъ пріемы теперешнихъ польскихъ патриотовъ что мы позволимъ себѣ остановиться на ней подробнѣе. Пародируя выраженіе покойнаго Государя, обращенное къ польской шляхтѣ послѣ мятежа въ 1863 году въ Варшавѣ: „Point de rêveries“, *Dziennik Poznański* прежде всего выражаетъ мнѣніе что задача создать государство *народное*, къ чему стремится Россія и Пруссія—*мечта*. Далѣе газета замѣчаетъ что хотя эти стремленія Россіи и Пруссіи по отношенію къ Полякамъ, которыхъ эти государства будто бы желаютъ уничтожить, ни для кого не тайна, однако то со стороны органовъ печати, то со стороны важнѣйшихъ представителей власти слышатся захвущія ироніей (*ironia trāsase*) завѣренія: „Мы не хотимъ вадъ германизировать, не хотимъ „васъ обрусить“! Но мы должны быть увѣрены что они хотятъ насъ овѣмечить и обрусить, а если теперь что нужно, такъ это съ нашей стороны убѣдить ихъ что это мечта и иллюзія, и что слова Александра II, обращенныя къ намъ, могутъ быть съ несравненно большимъ правомъ обращены къ нимъ.“ Далѣе газета сообщаетъ вышеприведенную рѣчь генерала Гурко къ одной изъ группъ представлявшихся чиновъ. Затѣмъ *Dziennik Poznański* объясняетъ своимъ читателямъ что объемъ власти вышншихъ варшавскихъ генераль-губернаторовъ ограниченъ, что генераль Гурко будетъ зависѣть отъ петербургскихъ министерствъ, и приходитъ къ выводу что теперь генераль-губернаторъ не можетъ сдѣлать въ Польшѣ „много добраго, но если онъ любитъ зло, то можетъ сдѣлать много зла“. Выражая затѣмъ увѣренность что генераль Гурко не захочетъ дѣлать зла, газета наконецъ высказывается къ чему она ведетъ свою рѣчь: „Нужно надѣяться что онъ (генераль-адъютантъ Гурко) воспользуется своею властью для смягченія капризовъ руссификаціи, для удаленія этого Алухтыва, для уваженія правъ языка польскаго въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ общественнаго воспитанія, въ судахъ и администраціи“.

Но авторъ этой статьи смущенъ словами генерала Гурко къ еврейской депутаціи что „при немъ всѣ научатся



по-русски“, а потому останавливается и на этихъ словахъ, причемъ такъ разсуждаетъ: Еслибы новый генералъ-губернаторъ оказался на самомъ дѣлѣ сторонникомъ болѣе тѣснаго скрѣпленія Привислинскаго края со всею Русскою Имперіей и строго требовалъ чтобы Поляки уважали и знали русскій государственный языкъ, то, по мѣнію газеты, Полякамъ слѣдуетъ повторить себѣ и ему слова Александра II: „прочъ мечтанія будто бы вы (то-есть Русскіе) способны при-вить московитизмъ къ нашей странѣ, къ нашимъ душамъ и сердцамъ“! Но какъ же могутъ повторить это Поляки сами себѣ когда они сознаютъ что эти требованія правительства справедливы и законны, и что приходится имъ покориться? И тутъ газетой дается благой совѣтъ Полякамъ: „По извѣстіямъ полученнымъ нами изъ источниковъ достойныхъ вѣры, расположеніе нашего общества въ Королевствѣ не таково какимъ должно бы было быть въ виду русскаго господства и могло бы быть на самомъ дѣлѣ. Конечно, было бы злодѣяніемъ и даже безуміемъ требовать отъ нашего общества какихъ-то несвоевременныхъ порывовъ. Но чего слѣдуетъ отъ него требовать, такъ это сознанія своей народной обязанности и пользованія тѣмъ правомъ которое и подъ русскимъ управленіемъ, даже при нынѣшней системѣ, существуетъ для нашей пользы, а именно чтобы въ отношеніяхъ общественной жизни они (Поляки) заняли положеніе на поминаніе представителямъ русской народности гдѣ и въ чьемъ обществѣ они находятся. Между тѣмъ, какъ намъ сообщаютъ изъ вѣрныхъ источниковъ, въ этихъ мѣстахъ господствуетъ извѣстная, свойственная нашей природѣ, мягкость и уступчивость. Повидимому, въ очень скромныхъ размѣрахъ пользуются въ Королевствѣ правомъ признаннымъ въ петербургскомъ Сенатѣ для судебной практики, что лицамъ не знающимъ русскаго языка можно подавать жалобы на польскомъ языкѣ въ мировыя учрежденія. Въ Варшавѣ существуетъ Кабуъ Стрѣльцовъ, родъ товарищескаго интернаціональнаго общества, безо всякой нравственной и политической пользы для насъ. Въ провинціи любезность простирается иногда до такой степени что вѣжливый хозяинъ дома ломаетъ свой языкъ для русской рѣчи чтобы не затруднять гостя пріѣхавшаго по своей официальной обязанности. Все это вмѣстѣ можетъ, развиваясь съ теченіемъ времени, ввести въ какія-нибудь

заблужденія тѣхъ кто хотѣли бы насъ видѣть иными чѣмъ телеръ“. Въ заключеніе *Dziennik Poznański* кричитъ Россіи: „прочь мечты“.

Конечно, этого гордаго оклика такой могущественной польской газеты можно было бы испугаться еслибы русская правительственная власть и народная сила чувствовали себя слабыми предъ интригой и не сознавали бы себя въ правѣ дѣлать то что полезно для Русскаго государства. Мечты, гг. польская шляхта, не тамъ гдѣ вы ищете! Мечты тамъ гдѣ увѣряютъ что вы покорны какъ агачи, что вы забыли свои бредни объ обдурованіи Польши, что вы любите Русскій народъ, что вы сторонники славянской политики въ Европѣ. Мечтаетъ не Россія, не Русское государство, не Русскій народъ, а польская шляхта и ея орудія, одѣтыя въ шутовской нарядъ своеобразнаго либерализма, выдыхающаго по парижскимъ бульварамъ и аромату магазиновъ Вѣны и Парижа...

Но эти совѣты зарубежной польской печати, предписывающей Полякамъ не употреблять русскаго языка даже въ официальныхъ сношеніяхъ съ властями, должны бы научить Русскихъ живущихъ въ Привислинскомъ краѣ что дѣлать уступки Полякамъ относительно языка даже въ обычныхъ сношеніяхъ съ ними—и бесполезно, и неразумно. Если Поляки отказываются отъ русскаго языка въ дѣлахъ официальныхъ, то Русскіе должны помнить что всякая уступка въ этомъ отношеніи съ ихъ стороны даже въ частныхъ сношеніяхъ ведетъ лишь къ новымъ требованіямъ польской *стравы* и лишь подаетъ поводъ ея печати давать новые совѣты жителямъ привислинскихъ губерній по отношенію къ Русскимъ.

Со времени прибытія генералъ-адъютанта Гурко въ Варшаву, въ польскихъ газетахъ Кракова, Львова и Познани стали появляться письма съ выраженіемъ надеждъ что онъ не сойдется съ попечителемъ учебнаго округа, А. Л. Алухтинымъ, которому польская шляхта не можетъ простить его энергію въ очищеніи школъ Привислинскаго края отъ всего что могло бы губить польскую молодежь воспитываемую въ извращенныхъ понятіяхъ о Россіи. И вотъ польскія газеты наполнились сначала статьями о томъ что варшавскій попечитель постоянно мѣшаетъ генералъ-губернатору въ его благодѣяніяхъ для Поляковъ начинаніяхъ и даже пользуется своимъ вліяніемъ и связями

съ цѣлью вытѣснить изъ Варшавы генераль-адъютанта Гурко, слова котораго въ рѣчи обращенной къ учебному вѣдомству во время представленія что „Россія не желаетъ сдѣлать Поляковъ Русскими, а требуетъ отъ нихъ лишь того чтобъ они были хорошими русскими гражданами“, будто бы очень не понравились варшавскому полечителю. Даже всегда осторожный *Сгаз* на этотъ разъ послѣдшилъ помѣстить какое-то извѣстие будто бы полечитель послалъ уже жалобу на генераль-губернатора въ Петербургъ (*Сгаз*, отъ 2 августа, № 172). Польскія газеты ликовали: онѣ уже видѣли, по своему обычаю, осуществленными свои желанія и А. Л. Алухтина удалившимся съ поля его полезной дѣятельности. Польская сказка росла: вѣсти одна куріознѣе другой сообщались газетамъ: однѣ изъ газетъ ликовали возвѣщая удаленіе полечителя А. Л. Алухтина, другія лессимистически вздыхали ожидая побѣды полечителя надъ генераль-губернаторомъ. Каждый новый номеръ польскихъ газетъ приносилъ какую-нибудь свѣжую слетню объ этой ссорѣ двухъ высшихъ властей въ Привислинскомъ краѣ.

Но проходили недѣли, прошли и цѣлые мѣсяцы, а „ссора“ не приносила желанныхъ Полякамъ результатовъ: І. В. Гурко и А. Л. Алухтинъ оба оставались на мѣстахъ. Тогда польская заграничная журналистика стала приносить разнообразныя разказы о дѣятельности чиновъ варшавскаго учебнаго вѣдомства, причемъ не скупилась на всевозможные вымыслы.

Осенью прошлаго года генераль Гурко предпринялъ поѣздку для обзора нѣкоторыхъ частей вѣреннаго ему края, и можно сказать что каждый его шагъ, каждое его слово находили свой отголосокъ въ польской печати. Шляхетская печать была въ высшей степени недовольна когда генераль-губернаторъ, во время поѣзда Люблинской губерніи, останавливался на ночлегъ въ какомъ-нибудь селѣ, въ гостепріимномъ домѣ „православнаго бородатаго поля“ и отказывался отъ любезностей ясновельможнаго пана, имѣвшаго свои разчеты и при приѣмѣ въ своемъ домѣ путешествующаго начальника края. Можно было бы думать что польскій шляхетскій духъ шокировался такимъ сближеніемъ представителя государственной русской власти съ презираемымъ польскими лавами „русскимъ бородатымъ поломъ“ еслибы не звать что Поляки всегда разчитываютъ овладѣть путемъ

гостеприимства и тонкой ивтриги всякимъ сильнымъ человекомъ, и что такія же цѣли они преслѣдовали и въ дѣломъ случаѣ. Прежніе генералъ-губернаторы Варшавы, къ сожалѣнію, показали что расчеты Полаковъ бывали довольно вѣрны...

Но вмѣстѣ съ генераломъ Гурко часто ѣздилъ и А. Л. Алухтинъ, обозрѣвавшій училища Варшавскаго округа. Совмѣстная поѣздка генералъ-губернатора и попечителя окончательна смутила польскую печать. Ея разыгравшаяся фантазія начала было рисовать картины иного свойства: ей казалось что попечитель накануне окончательнаго разрыва съ генераломъ-губернаторомъ, а оказывается что ихъ отношенія нисколько не испорчены. Чтобы выйти изъ ложнаго положенія въ которое себя поставила польская печать, руководящая мнѣніемъ польской шляхты, она стала доказывать что генералъ-губернаторъ сдѣлалъ уступку попечителю имѣющему „большія связи въ Петербургѣ и вліяніе на государственныя дѣла“, какъ выразилась одна изъ польскихъ газетъ. Телерь выходило что А. Л. Алухтинъ тверже на своемъ посту чѣмъ генералъ-адъютантъ Гурко на своемъ.

Но разочарованіе шло дальше: оказалось что отношенія между обоими начальствующими въ краѣ лицами не только никогда не были испорчены, но что они оба согласны относительно общаго плана своей дѣятельности въ Привислянскомъ краѣ. Тогда тонъ польской печати рѣзко измѣнился. *Dziennik Poznański* (№ 255, отъ 9 ноября) говоритъ: „Приходится прежде всего уничтожить эту оптимистскую польскую легенду о какомъ-то антагонизмѣ между рыцарскимъ забалканскимъ Гуркой и Алухтинымъ“, и затѣмъ съ каждою новою вѣстью о путешествіи генерала Гурко и А. Л. Алухтина польская печать приходила все въ большій азартъ. Для характеристика ея отношенія къ дѣламъ въ нашихъ привислянскихъ губерніяхъ достаточно указать что извѣстіе о встрѣчѣ жителями „съ хлѣбомъ-солью“ объѣзжающихъ край начальниковъ подадо ей поводъ вопить что объѣздъ привислянскихъ губерній производится съ цѣлью „объяскимосить“ Польскій народъ...

Итакъ, вся задача польской заграничной печати сводилась къ тому чтобы раздражить польское общественное мнѣніе. Эта же цѣль ея сказывалась и во многочисленныхъ ложныхъ:

вѣстяхъ о русскихъ планахъ обратить Поляковъ въ православіе. Такъ *Dziennik Poznański* сталъ намекать что существуетъ планъ отнять у католиковъ Ченстоховскій монастырь, чтимый Польскимъ народомъ за чудотворную икону Божіей Матери и привлекающей къ себѣ польскихъ пилигримовъ отовсюду. Становилось ясно что польская журналистика бросилась на поиски тенденціозныхъ вѣстей. Прямые и простые рѣчи генераль-адъютанта Гурко во время представленія ему разныхъ вѣдомствъ и депутацій должны были подѣйствовать на Поляковъ успокоительно: онѣ показали польскому обществу что въ Россіи ни что не перемѣнилось, что послѣ пережитаго кризиса 1 марта 1881 года Русское государство не пошло по пути разложенія, что скрѣпленіе частей Русской Имперіи съ ея ядромъ осталось попрежнему одною изъ главныхъ задачъ русской внутренней политики, что Поляки могли бы успокоиться и бросить фантастическіе планы о воскрешеніи польской державы. Фонды шляхетской клики очевидно ладали.

Разочаровавшись въ генераль-адъютанта Гурко, польская печать стала теперь заботиться о томъ какъ бы представить его сосѣдство опаснымъ для сопредѣльныхъ государствъ. Страдая Австрію близкимъ сосѣдствомъ забалканскаго героя, *Gazeta Narodowa* и *Dziennik Poznański* слѣшили сообщать различныя вѣсти о расположеніи русскихъ войскъ въ привислинскихъ губерніяхъ и постройки крѣпостей, будто бы направленныхъ исключительно противъ Австріи. Извѣстные слова генерала Гурко, обращенныя къ представлявшимся ему офицерамъ, что русскія войска сумѣютъ защитить этотъ уголъ Русскаго государства отъ чьихъ бы то ни было нападений, подверглись самымъ страннымъ толкованіямъ польской зарубежной печати. Она страдала ими Пруссію, и на всѣ лады толковала что Россія близится къ полному разрыву съ Германіей, которая имѣетъ въ виду занять нашъ Привислинскій край. Появились длинныя статьи обсуждающія вопросъ что выгоднѣе для Поляковъ: держаться ли съ Россіей, идти ли навстрѣчу воинственной Германіи, или оставаться мирными зрителями готовящейся въ фантазіи Поляковъ военной драмы. Къ подобнымъ же разсужденіямъ подало поводъ извѣстіе будто генераль Гурко на Георгіевскомъ праздникѣ 23 ноября не подъялъ тоста за Германскаго императора. Телеграммы и

обширныя письма объ этомъ понеслись во всѣ заграничныя польскія изданія, и они стали толковать что генераль Гурко не слушается предписаній своихъ высшихъ властей, что со-сѣдство такого непослушнаго генерала съ Пруссіей опасно для Германіи, что слѣдуетъ настоять на отозваніи генерала Гурко съ его поста, какъ будто Германія, находясь даже въ самыхъ дружественныхъ связяхъ съ Россіей, могла бы изъявлять притязаніе на вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Польская интрига разчитывала на нѣчто другое: она хотѣла сплетней и инсинуаціей столкнуть неудобнаго ей чело-вѣка не поддавававшегося на ея ухищренія... Но вскорѣ кто-то лустилъ вѣсть что взамѣнъ генерала Гурко, которому предстоитъ де немедленное удаленіе изъ Варшавы, будетъ назначено два лица, изъ которыхъ одно, А. Л. Алухтинъ, займетъ мѣсто гражданскаго генераль-губернатора и будетъ вѣдать всѣ отрасли гражданскаго управленія. Теперь нача-лись вновь жалобы на Варшавскій учебный округъ, сказ-ки о лицахъ служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ и т. д.

Когда генераль Гурко въ концѣ января текущаго года от-правился въ Петербургъ, *Dziennik Poznanski* (№ 33 отъ 9 фев-рала) напечаталъ письмо изъ Варшавы слѣдующаго содер-жанія: „Согласно съ обычаями русской администраціи, каждый главнокомандующій обязанъ отъ времени до времени прѣв-зжать въ Петербургъ и тамъ представляться Царю. Есте-ственно что такое путешествіе не можетъ быть безъ цѣли и не можетъ быть исключительно связано съ упомянутымъ адми-нистративнымъ обычаемъ: генераль-губернаторы, пользуясь случаемъ, обыкновенно берутъ съ собою различныя мемо-ріалы и проекты. Выходя изъ этого положенія, нельзя при-давать похвѣдкѣ генерала Гурко въ Петербургъ какого-нибудь особенно глубокаго значенія политическаго. Гурко идетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, которые тоже ѣздили въ Петербургъ и посылали туда проекты реформъ и несмотря на это общее положеніе дѣлъ не перемѣнилось. Но въ данномъ случаѣ эта похвѣдка генераль-губернатора Гурко имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ она первая съ тѣхъ поръ какъ онъ управляетъ краемъ“. Далѣе, утвер-ждая что управленіе генерала Гурко, имѣетъ одну цѣль — руссифицировать Привислянскій край и что „власти такъ открыто теперь вывѣшиваютъ лавросіійскія знамена“, чему

газета удивляется какъ будто бы русскія власти должны были скрывать что онъ русскія, а не чинья, *Dziennik Poznanski* говоритъ что генералъ Гурко „повезъ съ собой мемуаръ объ административныхъ реформахъ въ Конгрессуикъ“. Газета сообщаетъ далѣе и предметы коихъ будутъ касаться эти реформы. „Изъ самаго проекта реформъ можно уже судить, говоритъ она, объ его значеніи для насъ. Планы Гурко обходятъ дѣла важнѣйшія для страны, какъ введеніе судовъ присяжныхъ и вѣстнаго самоуправленія, какъ окончательное регулированіе отношеній сельскихъ властей и открытіе кафедр польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ. Всѣ эти вопросы такъ недавно еще живо интересовали правительственное мнѣніе въ Петербургѣ и Варшавѣ, а теперь съ перемѣной политическаго вѣтра остались отложенными ad calendae graecas. За то проектъ Гурко широко разсуждаетъ о нуждахъ укрѣпленія русскаго дѣла въ Польшѣ, о поддержкѣ православія, о защитѣ русскаго языка въ школахъ. Но самая главная мысль этого проекта—созданіе въ королевствѣ должности гражданскаго генералъ-губернатора рядомъ съ должностію военнаго.“

Прошло нѣсколько дней послѣ этого письма, и *Dziennik Poznanski* (№ 42, отъ 20 февраля), а за нею *Gazeta Narodowa* и др. стали оловѣщать что генералъ Гурко отзывается что причины его удаленія—„вышняя консидація“. Познанская газета пускается даже въ толкованія о томъ кто будетъ замѣстителемъ генерала Гурко и называетъ нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ...

## II.

Но особенное вниманіе польскіе патріоты обращаютъ на положеніе школьнаго дѣла въ Польшѣ, стараются въ молодомъ поколѣніи укрѣпить убѣжденіе что Польша воскреснетъ и съ нѣкоторыхъ поръ проявляютъ чрезвычайныя симпатіи къ униатамъ и къ такъ-называемымъ „русинамъ“, конечно на словахъ.

Замѣтимъ что Поляки всегда умѣли пользоваться школой для достиженія своихъ цѣлей. До послѣдняго мятежа 1863 года даже русскія казенныя среднія учебныя заведенія, даже во глубинѣ Бѣлоруссіи, служили рассадникомъ лозовизма и будущихъ польскихъ мятежниковъ. Нужно было

пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній этой русской странѣ чтобы ея школы перестали служить цѣлямъ польской пропаганды. Понятно что самое сильное противодействие встрѣчаютъ начальство Варшавскаго учебнаго округа и всѣ служащіе по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Польская зарубежная печать не разъ давала поводъ русской печати отмѣчать эту ненависть которую отличены со стороны польской шляхты А. Я. Алухтинъ и многіе его сотрудники. Чѣмъ въ сущности недовольна „польская справа“? Гдѣ причины ея безконечныхъ наладокъ, браки и клеветы на Варшавское учебное вѣдомство?

Съ перваго взгляда можетъ показаться что Полаки, иррациональная множество анекдотовъ которые должны обрисовывать чиновъ этого вѣдомства, какъ людей грубыхъ, рѣзкихъ, тяжелыхъ въ обращеніи, имѣютъ въ виду именно такъ сказать внѣшнюю сторону этого вѣдомства. Но это можетъ лишь казаться. Польская шляхта справедливо боится что русская школа уничтожитъ въ польской молодежи довѣріе ко всемъ шляхетскимъ мечтамъ. Она наладаетъ на учебное вѣдомство потому что оно противодействуетъ „польской справѣ“ именно тамъ гдѣ она разчитывала имѣть самую большую силу. Мы не будемъ приводить фактовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ общеизвѣстны и появлялись своевременно въ газетахъ.

Въ послѣднее время, послѣ назначенія польскихъ епископовъ, „справа“ получила значительную помощь. Подъ локовымъ и защитой нашего конкордата съ папой продвѣиваются всюду, гдѣ имѣются эти епископы, самыя странныя вещи. По удаленіи изъ Западнаго края латеровъ виновныхъ лишь въ томъ что они хотѣли остаться Русскими, католическо-польскія власти захотѣли наградить всѣхъ кто потерпѣлъ наказаніе за свои дѣянія, преступныя предъ Русскимъ государствомъ, и наказатъ всѣхъ тѣхъ латеровъ которые повиновались русской власти. Такъ Сандомирскій епископъ Соткевичъ, по свѣдѣніямъ *Gazety Narodowej* (№ 267, отъ 11 ноября), „выразилъ ксендзу Урбанскому желаніе чтобы онъ оставилъ свое мѣсто. Ксендзь Урбанскій пользуется славой не лучше чѣмъ ксендзы Сенчиковскій, Жилинскій и Колцюговичъ“. Епископъ Люблинскій Вюронскій возвращалъ достоинство священника лишенному священства и присужденному вѣкогда къ смертной казни, а



затѣмъ помилowanному Оцегейному и назначилъ его настоятелемъ церкви въ Люблинѣ. По разказамъ польскихъ газетъ, епископъ Виленскій Гриневецкій, не имѣя возможности, въ виду заступничества гражданскихъ властей, лишить мѣста ни въ чемъ виновнаго патера Колцюговича, счелъ себя въ правѣ отлучить его a divinis, то-есть воспретить ему богослуженіе. Чѣмъ далѣе, тѣмъ очевиднѣе становится что католическіе епископы въ Россіи не хотятъ донять что они поставлены блюсти католическую лавсту, а не преслѣдовать тѣхъ кто хотѣлъ бы вырваться изъ рукъ полонизма и интриги, губящихъ католицизмъ въ Россіи, и виновныхъ во всемъ что претерпѣлъ Русскій народъ Малой и Бѣлой Россіи. Польская печать иногда сама чувствуетъ что дѣятельность католическихъ епископовъ въ польскомъ духѣ не принесетъ пользы ни имъ лично, ни церкви, а потому въ польскихъ газетахъ періодически повторяются слухи что тому или другому изъ епископовъ предложено уѣхать за границу. Эти слухи до сихъ поръ оказывались неосновательными, но самое ихъ появленіе показываетъ какого рода дѣятельности ожидаютъ Поляки отъ своихъ епископовъ.

Извѣстно что во время проѣзда чрезъ Привислинскій край папскаго вунція Ванутелли въ Москву на коронацію, польская интрига усиленно хлопотала о томъ чтобъ уніаты подали ему жалобы на притѣсненія со стороны русскихъ властей. Съ этихъ поръ польская печать приняла очень близко къ сердцу положеніе уніатовъ въ Россіи и всячески поддерживаетъ среди нихъ раздраженіе. Когда графу Лубенскому было предложено переѣхать въ Варшаву на жительство изъ мнѣнія въ виду той интриги которую онъ велъ среди уніатовъ, польская зарубежная печать подняла волю о новой формѣ преслѣдованій уніатовъ. Самъ Лубенскій своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло уніи нарушалъ обыкновенныя требованія со стороны всякой власти отъ подданнаго, *Gazeta Narodowa* въ это время восклицала (№ 30, отъ 6 февраля текущаго года): „Притѣсненіе въ Подлѣсьѣ для насъ не что иное какъ только преслѣдованіе Руси Москалями, преслѣдованіе худшее на сто процентовъ чѣмъ то которое происходитъ на Воляни, въ Подольѣ и Украинѣ“. Вопросъ о Руси, продолжаетъ варшавскій корреспондентъ газеты, „какъ въ Галиціи, такъ и здѣсь (въ Россіи) въ высшей степеніи важенъ. Многіе у насъ убѣждены что еслибы тамъ въ Галиціи

удалось счастливо разрѣшить этотъ вопросъ, то и здѣсь (въ Россіи) можно было бы подыять чувство народности *русинской*. Мы полагаемъ что еслибы не было Руси то мы должны были бы ее создать какъ особую народность, связанную съ нами традиціями, счастьемъ и несчастьемъ и самою цивилизаціей. Москали хорошо знаютъ что для того чтобъ осилить Поляковъ, они должны напередъ побороть Русь, болѣе близкую къ Москвѣ языкомъ и вѣрою. Объ этой истинѣ не сдѣдуетъ забывать, а эту истину подтверждаютъ событія послѣднихъ двухсотъ лѣтъ нашего отечества“.

Въ мѣстностяхъ заселенныхъ обращенными уніатами, русская власть задумала устроить гминныя (сельскія) православыя школы. Польская печать вслодошилась при этомъ извѣстіи, и вотъ какой совѣтъ даетъ *Gazeta Narodowa* въ № 50, отъ 29 февраля текущаго года: „Народъ долженъ защищаться путемъ юридическимъ. Гминныя постановленія 1864 года признають за гминою право основывать школы съ мѣстнымъ языкомъ преподаванія. Такимъ языкомъ въ Подлѣсьѣ языкъ польскій, въ Холмской Руси—русскій (малорусское нарѣчіе). Поэтому подлѣсская школа должна быть польскою, а холмская Русскою. Гмины не должны давать ни разрѣшенія, ни денегъ на школы устраиваемыя по мысли правительства“.

Проявляя такую заботливость о бывшихъ или остающихся уніатахъ въ Россіи, Поляки въ то же время усердно хлопочуть о томъ чтобы разорвать всѣ вѣковыя связи Галиціи съ соседними русскими предѣлами. Они вытребовали отъ Львовскаго епископа Сильвестра Сембратовича циркуляръ къ подвѣдомственному ему уніатскому духовенству, запрещающій Галичанамъ посѣщать Почаевскую Лавру, пользующуюся у Южноруссовъ не меньшею славой чѣмъ Ченстоховскій монастырь среди Поляковъ. Епископъ Сембратовичъ объявляетъ что „схизма“ (то-есть православіе) дѣйствуетъ на уніатовъ чрезъ лавру, что разослано много агентовъ которые смущаютъ уніатовъ, призывая ихъ въ Почаево, что наконецъ „вѣроломный отступникъ, еретикъ Прачукъ, который вѣскольکو лѣтъ тому назадъ бѣжалъ изъ Василианскаго монастыря въ Злочовѣ въ Россію, погубивъ свою душу, старается и души другихъ вовлечь въ погибель“. Это посланіе Сембратовича подписано 3 февраля текущаго года. Оно произвело самое тяжелое впечатлѣніе въ Галиціи, какъ о томъ

свидѣтельствуя галицкія русскія газеты, такъ какъ народъ въ Галиціи высоко чтитъ Почаевскую Лавру и привыкъ ходить туда на богомолье.

Но если Поляки въ Галиціи не терпятъ никакой самостоятельности въ Русскихъ Галичанахъ, если всякую защиту отъ ополченія своей народности польскія власти ставятъ Галичанамъ въ преступленіе, то съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ отзываются о всякихъ дѣяніяхъ нашихъ украинофиловъ. При этомъ польская печать не стыдится утверждать что въ Галиціи русская народность не терпитъ никакихъ притѣсненій, несмотря на очевидное противорѣчіе съ такими фактами, какъ жалобы всѣхъ галицкихъ газетъ на притѣсненія русской народности со стороны Поляковъ и на то что именно въ то время заключены въ темницу польскою злобой лучшіе русскіе люди, какъ Наумовичъ, Плоцанскій и друг. Нужно быть дѣйствительно лишеннымъ способности соображать и думать чтобы полагать что кто-нибудь повѣритъ даже среди крайнихъ украинофиловъ, особенно послѣ неудачи Кулиша поступить въ услуженіе къ Полякамъ, что Поляки дѣйствительно не думаютъ объ ополченіи Русскаго народа.

Въ послѣднее время польскія газеты обратили большое вниманіе на Западно-Русскій край и Жмудь. Литовцы стали издавать журналъ *Auszra* за предѣлами Россіи. Въ немъ часто выражалась мысль что связь Литовскаго народа съ Поляками причинила ему только вредъ; литовскіе патріоты желали бы чтобъ образованный Литовецъ не чувствовалъ себя оторваннымъ отъ своего народа и не ополчался, какъ это было до сихъ поръ. Польскія газеты, особенно *Kraj*, часто обращали вниманіе на статьи этого литовскаго журнала и усердно старались оправдать Поляковъ. Онѣ не довольны самостоятельнымъ направленіемъ литовскаго журнала, и заявляютъ что Поляки признаютъ право Литовскаго народа на самостоятельное развитіе, но для такого развитія Литвы нужно ей „поискать опоры въ какой-нибудь другой цивилизаціи“... (*Kraj*, № 38, отъ 18 сентября). Вотъ эту-то „опору“ и предлагаютъ Литовцамъ Поляки. Но видно что и среди Литовцевъ Поляки не пользуются теперь симпатіями и любовью. Даже католическое духовенство въ Литвѣ относится теперь къ Полякамъ и польскому языку иначе чѣмъ относилось когда-то. Поляки поэтому негодуютъ. Вотъ что пишетъ корресп-

пондентъ *Газеты Народовой* (№ 245, отъ 28 октября). Сначала онъ хвалитъ Литовцевъ живущихъ въ Ковенской губернии за то что они знаютъ по-польски, и нападаетъ на часть жителей Сувальской губернии за то что они не хотятъ учиться по-польски. Онъ нападаетъ на литовскихъ католическихъ священниковъ за то что они во многихъ мѣстахъ не хотятъ быть орудіями колонизаціи населенія. „Жаль что нѣкоторые изъ этихъ ксендзовъ-Литвиновъ, говоритъ *Gazeta Narodowa*, особенно тѣ которые окончили духовную академію, принесли сюда съ собою какую-то ничѣмъ неоправдываемую нелюбовь ко всему польскому, нападаютъ на польскій языкъ и пропагандируютъ развитіе и обработку языка литовскаго. Этимъ мѣстнымъ патриотизмомъ объясняется нелюбовь здѣшняго народа къ польскому языку, дошедшая до того что и знающій по-польски не хочетъ говорить на этомъ языкѣ, боясь что его сосѣди обзовутъ *Полякомъ* и осмѣютъ. Слово *Полякъ* употребляется въ смыслѣ бранномъ“.

Если въ русскихъ предѣлахъ Поляки считаютъ своимъ дѣломъ колонизацію Литвы, Западной и Южной Руси, то въ Австріи они претендуютъ не только на всю Галицію, но и на Буковину и на половину Силезіи, гдѣ у нихъ уже начинаются ссоры съ Чехами, имѣющими также права на эту землю. Въ концѣ истекшаго лѣта былъ помѣщенъ въ *Газетъ Народовой* рядъ интересныхъ статей нѣкоего Генриха Есенскаго, подъ заглавіемъ *Послѣдній часъ*, въ которыхъ авторъ много говоритъ о надеждахъ, планахъ и задачахъ Поляковъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ такъ выражается: „Польша—понятіе чисто государственное, а не народное. Польша какъ понятіе государственное, хоти теперь и не имѣетъ физическихъ предѣловъ, можетъ имѣть болѣе или менѣе широкія границы, но всегда будетъ государственнымъ понятіемъ. Но Русь не есть понятіе государственное,—она лишь понятіе народное, этнографическое, тѣсно определенное границами этнографическими, на примѣръ отъ рѣки Сана до Днѣпра и безъ отношенія къ государству Русь остается Русью, какъ понятіе этнографическое“. Далѣе г. Есенскій, пользуясь іезуитскимъ приемомъ, утверждаетъ что такъ какъ не существуетъ пока Польскаго государства, то Галицкая Русь не можетъ винить Поляковъ за свои страданія... Онъ даже такъ откровененъ что говоритъ: „Польша безъ Руси и Русь безъ Польши не существуетъ и существовать не можетъ“ (*Gazeta Narodowa*, № 180, отъ 9 августа).

Съ чѣмъ борется русская власть въ Польшѣ? Борется она лишь съ тою фантазiей польской шляхты, будто существуетъ или можетъ существовать Польское государство, не имѣющее опредѣленныхъ „границъ физическихъ“. Она обязана не только защитить русское населенiе тѣхъ губернiй на которыя польская интрига заявляетъ свои притязанiя, но и предохранить самихъ Поляковъ отъ фальшивыхъ представлений о правахъ польской шляхты насилловать Русскiй народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ. Несчастная Галицкая земля стонетъ подъ польскимъ игомъ,—неужели же польской шляхтѣ не понятно что Русское правительство обязано позаботиться чтобы сласти отъ недѣльной фантази народности живущiя подъ охраной русской государственной власти?

### III.

Польская печать постоянно жалуется на то что русская и нѣмецкая печать возводитъ на нее клевету, несправедливо приписывая ей воинственные планы и желанiе испортить отношенiя между Россiей и Германiей. А между тѣмъ въ прошломъ году дошло до того что Австрiйское правительство, которое имѣетъ причины высоко цѣнить добрыя отношенiя къ Россiи, особенно въ виду внутреннихъ дѣлъ самой Австрiи, стало прибѣгать къ конфискации нѣкоторыхъ статей польско-галицкой печати, направленныхъ противъ Россiи и наполненныхъ клеветами на дѣйствiя русскихъ властей.

Здѣсь мы укажемъ нѣсколько характерныхъ фактовъ, доказывающихъ что эти нападки на польскую печать со стороны и русской, и нѣмецкой печати вполнѣ основательны.

Въ половинѣ iюля прошлаго года въ *Русскомъ Курьерѣ* (№ 119, отъ 15 iюля) появился разказъ о разговорѣ какого-то молодого русскаго ученаго съ известнымъ профессоромъ политической экономiи Берлинскаго университета Адольфомъ Вагнеромъ, пользующимся славой „алюстола“ русскаго государственнаго социализма и пангерманскаго объединенiя. Замѣтимъ что Адольфъ Вагнеръ былъ нѣкогда профессоромъ въ Дерптѣ. „Профессоръ, судя по фамилии, принялъ нашего соотечественника, говоритъ польскiй органъ въ Москвѣ, за Поляка и повелъ съ нимъ любезную и откровенную бесѣду. Польша, по мнѣнiю г. Вагнера, должна быть восстановлена: „этого требуютъ цѣте-

ресы Германіи, прямо противоположныя русскимъ интересамъ". Далѣе г. Вагнеръ увѣрялъ своего собесѣдника что наши Прибалтійскія провинціи должны быть пріобрѣтены для Германіи, хотя бы цѣной возвращенія Франціи Альзаса и Лотарингіи, съ которыми де, по словамъ этого близкаго князю Бисмарку челоуѣка, Германія справиться не можетъ.

На этотъ разказъ *Русскаго Курьера* въ нашей печати обратили особенное вниманіе *С.-Петербургскія Вѣдомости* прежней редакціи. Перепечатывая его изъ *Курьера* (№ 191, отъ 17 іюля), онѣ дѣлаютъ весьма куріозныя замѣчанія: по мнѣнію этой газеты, существуетъ планъ русско-германскаго союза съ цѣлью „вести Россію въ поводу“ по волѣ князя Бисмарка, а для достиженія этого союза Нѣмцы де и выдумываютъ польское возстаніе которое грозитъ Россіи. Россія, конечно, по глупости вѣритъ всѣмъ выдумкамъ Нѣмцевъ. „Къ большому нашему стыду, Нѣмцы наши себѣ помощниковъ между самими Русскими, увѣряла петербургская газета. Есть всегда люди которые изъ алчности готовы продать и свою честь, и свои сѣдины, разчитывая что предательство будетъ скрыто. Только они ошибаются. Политическую измѣну можно скрыть до поры до времени какъ Мазела скрывалъ свою измѣну предъ Петромъ, но затѣмъ—или маска падаетъ сама, или ее срываютъ“. Этотъ комментарий прежнихъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* такъ хорошо подходилъ и къ нимъ самимъ, и къ тѣмъ органамъ нашей quasi-либеральной печати которые считаютъ возможнымъ и достойнымъ русской печати обманывать себя и своихъ читателей насчетъ замысловъ Польской шляхты, что ничего лучшаго и придумать нельзя.

Извѣстіе объ этомъ разговорѣ изъ *Русскаго Курьера* было передано по телеграфу тотчасъ во всѣ польскія и многія иностранныя газеты. Такая же важность была придана и удивительному, чтобы не сказать болѣе, сужденію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Польскія газеты сначала отвѣдлись; довольно хладнокровно къ этимъ куріознымъ рѣчамъ словоохотливаго нѣмецкаго профессора объ „одбудованіи“ Польши при помощи Германіи. *Dziennik Poznanski* (№ 175, отъ 3 августа), приводя разказъ *Курьера*, замѣчаетъ лишь слѣдующее: „Что касается насъ, то мы только констатируемъ фактъ, весьма краснорѣчивый, что дѣломъ Польши начинаютъ уже заниматься и чаще и больше Нѣмцы. Мы питаемъ

глубокое убѣжденіе что дѣло воскресенія (przywrócenia, возобновленія) Польши будетъ постоянно занимать вниманіе все большаго числа виднѣйшихъ людей и даже цѣлыхъ народовъ.“ *Gazeta Narodowa* (№ 177, отъ 5 августа), говоря объ извѣстіи *Русскаго Курьера*, объявляетъ что она не вѣритъ этимъ мнѣніямъ нѣмецкаго профессора „въ такой формѣ“. Но ни главные нѣмецкіе органы печати, ни самъ профессор Вагнеръ не могли такъ спокойно отнестись къ этимъ смѣшнымъ разказамъ московскаго листка. Нѣмецкій ученый послѣдшилъ напечатать въ *National Zeitung* письмо, въ которомъ онъ отрицаетъ все то что ему приписывается печатью. „Что касается спеціально Польши и русскихъ прибалтійскихъ провинцій, говоритъ бывшій дерптскій профессоръ, въ письмѣ отъ 3 августа, то когда шла о нихъ рѣчь—конечно съ личной, какъ мнѣ кажется, политически оправдываемой точки зрѣнія германской политики,—я не скрывалъ моей симпатіи возстановленію Польши на счетъ Россіи, такъ какъ я считаю небольшую, осужденную на поддержку со стороны Австріи и Германіи, Польшу во много разъ болѣе безопаснымъ сосѣдомъ Германіи чѣмъ великую и враждебную Нѣмцамъ Россію. Однако я всегда прибавлялъ при этомъ что при извѣстныхъ претензіяхъ Поляковъ на нѣмецкую теперь страну (разумѣвъ, Познань) Германія такого возстановленія Польскаго государства желать не можетъ. Планы присоединенія русскихъ прибалтійскихъ провинцій я всегда считалъ не основанными на поддержкѣ какой-либо политической нѣмецкой партіи и не поддерживаемыми никакимъ солиднымъ политическимъ человѣкомъ Германіи“. Далѣе г. Вагнеръ утверждаетъ что при простомъ взглядѣ на географическую карту эти стремленія присоединить къ Германіи наши Прибалтійскія губерніи представляются лишеными всякаго значенія. Что же касается приписываемаго ему мнѣнія объ уступкѣ Альзаса и Лотарингіи Франціи чтобы съ нею примириться, то нѣмецкій ученый отрицаетъ ихъ съ негодованіемъ, объявляя себя въ то же время постояннымъ сторонникомъ присоединенія этихъ областей къ Германіи. „Ни о чемъ даже приблизительно похожемъ я никогда не думалъ и давно ничего подобнаго не говорилъ“, пишетъ профессоръ Вагнеръ, упоминая о мнѣніи на счетъ Альзаса и Лотарингіи, приписанномъ ему *Русскимъ Курьеромъ*. *National-Zeitung*, печатая это письмо профессора Вагнера, замѣчаетъ что она не даетъ

никакой цѣны фантазіямъ профессора, но въ то же время, чтобъ успокоить русскую печать, считаетъ нужнымъ заявить что „въ Германіи нѣтъ ни одного серьезнаго политическаго человѣка который бы носился съ такимъ авантюристскимъ планомъ (возстановленія Польши), могущимъ принести пользу лишь общимъ врагамъ Германіи и Россіи.“

Но несмотря на такія ясныя выраженія письма профессора Вагнера и одного изъ вліятельнѣйшихъ нѣмецкихъ органовъ, *Dziennik Poznański* сталъ давать уже серьезное значеніе празднословію приписываемому нѣмецкому профессору въ русской газетѣ.

Польская газета (*Dziennik Poznański*, № 178, отъ 7 августа) недовольна лишь тѣмъ что г. Вагнеръ говоритъ о Польшѣ *небольшой и слабой*. Она соглашается что такая Польша принесла бы лишь хлопоты Европѣ, но никакой пользы. *Дневникъ Познанскій* даже выражаетъ увѣренность что профессоръ Вагнеръ, который въ своемъ письмѣ говоритъ о Польшѣ малой и зависящей отъ Австріи и Германіи, перемѣнитъ въ послѣдствіи свое мнѣніе и, надо полагать, заговоритъ о Польшѣ великой отъ моря до моря.. Удивительно слѣба эта польская шляхта! Ей въ глаза говорятъ что воскрешеніе малой Польши во всякомъ случаѣ лишь вредно для Германіи, а она все-таки предлагаетъ что „обдбодованіе“ большой Польши отъ моря до моря будетъ пользоваться симпатіями человѣка выразившаго лервое мнѣніе! Еслибы польская газета думала о благѣ Польскаго народа, вѣроятно она бы поняла что думаютъ о Польшѣ въ Германіи и не прибавила бы, толкуя объ одной статьѣ *National-Zeitung* по поводу этого письма профессора Вагнера, такого замѣчанія: „Границы Польши тамъ гдѣ работаютъ и терпятъ за нее“, а чтобы не подумали что благодаря польской эмиграціи въ Америку, Польша простирается и на заатлантическія страны, газета прибавила: „Впрочемъ, границы Польши ясно очерчены на картахъ 1772 года“ (*Dziennik Poznański*, № 183, отъ 12 августа).

Такіе новые толки о письмѣ и рѣчахъ профессора Вагнера вызвали цѣлый рядъ статей у насъ и въ Германіи. *Новости*, въ одной изъ своихъ статей, нападая на нѣмецкую печать за то что она будто бы приписываетъ Полякамъ всякіе фантастическіе замыслы, утверждаетъ что лишь „остатки аристократіи“ мечтаютъ о воскрешеніи королевства Польскаго.



*Dziennik Poznański*, лишь за пять номеровъ раньше указавшій на карту 1772 года для опредѣленія предѣловъ будущей Польши, скромно соглашается съ мнѣніемъ *Новостей* что Поляки дѣйствительно хотятъ лишь улучшить свое положеніе мирнымъ трудомъ (*Dziennik Poznański*, № 188, отъ 19 августа), и даже утверждаетъ что никто и нигдѣ въ Польшѣ не питаетъ никакихъ замысловъ. Но въ томъ же номерѣ *Познанскій Дневникъ* выражаетъ свое неудовольствіе на одну изъ статей *Русскаго Курьера*, въ которой русская, обыкновенно полякофильствующая газета утверждаетъ о постоянно возрастающей симпатіи Поляковъ къ Русскимъ за благодѣянія оказанныя Польскому народу реформами Царя-Освободителя.

Когда въ концѣ третьяго года вѣнская и польская печать на всѣ лады пѣла лѣсню о безсиліи Россіи, объ ея неспособность не только къ активной дѣятельности, но и къ отпору Австріи и Германіи еслибъ онѣ вздумали напасть на наши предѣлы, краковскій *Czas* совершенно неожиданно выступилъ съ рядомъ статей, доказывая что обманываютъ себя тѣ которые считаютъ Россію безсильною. Онѣ впрочемъ старался доказать что Россія теперь лишь затруднена домашними дѣлами, но въ то же время утверждалъ что она скоро оправится и разовѣетъ въ ближайшемъ будущемъ невѣроятную мощь. Тогда же *Pester Lloyd* въ одной изъ статей заявлялъ что Россія беспальна, не имѣетъ никакого будущаго, а потому и безопадна для Европы. Такія мнѣнія мадьярской газеты плохо вязались съ обыкновенною его системой застраиванія Европы Россіей и призыванія всѣхъ къ нападеніямъ на „азіатскаго варвара“. *Czas* (№ 8, отъ 12 января 1883 года) отвѣтилъ на эту статью *Пештскаго Ллойда* такъ: „Въ данную минуту Россія не грозна, Франція въ полномъ разстройствѣ,—а потому мы не вѣримъ чтобы Россія думала о наступательной войнѣ. Въ случаѣ пораженія (рѣчь идетъ о войнѣ Австріи и Германіи съ Россіей), а это пораженіе неминуемо, что ожидаетъ Россію? Утрата польскихъ земель и присоединеніе ихъ къ Австріи отодвинуло бы Россію навсегда изъ Европы, отъ Запада. Австрія, получивъ такое приращеніе, могла бы спокойно взирать на естественное, нормальное развитіе вопроса Восточнаго, на самостоятельность забалканскихъ народовъ. Германія освободилась бы отъ чудовища лавславизма и предъ собою имѣла бы двѣ славянщины—католическую и схизматическую“... Утѣшивъ

себя такою фантастическою картиной перемѣвъ въ политическомъ строѣ Европы въ случаѣ „неминуемаго“ пораженія Россіи, *Szas* самъ не вѣритъ въ то чтобъ эта картина осуществилась, такъ какъ Россія сама не нападетъ на Австрію или Германію, и такъ продолжаетъ: „Вотъ Россія переживетъ кризисъ и станетъ еще болѣе спявною чѣмъ была когда бы то ни было, богато населенною, энергичною, патриотичною ибо никто не сомнѣвается въ русскомъ патриотизмѣ, доказанномъ исторіей. Вліяніе ея на народы придунайскіе и за-балканскіе внѣ сомнѣнія, непреодолимо и велико“. Далѣе газета полагаетъ что и Франція къ тому времени окрѣпнетъ, а тогда едва ли окажется въ Германіи второй Бисмаркъ... *Szas* проситъ пештскую газету указать болѣе прочное ручательство за миръ въ Европѣ чѣмъ временная слабость Россіи... Договоримъ словами другой статьи *Часа* (№ 10 отъ 14 января 1883 года): „Два міра, именно два міра стоятъ другъ противъ друга, изъ которыхъ одинъ долженъ быть уничтоженъ чтобы другой могъ укрѣпить свое господство!“ Одинъ изъ этихъ міровъ, это Россія. Вотъ какъ отзывался объ этомъ русскомъ мірѣ *Szas*: „Нигилизмъ, убійства, заговоры, слабость правительственной власти, дикимъ образомъ измѣненныя aberrации Запада, старая византійская порча, деморализація и воровство, это конечно не факторы развитія и роста даже для Россіи: напротивъ того, это болѣзненные явленія, которыя останавливаютъ ростъ могущества; это временныя луты, останавливающія ходъ дѣлъ и обнаруженіе необъятной силы. Но что поучительно и что поражаетъ такъ это то что несмотря на все это, только поверхностные умы могутъ полагать что необъятная сила Россіи дѣйствительно слабѣетъ или совершенно ослабѣетъ, потеряется и перестанетъ быть грозною. Что Россія можетъ вынести эти болѣзни, преступленія и ужасы безнаказанно для себя, вотъ что страшно. Страшно то что несмотря на нигилизмъ, убійства и заговоры Россія все-таки остается грозною для другихъ. Страшенъ тотъ феноменъ что въ этомъ исключительномъ организмѣ, въ этой груди необъятныхъ размѣровъ, въ этомъ гигантскомъ брюхѣ можетъ возникнуть заразъ столько нарывовъ и что гной который они выдѣляютъ не задушитъ чудовища. Вотъ что ужасно и поучительно и чего никакимъ слобомъ нельзя игнорировать... Нельзя не видѣть что болѣзни и нарывы которые разрушили бы

всякій иной организмъ, не смертельны для Россіи“... *Часъ* далѣе описываетъ Россію, какъ силу *уничтожающую и губительную*. Это свойство Россіи „проявляется прежде всего въ преслѣдованіи за вѣру“... Пишетъ все это *Сгаз* какъ разъ въ то время когда наша дипломатія договаривалась съ лапою... Всѣ эти разсужденія *Часа* оканчиваются бранью на „Москалей“, причемъ приводятся стихи Мицкевича что „Москаль родится разбойникомъ, злодѣемъ, звѣремъ ужаснымъ, какъ грабителемъ родится казакъ, и что тутъ не помогутъ крики всего свѣта, пока его не убьютъ“.—„Это дѣло Европы“, патетически восклицаетъ *Сгаз*.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ какъ *Сгаз* такъ патетически призывалъ Европу противъ столь страшнаго чудовища которое „родится разбойникомъ и злодѣемъ“ и котораго не удушаетъ „гниль нигилизма“ и всего остальнаго ему солутствующаго, и не смотря на старанія всѣхъ польскихъ газетъ, на всѣ лады твердившихъ о войнѣ Европы съ Россіей, войны никакой не послѣдовало. *Сгаз* еще разъ высказалъ ожиданіе этой войны: по поводу свиданія князя Бисмарка съ графомъ Кальвоки въ Зальцбургѣ, газета выражаетъ надежду что союзъ австро-германскій получитъ теперь иное значеніе, перестанетъ быть лишь „оборонительнымъ“ (*Сгаз*, № 198, отъ 1 сентября). Но уже въ октябрѣ та же газета (№ 240 отъ 21 октября) объявила что ни Россія, ни Австрія не желаютъ войны. Однако *Сгаз* считаетъ побѣдою Австріи все что дѣлается въ Болгаріи и Сербіи, и утѣшаетъ себя тѣмъ что для Россіи создается „невыносимая атмосфера союзомъ Австріи съ Германіей“.

Мы нарочью остановились съ нѣкоторою подробностью на мнѣніяхъ *Часа* въ разное время чтобы показать, на этой доводкой и выдержанной газетѣ, чего ожидала польская шляхта отъ Европы въ теченіе истекшаго года. Когда стало очевидно что ни Австрія, ни Германія не думаютъ о войнѣ, что у нихъ руки заняты домашними дѣлами, тогда польскіе политики стали утверждать что они были правы что война съ Россіей была дѣломъ рѣшеное... *Крај* (№ 39 отъ 25 сентября) напечаталъ письмо какого-то лица, чье мнѣніе онъ „цѣнитъ“, гдѣ утверждается что въ австро-германскихъ политическихъ кругахъ была рѣшена война съ Россіей въ прошлую осень, но что комъ-то послужило хорватское движеніе въ Австріи, сѣвздъ въ Коленгагенѣ, визитъ Гладстона и слова императора Виль-

гальма, воскликнувшиаго: Donnerwetter! nein! es geht nicht, wir müssen noch warten, когда эти политическіе круги обяснили ему свои планы...

Но стоить лишь нѣмного взглянуть въ теперешнее положеніе Европы чтобы придти къ несомнѣнному заключенію что война прежде всего и болѣе всего нежелательна была для самой Австріи. Лишь одни Поляки, носясь со своими фантастическими мечтами, могутъ желать этой войны, не видя всего безсудія имперіи Габсбурговъ, занутовавшейся въ дѣла юго-восточныхъ Славянъ и раздраемой непрерывными несогласіями подчиненныхъ ей народностей.

Слуствуя нѣкоторое время *Dziennik Poznanski*, усердно вторившій вѣстямъ о близкой войнѣ и близкомъ разрушеніи Россіи, внезапно почувствовалъ необходимость заявить что отношенія Германіи и Россіи хороши, что ихъ пріятельскія связи сложились исторически и что „происходящее теперь между Пруссіей и Россіей есть начало конца дружбы Пруссіи съ Австріей“ (*Dzienn. Pozn.*, № 268, отъ 24 ноября). Эта газета, прославдавъ исторію отношеній между Германіей и Россіей, приходится къ заключенію что ихъ старая политическая пріязнь можетъ быть ослаблена мелочами, но въ случаяхъ важныхъ она воскресаетъ со всею силою.

Въ то время когда такіа рѣчи шли въ польскихъ газетахъ, создавалась цѣлая литература изъ брошюръ трактовавшихъ о возможности войны между Россіей и ея западными сосѣдями, особенно съ Австріей. Нужно замѣтить что такихъ брошюръ появилось довольно много: какой-то Прусакъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ: Sarmaticus, издалъ брошюру: *Der polnische Kriegsschauplatz*, въ которой совѣтуетъ Германіи въ случаѣ войны съ Россіей овладѣть страной по Бугъ и Нѣманъ; баронъ Гатмерле напечаталъ *Strategisches Verhältniss zwischen Oesterreich und Russland*; какой-то безымянный авторъ издалъ *Galizien und das westliche Russland*; наконецъ осенью прошлаго года появилась брошюра: *Hauptziele des oesterreichisch-russischen Krieges der Zukunft*, изданная какимъ-то Ф. Р., австрійскимъ офицеромъ. Всѣ эти брошюры толкуютъ о слободахъ и цѣляхъ войны Австріи и Германіи съ Россіей. Особенное же вниманіе польскихъ газетъ привлекла къ себѣ послѣдняя изъ вышеупомянутыхъ брошюръ. Въ ней авторъ утверждаетъ что Ахиллесова пята Россіи—Польскій вопросъ, а потому онъ совѣтуетъ Австріи отнять у Россіи не

только привислянскія губерніи, но и всѣ земли принадлежавшія нѣкогда Польскому государству, то-есть и Малороссію и Бѣлоруссію. А для того чтобъ его доводы казались убѣдительнѣе, онъ увѣряетъ что „Русины“ (то-есть Малороссы) и Бѣлоруссы хранятъ воспоминанія о времени польскаго господства какъ о лучшемъ времени ихъ жизни, и питаютъ къ „Москалямъ“ самую горячую ненависть. Достаточно указать эти мнѣнія автора брошюры чтобъ придти къ вѣрному заключенію что авторъ ея Полякъ. Онъ въ своемъ ослѣпленіи доходитъ до того что увѣряетъ читателя будто Австрійцевъ и Поляковъ Русскій народъ Малой и Бѣлой Россіи будетъ встрѣчать какъ своихъ избавителей и друзей. Даже нѣкоторыя польскія газеты выражаютъ сомнѣніе въ чѣмъ-нибудь подобномъ, хотя авторъ брошюры обставляетъ свое сужденіе ссылаками на польскихъ и даже нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Петербургскій *Kraj* (№ 42, 16 октября) прямо называетъ такое мнѣніе о дружбѣ Мало- и Бѣлорусовъ съ Поляками *фантазіей*. „Нужно писать правду, говорить онъ, хотя бы она была горька и тяжела. Народъ малорусскій смотритъ на традиціи польскаго правительства сквозь очки подданства. Достаточно этого чтобъ онъ не жалѣлъ о прошломъ. Основаніе будущихъ отношеній между большимъ и малымъ землевладѣніемъ въ Западномъ краѣ—не прежнія воспоминанія, но теперешняя работа направленная къ поднятію уровня образованія и благосостоянія народа“.

*Gazeta Narodowa* придала этой брошюрѣ такую важность что даже теперь, послѣ того какъ вся польская печать признала фактъ полнаго согласія между Германіей и Россіей, подвергаетъ брошюру подробному разбору, причемъ, по ея мнѣнію, выводъ автора брошюры *Hauptziel des oesterreichisch-russischen Krieges der Zukunft* не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ этотъ выводъ: „*Moskwa* (то-есть Россія) можетъ быть побѣждена, если тотъ кто поведетъ атаку овладѣетъ въ первой кампаніи провинціями польско-русскими, приготовитъ новую операціонную линію на Днѣпрѣ и воспользуется запасами занятаго края, и такимъ образомъ усиленный, опираясь на Днѣпръ, побѣдоносно двинется во вторую кампанію противъ сердца Россіи.“

Итакъ, что бы тамъ ни говорили польскіе органы печати, но они изъ всѣхъ силъ дѣлали чтобы доказать необходимость войны Австріи и Германіи съ Россіей. Они старались по возможности распространить въ массѣ польской шляхты

убѣжденіе что война эта послѣдуетъ въ самомъ близкомъ будущемъ, и что мудрые политики Европы видятъ необходимость возстановить Польшу какъ барьеръ отъ Россіи. Мало того: Польша должна быть возстановлена въ предѣлахъ до перваго раздѣла, и ей должны быть отданы чисто русскія земли съ 15милліоннымъ населеніемъ для новаго рабства...

Еслибы мы не имѣли дѣла со психически-большимъ классомъ Польскаго народа, его шляхтой, то можно было бы подумать что въ мірѣ совершились какія-то чрезвычайныя перемѣны. Русское государство словно исчезло, словно потеряло благодаря польской фантазіи всякую силу, всякое значеніе. А стоило бы вспомнить польскимъ шляхетскимъ патриотамъ хотя бы только то что дѣлали Бѣлоруссы и Малороссы въ послѣднее возстаніе Поляковъ 1863 года... Не вязалъ ли этотъ народъ польскихъ мятежниковъ? Не передавалъ ли онъ ихъ самъ въ руки властей? А тогда Русскій народъ въ нашихъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ еще только что почувствовалъ свою свободу отъ польскихъ цѣпей, которыя онъ сносилъ цѣлые вѣка, покоряясь своей тяжкой долѣ... Если такъ было тогда, то какъ теперь отнесется ко врагамъ Русскаго государства этотъ народъ, привыкшій уже быть господиномъ у себя дома и приучившійся сознавать что онъ хозяинъ своей земли, знающій надъ собою только власть Русскаго Царя...

#### IV.

Съ нѣкотораго времени замѣчается въ польской журналистикѣ любопытный поворотъ: до Берлинскаго конгресса польская печать относилась къ Славянамъ если не презрительно, то во всякомъ случаѣ недоброжелательно. Она видѣла во всякомъ стремленіи того или другаго славянскаго племени къ самостоятельному развитію, во всякомъ проявленіи національнаго самосознанія не только Сербовъ, но и Хорватовъ и даже Чеховъ, лишь тайные планы русской политики и искала повсюду не менѣе усердно чѣмъ вѣнскія и петтскія газеты русскихъ агентовъ и русскихъ рублей, этихъ мнѣстическихъ рублей дѣлающихъ чудеса въ Европѣ. Съ 1878 года польская печать во многомъ измѣнила свои отношенія къ Славянству. Она со вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ что дѣлается въ славянскомъ мірѣ и отмѣчаетъ часто даже маловажныя событія не только среди австрійскихъ, но и балканскихъ Славянъ.

Политическіе интересы въ Австріи связали теперь Чеховъ и Поляковъ, но прочны ли эти связи—иной вопросъ. Пользуясь торжественнымъ открытіемъ чешскаго театра, Поляки старались торжественно заявить эти свои симпатіи Чехамъ: всего болѣе, представителей на это празднество было послано Поляками. Даже изъ Петербурга г. Пильцъ, редакторъ газеты *Kraj*, ѣздилъ въ Прагу чтобы принять личное участіе въ торжествахъ открытія національнаго театра.

Польскія газеты привѣтствовали Чеховъ въ эти дни обширными статьями, но въ то же время всѣ онѣ указывали Чехамъ чего они должны избѣгать чтобы не потерять польскихъ симпатій. *Szasz* (№ 262, отъ 17 ноября) признаетъ что Чехи не пользовались тридцать лѣтъ тому назадъ польскими симпатіями, такъ какъ тогда появились у нихъ „стремленія которыя могао внушить лишь отчаяніе“. Подъ этими „стремленіями“ разумѣется то что европейская печать обозвала именемъ „русскаго панславизма“. Теперь, говоритъ *Szasz*, эти „губительныя аспираціи“ исчезли, а съ ними и причины разъединяющія Чеховъ и Поляковъ.

Къ послѣднимъ волненіямъ въ Хорватіи польская печать отнеслась чрезвычайно недоброжелательно. Это и понятно: ссора Мадыаръ и Хорватовъ портитъ польскіе расчеты, а Полякамъ никакого дѣла въ сущности нѣтъ до Славянства и его возрожденія. Въ концѣ прошлаго года, по поводу волненій Хорватіи, *Часъ* выступилъ съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи (*Szasz*, № 293, отъ 23 декабря прошлаго года). Указавъ важное значеніе Славянскаго вопроса какъ въ Австріи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ для общевропейскихъ интересовъ, газета говоритъ: „Всякое движеніе, всякое замѣшательство въ странахъ или провинціяхъ славянскихъ вызываетъ призракъ панславизма и пробуждаетъ подозрѣніе болѣе или менѣе скрытаго русскаго дѣйствія... Движенія, замѣшательства, кровавыя столкновенія въ странахъ славянскихъ возникаютъ по разнымъ мѣстнымъ причинамъ, но не подлежитъ сомнѣнію что въ нихъ чаще всего принимаетъ нѣкоторое участіе агитація и неутомимая русская дѣятельность“. *Szasz* прямо указываетъ гдѣ эта „русская агитація проявилась“. „Она была, говоритъ газета, и въ Босніи, и въ Сербіи во время этого возстанія (осенью 1883), и во львовскомъ процессѣ Русиновъ, и можно ее замѣтить даже въ телерешницъ, хорватскихъ замѣшательствахъ“. Но послѣ такого огульнаго обвиненія Россіи въ томъ въ чемъ она не принимала ника-

кого участія, хитроумный Часъ, чтобы не быть голословнымъ, говорить что признаковъ явнаго вмѣшательства Россіи не видно, но что „самой оглядки на Россію“ со стороны Славянъ уже „достаточно“ чтобы „сдѣлать смѣлыми и фанатичными“ всѣ крайніе славянскіе элементы. Свои доказательства Часъ почерпаетъ изъ того что въ славянскихъ странахъ „часть людей политикующихъ обращаетъ свои надежды и аспираціи въ сторону Россіи“, и что Россія будто бы „то тайно, то явно и открыто“, пользуясь силой денегъ, поддерживаетъ свое вліяніе среди Славянъ. Здѣсь, какъ видитъ читатель, мы встрѣчаемся съ другимъ приемомъ воззваній къ Европѣ о необходимости разрушить Россію для блага европейскаго міра.

Польская газета не останавливается на этомъ обвиненіи Россіи во всемъ что творится въ славянскихъ земляхъ нежелательнаго для Австріи; она идетъ далѣе, предлагая Россіи даже отказаться отъ своего вліянія на Славянъ въ угоду Австріи. Вотъ что она говоритъ: „Кажется что съ нѣкотораго времени входитъ въ планъ русской политики пользоваться этимъ вліяніемъ Россіи на Славянъ чтобы усилить затрудненія Австро-Венгріи. Если она сама не создаетъ ихъ, то по крайней мѣрѣ ничего не дѣлаетъ чтобы помѣшать ихъ возникновенію. Вѣрно то что всякое неправильное движеніе въ славянскихъ земляхъ, сходящее съ легальнаго пути, родственно и тѣсно связано съ русскимъ вліяніемъ и русскими симпатіями“. Хотя де всѣ эти русскія попытки „создать Австріи затрудненія“ въ Сербіи, Хорватіи и Галиціи окончились неудачами, но, по мнѣнію Часа, всѣ эти русскіе проигрыши въ нужный моментъ могутъ быть обращены противъ теперешняго любѣдителя, то-есть самой Австріи. „Въ дни рѣшительнаго столкновенія Россія не безъ основанія разчитываетъ на помощь всѣхъ этихъ славянскихъ народностей, теперь задержанныхъ въ своихъ влеченіяхъ къ ней. И потому именно временныя пораженія сторонниковъ Россіи не суть по крайней мѣрѣ рѣшительныя любѣды ея противниковъ. Стоятъ онѣ дорого, но не мѣняютъ существеннаго положенія вещей“.

Переходя къ частнымъ вопросамъ о степени вины ладающей на Россію по поводу движеній въ Сербіи и Хорватіи, Часъ прямо заявляетъ что загребскія происшествія страшны потому что они находятся въ связи хотя и не близкой со всеобщей системой русской пропаганды и русскаго вліянія въ славянскихъ дѣлахъ. Несмотря на торжество Мадыаръ въ



Хорватіи, краковская газета все-таки недовольна окончаніемъ хорватскихъ замѣшательствъ въ виду того что „останутся неумиротворенныя стремленія и аспираціи, которыя съ тѣмъ сильнѣйшими, хотя и ложными, надеждами будутъ обращаться къ Петербургу и Москвѣ. А именно этого и хочетъ Россія, и это именно тотъ фанатизмъ интересовъ славянскихъ странъ какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Австріи. Временныя пораженія, временныя побѣды не въ состояніи тутъ произвести перемѣны въ природѣ вещей“...

Итакъ, Россія во всемъ виновата: виновата въ томъ что славянскія народности въ тяжелые дни обращаютъ къ ней взоры и чаютъ отъ нея помощи и защиты; виновата въ томъ что тамъ или тутъ славянская народность требуетъ для себя правъ развиваться самостоятельно; виновата даже въ томъ что пробуждается у Славянъ духъ національнаго самосознанія, и что имъ, какъ на примѣръ Сербамъ, не хочется идти въ рабство... Виной всѣхъ австрійскихъ затрудненій оказывается такимъ образомъ существованіе Россіи. Польскія газеты теперь мечтаютъ о возрожденіи Австріи какъ славянскаго государства, составляющаго противовѣсъ Россіи. Гдѣ же то цѣлебное средство которое поможетъ Австріи возродиться подобно фениксу, принявъ на себя новый государственный обликъ? Если самое существованіе Россіи ободряетъ духъ всѣхъ этихъ славянскихъ народностей, поднимаетъ ихъ надежды, даетъ имъ силу возрождаться и требовать своей доли на жизненномъ пиру, то значить для пользы Австріи, по мнѣнію Часа, необходимо уничтожить Россію, прекратить самое ея существованіе какъ помѣху возрожденія Австріи. Таково-то польское славянолюбіе, въ послѣднее время громко провозглашавшее что защитники и друзья всего Славянства.—Поляки, клеветавшіе на Россію предъ Славянами, приписывая ей цѣли поработить себѣ Славянство, и предъ Нѣмцами, утверждая что Россія посылаетъ своихъ политическихъ агентовъ и миѳическій рубль въ славянскія страны, и въ то же время блестящимъ краснорѣчіемъ и нарядомъ въ кунтушахъ и конфедераткахъ на чешскомъ праздникѣ при открытіи народнаго театра...

Какъ это ни желательно польско-австрійскому хору лести, подзадоренному уступчивою и мирною политикою Россіи, нужно полагать что ни Россія, ни ея политика не захотятъ не только уничтожать себя, но и принижаться въ угоду

Австріи. У славянскихъ народовъ есть свои интересы, свои дѣла и потребности, и не ихъ вина и не вина Россіи что повсюду истинно народные интересы Славянъ и Россіи согласны между собой. Если, быть-можетъ, медленнѣе чѣмъ бы хотѣлось растеть славянство, если это его возрожденіе проходитъ часто болѣзненные фазисы, избираетъ трудные пути и подвергаетъ народную массу страданіямъ, то конечно виноваты въ этомъ тѣ что всегда и всюду видѣли своего врага въ славянскомъ мірѣ. Кто виноваты въ этихъ сербскихъ волненіяхъ обогрившихъ несчастную страну народною кровью, какъ не то государство которое вышло въ дѣла Сербіи и вторглось на Балканскій полуостровъ, захвативъ Боснію и Герцеговину? А польская печать именно Австрію объявляетъ не только наследницей Балканскаго полуострова, но и представительницей будущаго Славянскаго государства.

Къ чему же сводится все это славянолюбіе польской печати, все это хвастливое провозглашеніе что Поляки настоящіе представители славянства? Польская печать желаетъ видѣть Славянъ не свободными, а напротивъ зависимыми отъ Австріи. Самая борьба Славянъ австрійскихъ съ Нѣмцами представляется польской печати дозволенною и заслуживающею одобренія лишь постольку эта борьба идетъ въ пользу идеи славянской Австріи. Въ то время какъ вся славянская печать негодуетъ и скорбитъ о судьбѣ Сербскаго королевства ставшаго игрушкой въ рукахъ австрійской дипломатіи, одна польская печать не можетъ достаточно нахвалиться королемъ Миланомъ и гг. Пирочанцемъ, Христочемъ, Гараманинымъ и tutti quanti. Когда въ Болгаріи произошло замѣшательство и многія газеты возвѣщали что все движеніе направлено противъ русскаго вліянія въ Болгаріи, польскія газеты ликовали и притомъ однѣ среди всей славянской печати. Союзникомъ ихъ оказалось лишь одно сербское *Видело*.

Пока польская печать была увѣрена что союзъ Австріи съ Германіей столь проченъ что можно желать чтобъ онъ пріобрѣлъ характеръ наступательный, она предавалась самымъ несбыточнымъ планамъ и надеждамъ на Австрію. Всѣ эти эгоистическіе виды, разчитанные на воскрешеніе Польши отъ моря до моря, прикрывались желаніями создать славянскую Австрію. На всѣ лады Поляки толковали о политическомъ *разобщеніи* Россіи и носились съ военными планами. Но вотъ

произошло сближеніе между Россіей и Германіей, и всѣ эти мечты рухнули. Даже сама Австрія потеряла тотъ славянскій ореолъ которымъ ее окружали польскіе фантазеры. *Dziennik Poznanski* (№ 21, отъ 25 января текущаго года) даже предрекаетъ Австріи что ее ожидаетъ судьба подобная той какая постигла Польшу. Познанская газета недовольна результатомъ посѣщенія Вѣны нашимъ министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и признаетъ что этотъ визитъ состоялся по приглашенію императора Франца-Иосифа, желавшаго видѣть въ Вѣнѣ г. Гирса. Замѣтимъ кстати что другія польскія газеты хотѣли представить дѣло такъ какъ будто Россія сама искала сближенія съ Австріей, опасаясь ея грозной силы. *Часъ* предостерегалъ австрійскую политику отъ болѣе тѣсныхъ связей съ Россіей (*Сказ*, № 14, отъ 17 января). Это сближеніе Россіи съ Австріей кажется опаснымъ органу польской аристократіи. Нѣсколько времени спустя *Часъ* прямо заявляетъ что „сближеніе Россіи и Германіи не можетъ быть для Австріи полезнымъ, хотя бы одновременно послѣдовало сближеніе Россіи и Австріи“ (№ 45, отъ 25 февраля). Эта газета признаетъ за русскою политикою строгую послѣдовательность и вѣрный расчетъ на будущее, но въ то же время винитъ ее въ планахъ завоевательныхъ. Этому ея разсужденію подало поводъ почти одновременное появленіе извѣстія о присоединеніи Мерва и о Высочайшемъ рескриптѣ архіеписколу Антонію Зубко. *Часъ* этимъ хочетъ сказать что воссоединеніе уніатовъ Бѣлоруссіи съ православіемъ равносильно присоединенію новой территоріи къ Россіи. Но и этого ему показалось мало, и вотъ что онъ говоритъ по поводу юбилея покойнаго уже іерарха Русской земли: „Публичное изъясненіе благодарности Царя за уничтоженіе уніи въ пользу православія, страшнаго въ рукахъ Россіи политическаго орудія, это доказательство что ни въ чемъ не измѣнилась славянская, то-есть панславистская ея политика; это нѣчто большее, ибо это—смѣлое поощреніе всѣхъ агитацій въ этомъ направленіи и за предѣлами Россіи.“ Ясно что ультрамонтанскій органъ польской шляхты хочетъ обвинить Россію и во всемъ протестѣ русскихъ Галичанъ противъ насилія терпимаго ими со стороны Поляковъ, протестѣ выразившемся въ поводахъ къ извѣстному процессу о Наумовичѣ, Добрянскомъ и др.

Но страхъ Поляковъ въ виду сближенія Россіи и Германіи дошелъ до высшей степени когда въ Берлинѣ праздновался

семидесятилѣтній юбилей со дня получения императоромъ Вильгельмомъ ордена Св. Георгія 4й степени въ рядахъ Калужскаго полка. Какъ извѣстно, въ Берлинъ отправилась депутація представителей русской арміи, во главѣ коей стоялъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, а генераль-адъютантъ Гурко предложилъ тостъ за нѣмецкую армію. *Часъ* пришелъ въ несказанный ужасъ вслѣдствіе этого извѣстія, и въ статьѣ по этому поводу (№ 53, отъ 4 марта) свои разсужденія о томъ будто бы униженіи которое терлитъ Россія братаясь съ оскорбившею ее Германіей заключаетъ вопросомъ: „кто-нибудь долженъ уплатить протори и убытки. Кто же? изслѣдовать вопроса не хотимъ, но одно вѣрно что уплатить ихъ не Германія“. Польская газета боится за Австрію, на которую такъ недавно возлагала всѣ свои надежды и которую одѣвала въ перья славянской державы...

И забавно, и поучительно телерешнее положеніе Поляковъ. До сихъ поръ въ своихъ чаяніяхъ отъ Европы они возлагали надежды на Францію, и польская эмиграція искала на берегахъ Сены не только пристанища и матеріальной поддержки, но и политическаго вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ. Польская аристократія разчитывала что Французская имперія изъ видовъ, хотя бы эгоистическихъ, окажетъ содѣйствіе польской мечтѣ о шляхетскомъ королевствѣ отъ моря до моря. Но имперія Наполеона пала безславно, а атеистическо-республиканская Франція не имѣетъ силы, да и не можетъ привлекать къ себѣ до фанатизма католическихъ Поляковъ. Польскія мечты стали отыскивать для себя новую основу и, казалось, обрѣли ее въ Австріи, гдѣ политика vom Fall zu Fall является обычною. Въ длинномъ рядѣ годовъ безплодной борьбы за мечту, польская шляхта растратила силы, но не вынесла и до сихъ поръ для себя науки.

Гдѣ же у насъ средства для лѣченія этой застарѣлой польской болѣзни? Въ сущности одно: не отступать ни предъ какими прелятствіями и идти по принятому нашею внутреннею политикою пути. Русская государственная власть озабочена благосостояніемъ польскихъ населеній, но она не можетъ дозволить польской шляхтѣ дѣйствовать во вредъ Русскому государству. Она должна положить разъ навсегда предѣлъ ея притязаніямъ на Западную, Холмскую и Южную Русь, и всѣ мѣры ведущія къ ослабленію полонизма въ этихъ краяхъ должны проводиться строго. Въ

хота и самыя узкія рамки, но тѣмъ не менѣе не обрывался ни на минуту. Цензурный комитетъ, редакціонныя слетни, газетныя перебранки, все это, выливая одно за другимъ, давало темы. Еще въ вагонѣ бесѣда ихъ приняла этотъ характеръ, и дачникъ-Нѣмецъ (вѣроятно со Святой забравшійся въ свою лѣтнюю резиденцію) съ большимъ любилитствомъ настораживалъ уши, когда въ разговорѣ выпрыскавало какое-нибудь извѣстное литературное или администра-

— А дима. Впрочемъ, говорилъ по преимуществу редакторъ,

— Она навѣшій тонкимъ нюхомъ натасканнаго сеттера всю

— Чувствующую въ журнальной атмосферѣ. Въ вагонѣ онъ

вуть късколькo сдерживался, но тутъ, когда онъ попалъ въ

Эра привычную обстановку французскихъ лакеевъ, щелкавшихъ

шобокъ и ароматического пара всякихъ яствъ, рѣчь его

шла потокомъ...

— Вы говорите, энергически возразилъ онъ совершенно спокойно кутившему Ракитину, который ничего не говорилъ,— вы говорите: читать! Да развѣ я могу прочесть всю труху что каждый день приходитъ изъ провинціи? Рву и швыряю въ корзинку, не читая! Я навѣрно знаю что перловъ тамъ вѣтъ и быть не можетъ... Если же изъ сотни мелочешекъ я одну сносную заимствую, такъ развѣ она вознаградитъ меня за то потерянное время пока я читалъ девяносто девять бумаженокъ годныхъ только для корзинки... Таланты въ провинціи! Скажите!.. Да съ чего имъ быть тамъ? вы скажите, ну скажите: кой чортъ занесетъ талантъ въ Чебоксары или въ Ковотопъ? Совсѣмъ не та почва!..

Онъ выпучилъ глаза и ужасно посмотрѣлъ черезъ очки на собесѣдника, словно вызывая его на какое-нибудь утвердительное и поощрительное междометіе. Но Ракитинъ разсѣянно взглянулъ на него и уставился опять на шершавый затылокъ какого-то чахоточнаго господина, бывшаго за соседнимъ столомъ пожарскія котлеты. Онъ такъ давно отсталъ ото всей этой сутолоки журнальнаго міра что она вовсе его не интересовала. Онъ думалъ о чемъ-то совсѣмъ другомъ, и если не хотѣлъ прервать kloкочущаго потока рѣчей Веркутова, то должно-быть изъ лѣни: его утомилъ и громъ поѣзда, и оркестръ, и толпа, и лѣвіе.

— Всѣ такъ дѣлають, всѣ! клятилса тотъ.—Покойный Некрасовъ мою собственною, мою собственною рукописью форточку затыкалъ, да-съ! А ужъ если онъ такъ дѣлаалъ,

намъ и Богъ велѣлъ. Да что мы, наконецъ, каторжные что-ли? Вѣдь если намъ читать, перечитывать да отвѣчать на всѣ письма,—министерство придется цѣлое учреждать при каждой редакціи. Надо, батенька, знать какъ дѣло поставлено, а потомъ обвинять насъ. А надувательства, мошенничества, выдаванье чужихъ произведеній за свои? Ну что тутъ говорить о провинціи, когда своихъ собственныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ оласаешься: продадутъ, подлецы, зъ грошъ... Вѣдь это все шушера такая...

— Зачѣмъ же вы ихъ принимаете? спросилъ Ракитинъ, росомъ: скакая клубы дыма и продолжая смотрѣть мимо. о же? изъ

Веркутовъ развелъ руками. ть ихъ

— Люди съ дарованіемъ, батенька,—они нужны! Все голю, рады примазаться ко всякой дряни въ клубѣ чтобы и да ужиномъ накормили, да двѣ, три бутылочки поставили. какъ его къ себѣ не лустись когда у него всегда цѣлый к: робъ новѣйшихъ скандаловъ? И онъ живетъ этимъ, и я живу, онъ меня кормить, а за это я его кормлю. Это водовозная клячи: безъ нихъ нельзя жить, и ѣздить на нихъ надо, и бить для острастки, и прикармливать...

Ракитинъ на этотъ разъ подвѣлъ на него глаза.

— Какъ „бить“?

Веркутовъ точно нѣсколько сконфузился.

— Вы не подумайте, Адрианъ Федоровичъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ... что я ихъ когда-нибудь... Но вѣдь каждый изъ нихъ непремѣнно битый. Кто-нибудь, да когда-нибудь побилъ ихъ... Я ужъ удостовѣряю васъ въ этомъ какъ отвѣтственный редакторъ...

Господивъ за сосѣднимъ столомъ сердито постуцалъ ножомъ по стакану и, сердито глядя на подбѣгавшаго и согнувшягося „человѣка“, еще болѣе сердито спросилъ себѣ чаю съ лимономъ. „Съ лимономъ“ онъ сказалъ такъ строго и такъ сдвинувъ брови что лакей даже слоткнулся, олрометью бросившись къ двери.

— Вѣдь этой шушеры въ прежнее ваше время не бывало, продолжалъ отвѣтственный редакторъ. — Она завелась вотъ за послѣднее время при развитіи журналистики. Это совсѣмъ новые типы. Многіе изъ нихъ, особенно изъ лотовъ, чортъ знаетъ что такое: не то неудавшійся актеръ, не то подмастерье фотографа... Я ихъ къ себѣ въ кабинетъ и не пускаю. Расписывается тамъ у секретаря, получаетъ деньги...

Вѣдь кто ихъ разберетъ, можетъ и стащить что-нибудь... хотъ журналъ или книжку... словно по ошибкѣ ладью свое пере-мѣнить: у него на бѣлчьемъ мѣху, а онъ бобровую, да ено-товую шубу тащить чтобы хотя день въ порядочномъ платьѣ походить...

— Послушайте, а какъ ея фамилія? внезапно спросилъ Ракинъ.

— Чья? нѣсколько опѣшилъ редакторъ.

— Этой лѣвицы, сегодняшней дебютантки?

— А-а!.. Эрде.

— Она Нѣмка?

— Чисто русская. Ея фамилія просто Дементьева, а зовутъ Раисой. Инициалы ея Р. Д., ну и вышелъ псевдонимъ Эрде.

— Вы, кажется, знаете ее?

— Знаю, она зимой въ залѣ Кононова лѣла.

— Она не замужняя?

— Нѣтъ, дѣвочка совсѣмъ. Она съ отцомъ живетъ. Тем-ненькая личность, какой-то отставной учитель танцованія.

— Она премилая. Въ глазахъ огонекъ, жизнь...

— Эге, прицѣлкнулъ языкомъ редакторъ, — вы еще не угомонились... Хотите познакомя? Выльемте только еще джинджеру.

Ракинъ какъ-то неопредѣленно тряхнулъ волосами. Веркутовъ подозвалъ лакея и велѣлъ налить еще по рюмкѣ. Тотъ осторожно наклонилъ бѣлый кувшинчикъ съ пестрымъ этикетомъ и сталъ цѣдить густую, какъ масло, золотистую жидкость. Ракинъ давно не пилъ и чувствовалъ что выпилъ много. Окружающіе предметы какъ-то странно рябили въ глазахъ, ощущение отъ сигары было какое-то новое, на улицѣ колеса шумѣли тоже совсѣмъ по новому, не такъ какъ всегда, даже у редактора лицо сдѣлалось совсѣмъ другое.

— Серіозно: она васъ интересуеть? спросилъ Веркутовъ.

— Да, отвѣтилъ Ракинъ, прямо смотря ему въ глаза, — и даже очень...

— Вы не жеваты?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Если вздумаете ухаживать, такъ поосторожнѣе: отецъ какъ разъ женить, это такая шельма.

— Да я ухаживать и не намѣренъ.



— Ну и ладно!.. А знаете съ этимъ джинджеромъ хорошо бы миндальнаго пирожнаго, а? Человѣкъ, миндальнаго пирожнаго, живо!

Тотъ сверкнулъ фалдочками, звякнулъ балконною дверью и торопливо пробѣжалъ къ буфету. Шершавый господинъ всталъ изъ-за стола, грозно кивнулъ головою лакею и направился было къ выходу, да вдругъ замѣтилъ Веркутова. Лицо его мгновенно ослабилось и отъ глазъ во все стороны пошли сборки, словно съ боковъ носа у него были стягивающія тесемки. Онъ подошелъ и протянулъ редактору руку.

— Тралезуете? спросилъ онъ, радостно хихикая.

— Тралезую, отвѣтилъ Веркутовъ, даже не привставъ.

— Вѣрно съ открытiя?

— Съ открытiя.

— Чтò же тамъ было?

— Открытiе.

Тотъ собралъ сборки, хихикнулъ и шлепнулъ редактора по плечу.

— Шутникъ! сказалъ онъ, помялся на мѣстѣ, посмотрѣлъ на Ракитина, внезапно вытащилъ изъ кармана часы съ дыркой на верхней доскѣ, посмотрѣлъ на нихъ, забеспокоился и сталъ прощаться.

— Вотъ вамъ тоже сотрудникъ и вдобавокъ фельетонистъ въ одной большой газетѣ, проговорилъ Веркутовъ когда тотъ скрылся за дверью.—Смотрите какой общипанный, а между тѣмъ какъ все его боятся, какъ за нимъ ухаживаютъ! Въдаль онъ на открытiе волжскаго моста корреспондентомъ, такъ ему чуть не отдѣльный лошадъ на желѣзныхъ дорогахъ отводили. Боятся ужасно всякихъ обличенiй... Не выношу этихъ пошлостей! Я самъ всегда ѣду по желѣзнымъ дорогамъ цвкогнато.

Онъ это сказалъ такъ просто и искренне какъ могъ сказать развѣ императоръ путешествующiй подъ чужимъ именемъ.

— И знаете чтò смѣшно, продолжалъ онъ,—вѣдь онъ тщательно скрываетъ что работаетъ въ моемъ изданiи. Больше того, если вы со стороны начнете выспрашивать: а что, молъ, вы работаете у Веркутова, онъ трижды отречется отъ меня. А вотъ деньги беретъ, не отрекается.

Ракитинъ погасилъ докуренную сигару. Ему лѣнь было встать съ мѣста и въ то же время хотѣлось поскорѣе добраться



де постели. Еслибы можно было лечь вотъ здѣсь на балконѣ, на открытомъ воздухѣ, онъ бы съ радостью это сдѣлалъ и тотчасъ же заснулъ бы въ этомъ утреннемъ холодкѣ подъ грохотъ катившихся экилажей.

— Когда же вы меня съ ней познакомите? спросилъ онъ, пересидившая дремоту.

— Да если хотите, завтра.

— Завтра? гдѣ?

— Она будетъ у меня.

Ракитинъ поморщился. Не то чтобъ ему не хотѣлось зайти къ Веркутову, а просто ему не нравилась мысль: съ какой стати милая розовая дѣвочка поѣдетъ къ этому козлу что сидитъ тутъ смакуя ликеръ и тряся бороденкой?

— Она обѣщала быть у васъ?

— Да. Отецъ хотѣлъ ее прислать, благодарить меня.

— За что?

— За то что былъ на дебютѣ, обѣщавъ похвалить ее.

— Да за что же тутъ благодарить?

Веркутовъ пожалъ плечами.

— Такъ всегда дѣлается; эту моду они съ французскихъ актрисъ взяли которая всегда благодарятъ рецензентовъ. Это гауло, но до известной степени располагаетъ къ актрисѣ.

— Даже къ плохой?

— Даже къ плохой. Ну, обойдешь ее въ рецензiи, скажешь вообще объ исполненiи; развѣ ужъ ошибаются если со скандаломъ, такъ замѣтишь что артистка мѣстами провела роль неровно... Нельзя, батенька, въ нашемъ журнальномъ механизмѣ такъ все одно за другое и дѣлается: другъ безъ друга не проживешь.

— Въ которомъ же часу къ вамъ заходить?

— Приходите къ завтраку. Можетъ-быть и она подослѣтъ къ этому времени. Тамъ и познакомитесь. Только второя, ухаживать не совѣтую.

Ракитинъ всталъ, подошелъ къ периламъ балкона, перегнулся и посмотрѣлъ вѣво, вдоль улицы. Вытянутый словно по стрункѣ Невскiй замиралъ предъ утромъ. Недвижимыя фиолетовыя громады домовъ знакомою проспективной убѣгали на сѣверозаладъ, туда, къ этому розовому фону неба, на которомъ призрачнымъ силуэтомъ рисовался тонкiй шпиль Адмиралтейства. Даже городовые ушли съ перекрестка, Литейной и Владимiрской, спать куда-нибудь на тумбу подъ ворота.

— Не пора ли? спросилъ онъ своего собесѣдника.

— Да пожалуй пора, согласился тотъ и велѣлъ подать счетъ.— Вы не находите что джиджеръ отрезвляетъ? спросилъ Веркутовъ.

— Не нахожу, отвѣтилъ Ракитинъ, чувствуя что его языкъ поворачивается далеко не съ такою свободой какъ всегда.

— Положительно отрезвляетъ, подтвердилъ Веркутовъ и взявъ по ошибкѣ вмѣсто своей его шляпу, но тотчасъ же замѣтилъ и перемѣнился.

## II.

Когда Ракитинъ, раздѣвшись, легъ въ постель и закрылъ глаза, предъ нимъ вдругъ выступила опять загородная сцена, съ красными подборами занавѣсей и лестною обстановкой. Въ ухахъ опять раздался мотивъ оперетки съ такимъ яснымъ, отчетливымъ пидиканьемъ скрилокъ и густыми хрюканьями контрбаса. Опять залѣлъ нарумяженный, освѣщенный рампой хоръ, и опять она, какъ живая, явилась предъ нимъ.

Это была дѣвушка лѣтъ восемнадцати, со слегка вздернутымъ носикомъ, блѣдненькая, съ черными роскошными волосами и глазками словно угли сверкавшими изъ-подъ бровей. Она такъ просто, мило, немножко робѣя, вышла въ своемъ блестящемъ костюмѣ. Ей начали аплодировать. Особенно хлопалъ изъ боковой ложи слѣва какой-то морякъ въ бѣлой фуражкѣ, онъ даже за барьеръ перегибался. Она слегка улыбалась и кланялась, да не головой, а какъ дѣти всѣмъ корпусомъ, и это удивительно мило выходило. Потомъ она залѣла. Голосокъ у нея былъ звонкій, плохо поставленный, но сильный. Она брала больше манерой и наивностью. Когда она, окончивъ, перешла на разговорную рѣчь, вышло еще милѣе. Она такъ непринужденно, такъ просто и такъ граціозно говорила, точно она не первый день была на подмосткахъ, а всю свою жизнь такъ болтала, въ этой мишурѣ, съ подведенными бровями. Въ ней было что-то свѣжее, непечатое. Ракитинъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ что ему на душу вѣетъ весной, такою мягкой, душистою. Самыя далекія, забытыя впечатлѣнія вдругъ поднялись откуда-то и свѣтлыми тѣнями заносились вокругъ него... Только зачѣмъ она завтра поѣдетъ въ эту пошлую редакционную трущобу? Какое отношеніе можетъ имѣть эта миленькая, маленькая дѣвочка къ площадной печати? Неужели и она должна гнаться, подличать предъ ней?

Эти мысли его возмущали. Нервное сердцебиение мѣшало ему спать. Онъ повертывался, качаясь въ металлической стѣлкѣ своей кровати. Въ головѣ все путалось. Соображенія что онъ завтра ее увидитъ очень утѣшали его, хотя онъ положительно не могъ понять зачѣмъ ему, отживающему и сѣдому, нужно это знакомство.

Онъ заснулъ на какомъ-то очень важномъ соображеніи, какомъ—онъ совершенно забылъ проснувшись на другой день. Но онъ одѣвался съ радостнымъ сознаниемъ что сегодня будетъ что-то хорошее, сѣренькая полоса жизни прервется чѣмъ-то новымъ, и это новое наступитъ, когда онъ увидитъ маленькую розовую дѣвочку. Онъ машинально выпилъ кофе, машинально прочелъ всѣ газеты что нашлись въ газетномъ ящикѣ между дверей, и также машинально вышелъ на улицу.

Редакція помѣщалась неподалеку отъ него. Контрощикъ, молодой человѣкъ, предложилъ ему раздѣться въ прихожей и не безъ любольстия прослѣдилъ процессъ сниманія пальто безъ посторонней помощи.

— Тамъ никого нѣтъ? спросилъ Ракитинъ, кивая головой на дверь.

— Аеровъ тамъ, отвѣтилъ контрощикъ, хотя Ракитинъ не зналъ никакого Аерова.

— А туда можно? спросилъ онъ.

— Можно, туда всѣхъ пускаютъ.

Онъ вошелъ въ редакціонную комнату, обставленную быть-можетъ нѣсколько роскошно для редакціи, съ большимъ аквариумъ у окна, люстрой и коврами. У письменнаго стола рыночной работы сидѣлъ Веркутовъ, противъ него помѣщался кудлатый господинъ въ клетчатомъ шарфѣ и нечищеныхъ сапогахъ. Веркутовъ вскочилъ съ мѣста и скорчилъ обрадованное лицо:

— Ну вот! сказалъ онъ.—Исполнили обѣщаніе.

Онъ посмотрѣлъ Ракитину прямо въ глаза, и глаза его говорили: „а актриска-то тебя щипнула; небось я не знаю что ты не для меня сюда пріѣхалъ...“

— Садитесь, предложилъ онъ, указывая на кресло и садясь на свой стулъ предъ столомъ.

Ракитинъ вопросительно глянулъ на гостя: кто бъ это могъ быть—метранлажъ изъ типографіи или сотрудникъ?

— Это господинъ Аеровъ, помогъ его недоумѣнью Веркутовъ,—одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ сотрудниковъ о которыхъ я вамъ вчера такъ много говорилъ.

Аеровъ протянулъ руку съ чернильнымъ пятномъ на указательномъ пальцѣ и лопаркалъ ногами подъ стуломъ.

— Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ сотрудниковъ, повторилъ редакторъ, и легкая доза насмѣшечки зазвучала въ его тонъ:—пишетъ прекрасные стихи—на всѣ случаи. Банкъ долаетъ, адвокатъ провретъ, лѣсосу ошибаются, ужъ онъ на другой день и несетъ сташки.

„Талантливый сотрудникъ“ строго посмотрѣлъ на него и попросилъ палироску.

— Вчера пришла телеграмма что на Гнилошпальной дорогѣ поѣздъ погибъ, изъ пассажировъ уцѣлѣлъ между прочимъ директоръ правленія этой дороги. У Аерова сегодня ужъ и готово, послушайте какъ мило:

*На провалѣ Гнилошпальной дороги.*

Поѣздъ съ насыпи свалился,  
Кучи, груды мертвыхъ тѣлъ!  
Льшь директоръ ухитрился,  
Уцѣлѣть одинъ сумѣлъ...  
И провалъ безъ сожалѣнья  
Поглотилъ честной народъ...  
Ахъ, директоръ правленья  
И провалъ-то не беретъ!..

— Не правда ли мило?

Ракитинъ похвалилъ.

— У васъ Талалаевъ былъ? внезапно спросилъ Аеровъ.

— Нѣтъ, да я его не знаю.

— Ну такъ прїѣдетъ.

— Зачѣмъ?

Аеровъ мрачно стяхнулъ пепель.

— Онъ всюду ѣздитъ съ палкой... бить хочетъ.

— Кого?

— Редакторовъ.

Веркутовъ какъ-то повелъ плечами.

— За что?

— На него ласквилъ готовится... то-есть не ласквилъ...

Что-то про него, біографію что-ли, печатаютъ... про него и его жену...

Аеровъ замигалъ и сталъ затягиваться...

— Да не тяните вы за душу, торопиль его редакторъ.

— Онъ не знаетъ гдѣ „это“ появится... ну и вздѣть теперь по всѣмъ редакціямъ просить чтобы не печатали...

Веркутовъ вдругъ покатился со смѣху и даже по лямкамъ себя отъ удовольствія захлопалъ.

— Каковы нравы, другъ Гораціо? обратился онъ къ Ракитину.

— Кое-гдѣ редакторы дѣйствуютъ успѣшно, продолжалъ Аеровъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ.

Веркутовъ сразу стихъ, задумался и потеръ лобъ.

— Хорошо что вы мнѣ сказали, сквозь зубы проговорилъ онъ, и сощурившись посмотрѣлъ на него:—вы не хотите ли черкнуть слова два? прибавилъ онъ.

Аеровъ ткнулъ палпиросу въ лелельницу, быстро всталъ и словно про себя сказалъ: „потомъ сочтемся“...

— Пройдите въ контору, тамъ спросите бумаги и черн или вмѣсто отвѣта сказалъ Веркутовъ.—Отца роднаго Жиду заложить и подѣ квитанцію денегъ займетъ, прибавилъ онъ: когда дверь за Аеровымъ затворилась.

— Какой это Талалаевъ? полюбопытствовалъ Ракинъ.

— Бывшій конногвардеецъ, теперь въ отставкѣ, извѣстный богачъ.

— Такъ за что же на него ласквилъ?

— Богаты! рѣшилъ Веркутовъ и, позвонивъ въ колокольчикъ, освѣдомился, поданъ ли завтракъ.—Пойдемте заморить чѣрвячка, какъ разъ время.

### III.

Собственникъ того изданія гдѣ Веркутовъ состоялъ редакторомъ, Жидъ Блюменфестъ былъ въ это время съ семействомъ за границей, и безъ него Веркутовъ распоряжался какъ дома, обѣдая и завтракая въ заднихъ комнатахъ, непосредственно прилежавшихъ къ конторѣ. Небольшой круглый столикъ былъ покрытъ поверхъ джутовой скатерти салфеткой съ горчичными пятнами. По стѣнамъ висѣли какія-то голыя дамы въ самыхъ отчаянныхъ ракурсахъ и съ невозможными ладвеями. Въ углу крякалъ попугай въ огромной клеткѣ. На кровшпейнахъ обнимались нимфы и сатиры. Ракинъ отказался отъ водки, сказавъ что онъ до обѣда не пьетъ никогда.

— Ну, рябиновой, серьезно трясъ головой предложилъ редакторъ,—или оранжъ-амерь? Ну, хотя нюи?..

Онъ налилъ ему стакавъ бургонскаго и принялся за дылаенка.

— Должно-быть барышня сейчасъ прѣдетъ, сказалъ онъ.— Она сегодня всѣ редакціи объѣзжаетъ. Такое появленіе своего рода праздникъ. Хорошенькая женщина въ журнальномъ департаментѣ, это ужасная аномалія...

Онъ съ ожесточеніемъ перегрызалъ кости, такъ что полу-гай каждый разъ вздрагивалъ и однажды даже присвистнулъ.

— Вы кажется не совсѣмъ ясно поняли что мы говорили о Талалаевѣ? спросилъ Веркутовъ.—Очень просто: дуракъ этотъ ѣздитъ по редакціямъ потому что надъ нимъ подшутилъ какой-нибудь пріятель, написалъ ему анонимное письмо: вотъ, молъ, тебя обличать хотятъ. Понятно, онъ готовъ тысячу заллатить чтобы только не напечатали. Глядишь, рубашекъ триста и въ карманѣ.

— Зачѣмъ же ему ѣздитъ по разнымъ конторамъ если ужъ онъ въ одномъ мѣстѣ заллатилъ и услокопился?

— А кто ему поручится что редакторъ не передастъ статью въ другой органъ?

— Да вѣдь это омутъ какой-то! неволью вырвалось у Ракина.

— Омутъ, спокойно подтвердилъ Веркутовъ, наливая себѣ нюи и держа бутылку двумя пальцами чтобы не запачкать горлышко масломъ.—Эхъ, батенька, наша рыночная пресса, вѣдь это не толстый журналъ... Дневи довлѣетъ злоба его...

„Говорарь хочешь?“ ни съ того ни съ сего спросилъ полугай и, подумавъ, прибавилъ: „миленькій, почеси головку, ну, ну поскорѣй!“

— Вы отъ насъ отстали, проживая за границей, а вы плавайте въ нашей тинѣ. Чукчи, батенька, Чукчи. Ужъ кажется ихъ-то бы, людей печатнаго слова, и долженъ бы свѣтъ коснуться, а между тѣмъ...

Изъ-за двери выглянулъ конторщикъ.

— Спрашиваютъ васъ, проговорилъ онъ, протягивая карточку.

Веркутовъ глянулъ на билетикъ, и лицо его просіяло.

— Просите, просите, крикнулъ онъ.—Я двери настежъ растворю, любуйтесь, сказалъ онъ Ракину:—это Талалаевъ.

„Кто бъ это могъ быть!“ протяжно и задумчиво замѣтилъ полка.

Талалаевъ былъ розоватый, лухлый, добродушнѣйшій человекъ, съ круглымъ, какъ маленькая картофелина носикомъ и

залавышими жиромъ глазами. Ему было очень жарко, и онъ пыхтѣлъ какъ паровикъ.

— Вы редакторъ? Я по дѣлу очень важному и серіозному, заговорилъ онъ такъ скоро что всѣ три фразы сумѣлъ сказать какъ-то одновременно...

— Присядьте, отвѣтилъ Веркутовъ, и сѣлъ такъ что Талалаевъ остался совсѣмъ на виду у Ракитина, въ отворенную дверь.

Талалаевъ вытеръ платкомъ мокрое лицо и закачался всѣмъ корпусомъ на диванѣ.

— Вы знаете меня? внезапно спросилъ онъ.

— Слыхаль-съ...

— Ну, такъ вотъ я...

Онъ залнулъ.—Вдругъ говорить что вы... то-есть не вы, а вообще... будто хотите про меня и жену печатать.. про мою жену... печатать.

— То-есть что же именно?

Талалаевъ нѣсколько затруднился, подыскивая выраженіе. Онъ покраснѣлъ еще больше. Потъ крупными смородинами усыпалъ его лицо.

— Да вообще... Что вотъ я... жена... и больше ничего.

— Изволите видѣть, господинъ Талалаевъ, заговорилъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ Веркутовъ,—мы если печатаемъ про кого-нибудь, такъ не иначе какъ про людей дѣйствительно выдающихся изъ общаго уровня посредственности, про людей такъ-сказать талантливыхъ или хоть чѣмъ-нибудь себя заявившихъ... А вѣдь согласитесь сами: ни вы, ни ваша супруга...

— Да, да, обрадовался Талалаевъ,—я то же говорилъ! Я говорю: „мы съ тобой, Катя, что же“! она не вѣрить, говорить: „непремѣнно напечатаютъ—все! какъ мы прежде, какъ мы теперь, все“... И у меня источники есть, и даже достовѣрные, что именно вы хотите это напечатать...

— Какія же у васъ данныя?

— Да ужъ есть.

Талалаевъ очевидно вралъ: никакихъ данныхъ у него не было, онъ говорилъ на удачу.

— Голубчикъ, не печатайте... Если нужно: я все что вамъ угодно... ну... я... я...

„Гонораръ хочешь?!“ крикнулъ полугай, и такъ громко что Талалаевъ даже спросилъ:—кто это?..

Веркутовъ вдругъ понизилъ голосъ до полупшепота и придвинулся близко-близко къ Талалаеву.

Ракитинъ только руками развелъ и еще разъ повторилъ: — Чукчи, Чукчи!

Разговоръ продолжался довольно долго. Попугай разъ пять предлагалъ почесать у него головку. На улицѣ звонили колокольчики трамвая, солнце теплыми золотыми лучами било чрезъ окно на паркетъ, зацѣпляя по дорогѣ уголъ зеленого бархатнаго стула. Ракитину было какъ-то не по себѣ, да ему все это время какъ-то не по себѣ чувствовалось. Какая-то неувѣренность въ чемъ-то, отсутствіе почвы подъ ногами. Онъ совсѣмъ забросилъ службу, на которую, впрочемъ, и безъ того онъ являлся очень рѣдко; такъ противно тянулася строго-систематическій день, все надоѣло: и обѣды въ ресторанахъ, и обѣды у знакомыхъ. Онъ хотѣлъ ѣхать за границу, лѣнь ему было, да и не зачѣмъ, все имъ въ Европѣ давно видано и перевидало. Ему хотѣлось какихъ-нибудь новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній, и негдѣ было ихъ искать, не отъ кого ждать... Онъ именно хотѣлъ познакомиться съ этою актриской, потому что она ему нравилась, потому что ему казалось что она быть-можетъ хоть на мгновеніе вырветъ его изъ этой апатіи.

Онъ лѣниво потягивался въ креслахъ и даже досадовалъ, зачѣмъ ему было пріѣзжать въ эту труппу. Егѣ бѣсилъ сѣрый попугай и полупшепотъ въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ, схватился за шляпу и въ это время увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ входившую Эрде. Онъ швырнулъ шляпу и почувствовалъ что очень хорошо сдѣлалъ оставшись.

Талалаевъ расшаркался и уѣхалъ. Веркутовъ представилъ ей Ракитана. Вблизи она была очень хорошенькая, такая свѣженькая, молоденькая, душистая. Верхняя часть ея лица была въ полутьни отъ широкополой соломенной шляпы, можетъ-быть слухомъ модной для такой молодой дѣвушки. Глаза не сверкали какъ вчера искрами, а сіяли такимъ ровнымъ, лучистымъ свѣтомъ. Она конфузилась что пріѣхала одна и все озиралась по сторонамъ.

— Меня палочка прислала, онъ велѣлъ чтобъ я васъ... начала она, да вдругъ поправились:—я хотѣла заѣхать, поблагодарить васъ за вашу рецензію... что вы напишете... Вы такъ хорошо отзывались вчера обо мнѣ.

— Да кто же можетъ про васъ дурно отзываться, возразилъ



Веркутовъ,—про хорошенькихъ, молоденькихъ актрисъ ни одинъ рецензентъ дурно не отзовется.

Она вдругъ вспыхнула, кровь горячими потоками залила ей щеки.

— Неужели же я такая бездарность? сказала она, и слезы зазвенѣли въ ея голосѣ.

— Сохрани Богъ! воскликнулъ редакторъ, дотя ея руку и цѣлуя.—Да вѣдь вы же, наконецъ, знаете мое мнѣнiе о васъ. Въ васъ проласть таланта, бездна. Я увѣренъ что современемъ вы будете украшенiемъ нашей казенной сцены. Вотъ здѣсь, онъ показалъ на Ракутина,—сидитъ вашъ поклонникъ: онъ тоже въ восторгѣ отъ вашей игры и вашего голоса.

Она потупилась. Ракутинъ ласково посмотрѣлъ на нее.

— Вы мнѣ ужасно понравились, подтвердилъ онъ.—Въ васъ столько жизни и простоты.

Она покраснѣла еще больше.

— Я театральныи сторожилъ, подтвердилъ Веркутовъ,—и я не заломлю такого колоссальнаго успѣха при дебютѣ. И одно, одно единственное мнѣнiе у всѣхъ...

— Ахъ, ко мнѣ очень снисходительны, очень, совсѣмъ лодѣтски сказала она.—Вы прiѣдете въ воскресенье на второй мой дебютъ? И вы тоже?

Ракутинъ сказалъ что прiѣдетъ, и все смотрѣлъ на ея маленькое розовое ушко безъ серьги, что мягко круглилось между крутившихся прядей волосъ.

— Что вашъ пала дѣлаетъ? полюболытствовалъ Веркутовъ.

— Палочка? Да ничего, какъ всегда. Ахъ, какъ онъ боился за мой вчерашнiй дебютъ! Онъ очень добрый. Въ воскресенье опять будетъ для него мука. А какъ страшно выходить на большой сценѣ!.. Я вчера три раза предъ спектаклемъ плакала... Предъ самымъ выходомъ никакъ не могу вспомнить первыхъ выходныхъ словъ. Режиссеръ меня толкаетъ: „выходите“,—а я боюсь. Ужасъ что такое!.. Вотъ теперь при одной мысли меня бьетъ лихорадка.

— Не хотите ли нюи? внезапно предложилъ редакторъ.

— Что вы, что вы! законфузилась она.—Я не пью вина. Да я къ вамъ на минутку, мнѣ пора.

— Посидите, куда вы...

— Нѣтъ... я вотъ вамъ привезла билетъ.

Она вынула изъ крохотнаго портмоне синенькую бумажку, сложенную вчетверо.— Вы ужъ будьте добры прiѣхать: это крайнее кресло.

— Непремѣнно, непремѣнно. Ну что, скажите, антрепренеръ вашъ?

— Ахъ, все тотъ же.

И она вдругъ разказала про антрепренера анекдотъ весьма двусмысленнаго свойства, но разказала съ такимъ невиннымъ, дѣтскимъ видомъ что вышло даже мило. Да и самое лучшее что въ ней было, это какаѣ-то дѣтская чистота. Грѣхъ не могъ коснуться ея: она казалась вся была соткана изъ этой чистоты и свѣжести...

Ракитинъ воротился домой подъ страннымъ впечатлѣніемъ. Давно ужъ этого съ нимъ не было. Онъ видѣлъ второй разъ эту дѣвочку. Ничего умнаго, выдающагося она не сказала, а между тѣмъ въ ней было что-то такое что заставляло о ней думать и думать постоянно. Чѣмъ-то милымъ, давно отжитымъ пахнуло. Молодая, горячія грезы растутъ и крѣпнуть. Глаза застилаются словно дымкой, на лобъ надвигаются складки, и дышется какъ-то чаще, порывистѣе, чѣмъ всегда. Комната окрасилась радужнымъ цвѣтомъ, и блескъ его такъ и остался. Волшебный фонарь, невѣдомо какой и откуда, навелъ свои узорныя тѣни всюду куда ни упадалъ его взглядъ. И такъ хорошо, хорошо стало...

Онъ страдалъ полнымъ сознаниемъ одиночества, тѣмъ сознаниемъ которое охватываетъ человѣка привыкшаго съ дѣтства къ семейной жизни и осужденнаго на одинокую старость. Точно онъ брошенъ, забытъ всѣми. Гдѣ, куда дѣвались тѣ люди что составляли когда-то жизнь его, радости, горе? Ихъ словно вѣтеръ разсѣялъ. Нѣтъ ихъ, и такъ пусто, такъ пусто вокругъ. Онъ рвался куда-то, къ какому-то свѣту, къ какому-то выходу. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Эрде, ему показалось что-то похожее на проблескъ вдали. Онъ отлично сознавалъ что ничего особеннаго въ ней нѣтъ: она не особенно хороша, вѣроятно не умна и ужъ конечно лишена всякаго образованія. И все-таки, несмотря на эту логику, его манило, влекло къ ней...

Онъ поѣхалъ на ея второй дебютъ. Въ душномъ театрѣ было очень гадко; послѣ лѣтнаго прозрачнаго вечерняго свѣта невыносимо скверно чадила керосиновая рампа. Оставалось удивляться, какъ могла сойтись эта разномастная толпа въ этотъ баракъ чтобы дышать воздухомъ пропитаннымъ углекислотою и колотью, вмѣсто того чтобы гулять въ душистомъ паркѣ. Вздвиганье скрипокъ и

красная кольчавшаяся занавѣсь могли быть милы развѣ однимъ завсегдагаимъ оперетки, которые, вытянувъ непомерно воротнички, стояли у барьера перваго яруса, громко разговаривая и посматривая въ ложи подмалеванныхъ барынь выставившихъ себя на выставку. Публика входила довольно лѣнливо, словно дѣлала кому одолженіе своимъ присутствіемъ. Кривоногий капельдинеръ нахально отрывалъ уголки билетовъ. „Ну, я пріѣхалъ потому что она мнѣ нравится, думалъ Ракинъ,—а этотъ весь сбродъ здѣсь зачѣмъ?“

Онъ терпѣливо поворачивалъ голову направо и налево. Маленькій, сѣденькій старичекъ, редакторъ большой политической газеты, прошелъ во второй рядъ и тотчасъ заговорилъ съ полковникомъ, который, мило ослабившись, наклонился къ нему съ высоты гренадерскаго роста. Извѣстная драматическая ingénue помѣстилась въ ложѣ съ какимъ-то солиднымъ господиномъ, обладателемъ непомерно усовъ. Мохнатый капельмейстеръ вертѣлся на стулѣ и поглядывалъ на лублику. Впечатлѣніе давалось не то клуба, не то балагана, не то какого-то провинціального захолустья. Во всякомъ случаѣ всѣмъ было очень скучно, всѣ чего-то ждали, что ихъ можетъ развеселить, только ужь отнюдь не той оперетки которую собрались слушать.

Сотрудникъ въ клятчатомъ шарфѣ подошелъ къ Ракину почему-то въ резиновыхъ калошахъ, хотя погода была совершенно сухая.

— А я не зналъ что вы любитель Буфа, сказалъ онъ, хотя рѣшительно не могъ знать и противнаго.—Скажите, чѣмъ вчера кончилась исторія съ Талалаевымъ?

— А право не знаю, отвѣтилъ Ракинъ.

— Я думаю, Веркутовъ сорвалъ шерсти клокъъ, такъ и надо съ паршивыхъ собакъ. Это коровы дойныя: кто можетъ тотъ и дои, и дои ихъ.

— Что онъ вамъ сдѣлалъ? За что вы на него такъ озлоблены?

— На Талалаева? Капиталистъ—брюхачъ! Всѣхъ бы ихъ, собачьихъ дѣтей, въ бараній рогъ!

Ракинъ оглянулся, ему очень не нравилась жаргонъ собесѣдника, особенно здѣсь, въ театрѣ.

— А еслибы вы случайно сдѣлались капиталистомъ, такъ и васъ туда же?

„Сотрудникъ“ изумленно посмотрѣлъ на него.

— Да откуда же мнѣ сдѣлаться капиталистомъ, что вы бредите! возразилъ онъ, и мягко ступая калошами, отошелъ куда-то въ сторону.

Въ антрактѣ Веркутовъ дотронулся до плеча Ракитина.

— Пойдемте къ „палочкѣ“.

У выхода изъ театра въ садъ ихъ дожидался старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, гладко бритый, съ улыбающимся ртомъ и двумя черными зубами любознательно выглядывавшими отсюда. Глаза у него были сѣренькіе, масляные. Ходилъ онъ приятно пошаркивая и изгибаясь, какъ въ старину ходили въ контрадансѣ. Отъ него сильно пахло камфорой: должно-быть сюртукъ его висѣлъ гдѣ-нибудь въ шкалу тщательно залакованномъ отъ моли. Онъ совсѣмъ распылся отъ восторга когда его представили Ракитину.

— Очень, очень радъ знакомству, какимъ-то ноновымъ голосомъ заговорилъ онъ, въ родѣ того какъ говорятъ заславшіеся, только что проснушіеся люди. Моя дочь должна считать за честь... Вотъ господинъ Веркутовъ былъ настолько благосклоненъ что соблаговолилъ отозваться сегодня о моей дочери въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ...

Онъ все шаркалъ и даже немного присѣдалъ.—Я такъ забочусь, такъ, знаете, принимаю къ сердцу ея карьеру. Вѣдь кромѣ ея у меня никого нѣтъ.

Онъ вынулъ платокъ и собирался залакать, но это у него не вышло, и онъ вмѣсто этого высморкался.

— И вдругъ сегодня въ газетѣ такой по-охвальный отзывъ господина Веркутова. Я былъ тронуть, тронуть до глубины души.

Онъ поймалъ руку Веркутова и сталъ съ остервененіемъ ее трясти, схвата въ обѣ ладони. Веркутовъ принималъ это какъ должную дань и даже не улыбааясь...

— Я это цѣню, я самъ былъ артистомъ, продолжалъ „палочка“, серьезно закрывъ глаза и покачивая головой:—двадцать лѣтъ слишкомъ прослужилъ на императорской сценѣ. Я знаю что значить рецензія, я ее цѣню.

Онъ еще разъ дернулъ Веркутова за руку и перемѣнилъ тонъ.

— Вамъ не угодно ли заглянуть въ уборную къ Раисыкѣ? Вы ей не помѣшаете, она въ этомъ антрактѣ не переодѣвается.

Онъ повелъ Ракитина и редактора полутемными сѣнами и какими-то закоулками на сцену. На лицѣ его была нали-

сана свисходительная радость, точно гувернеръ дѣтямъ соби-  
рался показать фокусъ. Предъ желтенькою досчатою дверью  
онъ остановился, стукнулъ въ нее два раза сухою костяш-  
кой указательнаго пальца и прислушался.

— Entrez! раздался чей-то басъ.

Въ маленькой уборной, наломившей стойло, предъ  
складнымъ зеркаломъ, вокругъ котораго на столѣ разложены  
были принадлежности гримировки въ стеклянныхъ баночкахъ  
съ мельхиоровыми крышками, стояла въ розовенькомъ ко-  
ротенькомъ платицѣ Рая. Тугой корсажикъ стянулъ до невя-  
зя ея маленькую гибкую талию, изъ-подъ юпочки выгляды-  
вали двѣ крошечныя ноги въ ажурныхъ чулкахъ. Она дер-  
жала въ рукахъ заячью лапку и хохотала надъ черноусымъ  
красивымъ брюнетомъ; у котораго весь носъ былъ въ краскѣ.

— Смотрите, ха-ха! кричала она,—у князьки носъ ка-  
кой, носъ!

Князька улыбался очень глупо, но не безъ достоинства,  
указывая этимъ что если онъ и позволяетъ такъ обращать-  
ся со своею физиономіей, то къ этому принуждаетъ его не-  
избѣжное стеченіе обстоятельствъ.

— Ахъ, ахъ, забеспокоилась палочка,—Раинька, развѣ такъ  
можно!.. Ваше сіятельство извините ее...

— Ничего, ничего, слегка вздыхая отвѣтилъ тотъ и вытеръ  
носъ полотенцемъ, вѣроятно находя что при постороннихъ  
ему неприлично быть въ такомъ видѣ.

— А я оляты!.. лорывалась къ нему Рая.

— Рая! строго замѣтилъ палочка и нахмурился,—Рая, ты  
переходишь границы...

Рая стихла и начала здороваться съ вошедшими.

— Вы, ваше сіятельство, помажьте носикъ (*гольд-кремомъ*),  
совѣтовалъ палочка,—а то такъ не отстанетъ. Вотъ неудобно  
ли изъ этой баночки?

Князь началъ намазывать свой носикъ, изъ котораго могло  
выйти по крайней мѣрѣ три обыкновенные носа и который  
очевидно былъ кавказскаго происхожденія. Палочка дѣятель-  
но помогалъ ему въ этой операциіи.

— Вы сегодня очень милы, ораторствовалъ Веркутовъ,—  
но въ вашей игрѣ мало экспансивности, обратите на это  
вниманіе.

Князь натеръ себѣ носъ до ярко-багроваго цвѣта. Палоч-  
ка предложилъ полудить, тотъ отказался.

— Я пойду, сказалъ онъ, обмахиваясь тончайшимъ батистомъ, отъ котораго нестерпимо несло лачули. Ему видимо неприятно было присутствіе постороннихъ.—Я пойду, меня ждутъ. Вы позволите мнѣ въ слѣдующій антрактъ?

— Очень рада, отвѣтила Рая.

— Вы подумайте о томъ что я говорилъ и дайте отвѣтъ что лучше... Ну-съ, до свиданія.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку такъ крѣпко что она даже покраснѣла.

— Проваливайтесь! отрѣзала она,—васъ ждутъ.

Когда дверь за нимъ затворилась, лалочка такъ сжалъ себѣ руки что онѣ даже хрустнули.

— Что ты дѣлаешь, Рая!.. страшнымъ шелкотомъ заговорилъ онъ, поглядывая на дверь съ такимъ видомъ точно за нею дремалъ ужасный драконъ, котораго онъ боялся разбудить.

— Онъ мнѣ надоѣдаетъ, лалочка, не безъ испуга заговорила та,—все ходить и ручки лижетъ.

— Рая, Рая... ты меня губишь...

Онъ отчаянно качнулъ головой и ринулся изъ уборной.

Рая посмотрѣла ему въ слѣдъ прищурившись и стала бить носкомъ правой ноги по полу.

— Скажите пожалуйста, отчего всѣ мушкетеры такая дрянь? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ не ожидалъ такого вопроса.

— Неужели всѣ?

— Всѣ, всѣ... такая дрянь, такая... Я думала что лучше...

— Если вы судите по князю, то правы, отозвался Веркутовъ:—его нельзя лускать на порогъ.

Она ничего не отвѣтила и повернулась къ зеркалу.

— Онъ давно съ вами знакомъ? не отставалъ Веркутовъ.

— Недѣли три.

— Часто бываетъ?

— Каждый день.

Веркутовъ свистнулъ.

— Та-акъ-съ, приемъ извѣстный. За границу не собирается ли?

— Да, онъ говоритъ что ему зачѣмъ-то въ Миданъ надо. Онъ ѣдетъ туда на той недѣлѣ.

— Та-акъ, та-акъ, подтверждалъ ухмыляясь редакторъ,

Das ist eine alte Geschichte

Doch bleibt sie immer alt...

А вамъ онъ нравится?

— Онъ красивъ, только такой противный когда въ глаза смотритъ. Мнѣ непріятно что палочка такъ за нимъ бѣгаетъ.

— Вы знаете что онъ миллионеръ?

— Неужели?

— Страшно богатъ и деньгами соритъ.

— Онъ сейчасъ приходилъ спрашивать что мнѣ послѣзавтра подарить, послѣзавтра день моего рожденія. Хотите обѣдать ко мнѣ? Пожалуйста! Вы будете? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ сказалъ что постарается.

— А вы? спросила она у Веркутова.

— Я не могу, я послѣзавтра весь день въ Павловскѣ.

— Ну, чертъ съ вами! Такъ вы пріѣзжайте, попросила она снова Ракитина,—пожалуста, вы мнѣ доставите большое удовольствие... Кроме того... кроме того мнѣ надо съ вами поговорить... посоветоваться въ одномъ дѣлѣ...

Она взяла его за руку и крѣпко стиснула.

— Вы такой, такой хороший, я съ перваго раза вижу. Вокругъ все такая дрянь... Пріѣзжайте.

Онъ сказалъ что непременно будетъ.

#### IV.

Конецъ оперетки Ракитинъ дослушалъ совершенно машинально. Онъ былъ глухъ даже къ услѣху Раи, которую лублика безъ конца вызывала. Онъ не аллодировалъ, разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ, отвѣчалъ невпопадъ. Аеровъ разказалъ ему что въ виду посѣщенія Талалаева одна изъ редакцій вывѣсила объявленіе: „при входѣ въ редакціонную комнату трости и зонтики оставляются въ прихожей“ и что редакторъ другаго изданія спитъ теперь не иначе какъ съ шестью заряженными револьверами и между двумя подручными дворниками, которые одною рукой пятакдцать лудовъ поднимаютъ. Все это дѣлалось изъ предосторожности „личнаго объясненія“. Ракитинъ на это отвѣтилъ одобрительнымъ „а“! и, противъ ожиданія Аерова, даже не улыбнулся.

Онъ ясно сознавалъ въ какую сторону клонится судьба несчастной дѣвочки. Онъ придумывалъ какъ бы спасти ее, но какъ-то мысли лутались, разбѣгались. Вопросъ былъ очень большой и сложный.

Хоръ пѣлъ не предъ нимъ, а гдѣ-то очень далеко отъ него, за какою-то туманною дымкой. Онъ не помнилъ какъ онъ вышелъ изъ театра, пріѣхалъ въ городъ, легъ въ постель. И на другой день опять все та же мысль, неотвязная, назойливая, монотонная. Гдѣ выходъ? Отвѣта не было. Отвѣтъ должна была жизнь подсказать.

Она и подсказала.

Когда онъ пріѣхалъ на третій день на дачу Дементьевыхъ и поднялся по печально скрипѣвшей лѣстницѣ во второй этажъ, его встрѣтила въ сѣняхъ толстая, масляная кухарка съ грязнымъ полотенцемъ черезъ плечо. Палочка растаяла, распаркался и повелъ гостя въ гостиную, гдѣ уже былъ накрытъ обѣденный столъ и гдѣ сидѣли въ сообществѣ Рая двое: князь и „комическая старуха“ мѣстной труулы съ очень добрымъ и глупымъ лицомъ. У князьки носъ сегодня казался еще длиннѣе. Держался князь прямо, точно аршинъ проглотилъ, но часто опускалъ глаза и задумывался. Рая очень обрадовалась Ракину.

— Какъ я рада, какъ я рада, говорила она вслухивая и не зная куда дѣвать врученную ей коробку конфетъ. — Я такъ ждала васъ и боялась что вы не пріѣдете. Мнѣ вы очень нужны...

Князь былъ ужасно почитателенъ предъ Ракинымъ и даже далъ ему вскользь замѣтить что ему не безызвѣстна его прежняя литературная дѣятельность. Палочка плавалъ какъ въ растопленномъ маслѣ предъ обоими гостями, игнорируя совершенно „комическую старуху“. Рая казалась такою нервной. На ней было бѣленькое платье съ широкою голубою лентой. Это къ ней не шло и она казалась хуже чѣмъ всегда; щеки у нея были такія блѣдненькія, брови все дергались.

Обѣдъ оказался плоховатымъ: ростбифъ подгорѣлъ, рыба была какая-то сомнительная, но за то вина недурны. Палочка раскутился, должно-быть изъ какихъ-нибудь своихъ расчетовъ. Хересъ былъ даже очень хорошъ. Подъ конецъ обѣда откупороди *по меру-секъ*.

— Представьте себѣ, сказалъ палочка,—что при одномъ взглядѣ на это шампанское у меня поднимается ломота въ плечѣ.

Князь постарался удивиться.

— И вѣдь отъ какаго обстоятельства...

Онъ началъ рассказывать что это было давно, когда еще онъ ѣздилъ въ провинцію на гастроли. „Комическая старуха“



усомнилась въ томъ чтобъ его когда бы то ни было приглашали провинціальныя антрепренеры, но палочка только посмотрѣла на нее и продолжала свой разказъ. Онъ разказалъ какъ однажды послѣ спектакля (онъ игралъ *Ришалье*,— и удивительно игралъ!) актеры, чувствуя его, „упились“ по-мери-секъ. Упившись, они стали пробовать револьверъ, для чего приколотили на дверь бубнового туза.

— Я взялся слѣдить за стрѣльбой, повѣствовалъ онъ.—Первый выстрѣлъ сдѣлалъ резонеръ Ивановъ. Я ищу пули, нѣтъ нигдѣ, ни на картѣ, ни около, ни на стѣнѣ... Потомъ мнѣ говорятъ: „а откуда у тебя кровь?“... Пуля-то въ плечѣ оказалась...

— Ну, и вы, значить, хороши были, замѣтилъ князь,—коли не чувствовали.

— А я слышала что это не съ вами былъ случай, а съ однимъ извѣстнымъ актеромъ, возразила олять „старуха“.

Палочка даже съѣла къ ней совсѣмъ задомъ, показывая этимъ свое помятѣе презрѣніе къ ея словамъ.

Князь разказалъ къ случаю, какъ онъ ранилъ себя въ руку, заряжая листолетъ, и въ доказательство показалъ, приподнявъ обшлагъ, шрамъ. „Комическая старуха“ лостонала, палочка заволновался, Рая осталась равнодушною.

— А другая пуля у меня тутъ, онъ показалъ куда-то въ бокъ.—Она катается, ее можно даже прощупать.

Послѣ обѣда, когда подали арбузъ, князь напомнилъ Раѣ объ ея желаніи кататься и сказалъ что достанетъ коляску. Рая попросила достать хорошую, только чтобы лошади были не вороныя, а сѣрыя. Князь выправилъ свои бѣлосѣжные воротнички, провелъ рукой по роскошной бородѣ, встряхнулся съ полнымъ сознаниемъ довольства самимъ собой, надѣлъ блестящій какъ зеркало цилиндръ, раскланялся и исчезъ.

Палочку закловило. Онъ перемогалясь-перемогалясь, наконецъ извѣщился и пошелъ отдыхать. „Комическая старуха“ объявила что ей надо учить роль въ шесть листовъ и что завтра релетиція, а потому съѣла четыре ломтя арбуза и, сложивъ симметрично зернышки на край тарелки, ушла, завернувшись въ невозможную шаль. Ракитинъ и Рая остались одни.

— Пойдемте въ садъ, предложила она, и повела его въ маленькій, густо заросшій палисадникъ, съ молодыми лервыми цвѣтами на клумбахъ и зеленою кривою скамейкой подъ акаціей. Она закрылась отъ вечерняго солнца маленькимъ зонтикомъ на алой подкладкѣ и вздохнула.

— Какъ тяжело мнѣ сегодня! сказала она.—Я не заломлю такого грустнаго дня моего рожденія. Сердце сжимается какъ предъ бѣдой, и здѣсь, она показала на грудь,—такъ пусто, пусто.

Рақитинъ молчалъ, пристально глядя на нее.

— Вы знаете, я можетъ-быть на дняхъ уѣзжаю отсюда?

— Куда это? встрепенулся онъ.

— Далекое, очень далеко... за границу.

— Зачѣмъ?

— Князь зоветъ меня...

— Князь? По какому праву?

Она пожала плечами.—Онъ богатъ.

— И вы... началъ Рақитинъ, да остановился. Она отвернулась чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Какъ вамъ не грѣхъ? могъ только выговорить онъ.

Она отняла зонтикъ которыми прикрывалась.

— Грѣхъ? Предъ кѣмъ?

— Предо всѣми...

— Палочка самъ этого хочетъ.

— Предъ собой, наконецъ... У васъ талантъ.

Она усмѣхнулась.—Талантъ!.. Что талантъ! Что онъ мнѣ принесетъ... А тутъ обезпеченность, богатство...

— Обезпеченность?..

— Да, онъ передастъ лалочкѣ какія-то бумаги на мое имя...

— И вы такъ хладнокровны? не возмущены?

— Чѣмъ?.. Я себѣ принадлежу, и моя собственность: что хочу, то и сдѣлаю съ собой...

— А сцена?

— Я люблю сцену, она подняла глаза и какимъ-то восторгомъ они засвѣтились,—это жизнь моя!.. что жь, я вернусь къ ней.

— А этотъ... его вы любите?

Она покачала тихо головой.—Нѣтъ... Да неужели же жить въ этой обстановкѣ лучше: заискивать у Веркутова, ѣздить по редакціямъ, плакать когда какой-нибудь льяный будетъ шикать послѣ слѣдстаго нумера... неужели лучше?.. Скажите по совѣсти, откровенно,—ну?.. Вы молчите, молчите потому что сами знаете что это пошло, все пошло, все... Меня никто не спасетъ...

— Встряхнитесь, уйдите отъ этого „всего“.

— Уйти? куда?.. куда я уйду?.. Я молода, я жизни хочу.

— Выйдите замужъ.

— За кого?.. кто меня возьметъ? Опереточная лѣвица! какая завидная невѣста!..

Онъ ловилъ головой. Какая-то тулая боль пронизывала его всего, захватывала дыханіе. Онъ оглядывался вокругъ, эта залитая солнцемъ дилства не шевелясь стояла въ знойномъ воздухѣ, могильный покой былъ разлитъ вокругъ. Медленно ползли на верху обрывочныя, сверху жемчужныя снизу фіолетовыя облака. Птицы куда-то забились, притихли. Мертвая тишь. Ни звука.

— Чтò мнѣ дѣлать, чтò мнѣ дѣлать! повторяла она.

Зонтикъ выпалъ и опрокинулся на песокъ. Она не плакала; глаза ея были сухи, и съ жесткимъ, холоднымъ блескомъ смотрѣли въ даль. Лицо какъ восковое.

— Подождите, подумайте...

— Князь говоритъ что отвѣтъ ему нуженъ теперь... Смотрите чтò онъ подарилъ мнѣ.

Она протянула руку на которой сверкалъ новенькій драгоценный браслетъ.

— Зачѣмъ же вы взяли это отъ него?..

— Палочка велѣлъ.

Ракитинъ схватилъ ее за руки.

— Дѣточка моя, бросьте ихъ, уйдите отъ нихъ!.. Чтò вамъ здѣсь?.. Оставьте ихъ, пусть они здѣсь колошатся въ этой тинѣ...

Онъ прижалъ ея пальцы къ своимъ губамъ, глядя на нее съ юношескимъ жаромъ. Его сѣднца и морщины словно слѣтали съ него. Шляпа упала на землю, кудри рассыпались. Она схватила его шею руками и, прижавшись къ нему, поцѣловала его такъ крѣпко, крѣпко...

— Милый, хорошій! говорила она.—Въ васъ одномъ я нашла сочувствіе, вы одинъ сказали мнѣ доброе слово...

— Ну и чтò же, чтò же?

Она отшатнулась отъ него.

— Поздно, поздно, теперь мнѣ нѣтъ поворота.

— Какъ нѣтъ? да почему же? Всегда есть выходъ.

— Поздно... повторила она.—Смотрите вотъ и князь воротился, идетъ сюда.

Она взяла съ него слово что онъ при первой возможности придетъ къ нимъ. Онъ думалъ черезъ день заглянуть, но дѣла его задержали какъ нарочно. Прошло нѣсколько дней. Между тѣмъ на афишахъ появился анонсъ что она по болѣзни не можетъ участвовать.

Наконецъ онъ вырвался, поѣхалъ. Онъ подѣвжалъ къ ихъ дому съ предчувствіемъ всего дурнаго, но того что его встрѣтило онъ не ожидалъ.

Палочка вышелъ къ нему въ халатѣ съ огромною заплатой назади, но посмотрѣвъ на него совсѣмъ не такъ ласково какъ прежде и протянутую руку пожалъ сухо.

— Раи нѣтъ, Раи нѣтъ, заговорилъ онъ, видя что гость собирается снять лалыто:—она уѣхала совсѣмъ.

Кровь кинулась ему въ голову.

— Куда?

— Въ Карлсбадъ. Доктора говорятъ что ей надо лѣчиться.

— А театръ какъ же?

— Что жь дѣлать, неустойку придется уплатить. Тяжело, очень тяжело...

— Какъ же это такъ вдругъ, неожиданно...

— Да, да, удивительно.

Ракитинъ раскланялся и растерянно спустился внизъ.

Дня черезъ два онъ встрѣтилъ на Елагинской Стрѣлкѣ Веркутова: онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Талалаевымъ, съ которыми очевидно былъ уже пріателемъ.

— Слышали? весело говорилъ онъ, держа Ракитина за руку.— Палочка-то дочку пристроилъ! Молодецъ! И неустойку князька заплатилъ, и векселя выдалъ.

— А кто этотъ князь? съ усиліемъ спросилъ Ракитинъ.

— Дрянцо, шудеръ, били ужь его. Очень богатый. Ну что жь, она счастлива будетъ.

— Вы полагаете?

— Да отчего же нѣтъ?

— Онъ женится на ней?

— Да онъ женатъ. Онъ каждый годъ кого-нибудь увозитъ за границу, старая лѣсня... Впрочемъ онъ обезпечиваетъ. Не Богъ вѣсть что, а тысячъ двадцать дастъ и въ моду введетъ. Палочка это тонко распорядился.

Онъ еще разъ хихикнулъ и протянулъ ему руку. Коляска попрыгивая на каучуковыхъ шинахъ покатила.

Ракитину очень скучно. Хотѣлъ ѣхать за границу, да рѣшилъ что это глупо и остался. Впрочемъ, можетъ-быть чрезъ нѣсколько недѣль онъ и поѣдетъ.

П. ГНѢДИЧЪ.

15 августа 1883 года.

Кайбала.

# ВОСПОМИНАНІЯ О СКОБЕЛЕВѢ

## И

### ЗАНЯТІИ ЮЖНОЙ БОЛГАРІИ\*

#### IV.

Стоянка подъ Адрианополемъ.—Турецкіе редуты.—Городъ.—Гроза.—Постройка баракъ.—Переходъ въ городъ на квартиры.—Постройка землянокъ.—Осмотръ землянокъ Владимірскаго полка.—Рѣшеніе Скобелева оставить полкъ нашъ въ городъ.—Выступление въ городъ Узунъ-Кѣпри.

Итакъ, 8 октября вечеромъ полкъ нашъ разбилъ свои латки предъ самымъ болгарскимъ предмѣстьемъ, Адрианополя на обширной полянѣ, окаймленной справа рѣкой Марицей и окруженной слѣва и сзади молодыми плантаціями тутовыхъ деревьевъ.

Усталость послѣ длиннаго перехода отъ Хавсы и опустившіяся на окрестность сумерки возбудили во всѣхъ одно желаніе: поскорѣе поужинать да и на боковую, несмотря на то что луна очень заманчиво освѣщала и гребень высотъ около шоссе, увѣнчанныхъ неясными профилями редутъ, и блестящій вдали, въ верстѣ за лагеремъ, милліонами огоньковъ большой турецкій городъ, несмотря на возбуждающую ласку чуднаго, мягкаго воздуха волшебной южной ночи.

\* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1.

Первая экскурсія была конечно на два редута, грозно рисовавшіеся на вершинахъ двухъ самыхъ серьезныхъ высотъ, вѣтво отъ нагорья, подошвы которыхъ обрывались прямо почти къ шоссе.

Не доходя дороги, вправо, я замѣтилъ что-то въ родѣ павильона, вокругъ котораго возились солдаты, ржали лошади и оглушительно ревели могоары (ослы); я направилась туда: то оказался прекрасный фонтанъ въ широкомъ кругломъ, сѣраго мрамора, водоемѣ, окруженномъ бѣлыми мраморными колоннами, поддерживавшими развалистый цинковый куполъ съ золоченымъ полумѣсяцемъ на такомъ же шарикѣ: видно очень богатый Турокъ воздвигъ его на спасеніе своей правовѣрной души; вода проведена трубами изъ окружающихъ Адрианополь горъ. Полюбовавшись этою полезною игрушкой, я направилась по узкой тропѣ пересѣкавшей шоссе и теравшейся въ извилинахъ узенькой, обрывистой лоцинки, вившейся по склону одного изъ холмовъ; измучившись порядкомъ, благодаря крутизнѣ подъема, я наконецъ достигъ два главнаго редута.

Что за капитальныя сооруженія были эти редуты! Не говоря уже о вышинѣ и толщинѣ брустверовъ и глубинѣ и ширинѣ рововъ, выложенныхъ мѣстами по скатамъ камнемъ, блиндированные казематы подъ брустверами представляли какія-то грандіозныя залы и галереи; потолокъ вездѣ былъ подпертъ двумя рядами столбовъ, большею частью дубоваго или орѣховаго дерева, обхвата въ два-три толщину; нары для гарпагона высланы изъ гладкихъ, толстыхъ досокъ; даже помѣщенія для лошадей смотрѣли какъ-то щеголевато. Входы снаружи вѣнчались арками; кокетливо высѣченными изъ цѣльныхъ каменныхъ кусковъ, даже съ карнизцами и другими украшеніями. Ни одна не только стратегическая, но даже хозяйственная мелочь не была забыта опытнымъ и практичнымъ, какъ видно, фортификаторомъ: не турецкая голова, а иноплеменная и многодѣльная трудилась надъ созданиемъ этихъ твердынь, изъ которыхъ каждая представляла собою не редутъ, а маменькую, но внушительную крѣпостцу. Видно, дѣйствительно, меудержимый въ своемъ стремленіи впередъ Скобелевъ нагналъ ламическаго стражу на Турокъ если они безъ выстрѣла бросили эти твердыни, которыя и могли бы, и должны были бы сдѣлаться для нашей арміи пожалуй посерьознѣе Плевны.

Употребивъ около часу на осмотръ перваго редута, я перешелъ на второй, который оказался только поменьше, но въ остальномъ ни въ чемъ не уступалъ предыдущему. Съ гребня его бруствера открывался великолѣпный видъ на всю нижнюю часть города, на Карагачъ, предмѣстье Адрианополя, по ту сторону рѣкъ Тунджи и Марицы, съ вокзаломъ желѣзной дороги, и на всю долину этихъ рѣкъ къ сѣверу отъ города; сотни минаретовъ воздымались стрѣлками изъ гущи тополей и кучи домовъ, а правѣе, гдѣ городъ скрывался отъ глазъ выступомъ крутаго холма, стройно выдѣлялись на равномъ разстоянн другъ отъ друга четыре великолѣпные минарета величественной мечети Сулеймана или Селима. За городомъ, на самомъ берегу Тунджи, бѣдвали развалины обширныхъ казармъ, которыя Турки успѣли взорвать при приближенн нашихъ войскъ. Въво картина окаймлялась отрогами мѣстныхъ горъ Родопскихъ, а на самомъ горизонтѣ прямо, какъ бѣдно-фіолетовые клубы облаковъ, въ легкомъ туманѣ, рисовались вершины Балканскаго хребта.

Надюбовавшись прелестною картиной, я спустился по узкой, излучистой дорожкѣ олять къ шоссе; какъ разъ внизу вѣхалъ извожничій фэтонъ; я закричалъ *арабаджиси* (извожника) чтобы привлечь его вниманн: онъ остановился и чрезъ пять минутъ я въѣзжалъ, развалился на мягкихъ подушкахъ (нѣга простибельная послѣ жесткаго походнаго ложа), лодкачиваемыхъ рессорами, въ эту вторую столицу Турціи, мимо раскинушагося по обѣ стороны дороги обширнаго мусульманскаго кладбища, усѣяннаго мраморными кіосками, саркофагами и тумбами, увѣчанными чаалмами, которыя то ярко бѣдвались на солнцѣ, блестя позолотою своихъ фресокъ и карнизовъ, то прятались въ густой зелени разсаженныхъ въ изобилн по кладбищу деревьевъ и кустарника.

*Эдерне*—по-турецки, *Одринъ*—по-болгарски, *Адринопль*—по-европейски и *Адрианополь*—по-гречески и по-русски, вторая столица Турціи и послѣ Царяграда обширнѣйшій городъ на Балканскомъ полуостровѣ, расположенъ въ двухстахъ съ чѣмъ-то верстахъ отъ Константинополя (по шоссе), при впаденн рѣки Тунджи въ рѣку Марицу, частью въ самой долинѣ этихъ рѣкъ, частью по склону прилегающихъ къ ней холмовъ лѣваго берега; обѣ рѣки, большую половину протяженн города, текутъ почти параллельно съ сѣвера на югъ; вся гористая часть города чисто мусуль-

маяская и въ постройкѣ домовъ ничѣмъ не отличается отъ болгарской, раскинувшейя къ югу по долинѣ: тѣ же нескончаемые заборы и стѣны изъ глины, съ калитками и воротами въ чистые, выложенные мраморомъ или простымъ камнемъ дворы, служащіе чѣмъ-то въ родѣ обширной передней предъ красивыми и затѣливыми фасадами возвышающихся за ними большею частью двухъэтажныхъ домовъ. Часто вся середина подобнаго двора поднята четвертей на пять выше остальнаго грунта, точно во многоугольномъ мраморномъ ящикѣ, и украшена фонтанами, фруктовыми деревьями и цвѣтниками съ разбитыми между клаумбъ дорожками. Веранда или рѣзная сквозная галерея, устроенная обязательно вмѣсто прихожей по переднему фасу всякаго дома, очень скрашиваетъ видъ зданій; толстая, верхка иногда въ три въ отрубѣ виноградныя лозы, какъ колонки, поднимаются вдоль периль до рѣшетчатой крыши веранды, расплываясь по ней гибкими плетями до такой степени усаженными гущею листвою что не только солнечному лучу не пробраться сквозь эту гущину, но и рѣдкаа капля дождя съ трудомъ пробивается чрезъ этотъ зеленый, плотный какъ воблокъ навѣсъ; веранда уставлена кругомъ низкими и широкими диванами, и сочныя кисти нѣжнаго и душистаго винограда, иногда фунтовъ до пятнадцати вѣсу, трузно спускаются къ самымъ подушкамъ и какъ бы сами просятся въ ротъ тому кто разлажется на этихъ софахъ подъ ихъ соблазнительною сѣнью. На верандѣ обыкновенно скидывается обувь, ибо входящему въ домъ законъ вѣжливости предписываетъ дѣлать это непремѣнно. Турецкіе дома очень оригинально скрашиваются рѣшетками изъ драги, которыми задѣланы окна гаремныхъ помѣщеній; въ турецкой части впрочемъ и наружныя стѣны оживляются отъ большаго количества выходящихъ на улицу лавочекъ. Греческая, сѣверозападная, часть города рѣзко отличается отъ предыдущихъ своими фантастическими домами, узкими внизу и расширяющимися во всѣ стороны къ верху; они большею частью въ три, четыре этажа и, благодаря узкости улицъ, такъ близко сходятся верхними этажами что можно изъ окна одного дома положить руку своему вазави въ окнѣ насупротивъ; рѣдкій солнечный лучъ заглядываетъ въ эти щели, называемыя улицами, и всѣ онѣ казались бы мрачными еслибъ ихъ не оживляли сквозь раскрытыя настежь окна классически красивыя личики



ихъ обитательницъ, которыя, какъ видно, это сознаютъ вполнѣ, ибо стоить только унылому лѣшеходу показаться подъ этими мрачными сводами, въ квадратахъ оконъ появляются восхитительныя головки.

Квартира главнокомандующаго помѣщалась въ верхней половинѣ (нагорной) турецкой части города, въ прекрасномъ и обширномъ трехъэтажномъ домѣ, построенномъ на европейскій ладъ; изъ другихъ зданій особенно замѣчательныхъ нѣтъ: конакъ или дворецъ, дома Болгарской и Греческой метрополій не представляютъ ничего выдающагося. За то мечети Мурада и Селима очень эффектны и грандіозны: первая своими разнокалиберными минаретами удивительно напоминаетъ храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ; въ данный моментъ она занята была нашимъ интендантскимъ складомъ, равно какъ и бѣлая часть остальныхъ мечетей; мечеть Селима замѣчательна своею обширностью, громаднымъ куполомъ и превосходными трехъярусными минаретами, съ мраморными балкончиками, ажурными на подобіе кружевъ. Вообще эти бѣлыя и иногда красныя иглы минаретовъ много придаютъ красоты и эффекта въ сущности ничтожнымъ, некрасивымъ по постройкамъ и грязнымъ городамъ Турціи.

Никогда, я думаю, Адрианополь не былъ такъ оживленъ какъ во время русскаго занятія: узкія улицы едва вмѣщали въ себѣ толпы лѣшеходовъ, вереницы фургоновъ, фязгоновъ, каретъ, каруцъ и цѣлыя кавалькады всадниковъ; въ безчисленныхъ лавкахъ и кафанахъ (кофейни) толпилось самое разнообразное общество; крытый базаръ, нѣчто въ родѣ гостиннаго двора или громаднаго пассажа, съ магазинами всѣхъ возможныхъ предметовъ европейской и азіатской роскоши, называемый „Али-Паша“ (кажется въ честь его основателя), былъ положительно биткомъ набитъ съ утра до вечера. Гостилицы, изъ которыхъ лучшія, то-есть болѣе чистыя (всѣ очень плохи) *Византія*, *Парижъ* и *Америка*, были наполнены русскими кели, фуражками и фесками. Разнымъ „казино“ и счета не было; особенно прославилось „Сербское казино“ содержимое Григоревичемъ, бѣградскимъ Сербомъ, гдѣ я встрѣтилъ стараго своего знакомаго бѣградскаго, извѣстнаго подъ кличкой „Цалень“, бывшаго кассиромъ въ бѣградской гостилицѣ *Сербска Круна*, и занимавшій теперь ту же должность и въ Адрианопольскомъ казино. Григоревичъ нажилъ порядочныя деньги, благодаря русской труплѣ привезенной имъ нарочно изъ Одессы: его театръ всегда былъ полонъ.

Публичныхъ садовъ и мѣстъ для общественныхъ гуляній въ городѣ нѣтъ (кромѣ обширныхъ мусульманскихъ кладбищъ, обильныхъ растительностью), но за то при выѣздѣ на Филиппопольское шоссе, по лѣвому берегу Тунжи, раскинулся великолѣпный лугъ, отведенный прекрасными ореховыми деревьями, съ разбросанными межъ нихъ кіосками, павильонами и бесѣдками, и гулянье тамъ особенно оживляется по пятницамъ, когда почти все мусульманское население города высыпаетъ за городъ на это гульбище.

Изъ православныхъ храмовъ я видѣлъ только одну церковь въ болгарскомъ предмѣстьи: она была разрушена Турками, но возобновлена 4мъ и 9мъ корпусами русскими, съ хорошими вкладами, и признательные Болгары увѣковѣчили это благочестивое пожертвованіе соответствующею надписью на главныхъ вѣздныхъ воротахъ храма.

Отъ города въ предмѣстьѣ Карагачъ ведетъ шоссированная аллея изъ пирамидальныхъ тополей, перебѣгая черезъ два громадные каменные моста по Тунжѣ и Марицѣ, отличающиеся своею солидностью и архитектурой. Карагачъ весь почти состоитъ изъ дачныхъ помѣщеній богатыхъ городскихъ жителей и товетъ въ садахъ; присутствіе обокъ русскаго сапернаго и артиллерійскаго лагерей, разумѣется, развило и тамъ разныя казино. Вокзалъ желѣзной дороги, — низкое, каменное, двухъэтажное зданіе, не красивое и грязневатое. Около него три, четыре отеля для прѣзжающихъ, по обыкновенію съ безбожными цѣнами за самыя плохіе нумерішки.

Адрианополь очень важный торговый пунктъ благодаря путямъ сообщенія: одинъ рельсовый путь идетъ на Константинополь, и со второй станціи, Куледи - Бургаса, отдѣляется вѣтвь верстъ въ полтораста на Демотику въ Дедеагачъ, городъ на Эгейскомъ морѣ, близъ устья Марицы, и линія на Филиппополь, съ вѣтвью на Ямболъ съ третьей станціи Тырново-Семенли. Кромѣ того, Адрианопольскій вилаетъ изрѣзанъ многими шоссированными дорогами въ разныхъ направленіяхъ. Нелишнимъ считаю здѣсь упомянуть какъ премудро ухитрились Турки провести эти шоссе, и не одни эти, а всѣ шоссевыя дороги въ Европейской Турціи. На каждое селеніе христіанское и мусульманское назначался извѣстный участокъ; но на дѣлѣ выходило что вся тяжесть работы пала на Болгаръ, потому что въ ихъ селенія стали являться Турки

изъ сосѣднихъ деревень съ заявленіями что дѣдушка одного Болгарина, отецъ другаго и такъ далѣе, брали у ихъ отцовъ и дѣдовъ много лѣтъ тому назадъ извѣстныя суммы, конечно не малыя, и не заплатили, а потому неугодно ли потомкамъ ихъ отработать теперь ихъ дорожный участокъ взаимнѣ уплаты долга. Болгары конечно отрицали небывалые долги, но на судѣ нужно было доказать это, что возможно было сдѣлать только представивъ свидѣтелей; штука въ томъ что въ спорѣ христіанина съ мусульманиномъ, первый могъ сослаться на свидѣтеля, тоже мусульманина, христіанскіе же свидѣтели не допускались турецкимъ судомъ; а такъ какъ ни одинъ правовѣрный и не подумалъ свидѣтельствовать за гаура, а у Турокъ-истцовъ свидѣтелей нашлось конечно сотни, то, понятнo, кто остался правъ и кто виноватъ. Такимъ образомъ шоссе и было проведено Болгарами что называется ни за грошъ.

Адріанополиль богатъ превосходнымъ мѣстнымъ виномъ: двадцатилѣтнѣе, которое я покупалъ по полумперіалу за око (три фунта на вѣсъ со вмѣстимостію двухъ шампанскихъ бутылочекъ) положительно не уступитъ пятирублевому хересу. Послѣ ухода Русскихъ оно стоило только четыре звонкіе рубля за око. И табакъ недурень Родолскій и Македонскій; лучшій сортъ въ Европейской Турціи—это Йенджи, по имени долины въ Эссалии; но онъ почти весь идетъ ко двору султана и въ продажѣ рѣдокъ и дорогъ; очень хорошій табакъ въ крѣпкихъ жестяныхъ коробкахъ былъ по пяти рублей за око. До прихода Русскихъ, набивныхъ папиросъ въ Турціи не водилось, но въ это время стали дѣлать ихъ, и особенно отличались папиросы „Скобелевскія“ и „16й дивизіи“; ихъ пачки можно и теперь найти въ Адріанополѣ, и даже съ маркой, на которой красуется по-русски надпись: „Адріанопольская губернія“.

Возвращаюсь къ разказу.

Жизнь въ лагерѣ потекла своимъ порядкомъ; ученій никакихъ; всѣ отдыхали послѣ похода, офицерство толпами стремилось въ городъ каждый вечеръ сбывать новенькіе полумперіалы. Нужно сознаться что кутежъ въ городѣ шелъ великій и все crescendo.

Бывали въ лагерѣ и такія развлеченія: сидимъ мы однажды утромъ у палатки ротнаго командира, капитана В. Вдругъ являются семь мальчиковъ Турчатъ вооруженные палками;

самый младшій изъ нихъ карауль дѣтъ восемь, съ какою-то лучиной вмѣсто сабли, вышелъ впередъ, отсалютовалъ намъ, потомъ обернуся къ товарищамъ изображавшимъ солдатъ, построилъ ихъ въ одну шеренгу и звонко крикнулъ по-русски: „равняйся!“ Затѣмъ заставилъ ихъ производить всѣ приемы, причемъ со вниманіемъ оглаadyвалъ ихъ не хуже любого ротнаго командира, поправлялъ палки, давалъ цному зуботычицу и окончивъ свое миниатюрное ученье подошелъ къ намъ, протянулъ руку и важно произнесъ: „Калтанъ! Дай галаганъ!“ (размѣнная медкая турецкая монета = 2½ коп.). Эти воины каждый день являлись въ лагерь и всегда уходили съ нѣсколькими рублими которые имъ набрасывали щедрою рукой.

Между тѣмъ абсолютное ничего недѣланіе стало отзываться на солдатахъ; начали пошалить; тутовые плавтаціи стали рѣдѣть около лагеря; разъ толпа солдатиковъ взяла на „ура“ для кухонныхъ костровъ цѣлый двухэтажный домъ; его владѣльца Гречанка, старушка, въ синихъ очкахъ прискакала въ лагерь и бросилась въ ноги первому встрѣчному офицеру съ просьбой не допустить разрушенія ея дома; дежурный офицеръ верхомъ помчался на мѣсто, но уже половица дома была разобрана и унесена. Скобелевъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ полку немедленно уплатить за домъ и велѣлъ начать ученіе.

Квартируя въ городѣ, Скобелевъ часто наѣзжалъ въ лагерь, болталъ и шутилъ съ солдатами, садился опять на коня и мчался вдругъ на кухни гдѣ задавалъ жару за малѣйшій безпорядокъ; нерѣдко останавливалъ онъ каруцы съ хлѣбомъ и взвѣшивалъ самъ вѣренъ ли положенный вѣсъ... „Домашні! У него братъ держи ушки на макушки!“ подтрунивали солдатики надъ калтенармусомъ или артельщикомъ, на которыхъ порою обрушивалась распекавка; да и дежурному по кухнямъ унтеръ-офицеру случалось иной разъ платиться арестомъ.

Недѣли дѣтъ послѣ нашего прихода подъ Адрианополь погода стояла превосходная; ни одно облачко не пятнало ясно голубаго неба. Тепло было чисто лѣтнее; и берега и вода Марицы нестрѣли толпами купающихся съ утра до поздняго вечера. Но 20 октября, день съ самаго утра стоялъ невыносимо жаркій; солнце, какъ раскаленный шаръ, катилось въ синевѣ безоблачной; ни малѣйшаго дуновенія въ воздухъ; запыленные деревья не шелестали ни единымъ листи-

комъ. Все населеніе лагеря попряталось подъ лалатки, которыя, какъ громадныя стаи лебедей, бѣжали по зеленѣющей равнинѣ; могары, волаы, буйволы и верблюды по-уши забирались въ воду чтобы хотя немного освѣжиться.

Солнце уже скрылось за куполами мечети и черепичными кровлями домовъ Адрианополя; сумѣрки быстро окутывали окрестность, а свинцовая тяжесть висѣла въ воздухѣ. Но едва первыя звѣзды загорѣлись на темнѣвшемъ небѣ какъ на западѣ показалось облако, которое постеленно расло въ ширину и поднималось, охватывая небо, и къ шести часамъ вечера черная туча заволокла весь видимый горизонтъ; ровно въ семь съ четвертью грянулъ первый оглушительный ударъ грома; черезъ двѣ минуты какъ бы началась канонада изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; яркія, ослабительныя молніи, какъ змѣи олясывали весь лагерь и страшный, можно сказать троллическій, ливень сразу обрушился на лалатки; въ какія-нибудь четверть часа долина уже обратилась въ сплошное озеро: неудержимые потоки пересѣкали эту водяную площадь, несась со страшною быстротою и уносили все что понадалось на пути; а лалатки... лалатки дѣйствительно изображали лебедей и расплылись по озеру, бѣгая при вспышкахъ ослабительной молніи своими растерзанными доскутами, разсѣянными по водѣ. Лагерь былъ подмытъ весь, и только немногія офицерскія лалатки, стоявшія покрѣпче, еще подымали кверху свои острые, дрожавшіе коньки; но положеніе ихъ обитателей все же было плачевное: у кого были койки, тѣ должны были забраться на нихъ съ ногами, а у кого тюфаки помѣщались на землѣ тѣ вмѣстѣ съ ними готовились къ плаванію. Вещи, отчасти офицерскія, но особенно солдатскія, плавали между бѣлѣвшихъ кусковъ палаточнаго холста и попадаая въ который-нибудь изъ потоковъ, безвозвратно мчались въ Марицу; несомыя потоками воды откуда-то жерди и даже бревна сметали на пути все и суетившихся людей сшибали съ ногъ. Одна островерхая, круглая, обширная зеленая лалатка маркиганта Боруха, стоявшая на бугрѣ, важничала тѣмъ что стояла на сушѣ, но и эта сушь представляла миниатюрный островокъ, вокругъ котораго неся самый широкій и бѣшеный потокъ, такъ что бѣдному Жиду стоило громадныхъ усилій проложить узенькіе мосточки черезъ воду до ближайшаго покойнаго мѣстечка. Благодаря догадкѣ Боруха, многіе изъ офицеровъ спаслись отъ окончательной

подмочки и могаи хотя ночь провести въ сухомъ мѣстѣ; за то и Борухъ не остался въ накладѣ.

Въ одной изъ палатокъ укрывались чуть не по молвію въ водѣ четыре офицера, между которыми бмалъ и дежурный по полку Т—евъ; палатка эта, принадлежавшая ротному командиру О—ко, была двойная и потому почти не промокала, вслѣдствіе чего лампа, привѣшенная къ среднему столбику палатки, продолжала себѣ горѣть исправно. На столикѣ, между двухъ коекъ, красовалась бутылка коньяку и какая-то пародія на закуску, которую отпускалъ намъ Борухъ. Дождь не переставалъ, но казалось еще усиливался, если только этотъ ливень, падавшій какъ изъ ушата, могъ еще усилиться.

— Это чортъ знаетъ что! проговорилъ Т—евъ, приподнимая краешекъ полога и выглядывая на тьму:—вѣдь насъ совсемъ затопитъ если дождь прохлещетъ всю ночь.

Онъ всмотрѣлся въ сторону сосѣдней палатки: изъ нея тоже торчала голова, слабо освѣщенная матовымъ отблескомъ огонька, пробившагося сквозь палаточный холстъ.

Послышалось какое-то шепелье по лужѣ не вдалекѣ. Т—евъ сталъ вглядываться: блестящая молнія освѣтила фигуры Скобелева и сопровождавшаго его казака. Т—евъ, какъ дежурный по полку, кинулся вонъ изъ палатки и отралпортовалъ генералу что по полку все обстоитъ благополучно.

— Хорошо благополучіе! замѣтилъ Скобелевъ, всплескивая лужу концомъ сапога:—а что люди ужинали?

— Ужинали, ваше превосходительство!

Дѣйствительно барабанъ давно уже прогремѣлъ къ живу.

Въ это время и Б—скій вылезъ изъ палатки; Скобелевъ задалъ и ему тотъ же вопросъ. „У-ужинали, ваше превосходительство!“ отвѣтилъ и тотъ.

— Ну, нечего сказать! хороши же вы, господа, ротные командиры, такъ-то вы заботитесь о своихъ солдатахъ!

Онъ обернулся къ О—ко, который только что выползъ изъ-подъ полога своей палатки:

— Ваши люди ужинали, поручикъ?

— На ужинъ бѣда, ваше превосходительство, но дождь помѣшалъ; кухни размыло и залило!

— Вотъ господа, прямой отвѣтъ, бросилъ Скобелевъ первымъ двумъ офицерамъ:—а вы, штабсъ-капитанъ, обратилася свѣ къ Т—еву, извольте по моему отвѣздѣ отправиться къ

командиру полка и сказать ему все что говорили мы. Что касается меня, я прикажу отдать вамъ въ приказѣ выговоръ.

— По корпусу, ваше превосходительство? смиренно спросилъ Т—съ, намекая на недавнее назначеніе Скобелева командующимъ четвертымъ корпусомъ.

— Конечно по корпусу! воскликнулъ генералъ съ отблескомъ той молодцоватости въ голосѣ и позѣ которая проявляется у молодого офицера, только-что получившаго въ командование часть не соответствующую его юнымъ годамъ. Но Скобелевъ въ ту же минуту замѣтилъ что попался на удочку, улыбнулся себѣ въ баки, висѣвшія на этотъ разъ книзу мокрыми космами, и обращаясь къ О—ко спросилъ:

— Можно поотрахануться у васъ въ палаткѣ?

Онъ былъ въ одномъ сюртукѣ и промокъ до костей.

Скобелевъ выпилъ рюмку коньяку, болатая ногами въ водѣ, залившей палатку чуть не на поларшина глубины. Поразспросивъ о дождѣ и лагерныхъ изъязнахъ учиненныхъ водою, онъ всталъ:

— Спасибо, господа! А теперь пойдемъ осмотрѣть лагерь.

Черезъ минуту вся группа, съ генераломъ во главѣ, уже шагала по озеру къ передней линейкѣ; казакъ съ лошадьми въ поводу замыкалъ шествіе. Моанія освѣтила любимого солдатами блявня счастья въ пяти шагахъ отъ часового: тотъ узналъ генерала, и громкое неопредѣленное восклицаніе выразило изумленіе солдата. Черезъ пять минутъ весь лагерь уже зналъ что „отецъ“ пріѣхалъ понавѣдать „своихъ дѣтокъ“.

Скобелевъ обогнулъ всю картину разрушенія и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ восстановленію возможнаго порядка.

Его неожиданный пріѣздъ не могъ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ солдатскомъ сердцѣ. И дѣйствительно, врядъ ли кто изъ другихъ начальствующихъ лицъ двинулся изъ города къ своимъ частямъ подъ это море воды, хлеставшее съ неба; а Скобелевъ, „отецъ своихъ солдатъ“, не задумался бросить теплую, освѣщенную залу, вскочить на коня и мчаться въ эту погоду провѣдать „своихъ молодцовъ.“ \* Дай Боже побольше такихъ отцовъ-начальниковъ!

На слѣдующій день было получено въ полку распоряженіе Скобелева о постройкѣ немедленно для полка бараконъ; мѣст-

\* „Здорово, молодцы!“ обычный пріятъ Скобелева „своихъ“ солдатомъ.

ность указана вѣво отъ шоссе, на довольно отлогой площадке у подошвы одного изъ холмовъ увѣчанныхъ редутами. Командиръ полка, полковникъ Эрь, только что возвратившійся изъ отпуску и принявшій отъ Мамевскаго полка, поручилъ разбивку мѣста подъ барачный лагерь и самую постройку барачковъ мѣ, подъ наблюденіемъ подполковника Безбородова.

Порученная мѣ задача была не совсѣмъ-то легкая, не потому чтобъ я съ ней не могъ справиться,—въ строикѣ я кое-что смыслю,—а потому что солдатамъ до смерти не хотѣлось зимовать въ баракахъ въ полѣ, всѣхъ тянуло на теплыя городскія квартиры. Скобелевъ и самъ былъ того мѣнія что насиловать солдатское здоровье не дѣло, и что людей замаявшихся гигантскими боевыми трудами не грѣхъ побаловать нѣкоторымъ удобствомъ; но это было частное мѣніе, а официальное было приказъ строить бараки. Значить мѣ предстояло соединить эти двѣ противоположности и устроить чтобъ и баракамъ остались довольны, и чтобы полкъ поставилъ на городскія квартиры. Къ счастью, мѣ удалось исполнить это сочетаніе.

Первымъ дѣломъ мы конечно осмотрѣли мѣсто и приблизительно отбили кольями нужное пространство. Затѣмъ я нарисовалъ планъ барака по разчету на тридцать человекъ и составилъ смету; Скобелевъ нашелъ планъ хорошимъ и приказалъ немедленно строить образцовый баракъ. Въ видахъ экономіи, я просилъ разрѣшенія, при возведеніи стѣнокъ дерево замѣнить камнемъ и воспользоваться для этого обложкой рвовъ турецкаго редута расположеннаго надъ нашею головою. Это позволили мѣ, и тогда я обратился къ командиру полка съ просьбой командировать въ мое распоряженіе по три унтеръ-офицера, по пяти ефрейторовъ и по десяти рядовыхъ отъ каждой роты, преимущественно смыслящихъ въ топорной и каменной работахъ: и это было исполнено, ибо я представлялъ что эти люди, присмотрѣвшись къ моей строикѣ, послужатъ мѣ большою помощью къ скорѣйшей постройкѣ лагеря. Работа закипѣла: камни стали градомъ скатываться по крутизнамъ холма; отъ редута вплоть до самаго мѣста постройки два человека спускаютъ камень, и онъ кубаремъ примчится прямо куда слѣдуетъ, такъ что и лошадей для возки не требовалось. Лѣсъ подвозился съ рынка; топоры и кирки весело стучали, эхо сосѣднихъ долинъ и ущелій аком-



лаживало рабочимъ словно барабанною дробью. Но въ душѣ у меня сидѣла одна забота: какъ бы затянуть подолѣе мою стройку, и я каждое утро и вечеръ поглядывалъ на небо, и наконецъ оно утѣшило меня сверхъ ожиданія. Въ одинъ прекрасный вечеръ солнце краснымъ заревомъ свѣло въ тучу, и на утро всѣ ямы вырытыя для столбовъ были полны до края дождевою водою. Я даже имѣлъ возможность выказывать сверхкомплектную энергію, пристава къ подполковнику Безбородову съ требованіями скорѣйшей доставки слегъ, строилъ и тесу. Термометръ падалъ шибко, а бараки мой подвигался еще шибче, и я наконецъ донесъ командиру полка объ его окончаніи и просилъ осмотрѣть мое произведеніе. Какъ разъ Скобелевъ пріѣхалъ въ это время въ лагерь, и всѣ отправились на мѣсто стройки.

Скобелевъ остался очень доволенъ баракомъ. Благодаря меня, онъ сказалъ между прочимъ; „вотъ такіе бараки недурно было бы намъ имѣть подѣ Плевной! Да вы тутъ новый Адрианополь пожалуй выстроите.“ Я отвѣчалъ генералу что можетъ помѣшать погода, указалъ ему на воду въ ямахъ и о термометръ не умолчалъ, и закончилъ выводомъ изъ всего этого что ноябрь на носу и что времени на постройку нѣтъ: поздно спохватились. Подумалъ Скобелевъ, покрутилъ свои богатырскія баки и вернулся въ лагерь. Позавтракавъ у командира полка онъ уѣхалъ, а по лагерю разнеслась радостная вѣсть: послать въ городъ квартирьеровъ для отвода квартиръ подѣ размѣщеніе полка.

На утро слѣдующаго дня полкъ выстроился на мѣстѣ сятаго лагеря и съ музыкой и лѣсками вошелъ въ болгарское предмѣстье, по которому и рассылался сперва ротами, потомъ взводами, по указанію квартирьеровъ, и въ полчаса отъ этой громадной бѣлой массы не видѣлось и слѣда въ узенькихъ улицахъ города; точь-въ-точь какъ громадная лавина, слетѣвшая изъ-за облачной выси, рассыпается внизу и растаетъ безслѣдно.

Кудрявцевъ былъ назначенъ въ числѣ квартирьеровъ и конечно пріобрѣлъ для насъ квартиру не дурную. Въ очень чистомъ и высокомъ каменномъ заборѣ тупаго проулочка видѣлась широкая двустворчатая дверь (врата) темно красного цвѣта, которая распахнулась предо мною на обѣ створки; по тремъ каменнымъ ступенямъ взшелъ я на вымощенный каменными плитами небольшой дворикъ съ припод-

ватымъ садикомъ; на площадкѣ встрѣтила меня хозяйка, огречившаяся Болгарка мать Марія съ двумя дочерьми, Еленкой и Евпраксией; вдали у лавейки на сосѣдній дворъ толпилась куча дѣвицъ и молодцовъ.

„Заловѣдай, \* господине капитане!“ встрѣтила меня хозяйка, еще очень бодрая старушка, и поднесла хлѣбъ-соль, затѣмъ представивъ дочерей, пригласила на веранду, гдѣ на низкомъ столикѣ были уже приготовлены ракія, варенье и стаканы воды.

Комната отведенная намъ была вѣнво съ веранды, просторная, свѣтлая, съ широкими турецкими диванами по тремъ стѣнамъ; четвертую, внутреннюю, занималъ каминъ, съ двумя широкими шкапами по бокамъ, вѣшанными въ стѣну; въ углахъ, на просторныхъ тумбахъ, красовались два мангала, въ красивыхъ, арко блестящихъ вазахъ красной мѣди. Мангалъ—это жестяная жаровня въ которую насылаются горячіе угли; онъ закрываетъ печь. Угли такъ хорошо приготовлены что угара опасаться нечего, а комната нагревается прекрасно; для большей красоты, эти мангалы ставятся въ прекрасныя вазы; чѣмъ богаче хозяева тѣмъ вазы лучше и дороже, и нерѣдко вычеканены изъ чистаго серебра.

Два окна, украшенные драпировками, хорошо освѣщали комнату; въ переднемъ углу помѣщалась икона Св. Іоанна Предтечи изображеннаго съ крыльями; мнѣ это было ново, но потому я узналъ что у Грековъ и Болгаръ Предтеча всегда такъ пишется.

Вѣнво, черезъ дворикъ, помѣщалась кухня, гдѣ уже возились наши денщики прилаживая разныя полочки; вправо, во глубинѣ двора, видѣлась часть веранды сосѣдняго дома, гдѣ, оказалось, жилъ архимандритъ, настоятель болгарскаго реставрированнаго храма. Въ углу, въ стѣнѣ, чернѣлось отверстіе чего-то въ родѣ калиточки, но такой маленькой что надо согнуться вдвое чтобы въ нее пройти; въ послѣдствіи оказалось что всѣ дворы соединены этими калитками, такъ что можно пройти громадное пространство не показывая носа на улицу и совершенно скрыть свои слѣды; вѣрно нужда прятаться отъ своихъ тирановъ научила христіанъ этой безхитростной хитрости. Прямо предъ верандой красовался

\* „Заловѣдайте“, по-русски: пожалуйста, милости просимъ, продайте и „съ Богомъ“.

прекрасный насосный колодезь и телерь, благодаря появлению двухъ русскихъ калитановъ, сосѣднія *малычки* что-то ужь очень возлюбили его.

Важнаи мы прииѣвваючи; съ перваго же дня мы сошлись съ хозяевами какъ съ родными. Когда-то и Русь православною славилась гостеприимствомъ: пожалуй оно и телерь еще не совсѣмъ перевелось; но истинное, патріархальное гостеприимство видите на Востоку, у Сербовъ, Черногорцевъ, Болгарь. Туда еще не провякла европейская дряхлость и сушь; тамъ еще сохранились въ неприкосновенности и семья, и родственныя узы, и сердца людей.

Я очень сошелся съ сыномъ хозяйки, Атанасомъ Найденовымъ; это былъ высокій, красивый молодець лѣтъ двадцати лѣтъ, съ подутреческими чертами лица, къ которому очень шла темнокрасная феска. Феска была общимъ головнымъ уборомъ: болгарская шапка еще не получила права гражданства. У Атанаса были свои лавки и что-то въ родѣ подворья съ крошечными нумерами; онъ былъ для меня неодоленнымъ проводникомъ при ознакомленіи съ городамъ.

Солдатамъ нашимъ тоже нужно отдать справедливость: за рѣдкими исключениями, они скоро сходились съ хозяевами, безъ различія національностей; они становились почти членами семьи въ которой приходилось жить. Начальство почему-то такую возымѣло любезность къ Туркамъ что вся тяжесть постоя легла на христіанскіе дома; но мѣстами волей-неволей приходилось ставить солдатъ и въ турецкіе дворы (отнюдь не болѣе двухъ, четырехъ на дворъ); и, по правдѣ сказать, съ Турками солдаты сходились еще скорѣе и ближе. Солдаты помогали хозяевамъ въ домашнихъ работахъ, даже съ дѣтьми нянчились. Часто приходилось наткаться на такую картинку: сидитъ на завадникѣ турецкой *кышты* (дома) солдатикъ, а верхомъ на его шеѣ гарцуетъ трехлѣтній Османка, дѣлая ватага ему подобныхъ лѣзетъ на него со всѣхъ сторонъ, немилосердо тормоза добродушнаго героя. Молодая Турчанка-мать и не думаетъ закрывать своего улыбающагося лица, а супругъ ея ужь непремѣнно припасетъ своему постояльцу флажку добраго вина или ракии.

Между тѣмъ, Кудрявцеву пришлось переселиться поближе къ своей ротѣ и остались мы вдвоемъ съ Макаромъ.

Съ какимъ удовольствіемъ окунулся я въ мирную, тихую, семейную жизнь. И въ городъ не тянуло. Обѣдалъ и распи-

валъ чашекъ съ хозяевами, писалъ свои замѣтки; вечеромъ во-  
зился съ цѣлою кучей дѣтей, очень ко мнѣ благоволившихъ,  
вѣроятно за лакомства которыми я личкалъ ихъ порою.

Вдругъ получался пакетъ изъ полка; читаю, предложеніе  
„немедленно съ полученіемъ сего отправиться на мѣсто рас-  
положенія сапернаго баталіона подъ Адрианополемъ, осмо-  
трѣть тамъ устройство землянокъ и планъ ихъ сегодня же  
представить командиру полка“. Пока мой Макарь ходилъ за-  
лошадью, я разчитывалъ службу ли слетать и вернуться за  
свѣтло, ибо получилъ бумагу уже въ половинѣ втораго; за-  
тѣмъ заготовилъ карандашъ и лоддиста бумаги, взялъ гото-  
вальню, тушь и прочее, и едва успѣлъ натянуть салоги, какъ  
съ тупика раздался звукъ подковъ.

Черезъ десять минутъ я уже былъ въ саперномъ лагерѣ,  
расположенномъ между берегомъ Марицы и Карагачомъ; при-  
скакалъ туда я весь забрызганный грязью. Хотя послѣдніе  
три дня и перепали дожди, но сидя дома и видя предъ гла-  
зами только чистый, мощный дворъ, да свѣжую зелень  
цвѣтника, совсѣмъ забылъ о томъ что грязи отъ малѣйшаго  
дождя накопляется въ Адрианополѣ пожалуй не менѣе чѣмъ  
въ Москвѣ.

Снявъ наскоро планъ и фасадъ первой попавшейся землянки  
и записавъ ея размѣры, я рысдой отправился назадъ; было уже  
совсѣмъ темно когда я пріѣхалъ домой; къ девяти часамъ планъ  
начисто былъ готовъ, и я взявъ бумажный фонарь (по ве-  
черамъ всѣ ходили съ такими фонарями: оригинально, кра-  
сиво и удобно), отправился къ командиру полка.

— Вотъ и прекрасно, благодарю васъ, сказалъ мнѣ пол-  
ковникъ Эрнъ:—вамъ же и строить. Приготовьтесь завтра  
въ 7 часовъ утра ѣхать со мной осмотрѣть мѣста для лагеря,  
за землянками Владимірскаго полка.

— Какъ, полковникъ, опять въ землянки? воскликнулъ я.—  
Но почему же?

— Да вѣрно другимъ завидно что мы стоимъ въ городѣ.

Я вернулся домой съ твердымъ намѣреніемъ избавить такъ  
или иначе полкъ отъ этой напасті. Я всегда считалъ эти  
землянки сущимъ ядомъ для солдатъ: какъ бы вы ее ни  
устроили хорошо и старательно, отъ сырости, затхлости са-  
маго воздуха и вони производимой полушубками и прочими  
солдатскими принадлежностями, никакъ не избавишься, и за-  
ставлятъ лятнадцать человекъ набитыхъ тамъ какъ сельди

въ боченкѣ, дышать этою отравой нѣсколько, не говорю мѣсяцевъ, а даже дней, безбожно. Другое дѣло если дѣться не куда, какъ было при осадѣ Плевны: нужда и рогожный шалашь сдѣлаетъ порою дороже палатъ.

Въ семь часовъ утра я сидѣлъ на конѣ уже у квартиры командира полка верхомъ; вскорѣ вышелъ и полковникъ и сѣлъ въ сѣдло.

Мы поѣхали околицей города въ гору, перевалили первый кражъ холмовъ, пересѣкли сѣверо-восточную окраину турецкаго квартала и выѣхали наконецъ къ землянкамъ Владимірскаго полка. Проѣхавъ лагерь, мы остановились на высившемся холмѣ и осмотрѣли мѣстность. Вскорѣ мѣсто было выбрано около обильнаго водой фонтана. Назначенный для работъ 1й баталіонъ нашъ, подъ командой подполковника Черкасова, вышелъ изъ города на другой день утромъ и сталъ въ палаткахъ по откосу холма, близъ назначеннаго мѣста; но мнѣ, въ виду легкаго нездоровья, командиръ полка разрѣшилъ сперва остаться въ городѣ, только непремѣнно быть ежедневно къ 8 часамъ утра на работахъ.

На слѣдующій день мѣсто для землянокъ было разбито и приступили къ выкалыванію ямъ для стоекъ. Два дня стояли какъ на зло великолѣпные; солдатики всѣхъ ротъ тянулись непрерывными веревками изъ города, перетаскивая жерди, слеги и доски на назначенныя для ротъ мѣста; но расположеніе моего духа портилось; я ломалъ голову надъ способомъ замедленія стройки, но ничего нельзя было подѣлать, да въдобавокъ я проспалъ разъ и пріѣхалъ на стройку вмѣсто восьми въ 9½ часовъ, за что получилъ нахлобучку и приказаніе переселиться въ палатку.

Но какъ разъ на другой день, часу въ двѣнадцатомъ, налетѣла туча съ вихремъ; баталіонныя палатки унесло на противоположный холмъ, а людей промочило до нитки; отрядили десятка четыре солдатъ собирать палатки. Прискакалъ Скобелевъ, вспомнившій во время вихря, порядкомъ напавшаго и въ городѣ, о первомъ баталіонѣ Суздальскаго полка и явившійся посмотреть на судьбы его. Видъ представившійся его взорамъ былъ такъ плачевенъ что онъ не нашелъ ничего болѣе какъ спросить у перваго солдата: — Что плохо здѣсь стоять?

— Плохо, ваше превосходительство!

— А хорошо просушило?

— Распрекрасно, ваше превосходительство, отвѣтилъ солдатъ серьезно.

Скобелевъ засмѣялся и обратился къ Черкасову сказалъ:

— Господинъ подполковникъ, какъ соберутъ палатки, ведите баталіонъ въ городъ на прежнія квартиры; только первая рота пусть остается здѣсь.

Скобелевъ уѣхалъ, и черезъ день явилась во Владимірскій лагерь комиссія изъ пяти главныхъ врачей для осмотра землянокъ и рѣшенія вопроса быть или не быть землянкамъ Суздальскаго полка, то-есть вредны ли вообще землянки или нѣтъ. Я зорко караулил прибытіе этой комиссіи, о которой былъ уже предупрежденъ, и потому мой вѣстовой меня уведомилъ какъ только груда всадниковъ выѣхала изъ города, такъ что я послѣлъ во Владимірскій полкъ какъ разъ въ то время когда санитарная комиссія слѣзала съ лошадей. Въ числѣ членовъ комиссіи оказался и нашъ дивизионный врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Холдовъ, который меня зналъ лично. Я заявилъ комиссіи что завѣдую постройкой суздальскихъ землянокъ и просилъ разрѣшенія участвовать въ осмотрѣ чтобы воспользоваться замѣчаніями комиссіи. Корпусный врачъ, которому Холдовъ представилъ меня охотно, предложилъ мнѣ солугствовать комиссіи въ ея осмотрахъ. Я вздохнулъ свободно; планъ у меня былъ въ минуту обдуманъ: останемся въ городѣ несмотря на всю щеголеватость правофланговой землянки въ которую вступала комиссія. На лѣвомъ флангѣ я замѣтилъ трещины въ покрышкѣ по крайней мѣрѣ въ палецъ ширины. Зная отлично что въ приготовленныхъ для осмотра землянкахъ должно все обстоять благополучно, я оставилъ комиссію осматривать ихъ и побѣжалъ на лѣвый флангъ роты; во второй землянкѣ съ краю я нашелъ всѣхъ помѣщающихся въ ней пятнадцать человекъ въ сборѣ; поперекъ на веревочкахъ сушилось бѣлье; нѣсколько ружей подвѣшаны къ потолку.

— Скверно же у васъ братцы! сказалъ я жмуря глаза отъ ударившей въ нихъ вѣткой струи воздуха.

— Точно такъ, ваше благородіе, былъ отвѣтъ вскочившихъ солдатъ.

— Закрѣпить окно и дверь, сказалъ я бывшему тутъ унтеръ-офицеру:—надо чтобы комиссія видѣла что такое землянки; и пусть никто не выходитъ отсюда!

— Слушаю, ваше благородіе, возгласилъ унтеръ-офицеръ.

Когда я подходилъ опять къ правому флангу, коммиссія выѣзжала изъ третьей землянки.

— Очень хорошо! Очень удобно! говорили врачи.

Я подошелъ къ Хохлову и сказалъ что они видѣли образцовыя землянки, а я просилъ бы ихъ посмотрѣть теперь на настоящія землянки. Тотъ передалъ мою просьбу старшему врачу, и тотъ, посмотрѣвъ на меня съ недоумѣніемъ, сказалъ:

— Покажите, капитанъ.

Ротный командиръ, сіявшій отъ удовольствія, также вытирашилъ на меня глаза.

Мы подошли къ посвященной уже мной землянкѣ.

— Постарайтесь войти впередъ, ваше превосходительство, отнесся я къ старшему врачу. Тотъ распахнулъ дверь, вошелъ, но не сдѣлавъ и трехъ шаговъ пошатнулся назадъ вѣсть со слѣдовавшими за нимъ. Я, проскользнулъ впередъ.

— Здѣсь дышать невозможно, ужасно! слышалось общее восклицаніе.

— Позвольте мнѣ еще поразспросить здѣшнихъ жителей, отнесся я къ докторамъ, и не ожидая отвѣта, спросилъ солдатъ:

— Чтò, братцы, сыро-таки у васъ?

— Точно такъ, ваше благородіе, больно сыро.

— И тѣсно?

— Повернуться негдѣ, ваше благородіе.

— А отчего у васъ ружья такъ высоко подвѣшены? спросилъ старшій врачъ, прикрывая ротъ платкомъ.

— Да больно ржавѣютъ внизу, у стѣнокъ мокреть во кака, ваше превосходительство, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Какой запахъ у васъ! Развѣ можно здѣсь развѣшивать сушиться всякую гадость? указалъ докторъ на бѣлье висѣвшее на веревочкѣ.

— Некуда дѣвать ихъ, ваше превосходительство.

— Но для бѣлья необходимо сдѣлать отдѣльные сарайчики, обратился докторъ къ ротному командиру,—а такъ невозможно.

— У насъ нѣтъ средствъ на подобную роскошь, ваше превосходительство, отвѣчалъ поручикъ Ч.

— Вамъ вѣрно здѣсь плохо? отнесся докторъ къ солдатамъ.

— Точно такъ, очень плохо, хоромъ отвѣтили они.

— Выйдемте, господа, тутъ катарръ легкихъ схватить, промолвилъ Хохловъ, и всѣ вышли вонъ.

— Обратите, господа, вниманіе, на крыши, сказалъ я комиссіи.— Видите ли, вчера былъ дождь, а сегодня солнце жарить, и вотъ какія трещины въ земляной крышѣ. Что если пойдетъ къ вечеру дождь, каково будетъ въ землянкѣ?

При выходѣ изъ лѣтой землянки, комиссія громко заявила что стоянка въ землянкахъ въ санитарномъ отношеніи невысима. Члены комиссіи между прочимъ сговорились поѣхать взглянуть городскія квартиры нашего полка; когда Хохловъ передалъ мнѣ объ этомъ, я воспользовался временемъ когда господа врачи отдыхали и завтракали въ полковомъ маркитантскомъ баракѣ; мой вѣстовой мчался уже въ городъ съ запиской къ Кудрявцеву предупредить ротныхъ командировъ о предстоящемъ осмотрѣ.

Провожая комиссію, я былъ уже совсѣмъ покоенъ \* и ожидалъ приказанія отвести роту въ городъ. Я не ошибся.

На утро ко мнѣ пріѣхалъ Черкасовъ навѣстить меня, а вслѣдъ почти за нимъ явился и самъ Скобелевъ съ какимъ-то генераломъ и большою свитой, и побалагуривъ по обыкновению съ солдатами, приказалъ вернуться въ городъ.

Хозяйки встрѣтили меня съ великою радостью: „то добре, капитанъ Василь! какъ будешь сѣдѣть тука!“ восклицали онѣ. Цѣлая ватага сосѣдокъ явилась съ подобными привѣтами. Сосѣдка, владѣлица рядомъ стоявшаго дома, маменька двухъ очень хорошенькихъ дочекъ, Анастасіи и Кириаки, слѣпая старушка, видѣвшая Русскихъ дѣвочкой еще въ 1829 году, изъявляя свою радость по поводу моего возвращенія, охала только о томъ что не можетъ видѣть такіе ли Русскіе теперь какъ были прежде. Въ послѣдствіи мнѣ случилось въ 1880 году быть у моихъ адрианопольскихъ хозяевъ; старушкѣ мѣсяца за два предъ тѣмъ сдѣлана была операція и она прозрѣла; ея желаніе увидѣть нынѣшняго Русскаго исполнилось на мнѣ: не знаю насколько она польстила мнѣ, увѣряя что Русскіе не измѣнились, но что объятія ея, ласки и слезы радости при этомъ были совершенно искренни, это не подлежало сомнѣнію.

Опять потекло тихое и мирное житье; стали составляться офицерскіе кружки; играли въ карты, лѣли хоромъ; Болгары

\* Покажъ расположенъ былъ прекрасно, и мое предупрежденіе имѣло цѣлую исправленіе совершенно случайныхъ безпорядковъ.



и Болгарки охотно посѣщали наши вечеринки. Время летѣло незамѣтно.

Сутокъ за двое до Николина дня вдругъ пронесся слухъ о приказѣ полку выступить, то-есть перейти въ наступленіе и занять городъ Узунъ-Кѣпри\*.

И вотъ, 8 декабря, въ 7 часовъ утра, полкъ, провожаемый всѣмъ населеніемъ болгарскаго предмѣстья, сталъ выстраиваться за околицей, на мѣстѣ бывшего лагеря. Страшный туманъ висѣлъ надъ долиной Марицы и городомъ, не только окутывая дома, но даже стелаясь по травѣ поля; положительно въ пяти шагахъ не было ничего видно; роты во время сбора не только перемѣшивались, но въ полномъ смыслѣ плутали по переулкамъ, и едва къ 10 часамъ собрались на мѣстѣ. Въ половинѣ одиннадцатаго мы наконецъ тронулись въ путь при звукахъ полковаго „Скобелевскаго“ марша, написаннаго почтеннымъ старичкомъ - калельмейстеромъ нашего полка г. Гессе. Когда наконецъ музыка замолкла, были вызваны пѣсенники впередъ, и путь продолжался подъ размахистое и разудалое солдатское пѣніе.

## V.

Ночевка въ Татаркѣѣ.—Вступленіе въ Узунъ-Кѣпри.—Охота на болотную дичь и кабановъ.—Моя поѣздка въ Филиппополь и обрушившійся мостъ.—Мода на кодуны.—Радость моего хозяина Турка.—Смотръ генерала Скобелева.—Практическая стрѣльба.—Сѣвнѣя оружія.—Перебѣщичи турецкіе.—Выступленіе въ Демотику.

Къ двѣнадцати часамъ туманъ поднялся, провисѣлъ въ воздухѣ надъ нашими головами нѣкоторое время въ видѣ грязнаго полога и вскорѣ исчезъ въ поднебесной выси. Идти было чрезвычайно легко; болтовня несмолкала. Командиръ полка вѣхалъ впередъ, окруженный офицерами. Разказывались адрианопольскія впечатлѣнія. Въ половинѣ втораго сдѣланъ былъ привалъ.

По случаю поздняго выступленія мы добрались до Татаркѣѣѣ уже вечеромъ; совсѣмъ смерклося, ни зги не было видно, еле-еле мерцали тускые, рѣдкіе огоньки въ кыштахъ; селеніе

\* По-русски „длинный мостъ“.

было расположено по склонамъ глубокаго оврага, казавшагося отъ темноты совсѣмъ бездоннымъ. Мы долго блуждали въ темнотѣ, отыскивая мѣсто выбранное для ночевки; наконецъ дали сигналъ рожками, на звукъ которыхъ и явились наши квартирьеры. Полкъ разбилъ лагатики вѣтви отъ какой-то дороги по скату холма, у самой околицы селенія; вправо раскинулись шатры командира полка и офицеровъ. Распорядились зажечь костры, и при свѣтѣ началъ водворяться порядокъ. Я замѣтилъ не вдалекѣ на обрывѣ какого-то овражка кышту. Не долго думая, я отправился туда рѣшить занять ее для ночлега: на мой стукъ вышла хозяйка Болгарка; я объяснилъ что желаю только заснуть и былъ принятъ радушно.

Въ 9 часовъ утра полкъ выступилъ съ бивуака. Было часа два, когда предъ нами открылась долина рѣки Эргени. Вправо подбѣгали къ ней изъ-за холма рельсы желѣзной дороги и рисовалась желѣзнодорожная станція; рельсы заворачивали вѣтви вдоль русла рѣки и вмѣстѣ съ нею скрывались за утесистыми обрывыми спускавшейся къ ней насыпи, а прямо, верстахъ въ трехъ отъ станціи, видѣлся изъ-за верстула холма край города Узунъ-Кѣпри; фонъ картины составляли волнообразные холмы, покрытые кустарникомъ, да сѣренькое, подернутое зимними облаками небо. Видъ былъ далеко не казистый.

Мы спускались съ холма и сдѣлали привалъ около станціи желѣзной дороги чтобы дать подтянуться отсталымъ и обозу. Со станціи показались двѣ женскія фигуры въ солпождемѣ офицера: оказалось что это были двѣ наши полковныя дамы, гжи В. и О., только наканунѣ прибывшія изъ Россіи провѣдать своихъ мужей. Встрѣча съ ними произошла около желѣзнодорожнаго мостика.

Въ три часа мы тронулись, оставя вправо станцію и обогнувъ обрывистый буторъ, повернули направо по долинкѣ Эргени, по каменистой и не особенно грязной дорогѣ; весь Узунъ-Кѣпри открылся предъ нами сѣрымъ, довольно грязнымъ лятномъ, оцѣтчившимся нѣсколькими минаретами, окруженный убитою зимнимъ временемъ природой; хотя термометръ показывалъ 5—10 градусовъ тепла, но ни одного листочка не видѣлось на оголенныхъ деревьяхъ, и трава широкаго рѣчнаго луга стала уже совсѣмъ бурюю; только мѣстами, на болѣе потныхъ мѣстахъ Эргеньской поймы, ярко выдѣлялись пятна

какой-то свѣтлозеленой травы. Поперекъ рѣчной долины, отъ самой дороги и вплоть до города, рябили арки громаднаго, болѣе версты, каменнаго моста, отъ котораго и получилъ свое названіе городъ.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ нему тѣмъ яснѣе обрисовывались зданія города и эти арки, рѣзко выдвигая всю грандіозность этой постройки; вправо, по скату горы, чернѣлась почти разрушенная деревушка, гдѣ въ немногихъ къщатахъ ютились нѣсколько цыганскихъ семействъ. Замѣчу здѣсь кстати что мѣстные жители смотрятъ на Цыганъ вообще съ крайнимъ презрѣніемъ, почти не считая ихъ людьми: и дѣйствительно, они такъ грязны и забыты что къ чувству жадости невольно примѣшивается какое-то омерзѣніе. Когда въ разговорѣ съ мѣстными жителями намъ случалось выражать сожалѣніе о положеніи Цыганъ въ Турціи и приводить въ примѣръ наши зажиточные и набалованные хоры Петербурга и Москвы, то мнѣ казалось что на насъ начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и выражали недоумѣніе, какъ моль такіе образованные и хорошіе люди какъ Русскіе братушки, освободители и прочее, спускаются до того чтобы водиться съ какимъ-нибудь Цыганомъ, или, что и того хуже, съ Цыганкой!

Музыка, повернувъ на мостовой вѣздъ, грянула маршъ; солдатики подтянулись и весело отбивали салюги по безобразной каменной мостовой настлнкѣ; офицеры шли по плитнымъ тротуарамъ, проведеннымъ по обѣимъ сторонамъ моста, безпрестанно свѣшиваясь чрезъ толстыя каменные перила, ограждавшія края моста, рассматривая мутныя волны рѣки и ея заводей и глазѣя на цѣлый полкъ Турокъ-ластуховъ стерегшихъ разсыланное по долинѣ стадо.

Но вотъ безконечный мостъ кончился, и мы вступили на городскую площадь, гдѣ и остановились въ ожиданіи указаній квартирьеровъ. Грязь на площади была выше щиколки. прямо предъ нами подымалось граціозное зданіе мечети съ двухъяруснымъ минаретомъ; кругомъ пестрѣла пропасть лавокъ, лавченокъ и кафановъ. Влѣво, параллельно Эргеньской долинѣ, тянулась главная улица, оканчивавшаяся у православной церкви, засѣленная сплошь Греками и Болгарами. Прямо расходились вилообразно, имѣя въ углѣ мечеть, дѣвѣ—проулокъ, правѣ—улица; тутъ уже почти сплошь населеніе турецкое и только вправо, ближе къ долинѣ, тянулись

четвертая и пятая улицы со смѣшаннымъ населеніемъ. На одной изъ нихъ красовался довольно сносный двухъэтажный домъ занятый подъ полковой лазаретъ. Строенія города очень мизерны въ большинствѣ, хотя есть десятка три и двухъэтажныхъ домовъ, конечно греческихъ или принадлежащихъ огречившимся Болгарамъ. Вообще Узунъ - Кёпри напоминалъ одинъ изъ грязненькихъ русскихъ уѣздныхъ городковъ.

Квартира мнѣ была отведена въ проулкѣ, влѣво отъ мечети, въ турецкомъ домѣ. Едва я ступилъ на дворъ, какъ меня встрѣтилъ съ поклонами хозяинъ Турокъ, старикъ Сулейманъ, въ сопровожденіи хорошенькаго тринадцатилѣтняго внука своего Гусейна. Я направился къ лѣвой двери въ верандѣ, гдѣ была назначенная мнѣ камора. Правая дверь вела къ хозяину; въ ея щель, а также изъ-за сторы окна выходящаго на веранду блестяли три или четыре пары чьихъ-то темныхъ глазъ и раздавался капризный дѣтскій крикъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, младшаго внука хозяина трехлѣтняго Османа; глаза же, какъ я также узналъ потомъ, принадлежали его сестренкамъ: двѣнадцатилѣтней Эрмесъ и десятилѣтней Белларинъ; третья пара была собственность ихъ мамы закутанной въ фереджи, \* а четвертая должно быть какой-нибудь сосѣдки или родственницы. Старшій сынъ хозяина, отецъ этой мелочи, служилъ въ военной службѣ, былъ взятъ въ Никополѣ въ плѣны и поселенъ въ Киевѣ; оказалось что онъ восторженно писалъ отцу о жизни „на Руси“ и о прекрасномъ обращеніи съ плѣнными вообще, а съ нимъ въ особенности. Вѣроятно въ признательность за сына хозяинъ мой и встрѣтилъ меня съ крайнею любезностью: не успѣлъ я осмотрѣться въ моей очень простенькой, но замѣчательно чистой комнаткѣ, какъ дверь распахнулась, появилась сперва самъ Сулейманъ, держа на рукахъ Османа (оказалось что это любимецъ старика) въ черной ермолкѣ на русой, вьющейся головкѣ, а за ними Гусейнъ и Эрмесъ втащили низенькій круглый не то столъ, не то подносъ на ножкахъ, покрытый синею скатертью. Поставивъ его подлѣ низкаго дивана они исчезли, но вернулись тотчасъ же въ сопровожденіи младшей сестры съ разными разностями, и чрезъ минуту столъ былъ уставленъ фляжками съ краснымъ

\* „Фереджи“—покрывало, укутывающее голову и лицо, такъ что только видны глаза.

и бѣлымъ виномъ и ракіей, тарелками съ вареньемъ, фруктами и маринованнымъ виноградомъ (его маринуютъ въ горчицѣ: оригинально, некрасиво, но довольно вкусно); несмотря на Коранъ, старики угощая меня и моего Макара (Болгары, Греки и Турки, даже зажиточныхъ домовъ сажаютъ большею частью прислугу за столъ съ собой) и самъ хлебнудъ добросовѣстно вина.

Первое время стоянки въ Узунъ-Кѣпри, благодаря не особенно хорошей погодѣ и наступившей зимѣ или правильнѣе заморозкамъ не превышавшимъ—3°, ученій не было никакихъ; грозила настоящая скука; но къ счастью въ Эргеньской долинѣ оказалось пропасть дичи, и охота была самымъ капитальнымъ развлеченіемъ для ея любителей, къ которымъ принадлежалъ и я. Отправляясь часовъ въ восемь утра я возвращался къ четыремъ съ нѣсколькими штуками фазановъ и утокъ.

Надо сказать что Забалканскій край, обильный водой, очень богатъ дичью; Турки не били ее, а Болгарамъ не чѣмъ было бить, ибо имъ не дозволялось имѣть никакого оружія при себѣ, даже простаго ножа, а потому ей было тутъ привольное житье: фазаны, куропатки носились стаями; дупелямъ и бекасамъ и счету не было, а утки, которыхъ я считалъ болѣе двѣнадцати породъ, положительно носились тучами; я помню разъ поѣздъ шелъ по берегу Ярымъ-Бургасскаго заливчика, и весь этотъ заливчикъ казался прикрытымъ густою темною сѣткой; поѣздъ по обыкновенію далъ пронзительный свистокъ, приближаясь къ станціи, вся эта сѣтка встрепенулась и поднялась на воздухъ въ видѣ густаго облака, такъ что закрыла солнце; я думаю тутъ были десятки тысячъ дикихъ утокъ.

Помню разъ утро было чудесное; выпалъ за ночь легкій снѣжокъ, покрывъ землю на палецъ; морозецъ въ три градуса оденулъ немного грязь, такъ что ходьба стала много легче. Я доканчивалъ второй стаканъ чаю какъ дверь отворилась и на порогѣ показался мой пріятель по охотѣ, Болгаринъ изъ поселянъ; „Ангель“, онъ явился съ приглашеніемъ на охоту. Взглянувъ на его ремингтоновскую винтовку, я спросилъ его съ недоумѣніемъ: неужели онъ сегодня намѣренъ бить фазановъ и утокъ пулями.

Но добродушный братушка, улыбаясь во весь ротъ, сообщилъ что человекъ тридцать Болгаръ собрались на охоту за

„дикую свинкой“, то-есть на кабановъ. Мнѣ еще ни разу въ жизни не приходилось быть на кабаньей охотѣ. Ангелъ прибавилъ что не худо пригласить еще калитановъ (всѣхъ офицеровъ жители звали калитанами), а когда я замѣтилъ что можно взять и солдатиковъ въ загонщики, то онъ пришелъ въ восторгъ, увѣряя что охота выйдетъ великолѣпная.

Я тотчасъ послалъ съ Макаромъ записочку къ поручику Янишевскому и чрезъ полчаса мы влятеромъ выѣхали въ ротной тележкѣ по дорогѣ въ с. Боево; сорокъ человекъ роты Янишевскаго съ Ангеломъ во главѣ отправились впереди.

Облава была назначена въ четырехъ верстахъ отъ города, въ долину какой-то рѣчонки, владающей въ Эргень ниже желѣзнодорожной станціи, сплошь заросшей тальникомъ, колючкой и высокими камышами. Когда мы подъѣхали къ бугру у спуска къ рѣчкѣ, команда наша была уже на мѣстѣ, но къ сожалѣнію нашему случилось недоразумѣніе: братушки не дождались Ангела и сдѣлали облаву безъ насъ. Въ результатѣ оказалось убитыми два поросенка; кабанъ остался невредимъ, а кабаниха видимо была ранена порядочно, судя по сильнымъ слѣдамъ крови на начинавшемъ ставать снѣжкѣ. Къ тому же братушки, удовлетворенные своею добычей, слѣшили домой.

Мы стали держать совѣтъ, что же предпринять.

Въ послѣдніе годы предъ войной мнѣ часто приходилось охотиться со Псковичами; эта охота настолько успѣла распространиться въ средней полосѣ Россіи что предполагаю о ней нечего распространяться здѣсь; такъ вотъ, отправляясь иногда со Псковичами въ загонъ, я немного наметался въ ихъ пріемахъ и предложилъ компаніи примѣнить къ дѣлу мои свѣдѣнія. Такъ и порѣшили. Солдаты были съ ружьями. Въ виду незнакомой кустарной и пересѣченной мѣстности, я отобралъ изъ солдатъ человекъ пять помышленіе и взялъ съ собою для загона; всѣхъ остальныхъ расположилъ по нумерамъ и, взявъ съ собою Ангела, отправился съ моею командой по направленію куда ушло кабанье семейство. Пройдя съ полверсты окраинной дола, мы повернули въ кусты и пересѣкли его полперекъ. Снѣжокъ въ долу вѣрно былъ лотолице и проталинъ еще не было, а потому слѣды были видны довольно ясно: намъ попалось три зайчьи и два лисьи выходныя слѣда, одинъ лисей входной и четыре кабаньи,

также входные снизу; послѣдніе были такъ ясны и лушписты что видимо кабаны вошли сюда не болѣе четверти часа назадъ; значитъ, въ кругу образуемомъ нашимъ слѣдомъ, цѣлью застрѣльщичьихъ нумеровъ и берегами долины, кромѣ ушедшихъ отъ братушекъ, было еще четыре кабана. Расположивъ моихъ солдатъ поперекъ дола на равномъ приблизительно разстояніи и приказавъ по моему сигналу идти впередъ, держа въ рукахъ ружье съ навязаннымъ на штыкъ платокъ чтобы мнѣ видно было ихъ движеніе съ берега, я возвратился на эту сторону и, давъ свистокъ, тихо пошелъ по направлению цѣли. Гонъ начался. Нѣсколько минутъ полная тишина царствовала надъ долиной, изрѣдка прерываемая хрустнувшей вѣткой; импровизированные Псковичи мои шли довольно ровно, судя по развѣвающимся надъ верхушками кустовъ платкомъ; вдругъ звонкое: „голь, голь!“ раздалось въ долу: это, согласно моей инструкціи, подавалъ голосъ первый, увидѣвшій звѣря чтобы предупредить товарищей и предупредить охотниковъ; платки задвигались быстрѣе; „голь, голь!“ загремѣло на лять тоновъ. Линія платковъ была уже шагахъ во ста отъ охотниковъ. Вдругъ одинъ платокъ въ срединѣ дола исчезъ и затѣмъ рѣзкій звукъ выстрѣла хрустнулъ въ кустахъ; всѣ платки остановились: ясно что одинъ изъ загонщиковъ наткнулся на звѣря близко, не выдержалъ и выпалилъ; это могло испортить всю охоту; я далъ рѣзкій и продолжительный свистъ: платки тронулись, но спустя минуту на нумерахъ, почти одновременно, раздались шесть выстрѣловъ. Затѣмъ все умолкло; безлистное дерево, торчавшее изъ кустовъ въ линіи нумеровъ привлекло вдругъ мое вниманіе: по его стволу поднялось чрезвычайно быстро что-то темное. Долъ былъ шириной около полуверсты, и сразу я не разсмотрѣлъ хорошо этого явленія, но вотъ фигура достигла сучьевъ, видно укрѣпилась на нихъ и начала издавать какіе-то звуки; минуты три спустя опять раздались почти въ разъ два выстрѣла, затѣмъ еще минута—и фигура моментально свалилась. Что за притча? думалось мнѣ. Дойдя до параллели перваго нумера я далъ тройной свистокъ, означавшій окончанія гона; охотники одинъ за другимъ стали выползати изъ кустовъ, и вотъ каковъ былъ результатъ охоты: стрѣлявшій въ загонъ наткнулся на равную кабануху и покончилъ съ нею, ибо она не могла даже скоро подняться; два поросенка убиты были нумерными, а явленіе на деревѣ

своею комичностью разсмѣшило насъ всѣхъ: огромный кабанъ бѣжалъ прямо на солдатика стоявшаго какъ разъ за этимъ деревомъ; тотъ должно-быть сроду не видывалъ такихъ страховъ, не выдержалъ его какъ слѣдуетъ и далъ выстрѣлъ еще шаговъ за пятьдесятъ; дальность разстоянія, сучья, мѣшавшіе вѣрности прицѣлу, а болѣе всего конечно дрожаніе рукъ обязательно произвели промахъ; кабанъ кинулся прямо на солдатика, тотъ бросилъ ружье, догадался махнуть на дерево, а кабанъ занялся разметываніемъ клыками корней этого дерева, тогда солдатикъ заоралъ, на его крикъ приблизились оба его сосѣда; кабанъ видя что дѣло плохо счелъ за лучшее удрать и юркнулъ въ кусты; преслѣдовавшіе его два выстрѣла тоже пропали даромъ. Отъ радости избавленія солдатикъ не слѣзъ, а прямо спрыгнулъ съ дерева и явился весь перелачканный въ грязи. Въ результатъ всѣ остались довольны охотой, и мы съ торжествомъ возвратились въ Узунъ-Кѣлири.

Не задолго до Рождества мнѣ пришлось принять 4ю роту, ея командиръ капитанъ Варошинъ былъ назначенъ въ дивизионный госпиталь въ Адрианополь: не успѣвъ я какъ слѣдуетъ осмотрѣться въ ротѣ какъ прибылъ генералъ Полторацкій и сдѣлавъ инспекторскій смотръ полку. Благодаря усердію и расторопности моего молодого фельдфебеля Усевича, украшеннаго двумя георгіевскими крестами, и главнымъ образомъ той примѣрной дисциплинѣ и тому порядку которые сумѣлъ ввести и поддерживать мой предшественникъ, моя рота представилась одною изъ лучшихъ и заслужила благодарность командовавшаго дивизіей.

Наконецъ приблизился веселый праздникъ Рождества Христова.

Вечеръ перваго дня праздника мы всѣ провели у командира 3й роты штабсъ-капитана Иванова. На второй день Рождества я получилъ извѣстіе, вслѣдствіе котораго мнѣ слѣдовало поѣхать въ Филиппополь; я получалъ отпускъ на семь дней и 27 декабря выѣхалъ въ Адрианополь, гдѣ и ночевалъ въ гостиницѣ около станціи. 28го утромъ поѣздъ изъ сорока слишкомъ вагоновъ двинулся въ 7 часовъ утра къ Филиппополю. Утро было сѣренькое, въ полтора верста отъ вокзала приходилось перѣѣхать мостъ черезъ рѣку Арду; мы уже подходили къ нему, когда сидѣвшій со мною казачій офицеръ, взглянувъ въ окно, воскликнулъ:—„Должно-



быть въ Родопахъ порядочные таки дожди выпали; посмотрите, какъ разилась Арда\*. Я взглянулъ также въ окно и не утерпѣлъ: картина мнѣ показалась такъ заманчива что рамка вагоннаго окна оказалась для меня тѣсною. „Выйдемъ-те на балкончикъ“? предложилъ я моему слутнику..

Когда мы вышли изъ вагонной дверки, поѣздъ шелъ по насыпи, окруженной желтою, мутною водою, испещренной быстро кружившимися водоворотами, изъ которой выглядывали на половину залитыя деревья и верхушки кустовъ. Я закурилъ папироску и внимательно любовался бушевавшею стихіей: вода неслась со страшною быстротою, увлекая вороха сучьевъ, бревна, даже цѣлыя крыши, должно-быть отъ хаты или сараевъ разрушенныхъ ею на луги ея стремительнаго бѣга. Поѣздъ вошелъ медленнымъ ходомъ на легкій, деревянный желѣзнодорожный мостъ, чувствительно дрожавшій подъ напоромъ воды. „А ну, какъ рухнетъ“? сказалъ казакъ, стараясь заглянуть впередъ черезъ мое плечо, ибо я стоялъ на лервою ступенькѣ, почти вылятившись изъ линии вагоновъ и держась одной рукой за скобку, а другою за колонку поддерживавшую навѣсъ балкончика; локомотивъ въ это время уже вышелъ на противоположную насыпь, вмѣстѣ съ тендеромъ и тремя передними вагонами; я взглянулъ назадъ: штукъ семь вагоновъ еще не входили на мостъ. Обернувшись къ казаку я хотѣлъ ему что-то отвѣтить, но раздавшійся трескъ ломавшагося дерева прервалъ меня; я взглянулъ впередъ: начало поѣзда исчезало подъ водою и на меня быстро неслась какая-то сѣрая, закругленная къ верху масса, еще моментъ, я сообразилъ что мостъ вмѣстѣ съ поѣздомъ погружается въ воду; дѣйствительно, мостъ не устоялъ подъ тяжестью поѣзда отъ бѣшеннаго напора волнъ и опускался на дно.

— Не отставайте, за мной!.. услѣлъ я крикнуть своему слутнику, дѣлая отчаянный скачекъ въ воду, стараясь прыгнуть подальше отъ вагона. Холодная, мутная влага охватила меня съ головою; меня обо что-то сильно ударило и затѣмъ выбросило на поверхность воды; быстрое течение ловлекло меня; сабля чувствительно тянула меня къ низу, непромокаемое пальто помогало мнѣ держаться на водѣ. Я плаваю недурно: Волга, Нева и Финскій заливъ, на которыхъ я провелъ двадцать лѣтъ подъ рядъ, ознакомили меня

\* Большая часть теченія Арды въ горахъ Родопскихъ.

хорошо съ калризами воды и умѣнемъ справиться съ нею; на мое счастье вдобавокъ, рѣка ниже моста шаговъ на сто дѣлала тупое колыно, и вода стремившаяся вѣтвомъ къ углу колына, въ двѣ минуты донесла меня до вершины тутоваго дерева. Сама по себѣ Арда въ этомъ мѣстѣ не ширѣ семи-десяти сажень, но въ данное время она раздѣлась бумшующимъ озеромъ версты на двѣ въ ширину: слѣдовательно дерево, въ которое я уткнулся, было на ordinarilyмъ берегу Арды. Схватиться за сучокъ и смахнуть съ рѣсницъ насѣвшую на нихъ воду было дѣломъ одной терци, и я жадно взглянулъ по направленію пути который я проплылъ; мнѣ бросались въ глаза двѣ точки на водѣ: моя фуражка, плывшая лодочкой и темносиняя казацья, которую какъ-то беззабырно кувырало... Но гдѣ же ея владѣлецъ? Ужели и онъ потонулъ на просторѣ какъ тѣ двѣ или три сотни пассажировъ (большая часть военныхъ, чуть ли не всѣхъ ранговъ, отъ генерала до солдата чѣмъ спокойно сидѣли въ вагонахъ).

— Хороша ванна, капитанъ! раздалось вѣтвомъ отъ меня.

Я обернулся: мой спутникъ возсѣдалъ на суку сосѣдняго дерева за мною; онъ полалъ въ болѣе быструю струю теченія и обогналъ меня и ему, какъ мнѣ, посчастливилось зацѣпиться за дерево.

— А спасибо вамъ что надоумили выйти изъ вагона! Только вотъ бѣда: кажется, намъ придется посидѣть здѣсь довольно!

— Слава Богу, вы цѣлы! воскликнулъ я, и уже успокоенный повернулъ голову къ мосту: направо локомотивъ, тендеръ и два багажные вагона стояли на насыпи; первый и второй пассажирскіе вагоны были въ наклонномъ положеніи; третій заднею частью погрузился въ воду, удерживая какъ подпорка предыдущіе вагоны; отъ четвертаго видѣлась передняя часть крыши; затѣмъ остальная часть лоѣзда пропадала подъ водою и линія ея рѣзко обрисовывалась бурунами на поверхности воды; къ заднему берегу картина была та же. Съ обѣихъ насылей, кивившихъ сласшимся пассажирами, неслись нестройные крики и восклицанія. Помощь была крайне скудная: кажется и трехъ лодокъ не нашлось у мостовой сторожки.

Скоро насъ обохъ, промоченныхъ до нитки, прохватила дрожь.

Еще разъ взглянулъ я по направленію затонувшаго лоѣзда; конечно и думать нечего было кому-либо помочь:

противъ такого сильнаго теченія, во первыхъ, не проплыть; во вторыхъ, лоздно, а третьихъ, надо подумать о себѣ.

Восьмиаршинное бревно быстро несло мимо меня, направаюль къ дереву на которомъ приютился казакъ, и врьзался въ его сучья; тотъ чуть не слетѣлъ въ воду отъ сотрашенія, но какъ разъ очутился верхомъ на бревнѣ, ставшемъ полперекъ дерева довольно устойчиво. У меня блеснула мысль:

— Задержите бревно какъ знаете, но непременно задержите! крикнулъ я казаку; затѣмъ, обернувшись къ сторожкѣ, гдѣ четверо *братушекъ* стояли съ лукомъ веревокъ (народъ началъ прибывать изъ ближайшей деревушки), закричалъ имъ черезъ рѣку чтобы передали мнѣ конецъ веревки; въ это время какъ разъ отходила одна изъ лодокъ на нашу сторону къ насыли. Братушки распустили канатъ, привязавъ къ концу отдаванному въ лодку чурбанъ съ воткнутымъ въ него ножомъ, и лодка, подѣхавъ къ насыли, спустила его по теченію; черезъ двѣ минуты веревка очутилась у моего дерева; притянувъ чурбанъ, я обвелъ его около ствола и пустилъ далѣе; конечно, онъ ткнулся прямо въ бревно на которомъ сидѣлъ казакъ. Тотъ живо прикрѣпилъ бревно къ канату. Остался послѣдній шагъ: снявъ португю, я прикрѣпилъ саблю къ слитѣ и бросился въ воду; секунды три—и казакъ уже помогалъ мнѣ вскарабкаться на бревно. Тогда обоюдными усиліями мы оттолкнулись отъ дерева; вода стремительно понесла наше бревно; оно сдѣлало полукругъ и ткнулось въ деревья противоположнаго берега; братушки потянули канатъ, и чрезъ пять минутъ мы стояли уже на землѣ.

Первое движеніе, совершенно невольное, было броситься другъ другу на шею, второе—кинуться въ сторожку грѣться, третье—дать по рублю братушкамъ, которые пришли въ такой восторгъ что предложили отогрѣться въ ихъ деревушкѣ. Мы воспользовались приглашеніемъ и отправились туда положительно бѣгомъ. Усиленный моціонъ и чаша ракіи согрѣли насъ; платье развѣсили сушиться на усиленномъ огнѣ, а мы важно возсѣдали предъ каминомъ за чашками кофе закутанные въ толстѣйшія и теплѣйшія одѣяла.

— Вдемъ-те въ городъ, предложилъ я казаку, когда мое платье почти просохло.

— Нельзя, у меня багажъ есть, а багажные вагоны цѣлы, отвѣтилъ онъ накидывая пальто.

— Ну, такъ до свиданія! Я остаюся въ „Парижѣ“; заходите! простился я съ моимъ сосчастливцемъ. Мы крѣпко пожали другъ другу руки.

Расплатившись съ радушными хозяевами, чрезъ четверть часа я вѣзжалъ въ Адрианополь на нанятой мною въ деревушкѣ лошади, въ сопровожденіи ея хозяина гарцовавшаго рядомъ со мною. Поѣздка въ Филиппополь разрушилась, я встрѣтилъ Новый Годъ въ сербскомъ казино и 2 января 1879 года вернулся въ Узунъ-Кѣпри.

Едва я успѣлъ войти въ мою квартиру, Сулейманъ какъ буря ворвался въ комнату и повисъ у меня на шеѣ, лицо его все сіяло и слезы текли изъ глазъ въ два ручья; я ничего не понималъ, и только вошедшій вслѣдъ за нимъ Макаръ, такъ же весь сіяющій и не кивнувшійся мнѣ на шею единственно благодаря дисциплинѣ, объяснилъ что меня считали уже утонувшимъ, ибо вѣсть о крушеніи поѣзда дошла и въ Узунъ-Кѣпри.

Вскорѣ Сулейманъ получилъ письмо отъ сына изъ Кіева. Тотъ писалъ что заболѣлъ и лежитъ въ госпиталѣ, но что за нимъ великолѣпно ухаживаютъ; что въ Россіи такъ хорошо что и назадъ не хочется; что по выздоровленіи онъ непременно возьметъ на Руссію и его, Сулеймана, и всю семью. Въ довершеніе всего сынъ прилагалъ двѣсти рублей, поясняя что у него самого осталось еще довольно. Радости добраго Турка и конца не предвидѣлось. Въ послѣдствіи мѣсяцевъ черезъ пять мнѣ пришлось быть въ Узунъ-Кѣпри проездомъ; конечно я навѣстилъ Сулеймана; онъ былъ въ горѣ: его сынъ умеръ въ Россіи, но предъ смертью поручилъ свѣму товарищу продать всѣ вещи свои, которыя прибрѣлъ во время плѣна, и присоединивъ деньги къ наличнымъ, переслать отцу съ увѣдомленіемъ о смерти его; такимъ образомъ Сулейманъ получилъ около пятисотъ рублей по почтѣ. Надо замѣтить что полевая почта нашего отряда была довольно исправна, и я не помню ни одного случая пролажи даже простыхъ писемъ.

Въ половинѣ января пріѣхалъ навѣститъ нашъ полкъ Скобелевъ. Съ утра полкъ выстроился около станціи на полѣ, гдѣ былъ нашъ привалъ предъ вступленіемъ въ Узунъ-Кѣпри. Построились въ баталіонныхъ колоннахъ, имѣя въ тылу обозъ, лазаретныя фуры и верблюдовъ.

Ровно въ десять часовъ раздался свистокъ подходившаго ко станціи поѣзда; верховыя лошади стояли у вокзала.

Поѣздъ остановился; вышелъ Скобелевъ, начальникъ его штаба генералъ Духовицъ и свита; всѣ сѣли на коней и рысью поѣхали къ полку.

— На плече! на кра-ул! раздались послѣдовательно команды полковаго командира и музыка грянула полковой маршъ.

— Здорово, молодцы! пронеслось вдоль линіи баталіоновъ, на чтѣ послѣдовалъ оглушительный отвѣтъ: „здравія желаемъ, ваше превосходительство“!

Объѣхавъ полкъ и обозъ, Скобелевъ объявилъ маневръ, программой котораго было недопущеніе предполагаемаго въ Узунъ-Кѣпри неприятеля къ переправѣ черезъ мостъ на эту сторону и защита станціи; оборона поручена полковнику Эрну съ полкомъ, сотней Владикавказцевъ, стоявшихъ также въ Узунъ-Кѣпри и четырьмя воображаемыми орудіями. Пропустивъ полкъ и сотню мимо себя, по своему обыкновенію на походѣ, и назначивъ два часа на приготовленія къ оборонѣ, Скобелевъ отѣхалъ на станцію завтракать, а мы потянулись къ мосту.

По приказанію полковника Эрна, половина сотни направилась въ разѣздъ для наблюденія за движеніемъ неприятеля занимавшаго городъ, а другая половина сотни стала за сараями цыганской деревушки, гдѣ стояла вторая стрѣлковая рота поручика Игнатьева и гдѣ въ данный моментъ расположился резервъ перваго баталіона, роты котораго немедленно окопались впереди деревушки, по скату холма къ мосту; лѣвѣе черезъ лощину окопался второй баталіонъ, а въ промежуткѣ, на взлобкѣ развилка лощины помѣстились два орудія какъ разъ прямо противъ моста, такъ что могли удобно афилировать его; далѣе еще два орудія, и наконецъ третій баталіонъ прикрывалъ станцію.

На шоссе показался Скобелевъ; медленно проѣхалъ онъ по всему фронту обороны и достигнувъ моста поскакалъ къ первой ротѣ. Объѣзжая съ праваго фланга шагомъ и выслушавъ объясненія полковника Эрна, онъ внимательно осматривалъ вырытые ротами ровики и дѣлалъ офицерамъ и солдатамъ вопросы и замѣчанія.

Наконецъ добрался и до моей четвертой роты.

— Окопались недурно! замѣтилъ онъ, и затѣмъ спросилъ меня:—на сколько шаговъ поставлены прицѣлы?

— На четыреста пятьдесятъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ я.

— Вы измѣряли разстояніе до моста?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, но я знаю его хорошо, потому что часто ходилъ здѣсь. По повѣркѣ оказалось приблизительно вѣрно (четыреста шестьдесятъ два шага).

— Когда есть время приготовиться къ защитѣ, я совѣтую господа всегда смѣрять главныя разстоянія; да не худо отмѣтить предъ собой чѣмъ подъ руку попадется и промежуточные разстоянія впереди, ну хоть полтораэта, триста шаговъ, словомъ сколько можно болѣе пунктовъ, чтобы по мѣрѣ приближенія атакующаго къ отмѣченнымъ пунктамъ ставить прицѣлъ на вѣрняка, пояснилъ Скобелевъ; затѣмъ, обратившись къ первому попавшемуся ему на глаза унтеръ-офицеру, Якову Бурмакину, спросилъ:

— Ну что еслибы всѣ офицеры въ ротѣ были убиты, а неприятель все лѣзь бы къ твоей траншеѣ, что бы ты дѣлалъ еслибъ остался старшимъ?

— Билъ бы залпами, ваше превосходительство!

— Ну, а еслибъ онъ все-таки подошелъ къ самому валуку?

— На ура бы пошелъ, ваше превосходительство?

— То-есть какъ это на ура?

— А перемахнули бы черезъ валукъ, да и въ штыки его!

— Молодецъ! такъ! хорошо! засмѣялся Скобелевъ, и потрепавъ солдата по шалкѣ, направился ко второму баталіону. Окончивъ объѣздъ позиціи, Скобелевъ прискакалъ олять къ мосту и подалъ сигналъ наступленія, означавшій что неприятель прорвался черезъ мостъ и что надо отбросить его штыками.

Моментально роты перемахнули черезъ валуки и съ крикомъ ура кинулись къ мосту; Скобелевъ посторонился: солдаты ворвались на мостъ; тутъ вышелъ гвалтъ весьма комичный, произведшій общій веселый смѣхъ: чуть не четверть моста занята была жителями вышедшими поглазѣть на маневръ: увидя вбѣгающихъ на мостъ солдатъ съ криками ура, эти зрители перетрусили и пустились на утекъ къ городу съ визгами и воемъ, усылая мостовую наступку туфлями и фесками. Солдаты остановили; жители, вида что ужъ никто не гонится за ними, тоже стали и черезъ минуту заразились и сами общимъ смѣхомъ. Маневръ былъ конченъ; Скобелевъ изъявилъ удовольствіе полковнику Эрну, поблагодарилъ солдатъ (по два франка на человѣка) и при крикахъ всего народа, подъ звуки музыки, переѣхалъ мостъ и вступилъ въ городъ.

На другой день въ подковой канцеляріи были собраны всѣ офицеры полка; Скобелевъ разговаривалъ съ каждымъ отдѣльно въ особой комнатѣ, обращенной въ кабинетъ.

По окончаніи приѣма и опросовъ онъ вышелъ въ общую залу и вступилъ въ бесѣду о планѣ дѣйствій на случай возобновленія войны и вторичнаго наступленія.

Обмѣниваясь сперва мыслями, выслушивая мнѣнія и возраженія, онъ наконецъ овладѣлъ разговоромъ и сказалъ цѣлую рѣчь: никогда не приходилось мнѣ слышать такой блестящей, увлекательной лекціи. Я все время наблюдалъ лица офицеровъ: глаза блестѣли, мускулы двигались, на всѣхъ отражалась работа мысли... О! отчего, чудомъ какимъ-нибудь не протянулся моментально во время этой рѣчи телефонъ если не въ залу гдѣ засѣдалъ Берлинскій конгрессъ, то хоть въ Россію, чтобъ она, родная, слышала какъ судилъ и рѣшилъ ея герой? Она узнала бы что голова этого героя не уступала его храбрости ни на волосъ.

Вечеромъ Скобелевъ уѣхалъ въ Адрианополь, а мы... мы долго оставались подъ впечатлѣніемъ этой его рѣчи, и многимъ залапа она глубоко и въ голову, и въ душу, и плоды ея когда-нибудь скажутся.

Установившаяся погода дозволила наконецъ заняться ученьями, и первое вниманіе было обращено на стрѣльбу; стрѣльбище устроили верстахъ въ трехъ отъ города въ просторной долинѣ; какъ разъ подоспѣли изъ Россіи и берданки, которыя принялъ полкъ, сдавъ свои „крыпки“, которыя поступили потомъ въ распоряженіе болгарскаго населенія южной Болгаріи, обратившейся въ скоромъ времени, увы! въ какую-то Восточную Румелію.

Турецкое населеніе узнавъ Русскихъ и освоившись съ нами, какъ я уже упоминалъ, полюбило насъ и возымѣло къ намъ полное довѣріе; особенно Скобелевъ старался привлечь Турокъ и ласкою, и помощью въ нуждахъ. Возвращавшіеся изъ русскаго плѣна, расходясь по мусульманскимъ селеніямъ, довершали пріязнь и сближеніе своими разказами о томъ что Магометовъ рай—это должно-быть и есть Московія. Не удивителенъ послѣ этого слѣдующій фактъ, случившійся вскорѣ послѣ Скобелевскаго смотра: являются къ командиру полка два турецкіе солдата, очень молодцоватые, въ формѣ низама и съ оружіемъ; одинъ изъ нихъ сносно болталъ по-русски; оказалось что они бѣжали изъ

Воло отъ своего табора, потому что командиръ ихъ отялъ у нихъ около трехъ сотъ рублей сколеченныхъ ими въ русскомъ лаѳну, которыми они имѣли неосторожность похвастаться предъ товарищами; они убѣдительно просили принять ихъ въ русскую службу. Если не ошибаюсь, они были прикомандированы къ первой стрѣлковой ротѣ, и съ восторгомъ надѣли полушубки съ погонами и русскія фуражки \*.

Въ первыхъ числахъ февраля лодкъ получилъ приказъ перейти въ Демотику для смѣны Софійскаго лодка. Еще шагъ ближе къ Дарданелламъ. Хотя Демотика отстоитъ отъ Узунъ-Кѣпри всего верстъ на двадцать пять, но Марица шибко разлилась и прямая дорога была непроходима, а потому рѣшено было перевезти лодкъ по желѣзной дорогѣ.

Какъ ни грязенъ и ни мизеренъ былъ Узунъ-Кѣпри, а жаль было покидать его; какъ-то всѣ такъ свыклись и съ его жителями, и съ кривульками-улицами, словно сроднились съ этимъ городкомъ. Жители со слезами провожали лодкъ когда онъ, выстроившись на площади у мечети, двинулся наконецъ къ мосту. И чувства были искренни: я убѣдился въ этомъ когда мнѣ пришлось быть командированнымъ въ Узунъ-Кѣпри уже въ маѣ, когда турецкій каймакамъ уже распорядился лоданымъ властелиномъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ.)*

В. ЯЩЕРОВЪ.

---

\* 16а дивизія во время пребыванія на Балканскомъ полуостровѣ носила фуражки, а не кепи; ранцы замѣнены были мѣшками черезъ плечо, а патронныя сумки чрезплечнымъ патронташемъ.



---

# С А Ф О\*

---

## ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ.

---

*Моимъ сыновьямъ когда они достигнутъ двадцатилѣтняго  
возраста*

---

### I.

— Взгляните же на меня... Мнѣ нравится цвѣтъ вашихъ  
глазъ... Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ.

— Просто Жанъ?

— Жанъ Госсенъ.

— Вы уроженецъ юга, я это слышу... А сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать одинъ годъ.

— Вы артистъ?

— Нѣтъ.

— Ну тѣмъ лучше...

Этими отрывочными фразами, едва слышными среди шума, смѣха и музыки костюмированнаго бала, обмѣнивались, въ одну изъ юньскихъ ночей, лиффераро и дама костюмированная фелдачкой, въ тѣни пальмовыхъ деревьевъ и высокихъ папоротниковъ образовавшихъ зимній садъ въ глубинахъ мастерской Дешелетта.

На настойчивые разспросы Египтянки, лиффераро отвѣчалъ съ искренностію его юнаго возраста и полнѣйшею непринуж-

---

\* Переводъ съ рукописи автора.

денностию. Выказывался уроженецъ Юга, долгое время не имѣвшій случая говорить о себѣ.

Чуждый міру живописцевъ и скульпторовъ, и съ самаго прехода на этотъ балъ забытый пріятелемъ который его ввелъ, онъ уже часа два невообразимо скучалъ бродя взадъ и впередъ посреди толпы. Это былъ предестный блондинъ съ лицомъ сильно загорѣвшимъ и какъ бы позолоченнымъ лучами солнца, съ короткими волосами въ мелкихъ завиткахъ, словно барашекъ надѣтаго на немъ костюма. Онъ и не подозрѣвалъ что фигура его производитъ впечатлѣніе и не слышалъ раздававшегося вокругъ него одобрительнаго шолота.

Плечи танцующихъ безцеремонно толкали его; попадавшіеся ему на встрѣчу юные художники смѣялись надъ волынкой которая перекинута была черезъ его плечо на мхнатомъ костюмѣ горца; костюмъ этотъ казался черезчуръ тяжелымъ и неудобнымъ въ эту лѣтнюю ночь.

Японка съ глазами на выкатѣ и съ поднятýmъ кверху шивъномъ, который поддерживали два стальные ножа, налѣвала задирая его: „Ахъ какъ онъ красивъ, мой милый почтарь!..“, между тѣмъ какъ испанская довья, прикрытая бѣлыми шелковыми кружевами, проходя подъ руку съ главою племени краснокожихъ Апачей, настойчиво подставляла ему свой букетъ изъ бѣлыхъ жасминовъ подъ самый носъ.

Онъ не понималъ этихъ заигрываній, считалъ себя до крайности смѣшнымъ и искалъ убѣжища въ свѣжей тѣни стеклянной галереи окаймленной подъ зеленью широкими диванами. Здѣсь тотчасъ и усѣлась около него Египтянка.

Молода ли она? красива ли? Онъ этого не зналъ... Изъ-подъ длиннаго покрыва голубой шерстяной матеріи, обрисовывающаго ея полноватую талію, выглядывали двѣ руки, изящныя и полныя, обнаженныя до самыхъ плечъ; маленькіе пальцы въ изобиліи покрытыя кольцами, открытые сѣрые глаза которые казались еще шире отъ оригинальнаго стального головного убора, наливащаго на лобъ, все это сливалось въ очень гармоническое цѣлое.

Это вѣроятно актриса. У Дешелетта бываетъ ихъ много. И, думая это, юноша чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, такъ какъ особы этого рода всегда наводили на него страхъ.

Она говорила близко наклонясь къ нему, упершись локтемъ въ колѣно и положивъ голову на ладонь руки, серьезнымъ, нѣсколько утомленнымъ голосомъ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ уроженецъ Юга? Съ такими бѣлокурыми волосами?... Это просто необыкновенно...

И она пожелала знать давно ли онъ живетъ въ Парижѣ, труденъ ли консульскій экзаменъ къ которому онъ готовится, большое ли у него знакомство, и какъ онъ попалъ на вечеръ къ Дешелетту, въ Римскую улицу, столь отдаленную отъ Латинскаго квартала.

Когда онъ назвалъ фамилію студента который ввелъ его, „Лагурнери... родственникъ писателя... она вѣроятно слышала о немъ...“, выраженіе лица ея измѣнилось и внезапно стало мрачнѣе; но онъ этого не замѣтилъ: въ его лѣта глаза блестятъ, но ничего не замѣчаютъ.

Лагурнери говорилъ ему что на вечерѣ будетъ и самъ кузень его, съ которымъ можно будетъ познакомиться.

— Я такъ люблю стихи и такъ хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться.

Она проиически улыбулась его простодушію, мило передернула плечами, и въ то же время, раздвинувъ рукой легкіе листья бамбуковаго дерева, стала смотрѣть въ залу; она искала глазами великаго человѣка котораго знакомствомъ такъ дорожилъ ея собесѣдникъ.

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ и походилъ теперь на апоэозъ волшебнаго зрѣлища.

Мастерская, или вѣрнѣе сказать hall, такъ какъ здѣсь никогда не работали, поднималась во всю высоту зданія, и образуя одинъ громаднѣйшій размѣровъ покой, залита была разнообразнымъ и оригинальнымъ свѣтомъ безчисленныхъ фонарей, китайскихъ, персидскихъ, мавританскихъ, японскихъ: одни были изъ ажурной жести, съ вырѣзанными стрѣлками на подобіе дверей мечети; другіе, изъ цвѣтной бумаги, изображали разные плоды; третьи, раскидываясь вѣрамы, имѣли формы цвѣтовъ, ибисовъ и змѣй. Свѣтъ отъ этихъ фонарей ярко падалъ на свѣтлыя, легкія, лѣтнія драпировки, на сторы газовыя, либо изъ тонкой соломы, на лакированныя ширмы, на разноцвѣтныя стеклянныя украшенія и на кусты желтыхъ розъ служившіе убранствомъ высокаго каминна въ стилѣ Renaissance. По временамъ, отъ сильныхъ и яркихъ лучей электрическаго солнца, быстро вслухивавшихъ съ голубоватыми отблесками, эти тысячи огней какъ будто блѣднѣли и словно луннымъ свѣтомъ заливались и лица, и обнаженныя плечи, и вся фантазмагорія разнохарактерныхъ одеждъ

и матерій, перьевъ, блестокъ, лентъ уже помятыхъ балльною суетой; электрическіе лучи эти словно поднимались по ступенямъ голландской лѣстницы съ широкими перилами, которая вела въ галлерей перваго этажа и надъ которою теперь высались ручки контрабасовъ да энергически и неутомимо размахивавшая палочка дирижера.

Молодой человѣкъ видѣлъ все это со своего мѣста, сквозь свѣтъ зеленыхъ вѣтвей и цвѣтущихъ лѣанъ, которыя словно сливались съ общою декорациею и обрамляли ее, кидая, благодаря оптическому обману, въ среду танцующихъ паръ глициновыхъ гирляндъ на серебристый шлейфъ костюма привцессы, украшали головной уборъ пастушки-помпадуръ листомъ драцены...

Зрѣлище стало для него еще интереснѣе благодаря присутствію Египтянки, которая называла ему имена, — громкія и всѣмъ извѣстныя, имена личностей которыя скрывались подъ костюмами отличавшимися и разнообразіемъ и самою широкою фантазіею.

Вотъ этотъ псарь съ кнутомъ перевѣшеннымъ черезъ плечо, это Jadin; а нѣсколько далѣе, лоношенная ряса деревенскаго пастора скрываетъ въ своихъ складкахъ старика Isabeu; онъ кажется выше ростомъ благодаря тому что въ каждый изъ башмаковъ съ пряжками запрягалъ по колодѣ картъ.

Старикъ Corot привѣтливо улыбался изъ-подъ громаднаго картуза съ козырькомъ инвалида. Она указала ему также Томаса Couture одѣтаго бульдогомъ, Jundt'a въ костюмѣ зрителя каторжной тюрьмы, Cham'a, въ видѣ тропической птицы.

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько костюмовъ историческихъ и болѣе серіозныхъ: украшенный суланомъ Маратъ, принцъ Евгеній, Карлъ I, которыми костюмированы были самые юные изъ живописцевъ, рѣзко отмѣчая собою разницу между двумя поколѣніями артистовъ. Старѣйшіе являли людей серіозныхъ, холодныхъ, поглощенныхъ интересами матеріальными и съ тѣми своеобразными морщинами которыя зарождаются вслѣдствіе денежныхъ заботъ; младшіе же напротивъ того были беззаботными ребятами, шумливыми, почти развуданными.

Скульпторъ Каудаль, не взирая на свои 55 лѣтъ и на почетное званіе данное ему академіею, нарядился балаганнымъ

гусаромъ съ обнаженными руками, выказывавшими его геркулесовскіе мускулы. Палитра замѣляла ему чашку и болталась ударяя его ежеминутно по длиннымъ ногамъ. Онъ отглядывалъ съ особеннымъ азартомъ соло лятой фигуры кадрили самого канканнаго свойства, имѣя визави музыканта Петтера, одѣтаго подгулявшимъ муэзиномъ, съ турбаномъ надвинутымъ на-бокъ; музыкантъ выдѣлывалъ такъ-называемый брюшной танецъ и напѣвалъ при этомъ наилюбливѣйшимъ голосомъ „la Allah, il Allah“!

Вокругъ этихъ знаменитостей стояла плотная масса зрителей къ которой то и дѣло присоединялись для отдыха утомившіеся танцоры. Въ первыхъ рядахъ видѣлся хозяинъ дома Дешелеттъ. Подъ высокою персидскою шалкой морщилъ онъ и свои маленькіе глаза, и калмыцкій носъ, и сѣдвущую бородку, радуясь веселію другихъ и веселясь самъ безъ лампаты, хотя этого и не было вовсе замѣтно.

Инженеръ Дешелеттъ, личность принадлежащая артистическому парижскому міру семидесятыхъ годовъ, былъ человѣкъ добрѣйшій и очень богатый. Онъ отличался артистическимъ навыкомъ, свободными приемами и независимостію отъ общественнаго мнѣнія, что все добывается лишь путешествіями и холостю жизнью. Онъ стоялъ тогда во главѣ предпріятія по постройкѣ желѣзной дороги между Тавризомъ и Тегераномъ и ежегодно, дабы отдохнуть отъ десятимѣсячной трудовой и утомительной жизни, отъ ночей проведенныхъ въ палаткѣ, и лихорадочныхъ поѣздокъ верхомъ по пескамъ и болотамъ-онъ проводилъ самое жаркое время года въ этомъ отелѣ Римской улицы, выстроенномъ по его планамъ и меблированномъ на подобіе лѣтняго дворца. Сюда созывалъ онъ остроумныхъ мушьянъ и хорошенькихъ женщянь, словно прося цивилизацію чтобъ она въ теченіе нѣсколькихъ недѣль представила ему все что успѣла за десять мѣсяцевъ выработать выдающагося и привлекательнаго.

— Дешелеттъ пріѣхалъ!

Извѣстіе это мигомъ разлѣталось по мастерскимъ какъ только кто-либо замѣчалъ что громадныхъ размѣровъ холщевая стора, прикрывавшая стеклянный фасадъ ея отеля, поднималась къ верху на подобіе театральной завѣсы.

Это означало наступленіе праздниковъ; на два мѣсяца имѣлся въ виду залась лировъ и музыки, танцевъ, и кутежей, нарушающихъ безмолвное оцѣленіе Европейскаго квартала

въ самое скучное время года, когда разъѣзжаются по деревнямъ и морскимъ куланіямъ.

Самъ Дешелеттъ не принималъ личнаго участія въ вакханаліяхъ которыя устраивались въ его домѣ и днемъ, и ночью. Этотъ неутомимый и неутомовный кутила вносилъ въ веселіе и неистовство другихъ какое-то охлажденіе, смутные взоры, улыбающіеся какъ бы послѣ приѣма хашша, но въ то же время спокойствіе и разсудительность невозмутимыя. Вѣрный въ дружбѣ и щедрый доведья, онъ питалъ къ женщинамъ презрѣніе восточнаго человѣка, сотканное изъ свисходительности и вѣжливости. Изъ всѣхъ женщинъ которыя являлись къ нему привлеченныя его богатствомъ и веселою фантазіей окружавшей его среды, ни одна не могла похвалиться что была его любовницей болѣе одного дня.

— Но какъ бы то ни было, онъ человѣкъ добрѣйшій, прибавила Египтянка, сообщавшая Госсену всѣ эти свѣдѣнія. И вдругъ, прервавъ начатую фразу, она сказала:

— А вотъ и вашъ поэтъ.

— Гдѣ же?

— Предъ вами. Онъ одѣтъ деревенскимъ новобранцемъ.

Молодой человѣкъ не могъ удержать восклицанія, ясно выражавшаго что онъ ожидалъ видѣть совершенно иную личность. Его поэтъ! Этотъ толстякъ, весь въ испаринѣ, лоснящійся, замкнувшій свою тяжеловатую грацію въ воротнички съ двумя острыми концами и въ цвѣтистый жилетъ Жаво... Ему приходили на память клики полные отчаянія изъ „Книги любви“—книги при чтеніи которой онъ не въ силахъ былъ сдерживать овладѣвавшую имъ лихорадочную дрожь. И громко, машинально шелталъ онъ стихи этой книги:

„О смерть, спаси меня отъ сфинкса съ женскими глазами который высасываетъ всю кровь изъ моего сердца“.

Порывисто повернулась къ нему Египтянка, и желѣзные украшенія ея варварскаго головнаго убора зазвенѣли:

— Чтò это вы говорите?

Это были стихи Лагурнери. Это удивило что она ихъ не знаетъ.

— Я не люблю стиховъ, возразила она вѣскольکو рѣзкимъ тономъ. Она встала, насуливъ брови, глядя на танцующихъ и нервно маяа въ рукахъ своихъ чудныя кисти дліей висѣвшія предъ ней.

Потомъ съ усиленіемъ, которое видимо много стоило ей, она проговорила: „Прощайте“ и исчезла въ толпѣ.

Бѣдный пиффераро остался какъ ошеломленный.

— Что съ нею? Что я ей сказалъ?

Сколько онъ объ этомъ ни размышлялъ, но ничего придумать не могъ и рѣшилъ что самое лучшее уйти домой и лечь спать. Меланхолически подобравъ онъ свою волюнку и вернулся въ балльную залу; его гораздо менѣе взволновалъ уходъ Египтянки чѣмъ вся эта громадная толпа сквозь которую ему приходилось пробраться чтобы достигнуть выхода.

Ощущеніе своего ничтожества среди такого множества знаменитостей дѣлало его еще болѣе робкимъ. Танцы почти прекратились. Кое-гдѣ лишь нѣсколько паръ настойчиво упивались послѣдними тактами замирающаго вальса, и между ними видѣлся блестящій и громадный Каудаль, который, высоко поднявъ голову, крутился вихремъ съ миниатюрною швейкой, словно унося ее на своихъ мощныхъ рукахъ.

Сквозь отворенную настежь большую стеклянную дверь въ глубинѣ залы вносились утреннія бѣлѣющія струи воздуха; отъ нихъ колебались листья пальмовыхъ деревьевъ и склонялось на сторону пламя свѣчъ, какъ бы угрожая совсѣмъ потухнуть.

Загорѣлся одинъ изъ бумажныхъ фонарей, должно нѣсколько розетокъ на свѣчахъ, а вокругъ всей залы слуги уставляли маленькіе круглые столики какъ на террасахъ кофейныхъ. У Дешелетта всегда ужинали такимъ образомъ, то-есть вчетверомъ или впятеромъ за однимъ столикомъ, и теперь прискивалились и группировались взаимныя симпатіи.

Госсея пользовался шумомъ и суетней чтобы пробраться къ выходу, но вдругъ наткнулся на студента который ввелъ его на балъ. Тотъ появился предъ Жаномъ весь въ испаринѣ, съ разгорѣвшимися глазами, въ каждой рукѣ по бутылкѣ.

— Да куда же вы запроластались?.. Я ищу васъ вездѣ...

У меня уже заняты столики съ женщинами... маленькая Башеллери изъ театра Буффъ... знаете та что въ костюмѣ Японки?.. она послала меня за вами... идите же скорѣе...

И съ этими словами онъ удалился почти бѣгомъ.

Пиффераро чувствовалъ жажду; ольняннѣе бала начинало завладѣвать имъ, онъ вспомнилъ также хорошенькое личико маленькой актрисы которая издали дѣлала ему разные знаки... Но голосъ нѣжный и въ то же время серьезный прошепталъ ему на ухо:

— Не ходи туда...

Недавняя его собесѣдница почти прижалась къ нему и влекла его къ выходу. Онъ послѣдовалъ за нею не задумав-

шись. Почему? Не прелесть этой женщины привлекала его; онъ едва разглядѣлъ ея лицо, а та, другая, которая звала его, со стальными ножами въ головномъ уборѣ, правилась ему гораздо болѣе. Но онъ ловиновался волѣ которая уже господствовала надъ его волей, неотступному насилію пробудившагося желанія.

— Не ходи туда!..

И вотъ они оба очутились на тротуарѣ Римской улицы. Фіакры видѣлись сквозь блѣдное утро. Подметальщики, мастеровые идущіе на работу смотрѣли на этотъ домъ шумнаго и буйнаго праздника, и на эту пару наряженную въ самый разгаръ лѣтняго сезона словно на Масляницѣ...

— Къ вамъ или ко мнѣ? спросила она.

Не объясняя себѣ почему, онъ подумалъ что у него будетъ лучше и даль кучеру адресъ своего отдаленнаго жилища.

Во все время дороги они говорили мало; но она держала одну руку его въ своихъ ручкахъ; онъ чувствовалъ что онъ очень маленькія и до-нельзя холодныя. Не будь этого нервнаго пожатія онъ могъ бы подумать что она спитъ уткнувшись въ самую глубь фіакра, котораго синяя стора кидала слабую тѣнь на лицо ея.

Остановились въ улицѣ Жакобъ у подъѣзда студенческаго отеля. Приходилось подняться на четыре этажа. Высоко и трудно.

— Хотите, я повесу васъ на рукахъ? спросилъ онъ смѣясь, но почти шепотомъ, такъ какъ весь домъ уже спалъ.

Она объяла его медленнымъ взоромъ въ которомъ сквозили и презрѣніе и нѣжность, взглядомъ женщины опытной, который какъ бы взвѣшивалъ его и говорилъ: „Бѣдный мальчикъ“...

Тогда онъ, съ порывомъ свойственнымъ и возрасту его и южному происхожденію, схватилъ ее и повесъ словно ребенка. Онъ былъ плотенъ и силенъ несмотря на дѣвичью нѣжность кожи. Однимъ махомъ достигъ онъ перваго этажа, счастливымъ своимъ бременемъ которое охватило его шею двумя красивыми руками, свѣжими и обнаженными.

Второй этажъ потребовалъ больше времени и доставилъ менѣе удовольствія. По мѣрѣ того какъ подвигались, ноша становилась тяжелѣе. Желѣзные привѣски головнаго убора, которыя сначала щекотали и ласкали его, мало-по-малу стали колоть его тѣло.



Достигнувъ третьяго этажа онъ уже отдувался подобно носильщику фортелиано; у него захватывало дыханія, а она, ввѣ себя отъ восторга, съ удавленными отъ волненія рѣсницами, шептала:

— О, милый, какъ хорошо, какъ хорошо...

Послѣднія ступени по которымъ онъ едва въ состояннн былъ подвяться казались ему ступенями гигантской лѣстницы, у которой стѣны, перила и узкія окна шли кругомъ нескончаемой спиралью. Ему казалось что онъ несетъ на рукахъ не женщину, а нѣчто тяжелое, страшное, и что оно душитъ его; ежеминутно порывался онъ выпустить свою носу, отбросить ее съ сердцемъ, рискуя даже ушибить ее.

Наконецъ достигли узкой площадки.

— Какъ? уже? спросила она, открывая глаза.

Онъ въ свою очередь думалъ: „наконецъ“, но не рѣшился выразить это. Онъ былъ до крайности блѣденъ и придерживалъ обѣими руками грудь которую ему страшно ломало.

Въ этомъ подъемѣ на лѣстницу, сѣроватымъ печальнымъ лѣтнимъ утромъ, заключалась вся ихъ исторія.

## II.

Она пробыла у него два дня и затѣмъ ушла, оставивъ его подъ впечатлѣніемъ нѣжной кожи и тонкаго бѣлья. Она не оставила ему никакихъ свѣдѣній о себѣ кромѣ своего имени и нѣсколькихъ словъ:

„Когда вы меня пожелаете, позовите меня... я всегда буду къ вашимъ услугамъ...“

На маленькой визитной карточкѣ, щегольской и раздушенной, значилось: *Фанни Лекранъ. 6, улица Аркадъ.*

Онъ помѣстилъ эту карточку за зеркаломъ между приглашеніемъ на послѣдній балъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и раскрашенной фантастическою программой вечера у Дешелетта. Это были два единственные вѣзда его въ этомъ году.

Воспоминаніе о женщинѣ, сохранившееся въ продолженіе нѣсколькихъ дней у камина среди легкаго и сладостнаго аромата, улетучилось вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ и наконецъ исчезло, такъ что Госсену, какъ человѣку серьезному и трудолюбивому, который относился весьма недоувѣрчиво

къ парижскимъ увлеченіямъ, даже не приходило на умъ возобновить эту случайную связь.

Консульскіе экзамены назначены были въ ноябрѣ. Ему оставалось лишь три мѣсяца для приготовленія. Затѣмъ должна была начаться на время отъ трехъ до четырехъ лѣтъ служба въ отдѣленіи консульскихъ дѣлъ, а потомъ надо ѣхать въ чужіе края и быть-можетъ весьма далеко.

Мысль объ оставленіи родины его не страшилась. Преданія семьи Госсенъ д'Арманди, старинной авиньйонской фамиліи, требовали чтобы старшій сынъ дѣлалъ то что называется *карьерой*, по примѣру и подъ моральнымъ покровительствомъ тѣхъ которые въ этой самой карьерѣ ему предшествовали. Для юнаго провинціала Парижъ былъ лишь первою станціей длиннаго пути, и это не позволяло ему вступать въ какую-либо серіозную связь.

Спустя недѣлю или двѣ послѣ бала у Дешелетта, Госсенъ сѣлся за работу. Лампа была зажжена, книги приготовлены на столѣ. Вдругъ тихо постучали, дверь распахнулась и вошла женщина одѣтая въ щегольское свѣтлое платье. Онъ узналъ ее только тогда какъ она отбросила свою вуалетку.

— Видите, это я... я опять пришла...

Затѣмъ, подмѣтивъ безлоконый и словно недовольный взглядъ брошенный имъ на приготовленные книги, она прибавила:

— О, я вамъ не помѣшаю... я знаю что вы хотѣли работать...

Она развязала шляпку, взяла попавшійся ей подъ руку томъ *Вокругъ Свѣта*, усѣлась и осталась неподвижною какъ бы углубившись въ чтеніе; но какъ только онъ взглядывалъ на нее каждый разъ встрѣчалъ устремленные на него глаза ея.

И право, большой запасъ мужества нуженъ былъ ему для того чтобы не схватить ее тотчасъ же въ свои объятія. Она была очень привлекательна и полна прелести съ ея маленькою головкой и низкимъ лбомъ, коротенькимъ носикомъ, добрыми чувственными губками и гибкою полнотой талии, въ платьѣ чисто парижскаго покроя, менѣе страшившемъ его нежели костюмъ дочери Египта.

На другое утро она ушла рано, затѣмъ снова пришла нѣсколько разъ на недѣлѣ, и всегда входила такая же блѣдная, съ тѣми же холодными и влажными руками, говорила тѣмъ же сдавленнымъ отъ волненія голосомъ...

— О, я знаю что надобно тебѣ, говорила она;—знаю что утомляю... мнѣ бы слѣдовало быть болѣе гордою... Повѣришь ли, каждое утро уходя отсюда я даю зарбкѣ болѣе не приходить, но вечеромъ безуміе снова беретъ верхъ и я иду...

Онъ глядѣлъ на нее, и ея любовная настойчивость и забавляла его, и удивляла при томъ пренебреженіи съ которымъ онъ вообще относился къ женскому полу. Всѣ женщины которыхъ онъ знавалъ до сихъ поръ, дѣвы ливныхъ и скатинговъ, иногда молодыя и красивыя, всегда оставляли ему впечатлѣніе отвращенія; ему противны были ихъ лошапый хохоть, ихъ красныя какъ у кударокъ руки, ихъ грубые инстинкты и рѣчи, послѣ которыхъ приходилось открывать окна настежь чтобы провѣтрить комнату.

Въ своей невинности, онъ полагалъ что всѣ предестницы походятъ одна на другую. Поэтому онъ съ удивленіемъ видѣлъ въ Фанни и нѣжность, и сдержанность по истинѣ женственныя. При этомъ онъ сознавалъ въ ней и нѣкоторое преимущество въ сравненіи съ тѣми провинціалками которыхъ онъ встрѣчалъ у матери,—нѣкоторый художественный лоскъ, знакомство со всѣми предметами, благодаря которому возможны были бесѣды и интересныя, и разнообразныя.

Кромѣ того, она была музыкантша, пѣла, сама себѣ акомпанируя на фортепiano, контральтовымъ, нѣсколько утомленнымъ голосомъ, не ровнымъ, но довольно гибкимъ. Пѣла она и лѣсни Шопена, и романсы Шумана, и народные мотивы Бургони и Пикардіи; ихъ былъ у нея цѣлый репертуаръ.

Госсенъ, любившій безъ лампаты музыку, это искусство лѣни и вольнаго воздуха столь сродное уроженцамъ Юга, восторгался ею даже въ часы посвященные работѣ; когда же онъ отдыхалъ отъ труда, музыка ублаживала его. Особенно пріятно было ему когда играла Фанни.

Разъ онъ выразилъ удивленіе почему она не на сценѣ и узналъ что она пѣла въ Лирическомъ Театрѣ.

— Но не долго, и мнѣ это скоро наскучило.

Въ ней дѣйствительно не было ничего ни заученнаго, ни условнаго какъ у актрисъ, ни, тѣни тщеславія и лжи. Только надъ ея жизнью носилась какая-то тайна, которую она хранила даже въ минуты страсти. Тайну эту Госсенъ и не старался разгадать; онъ не былъ ни ревнивъ, ни любопытенъ. Она являлась аккуратно въ условленное время, но ему никогда и на мысль не приходило взглянуть на часы. Онъ еще не

знакомъ былъ съ чувствомъ ожиданія, которое наноситъ сильные удары въ самое сердце, пробуждая желаніе и нетерпѣніе...

Лѣто въ этотъ годъ было великолѣпное, и по временамъ они отправлялись вмѣстѣ открывать разные прелестные уголки въ окрестностяхъ Парижа, о которыхъ она имѣла свѣдѣнія весьма точныя и подробныя.

Они примѣшивались къ толпѣ въ безчисленныхъ, шумныхъ поѣздахъ на станціяхъ предмѣстій, завтракали въ какомъ-нибудь кабачкѣ на опушкѣ роши или рѣчки, но избѣгали мѣстъ черезчуръ уже людныхъ.

Разъ предложилъ онъ ей отправиться въ Во-де-Серве.

— Нѣтъ, нѣтъ... не туда... тамъ слишкомъ много живописцевъ.

Эта антипатія къ артистамъ была, какъ онъ вспомнилъ, по священіемъ ихъ любви. Онъ любопытствовалъ узнать причину.

— Это все народъ безлутный и лустой; они всегда изъ мухи дѣлаютъ слона, говорятъ болѣе чѣмъ есть въ дѣйствительности... Они уже причинили мнѣ много зла...

— Но искусство, возражалъ онъ,—это такая дивная вещь! Ничто такъ не украшаетъ и не расширяетъ жизнь.

— Видишь ли, мой другъ, что дѣйствительно дивная—это быть человѣкомъ простымъ и прямодушнымъ какъ ты, имѣть не болѣе двадцати лѣтъ и любить другъ друга...

Двадцать лѣтъ! И ей нельзя было дать болѣе, глядя на нее вѣчно живую, готовую на все, всему смѣющуюся и всѣмъ довольную.

Какъ-то вечеромъ, въ Сенъ-Клерѣ, въ долинѣ Шеврѣзъ, они пріѣхали наканунѣ мѣстнаго праздника и не нашли ни одной свободной комнаты. Было уже поздно и приходилось пройти цѣлую милю лѣсомъ чтобы добраться до ближайшей деревушки. Наконецъ имъ предложили кровать на тесьмахъ оставшуюся свободною въ концѣ сарая гдѣ спали каменщики.

— Что жь дѣлать, пойдемъ, сказала она,—это наломнитъ мнѣ то время когда я была въ нищетѣ.

Значитъ она уже испытала нищету.

Ощущенью пробрались они между занятыми кроватями въ большомъ покоѣ съ оштукатуренными стѣнами, гдѣ колтилъ ночникъ въ глубинѣ стѣнной ниши.

Въ продолженіе всей ночи, прижавшись другъ къ другу, они сдерживали и смѣхъ, и лоцѣлу, слыша какъ хралятъ и

стонуть отъ усталости бравые каменщики, коихъ одежды и тяжелая обувь красовались рядомъ съ шелковымъ платьемъ и тонкими щегольскими саложками Парижанки.

На разсвѣтѣ открылось слуховое окошечко вблизи широкихъ воротъ, полоса блага свѣта скользнула по тесьмамъ кроватей и по утоптанному земляному полу, и кто-то закричалъ хриплымъ голосомъ: „Артель, вставать!“ Вслѣдъ за этимъ возгласомъ окошечко залахнулось, а въ сарай, снова погрузившемся въ темноту, поднялась медленная и тяжелая суетня: слышались позѣвыванья, потягиванья членовъ, трудный кашель,—лечальные человѣческіе звуки, свойственные пробуждающейся рабочей артели. Молчаливо и тяжело ступая, Лимузинцы стали выходить одинъ за другимъ, не подозревая даже что они провели ночь рядомъ съ красивою дѣвухой.

Когда всѣ вышли, она встала, оцуплюю отыскала платье и набросила его, залпела наскоро волосы и сказала: „Оставайся тутъ, я сейчасъ вернусь“, выбѣжала изъ сарая.

Нѣсколько минутъ спустя она вернулась съ громадною вязкой полевыхъ цвѣтовъ усыпанныхъ росой.

— Теперь будемъ спать, проговорила она раскидавъ по кровати эту пахучую свѣжесть утренней флоры, которая ожила окружавшій ихъ воздухъ. И никогда не казалась она ему красивѣе чѣмъ при этомъ возвращеніи въ сарай, съ веселымъ смѣхомъ на устахъ, съ легкими развѣвающимися волосами и съ зеленѣющею цвѣточною ношей.

.....

Въ другой разъ они завтракали въ Виль-д'Авре, у пруда. Осеннее утро заволокло паромъ спокойныя воды пруда, ржавый лѣсъ разстился предъ ихъ глазами. Совершенно одни, въ маленькомъ садикѣ ресторана, они ѣли улитокъ, прерывая свою пирушку поцѣлуями. Вдругъ изъ павильона сельской постройки, пріютившагося въ тѣни чинара, подъ коимъ помѣщался ихъ столъ, раздался громкій и насмѣшливый голосъ:

— Эй вы, тамъ, скоро ли будетъ конецъ вашимъ поцѣлуямъ?

И львиный образъ скульптора Каудала съ его рыжими усами наклонился надъ амбразурой павильона.

— Мнѣ право хотѣлось бы спуститься и позавтракать вмѣстѣ съ вами... Я до смерти скучаю здѣсь, словно сычъ въ дуплѣ.

Фанни ничего не отвѣчала, видимо недовольная встрѣчей;

Госсенъ же, напротивъ, тотчасъ принялъ предложеніе, любезнѣе узнать поближе знаменитаго артиста и гордясь возможностью дать ему мѣсто у своего стола.

Каудаль былъ одѣтъ весьма кокетливо, несмотря на кажущуюся небрежность костюма; все у него было тонко разчитано, начиная съ бѣлаго креповаго галстука который долженъ былъ освѣжить цвѣтъ лица изрытаго морщинами и мелкою сыпью, и до сюртучка плотно обрисовывавшаго и талію еще весьма гибкую, и рѣзко выдающіеся мускулы. Однако онъ показался Госсену старѣе чѣмъ на балу у Дешелетта.

Но что удивило и даже стѣснило юношу, такъ это фамильярность съ которою скульпторъ относился къ Фанни. Онъ называлъ ее просто по имени и говорилъ ей ты.

— Знаешь, Фанни, сказалъ онъ ей, самъ уставая свой приборъ на ихъ скатерти,—я ужъ двѣ недѣли живу вдовцомъ, Мари ушла съ Моратѣромъ. Первое время мнѣ казалось что такъ спокойнѣе. Но сегодня утромъ, войдя въ мастерскую, я почувствовалъ необыкновенную лѣнь. Просто не могъ приняться за работу... Вынужденъ былъ бросить начатую группу и отправился завтракать за городъ... Глухѣйшая мысль когда человѣкъ одинокъ! Еще немного, и я пожалуй оросилъ бы горячими слезами свое фрикасе.

Взглянувъ затѣмъ на Провансальца, у котораго вьющіеся волосы и борода имѣли тотъ же отблескъ какъ налитыи въ стаканы сотернъ, Каудаль продолжалъ:

— Чудная вещь молодость!... Ему нечего оласаться что его бросятъ. Всего куріознѣе что это передается другъ другу... Она кажется такою же юною какъ и онъ...

— Невѣжа! замѣтила она смѣясь. И въ смѣхѣ ея дѣйствительно проглядывали и соблазнъ и молодость женщины которая любитъ и хочетъ чтобъ ее любили.

— Удивительная женщина... удивительная, шепталъ Каудаль, продолжая ѣсть и глядя на нее съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти и съ завистливою улыбкой.

— Послушай, Фанни... помнишь одинъ давнишній завтракъ здѣсь же... Это уже старо, тутъ были Эзано, Дежуа... вся наша ватага... Ты упала въ прудъ, тебя вытащили и одѣли въ мужской костюмъ, въ платье зрителя надъ рыбною ловлей. Какъ это тебѣ было къ лицу!

— Не помню, холодно отвѣчала она. И она не дгала, ибо эти личности измѣнчивыя и смѣняющія одна другую помнятъ

только текущие часы ихъ любви. Забываютъ онѣ все что было, не боятся нисколько того что будетъ впереди.

Каудаль, напротивъ того, углубившись всецѣло въ прошлое, разказывалъ попойвая сотернѣ о подвигахъ своей мощной юности, подвигахъ по части любви и вина, деревенскихъ фескурсіяхъ, маскарадахъ въ Оперѣ, кутежахъ въ мастерской, о солерникахъ и лобѣдахъ. Но повернувшись къ своимъ собесѣдникамъ съ разгорѣвшимся отъ воспоминаній глазами, онъ замѣтилъ что они вовсе не слушаютъ его, а занимаютъся дѣломъ болѣе серьезнымъ, срывая другъ у друга съ губъ ягоды винограда.

— Наскучилъ я вамъ своею болтовней! Да, да, создайтесь что надоѣлъ. Ахъ, чортъ возьми, какъ глупо быть старикомъ!

Онъ всталъ и бросилъ салфетку.

— Завтракъ за мною, старикъ Ланглау! крикнулъ онъ по направленію къ ресторану и удалился грустный, едва влача ноги, словно его грызъ неизлѣчимый недугъ.

Молодые люди долго слѣдили за его высокимъ станомъ, который по временамъ сгибался подъ листовою золотистаго цвѣта.

— Бѣдный Каудаль, дѣйствительно онъ опустился, прошептала Фанни, и въ голосѣ ея звучало тихое состраданіе.

Госсенъ же приходилъ въ негодованіе вспоминая что Марія, женщина безлутная, простая модель, могла потѣшаться надъ страданіями Каудала и предпочесть ему, великому артисту, другаго, и кого—Моратѣра, мелкаго живописца безо всякаго таланта, имѣвшаго за себя лишь одну молодость!

При этихъ словахъ Фанни засмѣялась.

— О, какой же ты невнимный! воскликнула она, и опрокинувъ голову его на свои колѣна она дышала имъ, вдыхала его глаза и волосы, улыбалась имъ словно букетомъ цвѣтовъ.

Эту ночь Госсенъ впервые провелъ въ квартирѣ Фанни, которая уже три мѣсяца настойчиво уговаривала его придти къ ней.

— Но, наконецъ, почему же ты не хочешь?

— Не знаю... это меня стѣсняетъ.

— Да говорю же я тебѣ что я свободна, что я одна.

И при содѣйствіи утомленія послѣ загородной прогулки, она увлекла его въ улицу Аркадъ, около самаго вокзала.

Въ первомъ этажѣ небольшого дома наружности благообразной и даже роскошной, старая служанка въ деревенскомъ чепцѣ отворила ей двери съ угрюмымъ видомъ.

— Это Машомъ... Здорово, Машомъ! воскликнула Фанни, кидаясь ей на шею.— Видишь, это мой милый, мой король, я привела его... Живо засвѣти вездѣ огонь чтобы весь домъ казался краше...

Жанъ остался одинъ въ маленькой гостиной съ низенькими дугообразными окнами; занавѣси на нихъ были изъ той же банальной шелковой матеріи голубаго цвѣта какая покрывала диваны и нѣсколько штукъ лакированной мебели съ мягкими сидѣньями. На стѣнахъ три, четыре пейзажа оживляли драпировку и словно навѣвали на нее жизнь. На каждой картинѣ видѣлось посвященіе: Фанни Легранъ... Милой моей Фанни.

На каминѣ мраморная, въ половину натуральной величины, фигура Сафо, работы Каудала, коего бронза встрѣчается повсюду. Жанъ, еще будучи ребенкомъ, видѣлъ группу знаменитаго скульптора на столѣ въ рабочемъ кабинетѣ своего отца. При свѣтѣ единственной свѣчи, поставленной у подножія группы, онъ замѣтилъ что фигура Сафо имѣетъ уточненное сходство съ хозяйкой дома, только помоложавше. Тѣ же черты профиля, то же движеніе талии подъ драпировкой, то же мягкое округленіе рукъ сведенныхъ вокругъ колѣнъ; все это было ему близко знакомо, и глаза его упивались тѣмъ что возбуждало въ немъ самыя нѣжныя воспоминанія.

Фанни застала его въ созерцаніи мрамора.

— Неправда ли, развязно спросила она, — эта фигура нѣсколько напоминаетъ меня? Модель Каудала имѣла нѣкоторое сходство со мною.

И она тотчасъ увела его въ свою комнату, гдѣ Машомъ съ тѣмъ же угрюмымъ видомъ устанавливала два прибора на маленькомъ столикѣ. Всѣ свѣчи были зажжены, даже бра у зеркальнаго шкафа; въ каминѣ ярко горѣли дрова заставленные прозрачнымъ экраномъ, сквозь который не могли проникать искры; словомъ, это была точно комната женщины которая одѣвается чтобы ѣхать на балъ.

— Я захотѣла поужинать здѣсь, замѣтила Фанни смѣясь, — ближе къ постели.

Жану никогда еще не случалось видѣть мебелировки болѣе кокетливой. Шелковыя ткани во вкусѣ Людовика XVI, свѣтлые ситцы комнатъ его матери и сестеръ не могли дать ему никакого понятія объ этомъ гнѣздышкѣ подбитомъ ватой и шерстью, гдѣ обои скрывались подъ нѣжнымъ атласомъ,



а кровать имѣла видъ дивана только болѣе широкаго чѣмъ другіе и высилась въ глубинѣ надъ бѣлыми мѣхами.

Упоительны были эти ласки свѣта, теплоты, голубыхъ отблесковъ удлинявшихся на граненыхъ зеркалахъ, послѣ загородной прогулки окончившейся проливнымъ дождемъ, такъ что имъ приходилось толтаться въ грязи наземной дороги уже при наступленіи сумерекъ.

Но что мѣшало ему, какъ истому провинціалу, насладиться вполнѣ этимъ случайнымъ комфортомъ, такъ это было дурное расположеніе духа служанки, которая кидала на него подозрительные взгляды. Дошло до того что Фанни, наконецъ, выслаала ее:

— Оставь насъ, Машомъ... мы справимся сами.

Служанка уходя хлопнула дверью.

— Не обращай на это вниманія... Она сердится за то что я слишкомъ сильно тебя люблю. Она говоритъ что я убиваю свою жизнь... Эти деревенскія женщины такія жадныя... Но ея кушанья, право, гораздо лучше ея самой... Попробуй этого пирога съ зайцемъ.

Она разрѣзывала пирогъ, откупоривала шампанское, забывала о себѣ глядя какъ ѣсть онъ, и съ каждымъ жестомъ откидывала до самаго плеча рукава алжирки изъ бѣлой и нѣжной шерсти, которую всегда носила дома.

Она напоминала ему этимъ ихъ первую встрѣчу у Дешелетта, и усѣвшись на одномъ и томъ же креслѣ, они ѣли изъ одной и той же тарелки, говоря объ этомъ вечерѣ.

— О, что касается меня, заявила она,—какъ только увидела я тебя, тотчасъ пожелаала владѣть тобой... Мнѣ захотѣлось схватить тебя и увести далеко чтобы ты не могъ достаться еще никому... А ты, что ты подумалъ когда увидалъ меня впервые?

Сперва онъ боялся ее; потомъ почувствовалъ къ ней полное довѣріе и готовъ былъ сблизиться съ ней какъ можно короче.

— А кстати, прибавилъ онъ,—я и не спросилъ тебя... почему ты рассердилась когда я произнесъ два стиха Лагуриери?

Она нахмурила брови такъ же какъ и на балѣ, кивнула головой и отвѣчала:

— Это все глупости, не о чемъ и говорить.

И, обнявъ его крѣпко обѣими руками, прибавила:

— Дѣло въ томъ что мнѣ также становилось страшно... я

попыталась убѣжать и снова овладѣть собой... но у меня не хватило силъ и не хватитъ никогда...

— Ужь и никогда!

— Увидишь что такъ.

Онъ удовольствовался тѣмъ что отвѣтилъ скептической улыбкой, свойственною его юному возрасту, не придавая значенія страстному и почти угрожающему тону съ которымъ произнесено было это: „Увидишь“. Объятія этой женщины были такъ сладки и покорны, и притомъ онъ думалъ что ему достаточно сдѣлать одинъ жестъ чтобъ освободиться отъ нея.

Да впрочемъ къ чему освобождаться? Ему такъ хорошо было въ чудной вѣтвѣ этой комнаты, дышавшей сладострастіемъ, онъ такъ сладко отуманенъ былъ этимъ ласкающимъ дыханіемъ на его рѣсницахъ, которыя смыкались отяжелѣвъ отъ поыва ко сну, полныя убѣгающихъ видѣній, гдѣ мелькали и ржавые лѣса, и кивы, и смоченные дождемъ стога; словомъ, все что видѣли они за городомъ во время любовной прогулки.

Утромъ его разбудилъ вдругъ голосъ Машомъ, которая стоя въ ногахъ кровати кричала ни мало не стѣсняясь:

— Онъ тамъ... онъ хочетъ васъ видѣть...

— Какъ? онъ хочетъ? Развѣ я не у себя дома? Такъ ты его впустила....

И, вѣвъ себя отъ гнѣва, Фанни вскочила и выбѣжала изъ комнаты полунагая, въ разстегнувшейся батистовой сорочкѣ:

— Лежи спокойно, мой другъ, я сейчасъ вернусь.

Но онъ не сталъ ждать и почувствовалъ себя спокойнымъ лишь тогда когда въ свою очередь всталъ, надѣвъ салогу и одѣлся.

Собирая свое платье разбросанное въ герметически затворенной комнатѣ, гдѣ ночникъ еще слабо освѣщалъ беспорядочные остатки ихъ ужина, онъ слышалъ шумъ страшнаго спора, который нѣсколько заглушался дралировкой гостиной. Мужской голосъ, сначала раздраженный, затѣмъ умоляющій до того что самыя восклицанія подавлялись рыданіями и слезливыми мольбами, чередовался съ другимъ голосомъ который онъ не тотчасъ узналъ: такъ этотъ голосъ былъ жестокъ и суровъ, такую дышалъ онъ ненавистью. Самыя непристойныя слова долетали до него, напоминая собою перебранки въ женскихъ пивныхъ Латинскаго квартала.

Это грязнило всю окружавшую его любовную роскошь; шелкъ темнѣлъ подъ разсылавшимися по немъ ляннами. Сама женщина въ его глазахъ также была задатнана и становилась въ ряды тѣхъ которыхъ онъ презиралъ прежде чѣмъ узналъ ее.

Она вернулась прерывисто дыша, крутя красивымъ движениемъ руки свои распутившіеся волосы:

— Нѣтъ ничего глупѣе мужчины который плачетъ...

Потомъ, увидавъ что онъ всталъ и уже одѣлся, она вскрикнула въ изступленіи:

— Ты всталъ... ложись опять... сейчасъ же, я этого хочу...

Но вдругъ, смягчившись, она обняла его и жестомъ и голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... не уходи... ты не можешь такъ уйти...

Я увѣрена что ты болѣе не придешь...

— Приду... отчего же нѣтъ?

— Поклянись что ты не сердишься, что ты придешь опять...

О, повѣрь, что я тебя хорошо знаю...

Онъ далъ ей всѣ клятвы какихъ она пожелала, но не согласился лечь снова, несмотря на ея мольбы и на ея настоячивыя увѣренія что она у себя дома и свободна какъ въ своей жизни такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ она какъ будто покорилась мысли объ его уходѣ и проводила его до двери, утративъ вдругъ приемы раздраженной богини афродиты и сдѣлавшись покорною и какъ бы молящею о прощеніи.

Въ передней ихъ задержала продолжительная и нѣжная прощальная ласка.

— Такъ когда же? спросила она, глядя ему въ глаза.

Онъ хотѣлъ отвѣчать и вѣроятно солгалъ бы чтобы только скорѣе выбраться за двери, но остановленъ былъ звономъ колокольчика. Матомъ появилась у порога кухни, но Фанинн сдѣлала ей знакъ не открывать, и всѣ трое стояли въ передней неподвижно, не издавая ни звука.

Послышалось сдержанное рыданіе, затѣмъ шуршаніе письма просунутаго подъ дверь и наконецъ шаги тихо спускавшіеся съ лѣстницы.

— Вѣдь я же тебѣ говорила что я свободна...

И съ этими словами она подала Жану письмо которое только что вскрыла; жалкое любовное письмо, пошрое, унижительное, наскоро писанное карандашемъ на столѣ какой-

либо кофейной. Въ этомъ письмѣ несчастный умолялъ простить ему безумный поступокъ этого утра, сознавалъ что не имѣетъ на нее никакихъ правъ кромѣ тѣхъ которыя она сама пожелаетъ ему предоставить, умолялъ на колѣнахъ чтобъ его не выгоняли окончательно, обѣщая согласиться на все, сдѣлать всевозможныя уступки... только бы не потерять ее совсѣмъ... Боже, только бы не потерять...

— Теперь вѣришь? спросила она со злымъ смѣхомъ.

Этотъ смѣхъ окончательно замкнулъ для нея то сердце которое она хотѣла покорить. Жанъ нашелъ ее жестокою. Онъ еще не зналъ что у женщины которая любитъ сохраняется чувство лишь для любимаго предмета, что всѣ эти живыя силы милосердія, доброты, состраданія и преданности поглощаются всецѣло однимъ существомъ.

— Ты напрасно смѣешься, замѣтилъ онъ.— Это письмо раздражаетъ душу.

И онъ прибавилъ тихо, серіознымъ голосомъ:

— Скажи, для чего ты его выгоняешь?

— Я его болѣе не желаю... не люблю.

— Но вѣдь былъ же онъ твоимъ любовникомъ... Вѣдь дакъ же онъ тебѣ всю эту роскошь въ которой ты живешь и всегда жила, которая тебѣ такъ необходима.

— Послушай, мой другъ, отвѣчала Фанни голосомъ въ которомъ звучала полнѣйшая откровенность,— пока я тебя не знала, все это мнѣ нравилось. Теперь оно утомляетъ меня и составляетъ для меня лишь стыдъ, возмущаетъ всю душу мою... О, я знаю, ты скажешь мнѣ что въ нашихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего серіознаго, что ты не любишь меня... но это уже дѣло мое.. Хочешь не хочешь, а я заставляю тебя полюбить меня...

Онъ не отвѣчалъ ни слова, условился увидаться съ нею на другой день и послѣднимъ ушелъ, оставивъ служанкѣ Машомъ нѣсколько луи хранившихся на дѣвѣ его студенческаго кошелька. Для него все было теперь кончено. Какое имѣлъ онъ право разстраивать жизнь этой женщины, и что могъ онъ предложить ей взамѣнъ того что она чрезъ него теряла?

Онъ написалъ ей это въ тотъ же самый день такъ осторожно и искренне какъ только могъ, но не сознаваясь ей что изъ ихъ связи, изъ этого каприза, легкаго и увлекательнаго, онъ выносилъ нѣчто злобредное, услыхавъ послѣ

любовно проведенной ночи рыданіе обманутаго любовника, чередовавшееся съ ея смѣхомъ и бранью.

Въ этомъ юношѣ, выросшемъ вдаль отъ Парижа, въ провансальской степи, была нѣкоторая доля грубости наследованной отъ отца и на ряду съ нею всѣ оттѣнки деликатности, вся нервозность его матери, на которую онъ походилъ какъ двѣ капли воды. А для защиты его отъ увлеченій имѣлся у него въ добавокъ примѣръ одного изъ братьевъ его отца, котораго беспорядочная жизнь и безумные поступки на половину разорили всю семью и даже грозили однажды ея доброму имени.

Дядя Сезерь! Этими двумя словами и тою интимною драмой которую они напоминали возможно было требовать отъ Жана пожертвованій болѣе страшныхъ чѣмъ удаленіе отъ амуретки и притомъ такой которой онъ никогда не придавалъ особенной важности. Но разрывъ оказался труднѣе нежели онъ предполагалъ.

Будучи формально уволена, Фанни все-таки вернулась ни мало не обезкураженная его отказами видѣть ее, не взирая ни на запертыя двери, ни на приказъ не принимать ея.

„У меня нѣтъ самолюбія“, писала она.

Она стерегла часы его завтрака и обѣда въ ресторанѣ, ожидала его предъ кофейной, гдѣ онъ обыкновенно читалъ газеты. И не было ни слезъ, ни сценъ. Если онъ былъ въ компаніи, она довольствовалась тѣмъ что слѣдовала за нимъ, выжидая минуту когда онъ останется одинъ.

— Желаетъ видѣть меня сегодня вечеромъ?... Нѣтъ?... Ну такъ до другаго раза.

И она уходила съ тихою локорностью ярмарочнаго торговца который ничего не продавъ взваливаетъ на плечи свой узелъ; она оставляла его съ упрекомъ совѣсти за его жесткое обращеніе и униженнымъ тою дождю которую онъ бормоталъ при каждой встрѣчѣ.

— Экзаменъ на носу... нѣтъ свободнаго времени... Потомъ... послѣ если она не передумаетъ...

На самомъ же дѣлѣ онъ разчитывалъ тотчасъ по окончаніи экзамена взять мѣсячный отпускъ на югъ, и надѣялся что въ продолженіе этого времени она забудетъ его.

Къ несчастію, по окончаніи экзамена Жанъ заболѣлъ. У него сдѣлалась горловая жаба, схваченная въ одномъ изъ сквозныхъ корридоровъ министерства; онъ въ началѣ

пренебрегъ ею, и болѣзнь усложнилась. Въ Парижѣ онъ не зналъ никого кромѣ нѣсколькихъ студентовъ изъ его края, но и тѣ удалились отъ него и разошлись въ разные стороны вслѣдствіе его столь требовательной связи. Впрочемъ, при его болѣзни требовалась преданность, болѣе обыкновенной, и съ перваго же вечера Фанни Легранъ помѣстилась у его кровати, не покидала его въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней, ухаживала за нимъ неутомимо безъ страха и отвращенія, съ ловкостію настоящей сидѣлки и съ нѣжною заботливостію которая иногда, при приступахъ лихорадки, словно переносила его во времена дѣтства, когда онъ вынесъ серіозную болѣзнь; онъ говорилъ: „Спасибо, тетюшка Дивонна“, когда чувствовалъ что рука Фанни прикасается къ его горящему лбу.

— Это не Дивонна... это я... я ухаживаю за тобой...

Она избавляла его отъ продажнаго ухода, отъ не во время потушеннаго огня въ каминѣ, отъ литья приготовленнаго въ каморкѣ швейцара; и Жанъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія видя сколько было ловкости, искусства и быстроты въ этихъ рукахъ. Ночью она спала часа два на диванѣ; диванъ этотъ, составляя принадлежность гостиницы Латинскаго квартала, былъ такъ же мягокъ и покоенъ какъ и скамья полицейскаго поста.

— Но, бѣдная моя Фанни, спросилъ онъ ее однажды,—ты совсѣмъ забыла твой домъ... Теперь мнѣ лучше, ты бы пошла успокоить свою Машомъ...

Она засмѣялась. Уже давно не было ни Машомъ, ни дома. Все продали, и мебель, и платья, и даже кровать. У нея осталось лишь то платье которое на плечахъ, да нѣсколько тонкаго бѣлаго спасеннаго служанкой отъ продажи. Теперь если онъ прогонитъ ее, то она очутится на улицѣ.

### III.

— На этотъ разъ я кажется наша... въ улицѣ Амстердамъ, противъ вокзала желѣзной дороги... три комнаты съ большимъ балкономъ. Если хочешь, сходимъ вмѣстѣ взглянуть послѣ твоего министерства. Правда, высоко, въ пятомъ этажѣ, но ты понесешь меня на рукахъ. Это было такъ хорошо, помнишь...

И вѣ себя отъ восторга при этомъ воспоминаніи, она прижалась къ шеѣ его, ища того мѣста на которомъ покоилась голова ея когда онъ несъ ее по лестницѣ въ первый вечеръ ихъ знакомства.

.....

Вдвоемъ въ меблированномъ отелѣ жизнь становилась невыносимою благодаря правамъ квартала, шаянію по лестницѣ разныхъ дѣвъ въ сѣткахъ и туфляхъ, прозрачности чуть ли не обояныхъ перегородокъ за которыми коротали свой вѣкъ цыны парочки, вѣчной перетасовкѣ ключей, подсвѣчниковъ и ботинокъ. Не для нея конечно такое существованіе было не по нутру: она готова была жить съ Жаномъ гдѣ бы то ни было, и на крышѣ, и въ клоакѣ. Но деликатныя чувства юности возмущались извѣстными соприкосновеніями, о которыхъ будучи одинъ онъ вовсе не заботился. Эти сходки на одну ночь стѣсняли его, унижали въ его глазахъ его собственное сожителство, наводили на него такую же грусть и вселяли такое же отвращеніе какое чувствуются при видѣ обезьянъ въ клеткѣ зоологическаго сада перенимающихъ съ гримасами жесты и выраженія человѣческой любви.

Ресторанъ также надѣдалъ ему; два раза въ день надо было идти кормиться на бульваръ Сень-Мишель, въ громадной столовой, переполненной студентами, учениками академіи художествъ, живописцами, архитекторами, которые, хотя не зная его, привыкли уже къ его личности видя его тутъ ежедневно въ теченіе года.

Отворяя дверь, онъ уже краснѣлъ отъ устремленныхъ на Фанни глазъ, входилъ съ вызывающе неловкостью свойственною каждому юношѣ когда онъ показывается въ обществѣ женщины. Онъ также опасался встрѣтиться съ кѣмъ-либо изъ своихъ начальниковъ по министерству или съ пріѣзжимъ изъ его края. Игралъ также нѣкоторую роль и вопросъ экономическій.

— Какъ дорого!... говорила она каждый разъ унося и разбирая счетъ обѣда.—Еслибы мы кормились дома, то за эти деньги были бы сыты три дня.

— Такъ кто же намъ мѣшаетъ?...

И стали искать квартиру.

Въ этомъ и состояла ловушка. Всѣ попадались въ нее, и молодые люди самые достойные, самые честные; и попада-

лись они вслѣдствіе цвѣтущаго благообразія и чистоты, расположенія къ домашнему очагу, вынесеннаго ими изъ воспитанія и жизни въ семейномъ кругу.

Квартира въ улицѣ Амстердамъ была тотчасъ нанята и найдена хорошою, несмотря на то что кухня и столовая выходили на узкій задній дворъ куда доносились изъ англійской таверны ароматы помоевъ и хлора, а спальня—на холмистую и шумную улицу; она содрогалась и день и ночь отъ вѣды тяжелыхъ фургоновъ, воевъ, фіакровъ и омнибусовъ, при каждомъ свисткѣ приходящихъ и отходящихъ поѣздовъ. Весь гамъ вокзала Западной желѣзной дороги разстилался предъ окнами квартиры, вмѣстѣ со стеклянною галлереей, словно окрашенною въ цвѣтъ грязной воды.

Преимущество квартиры заключалось въ томъ что поѣзда желѣзной дороги были точно у дверей, а Сень-Клау, Вилль-д'Авре, Сень-Жермень, зеленыя станціи береговъ Сены—такъ-сказать подъ террасой. Да при квартирѣ имѣлась терраса, широкая и удобная, сохранившая отъ щедрости прежнихъ жильцовъ цинковую лалатку, выкрашенную подъ полосатый холстъ, пропитанную водою и грустно выглядѣвшую въ эпоху зимнихъ дождей, но гдѣ можно было обѣдать лѣтомъ на воздухѣ съ такою же пріятностію какъ въ любомъ горномъ шале.

Занялись вопросомъ о мебели. Жанъ сообщилъ къ себѣ домой о своемъ намѣреніи обзавестись хозяйствомъ, и тетушка Дивонна, которая была такъ-сказать домоправительницей, выслала необходимыя деньги. Письмо ея въ то же время извѣщало о скоромъ прибытіи въ Парижъ шкафа, комода и большаго покойнаго кресла взятаго изъ „Покоя вѣтровъ“, для отсылки молодому человѣку.

Этотъ покой, который живо представлялся ему въ концѣ одного изъ корридоровъ Кастеле, уже давно былъ необитаемъ; задвинутыя ставни придерживались желѣзнымъ засовомъ, двери залертыя на задвижки были недоступны, и комната была такимъ образомъ предана на жертву лорывамъ мистрада отъ котораго и дрожала она словно маячный покой. Сюда нагромождали разное старье, все что молодое поколѣніе относило къ прошлому, дабы дать мѣсто пріобрѣтеніямъ новымъ.

О, еслибы Дивонна знала какимъ оригинальнымъ свидѣльцемъ послужитъ старинное кресло! еслибы она знала что



комода времени Имперіи наполнится юлками изъ сюрá, панталончиками съ манжетками!.. Но угрызения совѣсти Госсена терялись въ тысячѣ мелкихъ удовольствій которыя доставляла меблировка квартиры.

Такъ весело было поблѣ службы отпраляться въ дальнюю прогулку, рука объ руку, прижавшись другъ къ другу, идти въ какую-либо улицу предметъ для выбора мебели въ столовую, буфета, обѣденнаго стола и шести стульевъ, или крестонныхъ занавѣсей съ цвѣтами для окна и кровати. Онъ соглашался на все безъ разбора, но Фанни разглядывала за дзухъ, пробовала стулья, раздвигала заласныя части стола и выказывалась во всемъ опытною женщиной, практической, умѣющею торговаться.

Ей извѣстны были магазины гдѣ можно было приобрести по фабричной цѣнѣ полный комплектъ кухонной посуды для маленькой семьи: четыре желѣзные кастрюли и пятую эмальированную для варки шоколата утромъ; мѣдная посуда непригодна, она требуетъ слишкомъ продолжительной чистки. Шесть приборовъ съ суповою ложкой и двѣ дюжины тарелокъ изъ англійскаго фаянса, краснаго и пріятнаго на видѣ; все это пересчитано, сложено и упаковано, словно кукольные обѣденныя принадлежности.

Для постельнаго бѣлья, а равно, туалетнаго и столоваго, она знала одного торговца, представителя большой фабрики въ Рубе, гдѣ можно было улачивать помѣсячно. Кроме того, она зорко глядѣла на всѣ вывѣски, слѣдя за случаями распродажъ и ликвидацій, этихъ остатковъ крушеній которыя Парижъ непрерывно приноситъ въ свои стѣны. На бульварѣ Клиши она нашла по случаю великолѣпную кровать, почти новую и такую широкую что въ ней могли свободно помѣститься семь дѣвъ людоѣда.

Онъ также, возвращаясь со службы, пробовалъ дѣлать закупки, но не зналъ въ этомъ никакого толку, не умѣлъ ни отговориться, ни уйти изъ лавки съ пустыми руками. Зайдя, напримѣръ, къ старьевщику чтобы купить старинную масляницу, которую указала ему Фанни, онъ вмѣсто масляницы уже оказавшейся проданною приобрѣталъ люстру изъ горнаго хрустала для гостиной, тѣмъ болѣе безполезную что у нихъ и не было гостиной.

— Мы повѣсимъ ее на верандѣ, говорила Фанни желая утѣшить его.

И какъ весело было разбирать мѣста, обсуждать вопросъ о размѣщеніи мебели. Тутъ были и восклицанія, и смѣхъ до улады, а бывало вдругъ становились въ тулакъ, замѣчая что несмотря на всѣ принятыя предосторожности, не взирая на самую тщательную полноту слиска лѣкулюкъ необходимыхъ всегда что-либо оказывалось забытымъ.

Такъ, напримѣръ, тѣрка для сахару. Ну возможно ли было полное хозяйство безъ тѣрки для сахара?

Затѣмъ, когда закупки были кончены и все разставлено по мѣстамъ, занавѣси повѣшены, новая лампа снабжена фитилемъ, какой славный вечеръ провели они по окончательномъ устройствѣ квартиры, производя самую мелочную ревизію всѣхъ трехъ комнатъ прежде чѣмъ ложиться спать, и какъ хохотала она свѣта ему пока онъ запералъ на замокъ и задвижку входяяя двери.

— Провери ключъ еще разъ, еще... заперай крѣпче... будемъ совсѣмъ у себя дома...

И началась новая, до нельзя пріятная жизнь. Покончивъ со службой, онъ возвращался домой какъ можно скорѣе, торолась быть у себя, надѣть туфли и погрѣться у своего камина. Уже среди темной и шумной улицы онъ представлялъ себѣ ихъ комнату, освѣщенную и теплую, оживленную старинною провинціальною мебелью, которую Фанни заглазно прозвала рухлядью, но которая оказалась весьма красивыми старинными вещами; въ особенности шкафъ, вещица во вкусѣ Людовика XVI, съ раскрашенными дверцами, изображающими провансальскіе праздники, ластушковъ въ расцвѣченныхъ жакеткахъ, танцы подъ свирѣль и тамбурины. Присутствіе этихъ вышедшихъ изъ моды предметовъ, стоиъ памятное ему съ дѣтства, напоминало ему родительскій домъ и какъ бы освящало его новый домашній очагъ, комфортомъ котораго онъ теперь наслаждался.

Какъ только раздавался его звонокъ, тотчасъ являлась Фанни тщательно и кокетливо одѣтая. Черное шерстяное платье ея, совершенно гладкое, но шитое по выкройкѣ хорошаго портнаго, выказывало простоту и изящество женщины которая не имѣла недостатка въ нарядахъ; рукава при этомъ были засучены и поверхъ платья надѣтъ былъ большой бѣлый передникъ; она готовила кушанье сама, а приходящей служанкѣ поручены были только грубыя работы отъ которыхъ руки трескаются или обезображиваются.

Ей даже хорошо известно было кухонное дѣло; она знала множество рецептовъ разныхъ кушаній и Сѣвера и Юга, столь же разнообразныхъ какъ и ея репертуаръ народныхъ лѣсень. По окончаніи обѣда, повѣсивъ свой бѣлый передникъ за притворенною дверью кухни, она затагивала эти лѣсны своими ковтрадьто, разбитымъ но еще страстнымъ.

А внизу гудѣла и шумѣла улица словно потокъ. Холодный дождь звенѣлъ по цинку веранды; а Гессень, протянувъ ноги къ огню, полулежа на своемъ креслѣ, глядѣлъ сквозь стекло на окна вокзала и на служащихъ которые, согнувшись надъ столами, строчили безъ устали при блѣдномъ свѣтѣ большихъ рефлекторовъ.

Онъ чувствовалъ себя хорошо и давалъ себя убаюкивать. Былъ онъ влюбленъ? Нѣтъ. Но онъ былъ признателенъ за ту любовь которою его окружали, за эту вѣчно ровную нѣжность съ которою относились къ нему. И какъ могъ онъ такъ долго лишать себя такого счастья изъ боязни ополчиться или разстроить свою карьеру? Теперь онъ надъ этимъ самъ смѣялся. И развѣ нынѣшняя жизнь его не была несравненно приличнѣе чѣмъ когда онъ бывало переходилъ отъ одной женщины къ другой, рискуя даже своимъ здоровьемъ?

Впереди также опасаться было нечего. Черезъ три года, когда онъ долженъ будетъ уѣхать, разрывъ послѣдуетъ самъ собою и безо всякаго потрясенія. Фанни предупреждена; они говаривали объ этомъ между собою словно о смерти, о какой-то дальней но неизбежной случайности.

Представлялась одна лишь мрачная сторона: какъ опечалило бы его домашнихъ еслибъ они узнали что онъ живетъ не одинъ; что скажетъ на это отецъ его, человекъ строгій и рѣшительный? Но откуда имъ узнать? Въ Парижѣ Жанъ не видѣлся ни съ кѣмъ. Отецъ его, *консуль*, такъ называли его на мѣстѣ, круглый годъ не могъ отлучиться, будучи обязанъ наблюдать за имѣніемъ въ которомъ самъ хозяйничалъ и гдѣ виноградники болѣе всего его заботили. Мать была немощна, не могла двигаться безъ поддержки и сдала на руки Дивонны управленіе всѣмъ хозяйствомъ, присмотръ за его сестрами двойнями, Маріей и Мартою; эти двойняшки неожиданныя роды навсегда унесли съ собою активныя силы матери. Что же касается дяди Сезера, мужа Дивонны, это былъ полросту большой ребенокъ, котораго одного въ дальнюю дорогу не отпускали.

Фанни знала теперь всю семью. Когда Госсенъ получалъ изъ Кастеле письмо, въ концѣ котораго нѣсколько строкъ написано было маленькими ручками сестренокъ его, она читала это письмо черезъ его плечо и раздѣляла его волненіе.

Онъ же о жизни Фанни не зналъ ничего, да и не справлялся. Молодой человѣкъ обладалъ чуднымъ, нелорочнымъ эгоизмомъ юности, и не чувствовалъ ни ревности, ни безлокойства. Переполненный своею собственною жизнью, онъ давалъ ей свободно литься черезъ край, думалъ вслухъ, былъ весь наружу, между тѣмъ какъ Фанни оставалась нѣмою и непроницаемою.

Такъ шли дни и недѣли въ полномъ и благополучномъ спокойствіи; разъ только нарушило его одно обстоятельство которое взводило ихъ сильно, но не въ одинаковомъ смыслѣ. Ей показалось что она беременна, и она объявила ему это съ такимъ восторгомъ что онъ не могъ не раздѣлить его. На самомъ же дѣлѣ ему стало страшно. Имѣть ребенка... въ его лѣта! Что онъ будетъ съ нимъ дѣлать? Слѣдуетъ ли ему признать его своимъ и усыновить? И какое новое звено въ цѣли привязавшей его къ этой женщинѣ, какое усложненіе въ будущемъ!

И вдругъ представилась ему цѣль тяжелая, холодная и накрѣпко закованная. Ночью онъ спалъ не болѣе чѣмъ она, и, радышкомъ, въ ихъ широкой кровати, оба мечтали, съ открытыми глазами, но мечта одного была за тысячу миль отъ мечты другаго.

Къ счастью, это была не болѣе какъ фальшивая тревога, которая не возобновлялась, и снова принялись они за свою жизнь спокойную, увлекательно замкнутую.

Кончилась зима, вернулось настоящее солнце, и ихъ жилище еще болѣе украсилось; къ нему прибавились терраса и лалатка. По вечерамъ они обѣдали подъ зеленою крышею, подъ которою проносились нерѣдко ласточки съ ихъ своеобразнымъ крикомъ.

Съ улицы несло къ нимъ жаркія испаренія и доносилась шумная жизнь сосѣднихъ зданій, но за то въ ихъ пользу поступалъ каждый наливъ воздуха на террасу, и они часто забывались тутъ по цѣлымъ часамъ, прижавшись другъ къ другу, не видя и не слыша ничего вокругъ себя. Жанъ вспоминалъ о подобныхъ ночахъ на берегахъ Роны, мечталъ о

дальнихъ консульствахъ въ полуденныхъ странахъ, о палубѣ корабля готоваго къ отплытію, гдѣ легкій вѣтерокъ имѣлъ бы конечно такую же длинную струю воздуха какъ та отъ которой колыхалась занавѣсъ лалатки. И когда невидимая ласка шептала на его устахъ: „ты меня любишь?“, онъ словно возвращался издалека отвѣчая: „о да, люблю“. И вѣчно такъ въ эти лѣта... головы всегда переполнены мечтами самыми разнохарактерными.

На томъ же балконѣ, отдѣленномъ отъ нихъ желѣзною перегородкой, перевитой ползущими растеніями, ворковала другая нѣжная парочка, господинъ и госпожа Геттема, мужъ и жена, особы очень полныя, которыхъ поцѣлупи звучалъ словно пощечины. Необыкновенно удачно подобранные, однихъ лѣтъ и вкусовъ, одинаково тяжелые на подъемъ, эти голубки на закатѣ юности трогательно лѣтали въ полголоса, опершись на балюстраду, старинные сентиментальные романы:

И слышу я, какъ онъ въ тѣни вздыхаетъ;  
О чудный сонъ! пусть длится онъ еще...

Они пришли въ Фанни по сердцу, и она хотѣла бы съ ними познакомиться. Случалось даже что онъ съ сосѣдкой обмѣнивались поверхъ почернѣвшаго желѣза рѣшетки улыбками женщинъ любящихъ и счастливыхъ, но мужчины по обыкновению были болѣе сдержанны и въ разговоры между собою не вступали. . . . .

Однажды, въ послѣполуденное время, Жанъ возвращался изъ министерства, какъ вдругъ услышалъ что его окликнули на углу улицы Рояль. День былъ великолѣпный, Парижъ залитъ былъ жаркимъ свѣтомъ и особенно блестялъ на поворотѣ съ улицы на бульваръ; это мѣсто, когда солнце склоняется къ закату, около обычнаго часа прогулокъ въ Булонскомъ лѣсу, не имѣетъ себѣ подобнаго въ мірѣ.

— Садитесь тутъ, красивый юноша, и выпьемъ чего-нибудь... одинъ видъ вашъ веселитъ мои взоры...

Двѣ сильныя руки захватили его и посадили подъ крышу кофейной которая захватывала почти весь тротуаръ своими тремя рядами столиковъ. Онъ не сопротивлялся; ему лестно было слышать какъ имя Каудаля съ любозытствомъ шепталось окружавшею его публикой, состоявшею изъ провинціаловъ, иностранцевъ, полосатыхъ сюртучковъ и круглыхъ шляпъ.

Скульпторъ сидѣлъ предъ рюмкой абсента, который шелъ какъ нельзя лучше къ его военной осанкѣ и офицерской розеткѣ Почетнаго Легіона. Рядомъ съ нимъ помѣщался инженеръ Дешелеттъ, только что пріѣхавшій наканунѣ, ни мало не измѣнившійся, желтый и загорѣлый, съ тѣми же добрыми глазами и жадными ноздрями, словно утѣвающимися ароматомъ милого ему Парижа.

Едва только Жанъ усѣлся какъ Каудаль, указывая на него, воскликнулъ съ комическимъ негодованіемъ:

— Вѣдь какъ онъ хорошъ... подумаешь что и я былъ такъ же молодъ и что также предестно вилась моя волосы... О молодость, молодость!...

— Все тотъ же! замѣтилъ Дешелеттъ, привѣтствуя улыбкой выходку своего пріятеля.

— Не смѣйся другъ... Все что я имѣю, и медали, и кресты, и академію, словомъ, все безъ исключенія я отдалъ бы за эти волосы, за этотъ золотистый цвѣтъ лица.

Затѣмъ, обращаясь къ Госсену съ обычною своею безцеремонностью:

— А Сафо, что вы съ нею сдѣлали? Ея нигдѣ не видно.

Жанъ глядѣлъ во всѣ глаза, не понимая въ чемъ дѣло.

— Такъ вы болѣе не съ нею?

И видя что недоумѣніе юноши не разсѣвается, Каудаль прибавилъ съ нетерпѣніемъ:

— Сафо... ну, Фанни Легранъ... помните въ Вилль д'Авре?

— О, это уже кончено, давно.

Что вызвало на его уста эту ложь? Чувство стыда, недовѣрности отъ того что ей дали имя Сафо... Онъ стѣснялся говорить о ней съ другими мужчинами, а быть-можетъ желалъ тоже узнать о ней то чего бы не сказали при немъ еслибъ онъ сознался что связь ихъ продолжается.

— Какъ, Сафо?... Такъ она еще въ ходу? спросилъ Дешелеттъ разсѣяннымъ тономъ. Онъ все еще поглощенъ былъ мыслию что снова вернулся въ свой милый Парижъ, что снова увидитъ и лѣстницу церкви Св. Магдалины, и цвѣточный рынокъ, и нескончаемую анфиладу бульваровъ между двумя рядами зеленой ливны.

— Развѣ вы не помните, Дешелеттъ, у васъ, въ прошломъ году?.. Какъ она хороша была въ тюникѣ феллашки! А осенью я ее встрѣтилъ въ одно утро за завтракомъ съ этимъ красивымъ юношей у Лангауа... и походила она тогда на новобрачную которая замужемъ не болѣе двухъ недѣль.

— А который же ей годъ?... Вѣдь если припомнить съ какихъ поръ уже знаютъ ее...

Каудаль подымавъ голову, точно стараясь припомнить.

— Сколько ей лѣтъ?... постойте... ей было семнадцать въ 1853 году, когда она служила мнѣ моделью для фигуры Сафо... теперь у насъ 1873 годъ... ну и сосчитайте...

Вдругъ глаза его разгорѣлись:

— Ахъ, есабы вы видѣли ее двадцать лѣтъ тому назадъ, продолжалъ онъ,—стройная, тонкая, ротикъ дугой, лобъ плотный... Руки и плечи правда нѣсколько худыя, но это шло какъ нельзя къ облику Сафо. А какъ женщина, какъ любовница!.. Сколько наслажденій доставляло это чудное тѣло, этотъ огневой камень, этотъ рядъ клавишей гдѣ всѣ ноты были налицо... цѣлая лира, какъ говорилъ Лагурнери.

Жанъ, блѣднѣя, спросилъ:

— Развѣ этотъ также жилъ съ нею?

— Кто, Лагурнери? Еще бы!.. И не мало я отъ этого выстрадалъ. Четыре года жили мы съ нею какъ мужъ съ женой, четыре года дышалъ я только ею, готовъ былъ вскрыть себѣ жилы чтобы только быть въ состояннн исполнять всѣ ея капризы... и учителя пѣнія, и уроки на фортепiano, и профессоръ верховой ѣзды, всего и не перечтешь... А когда я хорошенько ее отполюровалъ, придалъ надлежащій лоскъ и грань драгоценнаго камня этой женщинѣ вышедшей изъ грязи и подобранной мною разъ вечеромъ передъ баломъ Рагашъ, этотъ проклятый стихомлетъ похитилъ ее у меня, отъ моего стола за которымъ каждое воскресенье обѣдалъ какъ прiятель.

Онъ съ усиленнѣмъ вздохнулъ, словно желалъ отогнать это любовное воспоминанiе, которое еще живо было въ его голосѣ, и продолжалъ затѣмъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Впрочемъ, ея вѣроломство не послужило ей въ пользу. Три года которые она провела съ нимъ, были настоящимъ адомъ. Этотъ поэтъ съ его льстивою наружностью былъ и скулъ, и золь, и полулумѣшанный. Зато надо было видѣть какая шла у нихъ перепалка! Придешь бывало къ нимъ, смотришь, а у нея глазъ повязанъ, у него же все лицо исцарапано.... Но самыя курioзныя сцены были тогда когда онъ захотѣлъ разстаться съ нею. Она цѣплялась за него словно короста, свѣдила за нимъ, не отходила отъ подъѣзда, ложилась поперекъ двери на половики ожидая его. Въ одну

ночь она пробыла цѣлые пять часовъ у Фарси, къ которой молодежь забралась цѣлою ватагой... Просто жалость... Но эгегическій поэтъ оставался безжалостнымъ и наконецъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи чтобъ избавиться отъ нея... Да, хорошъ онъ, нечего сказать... А въ довершеніе всего, чтобъ отблагодарить эту красивую дѣвушку отдавшую ему лучшіе годы своей юности, онъ обдалъ ее цѣлымъ томомъ стиховъ дышащихъ ненавистью, пошлыхъ брани, оскорбленій и поношеній: это *Книга Любви*, его лучшее твореніе.

Неподвижно, вытянувъ спину, Госсенъ продолжалъ слушать, всасывая понемногу сквозь длинную соломинку холодное питье поставленное на столикъ предъ нимъ. Онъ пилъ словно какой-то ядъ который ему налили и который охлаждалъ его внутренности начиная отъ самаго сердца.

Несмотря на чудную погоду, его пробирала дрожь; въ смутной дали видѣлъ онъ бродяція взадъ и впередъ тѣни, замѣтилъ бочку для поливки остановившуюся предъ церковью Св. Магдалины, перекрещиванье каретъ катившихся неслышно по смоченной мостовой будто по полу прикрытому ватой. Но ушей его не достигалъ парижскій шумъ; онъ слышалъ лишь то что разказывали у стола.

Телерь говорилъ Дешелеттъ; за нимъ была очередь подать яду:

— И что за глубѣйшая вещь эти разрывы...

Голосъ его обыкновенно спокойный и насмѣшливый принималъ оттѣнокъ болѣе мягкій, и даже по временамъ дышалъ безпредѣльною жалостью.

— Проживешь вмѣстѣ цѣлые годы, спишь рядомъ, раздѣляешь и мечты и невзгоды. Все другъ другу высказано; все взаимно отдано. Усвоились и манеры, и образъ дѣйствія, привыкли и къ бесѣдѣ другъ съ другомъ, и даже къ чертамъ лица... Словомъ, сошлись такъ сказать съ головы до ногъ, словно сплотились во-едино. Затѣмъ вдругъ расстаешься, отрываешься другъ отъ друга... Какъ это дѣлается? Откуда берется на это храбрости?... Я, кажется, никогда не могъ бы такъ поступить... Да, будь я обманутъ, оскорбленъ, заброшенъ грязью и осмѣянъ и скажи мнѣ при этомъ женщина со слезами: „оставься“... я бы не въ силахъ былъ уйти. И вотъ почему, когда я беру женщину то не иначе какъ на одинъ день... Я не допускаю даже втораго дня... или ужъ подъ вѣнецъ. Это и рѣшительнѣе, и чище.



— Не переходить даже на другой-день.... это говорится легче чѣмъ дѣлается.... Есть женщины съ которыми не въ состояніи удовольствоваться однимъ днемъ.... Да вотъ хоть эта, напимѣрь, о которой мы только что говорили.

— Я и ей не далъ ни одной минуты отсрочки.... замѣтилъ Дешелеттъ съ хитрою улыбкой, которую бѣдный юноша наделъ отвратительною.

— Значить вы не были ея типомъ, въ противномъ случаѣ... она когда любить то такъ и льнетъ.... у ней есть расположеніе къ семейной жизни.... Впрочемъ, не везло ей въ ея попыткахъ ослѣдости. Сошлась она съ Дежуа, романистомъ, онъ померъ... Перешла она къ Эзано, тотъ женился. Потомъ явился красавецъ Фламанъ, граверъ, прежде служившій моделью, такъ какъ у нея всегда былъ позывъ къ таланту или физической красотѣ, и вамъ извѣстно его страшное приключеніе....

— Какое приключеніе? спросилъ Госсенъ задыхаясь; и онъ снова сталъ тянуть въ свою соломинку, слушая любовную драму которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ привела въ волненіе весь Парижъ.

Граверъ былъ бѣденъ и любилъ Фанни до безумія. Боясь быть брошеннымъ ею и желая поддержать роскошь къ которой она привыкла, онъ сталъ фабриковать фальшивые банковые билеты. Его почти на первыхъ порахъ накрыли и арестовали вмѣстѣ съ его любовницей. Онъ отдѣлался десятилѣтнимъ заключеніемъ, а она шестимѣсячнымъ предварительнымъ арестомъ въ тюрьмѣ Св. Лазаря, такъ какъ ее признали невиновною.

И Каудаль напоминалъ Дешелетту, который тогда слѣдилъ за процессомъ, какъ она хороша была въ своемъ маленькомъ тюремномъ чепцѣ, и какъ въ то же время она была смѣла, предана и вѣрна своему другу до конца.... А отвѣтъ ея старому корришону-президенту, а подѣлуи которые она послала Фламану поверхъ треуголокъ жандармовъ, крича ему голосомъ способнымъ размягнуть камень:

— Не тоскуй, другъ... вернутся счастливые дни... мы еще будемъ любить другъ друга....

Какъ бы то ни было, это приключеніе нѣсколько отвратило ее бѣднjackу отъ семейной жизни.

— Съ тѣхъ поръ, пустившись въ міръ шикарный, она дѣлала связи на мѣсяцъ на недѣлю, но всегда избѣгала

артистовъ.... О! эти артисты, какъ она ихъ боялась!... Изъ всѣхъ художниковъ я кажется одинъ продолжалъ видѣться съ ней... Отъ времени до времени заходила она въ мою мастерскую выкурить папироску. Потомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не было о ней ни слуху, ни духу, до того дня когда я увидѣлъ ее за завтракомъ съ этимъ красивымъ юношей и она срывала винограды изъ его губъ. Я тогда подумалъ: „а моя Сафо опять-таки попалась“.

Жанъ не въ состояннн былъ долѣе слушать. Онъ чувствовалъ что весь проглатенный имъ ядъ можетъ убить его. Въ началѣ морозъ подиралъ его по кожѣ, а теперь грудь его горѣла отъ огня; въ головѣ шумѣло, и она точно готова была разорваться. Онъ перешелъ на другую сторону улицы, съ трудомъ избѣгнувъ навъзвжавшихъ на него экипажей. Кучера громко кричали, и что имъ, гаульцамъ, было нужно?..

Проходя по цвѣточному рынку у церкви Св. Магдалины, онъ былъ смущенъ запахомъ гелиотропа, любимымъ ароматомъ Фанни. Онъ прибавилъ шагу чтобъ избавиться отъ этого знакомаго запаха, и внѣ себя отъ отчаяннн, съ разрывающимъ сердцемъ, думалъ вслухъ:

— Моя любовница... да, просто красивая грязь. Сафо.. Сафо... и, подумаешь, цѣлый годъ прожилъ я съ такимъ существомъ.

Съ ожесточеннемъ повторялъ онъ имя Сафо, вспомнивъ что въ мелкихъ журналахъ, въ числѣ другихъ кличекъ дамъ полусвѣта, фигурирующихъ въ альманахѣ любовныхъ продолжковъ, значилась имена Сафо, Кора, Каро, Фрина, Жанна Нуатъ и т. л.

И благодаря этому ужасному имени изъ четырехъ только буквъ, вся жизнь женщины проходила предъ его глазами въ видѣ истока клоаки... Мастерская Каудалъ, передраги у Лагурнери, сторожки ночью предъ кабачками или на половикѣ лова... Потомъ красавецъ граверъ, поддѣлка билетовъ, судъ присяжныхъ... и маленькнй тюремный чепецъ, который былъ ей такъ къ лицу, и поцѣлуй посланный виновному: „не тоскуй, другъ!“ Другъ! то же названне и для него, и для другихъ. Какой позоръ! О, постарается же онъ вымести всю эту грязь... А запахъ гелиотропа упорно преслѣдовалъ его въ голубыхъ сумеркахъ...

Вдругъ онъ замѣтилъ что ходитъ все взадъ и впередъ по рынку, точно по палубѣ судна. Онъ пошелъ дальше, и скоро

достигъ улицы Амстердамъ, твердо рѣшившись прогнать эту женщину отъ себя, выбросить ее на дѣвственницу безо всякихъ объясненій, кинувъ ей въ догонку ея прозвище въ видѣ оскорбительнаго эпитета. У самой двери онъ уже колебался, подумалъ съ минуту, сдѣлалъ затѣмъ нѣсколько шаговъ. Она станетъ кричать, рыдать, пуститъ въ ходъ весь свой запасъ площадныхъ ругательствъ, подобно тому какъ бывало въ улицѣ Аркадъ...

Развѣ написать ей? Да, это лучше; написать и приложить счетъ за четыре мѣсяца, счетъ самый язвительный.

Онъ зашелъ въ англійскую таверну, пустую и угрюмую, такъ какъ газъ былъ зажженъ лишь на половину, усѣлся за грязноватый столикъ около единственнаго наличнаго клиента, худощавой дѣвы, насыщавшейся колченою лососиной безо всякаго путья. Онъ спросилъ бутылку эля, даже не дотронулся до него и принялся писать. Но слишкомъ много словъ тѣснились въ головѣ его и хотѣли вырваться наружу всѣ разомъ, а испорченныя и блѣдныя чернила переносили его мысли на бумагу лишь медленно и безсвязно.

Онъ изорвалъ два или три начатыя лисьма, хотѣлъ уже выйти вдвоемъ не написавъ, когда близь него полный и жадный ротъ тихо и боязливо спросилъ:

— Вы не пьете?... Можно мнѣ?

Онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, и дѣва, ухватившись за эль, очистила бутылку залпомъ; несчастная имѣла въ карманѣ ровно сколько требовалось чтобы поѣсть, но налиться ей было не на чтѣ. Его взяла жалость; это небольшое его успокоило и вдругъ дало ему болѣе ясное понятіе о невзгодахъ какія встрѣчаются въ жизни женщины; онъ сталъ разсуждать человѣчѣе и принялся обдумывать почти хладнокровно свое несчастье.

Вѣдь наконецъ она ему и не глала; и если онъ ничего не зналъ объ ея прошломъ, то главное потому что и самъ не заботился о немъ. И чтѣ могъ онъ поставить ей въ упрекъ?... Время проведенное въ тюрьмѣ Св. Лазаря?... Но коль скоро ее оправдали и почти съ триумфомъ вынесли изъ залы суда... Чтѣ же еще? чтѣ она имѣла связь съ другими прежде него? Да развѣ онъ этого не зналъ?... И развѣ онъ можетъ теперь претендовать на нее за это потому только что прежніе любовники ея носятъ имена извѣстныя, что онъ можетъ встрѣчаться съ ними, разговаривать, видѣть ихъ портреты

выставленными въ окнахъ магазиновъ. Развѣ возможно было ставить ей въ упрекъ что она предпочла именно ихъ?

И въ глубинѣ души его зарождалась дурная, неудобопризнаваемая гордость; ему начинало лѣстить что онъ раздѣляетъ ее съ этими великими художниками, и что они также находили ее красавицей. Въ такіа юныя лѣта никогда нѣтъ полной увѣренности, ничево не знаешь положительно. Обожаешь и женщину, и любовь, но не хватаетъ ни глазъ, ни опытности, и молодой любовникъ который показываетъ вамъ портретъ своего предмета ищетъ всегда вашего одобрительнаго взгляда; получивъ его, онъ дѣлается спокойнѣе. И фигура Сафо казалась уже ему выросшею, окруженною ореоломъ съ тѣхъ поръ какъ онъ зналъ что она воспѣта поэтомъ Лагуверни и вылита въ мраморъ и бронзу скульпторомъ Каудалемъ.

Но вдругъ вернулось къ нему ожесточеніе; онъ вскочилъ со скамьи на наружномъ бульварѣ, куда занесенъ былъ своими размышленіями, въ среду дѣтей и сплетенъ работницъ, въ пыльный июньскій вечеръ. Снова принялся онъ ходить взадъ и впередъ, громко и несвязно высказывая свои мысли; опять онъ былъ вѣ себя... Хороша бронзовая фигура Сафо!... Это просто вещь ординарная, для продажи; подобныя фигуры можно встрѣтить повсюду; она банальна какъ арія которую наигрываетъ шарманка, какъ самое имя Сафо, которое, пройдя сквозь столько вѣковъ, загрязнилось пошлыми легендами поверхъ его первобытной прелести, и имя божии стало ключкой недуга. Боже! какъ все это отвратительно!...

Такимъ образомъ, то усложняясь, то снова ожесточаясь, онъ подчинялся наплыву мыслей и противоположныхъ чувствованій. Бульваръ темнѣлъ и становился пустыннымъ. Въ жаркомъ воздухѣ чулось что-то рѣзко непріятное; онъ узнавалъ ворота большого кладбища, гдѣ въ прошломъ году вмѣстѣ со всею молодежью присутствовалъ на освященіи бюста работы Каудала на могилѣ Дежуа, романиста Латинскаго квартала, автора *Сандринетты*. Дежуа! Каудаль! Какое странное значеніе приобрѣли въ его глазахъ эти два имени два часа тому назадъ! И сколько казалось ему лживою и мрачною исторія студентки и ея небольшого семейнаго очага теперь, когда ему извѣстна была грустная его подкладка, когда онъ узналъ отъ Дешелетта ужасное прозвище данное этимъ тротуарнымъ брачнымъ связямъ.

Весь этотъ мракъ, казавшійся еще темнѣе отъ соседства кладбища, пугалъ его. Онъ повернулъ назадъ, встрѣчаясь съ блузниками которые бродили молчаливые словно крылья ночи, видѣлъ грязныя женскія одежды у дверей вертеловъ, гдѣ неполированныхъ стекла образовали большіе огни волшебныхъ фонарей и гдѣ одна пара за другою проходила обнимаясь и цѣлуясь... Который часъ?.. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, словно рекрутъ по окончаніи этапа, и отъ заглушаго горя его, какъ будто слустившагося въ самыя ноги, у него осталась одна лишь домота. Да, надо идти лечь и спать. Затѣмъ, на утро холодно и безъ гнѣва онъ скажетъ этой женщинѣ:

— Вотъ... я знаю какова ты. Это не твоя вина и не моя, но мы не можемъ болѣе жить вмѣстѣ... поэтому разстанемся...

И чтобъ избѣжать ея преслѣдованія, онъ поѣдетъ обнять мать и сестеръ, страхнуть на вѣтру Роны, на свободномъ и живительномъ мистралѣ, всѣ ужасы и страхи своего кошмара.

Она легла, уставъ ждать его и спала, не потушивъ висѣвшей надъ нею лампы; книга лежала открытою на одѣялѣ. Ея не разбудилъ приходъ его, и стоя предъ кроватью онъ съ любопытствомъ разсматривалъ ее словно женщину новую, чужую, которую онъ нашелъ въ своемъ домѣ.

Красива, очень красива! И руки, и грудь, и плечи изъ тонкаго твердаго янтаря, безъ пятнышка и задорняки. Но какое утомленіе, быть-можетъ отъ романа который она читала передъ своимъ, или отъ безпокойства и ожиданія, какія признанія на покраснѣвшихъ вѣкахъ, на чертахъ лица какъ бы расплывшихся отъ покоя! Ихъ уже не сдерживало горячее желаніе женщины могущей быть любимой. Тутъ видѣлось и являлось во очію все: и возрастъ ея, и исторія, и приключенія, и калризы, и связи, и тюрьма Св. Лазаря, и побои, и слезы, и страхи. Виднѣлись и багровыя лораненія, и слѣды наслажденій и бессонныхъ ночей, и складка отвращенія, отъ которой начинала опускаться нижняя губа, поношенная, утомленная подобно закраинѣ колодца у котораго пьеть цѣлый приходъ, и начинающая одутловатость которая ослабляетъ связи тѣла, уготовляя мѣсто для старческихъ морщинъ.

Эта измѣна сна, это гробовое молчаніе, были и величавы, и мрачны. Это было поле сраженія въ ночной часъ, со

всѣми своими ужасами, и тѣми которые видишь, и тѣми которые угадываешь по смутнымъ колебаніямъ жрака.

И вдругъ бѣдному юнѣшѣ пришло сильное непреодолимое желаніе выплакаться...

#### IV.

Они кончали обѣдъ при открытомъ окнѣ, протяжномъ крикѣ стражей, словно прѣдвѣтствовавшихъ наступленіе сумерекъ. Жанъ не говорил ни слова, но собирался начать рѣчь о томъ жестокомъ обстоятельстве которое тревожило его и которымъ онъ терзалъ Фаину съ самаго дня встрѣчи съ Каудалемъ. Она, увидавъ что онъ опустилъ глаза и принявъ равнодушный видъ служившій предвѣстникомъ новыхъ разспросовъ, угадала его мысль и предупредила его:

— Послушай, я знаю что ты хочешь мнѣ сказать... побереги насъ, прошу тебя... Вѣдь наконецъ это терзаетъ... все это умерло, я люблю только тебя, ты одинъ существуешь для меня на свѣтѣ.

— Еслибы все дѣйствительно умерло, все это прошедшее...

И онъ пристально смотрѣлъ ей въ чудные сѣрые глаза которые содрогались и мѣнялись при всякомъ новомъ впечатлѣніи.

— Еслибы все умерло, ты не хранила бы вещей которыя напоминаютъ тебѣ прошедшее... тамъ наверху, въ шкафу...

Глаза ея подернулись темною тѣнью.

— Такъ ты знаешь?

Значить надо было разстаться со всѣмъ этимъ запасомъ любовныхъ писемъ, портретовъ, съ этимъ архивомъ наслажденій и воспоминаній спасенныхъ отъ каждаго разрыва.

— По крайней мѣрѣ будешь ли ты мнѣ вѣрить послѣ?

И, видя недовѣрчивую, словно вызывающую улыбку Жана, она послѣднимъ достала лакированную шкатулку, рѣзная оправа которой выдѣлялась между рядами ея бѣлья и уже нѣсколько дней сильно интриговала молодого человѣка.

— Жги, рви... это все твое...

Но онъ не торопился отпереть шкатулку лоданнымъ ею ключомъ, онъ глядѣлъ на вишневые деревья съ фруктами изъ розоваго перламутра и на полетъ аистовъ вырѣзанныхъ на крышкѣ... Вдругъ онъ порывисто поднялъ эту крышку. Глазамъ его представились всякаго формата и почерка цвѣтныя

бумажки съ позолоченными вензелями, старинныя записочки пожелтѣвшія отъ времени и надорванныя на леренгахъ, записочки карандашомъ на вырванныхъ изъ записной книжки листикахъ, визитныя карточки... и все это въ кучѣ, безо всякаго порядка, словно ящикъ часто вскрывался и повѣрялся, и въ этотъ-то хаосъ запускалъ онъ теперь свои дрожащія руки...

— Передай ихъ мнѣ, я ихъ сожгу въ твоихъ глазахъ.

Она говорила лихорадочно, сидя на корточкахъ предъ каминомъ, съ зажженною свѣчей на полу близъ нея.

— Давай же!

— Нѣтъ, постой, отвѣтилъ онъ, и прибавилъ тихо, словно стыдась: — я хотѣлъ бы прочесть...

— Для чего? Это тебя только олять разстроитъ.

Она заботилась только объ его разстройствѣ, а не думала о неделикатности выдавать такимъ образомъ тайны страсти, исповѣдь, такъ-сказать выложенную на кровать всѣми кто ее любилъ; и приблизившись къ нему, стоя на колѣнахъ, она читала за нимъ слѣдомъ, наблюдая въ то же время искоса за вырженіемъ его лица.

Десять страницъ помѣчены были 1861 годомъ и носили подпись Лагурнери. Исписаны онѣ были почеркомъ растапнутымъ и мелкимъ. Поэтъ, посланный въ Алжиръ для составленія официальнаго и лирическаго отчета о лутешествіи императора и императрицы, дѣлалъ своей любовницѣ блестящее описаніе празднествъ.

„Шумливый и суетливый Алжиръ представлялъ настоящій Багдадъ изъ *Тысячи и одной ночи*. Обѣжалась туда вся Африка и размѣстилась кое-какъ вокругъ города, ломаясь въ ворота его словно самумъ. Видѣлись караваны негровъ и верблюдовъ навьюченныхъ товаромъ, разбитыя войлочныя палатки; надо всею этою толпой которая расположилась бивуакомъ на берегу моря носилась залахъ человѣческаго мускуса. Ночью плясали вокругъ большихъ огней, а на утро расходились съ прибытіемъ начальниковъ. Ихъ прибытіе походило на въездъ королей-маговъ и сопровождалось восточною пышностью, нестройною музыкой. Тутъ были и тростниковыя флейты, и небольшіе глухіе барабаны, и *гулм* сопровождавшій трехцвѣтное знамя Пророка; а сзади негры сдерживали за поводья коней назначенныхъ въ подарокъ императору, покрытыхъ шелковыми лолонами затканными серебромъ“.

Геніемъ поэта все это оживлялось; слова сверкали на страницахъ точно драгоценныя неотдѣланныя камни когда ихъ разсматриваютъ и цѣнятъ бриллиантики. И дѣйствительно, въ правѣ была гордиться эта женщина которой бросали на колѣна всѣ эти драгоценности. Была же она любима если поэтъ, несмотря на интересъ и блескъ празднествъ, думалъ только о ней, умиралъ съ тоски не видя ея.

„Да, эту ночь я словно былъ подвѣвъ тебя на большомъ диванѣ улицы Аркады. Ты была полубожажена, безумна, ты смѣялась отъ удовольствія подъ моими ласками, когда вдругъ проснувшись я очутился на коврѣ моей террасы, подъ небомъ усыпаннымъ звѣздами. Крикъ муэzzина доносился до меня съ сосѣдняго минарета свѣтлою и чистою струей скорѣе сладострастною чѣмъ молитвенною, словно я слышалъ не его, а тебя, разставаясь со своимъ лѣтнимъ свидѣніемъ...“

Какая злая сила заставляла его продолжать чтеніе несмотря на страшное чувство ревности, отъ котораго бѣлѣли его губы, стискивались крѣпко руки?

Фанни осторожно пыталась отнять у него письмо, но онъ прочелъ его до конца, затѣмъ перешелъ къ другому, третьему, бросая ихъ въ каминъ по мѣрѣ прочтенія, съ видомъ презрѣнія и равнодушія, не глядя даже на огонь который какъ бы оживлялся отъ лирическихъ и страстныхъ изліяній великаго поэта. И нерѣдко въ этихъ изліяніяхъ любви, разжигаемой африканскою температурой, лиризмъ его загрязнялся циничнымъ казарменнымъ выраженіемъ которое удивило бы и скандализовало бы свѣтскихъ читательницъ *Книги любви*, проникнутой утонченнымъ спиритуализмомъ, непорочною какъ серебряный шлицъ Юнгфрау.

Сердечныя невзгоды! На этихъ мѣстахъ Жакъ останавливался по преимуществу, отнюдь не подозревая нервическихъ вздрагиваній появлявшихся тогда на лицѣ его. Онъ даже имѣлъ мужество посмѣяться надъ поэтъ-скриптумомъ которымъ заканчивался блестящій разказъ о празднествѣ.

„Я перечиталъ мое письмо... есть дѣйствительно мѣста порядочныя. Прибереги его, оно можетъ мнѣ пригодиться.“

— Это господинъ который любилъ изо всего извлекать пользу, замѣтилъ Жанъ, переходя къ другому листку испитанному тѣмъ же почеркомъ и гдѣ Лагунери холоднымъ тономъ дѣловаго человѣка требовалъ возвращенія сборника арабскихъ лѣсенъ и пары туфлей изъ рисовой соломы. Это



уже была ликвидація ихъ любви. Онъ умѣлъ уйти, этотъ господишь, онъ былъ ловокъ и хорошо зналъ свое дѣло.

Не останавливаясь, Жанъ продолжалъ осушеніе этого болота, изъ котораго поднимались знойныя и зловредныя испаренія. Наступила ночь; онъ поставилъ свѣчу на столъ и пробѣгалъ записочки коротенькія, писанныя чрезвычайно нечетко, словно шиломъ и толстыми пальцами которые по временамъ, подъ вліяніемъ страсти или гнѣва, протыкали и рвали бумагу. Это относилось къ первымъ недѣлямъ связи съ Каудалемъ; сперва свиданія, ужины, загородныя экскурсіи, затѣмъ ссоры, мольбы о возвращеніи, стоны, грубая ругань пересыпанная мѣстами шутками, острыми словцами, а нерѣдко и упреками сквозь которые слышались рыданія; выказывалась, словомъ, наружу вся слабость великаго скульптора предъ мыслью о разлукѣ и разрывѣ.

И огонь все это пожиралъ; пламенные языки его словно удлинялись и становились ярче, обращая въ пепель тѣло, кровь и слезы гениальнаго артиста... Но какое было до этого дѣло Фанни? она всецѣло предана была своему юному любовнику; она слѣдила за каждымъ движеніемъ его, и лихорадочный огонь его жегъ ее сквозь одежду.

Онъ нашелъ портретъ рисованный перомъ, подписанный Гаварри и носящій слѣдующее посвященіе: „Другу моему Фанни Легранъ, въ гостиницѣ Дампьерра, въ дождливый день“. Это была фигура умная и грустная, со владыми глазами, съ выраженіемъ лица полнымъ горечи и разочарованія.

— Кто это?

— Андре Дежуа... Я хранила этотъ портретъ дорожа подлинью...

Онъ сказалъ: „Сохрани его, когда хочешь“, но такимъ привужденнымъ и несчастнымъ тономъ что она взяла рисунокъ, скомкала его и бросила въ огонь, между тѣмъ какъ онъ углублялся въ чтеніе переписки романиста. Это былъ цѣлый рядъ жалостныхъ писемъ помѣченныхъ изъ зимнихъ стоянокъ, съ морскихъ купаній, гдѣ писатель, высланный докторами изъ Парижа для поправленія здоровья, убивался отъ своей физической и моральной немощи, надрывалъ себѣ голову чтобы найти сюжетъ внѣ Парижа, и среди рѣчей о лѣкарствахъ, рецептовъ, тревогахъ денежныхъ и иныхъ, корректурныхъ листахъ, возобновленныхъ векселяхъ, обращалъ возгласы обожанія къ чудному тѣлу Сафо, прикосновеніе къ которому запрещено было ему медиками.

Жакъ шепталъ вѣдъ себя наивнымъ тономъ:

— Да что же именно всѣхъ ихъ такъ привязывало къ тебѣ?

Не имѣли для него иного значенія всѣ эти письма полныя отчаянія, въ которыхъ личность прославленная, возбуждавшая зависть молодого поколѣнія и питавшая мечты романтическихъ женщинъ... сознавала свое паденіе. Да что же привязывало ихъ?.. Чѣмъ она ихъ олаивала?.. Онъ чувствовалъ невыносимое страданіе челоѣка, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, который вынужденъ присутствовать при оскорбленіи и поношеніи любимой имъ женщины. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ рѣшиться, закрывъ глаза, покончить однимъ разомъ со всѣмъ что было въ шкатулкѣ.

Теперь была очередь гравера; несчастный, неизвѣстный, не имѣвшій другой славы кромѣ данной ему *Судебною Газетой*, онъ обязанъ былъ присутствіемъ своимъ въ этомъ тайномъ архивѣ только той сильной любви которую питала къ нему обладательница шкатулки.

Эти посланія, писанныя въ тюрьмѣ Мазасъ, были и унизительны, и пошлы, неловки и сентиментальны, подобно письмамъ солдатъ къ своей невѣстѣ. Но сквозь романтическую подкладку чувствовались и отбѣнокъ искренности въ выраженіи страсти, и уваженіе къ женщинамъ, и полнѣйшее самозабвеніе. Такъ онъ просилъ Фанни простить его за то что онъ слѣшкомъ сильно любилъ ее; затѣмъ изъ канцеляріи суда, тотчасъ послѣ обвинившаго его приговора, сообщалъ ей съ какою радостью онъ услышалъ что она оправдана и свободна. Онъ ни на что не жаловался; около нея и благодаря ей онъ провелъ два года въ счастья столь глубокомъ, что воспоминанія объ этомъ достаточно будутъ для наполненія всей его жизни, для облегченія страшной участи его; и онъ кончалъ письмо просьбой оказать ему услугу:

„Ты знаешь что у меня остался ребенокъ на родинѣ, гдѣ уже давно скончалась моя мать. Онъ прирѣнъ старую родственницей, и въ уголкѣ столь отдаленномъ и заброшенномъ что о моемъ осужденіи тамъ никогда и не узнаютъ. Деньги, сколько ихъ у меня оставалось, я имѣ выслалъ, написавъ что отправляюсь въ далекое путешествіе, и только на тебя разчитываю я, добрая Нини, что ты по временамъ будешь справляться о судьбѣ этого несчастнаго малютки и сообщать мнѣ объ этомъ вѣсточку“.

Какъ доказательство расположенія Фанни имѣлось тутъ

другое письмо преисполненное благодарности, и наконецъ третье писанное не болѣе какъ мѣсяцевъ за шесть предъ тѣмъ:

„О какъ ты добра что пришла ко мнѣ!.. Какъ ты была прекрасна и какой распространялся отъ тебя ароматъ!.. а мнѣ какъ стыдно было въ моей тюремной курткѣ“... и Какъ воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Такъ ты продолжала видѣться съ нимъ?

— Отъ времени до времени, чисто изъ жалости.

— Даже послѣ того какъ мы сошлись?

— Да, я была у него одинъ разъ въ приемной арестантской; ихъ только тамъ и можно видѣть.

— Хороша же ты!

И мысль что, несмотря на ихъ связь, она посѣщала этого осужденнаго болѣе всего приводила его въ негодованіе. Онъ былъ слишкомъ гордъ чтобы высказать это, но лачка писемъ, послѣдняя, перевязанная голубою лентой и обнаруживавшая почеркъ тонкій и наклоненный, почеркъ женщины, вызвала весь его гнѣвъ:

„Послѣ состязанія колесницъ я передѣну другую тюяку... зайди въ мою ложу“...

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не читай!..

Она кинулась на него, вырвала и бросила въ огонь всю лачку писемъ прежде чѣмъ онъ могъ понять что-либо, даже когда увидалъ ее на козлахъ, раскраснѣвшуюся и отъ отблеска пламени, и отъ стыда вызваннаго признаніемъ:

— Я была молода... это Клаудаль... этотъ безумецъ... я дѣлала все что онъ хотѣлъ.

Тогда только онъ появля и сталъ блѣдень какъ полотно.

— А, да, Сафо... вся дура...

И оттолкнувъ ее ногой какъ гадкую тварь, прибавилъ:

— Оставь меня, не прикасайся ко мнѣ, мнѣ гадко...

Его восклицаніе покрыто было страшнымъ гуломъ грома, продолжительнымъ и близкимъ; въ это самое время комната освѣтилась яркимъ свѣтомъ... Пожаръ! Она вскочила въ ужасѣ, машинально схватила графинъ стоявшій на столѣ и выплеснула воду на кучу горѣвшей бумаги, отъ которой пламя сообщилось накопившейся за послѣднюю зиму сажѣ, а затѣмъ перешло уже на туалетный столъ. Но успѣла ея остаться тщетна, огненные языки проникали уже до середины комнаты, и она кинулась къ балкону съ крикомъ: „Пожаръ! Пожаръ!“

Первыми явились на помощь сосѣди, супруги Геттема, затѣмъ швейцарь и полицейскіе служители. Слышались возгласы:

— Отпустите заслонку... подѣзайте на крышу. Воды, воды!.. Нѣтъ, ларусину...

Растерянные глядѣли они какъ ихъ жилище наполнилось толпою и загрязнилось. Затѣмъ, когда тревога кончилась, огонь потушили и разсѣялась собравшаяся на улицѣ черная толпа, освѣщенная газовымъ свѣтомъ, а сосѣди успокоившись вернулись къ себѣ, Жанъ и Фанни, посреди этой смѣси воды, сажи и грязи, опрокинутой и окаченной водою мебели, почувствовали себя, неспособными и не имѣющими силъ ни для возобновленія прерванной пожаромъ ссоры, ни для приведенія комнаты въ приличный видъ. Въ жизнь ихъ словно вторглась нѣчто мрачное и постыдное; и въ этотъ вечеръ, забывъ прежнее чувство отвращенія, они отправились ночевать въ гостиницу.

Жертва Фанни не повела однако ни къ чему. Исчезнувшія, сожженные письма оставили въ памяти Жана цѣлыя фразы, и отъ нихъ кровь прилиwała къ лицу его словно отъ чтенія зловредныхъ книгъ. Прежніе любовники Фанни были почти всѣ знаменитости. Мертвыхъ пережить было не трудно, но портреты и имена живыхъ видѣлись повсюду, о нихъ зачастую говорили въ его присутствіи, и всакій разъ онъ чувствовалъ себя при этомъ стѣсненнымъ, точно рѣчь шла о семейной связи печально разорванной.

Отъ познанія зла стали провидательнѣе и глаза его, и умъ, такъ что вскорѣ онъ уже находилъ въ Фанни слѣды первыхъ впечатлѣній, слова, мысли и привычки которыя она сохранила отъ стараго времени. Такъ, напримѣръ, манера ея протягивать указательный палецъ чтобы начертить въ воздухѣ предметъ о которомъ шла рѣчь, причемъ она говорила: „тебѣ отсюда это видно?“ принадлежала всецѣло скульптору. У Дежуа переняла она маню каламбуровъ и народныхъ пѣсень; издаанный имъ цѣлый сборникъ этихъ пѣсень сталъ въ короткое время извѣстенъ во всей Франціи. Отъ Лагурнери осталась ей цитонація высококомѣрная и презрительная, а также самоувѣренная строгость сужденій о современной литературѣ.

Она усвоила себѣ все это, нарацивая несродные элементы одни надъ другими, тѣмъ же процессомъ наслоенія который позволяетъ опредѣлять долготѣе земли и совершившіеся на ней перевороты по различнымъ геологическимъ формациямъ.

Быть-можетъ она не была такъ умна, какъ ему казалось въ началѣ. Но дѣло было не въ умѣ, будь она глупѣе всѣхъ, вульгарнѣе и еще лѣтъ на десять старѣе, она бы завладѣла имъ силой своего прошлаго, тою низкою ревностью которая грызла его, такъ что онъ не скрывалъ ни раздраженія, ни упрековъ; раздраженіе это и упреки сказывались при каждомъ удобномъ случаѣ.

Романы Дежуа болѣе не читались, и послѣднее изданіе ихъ сбывалось у букинистовъ на набережной Сены по двадцати пяти сантимовъ за экземпляръ. А старый безумецъ Каудаль, несмотря на свои лѣта, все еще упорствовалъ въ своихъ поискахъ за любовными похожденіями.

— Знаешь, вѣдь у него уже и зубовъ нѣтъ... Я видѣлъ это за завтракомъ въ Виль д'Авре... онъ встѣ какъ козы передними зубами... Да и талантъ его тоже выдохся... На послѣдней выставкѣ его группа совершенно провалилась.

Когда онъ пробиралъ такимъ образомъ одного изъ своихъ соперниковъ прошлаго времени, Фанни вторила ему, желая угодить, и приходилось слышать какъ эти знаменитые художники высокомерно разбирались и докторально осуждались мальчишкой незнакомымъ ни съ искусствомъ, ни съ жизнью, ничего не знающимъ, и женщиной поверхностною, нахватавшеюся кое-чего около этихъ же самыхъ художниковъ.

Но самымъ заклятымъ врагомъ Госсена былъ граверъ Фламанъ. О немъ ему было извѣстно лишь одно: что онъ очень красивъ, такъ же бѣлокуръ какъ и самъ онъ, что его звали „другомъ“, что видѣлись съ нимъ тайкомъ; и когда Госсенъ нападалъ на него какъ и на другихъ, называя его сентиментальнымъ каторжникомъ или заключеннымъ красавцемъ, то Фанни отворачивалась не говоря ни слова. Скоро онъ сталъ обвинять ее въ томъ что она сохраняетъ снисходительность къ этому негодяю, и она вынуждена была объясниться тихо, но съ нѣкоторою твердостью:

— Ты знаешь, Жанъ, что я его болѣе не люблю, ибо люблю тебя... Я болѣе туда не хожу... не отвѣчаю на его письма;

но никогда не заставишь ты меня говорить худо о человѣкѣ который обожалъ меня до безумія, до преступленія...

При этомъ откровенномъ тоиѣ, который былъ лучшею ея чертой, Жанъ не протестовалъ; тѣмъ не менѣе овъ страдалъ отъ ревнивой ненависти, и это не рѣдко приводило его въ лицу Амстердамъ невзначай, сюрпризомъ посреди дня.

„Что если она пошла повидаться съ нимъ?“ думалось ему.

Но овъ всегда заставлялъ ее дома, кейфующею въ ихъ уютномъ уголку словно восточная женащина, или сидящею у фортепiano и дающею урокъ пѣнія ихъ тучной сосѣдкѣ госложѣ Геттема. Съ сосѣдями познакомились и сошлись съ того вечера когда произошелъ пожаръ; это были люди добродушные и простые, жившіе на постоянномъ сквозномъ вѣтру, съ вѣчно отворенными дверями и окнами.

Мужъ, занимавшій должность чертежника въ Артиллерійскомъ музеѣ, бралъ работу на домъ, и въ будни каждый вечеръ, а въ воскресенье по цѣлымъ днямъ видѣли его наклонившимся надъ широкимъ письменнымъ столомъ; овъ потѣлъ, отдувался, снявъ сюртукъ, и размахивалъ по временамъ рукавами сорочки чтобы привести въ движеніе воздухъ; лицо его поросло волосами до самыхъ глазъ. Около него жена въ одной кофточкѣ также олаживалась, хотя никогда ничего не дѣлала, и, чтобы нѣсколько освѣжить кровь, они отъ времени до времени затыгивали который-либо изъ любимѣйшихъ ихъ дуэтовъ.

Между двумя семьями скоро установились близкія отношенія. По утрамъ, около десяти часовъ, звучный голосъ Геттема кричалъ у двери: „Вы готовы, Госсенъ?“ И такъ какъ ихъ мѣста служенія находились въ одной и той же сторонѣ, то они отправлялись вмѣстѣ. Тяжелый на подъемъ, отчасти вульгарный и стоявшій на общественной лѣстницѣ нѣсколькими ступенями ниже своего компаніона, чертежникъ говорилъ мало и шамкалъ, какъ будто у него столько же было волосъ во рту сколько и на щекахъ; но чувствовалось что овъ человѣкъ хорошій, и моральное разстройство Жана нуждалось въ такомъ солрикосновеніи. Овъ особенно дорожилъ имъ потому что Фанни жила въ одиночествѣ лодномъ воспоминавній и сожалѣвній, быть-можетъ болѣе опасныхъ чѣмъ связи отъ которыхъ она добровольно отказалась. Она находила въ госложѣ Геттема, вѣчно заботящейся о своемъ мужѣ, о

сюрпризъ который она сдѣлаетъ ему въ видѣ любимаго кушавья за обѣдомъ, о новомъ романсѣ который она споетъ ему аз десертномъ,—она находила въ ней общество честное и здоровое.

Тѣмъ не менѣе, когда дружба дошла до взаимныхъ приглашеній, Жана взяло недоумѣніе. Люди эти должны были считать ихъ женатыми, совѣсть его не хотѣла допустить лжи, и онъ поручилъ Фанни предупредить сосѣдку чтобъ устранить всякую возможность недоразумѣній. Она этому много смѣялась... Бѣдный ребенокъ! онъ одинъ могъ быть настолько наивенъ...

— Да развѣ они хоть одну минуту думали что мы мужъ и жена? Развѣ это имъ не все равно?... Еслибы ты знала откуда онъ взялъ себѣ ее въ жены... Все что я сдѣлала, начто въ сравненіи съ нею... Онъ женился на ней только для того чтобъ одному обладать ею, и ты видишь что прошлое имъ отнюдь не помѣха.

Ему не вѣрилось... Какъ! она тоже изъ бывалыхъ... эта бабыня со свѣтлыми глазами, съ дѣтскою усмѣшкой, нѣжно бѣлою кожей, со провинціальнымъ растягиваньемъ рѣчи, она, для которой романсы никогда не были достаточно сантиментальными, слова достаточно приличными! А мужъ при этомъ такъ спокоенъ и увѣренъ въ своемъ любовномъ благополучіи! Жанъ смотрѣлъ на него когда тотъ шелъ съ нимъ рядомъ, съ трубочкой въ зубахъ, съ передышками полнѣйшаго счастья, и невольно сознавалъ что онъ самъ, напротивъ того, вѣчно погруженъ въ тяжелыя думы и что вѣчно грызеть его безсильная злоба.

— Это у тебя пройдетъ, мой другъ, замѣчала Фанни въ тѣ часы когда говорится другъ другу все; она успокаивала его, нѣжная и прелестная какъ въ первые дни ихъ связи; но кѣ-что уже было утрачено ею; что именно, Жанъ никакъ не умѣлъ опредѣлить.

Она какъ будто свободнѣе и держалась, и выражалась, точно сознавала свое вліяніе, повѣряла ему своеобразныя тайны своего прошлаго о которыхъ онъ ее и не спрашивалъ, свой прежній разгулъ, безумное любопытство. Она уже не отказывала себѣ теперь въ куреніи, крутила пальцами и клала куда попало на мебель вѣчную палиросу, которая улаживаетъ дни подобныхъ ей женщинъ, а бесѣдуя съ нимъ, она

высказывала насчетъ жизни, коварства мужчинъ и вѣроломства женщинъ, самыя циничныя теоріи. Даже выраженіе ея глазъ измѣнилось; они словно тяжѣли отъ какихъ-то миазматическихъ испареній, колеблемыхъ взрывами раслутого смѣха.

Характеръ ихъ вѣжвыхъ отношеній также измѣнялся. Сначала она сдерживалась въ виду юности Жана; она уважала его первыя иллюзіи. Теперь она уже не стѣснялась послѣ того какъ увидѣла какое дѣйствіе произвело на этого ребенка внезапное открытіе ея развратнаго прошлаго, увидѣла ту болотную лихорадку которую разожгла она въ крови его. Теперь она предавалась ласкамъ самымъ развращеннымъ, отъ которыхъ доселѣ воздерживалась, не избѣгала тѣхъ словъ изступленія которыя прежде задерживала стискивая свои зубы; словомъ, она обнаруживалась болѣе и болѣе, являясь въ полномъ смыслѣ куртизанкой влюбленною и опытною...

Да и къ чему стыдъ и сдержанность? Мужчины всѣ одинаковы, всѣ полны порока и разврата, и этотъ юноша такъ же какъ и другіе. Прикормить ихъ тѣмъ что они любятъ, это еще наилучшее средство удержать ихъ при себѣ.

## V.

Въ ихъ комнатѣ, рядомъ съ прекраснымъ портретомъ Фавни, работы Жемса Тиссо, остаткомъ прежней ея роскоши, висѣлъ пейзажъ юга, черныи и бѣлый, грубо исполненный при солнечныхъ лучахъ деревенскимъ фотографомъ.

Пейзажъ этотъ представлялъ скалистый берегъ, по которому лѣстницей взбѣгали виноградники, огражденный каменными столбами. Затѣмъ, выше, позади рядовъ кипарисовъ служившихъ защитой отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и словно прижавшись къ небольшой сосновой и миртовой рошѣ, видѣлся бѣлый домъ, полуферма и полу-замокъ, съ широкимъ подъѣздомъ, итальянскою крышей, дверьми съ гербами, съ рыжими стѣнами изъ провансальскаго маса, настилью для павлиновъ и овсями для стада; черные ворота сараевъ были отворены и сквозь нихъ видѣлся блескъ лагуновъ и боронъ. Надо всѣмъ этимъ господствовали развалины старинныхъ укрѣпленій, громадной



вышны башня, выступавшая на безоблачномъ небѣ съ нѣсколькими крышами и романскою колокольней Шатовѣфа, гдѣ съ незапамятныхъ временъ проживала семья Госсенъ-Арманди.

Кастеле, ихъ родовое имѣніе, славившееся своими виноградниками столько же какъ Нертъ и Эрмитажъ, переходило отъ отца къ сыну, но не шло въ раздѣлъ между всѣми дѣтьми. Имѣніемъ распоряжался всегда младшій изъ сыновей, такъ какъ, въ силу семейнаго преданія, старшій всегда посвящалъ себя консульской карьерѣ. Къ несчастію, природа не рѣдко противодействуетъ этимъ планамъ и преданіямъ, и если когда-либо былъ человѣкъ совершенно неспособный управлять чѣмъ бы то ни было, то это былъ именно Сесерь Госсенъ, которому эта тяжелая задача выпала на двадцать лѣтомъ году его жизни.

Развратникъ, посягатель игорныхъ домовъ и деревенскихъ пиршествъ, Сесерь, или лучше *Фенатъ-негодяй*, чтобы сохранить за нимъ прозвище подобныхъ ему личностей которыя встрѣчаются въ томъ краѣ въ семьяхъ самыхъ патріархальныхъ, Фенатъ выказалъ вполнѣ свою неспособность въ дѣлѣ хозяйничанія.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпечнаго управленія, безтолковыхъ тратъ, разорительной игры въ клубѣхъ Авиньйона и Оранжа, пришлось заложить землю; запасные погреба изсякли, будущій урожай былъ залпрованъ. Затѣмъ, нахлывнѣ окончательнаго секвестра, Фенатъ, поддѣлавъ подпись своего брата, выдалъ три переводные векселя по которымъ уплата должна была быть произведена въ консульствѣ въ Шахѣ; онъ былъ увѣренъ что къ наступленію срока добудетъ денегъ чтобы выкупить эти переводы; но это ему неудалось, и переводы предъявлены были въ срокъ старшему брату, который одновременно получилъ отчаянное письмо виновнаго сознававагшагося и въ подлогѣ, и въ разореніи семьи. Консулъ тотчасъ же отправился въ Шатовѣфъ, услѣлъ выпутаться изъ отчаяннаго положенія благодаря своимъ обещаніямъ, а равно и взятому за женой приданому и, увидавъ воочию неспособность Фената, отказался отъ карьеры которая открывала ему блестящую будущность и сдѣлался простымъ выводкомъ.

Этотъ былъ настоящій Госсенъ, традиціонный до макин, рыаный, но спокойный валодобіе потухшихъ вулкановъ

которые сохраняютъ въ себѣ запасы изверженій; притомъ же дѣятельный и хорошо знающій земледѣлец. Благодаря ему, имѣніе Кастеле достигло цвѣтущаго состоянія, расширилось прирѣзкой земель до самой Роны, и такъ, какъ одно счастье идетъ вслѣдъ за другимъ, одна удача обыкновенно сопровождается другою, то скоро подъ ирвовыми деревьями сада появился маленькій Жакъ.

Въ это время Фенатъ бродилъ по имѣнію, подъ бременемъ своего проступка, едва смѣя поднять глаза на своего брата, который еще болѣе убивалъ его своимъ презрительнымъ молчаніемъ. Онъ дышалъ свободно лишь въ полѣ на охотѣ или на рыбной ловлѣ, заглушая свое горе безтолковымъ препровожденіемъ времени, собирая удитокъ, вырѣзывая себѣ красивыя трости изъ мирты либо тростника и завтракая по большей части одинъ, на воздухѣ, жареною дичью которую приготовлялъ себѣ на огнѣ оливковыхъ отростковъ на олушкѣ лѣса. Вечеромъ, вернувшись домой къ обѣду, за столомъ брата, онъ не говорилъ ни слова, несмотря на снисходительную улыбку его невестки, которую брала жалость къ несчастному, такъ что она даже снабжала его карманными деньгами украдкой отъ мужа; этотъ же относился къ Фенату съ особенною строгостью не столько изъ-за прежнихъ его глупостей сколько въ видахъ предупрежденія новыхъ продѣлокъ.

И дѣйствительно, когда исправлено было все великое зло причиненное Фенатомъ, гордость старшаго Гессема снова подверглась испытанію.

Три раза въ недѣлю приходила въ Кастеле, въ качествѣ пѣвицы, хорошенькая дочь рыбака, Дивонна Абриѣ, увидавшая свѣтъ въ ивнякѣ на берегу Роны. Подъ своимъ головнымъ уборомъ *catalogne*, изъ трехъ составныхъ частей крѣпко сжимавшихъ ея маленькую головку, откинутыя завязки коего давали возможность любоваться красивою шейкой, нѣсколько смуглою кожей и лицо, и нѣжными очертаніями груди и плечъ, она напоминала старинную донью изъ прежнихъ *coings d'amour* бывшихъ въ окрестностяхъ Шатонѣфа, въ Курттезонѣ, Вакерасѣ, во всѣхъ старинныхъ замкахъ коихъ развалины разбросаны по холмамъ и пригоркамъ.

Это историческое воспоминаніе не играло впрочемъ никакой роли въ любви Сезера, имѣвшаго душу простую, чуждую идеаловъ и начитанности. Но будучи самъ маленькаго

роста; онъ любилъ женщинъ высокихъ и влюбился съ перваго же дня. Притомъ же онъ былъ опытенъ въ деревенскихъ похожденияхъ; онъ зналъ какую роль играютъ тутъ и кадраль въ воскресный день, и дичь поднесенная въ подарокъ, и первая встрѣча въ чистомъ полѣ со смѣлымъ нападениемъ близъ стога соломы. Оказалось, впрочемъ, что Дивона танцевъ не любила, подаренную ей дичь приносила на кухню и, стоя же крѣпкая какъ береговые бѣлые и гибкіе тополя, при первой стремительной атакѣ отбросила нападающаго шаговъ на десять назадъ. Съ этихъ поръ она держала его на почтительной дистанціи одними ножницами привѣшенными къ ея поясу на стальномъ крючкѣ и окончательно влюбила его въ себя до безумія, такъ что онъ заговорилъ о женитьбѣ и довѣрилъ свой планъ невѣсткѣ. Невѣстка знала Дивонну Абриѣ съ малолѣтства, считала ее дѣвушкой деликатною и серіозною и находила во глубинѣ души что такой бракъ, хотя и неровный, станетъ быть-можетъ спасениемъ Фената; но гордость кожула возмущалась при мысли что одинъ изъ членовъ семьи Госсенъ-Арманди хочетъ жениться на крестьянкѣ.

— Если Сезерь это сдѣлаетъ, то я его болѣе и видѣть не хочу, говорилъ онъ, и сдержалъ слово.

Женившись на Дивоннѣ, Сезерь покинулъ Кастеле и переселился на берегъ Роны къ родителямъ своей жены, гдѣ и жилъ на ежегодную пенсію которую назначилъ ему братъ и которую приносила ему всегда снисходительная къ нему невѣстка. Маленькій Жанъ сопровождалъ мать при этихъ посѣщеніяхъ. Ему очень нравилась хижина Абриѣ, нѣчто въ родѣ ротонды, которую кодыхали и горные вѣтры, и мистраалъ, и которая поддерживалась единственнымъ вертикальнымъ столбомъ словно мачтой.

Отворенная дверь обрамляла маленькую набережную гдѣ сушились сѣти, блестяла и переливалась серебристымъ отливомъ рыба чешуя. Внизу двѣ или три длинныя лодки качались и скрипѣли на своихъ причалахъ, а большая рѣка, веселая, широкая, свѣтлая, словно отбрасывалась вѣтромъ къ ея островамъ съ ихъ бѣдно-зеленоватою растительностью. Здѣсь, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Жанъ приобрѣталъ вкусъ къ дальнимъ путешествіямъ и къ морю, котораго онъ еще никогда не видалъ.

.....

Такое изгнаніе дяди Сезера длилось два или три года и быть-можетъ не окончилось бы никогда, не случись семейнаго событія, рожденія двойнишекъ Марты и Маріи. Вслѣдствіе этихъ двойныхъ родовъ мать заболѣла, и Сезеру съ женой его разрѣшено было посѣщать ее. Затѣмъ скоро послѣдовало примиреніе братьевъ безъ особеннаго повода, чисто инстинктивное, въ силу лишь кровнаго родства. Съ тѣхъ поръ Сезерь и жена поселились въ Кастеле, и такъ какъ бѣдная мать парализована была неизлѣчимою анеміей, усложнившюся ревматическою подагрой, то пришлось поручить веденіе хозяйства Дивоннѣ. Она же должна была наняться съ малютками, смотрѣть за многочисленною прислугой, два раза въ недѣлю навѣщать Жана въ Авиньонскомъ лицей, не говоря уже объ уходѣ который ежедневно требовался за больною.

Какъ женщина умная и любящая порядокъ, она пополняла свое недостаточное образованіе умомъ, крестьянскою спорковкой, остатками наукъ сохранившимися въ головѣ Фената, окончательно укромещеннаго и дисциплинованнаго. Консулъ вполнѣ полагался на нее во всемъ что касалось домашняго расхода. Веденіе хозяйства было не особенно легко вслѣдствіе увеличившихся расходовъ въ то время какъ доходы съ году на годъ уменьшались; филлоксера начинала угрожать серьезно виноградникамъ. Вся долина вокругъ была уже захвачена болѣзью, но владѣнія Госсена еще сопротивлялись, и консулъ поставилъ себѣ главною задачею спасти свои виноградники предупредительными мѣрами.

И вотъ Дивонна Абріѣ, которая пребывала вѣрна и крестьянскимъ головнымъ уборамъ, и швейнымъ пріемамъ, скромно оставаясь притомъ въ роли домоправительницы или компаніонки, эта Дивонна уберегла домъ отъ лишеній въ эти трудные годы: больная всегда была окружена тѣмъ же дорого стоющимъ уходомъ; малютки воспитывались близъ матери настоящими барышнями; за ученіе Жана улачивалось регулярно сперва въ Авиньонскій лицей, затѣмъ въ Эсъ, гдѣ онъ слушалъ курсъ юридическихъ наукъ, и наконецъ въ Парижъ, куда онъ отправился для окончанія ученія.

Какими чудесами порядка и бдительности получала она такіе результаты, этого не зналъ никто, ни даже она сама. Но каждый разъ и Жанъ всланиалъ о Кастеле и взгя-

дывалъ на фотографію, словно полинявшую, первымъ лицомъ которое представлялось ему, первымъ именемъ которое приходило ему на память была тетушка Дивонна, крестьянка съ возвышенною душою, которая какъ будто притаилась за женщиной высшаго круга, но поддерживала ее силой своей воли. Съ нѣкоторыхъ поръ, а именно съ того времени какъ онъ узналъ что такое его сожительница, онъ избѣгалъ произносить предъ нею имя Дивонны, равно какъ имена матери и другихъ родныхъ; онъ стѣснялся даже глядѣть на фотографію, неумѣстную и словно заблудившуюся на этой стѣнѣ надъ кроватью Сафо.

Однажды вернувшись къ обѣду онъ удивился увидавъ на столѣ три прибора вмѣсто двухъ, и еще болѣе пораженъ былъ заставъ Фанни за игрою въ карты съ маленькимъ человѣчкомъ, котораго сразу не узналъ; поспѣтитель повернулся къ нему лицомъ, и онъ увидѣлъ свѣтлые безпечные глаза, большой носъ на загорѣвшемъ и смугломъ лицѣ, обнаженный черепъ и бородку дяди Сезера. На привѣтствіе племянника Сезерь отвѣтилъ, не выпуская карты:

— Какъ видишь, я не скучаю, а играю въ безикъ съ моею племянницей.

Его племянница!

А Жанъ такъ старательно скрывалъ свою связь ото всѣхъ и каждаго. Эта фамильярность ему не понравилась, равно какъ и все то что говорилъ ему Сезерь въ полголоса, когда Фанни оставила ихъ однихъ чтобы позаботиться объ обѣдѣ:

— Поздравляю, мой другъ... глаза... руки... просто лакомый кусочекъ.

Еще хуже стало за столомъ когда Фенатъ началъ говорить безъ стѣсненія о дѣлахъ Кастеле и о томъ что привело его въ Парижъ.

Предлогомъ къ путешествію было полученіе денегъ, восьми тысячъ франковъ которые онъ нѣкогда одолжилъ своему пріятелю Курбессу. Онъ уже потерялъ было надежду получить этотъ долгъ обратно, но вдругъ нотариусъ извѣстилъ его что Курбессъ умеръ и что означенная сумма имѣется въ наличности для его удовлетворенія. Но настоящій поводъ былъ совершенно иной, такъ какъ за деньгами вѣхать не было крайности, ихъ могли выслать.

— Настоящій поводъ моей поѣздки, мой бѣдный другъ, это здоровье твоей матери. Съ нѣкоторыхъ поръ она становится

все слабѣе и слабѣе и по временамъ словно теряетъ рассудокъ; она забываетъ все, даже имена своихъ дочурокъ. На прошлой недѣлѣ, вечеромъ, отецъ твой только что вышелъ изъ ея комнаты, а она спросила Дивенну кто этотъ добрый господинъ, такъ часто ее навѣщающій. Никто еще не замѣтилъ всего этого кромѣ твоей тетки, и она мнѣ передала это лишь для того чтобъ я похвалъ посоветоваться съ Бушеро насчетъ состоянiя бѣдной женщины, онъ ее когда-то пользовалъ.

— А что въ вашей семьѣ уже бывали сумашедшiе? спросила Фанни тономъ докторальнымъ и серьезнымъ, перенатымъ ею у Лагурнери.

— Нѣтъ, никогда, отвѣчалъ Фенатъ.

Затѣмъ, съ хитрою улыбочкой которая расплзлась до самыхъ висковъ, онъ прибавилъ что самъ въ молодости былъ нѣсколько тронуть.

— Но мое сумашествiе дамамъ было не противно и зализывать меня не было надобности.

Жанъ глядѣлъ на нихъ полный грусти. Къ тому горю которое причиняло ему сообщенное дадею извѣстiе присоединялась еще неприятность слышать что эта женщина говоритъ объ его матери и ея недугахъ тономъ свободнымъ и съ олытвостiю матроны, упершись локтями на скатерть и крутя пальцами палиросу. А тотъ, болтушь, уже черезчуръ откровенный, не стѣснялся ничѣмъ и высказывалъ самыя интимныя тайны семьи.

А виноградники—пропадшее дѣло! И самыя главныя лозы не долго продержатся. Половина лозъ уже съѣдена, а остальные удастся сохранить лишь чудомъ, старательнымъ уходомъ за каждою вѣткой, за каждою почти ягодой, словно за больнымъ ребенкомъ, примѣняя разныя дорогiя снадобья. А всего ужасаѣе то что консулъ упорствовалъ въ разведенiи виноградниковъ, тогда какъ ему слѣдовало употребить эту прекрасную землю изъ-подъ прокаженныхъ лозъ на разведенiе оливковыхъ деревьевъ и калерсовыхъ кустовъ.

Къ счастью, онъ, Сезеръ, имѣлъ нѣсколько гектаровъ на берегу Роны, и обрабатывалъ ихъ при содѣйстви искусственаго орошенiя, прекрасная выдумка, но примѣняемая лишь къ почвѣ измѣненной. Хорошiй урожай уже доставлялъ

ему легкое, не очень крепкое вино, которое консуль съ презрѣніемъ называлъ лягушечьимъ виномъ; но Фенатъ также былъ упрямымъ и настойчивымъ, и благодаря восьми тысячамъ франковъ Курбесса располагалъ приобрести Пибuletту...

— Ты знаешь, мой другъ, это первый островъ на Ровѣ ниже Абрію... но это пусть будетъ между нами... надо чтобы никто въ Кастеле-и не подозрѣвалъ до того дня...

— Какъ, дядюшка, даже Дивонна? спросила съ улыбкой Фанни.

При имени жены, глаза Фената стали влажны:

— О, Дивонна! безъ нея я никогда ничего не дѣлаю. Впрочемъ, она имѣетъ довѣріе къ моему плану и была бы какъ нельзя болѣе счастлива еслибы ея бѣдному Сезеру удалось воскресить богатство Кастеле, котораго разореніе начато было мною же.

Жанъ вздрогнулъ. Ужь не намѣренъ ли дядя начать полное признаніе и разказать всю печальную исторію своего подлога? Но Провансадецъ, весь поглощенный нѣжностію чувствъ своихъ къ Дивоннѣ, сталъ говорить о ней и о томъ счастіи которымъ онъ ей обязанъ. И какъ она при этомъ красива, какъ хорошо сложена!

— Вотъ посмотрите, племянница, вы, какъ женщина, должны знать въ этомъ толкъ.

И доставъ изъ бумажника онъ подалъ ей фотографическую карточку, съ которою никогда не разставался.

По чисто сыновнимъ выраженіямъ въ которыхъ Жанъ говорилъ о своей теткѣ, а равно и по родительскимъ наставленіямъ, которыя посылала ему бывшая крестьянка въ своихъ письмахъ, начертанныхъ нѣсколько дрожащимъ и отчасти неуклюжимъ почеркомъ, Фанни ожидала увидѣть лицо одной изъ заурядныхъ крестьянокъ департаменты Сены-и-Уазы и остановилась въ изумленіи при видѣ красиваго лица съ тонкими чертами, освѣщеннаго узкимъ бѣлымъ головнымъ уборомъ, съ таліей изящною и очень гибкою для тридцатилѣтней женщины.

— Дѣйствительно, она очень хороша, сказала Фанни закусивъ губы и съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ.

— А складъ-то каковъ? замѣтилъ дядя.

Потомъ перешли на балконы. Послѣ жаркаго дня, отъ котораго горѣлъ еще цвѣкъ веранды, изъ маленькой набѣжавшей тучи шелъ мелкій дождь и освѣжалъ воздухъ, весело ударяя въ крыши и поливая тротуары мелкою пылью.

Парижу такой дождь былъ ни почемъ. Движеніе толпы и экипажей, равно какъ и весь подвимающійся съ улицы гулъ отуманивали провинціала, словно приводили въ движеніе звучаемыя бубны въ его подвижной, хотя и лустой головѣ, напоминали ему его юность и три мѣсяца проведенныя въ столицѣ лѣтъ тридцать тому назадъ въ обществѣ его друга Курбебесса.

— Вотъ кутнули мы тогда такъ кутнули!

И вспомнилъ онъ какъ они явились на балъ въ Прадо въ ночь пі-сагѣше, Курбебессъ въ костюмѣ Шикара, а любовица его Морнъ продащицею пѣсенъ,—костюмъ, который привнесъ ей счастье, такъ какъ въ послѣдствіи она стала знаменитостію кафе-шантановъ. Онъ самъ, дядошка, велъ на буксирѣ мишанку изъ Латинскаго квартала, которую звали Пеллакиоль. И вдругъ оживившись онъ широко засмѣялся, сталъ напѣвать разныя плясовые мелодіи и хваталъ подъ тактъ племянницу свою за талию словно хотѣлъ увлечь ее въ бѣшеную пляску. Въ полночь, разставшись съ ними чтобъ идти въ отель Кюжаса, единственный въ Парижѣ ему знакомый, онъ во все горло запѣлъ на лѣстницѣ, спускаясь посылалъ поцѣлуи племянницѣ ему свѣтившей, и кричалъ свизу Жану:

— Смотри, берегись!..

Какъ только онъ удался, Фанни, у которой на лбу замѣтна была складка озабоченности, ушла послѣдно въ свою тулетную комнату и сквозь дверь оставшуюся полуоткрытою, пока Жанъ раздѣвался чтобы лечь, она начала голосомъ почти равнодушнымъ:

— А въ самомъ дѣлѣ она очень красива, твоя тетушка... меня теперь вовсе не удивляетъ что ты такъ часто говорилъ о ней... Вы вѣрно таки наставили роговъ этому бѣдному Февату... у него впрочемъ и голова подходящая...

Онъ протестовалъ съ негодованіемъ. Дивонна! вторая мать его которая ходила за нимъ маленькимъ, одѣвала его, заботилась о немъ! Она спасла его отъ смертельной болѣзни. Нѣтъ, никогда и въ голову не пришла бы ему столь постыдная мысль.

— Толкуй, толкуй! продолжала Фанни своимъ рѣзкимъ голосомъ, держа въ зубахъ вынутыя изъ головы шпильки.— Никогда не повѣрю чтобы съ такими глазами и съ такимъ сложеніемъ о которомъ все твердилъ ея дурень-супругъ,



Дивонна могла оставаться равнодушною около хорошенькаго бѣлокурога мальчика съ женскою кожей какъ ты... Видишь, мой другъ, что на берегахъ Роны, что здѣсь, мы вездѣ одиѣ и тѣ же...

Она говорила это съ убѣжденіемъ, полагая что весь ея полъ легко поддается всякому калрису и покоряется первому желанію. Онъ защищался, но былъ смущенъ, перебиралъ свои воспоминанія, спрашивалъ себя не могла ли какаа-либо невинная ласка предупредить его о грозящей опасностѣ; и хотя онъ ничего подобнаго не припомнилъ, но чистота его привязанности осталась уязвленной, чистый камей словно поцарапанъ былъ ногтемъ.

Вотъ... взгляни... головной уборъ твоей родины...

На великолѣпныхъ волосахъ, собранныхъ въ двѣ большія косы, она прикодила бѣлую косынку, которая весьма близко походила на *catalane*—головной уборъ изъ трехъ составныхъ частей, носимый въ окрестностяхъ Шатонѣфа. Стоя предъ нимъ, драпированная складками своей батистовой ночной сорочки, съ разгорѣвшимися глазами, она спрашивала его:

— Похожа я теперь на Дивонну?

О нѣтъ! нисколько. Она походила лишь на самое себя, и головной уборъ ея напоминалъ лишь челчикъ тюрьмы Св. Лазаря, который, какъ говорили, такъ шелъ ей въ тотъ день когда въ залъ суда она посылала осужденному сожителю своему жаркіе поцѣлуц, говоря: „Не тоскуй, другъ, хорошіе деньки еще вернутся.“

И воспоминаніе объ этомъ такъ было ему тяжело что какъ только она легла, онъ тотчасъ потушилъ огонь чтобы не видѣть ея.

На другой день рано утромъ, дядюшка явился полный азарта, махая тростью надъ головою и при самомъ входѣ крикнулъ имъ:

— Здорово, дѣти!

Онъ казался еще болѣе возбужденнымъ чѣмъ наканунѣ; этому вѣроятно былъ виною и отель Кюжась, и въ особенности восемь тысячъ франковъ уже покоившихся въ его бумажникѣ. Деньги назначены были, правда, на приобрѣтеніе Пибублетты, но вѣдь имѣлъ же онъ право отдѣлать отъ нихъ нѣсколько луддоровъ чтобъ угостить племянницу завтракомъ за городомъ.

— А Бушери? спросилъ племянникъ, который не могъ два дня подъ рядъ манкировать своею службой. Условился что

будутъ завтракать въ Блисейскихъ Поляхъ и что послѣ того мушеры вмѣстѣ отправятся ко врачу на консультацію.

Фенатъ мечталъ не о томъ; онъ думалъ отправиться въ Сень-Клау въ щегольской наемной каретѣ, съ ящичкомъ шампанскаго на козлахъ. Но тѣмъ не менѣе завтракъ удался какъ нельзя лучше на террасѣ ресторана, подъ тѣнью акацій и японскаго лака, при звукѣ музыки утренней релетици въ сосѣднемъ кафе-шантавѣ.

Сезерь, болтаивый до нельзя и столь же любезный, старался всѣми мѣрами очаровать Парижанку. Онъ поминутно спорилъ съ прислугой, вызвалъ на верхъ главнаго повара чтобы высказать ему благодарность за прекрасно приготовленный соусъ, и Фанни хотела такъ много и такъ безцеремонно что Госсену стало непріятно, точно также какъ не по вкусу ему была и та интимность которая установилась между дядей и племянницей помимо его воли.

Они уже были какъ двадцатилѣтніе знакомые. Фенатъ сдѣлался сентиментальнымъ отъ вліянія десертныхъ винъ. Онъ говорилъ о Кастеле, о Дивоннѣ и о свѣжемъ маленькомъ Жанѣ, говорилъ что счастливъ видя Жана живущаго съ женщиной серіозною которая не допуститъ его надѣлать глупостей. И зная нѣсколько подозрительный характеръ молодого человѣка, а равно и манеру взяться за него, онъ давалъ Фанни совѣты, словно новобранной, поглаживая ея руку, съ отяжелѣвшимъ языкомъ, глазами потухшими и влажными.

Онъ отрезвѣлъ впрочемъ у Бушера. Пришлось прождать битые два часа въ первомъ этажѣ дома на Вандомской площади, въ большихъ залахъ, высокихъ и холодныхъ, полныхъ молчаливою и тяжело ожидающею толпою. Пока они добрались до кабинета знаменитаго врача; имъ пришлось пройти словно цѣлый адъ страданій въ сосѣднихъ покояхъ.

Бушера, отличавшійся необыкновенною памятью, вспомнилъ какъ нельзя лучше болѣзнь гжи Госсемъ; десять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ недуга, онъ призванъ былъ на консультацію въ Кастеле. Тѣмъ не менѣе онъ просилъ разказать ему различныя фазы болѣзни, перечиталъ свои старые рецепты и тотчасъ же успокоилъ дядю и племянника относительно мозговыхъ явленій которыя обнаружались въ послѣднее время. Онъ приписывалъ эти явленія употребленію нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ средствъ.

Сосредоточенный, опустив свои толстые брови над маленькими, но живыми и провицательными глазами, он стал писать давнее письмо авиньонскому доктору. Фенать и Жанъ, сдерживая дыхание, слушали скрип пера который для них покрывалъ весь шумъ и гулъ блестящаго Парижа. Предъ ними явилось во всемъ своемъ величии могущество современнаго врача—вѣрованіе великое, предрасудокъ необходимый...

Сезеръ вышелъ отъ Бушера серьезный и усложненный.

— Я иду въ отель укладываться. Видишь, мой другъ, парижскій воздухъ для меня вреденъ. Останься я здѣсь долѣе, надѣлалъ бы глупостей. Я отправлюсь сегодня съ семи-часовымъ поѣздомъ. Извинись за меня предъ племянницей.

Жанъ и не подумалъ удерживать его. Онъ уже достаточно налуганъ былъ его ребячествомъ и легкомысліемъ, и на другое утро проснувшись онъ уже радовался что дядюшка его вернулся подъ крылышко Дивонны, какъ вдругъ дверь распахнулась, и Сезеръ появился предъ нимъ съ разстроеннымъ лицомъ и въ туалетѣ самомъ безпорядочномъ.

— Боже! дядя, что съ вами?

Опустившись въ кресло и не въ состояніи произнести ни слова, дядя постепенно пришелъ въ себя и признался что встрѣтился съ пріятелемъ времени Курбесса, слишкомъ плотно пообедалъ и окончилъ тѣмъ что спустилъ всѣ восемь тысячъ франковъ въ игорномъ домѣ. У него не осталось ни одного су... ничего... Какъ теперь вернуться домой и явиться предъ Дивонной? А пріобрѣтеніе Пибулетты?.. Вдругъ, словно въ состояніи бреда, онъ подносилъ руки къ глазамъ, затыкалъ уши большими пальцами и со стономъ и рыданіемъ разражался въ упрекахъ и ругательствахъ себѣ, проклинаая постыдную жизнь свою... Онъ былъ стыдомъ и несчастіемъ семьи; такіе семейные типы какъ онъ слѣдовало бы истреблять какъ волковъ. Еслибы не великодушіе брата и невестки, что бы изъ него было?.. Онъ былъ бы на каторгѣ, съ ворами и разбойниками!..

— Дядя! дядя! воскликнулъ Госсенъ, чувствуя себя крайне несчастнымъ и желая оставить дальнѣйшія признанія.

Но Фенать, добровольно ставшій и слѣпымъ и глухимъ, какъ будто находилъ удовольствіе въ этомъ публичномъ признаніи своего преступленія и рассказывалъ его до самыхъ малѣйшихъ подробностей. Фанни глядѣла на него съ

жалостію, перемѣшанною съ восхищеніемъ... Этотъ ли крайней мѣрѣ былъ человѣкъ страстный, готовый на все, какихъ она любила. Она даже тронута была до глубины души и искала средства пособить ему. Но какъ? Уже съ годъ какъ она ни съ кѣмъ не видѣлась, а Жанъ не имѣлъ никакихъ знакомствъ... Вдругъ пришло ей на память имя Дешелетта... Онъ долженъ быть теперь въ Парижѣ, и человѣкъ онъ такой хорошій...

— Но я его такъ мало знаю, замѣтилъ Жанъ.

— Ну такъ я пойду сама...

— Какъ? ты хочешь идти?

— Почему же нѣтъ?

Взоры ихъ встрѣтились, и они поняли другъ друга. Дешелеттъ былъ также однимъ изъ ея любовниковъ, но связь ихъ едва продолжалась одинъ день, и она почти позабыла о томъ. Но онъ не забывалъ ни одного, всѣ стояли по ранжиру въ памяти его, словно святцы въ календарѣ.

— Если ты не хочешь... замѣтила она нѣсколько стѣсненная.

Тогда Сезеръ, который во время ихъ разговора пересталъ кричать и слушалъ крайне озабоченный, съ такимъ отчаяніемъ обратился къ нимъ съ мольбой во взорѣ что Жанъ уступилъ и сквозь зубы выразилъ свое согласіе.

И какъ долгодъ показался имъ обоимъ этотъ часъ; ихъ обоихъ терзали различныя мысли, въ которыхъ сознаться они не захотѣли. Оба оперлись на балконъ, ожидая возвращенія Фанни.

— Развѣ такъ далеко живетъ этотъ Дешелеттъ?

— Нѣтъ, не далеко, въ Римской улицѣ... въ двухъ шагахъ, отвѣчалъ Жанъ внѣ себя. Онъ также находилъ что Фанни черезчуръ долго не возвращается, но старался успокоить себя любовнымъ девизомъ инженера, не допуская связи болѣе одного дня. Вспомнилъ онъ при этомъ и то съ какимъ презрительнымъ тономъ говорилъ Дешелеттъ о Сафо какъ объ одной изъ устарѣвшихъ уже дамъ полусвѣта. Но тѣмъ не менѣе его гордость возмущалась, и ему почти хотѣлось чтобы Дешелеттъ нашелъ ее и красивую и желательную. Ахъ, очень нужно было этому старому безумцу Сезеру раскрывать такимъ образомъ старыя раны!

Наконецъ мантилья Фанни показалась въ дверяхъ. Она возвращалась сіяя отъ удовольствія:

— Дѣло сдѣлано... деньги у меня.

Увидавъ положенныя предъ нимъ восемь тысячъ франковъ, дядя заплакалъ отъ радости. Онъ хотѣлъ выдать Дешелетту расписку, назначить проценты, срокъ возвращенія...

— Этого не нужно, дядюшка... Я даже не назвала вашего имени. Деньги одолжили мнѣ лично, и вы будете должны мнѣ, отдадите когда вздумаете...

— За такія услуги, дитя мое, платять дружбой которой и конца не будетъ, отвѣчалъ Сесерь внѣ себя отъ признательности.

И въ вокзалѣ желѣзной дороги, куда Госсенъ пошелъ проводить его чтобъ убѣдиться въ дѣйствительномъ его отвѣздѣ, Фенатъ повторялъ со слезами на глазахъ:

— Что за женщина!.. вотъ сокровище!.. ты долженъ сдѣлать ее счастливою...

Жана очень разсердило это приключеніе. Онъ чувствовалъ что цѣль его, и безъ того тяжелая, заковывалась все болѣе и болѣе, и что въ то же время свивались два лянтя которыя онъ по врожденной ему деликатности всегда считалъ рѣзко раздѣленными, семья и его личная связь. Сесерь сообщалъ Фанни о ходѣ своихъ работъ и плантацій, а также о всемъ что дѣлалось въ Кастеле, а Фанни осуждала улорство консула въ дѣлѣ виноградниковъ, говорила о здоровьѣ матери, раздражала Жана своею заботливостію и неумѣстными совѣтами. Но никогда послѣ не было намека ни на оказанную услугу, ни на старинныя продѣлки Фената, это семейное пятно дома Арманди, которое дядя обнаружилъ предъ ней. Только разъ случилось ей употребить то что она узнала какъ орудіе возраженія и защиты, и вотъ при коихъ обстоятельствахъ.

Возвращались они изъ театра, и такъ какъ шелъ дождь, сѣли въ карету у одной изъ биржъ бульвара. Экипажъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ рыдвановъ которые выпускаются въ ѣзду только послѣ полуночи, и медлилъ двинуться въ путь. Кучеръ полудремалъ, лошадь также равнодушно потряхивала головой. Пока они ожидали, другой старый кучеръ, занимавшійся прикрѣпленіемъ новаго бича къ палкѣ, спокойно подошелъ къ дверцамъ и не вынимая трубки изо рта, сказалъ Фанни грубымъ голосомъ отъ котораго отдавало виномъ:

— Добрый вечеръ. Какъ поживаете?

— А, это вы?

Она вздрогнула, но тотчас оправилась и тихо прошептала Жану:

— Это мой отецъ.

Ея отецъ, въ старой поношенной ливреѣ, забрызганной грязью, съ оторванными на половину металлическими пуговицами, выказывалъ на тротуарѣ подъ газовымъ фонаремъ свое одутловатое лицо пропитанное спиртомъ, и напрасно Госсенъ старался уловить въ немъ правильный и чувствительный профиль Фанни и большіе глаза прелестницы. Нисколько не заботясь о томъ кто сопровождаетъ его дочь и словно не замѣчая его, отецъ Легранъ сообщалъ свѣдѣніе о родномъ домѣ.

— Старуха уже двѣ недѣли какъ въ госпиталѣ и очень плоха... Ты бы навѣстила ее въ одинъ изъ четверговъ... это ей придастъ храбрости... Что же касается меня, то мое здоровье къ счастью прочно... Только двѣла плохи. Еслибы тебѣ понадобился кучеръ помѣсячно, это было бы мнѣ какъ нельзя болѣе на руку... Нѣтъ? ну, тѣмъ хуже... До свиданія.

Они положили другъ другу руку, и карета двинулась въ путь.

— Каково? что ты на это скажешь? шептала Фанни. И тотчасъ стала она ему говорить подробно о своей семьѣ, чего она до сихъ поръ всегда избѣгала... Это было такъ гадко и низко... но теперь они знали другъ друга ближе и скрываться было нечего.

Родилась она въ предмѣстьѣ, въ Муленѣ. Отецъ ея, бывший драгунъ, былъ кучеромъ омнибусовъ ходившихъ между Парижемъ и Шатильономъ, а мать—служавкой въ гостиницѣ. Она, впрочемъ, не знавала своей матери, которая умерла въ родахъ, но хозяева станціи, люди добрые и честные, принудили отца признать свою дочь и платить за нее кормилицѣ. Онъ не смѣлъ отказать, такъ какъ былъ много долженъ хозяевамъ, а когда Фанни было четыре года, то бралъ ее съ собой въ экилажъ словно собачонку, помѣщалъ ее вверху подъ фартукъ, и она рада была кататься такимъ образомъ по большимъ дорогамъ, видѣть какъ огни фонарей убѣгаютъ по обѣ стороны кареты, какъ дымятся и тяжело дышать усталые кони, и засыпать въ сумерки подъ вѣтромъ при звукѣ бубенчиковъ.

Но старикъ Легранъ скоро утомился своею родительскою ролью; какъ бы это мало ни стоило, но нужно было ее кормить и одѣвать. Притомъ она стѣсняла его, ибо онъ имѣлъ

въ виду жениться на вдовѣ огородника, зарясь на ея дынные насаждения, на ряды калустныхъ кустовъ, которые видѣлъ онъ проѣзжая мимо. Дочка поняла что отецъ хочетъ отдѣлаться отъ нея во что бы то ни стало, погубить ее, и еслибы не сама вдова, добрая Машомъ, которая взяла ее подъ свое покровительство, то пожалуй...

— Ты впрочемъ видѣлъ эту Машомъ, замѣтила Фанни.

→ Какъ, эта служанка которая была у тебя?

— Да, это моя мачиха. Она такъ добра была ко мнѣ пока я была ребенкомъ; я ее взяла къ себѣ чтобы вырвать изъ рукъ негодяя мужа который, разоривъ ее до тла, сталъ колотить ежедневно, заставляя притомъ услуживать другой, съ которою онъ жилъ... О, бѣдная Машомъ, она теперь знаетъ что значитъ выйти замужъ! Но несмотря на то, разставшись со мною, не взирая на мои совѣты и увѣщанія, она опять пошла къ нему и теперь лежитъ въ больницѣ. И какъ онъ олустился безъ нея, старый негодяй! Какъ грязень! Настоящій домовикъ. Только что умѣетъ держать прямо бичъ. Даже какъ нальется, онъ носитъ бичъ предъ собой словно свѣчу, прячетъ его заботливо въ своей комнатѣ... только у него и опрятнаго что кнутъ...

И говорила она о немъ равнодушно, словно о чужомъ, безъ стыда и отвращенія. Жану даже страшно было слушать ее... И это отецъ ея... это мать... А съ ея стороны—строгая личность консула и опальная улыбка гжи Госсенъ!

Понявъ наконецъ все что выражало молчаніе Жана какъ возмущался онъ этою соціальною грязью, которая лачкала и его около нея, Фанни философскимъ тономъ заключила:

— Впрочемъ и во всѣхъ семьяхъ почти то же... за это мы не отвѣтственны... у меня отецъ Легранъ, у тебя дядя Сезерь.

*(Продолж. будетъ.)*

ALPHONSE DAUDET.

---

# СТИХОТВОРЕНІЯ

---

\* \*  
\*

Люблю торжественность осеннихъ вечеровъ,  
Отливисто-багровые закаты,  
Пурпуръ и золото, которыми богаты  
Уборы яркіе рѣдѣющихъ лѣсовъ.

Такъ увядающей бываютъ красоты  
Наряды яркіе, богатые уборы...  
Имъ обмануть удастся наши взоры,  
Но не затмить имъ внешней простоты.

## ДАРВИНИЗМЪ.

Оставимъ безконечный споръ!  
Вѣдь ты бѣснуешься нарасно.  
Нигилистическій твой вздоръ  
Мнѣ надоѣлъ, клянусь, ужасно.  
Такъ помиримся жь, проведя  
Межъ нами грань разверсткой строгой:  
Въ семьѣ людской останусь я,  
А ты—въ семьѣ четвероногой.

М.



## МУЗЫКА

Есть сила могучая, въ мірѣ искусства,  
То чистая звуковъ вода.  
Все то что рождается въ области чувства  
Въ себѣ отражаетъ она.  
Въ ней кроются радости свѣтлыя грезы,  
Солутицы юной весны,  
И первое горе, и первыя слезы,  
И дѣтства волшебныя сны...  
Въ ней слышатся стоны души наболѣвшей,  
Иль сердца несдержанный гнѣвъ,  
Иль страсти, мгновенно въ крови закипѣвшей,  
Безумный и жгучій напѣвъ...  
То жалобы слышны любви безнадежной,  
То вдругъ прозвучить поцѣлуй...  
И вновь все затихнетъ въ гармоніи нѣжной  
Въ созвучьи таинственныхъ струй...  
Когда въ моемъ сердцѣ сольются тѣ звуки,  
Готовъ я невольно забыть  
И старое горе, и новыя муки,  
И сердце такъ жаждетъ любить!  
Въ душѣ загорается новая сила,  
Заноситъ далеко мечта,  
И мнится что свѣтомъ весь міръ озарило,  
И въ мірѣ—одна красота...

1880 годъ

Ф. ПЕРФИЛЬЕВЪ.

# БИБЛИОГРАФІЯ.

## I.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.

Въ С.-Петербургѣ:

*Обзоръ русской духовной литературы.* Книга первая и вторая. 862—1863 года. Филарета, архіепископа Черниговскаго. 512 стр., 8 д. л.

*Библейская исторія,* составленная Л. Вангеманомъ. Для первоначальныхъ курсовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Для лютеранъ. 120 стр., 8 д. л.

*Лѣтопись дней Священнаго Коронованія.* XXXIV+233 стр., 12 д. л.

*Русская историческая библіотека* издаваемая Археографическою Коммиссіей. Томъ осьмой. XVI+II+1.292+51 стр., 8 д. л.

*Историческій очеркъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса и Нижегородской военной гимназіи* (нынѣ Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса). Составилъ генераль-лейтенантъ Карцовъ.

*Исторія 4го лейбъ-драгунскаго Ея Величества полка.* 1701—1883 года. Составилъ князь С. П. Урусовъ. XXV+435+190 стр., 8 д. л.

*Записки переводчика составленныя переводчикомъ при окружномъ управленіи на островъ Пусиль Отано Кизаро.* П. Дмитревскаго. VIII+329 стр., 8 д. л.

*Знаменательныя движенія въ Еврействѣ.* В. Португаловъ. 48 стр., 8 д. л.

*Одна изъ домашнихъ библіотекъ конца XVIII столѣтія.* Е. О. 15 стр., 8 д. л.

*Историческая портретная галлерей.* Собрание портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Выпускъ III. 4 д. л.

*Николай Ивановичъ Уткинъ.* Его жизнь и произведенія. Исслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. 196 стр., 8 д. л.

*Сочиненія А. Писемскаго.* Томъ VI. 318 стр., 12 д. л. Т. VII. 329 стр., 12 д. л.

*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Томъ IX. 1813—1852 Изданіе графа С. Д. Шереметева. VII+320 стр., 8 д. л.

*Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича.* Въ десяти томахъ. Т. 2й 390 стр., т. 10й 518 стр., 8 д. л.

*Дешевая бібліотека. Д. И. Фонвизинъ.* Двѣ комедіи: *Бригадиръ* и *Недоросль.* Изданіе четвертое А. С. Суворина. 160 стр., 12 д. л.

*Дешевая бібліотека. Повѣсти Карамзина.* Четвертое изданіе. 189 стр., 12 д. л.

*Стихотворенія В. Бенедиктова.* Посмертное изданіе подъ редакціей Я. П. Полонскаго. Т. III. 441+VI стр., 12 д. л.

*Стихотворенія А. Звонарева.* Выпускъ пятый. 148 стр. 8 д. л.

*Въ горахъ Дагестана съ 1842 по 1875 годъ.* Стихотворенія и двѣ Аварскія сказки. Н. В. К—аго. 252 стр., 8 д. л.

*В. В. Романовъ. За Уралъ!* Разказъ изъ воспоминаній о Сибири. Въ двухъ частяхъ. 412 стр., 8 д. л.

*Н. Ланская. Лавры и тернія.* Романъ изъ временъ Русско-Турецкой войны. Въ двухъ частяхъ. 518 стр., 8 д. л.

*Не пара.* Изъ записокъ женщины-врача. Повѣсть О. С. Стулли. 79 стр., 8 д. л.

*А. Ѳедотовъ. Годуновы.* Историческая трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Съ прологомъ. 164 стр., 8 д. л.

*Ревность или Чтò же дѣлать? куда идти?* Драма въ 4хъ дѣйствіяхъ. Демьянъева. 109 стр., 12 д. л.

*Сочиненія Лукіана. Разговоры боговъ. Разговоры мертвыхъ.* Подстрочный переводъ съ греческаго, со введеніемъ о жизни Лукіана и съ указаніемъ собственныхъ именъ. Составилъ Г. В—ф—ъ. 198 стр., 8 д. л.

*Анекдоты и остроумныя изреченія выбранныя изъ сочиненій древнихъ писателей.* Изданіе А. С. Суворина. 84 стр., 16 д. л.

*Донъ-Жуанъ на островъ Пирата.* Изъ поэмы лорда Байрона *Донъ-Жуанъ.* Перевелъ съ англійскаго разсмѣромъ лоддінка Дмитрій Минъ. 84 стр., 8 д. л.

Бредовъ. *Скользкій путь*. Романъ. 663 стр., 8 д. л.

Марія Коломбье. *Пистолетъ баронессы*. Романъ. 164 стр., 8 д. л.

Густавъ Эмаръ. *Корнелия Дармонтъ*. Переводъ съ французскаго. 376 стр., 8 д. л.

А. Буве. *Розовое долино*. Романъ. переводъ съ французскаго. 259 стр., 8 д. л.

Соч. Е. Леоновой. *О религиозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей*. III+160 стр., 8 д. л.

*О странахъ и народахъ разныхъ частей свѣта*. Географическіе и этнографическіе очерки. М. Чистякова. 398 стр., 8 д. л.

*Письменные упражненія*. Руководство къ веденію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ И. Гавриловъ. Третье переработанное изданіе. IV+295 стр. 8 д. л.

*Сборникъ арифметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта*. Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе третье. 209 стр. 8 д. л.

*Начертательная геометрія*. Н. Макаровъ. Изданіе второе. (Выпуски второй, третій и послѣдній). XXII—113—426 стр. 8 д. л.

*Краткій греческій синтаксисъ для употребленія въ гимназіяхъ*, составленный М. Вукомъ. VI+105 стр. 8 д. л.

*Современная физика*. (Объ единствѣ физическихъ явленій.) Соч. Эмпля Свже. 150 стр. 8 д. л.

*Лѣтописи главной физической обсерваторіи*, издаваемые г. Виллемомъ. 1882 годъ. Часть II. XLVIII+580 стр. 4 д. л.

*Финляндскія привилегіи и русская промышленность*. Экономическій этюдъ А. П. Зарина. 44 стр., 8 д. л.

Н. А. Новосельскій. *Современныя задачи государственной экономіи въ Россіи*. 51 стр. 4 д. л.

*Урожай 1883 года въ Европейской Россіи*. 8 д. л.

*Опытка дѣйствующихъ въ лѣсахъ капиталовъ и достигаемыхъ ими результатовъ*. Соч. Э. К. Арнольди. VII+284 стр. 8 д. л.

*Проектъ общихъ правилъ рыболовства въ Россіи*, выработанный по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ Россійскимъ Обществомъ Рыбоводства и Рыболовства. 19 стр. 8 д. л.

*Практическое наставленіе для приготовленія швейцарскаго сыра*. Составилъ Д. Родіоновъ. 18 стр. 8 д. л.

*Руководство къ практическому ознакомленію съ банковыми операціями и къ облегченію сношеній иностранной публики съ конторою.* Составилъ Ф. А. Клима. 44 стр. 8 д. л.

*Отчетъ Государственнаго Банка по городскимъ сберегательнымъ кассамъ за 1882 годъ.* 63 стр.

*Таможенная политика по отношенію къ нашему настоящему тарифу.* Исидоръ Гольдбергъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 28 стр. 8 д. л.

*Статистическій сборникъ Министерства Путей Сообщенія.* Выпускъ восьмой. Свѣдѣнія о желѣзныхъ, шоссейныхъ и внутреннихъ водяныхъ путяхъ сообщенія за 1880, 1881 и 1882 годы, разработанныя Статистическимъ отдѣломъ Министерства Путей Сообщенія. 4 д. л.

Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о движеніи по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ 1882 года.* 789 стр. 4 д. л.

Путеводитель И. П. Золотницкаго. *По Балтійской дорогѣ.* Ч. II. 64 стр., 8 д. л.

*Тарифъ на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ.* Переводъ съ французскаго. Викторъ Троицкаго. 51 стр. 8 д. л.

*Наслѣдственность душевныхъ свойствъ.* Сочиненіе Т. Рибо. Переводъ съ французскаго О. Ф. Ф. Подъ редакціей Александра Черемшанскаго. VIII+393 стр. 8 д. л.

*1882 годъ для С.-Петербургской губерніи въ ветеринарно-санитарномъ отношеніи.* Статистическій очеркъ. Составилъ Н. И. Эккертъ. 86 стр. 8 д. л.

*Гомеопатія или шарлатанизмъ въ медицинѣ.* Разоблаченія Др. М. Шера. 90 стр. 8 д. л.

*Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ со включеніемъ ларингоскопій.* Др. Ц. Гутмана. Съ 99 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. 486 стр. 8 д. л.

*Руководство къ общей и частной хирургіи* подъ редакціей Др. Питы и Др. Бальрота. Ч. III, т. I, выл. 6. Болѣзни щитовидной железы. Переводъ съ нѣмецкаго Др. Иванова. 321 стр. 8 д. л.

*Минимая польза и дѣйствительный вредъ осповрииванія.* Критическій этюдъ Льва Бразоль. 66 стр. 8 д. л.

*Протоколы и труды Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова.* За 1882 и 1883 годы. 215 стр. 8 д. л.

*Труды Общества Русскихъ Врачей въ Петербургѣ съ прило-*

*Женіемъ заведеній Общества за 1882—1883 года.* Выпуски 1, 2 и 3. 8 д. л.

*Соціальный недугъ.* Къ вопросу о проституціи и о пріютахъ св. Магдалины. Г. Дальтона. 90 стр., 8 д. л.

*Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XV) и половины XVII вѣковъ).* Сочиненіе Николая Ланге. 248 стр. 8 д. л.

*Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства.* Томъ VП. Сборникъ дополнительныхъ узаконеній къ французскому и германскому уголовнымъ уложеніямъ. Выпускъ второй. Германское законодательство. Изданіе Министрства Юстиціи. 212+XIV стр., 8 д. л.

*Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства.* Томъ VI. Выпускъ второй. 404+VI стр., 8 д. л.

*Курсъ уголовного судопроизводства.* И. Я. Фойницкаго. Т. I. Выпускъ первый. 160 стр., 8 д. л.

*Проектъ устава о російскихъ консулахъ.* 4 д. л.

*Субальтернъ-офицеръ въ ротъ, эскадронъ и батарея.* Практическія замѣтки изъ служебнаго опыта генераль-лейтенанта Карцова. V+231 стр. 8 д. л.

*Карманный военный календарь на 1884 годъ.* Составилъ А. Янушь. 12 д. л.

*Справочная книжка по формамъ обмундированія пѣхотныхъ частей войскъ гвардіи и арміи.* Составлена А. Лобачевскимъ. 132 стр. 4 д. л.

*Книжка для молодыхъ солдатъ кавалеріи и казаковъ.* Съ 90 рисунками. Составилъ Крестовскій. Изданіе второе. 192 стр. 12 д. л.

*Опера-Буффъ.* Составилъ В. Гольдштейнъ. 50 стр. 4 д. л.

*Наставленіе по личному дѣлу,* принятое для обученія инженерныхъ войскъ въ Австрію. Часть первая. Минныя работы. Съ нѣмецкаго перевелъ К. А. Модрахъ. Подъ редакціей А. П. Орда. 272 стр., 8 д. л.

*Статистическій ежегодникъ С.-Петербурга на 1882 годъ.* Изданіе городской управы по статистическому отдѣленію. Годъ второй. 112+115 стр., 8 д. л.

*Общій обзоръ дѣятельности Высочайше утвержденного С.-Петербургскаго Филармоническаго Общества, съ приложеніями и съ проектомъ измѣненія его устава.* Составилъ Евгеній Альбрехтъ. XXI+118 стр., 8 д. л.

*Устройство плотинъ.* Въ трехъ частяхъ. Съ атласомъ чертежей. Составилъ Д. Д. Нееловъ. 8 д. л.

*Двадцатипятилѣтіе 1859—1884 картографическаго заведенія А. Ильина.* 19 стр., 8 д. л.

Въ Москвѣ:

*Русскій лицевой апокалипсисъ.* Сводъ изъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX. Составилъ Федоръ Буславевъ. XIV+835 стр., 8 д. л.

*Новый списокъ слова Даниила Заточника.* Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. 19 стр., 8 д. л.

*Наши реформы.* Николая Семенова. 52 стр., 8 д. л.

*Извѣстіе о похороненіи Симеона Степановича Пиличевича 1731—1785 годовъ.* Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ подъ редакціей Н. Полова. IV+561 стр., 8 д. л.

*Александрова слобода.* Слобода до Грознаго. Соч. Н. Стромилова. 118 стр., 8 д. л.

*Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.* Выпускъ второй. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. 150 стр., 8 д. л.

*Малоярославецъ.* Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. 36 стр., 4 д. л.

*Руководство ко всеобщей исторіи.* Составилъ Д. Иловайскій. Часть третья. Новая исторія. Изданіе семнадцатое. 272 стр., 8 д. л.

*Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи.* Эдуарда Гиббона. Ч. III. X+592 стр., 8 д. л.

*Исслѣдованіе народной жизни.* Александры Ефименко. Выпускъ первый: Обычное право. XIV+379 стр., 8 д. л.

*Собраніе сочиненій А. И. Левитова.* Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьей о жизни его Ф. Д. Нефедова. Т. I. CXXXIX+736 стр., Т. II. 798 стр., 8 д. л.

*Сочиненія Н. Златовратскаго. Крестьянскіе повѣсти и разказы.* Изданіе второе. Часть первая. 409 стр., 8 д. л.

*Восходъ.* Повѣсти, разказы и стихотворенія В. Э. Аммондта. 160 стр., 8 д. л.

*Мысли И. А. Федоровича.* Съ портретомъ автора. XLIV+167 стр., 8 д. л.

*Похвала глупости.* Сатира Эразма Роттердамскаго. Предисловіе и переводъ (съ латинскаго) А. Кирличикова. XXXII+126 стр., 12 д. л.

Шербюлье. *Ферма Шокаръ*. Переводъ съ французскаго. 615 стр., 12 д. л.

*На военномъ положеніи*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Съ нѣмецкаго. 35 стр. 4 д. л.

*Собраніе повѣстей и романовъ для юношества*. № 1. Фонарицкѣ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. 712 стр., 12 д. л.

Литературная дѣтская бібліотека. Томъ X. *Н. А. Некрасовъ и его сочиненія. Стихотворенія А. В. Кольцова*. 189 стр., 12 д. л.

*О квадратурѣ рулетъ*. Э. Е. Орлова. 60 стр., 8 д. л.

*Алгебра, тригонометрія и астрономія въ предѣлахъ программы мореходныхъ классовъ*. Составилъ В. Заборщиковъ. 225 стр., 8 д. л.

*Учебникъ формъ инструментальной музыки изложенный въ 33 задачахъ Лудвигомъ Бусслеромъ*. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Камкина и С. Гайвева. VIII+186 стр., 8 д. л.

*Высшии и переломы*. Курсъ лекцій А. А. Боброва. Выпускъ первый. II+178 стр., 8 д. л.

М. Н. Якринъ. *Путеводитель по Москвѣ и окрестностямъ*. VI+88 стр., 8 д. л.

*Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1881 годъ*. 100 стр., 8 д. л.

*Протоколы застѣданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества*. Выпускъ первый., стр. 1—62, 4 д. л.

Въ Кіевѣ:

*Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія*. Исслѣдованіе Ивана Линяиченка. Часть I. 216+IV+VIII стр. 8 д. л.

*Указатель къ изданіямъ временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ Высочайше учрежденной при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ (отъ 1845 по 1877 годъ)*. Томъ II. Имена географическія. Составилъ И. П. Новицкій. II+978 стр. 8 д. л.

Н. И. Петровъ. *Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія*.

*Философія XVII и XVIII вв. въ сравненіи съ философійю XIX вѣка и отношеніе той и другой къ образованію*. С. С. Гогоцкаго. Выпускъ третій. 139 стр. 8 д. л.

*Славянскій вѣсегодникъ*. Выпускъ шестой. 382 стр. 8 д. л.



*Ф. Кузачъ и его сборникъ южнославянскихъ пѣсенъ. Очеркъ*  
А. Степовича. 18 стр. 8 д. л.

*Свободное представительство въ Римскомъ гражданскомъ*  
*правѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе Л. Казанцева.*  
119+6 стр. 8 д. л.

*Международное право. Женевская конвенція 10 (22) авгу-*  
*ста 1864 года. Положительный международный законъ объ*  
*участи больныхъ и раненыхъ воиновъ во время войны. Канди-*  
*дата законовѣдѣнія И. А. Ивановскаго. VII + 190 стр.*  
8 д. л.

*Элементарная нѣмецкая грамматика. Часть II. Синтак-*  
*сисъ. Составилъ К. Крафтъ. 105 стр. 8 д. л.*

*Дмитрій Сибирякъ. Конь-разбойникъ (отрывокъ). Изданіе*  
*Кіевского отдѣла Россійскаго Общества Покровительства*  
*Животнымъ. 45 стр. 12 д. л.*

*Для народнаго чтенія. Изъ бѣсѣды о любви къ животнымъ.*  
*Стихотворенія Пушкина, Кольцова и Некрасова. 19 стр.*  
12 д. л.

*Душа и тѣло. Сочиненіе Александра Бэна. 2е изданіе.*  
215 стр. 12 д. л.

*Гигіена женскаго организма во всѣхъ фазисахъ жизни. По-*  
*пулярное изложеніе какъ предохранить себя отъ заболѣван-*  
*ія женскими болѣзнями и какъ излѣчивать безъ помощи*  
*доктора нѣкоторыя легкія заболѣванія. Доктора медицины*  
*В. А. Кашеваровой-Рудневой. 90 стр. 8 д. л.*

*Основанія физики, профессора университета Св. Владиміра*  
*Н. Н. Щллера. Часть первая. V+360 стр. 8 д. л.*

*Артиллеристъ. Памятная книжка для дядьки и новобранца*  
*артиллеріи. Изданіе 2е. III+226 стр. 12 д. л.*

Въ Казани:

*Еврейскіе цари. Сочиненіе Я. А. Богородскаго. VI+443 стр.*  
8 д. л.

*Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской духовной пись-*  
*менности на міросозерцаніе Русскаго народа и въ частности*  
*на народную словесность въ древній до-Петровскій періодъ. Со-*  
*чиненіе Алексѣя Полова. 408+111 стр. 8 д. л.*

*Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ. Часть I. Ис-*  
*торико-археологическое изслѣдованіе Алексѣя Дмитріевска-*  
*го. XIV+434 стр. 8 д. л.*

*Къ ученію объ этиологіи новообразованій. Эксперименталь-*  
*ное изслѣдованіе врача И. М. Львова. 174+III стр. 8 д. л.*

*О туберкулезныхъ бактеріяхъ Кош'а.* Н. М. Любимова. 24 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

*Настоятельные вопросы времени.* А. Мяковского. 34 стр. 8 д. л.

*Казацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ съ объясненіями и разборомъ ея.* М. А. Андріевского. 82 стр. 8 д. л.

*Къ вопросу о свободѣ воли.* Профессора Н. Я. Грота. 21 стр. 8 д. л.

*Происхожденіе органической жизни съ ея разнообразіемъ.* Исслѣдованіе Игнатія Котовича. Обоснованіе тезиса. Выпускъ III. 36 стр. 8 д. л.

*Къ ученію объ электрической энергіи въ атмосферѣ* (грозы въ Россіи). А. Кюссовскаго. XIV + 116 стр. 8 д. л.

*Рекиемъ Г. Верди* (сочиненное на смерть Александра Мазони). Латинскій и русскій текстъ. Переводъ О. Г. Шершеневича. 15 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ:

*„Не отъ міра сего“.* Поэма Василя Иванова. 21 стр. 8 д. л.

*Курсъ опытной физики* А. П. Шашкова. Ч. I. Изданіе второе. 409 стр. 8 д. л.

*Мусина-Пушкина. Подарокъ матерямъ.* Разказы для дѣтей. 67 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

*Руководство къ физикѣ.* Составилъ В. Подкотыцкій. Изданіе 2е. VII + 576 стр. 8 д. л.

Въ Новгородѣ:

*Матеріалы по статистикѣ Новгородской губерніи, собранные и обработанные статистическимъ отдѣленіемъ Новгородской губернской земской управы. II. Списки населенныхъ мѣстъ и свѣдѣнія о селеніяхъ Новгородской губерніи. Старорусскій уѣздъ.* Обработалъ С. П. Матвѣевъ. 4 д. л. *Новгородскій уѣздъ.* 4 д. л.

Въ Петрозаводскѣ:

*Уставъ о гербовомъ сборѣ.* Изданіе Н. И. Ходотова. XI + 290 стр. 8 д. л.

Въ Воронежѣ:

*E. de Laveleye. Образование народныхъ эпопей и происхождение пѣсни о Нибелунгахъ. Переводъ съ французскаго Н. К.* 76 стр. 8 д. л.

Въ Саратовѣ:

*Полная разубыточная книга для строительныхъ работъ, приспособленная къ составленію нормальныхъ и исполнительныхъ сметъ, согласно выводамъ и расчетамъ урочнаго положенія за неимовими измѣненіями и дополненіями. Съ пояснительными чертежами. Составлена технологомъ Р. Курзановымъ. 516+XX стр. 4 д. л.*

Въ Полтавѣ:

*Записка объ оспопрививаніи. Др. Д. Ахшарумовъ. 50 стр. 8 д. л.*

Въ Оренбургѣ:

*По разнымъ дорогамъ. Картины изъ современной жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ. Е. П. Карлова. 69 стр. 8 д. л.*

*Справочная книжка по Оренбургской губерніи на 1884 годъ. Редакція П. Н. Раслопова. 147+ССХХХІІ стр. 12 д. л.*

*Адресъ-календарь личнаго состава служащихъ въ Оренбургской губерніи по вѣмъ вѣдомствамъ на 1884 годъ. 169+LI стр. 12 д. л.*

Въ Витебскѣ:

*Нѣсколько словъ о еврейскомъ населеніи города Витебска. Составилъ А. Салуновъ. 32 стр. 8 д. л.*

*Памятная книжка Витебской губерніи на 1884 годъ. 329 стр. 8 д. л.*

Въ Вильнѣ:

*Новая съ прирастающими буквами русская азбука въ связи съ прописями, арифметическими задачами и численными примѣрами. Составилъ А. Ивангеръ. Для Евреевъ. V+106 стр. 8 д. л.*

Въ Сувалкахъ:

*Памятная книжка Сувальской губерніи на 1884 годъ. III+72+30 стр. 8 д. л.*

Въ Ломжѣ:

*На 1884 годъ памятная книжка Ломжинской губернии.*  
XVIII+71+35 стр. 8 д. л.

Въ Ревелѣ:

*Слушаю, ваше благородіе!* Шутка въ одномъ дѣйствиі. Юлія Шредера. Переводъ А. Д. Уссмана. 26 стр. 12 д. л.

Въ Томскѣ:

*Памятная книжка Томской губернии на 1884 годъ.* 175 + 34 стр. 8 д. л.

Въ Стародубѣ:

*Стародубская прогимназія.* 142+15 стр. 8 д. л.

Въ Нѣжинѣ:

*Руководство къ арифметикѣ.* Часть I. Составилъ Я. У. Винклеръ. 116 стр. 8 д. л.

Въ Екатеринодарѣ:

*Кубанскій сборникъ.* Труды Кубанскаго областного статистическаго комитета, издаваемые подъ редакціей Е. Д. Фелицына. Томъ I. Съ картою Кубанской области. 1,114 стр. 8 д. л.

*Кубанская справочная книжка 1883 года.* Составилъ Е. Д. Фелицынъ. 8 д. л.

Въ Николаевѣ:

*Сѣжка Мраморнаго Моря 1845—1848 годы.* Изданіе второе. 22 стр. 8 д. л.

Въ Звенигородѣ:

*Хроника провинціальной жизни.* Е. Крымскаго. 28 стр. 8 д. л.

## II.

*Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завету,* составленный членомъ археографической комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Петромъ Гальдебрандомъ. Шестъ книгъ (2.400 стр. in folio). С.-Петербургъ. Книги I—IV.

Однимъ изъ выдающихся и капитальныхъ вкладовъ въ нашу богословскую литературу въ истекшемъ году, по всей справедливости, долженъ быть признанъ *Справочный и*

*объяснительный словарь къ Новому Завету*, составленный Петромъ Гильдебрандтомъ. Между тѣмъ, въ нашихъ такъ-называемыхъ духовныхъ газетахъ и журналахъ о немъ сказано было лишь по нѣскольку словъ, и то далеко не во всѣхъ, хотя первый выпускъ этого словаря появился въ свѣтъ уже около двухъ лѣтъ тому назадъ. Все изданіе словаря должно состоять изъ шести выпусковъ или книгъ, въ 25 листовъ большаго формата убористой печати каждая. Можетъ-быть о словарѣ г. Гильдебрандта такъ мало говорятъ потому что его вышло только четыре книги; но молчаніе это вредно отзовется на его распространеніи и можетъ замедлить окончаніе этого полезнаго труда, а это очень не желательно.

Чтобы судить о достоинствѣ и значеніи труда г. Гильдебрандта необходимо прежде всего обратиться къ его описанію.

Все изданіе словаря, какъ сказано, будетъ состоять изъ шести книгъ, въ 25 листовъ каждая; во всемъ словарѣ, слѣдовательно, будетъ не менѣе 150 листовъ.

Въ началѣ первой книги, посвященной незабвенной памяти покойнаго Императора Александра II, еще при самомъ вступленіи своемъ на престолъ изрекшаго благое слово о Божіемъ Словѣ, и Супруги Его, помѣщено предисловіе въ которомъ г. Гильдебрандтъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о такъ-называемыхъ симфоніяхъ или конкорданціяхъ на священныя книги и общія замѣчанія объ особенностяхъ предлагаемаго словаря, въ отличіе его отъ прежде издававшихся у насъ симфоній. Затѣмъ начинается самый словарь, въ началѣ котораго приводится извѣстное слово встрѣчающееся въ книгахъ Новаго Завета на славянскомъ языкѣ, напечатанное крупнымъ шрифтомъ; затѣмъ въ екобахъ поставлены соотвѣтствующія ему греческое, латинское и русское, причемъ тутъ же дается и объясненіе этого слова; послѣ этого, съ новой строки, приводятся самые тексты Св. Писанія въ которыхъ заключается данное слово. Порядокъ расположенія текстовъ въ словарѣ тотъ же въ какомъ они встрѣчаются въ Новомъ Заветѣ, то-есть сначала приводятся всѣ тексты изъ Евангелія, напримѣръ, отъ Матѳея, затѣмъ отъ Марка и т. д., причемъ тексты одной книги, напечатанные въ строку, отдѣлены отъ текстовъ слѣдующей книги красною строкой. Чтобъ изданіе вышло какъ можно

компактивѣ, текстъ книги печатается въ два столбца. Таковъ въ общемъ планъ распредѣленія словаря.

Слова приведены, какъ и обычно въ словаряхъ, въ алфавитномъ порядкѣ и приблизительно всѣ: всѣхъ словъ въ словарь будетъ 95.000. При этомъ нужно замѣтить что одни и тѣ же названія, напримѣръ разныхъ лицъ, поставлены отдѣльно; отдѣлены одна отъ другой и поставлены отдѣльно и различныя формы одного и того же слова, рѣзко различающіяся между собой. Поэтому какъ отдѣльныя слова стоятъ въ словарѣ глаголы и ихъ отглагольныя прилагательныя, а иногда даже и причастія; единственное и множественное число личныхъ мѣстоименій первого и второго лица точно такъ же различены какъ отдѣльныя слова; реченія начинающіяся съ *Ε, Ψ, ω* и *Ω* для удобства поставлены подъ *κς, πς, ο* и *οτ*; для *ν* же сдѣлано исключеніе: она будетъ стоять на своемъ мѣстѣ, но подъ *ι* и *ε* всегда есть въ такихъ случаяхъ ссылка на *ν*, какъ напримѣръ *иссолъ* см. *υссолъ*, *виссоль* см. *υссоль*. Равнымъ образомъ, въ виду малаго количества словъ начинающихся съ *ς* они собраны вмѣстѣ и стоятъ предъ *з*. Для удобства приисканія нужныхъ словъ, титуловыя слова въ крупномъ наборѣ раскрыты въ своихъ титулахъ, хотя въ самыхъ текстахъ титула сохранены.

За славянскимъ словомъ, напечатаннымъ крупно, въ скобкахъ слѣдуютъ соответствующія ему греческое и латинское. Въ нужныхъ случаяхъ приведено ихъ по два, по три; это тогда когда однимъ и тѣмъ же славянскимъ словомъ переведены различныя слова греческаго подлинника или латинскаго перевода. Для греческаго текста взято изданіе Новаго Заветъа на языкахъ греческомъ и славянскомъ, сдѣланное П. И. Савваитовымъ, а также Кельнское изданіе 1866 года. Для латинскаго текста служилъ *Novum Testamentum ex interpretatione Theodori Bezae (Bergolini, 1878)*, считающійся классическимъ переводомъ.

Вслѣдъ за этими параллелями идетъ объясненіе реченій, которое есть прежде всего переводъ ихъ на русскій языкъ и затѣмъ краткій и точный перифразъ. По содержанію своему, объясненія эти самыя разнообразныя: есть объясненія историческія (каковы объясненія собственныхъ именъ встрѣчающихся въ Новомъ Заветѣ), географическія (объясненія

мѣстностей упоминаемыхъ въ св. книгахъ), этнографическія, филологическія и главнымъ образомъ богословскія вѣроправоучительныя. Въ объясненіяхъ первыхъ родовъ г. Гильдебрандтъ обосновывался конечно на русскихъ трудахъ послѣдняго времени, на толковомъ, напримѣръ, Евангеліи архимандрита Михаила и другихъ. Что же касается объясненій богословскихъ, то тутъ онъ пользовался почти исключительно, особенно въ первыхъ книгахъ, твореніями блаженнаго Феодилакта Болгарскаго: его Благовѣстникомъ и др. Въ объясненіяхъ филологическихъ, г. Гильдебрандтъ обращался иногда и къ другимъ славянскимъ переводамъ, дѣлая при этомъ нерѣдко остроумныя замѣтки и догадки.

Наконецъ, уже послѣ этихъ объясненій приводятся и самыя тексты Новаго Завѣта, въ которыхъ находится слѣдующее по алфавиту слово, на славянскомъ языкѣ. Для славянскихъ текстовъ взяты синодальныя изданія: 28е (С.-Петербургъ, 1877) Евангелія, 2е (С.-Петербургъ, 1874) Дѣяній, Посланій и Апокалипсиса на славянскомъ и русскомъ языкахъ; для сравненія и провѣрки служила главнымъ образомъ Библія 1872 года, въ большую восьмушку, напечатанная въ С.-Петербургѣ съ Московскаго изданія 1863 года, и нѣкоторыя другія. Составитель строго держался текста этихъ изданій; отступленія дѣлались только въ случаяхъ опечатокъ и грамматическихъ ошибокъ, которыхъ, къ сожалѣнію, въ тѣхъ изданіяхъ не мало. Такъ установка точной орфографіи требовала болѣе правильнаго употребленія буквъ е и ѣ, о и ш, и и ѣ, и удареній въ формахъ подобозвучныхъ, но относящихся къ разнымъ падежамъ, родамъ и числамъ. Въ случаяхъ сокращеній и олуцненій въ приведенномъ текстѣ, всюду выставлены соединительные знаки (— —). Въ тѣхъ случаяхъ когда извѣстному славянскому слову соответствуютъ два или три латинскія или греческія, эти послѣднія, кромѣ того что приводятся всѣ вмѣстѣ непосредственно послѣ соответствующаго имъ славянскаго, каждое отдѣльно указывается въ соответствующемъ ему мѣстѣ текстовъ.

Мы нарочно такъ долго остановились на подробномъ описаніи *Справочно-объяснительнаго словаря* Гильдебрандта, желая показать какаю массу заключаетъ въ этомъ словарѣ матеріала драгоценнаго во всѣхъ отношеніяхъ и какаю слѣдовательно массу кропотливаго труда по точности и напряженности вниманія положена была на это дѣло. По спра-

ведливости, это „капитальнѣйшій вкладъ въ нашу богословскую историко-экзегетическую литературу“, какъ въ письмѣ къ г. Гильдебрандту назвалъ этотъ словарь высокопреосвященный Палладій, бывшій архіепископъ Рязанскій, самъ толкователь Писанія. Не даромъ съ такимъ же сочувствіемъ отвѣсались къ г. Гильдебрандту покойный Макаріи митрополитъ Московскій, И. И. Срезневскій, П. И. Савваитовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Не даромъ Общество Любителей Древней Письменности признало трудъ г. Гильдебрандта весьма полезнымъ, важнымъ и необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина для справокъ при чтеніи и изученіи Новаго Завѣта, и постановило на свой счетъ напечатать пробныи листъ этого словаря въ количествѣ 1.200 экземпляровъ для наибольшаго распространенія въ рускомъ обществѣ свѣдѣній о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто же станетъ отрицать что знаніе и пониманіе Св. Писанія, и особенно Новаго Завѣта, содержащаго *въ себѣ вся глаголы жизни сел*, есть насущная потребность каждаго христіанина? Но для этого недостаточно читать только Св. Писаніе; нужны пособія облегчающія и объясняющія это дѣло. Нѣтъ конечно сомнѣнія что толкованіе Писанія, научное ли, или популярное, очень важно въ дѣлѣ знанія и пониманія Писанія, но оно всегда субъективно, непостоянно, многорѣчиво и не вѣзмъ доступно; для того чтобъ имѣть устойчивость, краткость и точность, оно должно основываться еколько на твореніяхъ отеческихъ столько же на самомъ Св. Писаніи, которое въ своихъ параллельныхъ мѣстахъ есть лучшій толкователь самого себя. Поэтому-то самымъ первымъ трудомъ въ дѣлѣ пониманія Св. Писанія въ христіанской Церкви были не комментаріи къ нему, а именно гармоніи св. книгъ. Первая такая гармонія Евангелій, этотъ первообразъ симфоній, конкорданцій и словарей, была сдѣлана Аммоніемъ еще въ III вѣкѣ. Съ теченіемъ времени, на мѣсто гармоніи, появились конкорданціи. Святые отцы и учителя Церкви много занимались подыскиваніемъ и собираніемъ параллельныхъ мѣстъ Библии. Съ изобрѣтеніемъ же книгопечатанія количество такихъ словарей или сводовъ на Западѣ возрасло до большихъ размѣ-



ровъ. И не удивительно, ибо они представляютъ собой самое лучшее и надежное пособіе не только въ дѣлѣ толкованія Библии, но и въ усвоеніи ея, потому что „всѣхъ Св. Писанія книгъ глава, что въ которой содержится, или паче всякій Св. Писанія текстъ, въ которой книгѣ и главѣ, еще же и въ которомъ стихѣ имѣется, помните выше человѣческія силы есть“,—такъ объясняли важное значеніе симфоніи въ дѣлѣ знанія и пониманія Св. Писанія старинные ихъ составители. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, на примѣръ, слово „вѣра“; читатель словаря можетъ благодаря цитатамъ вникать въ ученіе Спасителя о вѣрѣ по евангельскимъ текстамъ и въ ученіе апостоловъ по текстамъ посланій. Читатель имѣетъ даже полную возможность схватывать въ общемъ представленіи разныя стороны и оттѣнки этого ученія, какъ они опредѣлялись у евангелиста или у апостола, между тѣмъ какъ на одно догматическое или нравоучительное сочиненіе не заключаетъ въ себѣ всегда всѣхъ параллельныхъ мѣстъ новозавѣтнаго писанія, въ которыхъ раскрывается ученіе. Словарь Гильдебрандта чуждъ этого недостатка: тѣ или другія догматическія и нравственныя понятія суммированы здѣсь и могутъ быть точно, полно и правильно поняты и опредѣлены. А какая это находка для всѣхъ не только учающихъ Св. Писаніе, но и всѣхъ ищущихъ въ словѣ Божиемъ отвѣта на религіозно-нравственные запросы своего духа и разрѣшенія томительныхъ недоумѣній возбуждаемыхъ всевозможными возраженіями и пререканіями невѣрія и индифферентизма и нестройеніями и запутанностью сложныхъ нравственныхъ отношеній. Особенно въ этомъ отношеніи словарь г. Гильдебрандта прекрасное пособіе для пастырей церкви въ дѣлѣ составленія проповѣдей и подготовки къ нравственному руководству пасомыхъ на словѣди.

Правда, въ русской духовной литературѣ еще въ прошломъ столѣтіи появились симфоніи на книги Св. Писанія; первая по времени симфонія на псалмы, составленная кн. Антіохомъ Кантеміромъ, напечатана была еще въ 1727 году. Затѣмъ появлялись симфоніи на другія книги Ветхаго Завѣта; на Новозавѣтныя книги были симфоніи Ильинскаго (на Четвероевангеліе и Дѣянія) и Богданова (на Посланія и Апокалипсисъ). Даже въ послѣднее время, около 6 или 7 лѣтъ тому назадъ, въ Варшавѣ княгиней Бяратинской издана симфонія къ русскому синодальному переводу Новаго

Завѣта. Но словарь Гильдебрандта съ ней сравнивать нельзя: симфонія кн. Барятинской слишкомъ мала въ сравненіи съ нимъ. Что же касается симфоній прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, то онѣ въ настоящее время сдѣлались библиографическою рѣдкостью и въ продажѣ появляются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Имѣя все это въ виду, можно безъ преувеличенія сказать что г. Гильдебрандтъ своимъ словаремъ восполняетъ совершенно самостоятельно пустое мѣсто въ русской библейско-богословской литературѣ. Онъ не перелисалъ старинныхъ симфоній, изобилующія различнаго рода недостатками, въ родѣ ошибокъ, опечатокъ и главное пропусковъ и недомолвокъ, а составилъ свой словарь по первоисточнику, проверяя самъ себя не одинъ и не два раза. Въ его словарь не встрѣчается обычной въ старинныхъ симфоніяхъ оговорки: „прочее оставляется, ибо страницы сими отягчавати не надлежитъ“. Словарь его отъ этого вышелъ вдвое полнѣе старинныхъ симфоній. „Я далъ себѣ трудъ, говорить между прочимъ самъ г. Гильдебрандтъ въ предисловіи къ словарю, счесть количество пропущенныхъ въ симфоніяхъ текстовъ сравнительно съ пробнымъ *листомъ* моего словаря, и въ пользу мою оказался плюсъ въ 820 слишкомъ“. Насколько полонъ словарь г. Гильдебрандта, можно судить по объему занимаемому нѣкоторыми словами: слово *Богъ* наприм. занимаетъ 37 столбцовъ, *быти*—64, *весь*—38, *бо*—29, *аще*—больше 25 столбцовъ и т. п. И это въ такомъ изданіи въ которомъ извѣстное количество словъ занимаетъ втрое меньшее мѣсто чѣмъ сколько то же количество словъ занимало въ старинныхъ симфоніяхъ, издававшихся in quarto, съ графами и полями. О правильности, логической, грамматической и орфографической, словаря Гильдебрандта остается прибавить что въ немъ нѣтъ текстовъ въ оборванномъ и иногда недосказанномъ видѣ, какъ обычно встрѣчается это въ симфоніяхъ. Третье важное преимущество словаря г. Гильдебрандта предъ старинными симфоніями то что онъ не справочный только, но и объяснительный. Правда, объясненія г. Гильдебрандта, кромѣ случаевъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ, отличаются краткостію, общностію и не всегда опредѣленностію; особенно это нужно сказать о догматическихъ объясненіяхъ; въ иныхъ случаяхъ это не больше какъ перифразъ извѣстнаго слова. Но и это едва ли можно ставить въ упрекъ

г. Гильдебрандту заваленному массой труда. Въ этомъ случаѣ нужно все-таки отдать ему честь за выборъ толковника, которому онъ рѣшилъ слѣдовать въ своихъ объясненіяхъ. Имя Теофилакта очень хорошо извѣстно какъ достойнаго ученика великаго Златоуста.

Въ своемъ словарѣ г. Гильдебрандтъ во многихъ мѣстахъ самъ предложилъ нужное исправленіе текста въ грамматическомъ и орфографическомъ отношеніяхъ. Главная же заслуга его въ этомъ отношеніи состоитъ въ суммированіи воедино изъ всѣхъ книгъ Новаго Завета извѣстнаго слова и въ снабженіи его греческими и латинскими параллелями. Вездѣ ли правильно и одинаково употреблены извѣстныя формы славянскаго слова, точно ли переведено такое слово съ греческаго, вездѣ ли извѣстное греческое слово переведено однимъ и тѣмъ же соотвѣтствующимъ ему славянскимъ и если не вездѣ, то вѣрно ли и вѣрны ли переведенныя однимъ и тѣмъ же славянскимъ словомъ разныя греческія слова въ разныхъ мѣстахъ? Все это существенныя вопросы для справщиковъ Библии, которые на большинство изъ нихъ въ словарѣ г. Гильдебрандта найдутъ удовлетворительныя отвѣты.

Словарь г. Гильдебрандта можетъ, наконецъ, имѣть важное значеніе и для ученаго филолога-слависта при изслѣдованіи законовъ церковно-славянскаго языка.

И. С.

---

# СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

---

Дѣло Зографа.—Судебное самообличеніе.—Умственное и нравственное развитіе общества какъ новая функція городскихъ думъ.—Попытка на привозный каменный уголь.—Священное право убѣжища—Галицкая Русь.—Австро-венгерскіе политики предостерегающіе Россію отъ сближенія съ Австріей, а Австрію отъ сближенія Россіи съ Германіей.

---

## I.

### ДѢЛО ЗОГРАФА.

*Моск. Вид. № 45.*

Въ дѣлѣ исправника Зографа отражаются какъ въ малой каплѣ воды нашъ судебный міръ и политическое положеніе которое образовалось подъ вліяніемъ его доктринъ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 32, 33, 36, 37, 38, 39 и 41) помѣщены всѣ относящіеся къ этому дѣлу документы полученные нами въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ. Каждое слово нашего изложенія можетъ быть каждымъ проверено по этимъ документамъ.

Въ исходѣ мая 1880, бывшему волчанскому исправнику Зографу пришлось арестовать одного изъ волчанскихъ кабатчиковъ, Захара Пономарева, и послать о немъ по начальству секретный рапортъ, съ приложеніемъ къ оному нѣсколькихъ документовъ. Этотъ содержатель рестораціи низкаго сорта,

бывшій на особенно дурномъ счету у полиціи, былъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній при слѣдствіи и на судѣ, не на особенно хорошемъ счету и у своихъ согражданъ. За его питейнымъ заведеніемъ полиція находила нужнымъ слѣдить какъ за притономъ разнаго подозрительнаго и на все готоваго люда. Не всегда однако полиція можетъ принимать рѣшительныя мѣры противъ такихъ притоновъ за недостаткомъ явныхъ уликъ, наличныхъ фактовъ и прамыхъ жалобъ: темныя дѣла рѣдко выходятъ наружу, концы ихъ ловко хоронятся, а потерпѣвшіе не всегда рѣшаются искать управы. Въ концѣ мая 1880 года, волчанскій городской голова обратился къ исправнику съ заявленіемъ подписаннымъ 33 мѣстными жителями и домовладѣльцами, въ которомъ они просили „ходатайствовать о высылкѣ изъ города Волчанска вреднаго и опаснаго для спокойствія города крестьянина Волчанской волости Елисея Евстафьевича Чигрина... уличеннаго и залодозрѣннаго во многихъ кражахъ, грабежахъ и другихъ проступкахъ, нѣсколько разъ судившагося, подвергавшагося разнымъ наказаніямъ, раза два сидѣвшаго въ тюремномъ замкѣ и въ послѣднее время угрожавшаго многимъ домовладѣльцамъ сдѣлать поджога ихъ имущества“. Эта просьба о высылкѣ Чигрина подкрѣплялась въ заявленіи указаніемъ „могущей быть отъ этого человѣка опасности для всего города, потому что“, писали обыыватели, „зная этого человѣка и зная произнесенныя имъ угрозы, мы вполнѣ знаемъ что онъ свое намѣреніе приведетъ въ исполненіе, тѣмъ болѣе что у него есть руководители и подстрекатели, изъ числа которыхъ крестьянинъ Волчанской волости Захаръ Алексѣевъ Пономаревъ, который... имѣетъ постоянное сношеніе съ разными неблаговидными личностями и есть одинъ изъ первыхъ руководителей“. Вслѣдъ за такимъ коллективнымъ заявленіемъ поступили къ исправнику еще два другія, единоличныя, о чинимыхъ Захаромъ Пономаревымъ въ его заведеніи славаніяхъ, обыгрываніяхъ и избирательствахъ. Около того же времени, уломянутый въ вышеприведенномъ заявленіи Чигринъ, находясь подъ арестомъ при полиціи, далъ показаніе что Пономаревъ подговаривалъ его убить исправника.

Въ то время когда дѣлались всѣ эти заявленія, Захара Пономарева въ Волчанскѣ не было. Будь онъ въ Волчанскѣ,

можетъ-быть и самыхъ заявленій не было бы изъ опасенія мести съ его стороны. Но кабатчикъ былъ въ отлучкѣ, и заявленія могли быть поданы въ надеждѣ что власти успѣютъ принять свои мѣры для огражденія безопасности и спокойствія обывателей отважившихся возвысить противъ него свой голосъ. Дѣйствительно, исправникомъ было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ арестованіи Захара Пономарева какъ только тотъ вернется въ Волчанскъ. Онъ прибылъ туда изъ Кіева вечеромъ 29 мая и тотчасъ же былъ арестованъ, послѣ чего въ полицейскомъ управленіи было написано формальное постановленіе объ его арестѣ.

Ни изъ свидѣтельскихъ показаній, ни изъ другихъ относящихся къ дѣлу документовъ не видно чтобъ арестъ Пономарева удивилъ кого-нибудь. Былъ возмущенъ этимъ арестомъ, усмотрѣвъ въ немъ тяжкое преступленіе со стороны исправника и принявъ энергическія мѣры къ освобожденію кабатчика только мѣстный мировой судья г. Малиновскій.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, въ январѣ 1880 года, былъ уже случай несогласія во взглядахъ между исправникомъ Зографомъ и мировымъ судьей Малиновскимъ: исправникъ полагалъ что хлѣбнаго торговца, который оказался виновнымъ въ обвѣсѣ хлѣбомъ крестьянина, нужно судить и подвергнуть законному взысканію; мировой судья, напротивъ, находилъ что торговца виновнаго въ обвѣсѣ привлекать къ суду не слѣдуетъ, но должно оставить въ покоѣ, не давая хода составленному полиціей протоколу объ обвѣсѣ. Это разногласіе было предметомъ обсужденія на сѣздѣ мировыхъ судей, и на этомъ сѣздѣ мнѣніе исправника взяло верхъ: г. Малиновскій, подчиняясь рѣшенію сѣзда, долженъ былъ рассмотреть дѣло объ обвѣсѣ и, вопреки своему прежнему мнѣнію побудившему его оставить безъ вниманія полицейскій протоколъ, присудилъ виновнаго въ обвѣсѣ торговца, Савелія Прилуцкаго, къ тюремному заключенію.

Никакихъ послѣдствій разногласіе по дѣлу Прилуцкаго не имѣло. Но совсѣмъ иной, совершенно неожиданный исходъ получило несогласіе во взглядахъ того же исправника и того же мирового судьи на арестъ Пономарева. Разногласіе между ними обнаружилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

У г. Малиновскаго было въ производствѣ дѣло по обвиненію Пономарева въ покункѣ завѣдомо краденаго имущества

(обвиненіе подтвердилось, и Пономаревъ былъ оштрафованъ), и потому понадобилось вызвать арестованнаго Пономарева въ камеру. По вызову мирового судьи Пономаревъ былъ приведенъ къ нему 14 іюня. Какъ и о чемъ именно спрашивалъ его мировой судья, какъ и что именно отвѣчалъ ему тотъ, изъ дѣла не видно. „Пономаревъ заявилъ словесно жалобу что онъ подвергнутъ аресту по распоряженію волчанскаго исправника, который лишилъ его возможности обжаловать неправильныя дѣйствія тѣмъ что не допуская никого; лишень же онъ свободы съ 29 мая“,—вотъ все что знаемъ мы изъ постановленія г. Малиновскаго.

Есть въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства статья 10я. Эта 10я статья разъяснена рѣшеніемъ Гражд. Касс. Департ. 1871 года, № 807, въ которомъ сказано:

На основаніи 10 ст. Уст. Угол. Суд., каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ содержаніи кого-либо подъ стражей безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ или лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы. Точный смыслъ означенной статьи закона ясно указываетъ что *обязанность судьи или прокурора по наблюденію за правильностью содержанія арестованныхъ заключается лишь въ томъ чтобъ удостовѣриться есть ли въ жпсть заключенія постановленіе подлежащей власти о личножъ задержаніи лица найденнаго имъ арестованнымъ, и если такое постановленіе есть, то ни прокуроръ, ни судья уже не въ правѣ входить въ обсужденіе правильности и законности онаго или освобождать своею властію лицъ содержащихся согласно состоявшемуся о нихъ постановленію.*

15 іюня мировому судѣ было предъявлено составленное въ полиціи за двѣ недѣли предъ тѣмъ, 30 мая, постановленіе объ арестѣ Пономарева, но г. Малиновскій не призналъ этого постановленія исходящимъ отъ „подлежащей“ власти и составилъ свое—о немедленномъ освобожденіи Пономарева; исправникъ же со своей стороны оставался при мнѣніи что „полиція относительно заарестованія считается подлежащею властію“, и подвѣдомые ему чины полиціи не отпустили на свободу, несмотря на самыя энергическія настоянія г. Малиновскаго, подкрѣпленныя даже побоями полицейскаго служителя. Вышедшій было на дворъ Пономаревъ былъ однако отведенъ обратно въ арестантскую.

Мировой судья донесъ о неповиновеніи ему исправника въ Харьковѣ, прокурору Окружнаго Суда, а сей послѣдній

обратился къ харьковскому губернатору съ отношеніемъ, въ которомъ подводилъ дѣйствія исправника подъ 2 ч. 348 и 2 ч. 1.540 стт. Ул. о Наказ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе опредѣленія харьковскаго генералъ-губернатора, Пономаревъ вмѣстѣ съ Чигринымъ были высланы административнымъ порядкомъ во второй станъ Старобѣльскаго уѣзда, въ распоряженіе старобѣльскаго исправника, съ воспрещеніемъ имъ вѣзда въ Волчанскій уѣздъ. Этимъ генералъ-губернаторскимъ опредѣленіемъ, кажется, была неоспоримо подтверждена основательность побужденій въ силу коихъ исправникъ арестовалъ Пономарева и держалъ его подъ арестомъ до полученія о немъ распоряженія.

Въ виду этого, никакъ уже нельзя было утверждать что Пономаревъ былъ „взятъ подъ стражу безо всякихъ достойныхъ уваженія причинъ“. Такое утвержденіе было бы равносильно признанію что и генералъ-губернаторъ высалъ Пономарева изъ Волчанска тоже „безо всякихъ достойныхъ уваженія причинъ“.

Тѣмъ не менѣе, однако, прокурора не остановило оправданіе дѣйствій исправника его начальствомъ; онъ послѣдшилъ опротестовать это оправданіе предъ Сенатомъ, и соединенные Первый и Уголовный Кассационный Департаменты Сената, при преобладающемъ въ нихъ большинствѣ членовъ изъ судебного міра, постановили рѣшеніе коимъ исправникъ осужденъ за то что, исполняя свои обязанности какъ органъ правительственной власти, не оказался послушнымъ исполнителемъ приказаній отъ властей судебной республики.

Вотъ слова сенатскаго указа, въ силу коего привлеченъ къ слѣдствію и суду бывшій исправникъ Зографъ. „Правительствующій Сенатъ со своей стороны признаетъ что волчанскій уѣздный исправникъ Зографъ, за противозаконное, *безо всякихъ достойныхъ уваженія причинъ*, лишеніе свободы крестьянина Захара Пономарева, то-есть за совершеніе преступленія предусмотрѣннаго 2 ч. 348 ст. и 1.540 ст. Улож. о Наказ., подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности въ судебномъ порядкѣ.“

Въ дѣлѣ бывшаго исправника Зографа мы видимъ предъ собой принятіе административными властями мѣры въ видахъ огражденія общественнаго спокойствія. Но принимавшимъ такія мѣры приходилось считаться еще съ корпораціей которая отъ русскаго государства независима, но предъ которой его власти должны преклоняться.



Бывшій исправникъ Зографъ прошелъ сквозь строй свѣдѣствія и двухъ разбирательствъ и затѣмъ приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію за „превышеніе власти“. А между тѣмъ, превысившимъ власть оказывается не онъ, а возбудившій дѣло мировой судья Малиновскій.

Мы привели выше выписку изъ рѣшенія Гражд. Касс. Дел. 1871 года, № 807, о неправильныхъ дѣйствіяхъ судьи Ж. въ томъ видѣ какъ эта выписка приведена въ тринадцатомъ изданіи *Судебныхъ Уставовъ*, съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Но эта выписка не полна; ее слѣдуетъ дополнить слѣдующими словами:

*„Мировой судья Ж., получивъ жалобу на неправильное заарестованіе уѣзднымъ исправникомъ крестьянина Б., долженъ былъ ограничить свои дѣйствія лишь удостовѣреніемъ: находится ли въ полицейской арестантской камерѣ, гдѣ содержался Б., постановленіе исправника о заарестованіи его“.*

Имѣлось ли налицо требуемое здѣсь „постановленіе исправника о заарестованіи“ когда мировой судья Малиновскій писалъ 15 июня 1880 года свое постановленіе объ освобожденіи Пономарева и сообщеніе прокурору Харьковскаго Окружнаго Суда о неправильныхъ будто бы дѣйствіяхъ г. Зографа? *Имѣлось.*

Давалъ ли законъ, по разъясненію самого Кассационнаго Сената, мировому судѣ Малиновскому право официально отзываться о предъявленномъ ему постановленіи исправника что „постановленіе о личномъ задержаніи составлено самимъ исправникомъ, не уполномоченнымъ на то закономъ“? *Нѣтъ, не давалъ.*

Давая дальнѣйшій ходъ постановленію мирового судьи Малиновскаго, прокуроръ Харьковскаго Окружнаго Суда сталъ на ту же противозаконную точку зрѣнія и упорно остался на ней, несмотря на опредѣленіе Харьковскаго Губернскаго Правленія, оправдавшее исправника Зографа.

Соединенные Первый и Уголовный Кассационный Департаменты Сената, принявъ мнѣніе прокурора Окружнаго Суда, точно также стали въ разрѣзъ съ закономъ и собственнымъ Кассационнаго Сената разъясненіемъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ незаконныхъ дѣяній судебной іерархіи, и въ низшихъ и въ высшихъ ея инстанціяхъ, было, съ одной стороны, осужденіе невиннаго человѣка, съ другой—оскорбленіе правительственной власти.

Моск. Вѣд. № 46.

Все направление слѣдствія и суда надъ бывшимъ волчанскимъ исправникомъ Зографомъ и самый исходъ дѣла были предопредѣлены сенатскимъ указомъ 31 августа 1881 года (см. Моск. Вѣд., № 33). Этимъ указомъ было, безъ оговорокъ, рѣшено что Зографъ *подлежитъ привлеченію къ ответственности въ судебномъ порядкѣ за совершеніе преступленія предусмотрѣннаго 2 ч. 348 и 1.540 стт. Улож. о Нак.* Органамъ судебной власти оставалось затѣмъ лишь оформить обвиненіе въ этомъ преступленіи, обставивъ его данными и соображеніями которыми можно было бы подкрѣпить его, и наконецъ приговорить Зографа къ наказанію опредѣляемому именно тѣми статьями закона которыя приведены въ сенатскомъ указѣ.

Что значитъся въ 348 статьѣ Уложенія о Наказаніяхъ? Первая часть этой статьи гласить:

За взятіе подъ стражу кого-либо, хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ, виновное въ томъ должностное лицо приговаривается, смотря по обстоятельствамъ дѣла:

или къ строгому замѣчанію, или къ строгому выговору, со внесеніемъ въ послужной списокъ, или же къ вычету отъ шести мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы.

Вторая часть той же статьи говоритъ:

Когда же кто-либо взятъ подъ стражу безо всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, или когда виновный въ томъ не имѣлъ на сіе по закону или особому разрѣшенію права, то онъ подвергается:

вышей мѣрѣ наказаній въ статьяхъ 1.540—1.544 опредѣленныхъ, за противозаконное задержаніе и заключеніе.

Чтобы подвести дѣйствія Зографа именно подъ эту вторую часть 348 статьи, объ этомъ уже съ самаго начала позаботился мировой судья Малиновскій. Не зная или не желая знать предѣла предостовленныхъ ему, какъ мировому судѣ, правъ и обязанностей, не зная или не желая знать дѣйствительной силы 10 статьи Уст. Уголовн. Судопр. и разъясненія оной Кассационнымъ Сенатомъ, г. Малиновскій не ограничился тою ролью которая отмежевалась ему закономъ. Оставаясь въ предѣлахъ закона, онъ имѣлъ право только удостовѣриться: находится ли въ полицейской арестантской

камерѣ постановленіе исправника о заарестованіи Пономарева; постановленіе исправника, согласно закону, должно было быть въ данномъ случаѣ для мирового судьи актомъ власти дѣйствовавшей въ дѣлахъ своихъ полномочій (*Моск. Вѣд.*, № 45). Постановленіе мирового судьи Малиновскаго объ освобожденіи Пономарева и его попытка насильно освободить Пономарева изъ заключенія суть дѣянія предусмотрѣнныя въ 344 статьѣ Улож. о Наказ. Вотъ текстъ 1 и 2 частей этой статьи:

334. Если чиновникъ или иное должностное лицо будетъ самовольно и завѣдомо прелятствовать дѣйствіямъ другаго въ отправленіи должности, не имѣя на то права или особаго предписанія отъ высшаго начальства, или инаго законнаго къ тому повода, то онъ за сіе подвергается, смотря по обстоятельствамъ дѣла:

замѣчанію или выговору, болѣе или менѣе строгому, или вычету отъ трехъ до шести мѣсяцевъ изъ времени службы, или же отрѣшенію отъ должности, или же заключенію въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Но когда виновный при семъ дозволилъ себѣ какое-либо насиліе или угрозы, то приговаривается, также смотря по важности дѣла и сопровождавшимъ преступленіе обстоятельствомъ:

или къ лишенію нѣкоторыхъ, на основаніи статьи 50 сего Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смиренномъ домѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и т. д.

Нарушеніе этой статьи было прикрито и одобрено авторитетомъ высшихъ властей. Статья 344, осуждающая мирового судью, должна была повтому оставаться въ сторонѣ безо всякаго примѣненія; требовалось лишь примѣненіе статьи 348, именно 2й ея части, чтобъ осудить исправника.

№ 56 *Моск. Вѣд.*

Все что имѣлось въ виду до назначенія слѣдствія надъ бывшимъ волчанскимъ исправникомъ Зографомъ, \* показываетъ что не было повода начинать это дѣло, что напротивъ былъ прямой поводъ возбудить судебное преслѣдованіе про-

\* См. *Моск. Вѣд.* №№ 32, 45 и 46.

тивъ мирового судьи Малиновскаго, по нарушенію имъ 344 ст. Улож. о Наказ. Затѣмъ, когда уже во время слѣдствія надъ Зографомъ, обнаружилась самая причина почему, съ одной стороны, исправникъ арестовалъ Пономарева, съ другой, харьковскій генералъ-губернаторъ опредѣлялъ выслать административнымъ порядкомъ Чигрина и Пономарева изъ Волчанска въ Старобѣльскій уѣздъ, это слѣдствіе, казалось бы, теряло всякій смыслъ и подлежало прекращенію за устраненіемъ самаго преступленія въ которомъ Зографъ обвинялся.

Однако слѣдствіе прекращено не было. Не могло ли у судебного слѣдователя возникнуть какое-либо особое побужденіе къ продолженію слѣдствія?

При самомъ приступѣ къ дѣлу, 22 сентября 1881 года, были допрошены Пономаревъ и Малиновскій, и первый изъ нихъ далъ показаніе какъ бы бросавшее нѣкоторую тѣнь на исправника. Разказывая о напастяхъ, напрасно де понесенныхъ имъ отъ исправника, Пономаревъ выставилъ причиной своего ареста и высылки изъ Волчанска якобы лично-непріязненные отношенія къ нему Зографа. Исправникъ вмѣшался де въ его семейную жизнь. Какимъ образомъ вмѣшался? Пономаревъ показываетъ что онъ поссорился съ женой; „у насъ“, говорилъ онъ слѣдователю, „произошелъ семейный разрывъ“. Этотъ фактъ его ссоры съ женой подтвердился и всѣми другими показаніями какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи. Было обнаружено что жена Пономарева, избитая имъ, бѣжала отъ него въ чужь была, и пріютилась у своей тетки, которая водила ее съ жалобой къ жившему въ томъ же домѣ исправнику, что исправникъ, принявъ участіе въ ея положеніи, потребовалъ отъ нея письменной жалобы, которую и препроводилъ къ судебному слѣдователю, и по ея просьбѣ послалъ къ мужу взять что было ей необходимо изъ ея вещей, и что наконецъ, чрезъ недѣлю послѣ того, супруги помирились, и слѣдствіе было прекращено *faute de combattants*. Итакъ, дѣло шло въ такомъ порядкѣ: ссора жены съ мужемъ, жалоба поданная женой исправнику и вскорѣ затѣмъ примиреніе супруговъ. Пономаревъ же перевираетъ этотъ фактъ, противорѣча самому себѣ, такимъ образомъ: съ женой де произошелъ у него разрывъ, жена де познакомилась съ исправникомъ, вслѣдствіе чего онъ поссорился съ женой. Въ своемъ показаніи По-

номаревъ. (Моск. Вѣд. № 37) ничего не утверждаетъ, говорить уклончиво, только намекаетъ, только инсинуируетъ. Онъ де не знаетъ имѣлъ ли Зографъ что-нибудь въ виду завода знакомство съ его женой; ему только *кажется*; онъ только не знаетъ другой какой-либо причины почему Зографъ его преслѣдовалъ. Самъ онъ судить только по догадкамъ, по слухамъ, потому что де объ ухаживаніи исправника за его женой *говорилъ весь городъ*.

Судебный слѣдователь не могъ не видѣть что показаніе Пономарева клонилось къ тому чтобы внести въ дѣло новую черту которой не имѣли въ виду ни мировой судья Малиновскій, когда доводилъ до скандала свое настояніе освободить Пономарева изъ-подъ ареста; ни прокуроръ Харьковскаго Окружнаго Суда, когда протестовалъ противъ постановленія Губернскаго Правленія; ни соединенные Первый и Уголовный Кассационный Департаменты Сената, когда опредѣляли отдачу Зографа подъ судъ по 2й ч. 348 ст. Улож. о Наказ.

Наученный ли кѣмъ, или руководимый собственно практической мудростію, Пономаревъ сдѣлалъ уклончивый и неопредѣленный извѣтъ на г. Зографа, который будто бы ухаживалъ за его женой, и этотъ извѣтъ сдѣлался для слѣдователя, г. Линдеберга, руководящею нитью въ производившемся имъ слѣдствіи. Объ этихъ отношеніяхъ, по словамъ кабатчика, „говорилъ де весь городъ“. Что жъ? Собрать справки, удостовѣриться въ существованіи и основательности городской молвы, было, казалось бы, для судебного слѣдователя первою обязанностью если только онъ далъ вѣру показанію Пономарева. Въ маленькомъ уздномъ городкѣ, гдѣ люди отъ скуки такъ заняты другъ другомъ что знаютъ что у кого въ печи, любовныя шашни исправника, еслибы таковыя были, не могли бы оставаться тайной отъ любопытныхъ сосѣдей. Постарался ли судебный слѣдователь Линденбергъ собрать всѣ возможныя свѣдѣнія чтобы разъяснить этотъ пунктъ своего слѣдствія, который потомъ сталъ душою обвиненія? Оба свиданія Зографа и Ульяны происходили въ домѣ гжи Грановской, у которой тотъ нанималъ квартиру. Ни отъ самой гжи Грановской, ни отъ всѣхъ живущихъ въ ея дворѣ, не могли скрыться обстоятельства при которыхъ она появлялась и жила тамъ. Если фактъ мнимаго „ухаживанія“ имѣлъ значеніе въ глазахъ судебного слѣдователя,—

а онъ несомнѣнно придавалъ ему важность, что отразилось и на всемъ слѣдствіи, и на вытекшемъ изъ него обвинительномъ актѣ и на всемъ ходѣ судоговоренія и его возмутительномъ результатѣ,—если поэтому необходимо было удостоверить въ этомъ фактѣ ухаживанья, то къ кому же, если не къ гжѣ Грановской и живущимъ въ ея домѣ, было всего прямѣе обратиться чтобы разузнать по возможности все что требовалось дѣломъ? Разспросами ихъ всего проще было опредѣлить „бывала“ ли Ульяна у исправника или только „была“, „познакомилась“ ли она съ нимъ, „заводилъ ли онъ съ ней знакомство“, „приглашалъ ли онъ ее къ себѣ въ гости“, или же она была у него безо всякаго съ его стороны зазыва, единственно по дѣлу, притомъ по совѣту тетки и наконецъ вмѣстѣ съ ней. У той же гжи Грановской и ея прислуги можно было разспросить когда именно была Ульяна первый разъ у исправника, *до* или *послѣ* ея разлада съ мужемъ, былъ ли разладъ съ мужемъ результатомъ хожденія къ исправнику, или наоборотъ обращеніе ея къ исправнику было слѣдствіемъ ея ссоры съ мужемъ. Выяснить все это было необходимо коль скоро уже занесены въ протоколъ инсинуаціи Пономарева. Но судебный слѣдователь не спросилъ ни одного въ городѣ человека который бы говорилъ то что, по показанію Пономарева, „говорилъ весь городъ“. Вся дѣятельность по разъясненію важнѣйшаго пункта разслѣдованія ограничилась тѣмъ что: 1) полторы недѣли спустя послѣ дачи показанія Пономаревымъ была 3 октября спрошена судебнымъ слѣдователемъ Ульяна Пономарева. Хотя мужъ ея, въ своемъ показаніи, прямо на нее ссылался, хотя онъ имѣлъ достаточно много времени научить ее что и какъ должна она говорить у слѣдователя и настоять на томъ что давно помирившаяся съ нимъ послѣ побоевъ, не разлучавшаяся болѣе съ нимъ, сопровождавшая его и въ Кіевъ, и въ Старобѣльскій уѣздъ, Ульяна показывала бы согласно съ нимъ, тѣмъ не менѣе въ ея показаніи нѣтъ рѣшительно ничего что, хотя бы въ чемъ-нибудь, могло служить подкрѣпленіемъ намековъ сдѣланныхъ въ показаніи ея мужемъ. Она была у исправника на квартирѣ „всего два раза“; оба раза ходила по дѣлу, по случаю крупной ссоры съ мужемъ; ни *до* этой ссоры, ни *послѣ* примиренія съ мужемъ, никогда у исправника не бывала, не встрѣчалась съ нимъ ни разу и въ то время когда, бросивъ мужа, проживала

у своей тетки. Показаніе Ульяны Пономаревой напечатано in extenso въ № 36 *Моск. Вѣд.*, и всакой можетъ видѣть таково ли оно чтобы можно было признать его незаслуживающимъ вѣры, а повѣрить тому что только „казалось“ кабатчику, но чего и онъ не рѣшился сказать прямо. Нѣтъ въ виду ни малѣйшаго факта, ни одного показанія, основывающагося на которомъ можно бы было подумать что Ульяна говорила неправду или что она что-нибудь скрывала. Все что Ульяной показано у свидователя было вполне подтверждено ею и въ послѣдствіи на судѣ. 2) Черезъ нѣсколько дней послѣ допроса Ульяны, 8 октября, былъ спрошенъ Зографъ судебнымъ свидователемъ. Можно пожалуй отнестись съ нѣкоторымъ недоверіемъ къ тому что онъ говорилъ свидователю, какъ лицо желающее оправдаться: но свидѣніемъ не раскрыто ни одного факта которымъ бы опровергалось то что говорилъ исправникъ, и подтверждались бы въ чемъ-нибудь неопредѣленные намеки Пономарева. 3) Наконецъ, еще три недѣли спустя, 28 октября, въ самый день заключенія свидствія, были спрошены тетка Ульяны мѣщанка Марья Бойкова, секретарь полицейскаго управленія Романовскій и непремѣнный застѣдатель Грамовскій. Показаніе Бойковой было новою уликой неопредѣленной клеветы брошенной въ исправника. (*Моск. Вѣд.*, № 37.) Въ заключеніе, Романовскій и Грамовскій (спрошенные о другомъ, а не объ отношеніяхъ между Зографомъ и Ульяной) засвидѣтельствовали что когда предъ высылкой Пономарева въ Старобѣльскій уѣздъ, жена его приходила въ полицейское управленіе спросить: должна ли она свидовать за мужемъ? исправникъ отвѣчалъ ей что должна. Эти два послѣднія показанія важны въ томъ отношеніи что ими устраняется всякій поводъ приводить ссылку Пономарева въ связь съ минимыми расчетами Зографа облегчить себѣ сношенія съ Ульяной Пономаревой удаленіемъ мужа ея изъ Волчанска. Что исправникъ не только не помышлялъ разлучать жену съ мужемъ, но поуждалъ ее ѣхать съ нимъ, это подтвердилъ потомъ на судѣ самъ Пономаревъ. На вопросъ прокурора: „Вы уѣхали въ Старобѣльскъ съ женой или сами?“ Пономаревъ сказалъ: *Она не хотѣла ѣхать, но исправникъ чрезъ полицейскаго чиновника приказалъ ѣхать*. (См. *Моск. Вѣд.* отъ 5 марта прошлаго года. *Судебн. Хрон.*) На судѣ были спрошены многіе свидѣтели не бывшіе у свидователя. Ни въ одномъ показаніи нѣтъ ни малѣйшей черты, ни одного

полуслова которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ инсинуацій Пономарева которыя впрочемъ онъ и самъ бросалъ какъ бы на вѣтеръ. Напротивъ, всеми свидѣтелями, безъ малѣйшаго разногласія, подтверждаются показанія жены Пономарева, ея тетки и самого Зографа.

Итакъ, кромѣ упомянутыхъ пяти свидѣтелей, никто болѣе объ отношеніяхъ между Зографомъ и Ульяной слѣдователемъ спрошенъ не былъ. Это было бы понятно и естественно еслибы слѣдователь уже изъ того что узналъ отъ допрошенныхъ свидѣтелей убѣдился въ несостоятельности инсинуацій Пономарева, нашелъ бы излишнимъ продолжать слѣдствіе за устраненіемъ всякихъ основаній къ возбужденнымъ противъ Зографа обвиненіямъ и подозрѣніямъ, сдѣлалъ бы поэтому представленіе о прекращеніи самаго слѣдствія, и отгнѣнилъ бы принятую имъ противъ Зографа мѣру къ пресѣченію ему спосособовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, заключающуюся въ томъ что отъ Зографа 8 октября была отобрана подписка о неотлучкѣ его изъ мѣста жительства въ городѣ Волчанскѣ. Но судебный слѣдователь поступилъ совершенно наоборотъ: свои слѣдственные протоколы служившіе опроверженіемъ выставленныхъ противъ Зографа обвиненій, онъ представилъ въ качествѣ будто бы уличающихъ его въ преступленіи и достаточныхъ для составленія обвинительнаго акта. Читая эти слѣдственные протоколы трудно даже понять въ чемъ полагалъ г. Линденбергъ свои обязанности какъ судебного слѣдователя, въ томъ ли чтобы только записывать все идущее и не идущее къ дѣлу, или въ томъ чтобы раскрыть что-либо, и въ чемъ-либо убѣдиться; видно лишь что слѣдствіемъ ничего не было сдѣлано ни въ опроверженіе, ни въ подтвержденіе заявленныхъ подозрѣній. Если судебному слѣдователю все-таки казалось подозрительнымъ участіе оказанное исправникомъ къ дѣлу Ульяны Пономаревой съ ея мужемъ въ 1879 году, то ему стоило бы между прочимъ вытребовать изъ архива возбужденное въ 1879 году у судебного слѣдователя слѣдствіе о жестокомъ обращеніи Захара Пономарева съ женой. Изъ этого слѣдственного дѣла обнаружилось бы, въ такомъ ли положеніи была бѣжавшая отъ побоевъ мужа и обобранная имъ Ульяна Пономарева, чтобъ офиціальное лицо къ которому она обратилась ища защиты отнеслось къ ней безо всякаго участія. Но судебный слѣдователь не нашелъ нужнымъ навести даже эту справку, которая можетъ-быть одна освѣ-



тила бы дѣло и уничтожила бы окончательно весь ядовитый смыслъ, уже достаточно опровергнутыхъ впрочемъ всѣми показаніями, инсинуаций брошенныхъ Пономаревымъ, на которыхъ однако основаны и обвинительный актъ, и приговоръ по дѣлу Зографа.

По окончаніи слѣдствія, оно поступило на заключеніе товарища прокурора Харьковской судебной палаты Башкирова. Крайняя неполнота слѣдствія не могла не броситься ему въ глаза: не спрошены именно тѣ лица кого нужнѣе всего было спросить, не разъяснены именно тѣ факты которые всѣхъ болѣе требовали разъясненія. Но вмѣсто того чтобы возвратить дѣло судебному слѣдователю для необходимаго дослѣдованія, г. Башкировъ послѣшилъ составить свое формальное заключеніе. 28 октября судебный слѣдователь еще производитъ допросъ свидѣтелей въ Волчанскѣ, а 13 ноября въ Харьковѣ было уже написано и подписано г. Башкировымъ „заключеніе“. Это заключеніе напечатано въ № 38 *Моск. Вѣд.* пусть желающіе слышать его съ прочими документами, и скажутъ какое оно производитъ впечатлѣніе.

Исправникъ Зографъ обвинялся въ томъ что въ дѣлѣ Пономарева дѣйствовалъ не безпристрастно. Безпристрастны ли оказываются дѣйствія товарища прокурора Башкирова въ дѣлѣ Зографа?

Товарищъ прокурора Судебной Палаты долженъ былъ знать силу ст. 10 Уст. Уг. Суд. разъясненный рѣшеніемъ Гражд. Касс. Деп. 1871 года, № 807; онъ не могъ поэтому не знать что права и обязанности мирового судьи Малиновскаго по отношенію къ аресту Пономарева ограничивались по закону удостовѣреніемъ находится ли въ полицейской арестантской камерѣ постановленіе исправника о заарестованіи его, и что не ограничившись этимъ, г. Малиновскій совершалъ дѣянія предусмотрѣнныя 344 ст. Улож. о Нак. Зная все это, или не желая знать этого, товарищъ прокурора Судебной Палаты въ своемъ заключеніи ставитъ въ предсужденіе исправнику Зографу данный имъ, согласный съ закономъ, отвѣтъ мировому судѣ: „что мировые судьи не въ правѣ входить въ разсмотрѣніе правильности постановленій подлежащихъ властей объ арестѣ“.

Изъ документовъ слѣдствія явствовало что у исправника предъ арестованіемъ Пономарева были въ виду четыре касающіяся его заявленія. О двухъ изъ этихъ заявленій товарищъ

прокурора совершенно умолчалъ въ своемъ заключеніи, умолчалъ не смотря на то что въ отношеніи харьковскаго губернатора Грессера эти два заявленія показаны въ числѣ трехъ послужившихъ причиною къ высылкѣ Пономарева въ Старобѣльскій уѣздъ; умолчалъ такимъ образомъ о причинахъ ареста, подводя вмѣстѣ съ тѣмъ постулокъ Зографа подъ вторую часть 348 статьи Улож. о Нак. то-есть указывая въ немъ признаки арестованія „безо всякихъ достойныхъ уваженія причинъ“, хотя, конечно, товарищу прокурора свѣдомо какое значеніе имѣеть совокупность причинъ, совокупность уликъ.

Затѣмъ, заключеніе товарища прокурора составляется чуть не дословно изъ того что показывалъ у судебного слѣдователя Кабатчикъ Пономаревъ.

Положивъ показаніе Пономарева въ основаніе своего заключенія, товарищъ прокурора Судебной Палаты, въ своемъ заключеніи, совершенно умолчалъ о томъ что неопредѣленные извѣсты Кабатчика не нашли себѣ подтвержденія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, даже въ показаніяхъ свидѣтелей которые самимъ имъ были указаны. Умолчавъ о томъ что свидѣтельствоvalo о лживости показанія Пономарева, товарищъ прокурора взялъ на себя подкрѣпить эти показанія своими соображеніями. Г. Башкировъ не могъ повторить лживую ложь сказанную Пономаревымъ будто подписи подъ извѣстнымъ заявленіемъ волчанскихъ домовладѣльцевъ собиравались самимъ Зографомъ и, по его приказанію, полицейскимъ Куропатой и мѣщаниномъ Портянскимъ: ложь эта была рѣшительно опровергнута всѣми свидѣтелями, въ томъ числѣ всѣми на кого ссылаеся самъ Пономаревъ; но не повторяя прямо этой лжи, г. Башкировъ замѣняетъ ее собственнымъ соображеніемъ что Зографу не слѣдуетъ вѣрить когда онъ говоритъ что не зналъ о существованіи этого заявленія до самой подачи ему.

Четверо купцовъ, въ томъ числѣ Савелій Прилуцкій, тотъ самый который былъ приговоренъ мировымъ судьей къ наказанію за обвѣсъ отказались подписать заявленіе другихъ 33 волчанскихъ обывателей: этого было достаточно чтобы товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи сказалъ что „многія лица отказались отъ подписи“ и тѣмъ бросилъ тѣнь на самое заявленіе.

Но еще большая тѣнь на это заявленіе была брошена внесеннымъ въ заключеніе и затѣмъ перешедшимъ въ обвинительный актъ замѣчаніемъ что „неизвѣстно“ когда оно подано исправнику, „такъ какъ на немъ не имѣется помѣтки его, исправника“. Значить предоставляется думать что заявленіе послужившее причиной ареста Пономарева могло быть подано не прежде, но послѣ его арестованія... А между тѣмъ, заявленіе, о которомъ рѣчь, было помѣчено Зографомъ 26 мая, за три дня до ареста Пономарева.

Товарищъ прокурора, приведя въ своемъ заключеніи инсинуаціи Пономарева, совершенно умолчалъ о показаніяхъ Бойковой, Грановскаго и Романовскаго бросавшихъ свѣтъ на дѣло, и сдѣлавъ все возможное чтобы подвести показаніе Ульяны Пономаревой сколько-нибудь подъ тонъ извѣстовъ ея мужа. Эта простая женщина, жена кабатчика и племянница кухарки, когда была у исправника, слышала отъ него что-то касающееся законовъ и не совсѣмъ ей понятное, и передала слѣдователю смыслъ слышаннаго по-своему въ такомъ видѣ что де „въ настоящее время законы такіе что можно сослать человѣка“. Товарищъ прокурора сдѣлалъ завеста въ свое заключеніе эти слова Ульяны во вносныхъ знакахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, слова той же Ульяны что пившіи чай исправникъ и ей *предложили также стаканъ чаю*, товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи замѣнилъ словами: *пригласилъ ее пить съ нимъ чаю.*

Изъ относящихся къ дѣлу документовъ видно что всѣ выдвинутыя противъ Зографа обвиненія оказались при слѣдствіи лишенными основанія. Г. Башкировъ далъ, наоборотъ, заключеніе что де „всѣ приводимыя Зографомъ въ свое оправданіе обстоятельства являются лишенными основанія“, и что поэтому онъ подлежитъ суду Харьковской Судебной Палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи предусмотрѣнномъ 2 ч. 348 и 2 ч. 1.540 стг. Улож. о Наказ.

Слѣдственное дѣло, вмѣстѣ съ заключеніемъ о немъ, поступило затѣмъ на разсмотрѣніе Харьковскаго Губернскаго Правленія. Правленіе совершенно основательно признало что дѣйствія исправника Зографа въ отношеніи къ Пономареву не могутъ быть подведены подъ содержаніе 2го п. 348 и 1.540 стг. Улож. о Наказ.: но, очевидно только какъ компромиссъ, какъ уступку превозмогавшимъ судебнымъ властямъ,

допустило что исправникъ Зографъ можетъ подлежать отвѣтственности „за взятіе подъ стражу крестьянина Пономарева хотя по законнымъ причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ“, по 1 л. 348 ст. Улож. о Наказ., опредѣляющему несравненно болѣе легкія взысканія чѣмъ виды наказаній упоминаемые во 2й части той же статьи. Что это былъ дѣйствительно компромиссъ административныхъ властей съ судебными, что въ установленіи его принималъ участіе самъ товарищъ прокурора Башкировъ, видно изъ прошенія Зографа министру Юстиціи (*Моск. Вѣд.* № 41). Но и этотъ компромиссъ, которымъ администрація наплась вынужденною, отдать одного изъ лучшихъ и заслуженныхъ исполнителей своихъ въ жертву неосновательнымъ настояніямъ судебныхъ властей, не привелъ ни къ чему. Судебныя власти равно пренебрегли и постановленіемъ Харьковскаго Губернскаго Правленія, и всеми благопріятными отзывами данными о Зографѣ и Волчанскимъ Уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ, и Волчанскою Городскою Думой, и Волчанскимъ уѣзднымъ Училищнымъ Совѣтомъ. Судебныя власти не хотѣли слышать и принимать въ соображеніе ничего говорящаго въ пользу Зографа, ничего говорящаго противъ Пономарева содержащаго литейное, дурной славы, заведеніе и бывшаго по своему промыслу постоянно въ ссорѣ съ полиціей. Такъ, напримѣръ, Зографъ просилъ вызвать, въ качествѣ свидѣтелей, по его дѣлу крестьянина Гадушку, мѣщанина Полуехтова, члена Окружнаго Суда Цетнева, но Судебная Палата въ этой просьбѣ отказала, такъ какъ де показанія которыя могутъ быть даны означенными свидѣтелями могутъ касаться только нравственныхъ качествъ Пономарева, а это де „никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ“. Идетъ рѣчь о томъ, были ли у исправника достаточныя причины арестовать Пономарева, такой ли Пономаревъ человекъ чтобъ его слѣдовало арестовать,—а показанія лицъ могущихъ представить факты какой онъ человекъ признаются не имѣющими къ дѣлу никакого отношенія. Слѣдствіе ведется въ направленіи какое дано извѣтами Пономарева, эти извѣты ложатся въ основаніе и прокурорскаго заключенія и обвинительнаго акта; при всемъ этомъ свидѣтельскія показанія которыя могли бы разсвѣтъ въ глазахъ присяжныхъ весь этотъ морокъ, признаются не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу.

Между тѣмъ, въ то же время, публика, изъ которой должны были выйти присяжные для произнесенія приговора надъ Зографомъ, подготовлялась къ тому чтобы смотрѣть на дѣло именно такъ какъ взглянули на него судебныя власти. Не въ Волчанскѣ, гдѣ жители знали Зографа и могли отличить правду ото лжи въ разныхъ о немъ слухахъ, и откуда шли благоприятныя о немъ отзывы уже въ то время когда онъ, принужденный выйти въ отставку, не занималъ уже тамъ officialнаго положенія,—но въ другихъ городахъ, между прочимъ въ Богодуховѣ и особенно въ Харьковѣ, гдѣ дѣло должно было судиться и гдѣ некому было назвать клевету ея именемъ, распускались слухи о Зографѣ, о грязной будто бы подкладкѣ его дѣла, о томъ будто бы онъ выслалъ челоуѣка административнымъ порядкомъ чтобъ отбить у него жену. Въ видѣ корреспонденцій, слухи эти сообщались и въ столичные газеты. Въ своемъ прошеніи министру Юстиціи Зографъ называлъ многихъ лицъ занимающихъ почетное положеніе въ обществѣ до которыхъ доходила такіе слухи отъ самого товарища прокурора Судебной Палаты Башкирова. И эти распускаемые слухи, по пословицѣ „добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ“, сдѣлали свое. Во мнѣніи людей составившихъ себѣ понятіе о дѣлѣ только по этимъ слухамъ, Зографъ былъ осужденъ ранѣе суда; все выставленное противъ него въ обвинительномъ актѣ со всѣми его умолчаніями, инсинуаціями и переиначеніями фактовъ, принималось за правду; все говорящее въ пользу Зографа считалось увертками и отменялось какъ не заслуживающее вниманія. Зографъ былъ обвиненъ. По кассациі приговоръ былъ отмѣненъ. Но при новомъ разсмотрѣніи дѣла, разбирательство основывалось на томъ же самомъ обвинительномъ актѣ, не согласномъ съ обстоятельствами дѣла, вытекшемъ изъ неполнаго и односторонняго слѣдствія и несоответственномъ самимъ даннымъ этого слѣдствія; составъ суда былъ другой, но обвинителемъ явился тотъ же самый г. Башкировъ который давалъ по дѣлу вышеупомянутое заключеніе. „Общественное мнѣніе“ попрежнему основывалось на тѣхъ же злобно раслученныхъ о Зографѣ клеветливыхъ слухахъ, такъ какъ жалоба Зографа министру Юстиціи была оставлена безъ послѣдствій, и не было сдѣлаано ничего для разслѣдованія откуда идутъ эти слухи, на чемъ они основаны, есть ли въ нихъ что достоверное,—хотя и было очевидно что присяжные будутъ судить подъ вле-

члѣвнѣе этихъ слуховъ. Нельзя было не предвидѣть что при такихъ условіяхъ новое судоговореніе будетъ лишь повторительною попыткой для обвиняемаго, что приговоръ будетъ вновь обвинительный, какъ бы ни были сильны доказательства правоты подсудимаго.

Нѣкоторыя обстоятельства этого судебного разбирательства бросаются въ глаза.

Читается обвинительный актъ. Въ сущности онъ есть повтореніе заключенія по сафаственному дѣлу даванаго г. Башкировымъ 13 ноября 1881 года. Но изъ заключительныхъ словъ этого акта явствуетъ будто Зографъ преданъ суду *по 2й части 348 ст. Улож. о Нак. между прочимъ „въ виду постановленія Харьковскаго Губернскаго Правленія отъ 9 декабря 1881“, то-есть, какъ будто начальство Зографа находило отдачу его подъ судъ по этой статьѣ правильною и заслуженною, тогда какъ Губернское Правленіе соглашалось, и то въ видѣ уступки, на отдачу Зографа подъ судъ лишь по 1й части 348 статьи.*

Мировой судья Малицковскій, заварившій все дѣло, лично на судъ не явился, представивъ признаемыя уважительными причины неявки.

Справки по дѣлу которыми могли быть опровергнуты сдѣланныя противъ Зографа инсинуаціи не дѣлались. Но когда начался допросъ члена Окружнаго Суда Шетнева, показывавшаго что еще до назначенія Зографа инспекторомъ въ Волчанскъ, полиція уже жаловалась ему на неблаговидные поступки Пономарева, и что въ его прежней судебной практикѣ мирового судьи были случаи въ которыхъ Пономаревъ былъ подсудимымъ и присуждался къ наказаніямъ, оказалось что г. Башкировъ уже заранѣе заласса справками которыя могли бы поколебать довѣріе хотя къ одному изъ случаевъ прежней судимости Пономарева указаніемъ на то что этотъ случай не занесенъ въ формальныя вѣдомости. \*

Подсудимый просить прочесть благоприятныя, почетныя для него отзывы о немъ, Волчанскихъ Городской Думы, Училищнаго Совѣта и Уѣзнаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Г. Башкировъ слышитъ ослабить впечатлѣніе этихъ отзывовъ указаніемъ на обстоятельство не находящееся ни въ какой связи съ обвинительнымъ актомъ. Выходя изъ роли прокурора, онъ выступаетъ въ роли инсинуирующаго свидѣ-

\* *Моск. Вѣд.* 1883, № 66.

ля, предлагая Зографу „разказать гг. присяжнымъ засѣдателямъ о томъ что послужило причиной его перевода изъ Богодуховскаго уѣзда въ Волчанскій. Не было ли это вслѣдствіе того что, состоя исправникомъ въ Богодуховѣ, онъ нанесъ оскорбленіе ударомъ по лицу одному изъ почтосодержателей. Я въ это время былъ прокуроромъ Окружнаго Суда.“

Зографъ просить прочесть поданное на него въ октябрѣ 1880 года прошеніе, содержаніе коего показало бы что самъ Пономаревъ не дѣлалъ въ 1880 никакихъ заявленій касательно мнимыхъ романтическихъ отношеній между его женой и Зографомъ, изъ чего выяснилось бы какой характеръ имѣють заявленія объ этихъ отношеніяхъ сдѣланныя Пономаревымъ черезъ годъ, въ 1881 году. Въ прочтеніи этого документа Зографу было отказано.

Формуруются вопросы на которые должны отвѣчать присяжные. Подсудимый просить чтобы кромѣ вопроса о виновности по 2й части 348 ст. Улож. о Наказ. былъ еще поставленъ вопросъ о виновности по 1й части той же статьи, согласно упомянутому въ обвинительномъ актѣ постановленію Губернскаго Правленія. Въ постановкѣ этого втораго вопроса подсудимому отказано.

*Моск. Вѣд. № 70.*

Когда мы принимались за процессъ волчанскаго исправника Зографа, лица намъ неизвѣстнаго, о которомъ мы впервые узнали изъ этого процесса, мы вовсе не думали исполнять адвокатскія обязанности. Мы не могли бы посвятить отдѣльному случаю, изъ множества подобныхъ, столько времени и мѣста, отнимая ихъ у дѣлъ общественныхъ, свѣдѣть за которыми, по мѣрѣ возможности, мы дѣйствительно обязаны. Но занимая такъ долго и такъ настойчиво вниманіе читателей этимъ дѣломъ, мы привлекали ихъ вниманіе именно къ вопросу общаго и притомъ весьма важнаго свойства. Зографовское дѣло характеризуетъ вообще наше теперешнее политическое положеніе. Дѣло это не есть исключительный случай. Это случай заурядный, и вмѣсто него, для общей характеристики, могли бы мы взять и какое-либо другое дѣло еслибъ имѣли въ рукахъ всѣ относящіяся къ нему документы чтобы войти во всѣ подробности его физиологіи.

Однако, какъ ни подробно разбирали мы это дѣло, все-таки не исчерпаны его характеристическія особенности. Характеристика была бы неполна елибы мы не указали на нѣкоторыя черты судоговоренія. Обвинителемъ исправника Зографа былъ, какъ читателямъ извѣстно, товарищъ прокурора Судебной Палаты Башкировъ. Рѣчь его можетъ послужить образцомъ краснорѣчія нашего *parquet*, хотя она ничѣмъ не разнится отъ краснорѣчія нашего *barreau*. Тѣ же приемы тотъ же тонъ. Дѣло шло между начальникомъ уѣздной полиціи и содержателемъ литейнаго заведенія дурной славы. Для выщаго посрамленія перваго, обвинитель истощилъ даръ своего краснорѣчія на защиту чести и достоинства втораго. Безъ умиленія нельзя читать въ обвинительной рѣчи строки посвященныя Пономареву. Пономаревъ велъ себя на судѣ дурно, безпрестанно вскакивалъ, прерывалъ показанія свидѣтелей, и могъ этимъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе на присяжныхъ. Товарищъ прокурора воспользовался именно этимъ обстоятельствомъ чтобы возбудить къ нему сочувствіе присяжныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ антипатію къ исправнику которымъ онъ былъ арестованъ за три года предъ тѣмъ. „Прежде всего, гг. присяжные,“ говорилъ прокуроръ, „вамъ должно поставить себя въ положеніе Пономарева на судѣ, а затѣмъ прослѣдить что происходило на судѣ... Онъ является лицомъ страдавшимъ, обиженнымъ, униженнымъ, оскорбленнымъ; противъ него начинаютъ говорить, изъ него посредствомъ разныхъ свидѣтельскихъ показаній хотятъ вытянуть всю душу, выложитъ предъ нимъ всѣ грѣхи его, и въ это время требуется чтобы потерпѣвшій оставался покойнымъ, безмолвнымъ, чтобы онъ ничего не могъ сказать въ свою защиту“... Читая это поневолѣ представляешь себѣ что этого бѣдняка преслѣдуютъ, что его судьба рѣшается, что о немъ присяжные должны вынести свой вердиктъ. Нѣтъ, это нужно для того чтобы взбудоражить воображеніе присяжныхъ, у которыхъ могло что-нибудь остаться отъ свидѣльскихъ показаній. Нельзя не признать ловкость этой ораторской тактики, принимая въ соображеніе людей къ которымъ рѣчь обращалась. Но послушайте далѣе: „Оставайтесь безмолвнымъ когда выслали тебя изъ одного уѣзда въ другой, оставайтесь безмолвнымъ когда тебя выдержали нѣсколько дней подъ арестомъ, оставайтесь же безмолвнымъ и здѣсь на судѣ. „Сиди молча! Это ужасно!“



Въ самомъ дѣлѣ, ужасно! Въ нормальныхъ ли условіяхъ находится правосудіе когда факторы его могутъ законно пользоваться подобными фигурами рѣчи, и когда отъ блудо-дѣянія словомъ можетъ зависѣть и авторитетъ закона, и участь человѣка? А все отъ того что судебные ораторы обращаются къ нѣсколькимъ взятымъ съ улицы субъектамъ, вдругъ получившимъ власть рѣшить и вязать, при полной без-ответственности, повинясь только игрѣ возбуждаемыхъ дешевымъ ораторствомъ ощущеній, игрѣ заступающей мѣсто совѣсти и заглушающей ея голосъ. Подъ ударами словъ быстро падающихъ одно за другимъ и произносимыхъ взволнованнымъ голосомъ, въ воображеніи импровизованныхъ судей не успѣваютъ обозначиться обстоятельства дѣла, и остается лишь смутное впечатлѣніе, которое потомъ подѣйствуетъ на ихъ приговоръ.

Посадили на нѣсколько дней человѣка подъ арестъ... Это во всякомъ случаѣ неприятно. Но кого посадили? Человѣка обязаннаго блюсти въ лицѣ своемъ честь своего общественнаго положенія, какъ на примѣръ капитанъ Пейчъ, котораго судебныя власти, тоже на нѣсколько дней, по своему усмотрѣнію посадили въ тюрьму, за что послѣ никакой ответственности не подверглись? Нѣтъ, дѣло идетъ о человѣкѣ уже хорошо знакомомъ съ кутузкой, содержателѣ кабацкаго притона, гдѣ находили себѣ пріютъ разбойники въ родѣ Чигрина, гдѣ сплавали и обирали простаковъ, гдѣ принимались краденныя вещи: все это документально. И вотъ этотъ-то рыцарь, черезъ три года, будто бы такъ сильно чувствовалъ горящую язву своей нарушенной арестомъ чести, что не могъ спокойно сидѣть и вести себя прилично на судѣ, гдѣ подвергался истязаніямъ исправникъ посадившій его подъ арестъ. И какъ было не метаться ему когда свидѣтели показывали противъ него, и никто изъ обывателей Волчанска не находилъ добраго о немъ слова? „Это ужасно!“ Но ораторъ, живописавшій ужасъ положенія несчастнаго Пономарева, не подумалъ о положеніи въ какомъ должно было находиться другое лицо, о которомъ никто изъ свидѣтелей не показалъ ничего дурнаго, но на котораго онъ самъ, судебный ораторъ, сыпалъ ядовитые намеки, дѣйствительно нестерпимые для человѣка съ общественною честью и добрымъ именемъ. „Я спрашиваю васъ, гг. присяжные „засѣдатели“, продолжалъ ораторъ, „какъ бы вы себя чувствовали поставивъ себя хоть на минуту въ то положеніе въ ко-

„торомъ стоялъ здѣсь несчастный Пономаревъ?.. Въ какомъ видѣ выставленъ и представленъ онъ лутемъ свидѣтельскихъ набрасываній и разныхъ справокъ о его судимости? Даже специально были три свидѣтеля чтобы можно было осудить этого несчастнаго Пономарева. Хотятъ сказать что ты негодный человѣкъ, а мы прекрасны... Ты же мало того что потерпѣлъ, долей до конца горькую свою чашу. Спрашиваю васъ, гг. присяжные, какъ бы вы себя чувствовали будучи на мѣстѣ несчастнаго Пономарева?“ и т. д. Послѣ этихъ патетическихъ возгласовъ, долженствующихъ свидѣтельствовать о гуманности прокурорскаго чина, о его глубокомъ уваженіи къ человѣческому достоинству, о его сердцѣ потрясенномъ и взволнованномъ судьбой злополучнаго, уязвленнаго въ своей гражданской чести Пономарева, ораторъ тотчасъ же, не перевода духа, приступаетъ къ операціи надъ исправникомъ Зографомъ, и для этого прежде всего пользуется обращеніемъ къ женѣ Пономарева. „Вы спросите, гг. присяжные засѣдатели, что же въ концѣ концовъ сказала Ульяна. Я вамъ на это отвѣчу. Нельзя иногда отъ свидѣтеля требовать все то что онъ знаетъ. Здѣсь имѣеть значеніе стыдливость и известное положеніе въ семьѣ или обществѣ.... Какъ же, гг. присяжные засѣдатели, заставить ее разказать все что ей известно, всю что называется подготовкою своей жизни, тѣ отношенія въ какихъ она находилась съ Зографомъ?“ (Отношенія! Каково это слово и для женской стыдливости, и для чести подсудимаго,—слово, ни на чемъ не основанное, никакимъ показаніемъ не подтвержденное!) „Гг. присяжные засѣдатели, есть предѣлы давленія которыхъ человѣкъ и по желанію не можетъ открыть свою душу. Положеніе Ульяны таково было то требовать отъ нея большаго невозможно. Ея женскія чувства, ея женская стыдливость позволили только ей сдѣлать нѣкоторые намеки что она, принявъ присягу, врать не можетъ...“ Такъ говоритъ не фельетонистъ газеты подъ страхомъ привлеченія къ суду за диффамачію, такъ „говоритъ адвокатъ правительства“, какъ называютъ телерешнихъ судебныхъ прокуроровъ, органъ обвинительной власти, замѣтите—власти. Но если женская стыдливость заставила Ульяну Пономареву намекнуть что она, принявъ присягу, врать не можетъ, то она, надо полагать, и не врала. Ея показанія опредѣленны и ясны и выѣтъ не опровергнуты. На вопросы самого же прокурора и подсудимаго она отвѣчала: „Я съ исправникомъ незнакома

была, только ходила жаловаться". Видала ли она когда исправника до прихода съ жалобой? „Нѣтъ, не видала нигдѣ“. Какъ часто она бывала у тетки? „Рѣдко ходила, одна не ходила, а съ мужемъ“ (это она говорила при мужѣ, тутъ же сидѣвшемъ). Когда помирилась съ мужемъ, не ходила ли къ теткѣ? „Нѣтъ“. Одинъ изъ присяжныхъ переспросилъ подсудимую: Когда вы ходили къ Грановской не встрѣчали ли тамъ исправника? „Нѣтъ, не встрѣчала.“ Никогда въ глаза не видѣли? „Нѣтъ не видала.“ Какое же основаніе имѣлъ адвокатъ правительства, говоря объ Ульянѣ Пономаревой, намекать на женскую стыдливость и упоминать о какихъ-то отношеніяхъ ея къ исправнику Зографу? Не слышалъ ли онъ тутъ же, въ судѣ, показаніе самого Пономарева подтвердившаго, въ пылу допроса, что самъ исправникъ велѣлъ женѣ его ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ? И однако душой обвиненія была инсинуація что исправникъ хотѣлъ отбить жену у мужа, и что *отношенія* къ Ульянѣ были причиною его дѣйствій съ мужемъ. Извлеките изъ обвиненія ядъ этой инсинуаціи, и оно теряетъ все значеніе. Дозволительна ли инсинуація въ судебномъ обвиненіи, не только ни начесть не основанная, но даже не формулованная, и однако одушевляющая каждое слово обвинителя и сообщающая свою окраску всѣмъ обстоятельствамъ дѣла? Если судебныя власти были такъ заинтересованы „отношеніями“ г. Зографа къ Ульянѣ Пономаревой, то не нарушая ничьей стыдливости можно было бы легко дознаться было ли какое-нибудь, хотя отдаленное, знакомство между ею и исправникомъ? Видались ли они кромѣ показанныхъ трехъ разъ? Ходили ли въ городѣ какіе-либо слухи объ ихъ отношеніяхъ, какъ сторяча молвилъ у слѣдователя Пономаревъ? Напротивъ, обвинитель былъ глухъ ко всѣмъ показаніямъ отъ разнородныхъ лицъ, которыя свидѣтельствовали о противномъ и уничтожали всякій поводъ къ подозрѣнію. Изъ всѣхъ показаній явствуетъ что Пономаревъ былъ вообще крайне ревнивъ и держалъ свою жену въ залерти, и очень можетъ-быть что стаканъ чаю предложенный исправникомъ его женѣ возбудилъ его ревность. „Ужъ мнѣ было за этотъ стаканъ чаю“, говорила Ульяна на судѣ. Быть-можетъ это и побудило Пономарева подговаривать извѣстнаго въ Волчанскѣ головорѣза Чигрина подстрѣлить исправника. Все это возможно. Но гдѣ же тутъ основаніе для преслѣдованія челоуѣка уважаемаго, заслуженнаго, цѣнимаго своимъ начальствомъ, ничѣмъ въ про-

долженіе своей службы незалитаннаго? Развѣ можно формально судить, подѣ страхомъ тажкой кары, челоѣка на основаніи затаенной, не только не доказанной, но и невысказанной мысли? Развѣ такой судъ можетъ быть названъ нормальнымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ? Гдѣ же гуманность съ какою такъ патетически прокурорскій чинъ скорбѣлъ о злополучномъ Пономаревѣ? Честный, занимавшій начальственное положеніе челоѣкъ, благодаря преслѣдованію судебныхъ властей, лишился мѣста и куска хлѣба, три года состоялъ подѣ слѣдствіемъ и судомъ, съ перспективой тюремнаго заключенія и, что быть - можетъ еще тягостнѣе, подвергся диффамачіи предѣ зеркаломъ суда, который прикрывается именемъ Императорскаго Величества! Что же было причиной такого безпощаднаго преслѣдованія? Что побуждало обвинителя прибѣгать къ инсинуаціямъ завѣдомо лишеннымъ основанія и къ ораторскимъ приемамъ которые приведены выше и которые такъ мало пристойны въ залѣ судебного засѣданія? Личная ли вражда къ г. Зографу? Не думаемъ; ни изъ чего не видно чтобы между г. Зографомъ и кѣмъ-либо изъ судебныхъ чиновъ былъ поводъ къ личной враждѣ. Да едва ли одна личная вражда могла бы повести къ такимъ послѣдствіямъ и увлечь за собой все судебное вѣдомство, вмѣстѣ съ Сенатомъ? Нѣтъ, это болѣе походить на безпощадную борьбу партій, на борьбу политическую. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, тягались и мѣрлялись между собой двѣ власти, судебная и административная. Исправникъ Зографъ палъ жертвою этой борьбы. Какъ видно изъ дѣла, онъ позволялъ себѣ нѣкоторую стойкость и твердость въ отношеніи къ судебнымъ чинамъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы, въ качествѣ административнаго чина, вести себя въ отношеніи къ чинамъ судебного вѣдомства какъ можно скромнѣе, трепетать предѣ ихъ могуществомъ, благоговѣть предѣ самодержавіемъ ихъ вѣдомства. „Вы знали что Малиновскій былъ мировой судьѣ?“ спрашивалъ прокуроръ на судѣ у свидѣтеля, полицейскаго служителя Куропаты. „Зналъ“— „Почему же улорствовади такъ съ судьей?“— „Со мной они дрались, въ грудь меня били.“— „Но вы знали, прервалъ предсѣдатель, что судьѣ большая власть?“ Судѣ, вначить, можно и любить полицейскаго: судьѣ большая власть. А что было бы съ исправникомъ или даже губернаторомъ еслибъ онъ любилъ кого-нибудь изъ судебныхъ?

Въ своей рѣчи прокуроръ прямо ставитъ исправнику въ вину то что онъ осмѣлился противорѣчить мировому судѣ и не исполнить тотчасъ же его требованія. Простое слово его должно де считаться постановленіемъ, закономъ для исправника.

У насъ сложилось на практикѣ положеніе не только несогласное съ идеей какого бы то ни было государственнаго устройства, но и противное здравому смыслу. Подъ видомъ администраціи и суда, у насъ образовались двѣ политическія партіи которыя находятся между собой въ борьбѣ. Судъ у насъ не есть только судъ, администрація не видитъ себя только въ положеніи администраціи. Это два враждебные лагеря, каждый со своимъ знаменемъ, каждый руководимый своею политикой. Законодатель, устранивая судъ, конечно не имѣлъ намѣренія создать такіе два лагеря. Цѣлю его было, напротивъ, обезлечить наилучшими способами правильное, свободное ото всякаго духа партій, безпристрастное правосудіе. Не въ томъ интересъ чтобы судъ былъ независимъ отъ администраціи, а чтобы онъ былъ огражденъ отъ злоупотребленій, отъ постороннихъ вмѣшательствъ, ото всего что можетъ извратить или запугать судейскую совѣсть, и прежде всего отъ произвола самихъ судей. Когда новые суды появились, всѣ могли понимать ихъ только въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ смыслѣ можно было желать имъ успѣха. Когда они появились, старыя учрежденія были во всей своей силѣ и не охотно давали мѣсто новой власти. На первыхъ порахъ новые суды нуждались въ ободреніи. Мы, именно мы, привѣтствовали новый судъ добрымъ словомъ и поддерживали его въ занятіи принадлежащаго ему положенія. Когда обсуждалась судебная реформа, многое въ принятыхъ основаніяхъ казалось намъ невѣрнымъ и неправильнымъ, но когда реформа совершилась, мы доброжелательно встрѣтили новорожденнаго младенца, надѣясь что воспитаніе восполнитъ или исправитъ недостатки его организаціи. Теперь почти двадцать лѣтъ новому судоустройству, младенецъ выросъ и переросъ своихъ соперниковъ. Воспитанія хорошаго онъ не получилъ. Развитіе только обнаружало и усилило пороки его организаціи. Недомолвки и нѣкоторыя неясности новыхъ судебныхъ уставовъ послужили основаніемъ для возмутительной въ своей нечлѣпости доктрины о независимости судовъ отъ правительства въ его высшемъ выраженіи, о несмѣляемости судей, объ абсолютной непререкаемости окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, о

самодержавіи судебной корпораціи. Доктрина эта получила кредитъ вслѣдствіе всеобщаго упадка государственнаго духа. Она казалась, великимъ прогрессомъ, изводящимъ насъ изъ тьмы варварства на путь цивилизаціи. Судебныя установленія покрывшія своею сѣтью почти всю страну, дѣйствительно, образовали самодержавную республику въ Русскомъ царствѣ. Дѣло идетъ теперь уже не о томъ чтобы судебное сословіе было безконтрольно и независимо; дѣло сложилось такъ что эта могущественная корпорація претендуетъ подчинить себѣ правительственные органы Имперіи. Фактически оно достигаетъ этого, если не прямо то косвенно, посредствомъ тѣхъ способовъ дѣйствія какими обилеетъ ея арсеналъ, съ ея слѣдователями, адвокатами, присяжными, съ ея Сенатомъ, при закрытомъ „окѣ Царевомъ“ въ ея Сенатѣ. Въ случаяхъ столкновенія административныхъ властей съ судебными, окончательное рѣшеніе даетъ не какое-либо посредствующее и отъ нихъ равно независимое учрежденіе, но фактически сама же судебная корпорація. Присоединеніе новосозданныхъ кассационныхъ департаментовъ къ Правительствующему Сенату измѣнило его характеръ, которому соответствовало это наименованіе. Если кассационные департаменты именуется также Правительствующимъ Сенатомъ, то развѣ въ томъ смыслѣ что они составляютъ правительство судебной республики. Старый Правительствующій Сенатъ остался въ видѣ обломка: это главнымъ образомъ Первый Департаментъ, который слыветъ административнымъ въ противоположность судебнымъ. Если уже непремѣнно нужно было учреждать у насъ кассационный судъ по образцу французскаго, то и слѣдовало бы дать ему особое положеніе какъ во Франціи (*cour de cassation*), не присоединяя его къ Сенату. Печальную фигуру представляетъ теперь этотъ Первый Департаментъ, или административный Сенатъ, въ связи съ Кассационными Департаментами, которые подавляютъ его и своею численностью и своимъ самодержавнымъ значеніемъ. А въ настоящее время Правительствующій Сенатъ могъ бы имѣть особенно важную миссію. Это высшее коллегіальное учрежденіе, при хорошемъ составѣ, изъ лицъ дѣйствительно достойныхъ, заслуженныхъ и въ полномъ смыслѣ государственныхъ, учрежденіе непричастное ни къ администраціи, ни къ судамъ, могло бы служить въ настоящее время наилучшимъ регуляторомъ всѣхъ отправленій нашего государ-

ственного организма, приводить въ согласіе дѣйствія всѣхъ учреждений и разрѣшать всякіе споры между властями. Главнѣйшею функціей этихъ сенаторовъ, настоящихъ сенаторовъ, были бы ревизіонныя объѣзды, не случайныя, а регулярныя. Въ ревизію ихъ должны были бы равно входить и административныя и судебныя учрежденія, и они-то бы составляли списки неспособныхъ и неблагонадежныхъ судей, подлежащихъ смѣнѣ.

Дѣло Зографа въ маломъ видѣ представляетъ всю ненормальность нынѣшняго положенія администраціи. Административный чинъ занимаетъ ступень іерархической лѣстницы которая восходитъ до главы государства. Онъ подчиненъ своему начальству, которое и аттестуетъ его. Начальство находило дѣйствія своего подчиненнаго правильными и протестовало противъ преданія его суду. Дѣло пошло въ Сенатъ, и окончательно рѣшено въ засѣданіи Соединенныхъ Департаментовъ малочисленнаго Перваго, состоящаго отчасти изъ лицъ судебного же вѣдомства, и болѣе многочисленнаго Уголовнаго Кассационнаго, который принадлежитъ существенно къ составу судебной корпораціи и есть ея высшая инстанція, между тѣмъ какъ Первый Департаментъ только именуется административнымъ, въ администраціи же не участвуетъ. Дѣло въ сущности рѣшено судебною партіей, которая такимъ образомъ, по своему усмотрѣнію, можетъ отдавать подъ свой судъ негоднаго ей административнаго дѣятеля, и административному чину приходится такимъ образомъ работать двумъ господамъ, которые между собою тягаться...

## II.

(Изъ № 87 *Моск. Вѣд.*)

Намъ часто приходится указывать на безчинства и кривды въ нашихъ судахъ. Намъ поэтому провозглашаютъ закалатыми врагами судебного учрежденія и селятся во чтѣ бы то ни стало оградить его отъ нашихъ будто бы нападковъ.

Но зло такъ велико что наконецъ и сами органы этого учрежденія находятся вынужденными обличать его. Недавно подверглось оно рѣзкой критикѣ въ самомъ судебномъ засѣданіи Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената, при рассмотрѣніи протестовъ и жалобъ по дѣламъ Мельницкихъ и Свиридова.

Оберъ-прокуроръ Неклюдовъ обратилъ вниманіе на то что въ нашихъ судахъ оставляются безо всякаго вниманія предписанія Сената. Коснувшись далѣе того порядка въ которомъ ведутся судебныя пренія и той разнузданности слова которой щеголяютъ адвокаты, оберъ-прокуроръ сказалъ слѣдующее:

Правительствующій Сенатъ окажетъ дѣлу правосудія большую услугу разъяснивъ что подъ страхомъ личной отвѣтственности дарованная законодателемъ свобода защиты должна ограничиваться разъясненіемъ тѣхъ законовъ которые прилагаются къ винѣ подсудимыхъ, разъясненіями обстоятельствъ уменьшающихъ или совсѣмъ уничтожающихъ ихъ вину, что это положеніе защиты не даетъ ей ни права, ни основанія опорочивать лицъ къ дѣлу не привлеченныхъ. Между тѣмъ, въ настоящее время на судѣ нерѣдко случается видѣть печальное явленіе, повторяющееся чаще и чаще и состоящее въ приемахъ весьма предосудительныхъ, въ стремленіи безнравственное выставить нравственнымъ, преступленіе не преступленіемъ, искажая при этомъ законы религіи, нравственности и законы государственныя. Случается то что защита и предсѣдатели судовъ одинаково поступаютъ безтактно, дозволяя себѣ первая говорить, а послѣдніе допуская произнесеніе такихъ вещей какъ напримѣръ будто великая заповѣдь „чти отца и мать твою“ отрицается нашимъ гражданскимъ закономъ, забывая что правосудіе и религія не прощаютъ даже „помышленія лукаваго“. Дозволяютъ сравнивать преданіе суду дѣтей Мельницкаго чуть не съ пршествіемъ антихриста, забывая что правосудіе и религія запрещаютъ обкрадывать сиротъ и т. д. Страшно было бы скрывать причины которыя заставляютъ просить Сенатъ о неотложномъ разъясненіи предѣловъ правъ защиты. Въ настоящее время ни для кого не тайна что Уставы 20 ноября 1864 года подверглись публично тяжкимъ нареканіямъ, и справедливость требуетъ сказать что значительная часть этихъ нареканій вполне заслуженно падаетъ на долю защиты, приближающей къ однимъ и тѣмъ же неблагоприятнымъ средствамъ,—къ обвиненію злодѣя и стремленію во что бы ни стало, не стѣсняясь ничѣмъ, отмстить, расплатъ и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, обвинительную власть, даже самый законъ. Вотъ почему необходимо установить строгій контроль Правительствующаго Сената надъ дѣйствіями предсѣдающихъ въ засѣданіяхъ и надъ защитой...

Не вѣрнѣ ли было бы, прежде всего, установить строгій контроль надъ самимъ Правительствующимъ Сенатомъ?

Нашихъ судебныхъ безпорядковъ коснулася и одинъ изъ защитниковъ, именно г. Сласовичъ. Онъ сказалъ между прочимъ:



По настоящему дѣлу судятся не лица, не Мельницкіе, Дорвойдтъ, Гетманчукъ, судятся самъ институтъ присяжныхъ, обличаемый въ дурномъ и неправильномъ дѣйствованьи. Этотъ институтъ выросъ на нашихъ глазахъ, взлелѣвая нашими руками, на него мы молились, его мы вѣжили и чествовали, а теперь можетъ-быть будемъ собственными руками разрушать... Если признается что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, которыя однако послѣ того провозглашены невинными, то какой же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ что законъ не исполняется, что онъ не господствуетъ, что на мѣсто его ставится милосердіе гг. присяжныхъ засѣдателей; что если въ статьѣ закона написано: кто совершитъ такое-то дѣйствіе, подвергается такому-то наказанію, то надлежитъ какъ бы читать: кто совершилъ такое-то дѣйствіе и присяжнымъ засѣдателямъ угодно было признать его виновнымъ, то тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію. Такимъ образомъ дѣла долго идти не могутъ. Присяжные не располагаютъ правомъ помилуванія. Они призваны не на то чтобы проявлять высокія чувства состраданія и милосердія, а чтобы возстановлять нарушаемый законъ. Если они не будутъ исполнять своего назначенія, то самъ институтъ будетъ по необходимости замѣненъ чѣмъ-нибудь другимъ. Безъ него существовало государство многие вѣка, оно найдетъ чѣмъ его замѣнить. Съ этой точки зрѣнія смотря на дѣло, я готовъ допустить что институтъ болейъ, серьезно болейъ, что худшую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, расплинающіеся за его непогрѣшимость, что вѣщитъ его надо энергически и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ и залучена, дальнѣйшее же ея залученіе можетъ довести до необходимости ампутаціи... Я допускаю что въ пылу состязанія всякій защитникъ можетъ увлечься, можетъ произнести сорвавшіяся съ языка слова, да будетъ мнѣ позволено употребить вульгарное, но жѣткое выраженіе: можетъ обрехнуть. Но предсѣдатель обязанъ останавливать злоупотребляющія словомъ стороны. Если предсѣдатель не исполнилъ своего долга,—взыщите съ предсѣдателя. Между тѣмъ Правительствующій Сенатъ какъ будто бы не знаетъ что близорукимъ присяжнымъ дана полнота власти рѣшать и миловать; что они этою властью пользуются уже 18 лѣтъ и что они сильно вошли въ ея вкусъ. Нынѣ только возбуждается объ этомъ вопросъ, какъ будто бы впервые только Московскій судъ предоставилъ миловать подсудимыхъ присяжнымъ по дѣлу Мельницкихъ...

Да, въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ какъ будто только теперь прозрѣлъ. Иной скептикъ подумаетъ что этимъ внезапнымъ прозрѣніемъ только глаза у власти отводятся, что эти словесныя самобичеванія судебной корпораціи, эти замѣчанія и выговоры Сената серьезнаго значенія не имѣютъ, и слу-

жать какъ бы только къ тому чтобъ отклонить руку государства направленную къ серьезному исправленію зла. Мы де сами и видимъ зло, и исправляемъ его...

Корень зла не въ той или другой частности судоустройства, а въ нечеловѣческой доктринѣ самодержавія судебной корпораціи, въ ея фальшивой независимости, въ такъ-называемой несмѣняемости судебныхъ чиновъ, главнымъ образомъ въ фальшивомъ положеніи самихъ кассационныхъ департаментовъ Сената. Требуется прежде всего поставить весь судебный институтъ на его мѣсто, и лишь тогда можно заняться исправленіемъ его шабловно-французскихъ порядковъ.

Забавнымъ эпизодомъ въ этомъ спектаклѣ является напечатанный на дняхъ въ газетахъ протестъ представителей петербургской адвокатуры противъ отзыва оберъ-прокурора Неклюдова объ адвокатурѣ, и особенно забавно то что тотъ же г. Сласовичъ, который только что самъ хорошо обличалъ судебныя аномаліи и требовалъ обузданія „брехуновъ“ въ судахъ, тоже подписался подъ этимъ протестомъ, который своимъ задорнымъ пустословіемъ всего лучше характеризуетъ этихъ „брехуновъ“ и свидѣтельствуетъ о необходимости освободить нашу юстицію отъ этого зловреднаго элемента. Изъ аргументаціи этихъ господъ явствуетъ что въ священномъ дѣлѣ правосудія ложь есть существенный ингредиентъ. Выходитъ что назначеніе судовъ не въ томъ чтобы доискиваться правды и рѣшать дѣла по правдѣ, а напротивъ обманывать всѣми способами разумнѣе и гашишемъ словъ отуманивать совѣсть этихъ двѣнадцати схваченныхъ на улицѣ и подтасованныхъ партіями лицъ... Господа, вы наконецъ доведете дѣло до того что и у насъ какъ въ Америкѣ вступитъ въ силу страшный Линчевъ законъ...

Сколько мальчишества въ упрекахъ какими эти господа осылають оберъ-прокурора Неклюдова за замѣченную ими лережню въ его взглядахъ! По мнѣнію этихъ господъ, надо оставаться гаухимъ и сѣлымъ и ничему не научиться. Да тѣмъ лучше что г. Неклюдовъ обо многомъ судитъ телерь иначе если было время когда онъ мыслилъ одинаково съ этими господами, нынѣ упрекающими его въ измѣнѣ. И честь, и совѣсть, и разумъ, обязываютъ человѣка отказываться отъ своего мнѣнія при убѣжденіи въ его ошибочности. И не только слѣдуетъ отказываться отъ фальшиваго мнѣнія, но долгъ всякаго честнаго человѣка обязываетъ вооружаться тѣмъ съ

большую энергіей противъ жи чѣмъ болѣе она извѣдана имъ на собственномъ опытѣ. Доказывайте, если можете, что человѣкъ мыслить неискренне или что онъ измѣнилъ свой взглядъ къ худшему, но нѣтъ ничего глупѣе или нѣтъ ничего постыднѣе какъ закрѣпощать умъ и совѣсть человека въ товарищеской жи и застраховывать его отъ убѣжденій истины.

### III.

Моск. Вѣд. № 80.

Не разъ уже приходилось намъ указывать на то странное явленіе что возникающіе въ нашей общественной жизни вопросы часто обсуждаются и рѣшаются не на основаніи положительныхъ законовъ и указаній здраваго смысла, а въ силу произвольныхъ доктринъ „либерализма“ и „нелиберализма“. Какъ частныя такъ и должностныя лица, какъ органы „прессы“ такъ и общественныя корпораціи, иной разъ бываютъ охвачены чѣмъ-то въ родѣ умопомѣшательства. Единственную надежду въ такихъ случаяхъ приходится возлагать на правительственныя учрежденія которыя имѣютъ прямою своею обязанностию наблюденіе за порядкомъ и точнымъ примѣненіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ дѣствующихъ законоположеній. Но отъ кого же ждать спасенія если и эти учрежденія становятся на сторону не закона, а его нарушителей?

На основаніи 1 ст. нашего *Городоваго Положенія*, „городскому общественному управленію предоставляются попеченіе и распоряженія по городскому хозяйству и благоустройству“. Слѣдующія затѣмъ статьи подробно и точно опредѣляютъ все что принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства городского общественного управленія, а 9 ст. говоритъ что „городское общественное управленіе въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ своихъ не можетъ выходить изъ круга указанныхъ ему дѣлъ. Всякое постановленіе его, въ противность сего состоявшееся, недействительно“. То-есть, коль скоро Городская Дума, какъ и всякое другое подобное учрежденіе, выйдетъ изъ круга указанныхъ ей дѣлъ, то она перестаетъ быть думою, и все что ея разсыпавшіеся члены постановятъ внѣ предѣловъ компетенціи своего учрежденія, но его имеемъ, не только не можетъ быть признано дѣйствительнымъ, но и

должно подвергать виновныхъ ответственности. Если же допустить чтобъ организованное собраніе могао выходить изъ круга указанныхъ ему занятій, то почему бы залавляемъ городскихъ и другихъ собраній не предлагать на ихъ обсужденіе, напимѣрь, поведеніе и характеръ какъ частныхъ, такъ и официальныхъ лицъ, и однимъ вотировать порцаніе, другимъ похвалу? Почему этимъ собраніямъ, по выходѣ изъ круга своихъ занятій, не входить въ чужія дѣла, или не перерѣшать правительственныя мѣры?

Случаи нарушенія общественными собраніями прямого смысла закона стали у насъ повторяться въ послѣднее время такъ часто что побудили наконецъ министра Внутреннихъ Дѣлъ обратиться съ циркуляромъ (отъ 20 января 1884) къ губернаторамъ, и предложить имъ принять мѣры противъ незаконныхъ дѣйствій общественныхъ собраній.

Этотъ циркуляръ могъ бы, при всей своей скромности, произвести нѣкоторое отрезвляющее дѣйствіе на думскихъ болтуновъ еслибъ это правительственное распоряженіе не было парализовано рѣшеніемъ Перваго Департамента Правительствующаго Сената, который безапелляционно рѣшилъ что городскія думы имѣютъ полное право нарушать законъ, не только обсуждая дѣла выходящія по свойству изъ предѣловъ вѣдомства городскихъ общественныхъ учрежденій, но и трата общественныя деньги на предметы чуждые ихъ назначенію.

Осенью прошлаго года были устроены въ Петербургѣ демонстраціонныя похороны Тургенева. Расходы на этотъ якобы „либеральный“ спектакль приняла на себя Петербургская Дума, нарушивъ этимъ статьи 139 и 140 (2.086 и 2.087) Городоваго Положенія. На основаніи вышеприведенной девятой статьи Положенія с.-петербургскій градоначальникъ объявилъ недействительнымъ незаконное постановленіе Думы. Но думскіе агитаторы не успокоились: они обратились въ Присутствіе по Городскимъ Дѣламъ съ жалобой на градоначальника не допускавшаго ихъ выйти изъ закона. Какъ и слѣдовало ожидать, Присутствіе по Городскимъ Дѣламъ признало постановленіе Думы неправильнымъ и подлежащимъ отиѣнѣ. Вы думаете петербургскіе думцы оломались? Нисколько. Они привесли свою жалобу на градоначальника и Присутствіе въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената. Тутъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, черное стало бѣлымъ, незаконное законнымъ.

Во 139 (1.086) ст. *Городоваго Положенія* подробно перечисляются, въ двѣнадцати пунктахъ, всѣ предметы расходовъ которые относятся на городскія средства. Эти пункты такъ опредѣлены что подъ нихъ никоимъ образомъ расходы на Тургеневскую тризну подвести было нельзя. Слѣдующая, 140 (1.087) ст. гласитъ такъ:

*За удовлетвореніемъ указаннымъ въ статьѣ 139 потребностей, городскія средства могутъ быть употреблены, по усмотрѣнію Городской Думы, на всякіе вообще предметы относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ не противныя.*

Какіе же это предметы „относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ не противныя“? Очевидно такіе которые на основаніи ст. 2 *Положенія* принадлежатъ къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія и „изъ круга которыхъ“, на основаніи статьи 9, „городское общественное управленіе въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ выходить не можетъ.“ Это:

а) дѣла по устройству сего управленія и по городскому хозяйству;  
б) дѣла по вѣдшему благоустройству города (содержаніе улицъ, площадей, освѣщеніе и т. д.);

в) дѣла касающіяся благосостоянія городского населенія (народное продовольствіе, народное здравіе, торговля и т. п.);

г) устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ, участіе въ попомѣніи о народномъ образованіи, а также устройство театровъ, библиотекъ, музеевъ и другихъ подобнаго рода учрежденій;

д) представленіе правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользы города;

е) другія обязанности возлагаемыя закономъ на общественное управленіе.

Вотъ всѣ дѣла которыя на основаніи закона могутъ подлежать обсужденію городскихъ думъ и къ которымъ слѣдовательно, по необходимости, должны принадлежать тѣ предметы, относящіеся къ пользамъ города, „его обывателей и законамъ не противныя“, на которыя статья 140 позволяетъ думами употреблять городскія средства. Это ясно какъ Божій день, ибо одна статья закона не можетъ же безъ оговорки разрѣшать то что другая статья того же закона запрещаетъ. Если думы не могутъ обсуждать тѣхъ дѣлъ кои не поименованы въ ст. 2, то ясно что онѣ не могутъ и дѣлать постановленій о такихъ дѣлахъ, а слѣдовательно и тратить на нихъ городскія средства.

Какъ же истолковали эту простую и ясную статью *patres conscripti*? Они нашли что „празднованіе государственныхъ событій и чествованіе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, какъ содѣйствующія умственному и нравственному развитію общества, даютъ право городскимъ управленіямъ на основаніи 140 (2.087) ст. расходовать суммы изъ общественной кассы на такіе предметы.“ И вотъ, въ силу подобныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ постановилъ: „считать постановленіе Петербургской Городской Думы о принятіи на свой счетъ расходовъ по чествованію и погребенію И. С. Тургенева *правильнымъ*“.

Итакъ, демонстрація, устроенная ловкими режиссерами по поводу похоронъ Тургенева, признана Правительствующимъ Сенатомъ „предметомъ относившимся къ пользамъ города и его обывателей“, а компетенція городскихъ думъ, точно определенная Высочайше утвержденнымъ *Городовымъ Положеніемъ*, произвольно расширена Первымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената, присоединившимъ къ перечисленнымъ выше шести пунктамъ, определяющимъ предметы вѣдомства городского общественнаго управленія, еще седьмой, а именно предметы „содѣйствующіе умственному и нравственному развитію общества“. Всякій понимаетъ какую эластичностью отличается подобная фраза, и какъ легко подвести подъ нее все что угодно. При этомъ празднованіе государственныхъ событій сравнено съ чествованіемъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей по выбору и указанію думскихъ ораторовъ...

Но позвольте. Статья 140 разрѣшаетъ думами тратить городскія деньги на „предметы относящіяся къ пользамъ города и его обывателей“ только въ томъ случаѣ если всѣ *указанныя въ статьѣ 139 потребности удовлетворены*. Можетъ ли Петербургская Дума доказать что она соблюла это условіе? И позаботился ли Первый Департаментъ справиться о томъ дѣйствительно ли Петербургская Дума, удовлетворивъ всѣ потребности указанные въ ст. 139, бросила общественныя деньги на Тургеневскую демонстрацію?

Не далѣе какъ 6 февраля ревизіонная коммиссія Петербургской Думы представила городскому головѣ докладъ какъ до ревизіи отчета такъ и по порученной ей фактической ревизіи дѣятельности исполнительныхъ коммиссій и депутатовъ. Изъ этого доклада видимъ что Петербургская Дума

собираетъ съ 861 тысячи душъ составляющихъ населеніе Петербурга сумму въ 5 милліоновъ 713 тысячъ рублей. На эти средства содержится все петербургское благоустройство, и расходы на него такъ значительны что бюджетный годъ, провѣренный ревизіонною комиссіей, кончился дефицитомъ. Но можетъ-быть благоустройство Петербурга дѣйствительно образцовое? Увы! ревизіонная комиссія рисуе намъ ужасающія картины этого благоустройства. Возьмемъ для примѣра городской пріютъ для первоначальнаго призрѣнія душевно-больныхъ:

Въ низкихъ комнатахъ этого стараго, плохо выстроеннаго двухъ-этажнаго домика содержится 60 человекъ умалишенныхъ. Они живутъ въ настоящихъ кавтупкахъ по 4 и 6 кроватей въ каждой. Никакихъ приспособленій, въ виду особаго назначенія этого дома, нѣтъ. Печи обыкновенныя, такъ что сторожъ, затопивъ печку, долженъ стоять при ней, иначе больные что-нибудь сдѣлаютъ съ огнемъ. Важныхъ комнатъ двѣ на 60 человекъ, но и онѣ просто сырые, холодные чуланы; отхожія мѣста отвратительны. Ни одно окно, ни одна дверь не приспособлены къ тому чтобы служить именно въ пріютѣ для душевно-больныхъ: выбить окно, выломать дверь, истерзать себя при этомъ обломками стеколъ не представляетъ здѣсь для больного ни малѣйшаго затрудненія. Ни воздуха, ни простора, ни какого-либо удобства нѣтъ ни малѣйшаго. Такъ-называемая зала куда стакивается десятка два-три больныхъ представляетъ собою скорѣе мрачный чуланъ нежели подобіе комнаты. Нѣкоторые больные страшно кричатъ, коихъ нельзя уединить, и всѣ страдаютъ отъ всего непріятнаго что сопровождается чью-либо болѣзнь...

Одного этого примѣра изъ многихъ вполне достаточно чтобы составить себѣ понятіе о томъ имѣетъ ли Петербургская Дума право бросать чужія деньги на посторонніе, хотя бы и „либеральные“, предметы.

Рѣшеніе Сѣната уже принесло свои плоды. Петербургская Дума, торжествуя свою побѣду надъ градоначальникомъ, почувствовала потребность устроить демонстрацію противъ вышеупомянутаго циркуляра министра Внутреннихъ Дѣлъ. Для этого пригодился ей первый встрѣтившійся случай. Въ Петербургъ пріѣхалъ для постановки своей пьесы нѣмецкій писатель г. Шпильгагенъ. Городская Дума дѣлаетъ этотъ пріѣздъ предметомъ своихъ обсужденій, и рѣшаетъ что городской голова, его товарищъ и членъ управы должны встрѣтить г. Шпильгагена на вокзалѣ желѣзной дороги и затѣмъ привѣтствовать его на театральныхъ подмосткахъ во время представ-

ленія лѣсы. Безсмысліе этого постановленія было до того очевидно что весь Петербургъ захоталъ.

Но думскіе „интеллигенты“ крѣпко ухватились за свою геніальную мысль: съ одной стороны причислить Шпильгагена „къ своимъ“, а съ другой, сыграть непріятную шутку градоначальнику и министру. Настали въ Думѣ бурныя засѣданія: гласные блиставшіе почти всегда своимъ отсутствіемъ когда дѣло шло о прамыхъ ихъ обязанностяхъ, то-есть о благоустройствѣ города, \* собрались въ полномъ составѣ чтобы, позабывъ о мостовыхъ и больницахъ, болтать о политическомъ достоинствѣ нѣмецкаго писателя и о томъ, просто ли его привѣтствовать (по предложенію г. Михельсона), или предложить ему посѣтить скотобойни (по предложенію г. Стасюлевича), или же, наконецъ, соединить привѣтствіе со скотобойнями (по предложенію г. Лихачева).

Въ концѣ концовъ было принято постановленіе на основаніи котораго городская депутація, имѣя во главѣ городского голову г. Глазунова, отправилась на квартиру къ изумленному г. Шпильгагену чтобы сказать ему какія-то привѣтственныя фразы. Хорошее мнѣніе составилъ себѣ нѣмецкій писатель о русскихъ думахъ, о Россіи! Правда, на этотъ разъ Дума не тратила городскихъ денегъ на свою затѣю, за то она оерамила Россію.

Но кто же теперь призоветъ ошалѣвшихъ думцевъ къ порядку? Петербургскій градоначальникъ? Едва ли. Его къ этому, правда, обязываетъ законъ и недавній циркуляръ министра, но что ему за охота снова получить отъ *Правительства* Сената „репримандъ неожиданный“ за то что онъ дѣйствовалъ по закону и исполнялъ требованія правительства?

\* „Засѣданія думы идутъ вяло, апатично, текуція дѣла откладываются до безконечности, гласныхъ собирается среднимъ числомъ меньше четвертой части всего состава, и только выборы съ назначеніемъ окладовъ и вообще дѣла лично для гласныхъ безвыгодныя привлекаютъ вниманіе послѣднихъ. Еще въ 1875 году въ Думѣ былъ возбужденъ вопросъ объ абсентеизмѣ гласныхъ. Особая коммиссія избранная Думой по этому поводу нашла что „нѣкоторые гласные, въ теченіе двухъ лѣтъ со времени ихъ избранія, не были ни въ одномъ засѣданіи, нѣкоторые были только по разу или по два. Коммиссія нашла единственное средство—ходатайствовать о разрѣшеніи разсматривать дѣла независимо отъ количества явившихся гласныхъ—другими способами, узаконить незаконную *нелѣпу гласныхъ*“. (Новости № 61).



Да наконецъ, скажите, способно ли такое учрежденіе какъ Городская Дума, составленная для извѣстныхъ цѣлей, заботиться объ умственномъ развитіи общества? Не грубая ли ложь возбуждать вопросъ напримѣръ о достоинствахъ литератора, поэта, художника въ Городской Думѣ, состоящей изъ лицъ вовсе не подготовленныхъ и не призванныхъ къ обсужденію подобныхъ вопросовъ, лицъ почтенныхъ, но нерѣдко полуграмотныхъ? Можетъ ли законъ, можетъ ли правительство, можетъ ли, наконецъ, здравый смыслъ и честное чувство дозволить чтобы людей официально дурачили? Не значить ли дурачить людей, притомъ официально, заставляя ихъ судить по вопросамъ о которыхъ они никакого сужденія имѣть не могутъ?

Кто же въ сущности тратитъ городскія деньги на умственное и нравственное развитіе общества? Гласные ли Думы или негласные вожаки, принявшіе на себя заботу о нашемъ нравственномъ и умственномъ воспитаніи?

Тургеневская гримаса свидѣтельствуетъ о быстротѣ съ какою совершается нашъ прогрессъ, то-есть наша катавасія (отъ греческаго *κατάβασις*). Уми этотъ даровитый писатель дѣтъ за десять предъ симъ, могло ли бы тогда состояться подобное зрѣлище? А литературный талантъ Тургенева былъ тогда въ полной силѣ, его лучшія повѣсти и разказы были тогда уже написаны; но онъ былъ тогда въ олапѣ, да и правительство такъ торжественно хоронившее его не вступало еще тогда въ должность. Тогда это новое правительство только еще забирало силу и могло дѣйствовать только излодгишка. Теперь оно господствуетъ, смѣняя повсюду старую, сконфуженную, уходящую власть, и надо всѣми публичными мѣстами водружая свой флагъ и прибывая щиты съ *мадьярски ми надписями*. Между тѣмъ, покойный Тургеневъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, ничего не прибавившей къ его литературной славѣ, успѣлъ выслужиться предъ новыми властями, выслужиться нелитературными произведеніями, но доблестнымъ переходомъ отъ стараго правительства къ новому. За свои гражданскія заслуги онъ былъ награжденъ отъ новыхъ властей почестами при жизни и еще болѣе по смерти. Хоронили его не какъ литератора, а какъ спасителя отечества, какъ народнаго героя, котораго имя съ благословеніями произносится равно и въ раззолоченныхъ палатахъ, и подъ соломенною крышей, и въ средѣ литературной, и между безграмотнымъ людомъ, не только

въ обществѣ любителей русской словесности при предсѣдателѣ Юрьевѣ и секретарѣ Гольцевѣ, но и въ сословіяхъ Русскаго народа, въ городскихъ думахъ, судебныхъ установленіяхъ, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ старое правитель-ство въ былые годы, когда было въ силѣ, выскло бы ученика лойманнаго на чтеніи цвѣхъ повѣстей и разказовъ Тур-генева. Трizza по Тургеневѣ не была свободнымъ выраженіемъ чувства цѣнителей литературы. Это было дѣломъ офи-ціальнаго свойства. Это было дѣломъ правительства,—только какого?

Въ самомъ дѣлѣ, что случилось? Умеръ писатель, оставив-шій рядъ произведеній отличающихся артистическою тон-костью отдѣлки, живописавшій нравы искусственной общест-венной среды, изображавшій большею частію типы людей вычурныхъ и ломавыхъ и фазы нашей худосочной, патоло-гической, пораженной психозомъ интеллигенціи, и вотъ Россій-ская Имперія облачается въ трауръ, звонитъ во всѣ колокола и является въ лицѣ своихъ официальныхъ представителей съ вѣнками и значками присутствовать при печальной про-цессіи похоронъ. Что означаетъ это явленіе? То ли что весь Русскій народъ, который упрекается въ невѣжествѣ и варвар-ствѣ, вдругъ превратился въ гастронома эстетики? Или то что организованныя учрежденія и общества были вызваны на тор-жественную демонстрацію правительствомъ,—но какимъ?

Summ cuique. Государству все обязательное, свободному творчеству свободное чествованіе. Достоинно чествовать уче-наго, мыслителя, поэта, художника, могутъ только люди спо-собные цѣнить ихъ произведенія и во всякомъ случаѣ не офици-ально, а свободно. А официальные всенародныя демонстраціи могутъ быть только дѣломъ правительства. Только оно мо-жетъ и вызывать и организовать общественныя демонстраціи. Какое же правительство организуетъ у насъ общественныя демонстраціи, и къ какой правительственной системѣ при-надлежитъ Правительствующій Сенатъ, разрѣшающій гг. Се-мевскимъ, Стасюлевичамъ, Михельсонамъ, тратить городскія деньги на наше умственное и нравственное воспитаніе?

Моск. Вѣд. № 86.

Во вчерашнемъ, сегодня приедемъ сюда, номеръ *Правительственнаго Вѣстника* напечатано слѣдующее, изумившее насъ, сообщеніе:

Въ передовой статьѣ № 80 газеты *Московскія Вѣдомости* говорится о состоявшемся въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, *безапелляционно*, рѣшеніи, которымъ признано правильнымъ постановленіе Петербургской Городской Думы о принятіи на свой счетъ расходовъ по чествованію и погребенію И. С. Тургенева, причемъ, по свидѣтельству упомянутой газеты, рѣшеніе это было основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: „празднованіе государственныхъ событій и чествованіе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, какъ содѣйствующія умственному и нравственному развитію общества, даютъ право городскимъ управленіямъ, на основаніи 140 (2.087) ст., расходовать суммы изъ общественной кассы на такіе предметы“.

Сообщенныя *Московскими Вѣдомостями* свѣдѣнія не вѣрны. Во-первыхъ, Правительствующимъ Сенатомъ не постановлено окончательнаго рѣшенія по дѣлу о которомъ говорится въ № 80 *Московскихъ Вѣдомостей*. Во-вторыхъ, проектъ опредѣленія Перваго Департамента Правительствующаго Сената по сему дѣлу, подлежа еще дальнѣйшему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ соображеній и разсужденій которыя приведены въ статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Опроверженіе это не могло не изумить насъ, хотя мы и привыкли ко всякаго рода странностямъ. Намъ поставляется въ упрекъ сообщеніе будто бы невѣрныхъ свѣдѣній о рѣшеніи Сената по дѣлу о расходованіи Петербургскою Городскою Думою общественныхъ денегъ на похороны Тургенева, между тѣмъ какъ *Московскія Вѣдомости* были *единственною* газетой въ которой не сообщалось *никакихъ* свѣдѣній по этому предмету, въ то время какъ всѣ русскія газеты сообщали именно тѣ свѣдѣнія которыя таксируются въ вышеприведенномъ опроверженіи *невѣрными*.

Почти за мѣсяцъ до появленія нашей статьи, во всѣхъ русскихъ газетахъ, 27 и 28 февраля, появилось слѣдующее дословно тождественное и по тону какъ бы официальное сообщеніе:

Въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената на этихъ дняхъ разсматривалась одна частная жалоба, разрѣшеніе которой выдвинуло и разъяснило весьма важный въ принципиальномъ отношеніи вопросъ о правѣ расходованія городскими общественными управленіями суммъ на предметы не имѣющіе характера спеціально мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Поводомъ къ возбужденію упомянутого дѣла послужило постановленіе Петербургской Городской Думы о чествованіи памяти покойнаго И. С. Тургенева погребеніемъ послѣдняго на счетъ города. Такое постановленіе Думы было протестовано с.п.

тербургскимъ градоначальникомъ, который находилъ что городское управленіе не имѣетъ права расходовать суммы на предметы не имѣющіе характера „мѣстныхъ нуждъ“. Городская Дума обратилась по этому поводу съ отношеніемъ въ Присутствіе по городскимъ дѣламъ, но послѣднее признало постановленіе Думы неправильнымъ и подлежащимъ отмятѣ. Въ виду такого рѣшенія Присутствія по городскимъ дѣламъ, Петербургская Дума принесла жалобу въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената.

Остановившись на ст. 2.087 Городоваго Положенія, гласящей что „за удовлетвореніемъ указанныхъ въ предыдущей статьѣ потребностей городскія средства могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію Городской Думы, на всякіе вообще предметы относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ непротивныя“,—Первый Департаментъ Сената нашелъ что *празднованіе государственныхъ событій и чествованіе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, какъ содѣйствующія умственному и нравственному развитію общества, даютъ право городскимъ управленіямъ, на основаніи 2.087 ст., расходовать суммы изъ общественной кассы на такіе предметы*. Въ силу вышеупомянутыхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ постановилъ: *считать постановленіе Петербургской Городской Думы о принятіи на свой счетъ расходовъ по чествованію и погребенію И. С. Тургенева—правильнымъ*.

*Московскія Вѣдомости* не только не перепечатали этого сообщенія, но ни слова не упоминали о Сенатскомъ рѣшеніи. Намъ показалось это *торжествующее* сообщеніе преждевременнымъ и, признаемъ, мы дѣйствительно полагали что заключающіяся въ немъ свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны.

Черезъ двѣнадцать дней, 10 марта, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ передовой статьѣ, возобновлена была рѣчь объ упомянутомъ Сенатскомъ рѣшеніи, причемъ сказано:

Недавно Дума выиграла въ Сенатѣ дѣло, возбужденное ею по случаю протеста градоначальника противъ правильности расхода городскихъ суммъ на чествованіе похоронъ И. С. Тургенева. Расходъ состоялся въ силу того соображенія что на Думѣ лежитъ забота не только о матеріальныхъ путяхъ и водопроводахъ, но и о духовныхъ каналахъ жителей Петербурга и о нравственномъ ихъ развитіи. Сенатъ отклонилъ протестъ градоначальника.“

Затѣмъ прошло еще около двухъ недѣль, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* попрежнему не было ни одного слова объ этомъ предметѣ. Мы все ждали разъясненія въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. № 80 нашей газеты, гдѣ появилась статья о Сенатскомъ рѣшеніи, вышелъ 21 марта, то-есть на 24 день послѣ того какъ всѣ русскія газеты въ одинъ годъ протруби-

ли тѣ свѣдѣнія которыя вдругъ теперь *Правительственный Вѣстникъ* объявляетъ невѣрными приписывая ихъ намъ. Зачѣмъ же онъ почти цѣлый мѣсяцъ оставялъ лублику подъ гнетомъ этихъ свѣдѣній? Если въ началѣ мы сомнѣвались въ нихъ, то эти, по прошествіи столь долгаго времени, не опровергнутыя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* свѣдѣнія мы не могли не считать вѣрными, а признавъ вѣрными не могли не высказаться противъ возмутительной аномаліи на которую они указывали. Еслибы Сенатское рѣшеніе не было основано на тѣхъ странныхъ соображеніяхъ которыя сообщались во всѣхъ газетахъ, то какъ же могъ бы умолчать объ этомъ *Правительственный Вѣстникъ*, который такъ быстро отозвался на нашу статью. Что должна подумать лублика? Она естественно подумаетъ что въ Сенатѣ теперь только, послѣ нашей статьи, спохватились что дѣло вышло не ладно.

Сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника* придаетъ какое-то особое значеніе слову *безапелляціонно*, которое проскользнуло въ нашей статьѣ. Но слово это, очевидно, употреблено было нами не въ точномъ своемъ смыслѣ, такъ какъ Первый Департаментъ Сената не есть судебная инстанція, на рѣшенія которой подаются апелляціонныя жалобы. Тѣмъ же менѣе мы имѣли полное право считать рѣшеніе о которомъ идетъ рѣчь окончательно состоявшимся; ибо во всѣхъ газетахъ было сообщено, а въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* не было опровергнуто, что Сенатъ, вопреки протесту градоначальника, призналъ постановленіе Думы правильнымъ. Да наконецъ, сила не въ томъ будетъ ли отмѣнено или измѣнено это рѣшеніе; печальный интересъ этого дѣла заключается въ томъ что Первый Департаментъ Правительствующаго Сената нашелъ правильнымъ чтобы приставленныя къ общественной кассѣ лица распорядились ею по своему произволу, не стѣсняясь опредѣленіями закона.

#### IV.

*Моск. Вѣд. № 13.*

Теперь на ближайшей законодательной очереди находится вопросъ великой для Россіи хозяйственной важности, именно вопросъ о наложеніи лошадины на привозный изъ-за границы каменный уголь. Вопросъ этотъ, разсматривавшійся

въ тарифной комиссіи, поступилъ или вскорѣ поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ прошедшемъ году, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра Государственныхъ Имуществъ по горной части за 1881 годъ, было указано на печальное положеніе нашей горной промышленности. „Въ концѣ прошлаго и даже въ началѣ текущаго столѣтія, говоритъ отчетъ, Россія играла на западно-европейскихъ рынкахъ роль первенствующаго поставщика продуктовъ минеральнаго царства, и по общему количеству своего производства въ этомъ отношеніи стояла въ одномъ ряду съ другими первоклассными державами.“ Такъ было прежде, а „нынѣ, какъ поставщикъ металловъ и минераловъ, за исключеніемъ золота, Россія занимаетъ на всемірномъ рынкѣ ничтожное мѣсто“, уступая по размѣру производительности даже такого металла какъ желѣзо маленькой Бельгіи; между тѣмъ, при обиліи желѣзной руды и каменнаго угля у насъ могла бы развиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ горнозаводская промышленность. Ее подавляетъ иностранная конкуренція, которая пользуется исключительно для нея благоприятными условіями. Вотъ какими словами характеризуетъ печальные результаты этой конкуренціи докладная записка уполномоченныхъ отъ VII съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. „Имѣя свои источники минеральнаго топлива, неисчерпаемые по количеству, не уступающіе лучшимъ сортамъ иностранныхъ углей, мы потребляемъ около 33% иностраннаго угля, который можетъ быть въ значительной степени замѣненъ туземнымъ. Донецкій каменноугольный бассейнъ, въ силу своего географическаго положенія, долженъ былъ бы давно снабжать своимъ углемъ весь Черноморскій бассейнъ, а между тѣмъ тамъ свободно продается ежегодно до 20.000.000 пудовъ иностраннаго угля. Имѣя подъ руками свои источники топлива мы платимъ ежегодно до 5 милліоновъ рублей серебромъ только за иностранный уголь въ Черномъ Морѣ, перевоза его даже внутрь страны по льготнымъ тарифамъ и дѣлая всяческія затрудненія для сбыта своего угля. Не ограничиваясь распространеніемъ въ пограничной лодосѣ и на прибрежьяхъ Чернаго Моря, иностранный уголь съ одной стороны проницъ до Кіева, съ другой—до Москвы.“

Донецкій уголь „не уступающій лучшимъ сортамъ иностранныхъ углей“ не можетъ съ ними конкурировать даже въ

Москвѣ, центрѣ Россіи! Какъ, скажутъ, англійскій уголь, выдержавъ столь дальній провозъ, можетъ продаваться въ Москвѣ по цѣнѣ низшей противъ Донецкаго? Можно подумать что тутъ есть что-нибудь не ладное: или нашъ уголь ниже качествомъ, или же каменноугольные промышленники, помышляя только о своей наживѣ, заламываютъ за свой уголь страшныя цѣны, почему де и несутъ должную кару въ неуслѣбности сбыта.

Для правильной оцѣнки дѣла рассмотримъ условія доставки на мѣста потребленія какъ русскаго такъ и иностраннаго минеральнаго топлива, на основаніи точныхъ, собранныхъ нами, свѣдѣній.

\* Средняя стоимость каменнаго угля на коляхъ Донецкаго бассейна, съ погашеніемъ капитала и покрытіемъ расходовъ на администрацію, равняется minimum 4 коп. за лудъ. Средняя стоимость доставки отъ колеи къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ равняется 1 коп. (при гужевои доставкѣ); аренда, хранение угля на складахъ, 0,5 коп. Следовательно, уголь доставленный на станцію желѣзной дороги стоить русскому производителю 5½ коп., а съ прибавленіемъ 1 коп. налоговъ подробно исчисленныхъ въ докладной запискѣ уполномоченныхъ VIII съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи, 6½ к. Принимая во вниманіе что затрата капитала на каменноугольную промышленность сопряжена въ настоящее время съ рискомъ болѣе значительнымъ въ сравненіи съ другими предпріятіями, что потому нормальная прибыль должна быть не менѣе 15%, и что только при этомъ можно считать обезпеченными существующія предпріятія, то уголь долженъ продаваться среднимъ числомъ по 7½ коп. за лудъ \*.

Чтобы достигнуть Москвы донецкій каменный уголь долженъ выдержать отъ 1.050 до 1.150 верствъ рельсоваго пути.\*\*. Въ концѣ истекшаго года состоялось давно просимое горнопромышленниками пониженіе тарифа на донецкій уголь при перевозкѣ въ Москву по дорогамъ Курско-Харьково-Азовской и Московско-Курской до 1/70 коп. съ лудоверсты; дѣлая раз-

\* Докладная Записка Уполномоченныхъ VIII Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи, стр. 3.

\*\* 502 версты по Московско-Курской дорогѣ, отъ 500 до 600 верствъ по Курско-Харьково-Азовской и до 50 верствъ по Донецкой каменноугольной.

четь по этому тарифу, получимъ стоимость доставки въ Москву пуда донецкаго угля отъ 15 до 16½ коп. Продажная цѣна его въ Москвѣ будетъ слѣдовательно отъ 22½ до 24 к. пудъ. Въ виду конкуренціи съ англійскимъ углемъ, донецкими углепромышленниками нынѣ заявлена цѣна углю въ Москвѣ 22 до 23 коп. пудъ.

Иностранный уголь на мѣстахъ производства стоить конечно не дороже русскаго, т.е. 4 коп. пудъ, и не несетъ тѣхъ повинностей которыми обложенъ русскій уголь; потому, если переведемъ 4 коп. мет. на кредитную валюту, то стоимость пуда иностраннаго угля выразится около 6½ коп. кред.; прибавляя къ этому барышъ производителя, получимъ 7½ коп. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ что мы привяли слишкомъ высокую цифру для стоимости иностраннаго угля; каменноугольное дѣло за границей началось уже давно и успѣло прочно установиться, а естественно что съ развитіемъ производства понижается цѣнность его продуктовъ, слѣдовательно стоимость пуда иностраннаго угля будетъ ниже 7 коп. Однако допуская что русскій и иностранный стоятъ одинаково на мѣстахъ производства, мы остаиваемся на этомъ положеніи и не принимаемъ въ расчетъ льготныя условія иностранной промышленности.

Доставка англійскаго каменнаго угля въ Петербургъ на парусныхъ судахъ обходится отъ 1 р. 90½ к. (изъ Глазго въ іюль), до 3 р. 68 к. (изъ Ливерпуля въ іюль) за тонну и на пароходахъ отъ 2 р. 32 к. до 3 р. 52 к. (изъ Гримсби въ сентябръ и октябръ), что обойдется отъ 4½ до 4¾ коп. на пудъ.\* Слѣдовательно, англійскій уголь можетъ продаваться въ Петербургѣ дешевле 12 коп. пудъ. По Николаевской желѣзной дорогѣ передвигающей громадное количество громоздкихъ грузовъ къ Петербургу и получающей сравнительно незначительное количество грузовъ изъ Петербурга, каменный уголь перевозится въ Москву по весьма низкому тарифу: для дороги выгоднѣе везти обратный грузъ по  $\frac{1}{87}$  и даже по  $\frac{1}{100}$  нежели передвигать пустые вагоны, и Николаевская дорога беретъ за провозъ иностраннаго угля въ Москву отъ 6 до 7 коп. съ пуда и можетъ безъ убытка для себя брать еще меньше. Иностранный каменный уголь можетъ, слѣдовательно, продаваться въ Москвѣ отъ 18 до 19 коп. пудъ. Возможна ли при

\* См. *Обзоръ Внѣшней Торговли* за 1881 годъ, стр. 657—659.



такихъ обстоятельствахъ донецкому углю свободная конкуренція съ беспошлиннымъ иностраннымъ даже на московскомъ рынкѣ?

Если способствовать развитію каменноугольнаго дѣла исключительно пониженіемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, то такая система ляжетъ новою тягостю на государственное казначейство, не обезпечивая въ то же время положенія горнопромышленниковъ чтобы они могли развивать производство и чрезъ то удешевлять его продукты. Понижая желѣзнодорожные тарифы, правительство будетъ уменьшать этимъ средства дороги и слѣдовательно отнимать часть ихъ провозной силы, а между тѣмъ для перевозки такого громоздкаго продукта какъ каменный уголь требуются большія перевозочныя средства, значительный подвижной составъ. Горнопромышленники едва ли рискнутъ затрачивать новые капиталы если не будутъ увѣрены что желѣзныя дороги всегда могутъ удовлетворить цѣхъ требованіямъ по перевозкѣ значительныхъ грузовъ на мѣста спроса.

При увеличеніи разработки каменнаго угля дѣна на этотъ продуктъ будетъ постепенно понижаться, минеральное топливо будетъ дешевѣть вслѣдствіе конкуренціи между производителями. Таблицы приведенныя въ докладной запискѣ уполномоченныхъ VII съѣзда показываютъ что дѣна русскаго угля съ каждымъ годомъ понижается, тогда какъ дѣны иностраннаго угля болѣе стремятся къ повышенію. При расширеніи сбыта, что можетъ быть достигнуто только ограниченіемъ иностранной конкуренціи, усилится разработка каменнаго угля и неразрывно связанное съ нимъ пониженіе дѣны на этотъ продуктъ. Вмѣстѣ съ пониженіемъ дѣны на уголь понизятся и желѣзнодорожные тарифы. Когда дороги будутъ увѣрены что могутъ разчитывать на постоянные, регулярно идущіе каменноугольные грузы, пробѣгающіе значительныя пространства, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ будутъ дорожить этими грузами, позаботятся о заготовленіи необходимаго подвижнаго состава, а для большаго привлеченія грузовъ найдутъ возможнымъ понизить свои тарифы.

Въ тарифной комиссіи неопровержимыми фактами доказана необходимость обложенія иностраннаго каменнаго угля пошлиной. Едва ли какой вопросъ былъ рассмотрѣнъ такъ детально какъ пошлина на иностранный каменный уголь. Четыре дня комиссія экспертовъ отъ производителей и по-

требителей, въ числѣ около семидесяти человекъ, была занята всестороннимъ обсужденіемъ положенія русской каменноугольной промышленности и проектируемой мѣры къ ея развитію, именно пошлины на уголь. Въ засѣданіяхъ коммиссіи, на основаніи цифровыхъ данныхъ, была доказана полная возможность замѣнить ввозъ на 8 милліоновъ рублей, то-есть половину ввозимаго въ Россію иностраннаго угля, своимъ туземнымъ; была выяснена возможность теперь же доставлять на рынки занятые иностраннымъ углемъ уголь русскій по цѣнамъ болѣе или менѣе равнымъ углю иностранному; были опровергнуты опасенія будто съ наложеніемъ пошлины поднимутся цѣны на русскій уголь: сильная внутренняя конкуренція не допуститъ до этого; было выяснено благотворное вліяніе которое окажетъ торговля русскимъ углемъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ на развитіе пароваго каботажнаго флота; были опровергнуты всѣ доводы будто прекращеніе привоза иностраннаго угля невыгодно отзовется на нашей вывозной торговлѣ. Словомъ, не осталось ничего не яснаго, не доказаннаго въ вопросѣ о необходимости наложенія пошлины на привозный уголь, и должно сознаться что коммиссія какъ нельзя болѣе удачно исполнила порученную ей задачу, не оставивъ безъ подробнаго разбора ни одного пункта касающагося нашей каменноугольной промышленности.

Нельзя однако пропустить молчаніемъ нѣкоторые характерные факты изъ засѣданій коммиссіи экспертовъ, факты полученные нами изъ достовѣрнаго источника. Надо замѣтить что членскій перевѣсъ въ составѣ коммиссіи былъ на сторонѣ не производителей, а потребителей каменнаго угля, представителей разныхъ фабрикъ и заводовъ Балтійскаго побережья, работающихъ исключительно на иностранномъ углѣ и нугунѣ. Нѣкоторые изъ этихъ экспертовъ явились прямо отъ себя, большинство же въ видѣ представителей биржевыхъ комитетовъ С.-Петербургскаго, Рижскаго, Либавскаго и Варшавскаго, владѣльцы предприятий свившихъ себѣ гнѣздо на берегахъ Балтійскаго моря благодаря, всѣмъ имѣющимъ здѣсь искусственнымъ выгодамъ и преимуществамъ; или же это были представители филиальныхъ отдѣленій иностранныхъ заводовъ, такъ быстро распространившихъ свою дѣятельность въ Ригѣ, Либавѣ, Петербургѣ, Варшавѣ. Всѣ эти господа доказывали необходимость безпошлиннаго ввоза не

только угля, чугуна, но и всего что только имъ требуется на берегахъ Балтійскаго моря. Они не желали понять что въ комиссію шла рѣчь не объ ихъ частныхъ выгодахъ, а о развитіи русской промышленности, и только этимъ и можно объяснить что одинъ изъ представителей Рижско-Либавско-Ревельской депутаціи предоставляетъ облагать пошлиной все во всей Россіи, только де не въ Остзейскомъ краѣ. Намъ передаютъ что когда зашла въ комиссію рѣчь о наложеніи пошлины на чугунъ, то одинъ изъ представителей Либавы протестовалъ, говоря что въ Ригу ввозится до 2.200.000 пуд. чугуна и вздорожаніе его можетъ де подорвать заводскую промышленность Риги. По изслѣдованію же оказалось что изъ этихъ 2.200.000 пудовъ, 2 милліона идутъ исключительно для Брянскаго передѣлочнаго завода въ Орловской губерніи и только 200.000 пудовъ остаются въ Ригѣ и потребляются преимущественно однимъ изъ филиальныхъ отдѣленій иностранныхъ заводовъ.

Одинъ изъ представителей Петербургскаго Биржеваго Комитета, ратуя противъ пошлины, дошелъ до того что выразилъ удивленіе какъ могъ подняться вопросъ о пошлинѣ на уголь, который де то же самое что камень. Интересенъ былъ и представитель Одессы, который на всѣ факты приводимые углепромышленниками въ защиту пошлины отвѣчалъ: „это одна фантазмагорія“. Весьма оригинальный пріемъ употребили депутаты балтійскихъ провинцій: протестуя противъ пошлины, они краснорѣчиво говорили „о нуждахъ Русскаго народа“, которыя требуютъ де безпошлиннаго привоза иностраннаго угля, исключая въ то же время свой Балтійскій край изъ Россіи. Такая неожиданная заботливость „о нуждахъ Русскаго народа“ должна бы, казалось, тронуть чисторусскихъ экспертовъ, представителей Московскаго, Иваново-Вознесенскаго и другихъ биржевыхъ комитетовъ центральной Россіи. Однако эти представители оказались непоколебимы и подкрѣпляя свои соображенія вѣскими данными, упорно отстаивали необходимость обложенія иностраннаго угля пошлиной, предлагая эту мѣру какъ единственную которая вполнѣ можетъ обезпечить развитіе горнопромышленнаго дѣла въ Россіи.

## V.

Моск. Вѣд. № 58.

Послѣ злодѣянія 1 марта правительство наше, какъ сообщали въ свое время иностранныя, а съ ихъ словъ и русскія газеты, обратилось къ державамъ съ предложеніемъ принять совмѣстныя мѣры противъ злоумышленниковъ, но предложеніе это было встрѣчено непріязненно во всѣхъ почти государствахъ кромѣ Германіи. Въ европейской печати, въ особенности газетахъ англійскихъ и отчасти австрійскихъ, на Россію посыпалась брань за выраженное ею желаніе принять нѣкоторыя мѣры къ стѣсненію „священныхъ правъ“ политическихъ убійцъ, а венгерскія газеты, въ числѣ ихъ близко стояція къ правительству, съ лѣвой у рта возвѣщали что иностранныя державы никогда не согласятся быть „жандармами Россіи“, такъ какъ это противорѣчитъ де законамъ этихъ странъ. Съ одной стороны, шумъ поднятый газетами, а съ другой, быть-можетъ недостаточно энергическое дѣйствіе самой Россіи повели къ тому что „священное право убѣжища“ осталось неприкосновеннымъ, и злоумышленники разныхъ странъ продолжали спокойно разгуливать по улицамъ Лондона и Женева (впрочемъ, также и на берегахъ Невы).

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Англія, отбиваясь отъ феніевъ, сама протестуетъ противъ „священнаго права убѣжища“, которое находятъ они въ Сѣверной Америкѣ. Въ Австріи злоумышленники умертвили двухъ полицейскихъ чиновниковъ да одного банкира съ цѣлью ограбленія, и вотъ послушайте какъ заговорили теперь австрійскія газеты.

Одинъ изъ официозныхъ вѣнскихъ органовъ, газета *Presse*, вышла надняхъ съ передовою статьей въ коей самымъ рѣзкимъ образомъ порицаетъ Швейцарію, гдѣ скрывается большинство „политическихъ“ преступниковъ. „Притонъ анархистовъ въ Швейцаріи, пишетъ *Presse*, въ виду послѣднихъ событій (въ Лондонѣ и Вѣнѣ) привлекаетъ на себя вниманіе всей Европы, и Швейцарцы найдутъ весьма естественнымъ если правительства тѣхъ государствъ коимъ угрожаетъ опасность отъ анархистовъ рѣшатся наконецъ подвергнуть нѣкоторому пересмотру швейцарское право убѣжища. Швейцарія играетъ для континентальныхъ державъ Европы ту же роль что Сѣверная Америка для Англій; она центръ преступной агитаціи, тамъ анархисты готовятъ свои губительныя

покушенія и изготовляют орудія разрушенія; туда же они возвращаются если имъ удастся избѣжать кары закона. Теорія убійствъ и поджоговъ проповѣдуется тамъ съ крыше домовъ, а власти тѣмъ не менѣе не рѣшаются принять мѣръ къ ограниченію свободы слова; публика состоитъ главнымъ образомъ изъ иностранныхъ рабочихъ, агитаторами выступаютъ иностранцы же, и весьма вѣроятнымъ кажется предположеніе что въ долуженіи агитаціи противъ иностранныхъ державъ швейцарскія власти усматриваютъ залогъ безопасности для самихъ себя, такъ какъ злоумышленники не будутъ де отпиливать вѣтвь на которой угнѣздились. Одна и та же политика безсовѣстнаго эгоизма даетъ убѣжище какъ русскимъ нигилистамъ, такъ и французскимъ коммунарамъ и обезпечиваетъ имъ возможность составлять свои заговоры“. Изъ этого, по словамъ газеты, очевидно что ссылка швейцарскихъ властей на то что у нихъ, въ странѣ свободы, нѣтъ покушеній, и что таковыя случаются лишь въ большихъ монархіяхъ, лишена основанія. „Швейцарское право убѣжища, лишить далѣе *Presse*, еще имѣло нѣкоторый смыслъ пока дѣло шло о чисто-политическихъ проступкахъ; но теперь для всѣхъ очевидно что покушенія анархистовъ суть преступленія противъ личности и собственности. Грабежи, динамитныя покушенія и даже убійство полицейскихъ не могутъ быть никѣмъ сочтены за политическія дѣла“. Газета справедливо замѣчаетъ далѣе что изъ Швейцаріи рассылаются въ разныя страны эмиссары убійства, что тамъ находится арсеналь гдѣ изготовляется настоящій и политическій динамитъ.

Мы привели подробно содержаніе статьи вѣнской *Presse*. Но послѣднія событія въ Австріи повели къ гораздо болѣе важнымъ результатамъ чѣмъ простая перемѣна въ возрѣніяхъ газетъ. Какъ сообщаютъ берлинскія газеты, Австро-Венгрія готовится предложить державамъ проектъ учрежденія особой международной полиціи для строгаго наблюденія за дѣйствіями анархистовъ, и будетъ настаивать на ограниченіи права убѣжища. Что предложенія эти будутъ приняты другими державами, это косвенно подтверждается и тѣмъ фактомъ что въ Швейцаріи, въ послѣдніе дни, арестованы двое изъ выдающихся анархистскихъ вожаковъ, причемъ у одного изъ нихъ, по слухамъ, найденъ весь планъ организаціи интернаціоналки. Швейцарскія власти, почувавъ атаку, повидимому готовы сами измѣнить свой прежній образъ дѣйствій относительно анархистовъ.

Моск. Вѣд. № 81.

Недавно, именно 12 марта, начальникъ лондонской полиціи, г. Говардъ, въ разговорѣ съ сотрудникомъ газеты *Voltaire*, сказалъ: „Я весьма признателенъ Французскому правительству за то что оно не сочло политическими преступленіями послѣднія злодѣянія совершенныя въ Лондонѣ“. Начальникъ лондонской полиціи говорилъ о недавнемъ взрывѣ въ желѣзнодорожномъ вокзалѣ *Victoria Station* и о неудавшихся взрывахъ въ трехъ другихъ вокзалахъ кои должны были послѣдовать одновременно съ первымъ. Не странно ли что это изъявленіе благодарности лондонской полиціи дѣлается въ то самое время когда, подъ ея покровительствомъ, еще живутъ въ Лондонѣ и пользуются всѣми льготами, пишутъ статьи въ журналахъ и нагло исповѣдуютъ свой образъ мыслей убійцы какъ Кратковскій зарѣзавшій Мезенцова?

Истинное зло, эти софисты нашего времени, такъ-называемые юристы и другіе доктринеры, которые, подъ флагомъ науки, въ качествѣ жрецовъ ея, проповѣдуютъ измышленія и словосплетенія не имѣющія ничего общаго съ наукой въ истинномъ смыслѣ этого слова, не выдерживающія серіозной критики и служащія только прикрытіемъ для политическихъ интригъ. Но если одни правительства пользуются произвольными отвлеченностями софистовъ для прикрытія своихъ интригъ, то другія наивно слѣдуютъ ихъ мудрости, считая ее непреложною,—и изъ одной ямы поладаютъ въ другую...

Еще въ 1879 году въ засѣданіи „Института Международнаго Права“, бывшемъ въ Брюсселѣ, швейцарскій юристъ Броше предложилъ слѣдующую формулу для статьи международнаго закона о политическихъ преступленіяхъ: „1) Политическіе преступники должны пользоваться правомъ убійства... 2) дѣяніе получаетъ политическій характеръ когда оно направлено противъ верховенства государства, *противъ тѣхъ учреждений, собраній и лицъ, которыя олицетворяютъ это верховенство и чрезъ которыя оно дѣйствуетъ*“. Такимъ образомъ, по мнѣнію мудраго швейцарскаго законодателя, каждый злодѣй убившій лицо имѣющее несчастіе служить такъ или иначе своему правительству пользуется покровительствомъ международнаго кодекса если только убійцѣ удалось убѣжать за границу и лопастъ такимъ образомъ въ сферу дѣйствія этого благодѣтельнаго кодекса!

Отвлеченности этихъ софистовъ международнаго права всегда почему-то гармонировали съ рѣшеніями двулчныхъ политиковъ въ данныхъ случаяхъ. Чрезъ полгода послѣ того какъ Брюссельскій съѣздъ международныхъ юристовъ объявилъ вѣтъ закона главу государства и всѣхъ служащихъ законному правительству, Франція отказала Россіи въ выдачѣ Гартмана. И когда злодѣи перешагали Ламаншь, то Англійское правительство на вопросъ о выдачѣ отвѣчало отказомъ ссылаясь на *священное* право убійца, и сплывило Гартмана въ Америку, гдѣ уже готовилось главное дело международныхъ убійць, съ которыми теперь приходится ей самой раздѣляться...

Времена измѣнились, измѣнились и взгляды. То что считалось за *privilegia odiosa* „колосса съ глиняными ногами“ стало понемвогу чумой всѣхъ европейскихъ государствъ, безъ различія образа правленія. Въ старой пристанедержательницѣ „политическихъ“, убійць въ Англии, и въ управляемой „самодержавнымъ народомъ“ третьей республикѣ, дрогнули „либеральные правители“ отъ динамитныхъ взрывовъ.

Сразу измѣнились точки зрѣнія: чужая бѣда стала своей. Англія ввела у себя упраздненное въ Россіи „третье отдѣленіе“, а Французская республика, не довѣряя суду присяжныхъ, передала суду исправительной полиціи заправителя динамитной политики Кралоткина и посадила въ тюрьму французскую Вѣрочку Засуличъ, Луизу Мишель.

Пережѣва во взглядахъ снова обнаружила трогательную солидарность политиковъ и юристовъ: эти послѣдніе наши уже возможнымъ признать человѣческія права даже за служащими своему правительству и постановить что „цареубійство должно считаться безспорнымъ челоѣкоубійствомъ“. Собранный въ новое засѣданіе „Институтъ Международнаго Права“ постановилъ (въ 1881 году въ Оксфордѣ) что *„дѣйствія представляющія въ себѣ черты общихъ преступленій (убійства, поджога, кражи) не должны покрываться невыдачей въ силу лишь политическаго мотива ихъ совершителей“*. Но тутъ же была сдѣлана оговорка гарантирующая международную справедливость суда надъ выданными: „выдача за дѣянія носящія характеръ преступленій политическихъ... должна послѣдовать не иначе какъ по полученіи отъ требующаго оной государства утѣренія въ томъ что выданный не будетъ судимъ чрезвычайнымъ судомъ“.

Но эти постановленія, кои по характеру своему могутъ быть названы средними (между здравомысліемъ и недѣлюстію), подписывались учеными юристами (въ томъ числѣ и двумя русскими профессорами) въ то время когда засѣдалъ въ Лондонѣ съѣздъ членовъ интернаціоналки, но когда еще только обсуждались мѣры необходимыя для перестройки міра динамитомъ. Когда же наконецъ на собственной шѣ всѣ понемногу испытали благо международной свободы совершать злодѣянія, когда пришлось ставить караулъ къ зданію парламента въ Лондонѣ, пускать кавалерію въ атаку на площади Думы въ Парижѣ, когда дѣятели *Черной Руки* стали кинжалами вводить новый образъ мыслей въ населеніи лодовины Исландіи и когда даже въ благополучной Австро-Венгріи подверглись „казни по постановленію комитета“ агенты правительства, то вотъ наконецъ начались переговоры о санитарныхъ мѣрахъ обязательныхъ для всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и Англія, какъ слышно, предлагаетъ даже устроить международную сыскную полицію.

Иностранная печать, такъ долго издѣвавшаяся надъ нами по поводу приладокъ этой *черной немоты*, нынѣ смущенно сообщаетъ о переговорахъ между Англіей, Австріей, Германией и Франціей о взаимныхъ мѣрахъ для борьбы съ революціонерами всѣхъ видовъ, и о томъ что Италія требуетъ отъ Швейцаріи изгнанія Руиса Сорильи изъ ея предѣловъ. Если эти переговоры ведутся на самомъ дѣлѣ, то надо надѣяться что и гг. международные юристы, не только иностранные, но и наши русскіе, окажутся попрежнему солидарными во взглядахъ съ политиками, и найдутъ возможнымъ измѣнить кое-что въ законахъ изданныхъ ими въ Брюсселѣ и Оксфордѣ, пусть только юристы-интернаціоналы потрудятся сойти на время съ высотъ своихъ доктринахъ и возьмутъ себѣ въ руководство простой здравый смыслъ. По ихъ ученію, препятствіемъ къ отмѣнѣ разбойничьяго права убійщика является будто бы слѣдующее соображеніе: „выдача политическаго преступника государству въ которомъ совершено преступленіе означало бы вмѣшательство во внутреннія дѣла этого государства и оказаніе помощи той политической партіи которая въ данный моментъ стоитъ во главѣ правленія, на что никто не имѣетъ права“. Дѣйствительно, таковымъ представляется вопросъ съ точки зрѣнія несуществующаго международного кодекса, но съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла дѣло представляется иначе.



Отдали ли себѣ отчетъ эти софисты въ томъ, напимѣрь, какая партія находится во главѣ правленія въ Россіи? Можно ли примѣнить къ Россіи, хотя въ какой-либо степени, это ученіе о партіяхъ? Партіей заслуживающею уваженіе и имѣющею болѣе или менѣе право считать себя законною, можно признать только такую которая была когда-нибудь во главѣ своего государства и вслѣдствіе превратностей счастія утратила свое положеніе, но сохранила свои притязанія которыя поддерживаются частію народа. Таковы, напимѣрь, партіи легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ, даже социалистовъ и анархистовъ во Франціи, которая пережила столько кризисовъ и видѣла всѣ эти партіи во главѣ своихъ дѣлъ. Но гдѣ русскіе претенденты? Гдѣ партія въ Россіи, которая была во власти и имѣла бы хотя тѣнь законности? Революціонное въ ней движеніе направлено не противъ какой-либо правительственной партіи, случайно захватившей власть, но противъ самого государства, противъ народа Русскаго, и оказывать поддержку злоумышленникамъ, ознаменовавшимъ себя злодѣяніями значитъ способствовать врагамъ Россіи: допустимо ли это со стороны державъ съ нею не воюющихъ, но якобы дружественныхъ и союзныхъ? Это, по меньшей мѣрѣ, то же самое что покровительствовать военной контрабандѣ. Чѣмъ это лучше исторіи съ *Алабамой*?

Но и говоря вообще, не болѣе ли вмѣшательства во внутреннія дѣла государства заключается въ невыдачѣ нежели въ выдачѣ такъ-называемыхъ политическихъ преступниковъ, если преступленіе ихъ есть не просто ересь мнѣнія, а *злодѣяніе осуждаемое законами цѣлаго міра*? Въ этомъ отношеніи пусть бы дипломаты руководились сужденіями по крайней мѣрѣ болѣе серьезныхъ изъ юристовъ, какъ напимѣрь г. Рено, бывшій докладчикъ на собраніи „Института Международнаго Права“ въ Оксфордѣ. Г. Рено говоритъ: „Я не допускаю чтобы преступленіе становилось политическимъ только отъ дѣла или вслѣдствіе политической страсти руководившихъ преступникомъ... *Зачѣмъ политической страсти придавать болѣе значенія чѣмъ всякой другой, быть-можетъ не менѣе ея извинительной? Съ точки зрѣнія юридической не существуетъ политическаго убійства, такъ же какъ и нѣтъ убійства жстительнаго, корыстолюбиваго и т. п. Дѣяніе остается тѣмъ же самымъ при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось“.*

Такова *юридическая* точка зрѣнія юриста по крайней мѣрѣ не отрицающаго правъ здраваго смысла. Если желательна статья на точку зрѣнія *политическую*, то и въ этомъ отношеніи г. Рено не сорится со здравымъ смысломъ. „Въ интересѣ всѣхъ честныхъ людей, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, къ какой бы странѣ или партіи они ни принадлежали, противустоятъ и въ этомъ отношеніи (въ сферѣ „политическихъ“ преступленій) печальному правилу будто цѣль можетъ оправдывать средства. Словомъ, истинные патріоты и политическіе дѣятели сами должны стараться о томъ чтобъ ихъ не смѣшивали съ обыкновенными преступниками, для которыхъ политическія идеи не болѣе какъ маска.“

## VI.

№ 69 Моск. Вид.

Въ Вѣскомъ рейхсратѣ уже нѣсколько дней продолжаются пренія о бюджетѣ на 1884 годъ. Общія пренія не окончались интересомъ и продолжались всего два дня; но затѣмъ палата приступила къ обсужденію бюджета по статьямъ и теперь разсматриваетъ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ. Бюджетныя пренія, въ особенности вотированіе кредитовъ на центральное управленіе, регулирующее всю политику правительства, всегда служили поводомъ къ рѣзкой критикѣ образа дѣйствій правительства и къ указанію на всѣ его слабыя стороны. На этотъ разъ бюджетныя пренія идутъ довольно вяло, вѣроятно потому что гг. депутаты услѣли наговориться при обсужденіи предложенія графа Вурмбрандта о признаніи нѣмецкаго языка „государственнымъ“ и во время преній о „чрезвычайныхъ мѣрахъ“ къ коимъ прибѣгло правительство для подавленія анархистскаго движенія.

Вниманія заслуживаетъ только рѣчь галицкаго депутата г. Кулачковскаго, наглядно пояснившаго что слѣдуетъ разумѣть подъ такъ-называемою „равноправностью народовъ“ въ Австріи и свободой религіи въ этой осчастливленной конституціоннымъ режимомъ многоязычной имперіи. „Положеніе дѣлъ въ нашей странѣ, говорилъ г. Кулачковскій, поскольку оно касается моихъ единоплеменниковъ, не только не улучшилось, но стало гораздо хуже. Галицкій сеймъ превратился въ сеймъ польскій; постоянная коммиссія завѣдующая дѣлами когда сеймъ не засѣдаетъ состоитъ *исключительно* изъ

Поляковъ. Очевидно, за трехмилліоннымъ Русскимъ народомъ признается только одно право—нести тяжесть государственныхъ повинностей. Даже при выборѣ общинныхъ властей (Bezirksvertretungen) права наши совершенно не признаются, какъ это наглядно доказываетъ тотъ фактъ что въ Туркѣ не было новыхъ общинныхъ выборовъ съ 1874 года по той простой причинѣ что большинство населенія Русскіе. Высшія областныя должности находятся исключительно въ польскихъ рукахъ, при министерствахъ нѣтъ ни одного высшаго чиновника изъ Русскихъ. Польскіе іезуиты все еще владѣютъ Добромиловскимъ монастыремъ и его имѣніями, и чувствуютъ себя повидимому такъ хорошо что собираются захватить и другіе монастыри наши. Это имъ вѣроятно и удастся, ибо наши епископы такъ напуганы что не осмѣиваются сопротивляться іезуитамъ.“ Далѣе, г. Кулачковскій обстоятельно разъясняетъ что іезуиты, командированные въ послѣднее время въ значительномъ числѣ, въ Восточную Галицію, поставили себѣ цѣлью колонизовать и окончательно уничтожить галицкихъ Русскихъ, чего нельзя де ни въ какомъ случаѣ согласовать съ „эрой примиренія“ провозглашенной при вступленіи нынѣшняго Австрійскаго кабинета въ должность.

Охарактеризовавъ положеніе униатской церкви въ Галицію, русскій депутатъ перешелъ къ такъ-называемой „равноправности языковъ“ въ Австріи. Въ какомъ положеніи находится эта пресловутая равноправность, это нагляднѣе всего показываетъ тотъ фактъ что на три милліона Русскихъ въ Галиціи имѣется всего *одно* среднее учебное заведеніе съ русскимъ (мѣстнымъ) преподавательнымъ языкомъ. „Гоненія коимъ подвергается наша церковь и нашъ языкъ, говорилъ г. Кулачковскій, достигли такихъ размѣровъ что насъ не могло предохранить отъ преслѣдованія даже благопріятное для насъ постановленіе высшаго имперскаго суда, которое мы выхлопотали съ трудомъ. Во Львовскомъ университетѣ, гдѣ, согласно закону, въ случаѣ знакомства профессора съ обоими областными нарѣчіями, онъ долженъ преподавать на томъ языкѣ въ пользу коего выскажется большинство слушателей, профессору педагогики на богословскомъ факультетѣ (Русскому) было недавно приказано не смѣть читать лекцій ни на нѣмецкомъ языкѣ, ни на русскомъ, а непременно на польскомъ. И приказаніе это состоялось, несмо-

тра на то что изъ числа 94 слушателей только 17 Поляки, да еще въ числѣ послѣднихъ 15 отлично знаютъ русскій языкъ, между тѣмъ какъ изъ русскихъ слушателей 16 польскаго языка не понимаютъ. Когда слушатели, въ виду состоявшагося приказа, протестовали, имъ отвѣтили что постановленіе профессорской коллегіи должно пока остаться въ силѣ, и что лишь въ будущемъ будетъ рассмотрѣнъ вопросъ нельзя ли параллельно съ польскою кафедрой педагогики (sic) учредить еще и русскую. Вотъ какова у насъ *равноправность*."

Недавно окончившійся пресловутый процессъ галицкихъ Русскихъ обвиненныхъ Поляками въ „государственной измѣнѣ“ обнаружилъ де что въ Галиции не имѣютъ ни малѣйшаго значенія ни личная свобода, ни свобода печати, ни свобода совѣсти, ни неприкосновенность домашняго очага, ни тайна частной переписки; все это не имѣетъ никакого значенія когда обвиняются лица принадлежащія къ племени *порабощаемому и презираемому* (das geknechtet und geächtet wird).

Г. Кулачковскій подробно разобралъ пресловутый Львовскій процессъ и прямо заявилъ что „теперь, по окончаніи процесса, очевидно что обвиненные люди ни въ чемъ не провинились, что большинство ихъ оказало престолу и государству несомнѣнныя услуги, и что всѣ они люди въ высшей степени честные“. Весь процессъ, говоритъ г. Кулачковскій, велся незаконно и пристрастно; въ числѣ присяжныхъ не было ни одного Русскаго; судьи были всѣ безъ исключенія Поляки; предсѣдатель незаконнымъ образомъ отказалъ въ правѣ защиты русскому защитнику; жалобы его на беззаконіе остались безо всякихъ послѣдствій; мало того, его привлекли къ отвѣтственности за оскорбленіе якобы нанесенное предсѣдателю суда, но затѣмъ пришлось оправдать его, чѣмъ косвенно подтвердилось что обвиненія русскаго защитника противъ Поляка-судьи были вполнѣ основательны. Приговоръ однако остался въ силѣ, и невинно осужденные не были помилованы такъ какъ, чувствуя себя вполнѣ правыми, они конечно *не могли*, въ виду всеобщаго къ нимъ сочувствія, просить о помилованіи. Въ заключеніе г. Кулачковскимъ было выставлено на видъ что Русскій народъ въ Австріи *никогда* не измѣнялъ своему вѣрнопоподанному долгу, и что преслѣдовать его выдающихся вождей есть поэтому тѣмъ болѣе непростительная несправедливость.

Речь русского депутата, как видно из отчетов венских газет, была встречена весьма сочувственно немецкою централистскою партией, но правительственное большинство и самъ „примиритель национальностей“, графъ Таафе, постоянно трактующій о равноправности, какъ и слѣдовало ожидать, остались совершенно спокойны, находя вѣроятно что преслѣдованіе русской народности вполнѣ соотвѣтствуетъ „славянскому“ характеру новой Австріи. Отвѣтъ австрійскаго премьера на рѣчь депутата Кулачковскаго весьма своеобразенъ. Такъ какъ г. Кулачковскій выступилъ со своими жалобами въ то время какъ обсуждался бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то графъ Таафе, забывъ о своемъ премьерствѣ и отвѣтственности лежащей на немъ за дѣйствія всѣхъ министровъ, спокойно заявилъ что „въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ департамента который вѣдалъ бы дѣйствія іезуитскаго ордена“, и что онъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ не можетъ слѣдовательно дать отвѣтъ на обвиненія г. Кулачковскаго. Отвѣтъ этотъ, конечно, никого не удовлетворилъ, но большинство рейхсрата, въ коемъ выдающуюся роль играютъ Поляки, спокойно приняло его къ свѣдѣнію. Удивительно ли что при такомъ сильномъ влияніи польской партіи въ сосѣдней намъ державѣ, польская „справа“ начинается и у насъ поднимать голову?...

Моск. Вѣд. № 87.

Не разъ приходилось намъ указывать на гоненія коимъ подвергается галицкій Русскій народъ отъ Поляковъ именно въ то время когда Австрійское правительство выставило своимъ девизомъ „равноправность“ и „примиреніе всѣхъ национальностей Австріи“. Усиленная колонизація русскихъ населеній Галиціи заботитъ насъ потому что она не можетъ не отражаться и въ сосѣднихъ съ Австріей русскихъ провинціяхъ, гдѣ „справа“ преслѣдуетъ тѣ же цѣли. Упомянутая во вчерашнемъ номерѣ нашей газеты статья *Северно-Германской Газеты* характеризуетъ положеніе принятое Прусскимъ правительствомъ по отношенію къ польскимъ стремленіямъ возстановить „Польшу отъ моря до моря“. Отъ Прусскаго правительства не ускользнуло что польское движеніе въ послѣднее время усилилось (отчасти благодаря и нашей политикѣ), и Прусское правительство рѣшилось при-

нять энергическія мѣры противъ агитаціи которая стремится прежде всего къ тому чтобы вовлечь Германію и Австрію въ столкновение съ Россіей и нарушить европейскій миръ. Это не худо бы принять къ свѣдѣнію руководителямъ внутренней политики Австріи которые могутъ очутиться въ антагонизмъ съ австрійскимъ же министерствомъ иностранныхъ дѣлъ...

Одержавъ побѣду на полприщѣ чисто политическомъ, вытѣснивъ представителей трехмилліоннаго Русскаго народа изъ сейма и устранивъ ихъ отъ участія въ управленіи, Польша въ послѣднее время обратила особенное вниманіе на униатскую церковь, и при помощи выписанныхъ изъ Рима іезуитовъ стараются окончательно олатынить ее. Планъ польской справы въ данномъ случаѣ весьма простъ: она одиѣ за другимъ отбираетъ русскіе монастыри у униатскаго духовенства и передаетъ ихъ іезуитамъ. Прежде другихъ былъ взятъ іезуитами униатскій монастырь въ Добромилѣ гдѣ іезуиты кстату захватили и найденные тамъ 200.000 гульденовъ. При униатскихъ монастыряхъ находились такъ-называемые „новиціаты“ гдѣ обучались будущіе униатскіе священники: теперь дѣло воспитанія униатскаго духовенства перейдетъ въ руки іезуитовъ и „змартвыхъстанцевъ“.

Протесты противъ захвата перваго униатскаго монастыря не повели ни къ чему. Какъ бы въ насмѣшку надъ охраняемою конституціей „религіозною свободой“ министръ-президентъ графъ Таафе заявилъ въ палатѣ депутатовъ что онъ не можетъ ничего сдѣлать противъ этого захвата іезуитами униатскихъ монастырей, и вотъ уже получено извѣстіе что въ ихъ руки перейдетъ въ скоромъ времени и другой значительный униатскій монастырь. Захватъ этой русской святыни, по словамъ издаваемого во Львовѣ *Слова*, есть дѣло рѣшенное. Въ виду вліянія коимъ теперь пользуется въ Австріи польская партія, русскія требованія не могутъ разчитывать на поддержку правительства. Не помогутъ тутъ и жалобы въ Римѣ, какъ замѣчаетъ львовское *Слово*. „Придерживаясь униі, лишеть этотъ русскій органъ въ Галиціи, мы признаемъ болѣе семи вселенскихъ соборовъ; мы признаемъ и 22й Ватиканскій соборъ утвердившій *панскую непогрѣшимость*; ео ірво и рѣчи быть не можетъ чтобы наши монахи выступили предъ куріей съ протестомъ... Въ Римѣ всѣ подобныя дѣла рѣшаетъ генераль іезуитовъ“. *Слово* предлагаетъ

собраться всему русскому духовенству послѣ Пасхи на соборъ и составить протестъ противъ „насилій римскихъ“, подобно тому какъ Римъ протестуетъ противъ оскорбителей его свѣтской власти. „Если этотъ протестъ не поможетъ, говорить въ заключеніе газета, есть у насъ слово отъ котораго убѣгаетъ нечистая сила. Это слово—*православіе*“...

Положеніе дѣлъ въ Галиціи хорошо характеризуется въ аппелляціи священника Наумовича къ папѣ Льву XIII, которая въ существенномъ извлеченіи сообщена нами въ №№ 66 и 67 *Московскихъ Вѣдомостей*.

## VII.

*Моск. Вѣд. № 68.*

Въ то самое время когда Австро-Венгрія ищетъ дружбы Россіи, офиціозный органъ господствующей въ Венгріи партіи, *Пейтскій Ллойдъ*, старается доказать—не то что опасно довѣряться Россіи, нѣтъ, наоборотъ, что Россія не должна довѣрять Австро-Венгріи, которая не упускала случая вредить Россіи и мѣшать ей во всемъ. Мы останавливаемся иногда предъ нашими домашними аномаліями, но что можетъ быть страннѣе этого явленія? Политическій органъ заботится о томъ чтобы возбудить въ соседней державѣ, съ которою его страна желаетъ быть въ дружбѣ, недоувѣріе и неприязнь къ ней. *Пейтскій Ллойдъ* предостерегаетъ насъ отъ своей дружбы, напоминая намъ все зло которое причинила намъ Австро-Венгрія, съ похвальбой ставя на видъ всѣ помѣхи, затрудненія и опасности которыя создавала намъ ея политика, объясняя всѣ наши неудачи ея зложелательствомъ, и съ гордостію оспаривая у другихъ лавку въ этомъ отношеніи. Не Англія или другая какая-либо держава, но именно Австро-Венгрія была де виной того что кровь пролитая Россіей, по мнѣнію *Пейтскаго Ллойда*, пролита ею безъ пользы для себя, что Россія не достигла своихъ цѣлей, что принесенныя ею жертвы не окупились, что ея побѣды не увѣнчались торжествомъ. Одна Англія со своимъ флотомъ, по собственному признанію *Пейтскаго Ллойда*, не могла бы задержать побѣдоноснаго шествія русскихъ войскъ и вступленія ихъ въ Константинополь, но Россія хорошо де понимала что вступленіе въ Царьградъ было бы равносильно открытому разрыву съ Ав-

стро-Венгріей, а начинать новую войну со свѣжимъ непріятелемъ, располагающимъ многочисленною и хорошо организованною арміею, Россія была де не въ состояніи, тѣмъ болѣе что не могла разчитывать на содѣйствіе Сербовъ и Румынь. Таковъ смыслъ статьи недавно появившейся въ *Пештскомъ Ллойдъ*, которая произвела сенсацию и стала предметомъ многихъ толковъ. Статей этой сама газета придаетъ особое значеніе, сопровождая ее замѣчаніемъ что она доставлена въ редакцію лицомъ особенно въ этомъ вопросѣ свѣдущимъ и компетентнымъ (*hierzu ganz besonders befähigt und berufen*), быть-можетъ даже графомъ Андраши, которому, какъ говорятъ, *Пештскій Ллойдъ* служить непосредственнымъ органомъ. Но все что въ этой статьѣ сказано, всѣ ея разоблаченія не новость; все это давно извѣстно. Разоблачать то что открыто, нѣтъ надобности. Не было ни малѣйшей надобности доказывать что политика Австро-Венгріи и предъ началомъ, и во все продолженіе, и по окончаніи нашей войны съ Турціей, была намъ враждебна. Это не требуетъ доказательствъ; всякой враждѣ съ этой стороны можно повѣрить на слово. Только для чего было напоминать намъ объ этомъ теперь, когда Австро-Венгрія, дѣйствительно, нуждается въ сближеніи съ Россіей?

Но если зложелательство австро-венгерской политики относительно Россіи не нуждалось въ разоблаченіяхъ, то похвальба будто Австро-Венгрія болѣе чѣмъ какаяд-либо другая держава помѣшала Россіи въ ея замыслахъ, оказывается напрасною. Россія, предпринимая войну, не имѣла никакихъ замысловъ и вовсе не думала о разрѣшеніи Восточнаго вопроса, а потому никто и похвалиться не можетъ услѣпшимъ ей противодѣйствіемъ. Россія была втянута въ войну своею дипломатіей, которая, вмѣсто того чтобы, благодаря тогдашнимъ своимъ добрымъ отношеніямъ къ Портѣ, уладить дружескими соглашеніемъ съ нею первыя возникшія на Балканскомъ полуостровѣ смуты, которыя явно поджигались постороннею рукою, дѣлала изъ нихъ европейскій вопросъ, и шагъ за шагомъ, возбуждая тщеславнымъ шумомъ европейскихъ манифестацій все новыя и новыя волненія на Балканскомъ полуостровѣ, очутилась въ концѣ концовъ наединѣ съ раздраженною и озлобленною Турціей. Что Россія не имѣла въ виду не только разрѣшенія Восточнаго вопроса и разгрома Турціи, но и какого бы то ни было вооруженнаго столкновенія съ нею, это тоже не требуетъ доказательствъ. Россія не готови-



лась къ войнѣ. Война застигла ее врасплохъ: значить, она не хотѣла войны. Возможно ли было предпринимать войну при тѣхъ замыслахъ какіе намъ приписываетъ „особенно къ тому призванный“ важный политическій персонажъ, не сдѣлавъ никакихъ къ тому приготовленій, не вооружившись должнымъ образомъ, не мобилизовавъ армію въ числѣ сколько-нибудь достаточномъ для наступательной войны? Кто повѣритъ что съ полуторастатысячною арміей, безъ резервовъ и эшелонированныхъ подкрѣпленій можно предпринимать разрѣшеніе Восточнаго вопроса и помышлять о завладѣніи Константинополемъ? Еще можно было разчитывать что-нибудь сдѣлать съ такими силами лишь при быстромъ наладеніи, не давая противнику изготавиться и вооружиться; но наши мобилизованныя войска оставались въ продолженіе семи мѣсяцевъ безъ движенія и были достаточно многочисленны для того чтобы побудить Турцію, въ теченіе этого времени, собраться со всѣми своими силами и при помощи Англіи крѣпко вооружиться. Когда война была объявлена и наша демонстративная армія перешла черезъ Дунай, предполагалась военная прогулка, а не война. Ожидали что Турція послѣ первыхъ успѣховъ нашего оружія немедленно согласится на наши скромныя требованія. Наша маленькая армія разсѣялась на огромномъ пространствѣ, такъ что для движенія впередъ могъ выдѣлиться только летучій десяти тысячный отрядъ. Армія Османъ-паши закопанная подъ Плевной была для насъ роковою неожиданностію, и только съ этой минуты началась серьезная война; стоившая намъ много крови, но увѣнчавшаяся блистательными побѣдами; только съ этой минуты мы убѣдились въ необходимости усилить численность нашей арміи и притянуть новыя войска, на что потребовалось не мало времени. По взятіи Плевны дѣла пошли быстро, и мы дѣйствительно могли бы овладѣть Константинополемъ, могли бы даже, еслибы мы были одушевлены рѣшимостію которая творить чудеса, покончить съ этимъ столь долго тяготѣвшимъ надъ Европой Восточнымъ вопросомъ; но это было бы экспромптомъ, случайностію, которая не могла входить ни въ какіе разчеты. Послѣ разгрома всѣхъ турецкихъ армій, когда наши войска находились уже въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Проливовъ, мы могли бы, еслибы захотѣли, зажечь весь Балканскій полуостровъ и поднять на ноги всѣ его народы прежде чѣмъ разрознили ихъ Савъ-Стефанскимъ трак-

татомъ, „и тогда свѣжая, хорошо организованная“ австрійская армія не была бы намъ такъ страшна...

Но если мы въ военномъ отношеніи не были готовы къ тѣмъ отважнымъ замысламъ которые намъ приписываютъ и въ которыхъ могущественною помѣхой намъ якобы явилась Австро-Венгрія, то мы еще менѣе были готовы для чего-либо подобнаго въ дипломатическомъ отношеніи. Можно ли думать что мы замыслили столь рѣшительную войну не обезпечивъ своего фланга, не вступивъ ни въ какія соглашенія, не подумавъ даже объясниться съ ближайшею къ намъ во всѣхъ отношеніяхъ державой, съ Германіей, которая устами своего канцлера неоднократно приглашала насъ къ тому. Мы такъ мало заботились объ этомъ что въ Берлинѣ узнавали о нашихъ дѣйствіяхъ когда они были уже faits accomplis.

Итакъ, мы остаемся въ неизвѣстности какая была цѣль мнимыхъ разоблаченій появившихся въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, и для кого они дѣлались. Не хотѣлъ ли вдохновитель этой газеты выставить заслуги Австро-Венгріи предъ Европой, и специально предъ Германіей? Но если это заслуга, то едва ли положеніе Габсбургской монархіи таково чтобъ ей можно было считать выгодными для себя эти заслуги и хвалиться ими... Статья *Пештскаго Ллойда*—точно голосъ изъ могилы. У живыхъ людей какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, телерь совсемъ иное на умѣ...

Моск. Вѣд. № 73.

Интимный характеръ отношеній установившихся между Россіей и Германіей продолжаетъ служить предметомъ толковъ и разсужденій во всей европейской печати. Удивляться этому нечего при томъ значеніи какое объ эти державы имѣютъ въ европейской системѣ. Что печать англійская и французская отнеслись къ этому сближенію не столь сочувственно, этому тоже мы не удивляемся зная, съ одной стороны, традиціонное недовѣріе Англичанъ къ Россіи, а съ другой, неслабѣющую ненависть французскихъ патріотовъ къ Германіи. Болѣе странно должно казаться тотъ фактъ что въ сосѣдней намъ Австро-Венгріи, состоящей съ Германіей въ союзѣ, а съ нами, какъ извѣстно, въ дружбѣ, раздаются протесты противъ сближенія Россіи съ Германіей. Слѣдующимъ оговорится: собственно въ Австріи (въ Цислейтаніи) тонъ газетъ какъ официальныхъ такъ въ особенности оппозицион-

ныхъ, сталь относительно Россіи нѣсколько дружелюбнѣе (мы конечно не говоримъ о польскихъ газетахъ), но за то венгерская печать, въ особенности патрониремый нѣкоторыми эксъ-дипломатами *Пештскій Ллойдъ*, лѣзутъ изъ кожи чтобы доказать какъ вредно для Австро-Венгріи сближеніе съ Россіей, и какъ ошибочна политика лицъ управляющихъ въ настоящее время иностранными дѣлами Габсбургской имперіи. Если принять къ свѣдѣнію что австро-венгерская печать вообще предпочтаетъ выставлять свои иностранныя дѣла болѣе въ веселомъ свѣтѣ чѣмъ въ печальномъ, то пессимизмъ офиціозной пештской газеты въ данномъ случаѣ можетъ показаться страннымъ если только—мы говоримъ конечно только гадательно—тутъ не играетъ роли личная интрига...

Коснувшись „разоблаченій“ *Пештскаго Ллойда* о роли сыгранной австрійскою дипломатіей въ 1877—78 годахъ, мы вскользь высказали предположеніе что авторъ этихъ „разоблаченій“ не кто иной какъ бывшій австро-венгерскій канцлеръ, графъ Андраши. При этомъ мы основывали свое замѣчаніе не на редакціонной замѣткѣ *Ллойда* что печатаемая имъ статья написана лицомъ „особенно компетентнымъ и свѣдущимъ“, а на самомъ содержаніи статьи, цѣль коей была очевидно выставить въ наилучшемъ свѣтѣ политику бывшего канцлера. Наша догадка подтвердилась косвенно, съ одной стороны, офиціознымъ опроверженіемъ самого *Ллойда* объ авторствѣ графа Андраши, а съ другой, тѣмъ что и большинство иностранныхъ газетъ также приписали „разоблаченія“ *Ллойда* перу эксъ-канцлера.

Но еслибъ эти улики сами по себѣ были недостаточны, то новая статья того же *Пештскаго Ллойда*, трактующая о сближеніи Россіи съ Германіей и Австро-Венгріей, должна разсвѣять всякія сомнѣнія. Выраженными въ ней взглядами руководился графъ Андраши въ свое управленіе иностранными дѣлами Австро-Венгріи. Это очевидно для всякаго слѣдящаго даже поверхностно за иностранною политикой и не нуждается ни въ какихъ дипломатическихъ „разоблаченіяхъ“.

Последняя статья *Пештскаго Ллойда* написана по поводу заявленій сдѣланныхъ венгерскимъ министромъ-президентомъ въ палатѣ депутатовъ. Изъ рѣчи г. Тусы офиціозная газета освѣдательно заключаетъ что сближеніе Россіи съ Германіей и Австро-Венгріи съ Россіей есть *fait accompli*. Газе-

та высказываетъ это заключеніе такъ торжественно что можно подумать будто она только теперь прозрѣла. Но принять такой тонъ было нужно для того чтобы тѣмъ строже относиться къ политикѣ нынѣшняго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, не появившаго, по мнѣнію газеты, сущности заключеннаго графомъ Андраши Австро-Германскаго союза. „Въ нашей памяти, пишетъ *Пейтскій Ллойдъ*, еще живо сохранились тѣ залцдарныя фразы коими всего годъ тому назадъ отвергалась всякая мысль о возможности возобновленія союза трехъ императоровъ. Въ *исключительности* Австро-Германскаго союза состоитъ де залогъ его прочности; этою *исключительностію* обусловливается де его характеръ. Приступленіе Россіи къ союзу—такъ говорили тогда—внесло бы нѣчто совершенно новое, нѣчто совершенно неизвѣстное, что нарушило бы основную мысль союза (цѣлью коего, замѣтимъ въ скобкахъ, выставлялось *исключительно* сохраненіе теперь болѣе чѣмъ прежде обезпеченнаго мира); далѣе говорилось что *одобрительный* Австро-Германскій союзъ не можетъ вмѣстѣ въ себѣ наступательныхъ тенденцій Россіи.“ Теперь, по словамъ *Ллойда*, все измѣнилось. Даже если допустить что союзъ между Германіей и Австро-Венгріей есть „домоподвѣвающая политическая система Европы“, вокругъ коей группируются другія державы, то все-таки нельзя де никоимъ образомъ предположить что „80милліонная Русская держава съ ея огромными естественными богатствами и могущественною національною пропагандой (sic) будетъ вращаться *трабантомъ* вокругъ Австро-Германскаго союза, что она подчинится въ этомъ союзѣ специально *нашимъ* потребностямъ и интересамъ, и что наконецъ она не займетъ въ союзѣ мѣсто не только равное занимаемому Австріей, но даже выше ея“. Что Россія не будетъ „спутникомъ“ въ солнечной системѣ Австро-Венгріи, въ этомъ *Пейтскому Ллойдъ* мы не будемъ прекословить. Чего же опасается мадыарская газета? Предполагать что вступленіе Россіи въ союзъ не измѣнитъ этого союза, говоритъ она, было бы величайшею ошибкой, тѣмъ болѣе что Россія *встрѣтится въ группѣ союзныхъ державъ съ интересами гораздо болѣе близкими къ ея политикѣ чѣмъ къ нашей*“. Изъ этого газета выводитъ заключеніе что Австріи придется рано или поздно, и притомъ въ случаѣ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, „считаться съ тенденціями которыя совершенно чужды ея политикѣ“. Это „при

самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ“; о томъ что можетъ произойти при обстоятельствахъ „неблагоприятныхъ“, *Пештскій Ллойдъ* предпочитаетъ умолчать.

Изложивъ всё эти мысли, органъ графа Андраши въ концѣ концовъ открыто высказываетъ свою profession de foi: „нѣтъ, не въ *сближеніи* Россіи съ нами, а въ *полномъ ея изолированіи* усматриваемъ мы залогъ мира и обезпеченіе нашихъ интересовъ, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ, допустивъ (sic) сближеніе съ Россіей, повидимому пожертвовало и тѣмъ и другимъ“.

Куріознѣе всего то что, по мнѣнію *Пештскаго Ллойда* и его патроновъ, Австріи слѣдовало энергически протестовать (!) противъ сближенія Германіи и Россіи и что, по мнѣнію официозной газеты, „протестъ“ этотъ несомнѣнно увѣчался бы успѣхомъ. Какъ будто князь Бисмаркъ и Императорскій Россійскій Кабинетъ получаютъ инструкціи изъ Вѣны или Пешта! Такого наивнаго предложенія мы, признаться, не ожидали отъ газеты патронируемой столь „компетентными и свѣдущими“ людьми какъ бывшій австро-венгерскій канцлеръ.

---

При семъ № прилагается особое объявленіе для иногородныхъ подписчиковъ отъ торговаго дома ОЛЬГИ КОРЕЦЕНКО.

---



## ВЪ КОНТОРѢ

# ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

### ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

**ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ,** составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Аманьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылка за 5 фунтовъ.

**СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ.** Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

**НЮМА РУМЕСТАНЪ.** Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

**НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.** Романъ Чарлза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

**СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ.** Повѣсти и разказы. Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**МОЙ ВКЛАДЪ.** Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва. 1881. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

**ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.** Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей. Варооломея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 коп., выпускъ второй 75 к., I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 коп.

**НАБАБЪ.** Французскіе нравы Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА.** Романъ въ четырехъ частяхъ Ю. В. Жадовской. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

**МОГАРЪ МЛАДШІЙ.** Романъ Андрея Тѣріе. Переводъ съ французскаго. 1880. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

**КУРСКІЕ ПОРУБЕЖНИКИ.** Историческій романъ, соч. Влад. Маркова. Въ 3хъ частяхъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

**РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ** (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Володкаго. 1881. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

**КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ.** Романъ Антона Троллопа, въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

**ЛЕДИ АННА.** Романъ Антона Троллопа. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.** Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ.** Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

**ПАРИЖАНЕ.** Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

**ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА.** Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**НОВАЯ МАГДАЛИНА.** Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

**БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ.** Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ.** Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Второе изданіе. 1881. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**МОЯ МАТЬ И Я.** Романъ автора „Джона Галифакса“. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

**ВѢРА.** Повѣсть автора романа „Гостиница Семъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

**ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ.** Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

**ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.** Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

**ВОКРУГЪ ЛУНЫ.** Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

# П. ЮРГЕНСОНА,

МОСКВА, Неглинный Проездъ, № 10.

У И. ЮРГЕНСОНА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, 9.

**БОГУСЛАВЪ, Ф. В.** Другъ дѣтей. Сборникъ хорошихъ для Р. К. 3 и 4 женскихъ голосовъ съ аккомпаниментомъ фортепiano, партитура..... 3 —

Содержаніе: № 1. Верди. Ломбарды, хоръ страшиковъ. № 2. Верди. Луиза Миллеръ, хоръ народа. № 3. Россини. Карлъ Смѣлый, хоръ Швейцарцевъ. № 4. Россини. Семирамида, торжественный хоръ. № 5. Хоръ пажей изъ оперы Гамаель. № 6. Меркэданти. Каятва. № 7. Гучо. Фаустъ, вальсъ. № 8. Вагнеръ. Довгриши, свадебный хоръ. № 9. Вагнеръ. Тангейзеръ, хоръ страшиковъ. № 10. Моцартъ. Ave verum. № 11. Бендель. Прага. № 12. Абтъ. Ave Maria. № 13. Богуславъ. Русскіе цвѣточки, 1е полурии. № 14. Богуславъ. Маас-російскіе цвѣточки, 2е полурии. № 15. Бендель. Гимнъ.

**БУСЛЕРЪ, А.** Учебникъ формъ инструментальной музыки Р. К. 1, изложенный въ 33 задачахъ. Переводъ Н. Кашкина и С. Талъева..... 1 50

**СБОРНИКЪ ПЕСЬ И ЭТЮДОВЪ** составленныхъ по программѣ фортепiаннаго класса Московской Консерваторіи подъ редакціей проф. Н. Кашкина и П. Пабста.

## П К у р с ь:

Геллеръ, Ст. Этюды, ор. 45, тетр. I и II по..... — 75  
Лешгоръ. Этюды, ор. 66, тетр. II и III по..... 1 —  
**СИМОНЪ, А.** 20 мелодій для пѣнія ор. 12 и 14..... 3 —  
SIMON, A. Réveil de 20 mélodies, ор. 12 & 14..... 3 —

Содержаніе: № 1. Нева. La Néva. № 2. Воронъ и Ласточка. Le corbeau et l'hirondelle. № 3. Изгнанныкъ. L'émigré. № 4. Колыбельная пѣсня. № 5. Epithalame sur le mariage. № 6. Упрѣкъ. L'amoroso гімпрово. № 7. Отчего такъ плачешь. № 8. L'anneau brisé. № 9. Когда на небосклонъ. Non ti sono. № 10. Канцонетта. Canzonetta. № 11. Горныя вершины. № 12. Желаніе любви. Désir d'amour. № 13. Молитва. Ave Maria. № 14. Приди, Марія. O vieni, Marie. № 15. Воспоминаніе. № 16. O salutaris. № 17. Утренная серекада. Chanson. № 18. Марія. Marie. № 19. Сутки. Journée. № 20. Я пережилъ свои желанья.

**TSCHAIKOWSKY, P.**, ор. 9 & 1. Réverie, arr. p. Viol. av. Р. К. Piano par N. de Swett. .... — 70

**ЧАЙКОВСКИЙ, П.** Мазела. Опера въ 3 дѣйствіяхъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепiano. Полная опера 8 руб.

Отдѣльными номерами: Интродукція (увертюра) въ 2 руки, 70 коп. № 1. Хоръ дѣвушекъ и сцена, 50 к. № 2. Сцена, ариозо и дуэтъ, 80 к. № 3. Сцена, 40 к. № 4. Хоръ и пляска, 50 к. № 5. Сцена и ариозо, 40 к. № 6. Сцена ссоры, 2 р. № 7. Хоръ и притѣненіе матери, 30 к. № 8. Финалъ, 1 р. 40 к. № 9. Сцена изъ тюрьмы, 90 к. № 10. Монологъ Мазелы и сцена съ Оранкомъ, 50 к. № 11. Сцена Мазелы съ Маріей, 1 р. 20 к. № 12. Сцена появленія матери, 90 к. № 13. Народныя сцены, 80 к. № 14. Финалъ, 70 к. № 15. Антрактъ, 60 к. № 16. Сцена и арія, 60 к. № 17. Сцена и дуэтъ, 70 к. № 18. Сцена появленія безумной Маріи, 80 к. № 19. Финалъ, 1 р. 20 к. Полурии для фортепiano въ 2 руки, 1 р. 25 к. П. 2843.





## О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1884 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1884 году, стоить въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**. Принимается также подписка на 6 мѣсяцевъ **восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ** и на 3 мѣсяца **четыре рубля двадцать пять копѣекъ** съ пересылкой и доставкой.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германию, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

## О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1884 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1884 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

4884

**МОСКВА.**

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

на Страстномъ Бульварѣ.





10-



